



ЧЕЛОВѢКЪ и ЗЕМЛЯ

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ

Человѣкъ и Земля

Географія, по отношенію къ человѣку, не что иное, какъ Исторія въ пространствѣ, точно такъ же, какъ Исторія является Географіею во времени.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

НОВАЯ ИСТОРІЯ

Общины—Монархіи— Монголы, тюрки, татары и китайцы—Открытіе новыхъ земель—Возрожденіе — Реформація и іезуиты — Колоніи— Король-Солнце—XVIII вѣкъ

Переводъ съ французскаго, съ разрѣшенія автора, привалъ-доцента Имп. СПБ. Университета

П. Ю. ШМИДТА



ИЗДАНІЕ
БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. СПБ. Прачешный пер., д. № 6.

Оглавленіе.

Книга третья.—НОВАЯ ИСТОРІЯ.

(Продолженіе). Стр.

Списокъ чертежей и картъ.

Отдѣльныя карты.

Чертежи и карты въ текстѣ.

Списокъ чертежей и картъ

Списокъ рисунковъ въ текстѣ.

Списокъ рисунковъ въ текстѣ

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ

Человѣкъ и Земля

География, по отношенію къ человѣку, не что иное, какъ Исторія въ пространствѣ, точно такъ же, какъ Исторія является Географіею во времени.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

НОВАЯ ИСТОРІЯ

Общины—Монархіи— Монголы, тюрки, татары и китайцы—Открытіе новыхъ земель—Возрожденіе — Реформація и іезуиты — Колоніи— Король-Солнце—XVIII вѣкъ

Переводъ съ французскаго, съ разрѣшенія автора, приватъ-доцента Имп. СПБ. Университета

П. Ю. ШМИДТА



ИЗДАНІЕ
БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. СПБ. Прачешный пер., д. № 6.

Оглавленіе.

Книга третья.—НОВАЯ ИСТОРІЯ.

(Продолженіе). Стр.

Списокъ чертежей и картъ.

Отдѣльныя карты.

Чертежи и карты въ текстѣ.

Списокъ чертежей и картъ

Списокъ чертежей и картъ

Списокъ рисунковъ въ текстѣ.

Списокъ рисунковъ въ текстѣ

Списокъ рисунковъ въ текстѣ

Списокъ рисунковъ въ текстѣ

Списокъ чертежей и картъ

ОБЩИНЫ.

◆◆◆

Хронологія.

Конрадъ III, Гогенштауфенъ, былъ избранъ императоромъ германскимъ въ 1138 г. и провелъ значительную часть своего царствованія въ борьбѣ съ герцогами баварскими, Генрихомъ Гордымъ (умеръ въ 1140 г.) и его сыномъ Генрихомъ Львомъ.

Фридрихъ I, Барбаросса, род. въ 1123 г., по материнской линіи былъ родственъ Гвельфамъ и, по крайней мѣрѣ, въ Германіи, способствовалъ уменьшенію розни и несогласій между Гвельфами и Гибелинами; онъ наслѣдовалъ въ 1147 г. своему отцу въ качествѣ герцога Швабскаго и сопутствовалъ своему дядѣ Конраду III во второмъ крестовомъ походѣ. Императоромъ германскимъ онъ былъ избранъ въ 1152 г. и перешелъ первый разъ черезъ Альпы въ 1154 г., когда былъ коронованъ ломбардской короной, освободилъ Римъ изъ рукъ Арнольда и возстановилъ власть папы, заставивъ провозгласить себя императоромъ. Онъ взялъ Миланъ въ 1158 г., разрушилъ его въ 1162 г., затѣмъ былъ разбитъ въ битвѣ при Леньяно въ 1176 г. Раздосадованный неудачей своихъ шести походовъ въ Италію, онъ затѣмъ посвятилъ все остальное свое царствованіе Германіи, вплоть до того времени, когда отправился на Востокъ, откуда болѣе не вернулся.

Генрихъ VI Жестокій (1190—1198) вступилъ въ бракъ съ наслѣдницей норманскаго королевства Двухъ Сицилій; онъ былъ тюремщикомъ Ричарда Львинаго Сердца и разбилъ окончательно Гвельфовъ. Филиппъ, его братъ, боролся съ лжекоролемъ Оттономъ IV, сыномъ Генриха Льва, выставленнымъ противъ него папою, и былъ умерщвленъ въ 1208 г. Оттонъ IV царствовалъ затѣмъ одинъ; слѣдуя поневолѣ политикѣ своихъ предшественниковъ, онъ былъ отлученъ папою и умеръ послѣ пораженія при Бувинѣ въ 1214 г.

Фридрихъ II, сынъ Генриха VI, род. въ 1194 г., близъ Анконы. Онъ былъ союзникомъ французскаго короля въ битвѣ при Бувинѣ и занялъ тронъ Оттона IV въ 1218 г. Однако, съ самаго начала своей дѣятельности онъ былъ отлученъ отъ церкви папою (1222), не задолго до своего

Стр.

Списокъ чертежей и картъ.

Отдѣльныя карты.

Чертежи и карты въ текстѣ.

венно ко всему періоду, отдѣляющему паденіе Рима подъ ударами варваровъ отъ взятія турками Константинополя. Выраженіе это было, однако, изобрѣтено историками не въ томъ смыслѣ, какъ оно употребляется теперь: оно примѣнялось въ прежнія времена гуманистами для обозначенія того періода, когда писатели не употребляли классическихъ формъ разговорнаго языка, но выражали свои мысли, тѣмъ не менѣе, на латинскомъ языкѣ, т.-е. со временъ Цицерона до царствованія Константина. Именно съ точки зрѣнія этого латинскаго языка, считавшагося единственнымъ языкомъ, достойнымъ для выраженія мыслей, всѣ вѣка раздѣлялись на высшіе, средніе и низшіе,— къ послѣднимъ причисляли времена, когда латинскій языкъ сталъ забываться, имъ перестали пользоваться какъ обычнымъ письменнымъ языкомъ, и началось образованіе новыхъ языковъ [1]). Мало-по-малу, путемъ медленной эволюціи, въ употребленіи этихъ терминовъ историки стали соединять «средніе» и «низшіе» вѣка филологовъ и дѣлать изъ нихъ «средніе вѣка», въ настоящемъ значеніи этого термина, обозначающаго періодъ относительнаго мрака, разграничивающій два свѣтлыхъ періода въ развитіи мысли, подобно тому, какъ ночь разграничиваетъ два дня.

Вико въ своей книгѣ «Science Nouvelle» приводитъ средніе вѣка какъ примѣръ того возвращенія къ прошлому, которое совершается послѣ полнаго оборота цикла исторіи, обозначеннаго паденіемъ римской имперіи. По его мнѣнію, человѣчество начало заново свою жизнь, впавъ въ состояніе варваризма, аналогичнаго господствовавшему въ самыя древнія времена, какія только извѣстны намъ изъ преданій. Онъ считаетъ тожественными обѣ эти фазы развитія, указывая на сходство ихъ въ смыслѣ отдѣльныхъ чертъ жестокости и невѣжества. Онъ утверждаетъ даже, что въ эти «несчастныя» времена «вторичнаго варваризма» народы впали въ «безписьменность», такъ какъ въ теченіе многихъ вѣковъ мы не располагаемъ никакими письменными памятниками живыхъ языковъ, тогда какъ варварскій латинскій языкъ того времени понимался лишь незначительнымъ числомъ лицъ изъ духовенства [2]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что такое разграниченіе между «движеніемъ впередъ» классическаго періода и «движеніемъ назадъ» вѣковъ темноты и невѣжества далеко не было столь точнымъ, какъ это воображаетъ Вико; впрочемъ, для Западной Европы разграниченіе это соотвѣтствуетъ, во всякомъ случаѣ, исторической истинѣ. Что касается другихъ частей земного шара, въ особенности Аравіи, Персіи и Сиріи, —

---

1) Godfr. Kurth. Congrès Scientifique international des Catholiques, tenu à Fribourg en 1877.—2) Science Nouvelle, édit. franç. de 1844, pp. 373, 374.

странъ, которыя, будучи воодушевлены новою вѣрою и вдохновлены развитіемъ наукъ, искусствъ и литературы, неожиданно расцвѣли, то тѣ самые вѣка, которые у насъ были періодомъ полнаго мрака, были тамъ



Каѳедральный соборъ въ Перигэ.

вѣками яркаго свѣта. Настоящее «средневѣковье», т.-е. фаза регресса, страданія и кажущейся смерти, существовало лишь для христіанъ Европы и соотвѣтствовало тому періоду, въ теченіе котораго христіанство, въ формѣ римско-католической церкви, принималось безпрекословно всѣми западными народами, не вызывая ни протеста, ни возникновенія еретическихъ ученій.

Если такъ понимать средніе вѣка, то они начались, дѣйствительно, съ разрушенія римской имперіи варварами, со взятія Рима готами и вандалами, но, конечно, вовсе не продолжались до путешествія вокругъ Африки или до открытія Новаго Свѣта Колумбомъ, Каботомъ и Веспуччи. Еще задолго до этой эпохи Западная Европа возстановила спо-

собность къ распространенію своей власти; эта способность проявилась въ крестовыхъ походахъ, въ торговыхъ предпріятіяхъ итальянскихъ купцовъ, въ прогрессѣ ремеслъ и искусствъ и прежде всего въ образованіи общинъ. Личная инициатива, не мирящаяся съ наивною вѣрою и съ основывающимся на мистицизмѣ повиновеніи папѣ или императору, создала первый періодъ Возрожденія, 200 или 300 лѣтъ до той эпохи, которая носитъ спеціально такое названіе въ исторіи. Блестящій періодъ свободныхъ общинъ, столь энергично отстаивавшихъ свою независимость и защищавшихся, вѣкъ, когда зародилась и расцвѣла готическая архитектура, едва ли можетъ быть соединенъ подъ общимъ наименованіемъ «среднихъ вѣковъ» вмѣстѣ съ періодомъ невѣжества и варварской грубости, въ теченіе котораго народы собирались съ силами. Безъ сомнѣнія, историки должны предупредить созданіемъ новаго термина то смѣшеніе, которое можетъ повлечь за собою приложеніе названія «средневѣковья» къ этимъ двумъ столь различнымъ эпохамъ.

Духъ свободы, являющійся дыханіемъ жизни и ищущій непрерывно и всюду, гдѣ бы прорваться, долженъ былъ, конечно, воспользоваться также и движеніемъ, вызваннымъ крестовыми походами. Отсутствіе рыцарей-феодаловъ съ ихъ воинами являлось большимъ облегченіемъ для большинства ихъ подданныхъ. Безъ сомнѣнія, князья, бароны и ихъ вассалы должны были стараться выжать изъ несчастнаго населенія все, что только возможно было добыть изъ него путемъ налоговъ и сборовъ; страна ихъ оставалась обѣднѣвшей, съ выпущенною кровью, но зато, въ концѣ концовъ, они все же уѣзжали, и перья, развивавшіяся на ихъ шлемахъ, исчезали вдали. Къ тому же, имъ приходилось, волей-неволей, давать различныя обѣщанія, даже идти на нѣкоторыя уступки и предоставлять остающимся подданнымъ нѣкоторыя привилегіи, дабы они берегли земли господъ и замки ихъ во время отсутствія войскъ, слушались управляющихъ и повиновались женамъ и дѣтямъ рыцарей, остававшимся дома. Многіе изъ рыцарей вполнѣ сознавали дѣйствительное положеніе вещей на покидаемой родинѣ и отправлялись противъ своего желанія, но общій подъемъ духа увлекалъ ихъ, и, волей-неволей, они становились во главѣ своихъ вооруженныхъ отрядовъ.

Тогда-то сельское населеніе и горожане-ремесленники могли подумать объ отмщеніи за всѣ предшествовавшія страданія или, по крайней мѣрѣ, могли отчасти отвоевать прежнюю независимость или даже простирали свою храбрость до того, что начинали сами управлять своими дѣлами. Такимъ образомъ, напримѣръ, синдики Тулузы, представлявшіе буржуазію этого города, стали постепенно забирать въ руки управленіе общиной во время отсутствія своего графа; аналогичное превращеніе

совершилось и во всѣхъ другихъ городахъ страны: графство сдѣлалось фактически федераціей, образованной большимъ количествомъ мелкихъ республикъ, которыя объединялись подъ почетнымъ протекторатомъ фео-

№ 317. Страна фризовъ и Дитмаршенъ.



дальнаго графа. Когда Рамонъ или Раймондъ умеръ на Востокѣ, послѣ того, какъ имъ было основано королевство Триполи, оставленное имъ въ наслѣдіе своему старшему сыну Бертрану, вдова его, возвратившаяся въ Тулузу вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ Альфонсомъ Іорданомъ (n'Anfos Jordan), названнымъ такъ по имени рѣки, въ которой онъ былъ кре-

щенъ, должна была помѣстить наслѣдника графскаго достоинства подъ покровительство синдиковъ и предоставила имъ его воспитаніе. Точно также позднѣе, когда былъ предпринятъ ужасный крестовый походъ внутрь страны, которымъ населеніе Лангедока было снова обращено въ рабство, французскіе рыцари сѣверной Франціи мстили, безъ сомнѣнія, не столько за отклоненіе отъ религіозныхъ доктринъ, сколько за отпоръ, оказанный свободными городами феодальной власти.

Въ нѣкоторыхъ странахъ Европы благопріятныя условія внѣшней среды позволили обитателямъ сохранить совершенно независимыя общины, остававшіяся даже незатронутыми. «Въ моей странѣ—говоритъ съ гордостью Нибуръ,—въ моей странѣ, въ Дитмаршенѣ, не было никогда рабовъ» [1]). Эта привилегія была дана ей самой природой. Если земля фризовъ и Дитмаршенъ сохранились свободными до начала XVII вѣка, несмотря на давленіе великихъ феодальныхъ государствъ, примыкавшихъ къ нимъ съ юга и юго-запада, то это потому, что они были защищены трудно проходимыми болотами, трясинами и торфяниками, въ которыхъ завязла бы тяжелая кавалерія феодаловъ, закованныхъ въ желѣзо. Заботясь о томъ, чтобы, по возможности, лишь имъ однимъ была извѣстна ихъ страна, обитатели болотъ остерегались показывать дорогу туда рыцарямъ и ихъ ратникамъ. Болото защищало ихъ лучше, чѣмъ проливы океана защищали островныя народности.

По аналогичной же причинѣ по ту сторону устьевъ Рейна обитатели «новыхъ земель» Фландріи были также свободными людьми. Чтобы завоевать себѣ прочную опору на морѣ и на рѣкахъ, недостаточно было тяжелой работы,—нужна была творческая сила свободы, свободная инициатива, развитость и присутствіе мысли въ работѣ. Пришлые осушители болотъ и распахиватели новыхъ мѣстъ, которымъ феодальные князья предоставляли эти пространства, не взяли бы на себя, конечно, этого тяжелаго труда, если бы подлежали личной повинности и различнымъ другимъ обязанностямъ, тяготѣвшимъ надъ крѣпостными, и, въ особенности, если бы надъ ихъ работой были поставлены въ качествѣ надсмотрщиковъ вооруженные прислужники барона; единственное, чего можно было отъ нихъ требовать, это—обѣщанія уплачивать ежегодно оброкъ съ того времени, какъ земля ими будетъ обработана. Впрочемъ, зато имъ не требовалось какой-либо предварительной помощи,—для нихъ было достаточно, если ихъ оставляли свободно дѣлать, что хотятъ, силу же и мощь придавала имъ общинная сплоченность. Въ своей работѣ, требовавшей знаній и предпринимавшейся съ цѣлью покоренія стихій, они могли разсчитывать лишь на взаимную помощь, должны были раздѣлять между собою трудъ, преслѣдовать общественныя цѣли и объединять свои усилія,—такъ образовывалась настоящая рес-

1) Jules Michelet. «Histoire Romaine», I vol., p. 9.

публика, основанная на общихъ выгодахъ и на взаимной любви. Совершенно такъ же были созданы согласными трудами всѣхъ членовъ общинъ, задолго до египетскихъ и ассирійскихъ монархій на берегахъ Нила, Тигра и Евфрата, тѣ удивительныя по плодородію культурныя мѣстности, которыми столь легко завладѣли монархи, когда все уже было готово и оставалось только поддерживать существующее. Когда были осушены земли Фландріи, покрывавшіяся прежде періодически водами и поглощенныя въ значительной части ужасающимъ наводненіемъ 1170 года, феодаламъ также не трудно было поддерживать эти земли въ хорошемъ состояніи чрезъ особыхъ управляющихъ, совершенно, впрочемъ, безполезныхъ, такъ называемыхъ «watergraven», «dijkgraven» и «moormeesters»,—бароны прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы взять власть надъ осушенными землями въ свои руки. Благодаря примѣру, поданному имъ простыми земледѣльцами, они были также въ состояніи увеличить мѣстами поверхность своихъ болотныхъ владѣній,—такъ, например, Филиппъ Эльзасскій велѣлъ выстроить въ XII вѣкѣ плотину Цвина и хвалился тѣмъ, что за свой собственный счетъ осушилъ обширнѣйшія территоріи [1]). Тѣмъ не менѣе, формы древнихъ общинныхъ республикъ сохранялись долгое время и сохраняются и до сихъ поръ подъ наименованіемъ «wateringen» или «wateringues»; эти общины обитателей болотъ носятъ на себѣ и теперь еще отпечатокъ своего славнаго прошлаго.

Впрочемъ, когда эти завоеватели болотъ, эти творцы луговъ и пашенъ на непригодной землѣ испытывали слишкомъ сильныя притѣсненія на своей родинѣ со стороны властолюбивыхъ бароновъ, они покидали свои устья и отправлялись завоевывать другія устья рѣкъ и другія земли. Зная свою силу, они не боялись никакого соперничества. Съ начала XII вѣка (въ 1106 г.) и въ особенности въ теченіе двухъ послѣдующихъ поколѣній мы можемъ наблюдать, какъ колоніи фламандскихъ земледѣльцевъ-осушителей образуютъ какъ бы странствующія республики. Они завладѣваютъ болотами земель Бремена и тамъ и сямъ, по берегамъ Эльбы, проникаютъ до Гольштейна, до береговъ Одера, гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сохранялись затѣмъ въ теченіе вѣковъ плотины и каналы, построенные въ тѣ времена, и гдѣ нѣкоторые остатки обычаевъ фламандскаго права сохранились вплоть до революціи 1848 г. [2]). Другія колоніи проникли такимъ же способомъ во Францію,—мы встрѣчаемъ ихъ работающими на берегахъ Соммы и Сены, на берегахъ Севра, Шаранты и Жиронды и даже вплоть до Ландовъ. «Маленькія Фландріи» разсѣяны по всему французскому побережью отъ Дюнкирхена до Байонны.

---

1) H. Pirenne. «Histoire de la Belgique».—2) Avendt. «Des Colonies flamandes dans le nord de l'Allemagne».

Въ Англіи и въ Шотландіи также находятся слѣды фламандскихъ учрежденій; такія названія, какъ Форддъ-Флемингъ, различные мѣстные обычаи и особенности мѣстныхъ нарѣчій, особая жизнь нѣкоторыхъ изъ обитателей обнаруживаютъ чужеземное происхожденіе [1]).

Совершенно подобно морскимъ проливамъ, болотамъ и трясинамъ, и густые лѣса, и крутыя скалы, и снѣжные хребты, однимъ словомъ, всѣ природныя препятствія, затрудняющія сообщеніе и облегчающія защиту, покровительствовали общинамъ, которыя оставались свободными, несмотря на феодальныя войны. Такимъ образомъ, напр., вальденсы, въ глубинѣ своихъ высокихъ альпійскихъ долинъ могли сохраниться незатронутыми въ теченіе вѣковъ; они были бы даже забыты совершенно, если бы необходимость снискивать себѣ средства къ существованію не заставляла ихъ ежегодно спускаться съ высотъ, чтобы выполнять различныя работы или вести торговлю въ городахъ окрестныхъ равнинъ. Между областями дѣйствительно независимыми были, впрочемъ, и такія, на которыя феодальные бароны имѣли оффиціально притязанія,—эти области, согласно договорамъ, распредѣлялись между различными сюзеренами, но образовывали, тѣмъ не менѣе, автономныя единицы, прекрасно защищенныя своими лѣсами и горами и не имѣющія другой зависимости отъ графа, герцога или барона, какъ ежегодное оказаніе ему извѣстныхъ почестей и поднесеніе въ даръ нѣкоторыхъ издѣлій своей промышленности вмѣстѣ съ выраженіемъ вѣрноподданничества.

Такъ, согласно документальнымъ даннымъ среднихъ вѣковъ, Швейцарія разсматривалась какъ страна, принадлежащая послѣдовательно сперва Германской имперіи, затѣмъ королевству Арльскому, затѣмъ снова Германіи; въ дѣйствительности же вся страна эта была естественно раздѣлена на огромное число отдѣльныхъ мелкихъ государствъ, горныхъ общинъ, свободныхъ городовъ, рыцарскихъ замковъ, прямыхъ и не прямыхъ леновъ. Въ зависимости отъ того, насколько та или другая область была болѣе или менѣе открытой для нападенія, она могла и болѣе или менѣе успѣшно отстаивать свою независимость. Такъ, съ самой общей точки зрѣнія можно сказать, что часть Швейцаріи, обращенная къ германскимъ равнинамъ, въ теченіе среднихъ вѣковъ чаще всего испытывала нападенія; правда, нѣкоторые защитные брустверы закрываютъ до извѣстной степени долины: Констанцское озеро и часть бурнаго теченія Рейна образуютъ на сѣверѣ Швейцаріи поперечный баррьеръ, тогда какъ нѣсколько далѣе хребты Швабской Юры, распространяющіеся широко между Рейномъ и Дунаемъ, отклоняли направо и налѣво различныя военныя предпріятія враговъ. Историческіе пути на

---

1) Howard Read. Journ. of the Manchester Geogr. Society, 1903.

западѣ должны были намѣчаться долиной, которая обнимаетъ Рейнъ между Вогезами и Шварцвальдомъ, на востокѣ—областями истоковъ Дуная. Что касается великаго пути въ Швейцарію, по которому прони-

№ 318. Женева и долина Роны.



1: 1 200 000

0 10 30 60 килом.

кали туда обитатели сѣвера, торговцы, мирные переселенцы и воины, то онъ либо шелъ кругомъ горъ южной Германіи, либо направлялся прямо, пролегая по трудно проходимымъ горнымъ проходамъ,—этотъ путь былъ явственно предуказанъ природой въ долинѣ Аары, которая обнимаетъ, вмѣстѣ со своими притоками и озерами, все широкое откры-

кантонами и буржуазной общиной Цюриха; ей пришлось, однако, вскорѣ съ оружіемъ въ рукахъ завоевывать свободу, которая становится удѣломъ лишь сильныхъ, и въ 1315 г. цѣлая армія германскихъ рыцарей погибла подъ ударами топоровъ, дубинъ и обломковъ скалъ, которыми защищались горные жители. Эта битва при Моргартенѣ начинаетъ собою настоящую исторію Швейцаріи,—легендарная исторія этой страны украсилась миѳомъ о Вильгельмѣ Теллѣ, являющимся на самомъ дѣлѣ воспроизведеніемъ миѳа о солнечныхъ божествахъ.



Главныя ворота Фонтарабіи

Баски или евскальдунаки, живущіе на западной оконечности Пиренеевъ и на обоихъ склонахъ ихъ въ Испаніи и Франціи, находятся также въ числѣ тѣхъ европейскихъ народовъ, которые обязаны своею долгою политическою независимостью и своею любовью къ свободѣ очертаніямъ и рельефу окружающей природы. Прежде всего передъ нами возникаетъ вопросъ, почему республики Пиренеевъ въ долинахъ главнаго, центральнаго хребта не удержались. Правда, тамъ также «міры» или общины сохраняли въ теченіе ряда вѣковъ свою административную автономность, а также вплоть до нашихъ дней сохранились и различные обычаи, находящіеся въ полномъ противорѣчіи съ законами и положеніями обоихъ сосѣднихъ обширныхъ государствъ; однако, въ Пиренеяхъ ни одна группа свободныхъ общинъ не могла вылиться въ высшую національную единицу, если не считать самихъ долинъ заслуживающими названія отдѣльныхъ политическихъ единицъ, — причина тому лежитъ въ вышинѣ хребтовъ, разъединяющихъ долины; хребты эти

трудно проходимы и раздѣляютъ долины какъ высокія стѣны. Каждая изъ долинъ составляла для своихъ немногочисленныхъ обитателей нѣчто въ родѣ тюрьмы, въ которой монахи, владѣвшіе равнинной страной, легко могли запереть ихъ совершенно. Политическое единство не могло

№ 320. Страна басковъ.



1: 2 000 000

0 25 50 100 килом

Прерывчатая линія изображаетъ границу французскаго и кастильскаго языка.
„Три провинціи" это—Гвипуцкоа, Вискайя и Алава; тамъ обитаютъ, однако, лишь 3/5 всѣхъ басковъ; Наварра и французская страна басковъ (Лабуръ, Нижняя Наварра, Зуль) содержатъ каждая также по 1/5 населенія басковъ. Всего на евскальдунакскомъ нарѣчіи говоритъ 500—550000 лицъ.

зародиться въ этомъ рядѣ долинъ, столь рѣзко изолированныхъ между собою и относительно столь малыхъ по сравненію съ огромными бассейнами рѣкъ Гаронны и Оды, Эбро и Сегра, которые прилегаютъ съ сѣвера и съ юга.

Въ странѣ басковъ, напротивъ, горы не были въ такой степени высокими, чтобы препятствовать сообщенію между Франціей и Испаніей, между моремъ и бассейномъ Эбро. Три Васконскія провинціи «образуютъ не болѣе какъ одну», что выражено символически названіемъ федераціи «Irurat-bat»; нерѣдко онѣ присоединялись также къ Наваррѣ. Нравы, политическія наклонности и даже языкъ въ его различныхъ діалектахъ сохранились, развиваясь независимо въ каждой изъ областей.

Въ прежнія времена баски были достаточно сильными, чтобы противостоять одинаково успѣшно, съ одной стороны, сррацинамъ, съ другой—франкамъ Карла Великаго; въ наше время, несмотря на то, что они политически привязаны на одномъ склонѣ къ Франціи, на другомъ—къ Испаніи, линія, разграничивающая этническій составъ населенія, именно граница между евскарійцами и племенами другого происхожденія, беарнцами или кастильцами, все еще ясно замѣтна.

Съ изумленіемъ можно констатировать, что подобное сопротивленіе, оказанное басками, не вызывало даже особыхъ усилій съ ихъ стороны и не нарушило миролюбивыхъ нравовъ населенія. Тогда какъ по всей окружности Средиземнаго моря обитатели побережья должны были искать убѣжища въ городахъ, оставляя всю остальную страну пустынной, должны были окружаться стѣнами и башнями, чтобы противодѣйствовать регулярнымъ войскамъ, шайкамъ грабителей и морскихъ разбойниковъ, семьи басковъ во всѣ времена наслаждались уединенною жизнью среди красивыхъ ландшафтовъ своей холмистой и гористой страны, въ тѣни вѣковыхъ дубовъ—деревьевъ, бывшихъ символами этого племени и его древней свободы. Такая полная увѣренность въ самихъ себѣ и въ своей неприкосновенности проистекала у басковъ, разумѣется, не изъ чего иного, какъ изъ самой окружающей природы, которая имъ во всѣ времена покровительствовала. Между тѣмъ, главный путь, который соединяетъ всю остальную часть Европы съ Иберійскимъ полуостровомъ, проходитъ какъ-разъ чрезъ эту страну евскальдунаковъ, и если частыя прохожденія чужеземныхъ народовъ не вызвали полнаго уничтоженія народности басковъ, то это потому, что чужеземные народы были, конечно, заинтересованы въ томъ, чтобы договариваться съ басками и получать отъ нихъ содѣйствіе, иначе приходилось бы прокладывать себѣ путь чрезъ ихъ страну огнемъ и мечомъ. Благодаря этимъ-то преимуществамъ, обусловленнымъ самою природою страны, нѣкоторыя общины или «міры» басковъ, наримѣръ, община Ронкаль и Элизондо, имѣли возможность сохранить такія установленія, которыя положительно изумляютъ ярко выраженнымъ въ нихъ чувствомъ личнаго равноправія и заботливости объ общественномъ достояніи. Даже въ предгорьяхъ и въ открытой къ сѣверу равнинѣ беарнскіе города, благодаря сосѣдству и примѣру басковъ, пользовались свободою, совершенно неизвѣстною другимъ городскимъ общинамъ Франціи.

Подобно Швейцаріи и Пиренеямъ, Иллирійскія горы, Черногорія, суровыя горныя области Альбаніи оказываются населенными республиканскими племенами, главнымъ образомъ, стоящими въ зависимости отъ характерныхъ чертъ внѣшней географической среды.

Всюду констатируемъ мы одинъ и тотъ же общій законъ, каковы бы ни были различія, проистекающія отъ безконечнаго разнообразія

способовъ развитія человѣческаго рода во времени и въ пространствѣ. Феодальная Европа представляла собою на своемъ обширномъ протяженіи тысячи рѣзкихъ контрастовъ, которые то облегчали, то задерживали



Селеніе Рентерія въ провинціи Гвипуцкоа.

утвержденіе власти бароновъ-феодаловъ съ іерархіей ихъ ленниковъ. Во многихъ странахъ, даже не защищенныхъ ни проливами, ни лѣсами, ни горными хребтами, естественно сгруппировавшіяся общины деревенскихъ жителей или «крестьянъ», несмотря ни на какія препятствія, сохраняли также свое коллективное право на землю и управлялись сами собою,—феодалы не могли первоначально завладѣть ими. Подобно тому, какъ въ древней Галліи римлянамъ приходилось имѣть дѣло съ городской общиной, требовавшей своего собственнаго суда, избиравшей консуловъ, отстаивавшей свои прежнія традиціи полной свободы, совершенно такъ же и въ Германіи феодалъ нерѣдко бывалъ первоначально вынужденъ искать помощи и опоры у земледѣльческаго населенія, до того какъ ему удавалось поработить это населеніе. Когда монархъ отправлялъ кого-либо изъ своихъ подчиненныхъ въ какой-нибудь населенный пунктъ въ качествѣ управителя, земледѣльцы выходили ему навстрѣчу, держа въ одной рукѣ цвѣты, въ другой же кинжалъ или ножъ,

и требовали у посланца прежде всего отвѣта—каковъ будетъ его законъ, будетъ ли онъ закономъ селенія, или же закономъ короля [1])? Въ первомъ случаѣ они украшали управителя цвѣтами, устраивали въ честь его трапезу съ пѣніемъ и криками радости; если же отвѣтъ его былъ не таковъ, они выстраивались съ оружіемъ въ рукахъ. Даже законники Карла Великаго принуждены были подтвердить эти основныя права сельскихъ общинъ; автономія ихъ удерживалась, несмотря ни на что, и во многихъ странахъ она охранялась съ большою энергіею,—крестьянамъ удавалось защитить свои земли отъ вторженія пришельцевъ, кто бы они ни были, норманны, гунны или арабы; для защиты же возводились и стѣны вокругъ селеній, такъ что послѣднія превращались въ города,—городская община, такимъ образомъ, въ значительной степени зародилась путемъ развитія сельской общины.

•

Всюду, гдѣ въ области феодальнаго господства зарождались городскія республики, городъ тѣмъ прочнѣе устанавливалъ свою городскую свободу, если состоялъ изъ группъ домовъ или кварталовъ, получившихъ извѣстный характерный отпечатокъ, именно являющихся производителями опредѣленныхъ товаровъ или же населенныхъ объединившимися купцами или потребителями. Въ Венеціи каждый изъ острововъ представлялъ собою долгое время независимую общину, пріобрѣтавшую со стороны провизію и предметы первой необходимости для распредѣленія ихъ между общинниками. Точно также и ломбардскіе города дѣлились на совершенно автономные кварталы. Городъ Сьенна прославился въ исторіи соперничествомъ и союзничествомъ, вѣчными ссорами и примиреніями 24 маленькихъ республикъ, объединенныхъ въ одной городской республикѣ. Вокругъ бо̀льшей части городовъ центральной и сѣверной Европы ихъ «пригороды» образовывали отдѣльные города, тяготѣвшіе къ главному; точно также въ Россіи каждая улица города представляла собою нѣкоторую самостоятельную и автономную единицу [2]).

Древній Лондонъ до завоеванія норманнами представлялъ собою скопленіе небольшихъ селеній, разсѣянныхъ въ замкнутомъ стѣнами пространствѣ, причемъ каждая группа жила своей собственной жизнью, имѣла собственныя установленія,—гильдіи, особыя сообщества, ремесленные цѣхи были связаны лишь относительно слабо между собой и со всей городской общиной [3]).

Средневѣковой городъ нормальной организаціи представляется намъ

---

1) F. Dahn. «Urgeschicthe der germanischen und romanischen Völker», цитир. по P. Kropotkine, «L'Entr'Aide», p. 178. 2) Ernest Nys. Recherches sur l'histoire de l'Economie politique», pp. 34, 35.—3) R. Gr en. «Conquest of England».

естественнымъ продуктомъ двухъ соединившихся элементовъ: прежде всего въ немъ соединяются отдѣльныя личности, группирующіяся сообразно съ интересами своей профессіи, сообразно съ образомъ мыслей и съ наклонностями; затѣмъ, во-вторыхъ, мы находимъ въ немъ ассоціаціи, основывающіяся на чисто-топографической близости, находимъ кварталы, небольшія территоріальныя единицы, которыя никоимъ образомъ не могутъ быть принесены въ жертву центру города. Такимъ образомъ, типичный городъ являлся одновременно и федераціей кварталовъ и федераціей профессій, въ то же время онъ былъ и ассоціаціей всѣхъ гражданъ. Городскія и сельскія общины объединялись въ лиги; конфедерація лаонезцевъ существовала 150 лѣтъ и исчезла лишь въ серединѣ XIII вѣка; города Крёзъ и Ліонъ являютъ намъ аналогичные примѣры.

История показываетъ намъ съ полною очевидностью естественное начало общинъ, зародившихся подъ вліяніемъ условій внѣшней среды и вынужденнаго объединенія интересовъ отдѣльныхъ личностей. Надо замѣтить, что историки нерѣдко увлекались слишкомъ легкими умозаключеніями о причинахъ явленій и приписывали волѣ князей какъ зарожденіе, такъ и развитіе общинъ: вѣдь тысячи разъ повторялось и повторяется до сихъ поръ, что Людовикъ VI и Людовикъ VII во Франціи были «основателями общинъ». На дѣлѣ, между существующими носителями власти, боровшимися между собою за обладаніе землями и за господство надъ людьми, случалось нерѣдко, что тотъ или другой искали временно опоры противъ соперника у горожанъ возникающихъ городовъ или даже у земледѣльцевъ деревни; такъ, папа стремился создать враговъ императору и королямъ, эти послѣдніе также нерѣдко были очень довольны образованіемъ общинъ, которыя могли съ успѣхомъ противостоять вмѣшательству епископовъ и могли помогать имъ справляться съ возставшими вассалами; наконецъ, и вассалы въ случаѣ надобности бывали рады вступать въ союзъ съ городами и привлекать ихъ на свою сторону въ борьбѣ съ гражданскими и духовными властителями. Со своей стороны, какъ городскія, такъ и другія общины, будучи еще слабыми, пользовались, насколько могли, несогласіями, которыя позволяли имъ справляться съ носителями власти.

Должно, однако, замѣтить, что и во время постояннаго хаоса войнъ, осадъ и вооруженныхъ вторженій феодальной эпохи властители, даже наиболѣе упорные въ борьбѣ, нуждались все же иногда хотя бы въ нѣкоторомъ спокойствіи; это же спокойствіе они могли получить, лишь ограничивая свою собственную власть и дѣлая извѣстныя уступки стремленію къ свободѣ, проявлявшемуся со стороны молодыхъ, сильныхъ и отчаявшихся во всемъ людей. Нерѣдко въ этомъ находили они даже средство косвеннаго увеличенія своей силы: они опирались на помощь

обязанныхъ имъ и благодарныхъ людей въ борьбѣ либо съ другими властителями, либо съ епископами и королями, ихъ всегдашними, опасными врагами. Въ силу того и феодальныя области усѣяны городами и селеніями, носящими наименованія Франшвилль, Вилль-Франшъ, Вилла-Франка, Борго-Франко, Ла-Совъ, Совтэ, Совта, Совтерръ, Фрейбургъ, Фрейштадтъ и т. п. Каждая изъ этихъ общинъ могла достигнуть тѣмъ скорѣе полнаго благосостоянія, что являлась прибѣжищемъ самыхъ сильныхъ людей, твердо рѣшившихся отстаивать ту свободу, которая была имъ гарантирована противъ всякихъ поползновеній со стороны кого бы то ни было.

Церковь, которая черезъ своихъ монаховъ принимала во многихъ мѣстностяхъ участіе въ первоначальной колонизаціи страны, содѣйствовала также въ еще бóльшей степени, чѣмъ феодалы, возникновенію общинъ: онѣ основывались церковью и превращались ею легко въ настоящіе церковные лены. Духовенство располагало тѣмъ бóльшимъ преимуществомъ, что подъ его покровомъ основывались убѣжища для новыхъ пришельцевъ, для всѣхъ несчастныхъ, даже для воровъ, преступниковъ и рабовъ, и эти убѣжища, считаясь подъ покровительствомъ какого-нибудь почитаемаго всѣми святого, находились въ полной безопасности. Четыре креста ограничивали обыкновенно пространство, находящееся подъ священнымъ покровительствомъ, и подъ сѣнью ихъ начинали быстро возникать хижины и дома людей, покровительствуемыхъ церковью[1]).

Но если духовныя лица и основывали охотно убѣжища, въ которыхъ собирались люди, соглашавшіеся работать на нихъ и выплачивать церковную десятину, то, надо сказать, къ зарождающейся буржуазіи городовъ, требовавшихъ тотчасъ же извѣстной свободы и самостоятельности, они относились съ тѣмъ бóльшею враждебностью. Въ этомъ отношеніи властители изъ духовенства были гораздо болѣе непреклонными и непримиримыми, чѣмъ властители изъ міръянъ. Дѣло въ томъ, что духовенство имѣло уже вполнѣ выработанную систему, вполнѣ законченныя доктрины,—въ управленіи городами, какъ и въ управленіи церковью, духовныя лица считали себя представителями Бога на землѣ. Въ горожанахъ, которые стремились къ тому, чтобы заставить уважать свою независимость, они видѣли бунтовщиковъ и уступали передъ этими требованіями лишь въ самой послѣдней крайности. Къ тому же, города, находившіеся во власти епископовъ, обладали цѣлымъ рядомъ такихъ установленій, что ихъ нельзя было измѣнить иначе, какъ перевернувши все вверхъ дномъ. Епископы прекрасно понимали, насколько все это являлось опаснымъ; къ тому же они, вообще говоря, были сильнѣе графовъ и князей и могли лучше выдерживать давленіе, шедшее снизу.

1) A. Luchaire. «Histoire de France», par E. Lavisse, t. II, 2e partie, p. 340.

Церковные города были прочнѣе установлены, чѣмъ города свѣтскихъ князей, благодаря общему консервативному духу церкви, гарантирующему

№ 321. Вилла-Франки, Фрейбурги и другіе «свободные города».



Черныя точки изображаютъ на Иберійскомъ и Италійскомъ полуостровахъ и на островахъ города, носящіе названіе „Вилла-Франка", въ странахъ, говорящихъ на германскихъ нарѣчіяхъ, города, носящіе названіе „Фрейбургъ", и, наконецъ, во Франціи города съ названіями Вилльфраншъ, три города Франшвилль и одинъ—Вилльфранкъ.

Кружками обозначены въ Ломбардіи города Боргофранко, въ Германіи—Фрейштатъ, во Франціи—Совъ (Sauve), Совта (Sauvetat) и Совтеръ (Sauveterre).

Карта составлена по словарю Вивіенъ-де-Сенъ-Мартена, но для Франціи списокъ общинъ и деревень, которыя носятъ названіе, указывающее на ихъ «свободу», превышаетъ сотню и, во всякомъ случаѣ, ихъ больше 33, нанесенныхъ на карту.

ей продолжительную власть. Тогда какъ резиденція князей мірянъ нерѣдко мѣнялась, въ зависимости отъ ихъ фантазіи или отъ превратностей войны, епископъ оставался всегда при одномъ и томъ же соборѣ,

въ которомъ онъ совершалъ богослуженія, постоянно въ одномъ и томъ же мѣстѣ онъ принималъ приношенія, притекавшія изо всѣхъ окрестностей,—благодаря этому постоянству установленіе оказывалось болѣе могущественнымъ, чѣмъ человѣкъ[1]).

Несмотря на все противодѣйствіе, оказывавшееся со стороны королей, князей, владѣтельныхъ и духовныхъ лицъ, община необходимо должна была сформироваться среди феодальнаго общества, такъ какъ являлась органомъ новыхъ запросовъ, возникшихъ въ жизни народа: буржуазія нарождалась вмѣстѣ съ промышленностью и торговлей. Потому вполнѣ понятны тѣ выраженія глубокой и восторженной радости, которыя мы встрѣчаемъ у одного изъ замѣчательнѣйшихъ и достойнѣйшихъ представителей торжествующаго третьяго сословія, у Августина Тьерри, когда онъ описываетъ освобожденіе первыхъ французскихъ общинъ въ средніе вѣка: онъ говоритъ почти съ религіознымъ умиленіемъ о тѣхъ промышленникахъ и торговцахъ, которые съ полною сознательностью явились предшественниками эры, сдѣлавшейся въ XIX вѣкѣ эпохой величайшаго расцвѣта. Надъ феодальной организаціей развился цѣлый новый соціальный аппаратъ, предназначенный въ одинъ прекрасный день замѣнить феодальное устройство и превратиться въ основную силу всего политическаго механизма. Феодалы являлись безполезными для этого новаго порядка вещей, обусловливавшаго возникновеніе большихъ городовъ по почину ремесленниковъ и рабочихъ всякаго рода, порядка, который позволялъ торговлѣ расширяться все болѣе и болѣе и захватывать новыя страны, — они являлись безполезными и не могли приспособиться къ этимъ новымъ условіямъ. «Община», «гильдія», «цѣхъ» были по самому существу своему единицами безусловно автономными, — такая община сама покупала сырые продукты, лишь собственными силами перерабатывала ихъ и сама продавала обработанные продукты. У нея имѣлись собственные посредники на случай недоразумѣній, которыя могли возникать между членами, и какъ только она чувствовала себя достаточно могущественной, такъ она организовала и собственную милицію, чтобы защищать свои права противъ королей и духовенства.

Такъ возникали внезапно ассоціаціи отдѣльныхъ личностей, стоящія въ связи съ ихъ различными профессіями и съ измѣнчивыми условіями внѣшней среды. Въ эту эпоху грубой силы организмъ административной и полицейской власти не обладалъ еще гибкостью, достаточною для того, чтобы наблюдать за каждою отдѣльною личностью при каждой перемѣнѣ на ея жизненномъ пути,—онъ не могъ еще такъ хитро изолировать отдѣльныхъ людей отъ той естественной группы, которая слагалась изъ лицъ одинаковой профессіи,—лицъ, общими силами вступав-

1) H. Pirenne. «Histoire de Belgique», p. 121.

шихъ въ борьбу за существованіе. Каждая ассоціація ремесленниковъ распадалась на гильдіи, «братства» или «собратства»; даже нищіе и публичныя женщины объединялись въ общины, имѣющія своею цѣлью взаимную поддержку. Временныя ассоціаціи возникали также и при путешествіи на кораблѣ,—настолько естественное притяженіе всѣхъ людей между собою требуетъ удовлетворенія даже при наименѣе благопріятныхъ условіяхъ окружающей среды. Когда, случалось, корабль находился въ морѣ, на разстояніи полъ-дня пути отъ гавани, изъ которой онъ вышелъ, капитанъ собиралъ всѣхъ ѣдущихъ на кораблѣ матросовъ и пассажировъ и, какъ свидѣтельствуетъ намъ одинъ изъ современниковъ[1]), обращался къ нимъ съ такою рѣчью: «Мы находимся во власти Божіей и во власти волнъ, потому между всѣми нами должно быть полное равенство. Мы окружены бурями, шквалами, морскими разбойниками и другими опасностями, потому намъ приходится соблюдать самый совершенный порядокъ, дабы путешествіе наше окончилось благополучно. Начнемъ съ молитвы и будемъ просить у Господа попутнаго вѣтра и полной удачи всѣхъ нашихъ начинаній, затѣмъ, слѣдуя морскимъ законамъ, изберемъ среди насъ лицъ, которыя исполняли бы роль судей на суднѣ». Такимъ образомъ, во имя самаго основного равенства всѣхъ людей, мореходы, которымъ грозила со всѣхъ сторонъ смертельная опасность, старались учредить промежъ себя справедливый судъ, и во имя того же самаго равенства избранные судьи въ концѣ путешествія слагали съ себя обязанности и обращались къ сотоварищамъ по путешествію: «Все, что случалось между нами на кораблѣ, мы должны взаимно простить другъ другу, должны считать, что ничего не случилось... Потому мы просимъ всѣхъ васъ, во имя справедливости, забыть всякую вражду, всякую месть, которую кто-нибудь изъ васъ могъ питать къ другому; просимъ васъ поклясться на хлѣбѣ и на соли, что у васъ по отношенію другъ къ другу не явится даже и ни единой дурной мысли». Даже высаживаясь на берегъ, члены такой пловучей ассоціаціи старались опять-таки организоваться въ новыя группы, и по всему побережью Средиземнаго моря каждый торговый городъ обладалъ отдѣльными кварталами, какъ бы отдѣльными венеціанскими, генуэзскими, провансальскими или каталанскими колоніями, образующими каждая маленькую Венецію, Геную, Марсель и Барселону [2]).

Вполнѣ естественно, что образованіе свободныхъ общинъ достигло наибольшаго историческаго значенія въ Италіи, гдѣ еще не изгладилось окончательно изъ памяти воспоминаніе о римской республикѣ. Даже во время первыхъ «среднихъ вѣковъ» независимые автономные города не

1) Jean Janssen. «Geschichte des deutschen Volkes».—2) Oscar Peschel. «Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen», p. 13.

перестали тамъ существовать. Такимъ городомъ была знаменитая Венеція, которая была обязана своей славой прежде всего природнымъ условіямъ, именно полной защищенности отъ нападеній внѣшнихъ враговъ,—въ этомъ отношеніи она была совершенно аналогична Фризіи и Фландріи. Уже начиная съ римской эпохи, одинъ изъ острововъ, на которомъ стоитъ Венеція, былъ населенъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ остатки древнихъ развалинъ, обнажившихся въ настоящее время, благодаря поднявшемуся дну моря. Однако, съ начала переселенія народовъ и въ особенности послѣ паденія Аквилеи, въ которой концентрировалась вся торговля сѣвернаго Адріатическаго моря, большое число обитателей суши стало искать убѣжища на зыбкой почвѣ островковъ, разсѣянныхъ передъ низменнымъ берегомъ. Торговыя преимущества, свойственныя городу, стоявшему на берегу, перешли по наслѣдству къ городу, возникшему среди водъ лагунъ. «Въ чемъ заключается причина величія Венеціи»? — спрашиваетъ Цезаре Ломброзо; однако, въ отвѣтѣ, который онъ даетъ самому себѣ, онъ, къ сожалѣнію, едва затрагиваетъ значеніе географическихъ условій внѣшней среды, имѣвшихъ наизначительнѣйшую роль въ судьбахъ венеціанской республики. Съ точки зрѣнія защиты, въ которой являлась большая потребность въ этотъ періодъ непрерывныхъ войнъ, Венеція была превосходно защищенной, какъ со стороны суши, такъ и со стороны моря. На западъ отъ нея тянулись пространства топкихъ болотъ, въ которыхъ могли завязнуть цѣлыя вражескія арміи; къ востоку отъ нея имѣлась береговая коса съ многочисленными извилистыми проходами, куда не рискнулъ бы пуститься ни одинъ непріятельскій корабль. Чтобы блокировать городъ, противники его должны были получить господство какъ надъ сушей, такъ и надъ моремъ.

Такая полная безопасность Венеціи удерживала враговъ отъ нападеній на нее и, съ другой стороны, привлекала торговыя морскія суда, которыя могли разгружаться здѣсь, какъ внутри залива, такъ и снаружи. Разсматриваемое съ точки зрѣнія чисто-географической положеніе этого города было чрезвычайно выгоднымъ въ томъ отношеніи, что находилось близъ устьевъ рѣки По, самой крупной изъ рѣкъ сѣверной Италіи, и близъ устьевъ многихъ другихъ рѣкъ—Адиги, Бренты, Піаве, Ливенцы, Тальяменто,—ихъ долины представляли собою естественные пути, ведущіе въ Альпы,—область воздѣланныхъ странъ по склону, направленному къ венеціанскимъ лагунамъ, отличается рѣдкостнымъ плодородіемъ, обусловливаемымъ изобиліемъ орошающихъ водъ, и съ самыхъ древнихъ временъ область эта была пересѣчена множествомъ путей, ведущихъ по всѣмъ направленіямъ.

Съ точки зрѣнія отношенія своего къ остальному міру, Венеція была также расположена чрезвычайно удачно: благодаря тому, что

Адріатическое море далеко вдается внутрь суши, она одновременно на-

№ 322. Венеція и ея окрестности.



ходится какъ на морскомъ берегу, такъ и въ глубинѣ континента, притомъ вдвинута въ послѣдній приблизительно на тысячу километровъ;

обширныя водныя пространства, связующія Венецію съ Іоническимъ моремъ, привязываютъ ее въ то же время къ средиземноморскому міру Востока, тогда какъ благодаря близости Альповъ, голубыя вершины которыхъ вырисовываются на горизонтѣ съ сѣверной стороны, она должна считаться почти у подножія тѣхъ горныхъ путей, которые соединяютъ ее съ центральной Германіей и съ тройными покатостями центральной Европы, направленными къ Черному, къ Балтійскому и къ Нѣмецкому морямъ. Всѣ эти преимущества тѣмъ болѣе гарантируютъ торговое верховенство Венеціи, что во всей этой области, изобилующей рѣчными устьями, не было болѣе ни одной естественной гавани; чтобы найти удобный опорный пунктъ, необходимо было пройти вдоль всего берега до выступа, на которомъ помѣщается Анкона. Самыя устья рѣки По, вдающіяся далеко въ Адріатическое море, на небольшомъ разстояніи къ югу отъ венеціанскихъ лагунъ, слишкомъ измѣнчивы, слишкомъ занесены иломъ, такъ что моряки не могли избрать ихъ исходнымъ пунктомъ для достиженія городовъ внутренней части страны, съ того самаго времени, какъ только первобытное судоходство было замѣнено настоящимъ, и вмѣсто челновъ и лодокъ стали примѣняться корабли, сидящіе, по крайней мѣрѣ, нѣсколько футовъ въ водѣ.

Венеція была на самомъ дѣлѣ «супругой» Адріатическаго моря, и, когда венеціанскій дожъ бросалъ съ кормы «Буцентавра» обручальное кольцо въ воды моря, присутствовавшій при этомъ торжествѣ народъ видѣлъ въ этомъ символическомъ актѣ полную реальность. По крайней мѣрѣ, Венеція стремилась осуществить такой союзъ съ моремъ. Венеціанская республика, гордившаяся столькими завоеваніями у отдаленныхъ береговъ, стремилась къ полному господству надъ моремъ. Все морское пространство, ограниченное къ югу побережьемъ Равенны съ итальянской стороны и заливомъ Кварнеро—съ далматской, считалось замкнутымъ моремъ, находящимся во власти исключительно венеціанцевъ, и сборщики податей Венеціи собирали значительные налоги со всѣхъ судовъ, которыя рѣшались проникнуть въ эту часть залива. Совершенно такъ же генуэзцы разсматривали открытое море какъ арену дѣятельности исключительно своихъ кораблей, и когда достигли наибольшаго могущества, то позволяли сосѣднимъ городамъ заниматься лишь каботажемъ; дѣло дошло до того, что Генуя опредѣляла даже разстоянія, на которое мореходы Прованса и Лангедока имѣли право совершать плаванія въ Средиземномъ морѣ [1]).

Замѣчателенъ, однако, фактъ, что Венеція во времена своего наибольшаго могущества придавала очень мало значенія обширнымъ территоріальнымъ завоеваніямъ: она систематически ограничивала свои вла-

---

1) W. Heyd; Ernest Nys «Un Chapitre de l'Histoire de la Mer».

дѣнія на континентѣ Европы и въ Азіи, довольствуясь пріобрѣтеніемъ островов, островковъ и полуострововъ, которые ей легко было защищать при помощи своего флота въ восточномъ Средиземномъ морѣ, положительно вездѣсущаго; она старательно избѣгала всякихъ враждебныхъ столкновеній съ другими державами, съ которыми ей пришлось



Церковь св. Марка въ Венеціи, построенная въ 977—1071 гг.

бы сражаться на сушѣ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда того требовали ея собственные интересы, умѣла подыскивать союзниковъ, которые сражались за нее. Будучи дочерью, позднѣе же повелительницею моря, Венеція обладала и исторіей, сливавшейся съ исторіей тѣхъ лагунъ и того залива, которые ее окружали. Обитатели ея острововъ, бывшіе сперва рыболовами и солеварами, затѣмъ сдѣлавшіеся торговцами, перевозящими товары, ставшіе кораблестроителями благодаря изобилію и превосходству лѣса, который они находили на берегахъ Далмаціи, завоевали постепенно первое мѣсто въ торговыхъ мѣновыхъ сношеніяхъ съ портовыми городами Востока и, благодаря своимъ постояннымъ сношеніямъ съ людьми всевозможныхъ расъ и всевозможныхъ религій, сдѣлались большими знатоками людей: именно въ «школѣ моря» совершилось воспитаніе столь замѣчательныхъ венеціанскихъ дипломатовъ [1]).

1) Friedrich Ratzel. «Das Meer als Quelle der Völkergrösse», pp. 58, 59.

Венеція, будучи итальянской республикой, флотъ которой господствовалъ въ Адріатическомъ морѣ и владѣлъ входомъ въ Іоническое море, была въ то же время, именно благодаря этому обстоятельству, въ высшей степени удобна въ качествѣ складочнаго мѣста для товаровъ Востока, которые либо направлялись сюда арабами по морю, либо доставлялись греками по сушѣ или по морю изъ Константинополя. Венеція чрезвычайно легко въ силу этого восприняла полную индифферентность къ религіознымъ вопросамъ: деньги имѣли для нея совершенно одинаковую цѣнность, получались ли онѣ отъ мусульманъ, или же отъ христіанъ-грековъ. Точно также и православная греческая религія представлялась для Венеціи имѣющей равное значеніе съ религіей католической; лишь въ XI вѣкѣ оффиціальное господство Восточной имперіи замѣнилось подчиненіемъ Венеціи, впрочемъ, столь же условнымъ, германско-римской имперіи. Вліяніе восточнаго Рима столь сильно сказывалось въ Венеціи, что «республиканская олигархія» Адріатическаго моря сформировалась совершенно по подобію «деспотической монархіи» Босфора. Греческій языкъ, главный торговый языкъ Востока, служилъ значительному числу венеціанцевъ основнымъ разговорнымъ языкомъ. Въ IX и въ X вѣкѣ вступленіе на престолъ новаго императора или новаго венеціанскаго дожа являлось постоянными предлогами къ отправленію посла въ Византію: почти всегда посолъ этотъ бывалъ сыномъ дожа, и даваемыя ему порученія еще сильнѣе возвышали его. Въ теченіе всего того періода, когда обнаруживалось стремленіе сдѣлать санъ дожей наслѣдственнымъ, путешествіе въ Константинополь создавало даже нѣчто въ родѣ права первородства по отношенію къ тому, кто бывалъ избранъ посломъ[1]). Этотъ порядокъ вещей измѣнился лишь, когда генуэзцы, соперничавшіе съ венеціанцами, добились того, что заняли ихъ мѣсто въ милостяхъ властителей Византіи,—это случилось послѣ паденія Латинской имперіи, въ серединѣ XIII вѣка.

Въ теченіе ряда вѣковъ Венеція пользовалась полнымъ торговымъ владычествомъ,—обладая болѣе чѣмъ 3500 кораблей и 36000 мореходовъ, она была самымъ значительнымъ центромъ въ международномъ передвиженіи людей и товаровъ. За исключеніемъ Генуи и республикъ или привилегированныхъ городскихъ общинъ сѣверной Италіи, у нея не было другихъ конкурентовъ, если не считать торговыхъ городовъ Фландріи и Германіи; однако, суда этихъ послѣднихъ городовъ служили лишь для каботажа и для передвиженія товаровъ между портами, стоящими въ связи съ Ганзою. Притаившись въ глубинѣ Адріатическаго моря, подобно пауку, сидящему въ углу своей сѣти [2]), Венеція протянула свои нити ко всѣмъ странамъ извѣстнаго въ тѣ времена

1) J. Armingaud. Archives des Missions Scientifiques, 2-e série, t. IV, p. 328. —2) Guillaume de Greef. «Essai sur la Monnaie, le Crédit et les Banques», Ann de l'Inst. Sc. Soc., 1900.

міра, съ цѣлью привлеченія къ себѣ цѣнныхъ товаровъ, къ коимъ она присоединяла также и продукты своей собственной промышленности, прежде всего бархатъ, парчу и шелка. Венеція изо всего умѣла извлекать деньги: ея же стараніями было продано столько «настоящихъ» реликвій изъ гробницъ Востока наивнымъ вѣрующимъ Запада [1]).

Но если купеческая аристократія Венеціи считала для себя лестными отношенія съ великими императорами Востока, то надо сказать, что тѣмъ болѣе суровой являлась она по отношенію къ представителямъ простого народа и къ обитателямъ итальянскихъ городовъ континента. Никогда управленіе не носило болѣе жестокаго и безжалостнаго, болѣе «твердаго» характера: насколько труденъ былъ доступъ къ венеціанскимъ лагунамъ, настолько же труденъ былъ онъ и къ сердцамъ правителей. За исключеніемъ развѣ случаевъ особаго благоволенія, обусловленнаго какими-либо чрезвычайными оказанными республикѣ услугами, ни одинъ иностранецъ не могъ сдѣлаться гражданиномъ Венеціи иначе, какъ развѣ женившись на венеціанкѣ,—куда бы онъ ни шелъ, за нимъ постоянно слѣдовалъ шпіонъ. Торговля была монополіей аристократовъ, и представители средняго сословія могли вести торговлю лишь на очень тяжелыхъ условіяхъ. Бóльшая часть товаровъ, привозившихся чужеземными кораблями, либо совершенно воспрещалась къ продажѣ, либо конфисковалась; если же чужеземный купецъ соглашался заплатить пошлину, то съ него взималась сумма, равная половинѣ цѣны товаровъ. Города континента, подчиненные республикѣ, не имѣли права посылать своихъ продуктовъ иначе, какъ направляя ихъ чрезъ столицу, которая взимала чрезвычайно высокія проходныя пошлины. Въ колоніяхъ, каковою являлся, напримѣръ, Критъ, всѣ выдающіяся должности исправлялись представителями венеціанской аристократіи; точно также, когда правительство считало необходимымъ предоставить торговлѣ управленіе своимъ флотомъ, оно озабочивалось выборомъ капитановъ и самымъ точнѣйшимъ образомъ устанавливало службу на суднѣ,—зоркій глазъ полиціи слѣдилъ за мореходами вплоть до отдаленнѣйшихъ портовъ Фландріи. Наконецъ, подобно всѣмъ купеческимъ общинамъ, подобно древнему Карѳагену, Венеція ревниво оберегала нѣкоторыя монопольныя отрасли промышленности, которыя доставляли ей богатства. Если выселившійся ремесленникъ начиналъ заниматься своимъ ремесломъ на пользу другому народу, его приглашали сперва вернуться; если же онъ отказывался, то его настигалъ неумолимый кинжалъ,—такъ предписывалъ одинъ изъ тайныхъ законовъ, хранившихся въ желѣзномъ ларцѣ [2]). Что касается денежныхъ дѣлъ, то венеціанцы относились къ нимъ очень серьезно: такъ, въ 1359 г. они взяли заложникомъ самого императора Византіи

1) Fr. Cosentini. «Grandeur et Décadence de Venise».—2) Daru. «Histoire de Venise»

Іоанна V, и онъ получилъ свободу не ранѣе, какъ послѣ уплаты его сыномъ всего долга, выжатаго изъ жителей Салоникъ [1]). Положительно можно видѣть лишь удивительное, инстинктивное чутье въ томъ, что Шекспиръ избралъ именно Венеціанскую республику для изображенія въ драматической формѣ ужасныхъ результатовъ пристрастія къ наращенію процентовъ на капиталъ—уплату долга мясомъ и кровью должника. Безъ сомнѣнія, это была не одна пустая фантазія,—такой жестокій обычай былъ на самомъ дѣлѣ распространенъ, и слѣды его встрѣчаются еще въ началѣ XIX вѣка въ одномъ изъ норвежскихъ законовъ, который «разрѣшаетъ» кредитору привести должника предъ трибуналъ судей и вырѣзать все, что ему заблагоразсудится, на его тѣлѣ, гдѣ бы то ни было [2]).

Венеція утратила свое значеніе лишь тогда, когда были открыты новые пути по океану Діацомъ и Колумбомъ; въ настоящее время роль, которую игралъ прежде этотъ городъ, принадлежитъ Тріесту съ его гаванью, доступною для глубоко сидящихъ судовъ,—Венеція не приспособилась еще къ потребностямъ современнаго судоходства.

Другія великія морскія республики Италіи—Амальфи, Пиза, Генуя—обязаны были также своему счастливому географическому положенію тѣмъ торговымъ значеніемъ, которое они имѣютъ, и тѣмъ естественно зависѣвшимъ отъ послѣдняго политическимъ могуществомъ, которымъ они пользовались. Пиза, однако, быстро пала; природа какъ бы составила заговоръ противъ нея, такъ какъ наносы рѣкъ Арно и Серчіо постепенно занесли гавань; въ концѣ XIV вѣка пизанцы укрѣпили городъ Ливорно, въ которомъ корабли ихъ могли находить себѣ пріютъ, но дѣйствовали они безъ достаточной смѣлости и представляли другимъ заботы о благосостояніи новаго города.

Можно замѣтить уже при бѣгломъ взглядѣ на карту, что Генуя занимаетъ въ коммерческомъ равновѣсіи полуострова Италіи сходное положеніе, какъ Венеція. Оба города были основаны въ глубинѣ излучины залива, такъ что стали центрами притяженія наибольшаго количества континентальныхъ путей. Генуя такъ же, какъ и Венеція, была мѣстомъ вывоза и распредѣленія товаровъ, чрезвычайно удобнымъ для обширнаго района. Лигурійскій городъ былъ, однако, лишенъ моловъ и брекватеровъ, былъ совершенно открытъ морскимъ волнамъ и подвергался сильнѣйшимъ образомъ бурямъ и вѣтрамъ, равно какъ не былъ защищенъ и отъ непріятельскаго флота. Съ точки зрѣнія міровой торговли, Генуя обладала еще и другимъ крупнымъ недостаткомъ: ея сообщенія съ сѣвернымъ склономъ Альповъ было гораздо менѣе легкимъ. Генуэзскіе купцы должны

1) Milenko R. Vesnitch. «Le Droit international dans les Rapports des Slaves méridionaux au moyen âge», p. 39.—2) Guillaume de Greef. «Essai sur la Monnaie, le Crédit et les Banques», p. 50.

были пересѣкать прежде всего Апеннины, затѣмъ долины Ломбардіи и тогда уже достигали склоновъ горъ, за которыми располагалась Германія,—имъ приходилось притомъ проходить гораздо болѣе высокими и болѣе трудными перевалами, чѣмъ купцамъ, шедшимъ изъ Венеціи.

№ 323. Путь чрез Бреннеръ.



Масштабъ 1 : 2000000.

Путемъ, которымъ пользовались чаще все германцы, былъ путь черезъ перевалъ Бреннеръ (1372 метра надъ уровнемъ моря). Изъ 144 военныхъ экспедицій, предпринятыхъ чрезъ Альпы германскими предводителями въ теченіе историческаго періода, 66, т.-е. почти половина, избрали именно этотъ путь. Въ теченіе трехъ вѣковъ, прошедшихъ съ 950 до 1250 года, сорокъ три арміи спустились въ Италію чрезъ перевалъ Бреннеръ. Точкою отправленія сѣверныхъ завоевателей бывалъ обыкновенно Иннсбрукъ, но затѣмъ они не вступали въ глубокія

ущелья, по которымъ несутся воды Эйзака, поднимались на перевалъ Іауфенъ (2100 метровъ) и спускались оттуда къ Мерану на Адигѣ. Это названіе Іауфенъ, въ прежнія времена Іаувенъ, напоминаетъ латинское названіе Mons Jovis, т.-е. «гора Юпитера», и свидѣтельствуетъ о томъ, что переваломъ этимъ пользовались для прохожденія еще во времена римлянъ. Отъ Тренты до Вероны главный путь направлялся не вдоль рѣки Адиги, а слѣдовалъ по параллельной ей долинѣ, расположенной восточнѣе, по красивой долинѣ Суганы [1]).

Такимъ образомъ, судьбы обоихъ городовъ были предначертаны заранѣе въ теченіе того періода, въ который итальянскимъ республикамъ выпала на долю роль посредника между Индіей и Западной Европой. Генуя не могла быть такою гаванью Германіи, какъ Венеція, не могла имѣть такого значенія, какое она получила послѣ того, какъ были пробиты туннели чрезъ Апеннины и Альпы. Располагая, однако, лишь незначительною частью торговли центральной Европы, Генуя искала тѣмъ энергичнѣе новыхъ монополій; заключивъ многочисленные трактаты съ соперничающими съ нею городами побережья Лангедока и Прованса, она гарантировала себѣ значеніе неизбѣжнаго посредника въ торговыхъ сношеніяхъ между французскими областями и всѣми странами, расположенными къ востоку отъ меридіана Сициліи; она же изъ всѣхъ итальянскихъ городовъ болѣе всего была привязана къ океану, и извѣстно уже, что въ началѣ XII вѣка (1102—1104) Генуя предоставляла свой флотъ Генриху Португальскому для его крестоваго похода къ берегамъ Африки [2]). Отъ странъ Востока Генуя была лишь немного болѣе удалена, чѣмъ Венеція, такъ какъ и той и другой приходилось посылать свои корабли чрезъ все Іоническое море; Генуя старалась сдѣлаться необходимой для императоровъ Византіи, и по формальному договору, заключенному въ 1261 г., ей была предоставлена торговая монополія въ Черномъ морѣ. Городъ Каффа, бывшая Ѳеодосія колонистовъ Милета, сдѣлался второй Генуей, подобно тому, какъ онъ былъ вторымъ Милетомъ, и сталъ вскорѣ главнѣйшимъ рынкомъ Востока, пунктомъ, въ которомъ сходились генуэзскіе торговые пути, проникавшіе глубоко въ области континента въ предѣлахъ русскихъ равнинъ и вплоть до Ирана по кавказскимъ проходамъ.

Внутри Италіи точно также выросли и разбогатѣли другіе города со многочисленнымъ населеніемъ, находившіеся въ мѣстѣ схожденія историческихъ путей. Въ Тосканѣ, въ бассейнѣ рѣкъ Арно и Серчіо, въ богатой Ломбардіи и въ сосѣднихъ странахъ образовались республиканскія общины, незначительныя по своей территоріи, но сильныя энергіей

1) A. Hedinger. «Handelsstrassen über die Alpen in vor und frühgeschichtlicher Zeit», Globus, 15 sept. 1900.—2) Sophus Ruge. «Topographische Studien zu den portugiesischen Entdeckungen auf den Küsten Afrikas».

и инициативой, мужествомъ и преданностью долгу гражданъ, преслѣдовавшихъ опредѣленные идеалы. Это была удивительная эпоха, отъ которой современное общество, какъ оно должно это признать, непосредственно беретъ свое начало,—эпоха, которая ошибочно искала, однако,

№ 324. Ломбардскіе города.



Каносса находится на юго-западъ отъ Реджіо. Леньяно находится къ сѣверо-западу отъ Милана на полъ-дорогѣ отъ южной оконечности Лаго-Маджіоре.

образцовъ для подражанія скорѣе въ исторіи, чѣмъ въ своемъ личномъ опытѣ. Подобно Арнольду изъ Брешіи каждый итальянскій городъ, пытавшійся освободиться отъ феодальной власти, обращалъ свои взоры на прошлое древняго Рима, стараясь найти тамъ образцы для подражанія, учреждалъ для себя консуловъ и народныхъ трибуновъ, которымъ поручалось защищать свободу гражданъ противъ всякихъ поползновеній со стороны властей. Такое возрожденіе городскихъ общинъ совершалось по направленію отъ юга къ сѣверу, шло по тому же пути, по которому распространялось вліяніе Рима 12—15 вѣковъ тому назадъ; въ началѣ XII вѣка всѣ города сѣверной Италіи превратились въ рядъ маленькихъ Римовъ, причемъ во всѣхъ демократическому элементу предоставлялась болѣе значительная роль, чѣмъ въ Вѣчномъ городѣ.

И какъ трудна была для этихъ новыхъ общинъ защита ихъ свободы! Города Ломбардіи не обладали тѣмъ преимуществомъ защищенности, какое было свойственно Венеціи и Генуѣ—одну изъ нихъ защищали воды, другую стѣна Апеннинъ, — находясь въ менѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ города Тосканы, защищаемые гребнями горъ, холмами и лѣсистыми пространствами, эти города Ломбардіи не имѣли даже ни одной возвышенности, на которой можно было бы соорудить хорошую крѣпость. Расположенные на гладкой равнинѣ, они, тѣмъ не менѣе, пытались установить свою жизнь сообразно со своими вкусами, и, чувствуя, что путемъ неустаннаго труда силы ихъ возрастаютъ, они научились заставлять другихъ уважать себя, несмотря на то, что опасности постоянно возникали вновь. Ежегодно Миланъ, Павія, Кремона видѣли, какъ съ Альповъ спускаются вооруженныя толпы германскихъ грабителей, ихъ страшныхъ враговъ, являвшихся, однако, еще болѣе опасными въ томъ случаѣ, когда съ ними вступали въ союзъ.

Правда, всѣ свободныя общины могли объединяться противъ внѣшнихъ враговъ и выставлять противъ нихъ крупныя вооруженныя силы. Подъ давленіемъ событій нерѣдко ломбардскіе города и объединялись или въ отдѣльные, или въ общіе союзы. Часто, впрочемъ, также они, несмотря на угрожающую опасность, оставались и разъединенными, или даже между ними самими возникалъ раздоръ, и они приносили въ жертву личнымъ симпатіямъ и личной враждѣ лучшее будущее страны. Граждане вѣдь нерѣдко ничего не видятъ за предѣлами стѣнъ собственнаго города и даже въ самомъ городѣ иногда заботятся лишь о своей партіи или о группѣ изъ нѣсколькихъ родовъ, стремящихся къ власти или не желающихъ выпустить ее изъ рукъ! Отсюда постоянныя несогласія, вѣчная борьба и месть, дѣлавшія изъ наилучшихъ областей Европы обширное поле битвы,—безсмертный геній Данте увѣковѣчилъ эту борьбу и заставилъ ее продолжаться и за предѣлами жизни въ кругахъ ада. Всѣ эти безчисленныя войны итальянскихъ республикъ, перемѣщавшія непосредственно ихъ центръ тяжести, были лишь отдѣльными эпизодами въ той вѣковой борьбѣ, которая предоставляла во власть папы и императоровъ центральную и южную Европу. Соперничество отдѣльныхъ родовъ, отдѣльныхъ общинъ сливалось въ соперничество между «Гвельфами» и «Гибелинами».

Эти знаменитыя имена, повторявшіяся особенно часто въ богатой Италіи, въ этомъ обычномъ мѣстѣ встрѣчъ германскихъ грабителей, по происхожденію своему относились къ германскимъ родамъ. «Гвельфы» прежде всего были сторонники рода Вельфовъ, обширныя владѣнія котораго простирались съ перерывами отъ Балтійскаго до Средиземнаго моря, и представитель котораго, Генрихъ Гордый, герцогъ Баварскій, разсчитывалъ въ 1138 г. получить послѣ Лотаря имераторскій престолъ.

«Гибелины» были сторонники его соперника Вайблингера или владѣтельнаго князя Вайблинга, герцога Швабскаго, Конрада Гогенштауфена. Оба эти наименованія, возникшія, такимъ образомъ, отъ простого соперничества двухъ кандидатовъ на императорскій тронъ, получили, въ концѣ концовъ, совершенно общее значеніе: въ Гвельфахъ видѣли враговъ императора и друзей папы, тогда какъ Гибелины считались противниками римскаго первосвященника, сторонниками императорской власти и гражданскаго господства. Въ постоянномъ хаосѣ гражданскихъ и общихъ войнъ между представителями церкви, королями и общинами, взятыя на себя обязательства, заключенные трактаты и союзы имѣли лишь самое мимолетное значеніе, и взаимныя отношенія партій непрестанно мѣнялись. Такъ, не видимъ ли мы, напр., уже въ самомъ началѣ столкновенія между Гвельфами и Гибелинами, что римскій папа является сторонникомъ послѣднихъ и выступаетъ какъ бы противъ собственныхъ защитниковъ. Что касается итальянскихъ республикъ, заботившихся лишь о своей собственной свободѣ, то онѣ постоянно были настороже и старались узнать, съ какой стороны болѣе шансовъ получить защиту или усилиться. «Итальянцы—говорится въ одномъ изъ мемуаровъ среднихъ вѣковъ—постоянно желали получить двухъ властителей для того, чтобы на самомъ дѣлѣ не имѣть ни одного». Политика, безъ сомнѣнія, остроумная, но въ то же время политика гнусная, приспособлявшаяся къ самымъ низменнымъ побужденіямъ, ко всевозможнымъ измѣнамъ и предательствамъ, политика, которая неизбѣжно должна была привести къ двойному порабощенію гражданъ, къ порабощенію ихъ и папою и императоромъ!



Фридрихъ Барбаросса.
(По старинной гравюрѣ Національной Библіотеки).

Однако, и у этихъ городовъ были свои свѣтлые дни. Даже и знаменитѣйшій изъ германскихъ императоровъ, Фридрихъ Барбаросса, тотъ самый, который, по преданію, олицетворяетъ въ себѣ всю Германскую имперію и, на самомъ дѣлѣ, наиболѣе энергичнымъ образомъ защищалъ божественную власть императоровъ, какъ властителей и духовныхъ и гражданскихъ, даже и этотъ рыцарь, вѣчно закованный въ латы и вооруженный острымъ мечомъ, не могъ побѣдить сопротивленія, оказаннаго итальянскими городами: первый разъ, въ 1155 г., онъ долженъ былъ пройти мимо Милана, не рѣшившись взять его приступомъ, позднѣе онъ взялъ, однако, этотъ городъ и даже сдѣлалъ видъ, что сравнялъ его съ землею, пройдя плугомъ по его развалинамъ (1062); но затѣмъ ему пришлось испытать немалое разочарованіе, когда онъ увидѣлъ, что стѣны и зданія Милана снова сами собою возникаютъ и возстановляются, и въ то же время воздвигается новое укрѣпленіе, получившее въ честь папы имя Александріи и построенное по всѣмъ даннымъ военной науки и техники, въ равнинахъ Пьемонта, въ самомъ важномъ стратегическомъ центрѣ, гдѣ сходятся главнѣйшіе военные пути. И столь презиравшіеся имъ горожане примѣнили противъ него военное искусство, безусловно значительно превосходившее его собственное. Армія его растаяла, и онъ самъ долженъ былъ бѣжать переодѣтый, рискуя быть схваченнымъ въ горныхъ проходахъ Зузы. Предпринимая новый походъ, онъ столкнулся съ войсками городскихъ общинъ, сгруппированными вокругъ огромной боевой колесницы, богато украшенной «carrocio», на которой развѣвалось знамя свободныхъ людей, и потерпѣлъ при Леньяно, въ 1176 г., такое пораженіе, что съ тѣхъ поръ не рѣшался болѣе явиться въ Ломбардію. Онъ принужденъ былъ подписать мирный договоръ и преклонить свои колѣна въ соборѣ св. Марка въ Венеціи предъ папою Александромъ III, поцѣловать его туфлю, 20 лѣтъ спустя послѣ того, какъ самъ держалъ стремя папы Адріана IV.

Одинъ изъ послѣдователей Барбароссы, Фридрихъ II, избранный въ началѣ XIII вѣка, возобновилъ борьбу съ ломбардскими городами,— борьбу менѣе задорную, но ведшуюся съ большимъ умѣніемъ, такъ что одно время можно было думать, что онъ окончательно побѣдитъ; онъ, однако, скоро погибъ. Борясь съ общинами, которыя старались совершенно освободиться отъ его опеки, онъ былъ, тѣмъ не менѣе, въ самой широкой степени представителемъ цивилизованнаго міра Италіи, возстававшаго противъ варварской Германіи; точно также, принимая участіе въ крестовыхъ походахъ, какъ-будто его на самомъ дѣлѣ одушевляла христіанская вѣра, онъ обнаруживалъ въ то же время полную терпимость по отношенію къ своимъ подданнымъ магометанамъ и велъ себя почти какъ деспотъ Востока, не проявляя никакихъ наслѣдственныхъ предразсудковъ, свойственныхъ ему какъ германцу и католику.

Потому-то и ему, въ свой чередъ, пришлось дожить до того, что про-

№ 325. Царство Фридриха II.



тивъ него самого былъ объявленъ крестовый походъ, и борьба, которую велъ папа съ нимъ, была скорѣе борьбою съ еретикомъ, чѣмъ съ со-

перникомъ. Ему приписывались даже сочиненія, направленныя противъ религіи, противъ святыхъ и противъ Божества. Это былъ, дѣйствительно, образованный и развитой человѣкъ; онъ изучалъ на трупѣ строеніе органовъ человѣческаго тѣла, писалъ въ прозѣ и въ стихахъ, зналъ въ совершенствѣ языки и говорилъ на всѣхъ нарѣчіяхъ своей имперіи, по-арабски и по-гречески, по-итальянски и по-провансальски, такъ же легко, какъ и по-нѣмецки.

Въ Сициліи и въ южной Италіи политика его была полнымъ продолженіемъ политики, преслѣдовавшейся норманскими князьями. Эти завоеватели, пришедшіе со слишкомъ незначительнымъ количествомъ войска, не могли пренебрегать тѣми элементами политической и національной жизни страны, которые уравновѣшивали другъ друга,—они старались сохранить это равновѣсіе и, подобно тому, какъ дѣлали еще до нихъ арабы, охраняли полную свободу вѣроисповѣданія, чѣмъ ревностные поборники христіанства были не мало скандализованы. Въ XII вѣкѣ Сицилія представляла единственное въ своемъ родѣ и поразительное зрѣлище: это была страна, въ которой каждый изъ ея обитателей поклонялся тѣмъ божествамъ, какія ему нравились. Точно также и административная автономія была сохранена какъ по отношенію къ арабамъ и берберійцамъ, евреямъ и грекамъ, такъ и по отношенію къ туземцамъ Сициліи. Благодаря свободѣ, эти столь различные элементы, имѣвшіе всѣ данныя къ тому, чтобы породить жестокія внутреннія войны, не обнаруживали никакого броженія, никакой наклонности къ борьбѣ, и страна самымъ мирнымъ образомъ развивала свою промышленность и богатѣла. Греки ввели тамъ шелководство, другіе чужеземцы также внесли свою лепту профессіональными познаніями и искусствами. Весьма вѣроятно, что компасъ, каково бы ни было его первоначальное происхожденіе, и независимо отъ того, былъ ли онъ изобрѣтенъ на мѣстѣ, или ввезенъ изъ другихъ странъ, чрезъ посредство арабовъ, получилъ именно въ сицилійскихъ водахъ впервые болѣе широкое примѣненіе. Самое названіе его «буссоль»—слово сицилійское и обозначающее «деревянный ящичекъ». Что касается изображенія цвѣтка лиліи, вырѣзаемаго еще и до настоящаго времени на картушкѣ буссоли, то это изображеніе только и могло попасть туда въ королевствѣ «Обѣихъ Сицилій», гдѣ управляли въ концѣ XIII вѣка представители дома Анжу; употребленіе этого украшенія отнюдь не говоритъ, однако, за то, что открытіе дѣйствія магнитной стрѣлки относится именно къ данному времени, а не произошло значительно ранѣе. Первое упоминаніе о кораблѣ, управлявшемся при помощи буссоли, должно быть отнесено къ 1294 г.: въ этомъ году корабль «Св. Николай», вышедшій изъ Мессины, располагалъ двумя «палочками» или «морскими иголками» со всѣми необходимыми для нихъ

принадлежностями [1]). Легенда о томъ, что компасъ былъ изобрѣтенъ будто бы въ тѣ времена однимъ изъ обитателей Амальфи, не основывается ни на какихъ письменныхъ документахъ данной эпохи и объясняется простою ошибкою современныхъ комментаторовъ.

Фридрихъ II велъ образъ жизни настоящаго восточнаго властителя въ своемъ неаполитанскомъ городѣ Люцерѣ, который онъ превратилъ въ живой и бойкій торговый и промышленный сарацинскій городъ,—такой образъ жизни его, разумѣется, долженъ былъ казаться прямо чудовищнымъ въ глазахъ фанатиковъ-христіанъ. Его императорское знамя носило изображеніе слона, символизировавшаго полную отчужденность отъ европейскаго міра, къ коему Фридрихъ объявлялъ себя причастнымъ. Несмотря на значительные рессурсы, которыми обладали его средиземноморскія владѣнія, онъ находился въ крайне затруднительныхъ обстоятельствахъ, такъ какъ имперія его была расщеплена на географически несвязанныя между собою области. Резиденція его въ южной Италіи находилась слишкомъ далеко отъ естественнаго центра имперіи, такъ что неминуемо должна была наступить дезорганизація всего обширнаго цѣлаго. Римъ и ломбардскіе города, стоявшіе германскимъ императорамъ поперекъ



Турню. Фасадъ церкви св. Филиберта.

1) Ch de la Roncière. «Un Inventaire de Bord en 1294». Bibliothèque de l'Ecole des Charles, 1897.

дороги, нерѣдко увеличивали тѣ препятствія, которыя создавала естественная преграда многочисленныхъ хребтовъ Альповъ, и прекращали совсѣмъ его сношенія или замедляли ихъ. Германскій міръ и оффиціально признанный повелитель его находились такъ далеко другъ отъ друга, что населеніе Германіи пріучалось обходиться безъ императора, и торговые города пользовались этимъ случаемъ для закрѣпленія своей свободы и упроченія связи другъ съ другомъ. Трудно было ожидать, чтобы при такихъ условіяхъ императорская власть не потерпѣла пораженія. Дѣйствительно, послѣ того какъ Фридрихъ II былъ разбитъ и скончался (1250 г.), родъ Гогенштауфеновъ, представителямъ коего суждено было вести жизнь, полную приключеній, угасъ самымъ жалкимъ образомъ; римскій папа, одержавшій побѣду въ борьбѣ, которая длилась 200 лѣтъ, и стремившійся искоренить ересь, которую терпѣли германскіе властители, поручилъ управленіе обѣими Сициліями жестокому и испорченному Карлу Анжуйскому,—онъ ожидалъ, что этотъ король окажетъ услуги, совершенно подобныя тѣмъ, которыя оказалъ его дядя, король Франціи, истребившій альбигойцевъ.

Древнія, подвергшіяся латинскому вліянію провинціи южной Галліи, отъ Марселя до Тулузы, испытывали менѣе часто нашествія варваровъ, чѣмъ равнинныя страны сѣвера, и довольно успѣшно защищались отъ жестокостей рыцарей-феодаловъ. Благодаря своимъ стариннымъ привилегіямъ и своей городской организаціи, основывавшейся на давнихъ традиціяхъ, а также часто и благодаря своимъ высокимъ стѣнамъ и своей храбрости, граждане южныхъ французскихъ городовъ поддерживали и развивали цивилизацію, значительно превосходившую цивилизацію сѣверной Франціи. Они воспользовались также торговлей арабовъ для возобновленія своего искусства, для увеличенія своихъ знаній,—они сдѣлались въ Европѣ передовыми людьми въ области наукъ и работы мысли. Ихъ превосходный языкъ, которому суждено вскорѣ было выродиться на долгіе вѣка въ провансальское нарѣчіе, былъ однимъ изъ изящнѣйшихъ и наилучше сложившихся языковъ романскаго корня и получилъ даже за предѣлами областей Тулузы и Прованса нѣкоторое преобладаніе,—можно было ожидать, что онъ, въ качествѣ литературнаго языка, замѣнитъ собою латинскій. «Еретическія ученія» или то, что правовѣрные католики называли этимъ именемъ, развили умы, и люди не только въ замкахъ, но даже и на общественныхъ площадяхъ рѣшались вести дебаты о догматахъ религіи и о вѣрованіяхъ,—мало того: происходили настоящія состязанія въ свободомысліи.

Этимъ южнымъ городамъ препятствовало въ ихъ попыткахъ окончательно эмансипироваться то обстоятельство, что они обращали свои взоры къ прошедшему, подобно тому, какъ мы это видѣли въ случаѣ съ

Арнольдомъ изъ Брешіи. Города эти придавали слишкомъ большое значеніе своей муниципальной организаціи, удовлетворялись формализмомъ своихъ церемоній, установленныхъ традиціями, и не были воодушевлены тѣмъ новымъ духомъ и тѣми новыми идеями, которыя создавались общими интересами торговли и промышленности въ городахъ Ломбардіи и сѣверной Европы. Современная жизнь не могла развиваться съ достаточнымъ подъемомъ и свободою въ этой средѣ, загроможденной развалинами римской цивилизаціи. Кромѣ того, хотя феодальный строй и являлся на югѣ Галліи менѣе жестокимъ, чѣмъ во всей остальной странѣ, онъ все же представлялъ собою власть немногихъ лицъ, преслѣдовавшихъ свои личные интересы,— интересы, діаметрально противоположные таковымъ ихъ подданныхъ; лица эти также располагали крупными денежными рессурсами, еще сильнѣе увеличивавшими ихъ могущество.



Ауто-да-фе въ присутствіи Св. Доминика.

Другое обстоятельство, чисто-географическаго характера, содѣйствовало также уменьшенію силы сопротивленія обитателей юга Франціи. Страна ихъ не представляла собою одного цѣлаго, хорошо приспособленнаго къ защитѣ; наоборотъ, она съ двухъ сторонъ, съ востока и съ запада, была совершенно открыта для нападеній враговъ и около своей середины

являлась настолько суженной, что сообщеніе между защитниками обѣихъ частей страны было затруднено. Со стороны Прованса и Нима долина Роны и со стороны Гвіанны долина Гаронны представляли собою настоящія воронки, въ которыя могли вливаться вторгающіеся враги, тогда какъ на серединѣ разстоянія между этими широкими воротами, перемычка, соединяющая области нижней Оды съ таковыми Іеры, въ бассейнѣ Гаронны, сокращается до узкаго прохода. Такимъ образомъ, тулузцы и альбигойцы, раздѣленные второстепенными хребтами горъ, не могли придти на помощь битерройцамъ и, въ свою очередь, не могли и отъ нихъ получить содѣйствія. Самый рельефъ почвы, долгое время защищавшій обитателей южной Франціи, пока нападенія на нихъ велись безъ особенной послѣдовательности, предуказывалъ, такъ сказать, будущую побѣду сѣверной Франціи. Огромный горный массивъ, вытягивающійся къ югу остріемъ и предоставляющій обитателямъ Лангедока лишь узкій путь между Севеннами и предгорьями Пиренейскихъ горъ, даетъ намъ явственное указаніе на то, каковымъ долженъ былъ быть исходъ войны, называвшейся «альбигойской».

При первыхъ признакахъ бури, обѣщавшихъ, что гнѣвъ папы и его монаховъ разразится противъ еретиковъ юга Франціи, народъ, въ своей наивности, сталъ возлагать всѣ свои надежды на сюзерена, воображая, что онъ представляетъ своей персоной олицетвореніе интересовъ всѣхъ, всего своего преданнаго ему населенія. Въ этомъ случаѣ, однако, какъ и во многихъ другихъ, первымъ предателемъ интересовъ народа былъ человѣкъ, который по своему оффиціальному положенію долженъ былъ бы защищать именно интересы общества и общественное благо. Раймондъ, графъ Тулузскій, испугался угрозъ Церкви и обратился съ воззваніемъ къ монахамъ Сито, приглашая ихъ выступить на защиту церкви противъ своихъ собственныхъ подданныхъ, позднѣе же, найдя безсильнымъ «мечъ духовный», призвалъ на помощь и настоящій мечъ королей Франціи и Англіи. Ему съ удовольствіемъ помогли, но такъ какъ онъ, въ концѣ концовъ, не пожелалъ согласиться на то, чтобы его лишили его собственныхъ владѣній, то онъ затѣмъ самъ подвергся отлученію «какъ еретикъ и распространитель ереси».

Послѣ него сынъ его, Раймондъ VI, охваченный страхомъ, употребилъ все свое царствованіе на то, чтобы ослабить сопротивленіе своихъ подданныхъ противъ вліянія чужеземцевъ, и вполнѣ естественно получилъ въ награду за всѣ свои низости лишь заслуженный позоръ,—онъ сдѣлался простымъ исполнителемъ приказаній своихъ повелителей. Союзъ городскихъ общинъ Лангедока и Прованса, навѣрное, оказалъ бы гораздо болѣе сильное сопротивленіе, если бы ему не приходилось считаться со слабостью, вѣчными колебаніями и ложью его достойныхъ сожалѣнія повелителей.

Сильный и властный первосвященникъ, папа Иннокентій III, могъ не обращать никакого вниманія на такого правителя, какъ Раймондъ VI. Казни еретиковъ были оффиціально начаты въ самой Тулузѣ, передъ дворцомъ графа, и двое монаховъ изъ Сито, получившихъ наименованіе «судей еретиковъ», сдѣлались настоящими властителями города: это были первые инквизиторы, положившіе начало шестивѣковому періоду жестокихъ судилищъ, съ пытками, казнями и кострами. Къ монахамъ, вооруженнымъ мечемъ духовнымъ, присоединились папскій легатъ Петръ Кастельнаускій и миссіонеръ-фанатикъ «братъ Доминго» или Доминикъ, изъ монастыря Осма, самый «нижайшій изъ проповѣдниковъ», какъ онъ себя называлъ, но въ то же время одинъ изъ тѣхъ, которые громче всего говорили отъ имени божественной воли; онъ былъ основателемъ доминиканскаго ордена. Каламбуры и случайныя созвучія именъ играютъ всегда значительную роль въ тѣхъ мнѣніяхъ, которыя слагаются у толпы, и которыя надолго закрѣпляютъ въ ея памяти различныя легенды. Такимъ образомъ, и символическая собака доминиканцевъ—«Domini canis»—оправдывала вполнѣ въ воображеніи народномъ яростныя нападки бѣлыхъ монаховъ противъ всѣхъ еретиковъ, совершенно такъ же, какъ апостолъ Петръ (Pierre) считался ею основателемъ Церкви, такъ какъ каждое зданіе покоится на «краеугольномъ камнѣ» («pierre d'angle»).

Однако, дѣло очищенія страны отъ ереси не подвигалось особенно быстро. Въ 1207 г. Иннокентій III разразился новыми угрозами по отношенію къ Раймонду, слова его представляютъ превосходный примѣръ дипломатическаго языка той эпохи: «Если бы мы могли открыть твое сердце, мы нашли бы тамъ и показали бы тебѣ всѣ отвратительныя преступленія, которыя ты совершилъ, но сердце твое тверже камня, и въ него трудно проникнуть, стучась лишь словами спасенія... Однако, хотя ты и свершилъ много тяжкихъ прегрѣшеній, какъ противъ Бога и Церкви вообще, такъ и противъ насъ въ частности, мы все же предупреждаемъ тебя и повелѣваемъ тебѣ принести покаяніе, соотвѣтствующее твоимъ прегрѣшеніямъ, чтобы ты могъ заслужить благодѣтельное отпущеніе грѣховъ. Если же ты этого не сдѣлаешь, мы не можемъ оставить безнаказаннымъ столь страшное преступленіе, совершенное по отношенію къ Церкви и къ самому Господу Богу,—знай, что тогда мы отнимемъ отъ тебя области, которыми ты владѣешь, получивъ ихъ отъ Церкви, если же и это наказаніе не заставитъ тебя придти въ себя, мы побудимъ всѣхъ сосѣднихъ государей подняться противъ тебя, какъ противъ врага Іисуса Христа и преслѣдователя Церкви, мы разрѣшимъ каждому изъ нихъ захватить такое количество твоихъ земель, какое онъ будетъ въ состояніи, дабы страна не была болѣе заражена ересью»...

Это разрѣшеніе открытаго грабежа, дававшееся сосѣдямъ, было

средствомъ болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ отлученія, анаѳемы и проклятія. Крестовый походъ, проповѣдывавшійся противъ южной Франціи, являлся предпріятіемъ, въ которомъ ересь играла лишь роль предлога: совершенно такимъ же вѣдь образомъ и въ настоящее время всѣ европейскіе завоеватели колоній въ Африкѣ и въ Азіи предаютъ своимъ разыгравшимся аппетитамъ и хищническимъ намѣреніямъ личину стремленій къ гуманности и къ праву,—личина эта, впрочемъ, никого рѣшительно не обманываетъ! Авантюристы являлись во множествѣ, но въ качествѣ основной военной силы необходимы были наемныя войска, которыя завлечь можно было лишь корыстными побужденіями, такъ какъ одной вѣры было отнюдь недостаточно для того, чтобы вызвать ихъ усердіе. Сотни и тысячи еретиковъ «катаровъ» и «патареновъ» были другого мнѣнія о духовной природѣ сына Божія, чѣмъ прелаты, но этого было недостаточно для того, чтобы возбудить ненависть въ широкихъ массахъ Бургони и Иль-де-Франса,—для этого необходимы были болѣе существенныя побужденія и причины. Но вѣдь югъ Франціи былъ богатъ, промышленность его служила крупнымъ центромъ притяженія для всѣхъ сокровищъ средиземноморскаго міра, и вотъ Симонъ де Монфоръ, епископъ-трубадуръ Фулькъ и коварный Доминикъ обращаются ко всевозможнымъ разбойникамъ и грабителямъ, принимавшимъ участіе въ феодальныхъ войнахъ и крестовыхъ походахъ, обѣщаютъ имъ прощеніе прежнихъ грѣховъ и папское отпущеніе грѣховъ будущихъ, сопровождаемое увѣренностью въ томъ, что они попадутъ въ рай. Такимъ способомъ вокругъ нихъ собрались банды достаточно многочисленныя для того, чтобы явилась возможность напасть на сильныя городскія общины юга. Этимъ разбойникамъ и преступникамъ, созваннымъ со всѣхъ странъ Европы, даже изъ самой глубины Германіи, оставалось, къ тому же, слѣдовать въ христіанскихъ странахъ тѣмъ традиціямъ грабежа и насилія, которыя прежде примѣнялись ими же въ странахъ мусульманскихъ. Все предпріятіе должно было также носить названіе «Крестоваго похода», сопровождалось такими же молитвами и такими же поощреніями свыше, какъ и походы для освобожденія гроба Господня, наконецъ, точно также участники должны были подѣлить между собою землю и добычу. «Каждый, хотя бы онъ былъ даже увѣренъ въ томъ, что заслужилъ муки вѣчныя», долженъ былъ получить прощеніе за одно свое участіе въ этой войнѣ, но онъ могъ, конечно, также—и это явилось, разумѣется, еще болѣе важнымъ въ его глазахъ—заполучить, кромѣ того, и не мало мѣшковъ звонкой монеты или добыть себѣ ленъ, если удастся взять приступомъ какой-нибудь патаренскій городъ, или хотя бы даже и городъ, населенный добрыми католиками, если представится предлогъ къ его завоеванію.

Сколько разъ провозглашались подъ различными видами съ небольшими измѣненіями знаменитыя слова монаха изъ Сито, ободрявшаго солдатъ въ бою подъ Безье криками: «убивайте, убивайте, Богъ узнаетъ уже своихъ»! И убивали, дѣйствительно, достаточно; послѣ же битвъ и завоеваній наступила плодотворная дѣятельность казны и



Видъ древней Тулузы.

Церкви: производились конфискаціи по поводу ереси, налагались на народъ поборы и налоги, продавались гражданскіе и церковные лены. При этомъ сведеніи счетовъ довольно легко удавалось достигать соглашенія съ князьями и баронами, такъ какъ за все расплачивался бѣдный народъ, но, что касается городовъ и общинъ, въ которыхъ вѣялъ духъ свободы, то тутъ мщеніе было прямо безжалостнымъ [1])! Свободная иниціатива гражданъ, вотъ въ чемъ видѣли главнаго врага!

Претерпѣвшая различныя превратности война продолжалась 20 лѣтъ, и можно было даже ожидать, что Раймондъ VII, сынъ достойнаго сожалѣнія графа, подвергшагося, по приказу папы, постыдному публичному бичеванію, отвоюетъ, въ концѣ концовъ, обратно наслѣдіе своего отца. Успѣхи его, однако, были мимолетны, и, впрочемъ, если бы даже властители Лангедока и остались оффиціальными повелителями этихъ провинцій, вмѣсто короля Франціи, положеніе было бы въ одинаковой степени печальнымъ, такъ какъ вся страна была усѣяна развалинами, и вся промышленность ея была уничтожена. Въ третій разъ со времени побѣды христіанства фанатизированные грабители сѣвера обрушились на несчастный городъ Тулузу, разграбили его сокровища, истребили его жителей. Въ третій разъ послѣ нападенія франковъ подъ предводительствомъ Хлодвига и обитателей Австразіи подъ предводительствомъ Карла Великаго, воины, которые въ настоящее время назывались уже французами, заставили выбиться изъ-подъ земли на площади Капитолія

1) «La Croisade contre les Albigeois». Edition Mary-Lafon, Introduction, p. 28.

Тулузы фонтанъ крови, который, какъ гласитъ преданіе, появлялся тамъ въ различныя эпохи кровавыхъ бѣдствій. Несмотря на то, что огромный городъ этотъ претерпѣлъ такія ужасныя потрясенія, онъ расположенъ былъ все же настолько удачно въ самомъ центрѣ схожденія путей, что послѣ каждаго такого пораженія возстановлялся вновь, расцвѣталъ и превращался снова въ столицу всей страны, располагающейся между Одой и Жирондой. Однако, утрачивая свою свободу, городъ терялъ и все то, что дѣлаетъ жизнь возвышенной и благородной. Съ того времени побѣжденные не имѣли права даже мыслить по-своему, такъ какъ надъ ними царила инквизиція, наблюдавшая тщательно за каждымъ словомъ, за малѣйшимъ проявленіемъ мысли. Въ бѣшенствѣ, что мертвецамъ удалось ускользнуть отъ наказанія, «братья»-инквизиторы умудрились сжигать на кострахъ даже трупы, не говоря уже про то, что сжигали и живыхъ людей» во славу Господа Іисуса Христа и досточтимаго Доминика». Бернардъ Гюи, авторъ «Pratica», этого руководства инквизиторовъ къ допросу и слѣдствію, хвалился тѣмъ, что въ теченіе шести лѣтъ (съ 1217 до 1223 г.) сжегъ 630 еретиковъ и подвергъ пыткамъ и тюремному заключенію тысячи. Чтобы предупредить развитіе свободомыслія среди молодежи, предназначенной къ занятіямъ такъ называемыми свободными профессіями, былъ основанъ Тулузскій «университетъ»—учрежденіе, въ которомъ то, что тогда называлось наукой, было совершенно порабощено и обращено на службу католичеству. И, какъ бы въ насмѣшку, именно около того самаго времени, когда была основана эта высшая школа, самый языкъ сталъ постепенно исчезать,—превосходное нарѣчіе трубадуровъ видоизмѣнялось въ провансальскій жаргонъ съ его некрасивыми и смѣшными оборотами [1]). Однимъ изъ послѣднихъ тулузскихъ произведеній была прелестная поэма «Крестовый походъ противъ альбигойцевъ», сочиненная неизвѣстно кѣмъ въ 1210 году.

Вслѣдствіе паденія всего юга Франціи, вызваннаго войною съ «альбигойцами», Каталонія и Арагонія потеряли Провансъ и Лангедокъ. До настоящаго времени историки недостаточно оцѣнивали то весьма существенное обстоятельство, что въ XII вѣкѣ, до перваго вторженія французовъ сѣвера въ южныя области, Пиренеи не считались препятствіемъ столь неопреодолимымъ, какимъ они являются даже въ наше время, въ вѣкъ широкаго развитія желѣзныхъ дорогъ. Въ ту эпоху сношенія между обоими склонами Центральныхъ Пиренеевъ были значительно болѣе частыми, чѣмъ теперь, семь вѣковъ спустя. Населеніе Тулузы и Каркассона, съ одной стороны, и Сарагоссы и Лериды—съ другой, находились въ частыхъ сношеніяхъ; по обѣ стороны горъ куль-

---

1) Louis Brand. «Trois Siècles de l'Histoire du Languedoc», p. 76.

тура развивалась параллельно, подъ одними и тѣми же вліяніями, и между населеніемъ бассейна Гаронны и населеніемъ долины Эбро завязывались самыя тѣсныя дружественныя сношенія, несмотря на то, что ихъ разъединяли лѣсныя пространства и высокія горы. Языкъ, на кото-

№ 326. Альбигойская война.



ромъ говорило это населеніе, если не считать небольшихъ различій въ нарѣчіяхъ, былъ одинъ и тотъ же; сношенія поддерживались постоянныя: горные проходы, доступные для всадниковъ, равно какъ и море Сердани, служили въ равной степени путями сообщенія для обитателей какъ сѣвера, такъ и юга. Въ битвѣ при Мюрэ, въ 1213 г., половина войска, носившаго названіе альбигойскаго, состояла изъ арагонцевъ, пришедшихъ вмѣстѣ съ королемъ Педро чрезъ столь рѣдко въ настоящее время посѣщаемые перевалы Салатъ и Арьежъ.

Одинъ изъ лѣтописцевъ, сообщающихъ объ истребленіи тулузцевъ арагонцами, говоритъ, что послѣ этой несчастной битвы «міръ сталъ

имѣть меньше значенія» [1]. Слова эти до извѣстной степени справедливы. Когда феодальное правленіе французовъ было прочно установлено въ равнинахъ южной части страны, и когда самый центръ всей страны, заключающійся между Ламаншемъ и Средиземнымъ моремъ, оказался внезапно перемѣщеннымъ по направленію къ Луарѣ и Сенѣ, долина рѣки Эбро сразу утратила ту силу тяготѣнія, которая привязывала ее къ областямъ, лежащимъ за Пиренеями; этотъ перерывъ въ сношеніяхъ и во взаимномъ обмѣнѣ произошелъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны, такъ что какъ каталанцы, такъ и арагонцы оказались чрезвычайно ослабленными въ смыслѣ своего сопротивленія кастильцамъ, обитателямъ плоскогорій Испаніи. Паденіе одной изъ половинъ провансальско-каталанскаго міра повлекло за собою утрату и другой половины. Можно сказать, что сама природа принимала участіе въ этомъ регрессѣ культуры, который повлекла за собою побѣда Симона Монфора. Съ этого времени Пиренеи какъ бы на самомъ дѣлѣ стали болѣе высокой преградой, разъединяющей оба народа. Сдѣлавшись пограничной чертой двухъ государствъ, солдаты и таможенные чиновники которыхъ ревниво оберегаютъ всѣ проходы, горы эти превратились въ стѣну, обусловливающую полное разъединеніе. Торговля, въ концѣ концовъ, почти исчезла, сношенія обоихъ сосѣдей почти прекратились, развѣ лишь изрѣдка какіе-нибудь контрабандисты рисковали пробираться по крутымъ запретнымъ тропинкамъ. Вина въ созданіи такого барьера, разъединяющаго людей, приписывается природѣ, но это чистѣйшая ложь,—всѣ бѣды должны быть отнесены на счетъ мелкаго соперничества и безсмысленной регламентаціи сношеній между сопредѣльными державами.



Внутренность лавки XV вѣка.
Миніатюра, воспроизведенная библіофиломъ Яковомъ Лакруа.

1) «Les Croisades contre les Albigeois». Edition Mary-Lafon, p. 149.

Въ сѣверной Франціи соперничества, обусловленнаго происхожденіемъ, языкомъ, нравами, религіей, къ счастью, не было, тѣмъ болѣе, что уже и безъ того происходила жестокая борьба, сопровождавшаяся сильнымъ кровопролитіемъ и породившая развитіе общинъ. Въ различныхъ мѣстахъ на помощь движенію пришли различныя благопріятныя обстоятельства, но всюду, гдѣ королевская феодальная и религіозная власть всѣми силами удерживалась, классъ буржуазіи тщетно боролся за полученіе власти. Такъ, въ Иль-де-Франсѣ интересы народа сливались, повидимому, во многихъ отношеніяхъ съ интересами короля: ихъ общія усилія были направлены къ ниспроверженію многочисленныхъ мелкихъ рыцарей, засѣвшихъ въ своихъ замкахъ, къ освобожденію городовъ отъ разбойниковъ, шнырявшихъ вокругъ нихъ, и къ возстановленію свободныхъ торговыхъ сношеній между Сеной и Луарой; однако, обитатели городовъ и деревень ожидали тщетно возмѣщенія за свои военныя заслуги и за помощь оружіемъ, оказанную ими съ большимъ энтузіазмомъ ихъ повелителю-королю. Правда, этотъ послѣдній роздалъ нѣсколько граматъ городскимъ общинамъ, но лишь тѣмъ изъ нихъ, которыя находились за предѣлами его собственныхъ владѣній. Города Мантъ и Дрё были единственными городами изъ непосредственно ему подчиненныхъ, которымъ онъ сдѣлалъ нѣкоторыя уступки въ смыслѣ ихъ правъ; Парижъ не получилъ никакой свободы,—именно вслѣдствіе



Печати общинъ.

1 Руанъ 2. Суассонъ
3. Дижонъ 4. Мобёжъ
5. Дюнкирхенъ 6. Понтуазъ
7. Мёланъ

того, что онъ являлся столицей королевства, онъ и былъ лишенъ всѣхъ своихъ свободъ. Въ теченіе ряда вѣковъ, при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ, причины вполнѣ аналогичныя оставляли этотъ великій городъ подъ постояннымъ подозрѣніемъ и подъ надзоромъ.

Экономическое напряженіе было, однако, столь сильнымъ, какъ въ мірѣ деревенскомъ, такъ и въ мірѣ городскомъ, что въ сотняхъ отдѣльныхъ пунктовъ дѣлались то болѣе, то менѣе удачныя попытки группироваться въ защиту общины и организовать взаимную помощь и поддержку,—такія попытки имѣли мѣсто какъ въ средѣ крестьянъ, такъ и въ средѣ горожанъ. Въ концѣ XI вѣка и въ теченіе XII это движеніе, направленное къ эмансипаціи, пріобрѣло такую интенсивность и получило столь быстрое развитіе, что его можно было сравнить, положительно, со внезапнымъ взрывомъ. Въ любой моментъ и совершенно неожиданно, даже безъ какой-либо связи съ прошедшимъ, люди соединились въ «союзы», въ «гильдіи», въ «синдикаты», въ «братства». Подъ всѣми этими наименованіями подразумѣвались общины людей, страдавшихъ отъ однихъ и тѣхъ же несчастій и старавшихся освободиться отъ угнетенія. Сообразно съ обстоятельствами и съ внѣшними условіями, результатъ ихъ усилій бывалъ чрезвычайно различенъ, и обнаруживались самыя разнообразныя комбинаціи; однако, надо сказать, что нигдѣ, ни одна группа не получила полной независимости, не освободилась окончательно отъ узъ вассальныхъ отношеній, привязывавшихъ ее къ прежнимъ властителямъ, ихъ наслѣдникамъ или ихъ соперникамъ,—отъ узъ, которыя могли послужить къ новому порабощенію освободившихся.

Если оставить въ сторонѣ города юга Франціи, то первымъ примѣромъ такой революціи въ пользу общиннаго строя во Франціи является городъ Манъ, ремесленники котораго, бывшіе тамъ очень многочисленными, сдѣлали попытку въ 1069 г. объединиться въ конфедерацію вмѣстѣ съ окружающими деревнями и замками [1]). Эта новая ассоціація, однако, столкнулась съ Вильгельмомъ Завоевателемъ, властителемъ столь могущественнымъ, что предпріятіе ея не могло удасться: городъ долженъ былъ удовольствоваться благосклоннымъ подтвержденіемъ «его старинныхъ правъ и свободъ». Въ сѣверной части страны, у границъ Фландріи, общины должны были встрѣтить почву болѣе благопріятную. Въ 1076 г. община города Камбрэ пытается насильственнымъ образомъ сорганизоваться и вступить въ борьбу съ архіепископомъ Герардомъ II. Пріобрѣтшій широкую популярность проповѣдникъ Рамирдусъ возбудилъ толпу ремесленниковъ къ возстанію противъ прелата,

1) A. Luchaire. «Les Premiers Capétiens». Histoire de France d'Ernest Lavisse, t. II, 2e partie, p. 348.

но имѣлъ глупость повѣрить въ клятвы архіепископа и сложилъ оружіе. Вскорѣ городъ былъ преданъ огню и мечу, и Рамирдусъ самъ погибъ на кострѣ. Во всякомъ случаѣ, броженіе началось. Въ 1101 г. община

№ 327. Федеральныя общины Лаоннэ.



Камбрэ возстановилась на нѣкоторое время и превратилась даже въ почти независимую республику: она собрала большое войско и наложила свою руку на доходы, получаемые епископомъ. Мало-по-малу, общее движеніе возстанія стало распространяться все шире и шире, несмотря ни на какія анаѳемы, провозглашавшіяся церковью противъ «общины

этого новаго, этого презрѣннаго имени» [1]). Большинство епископальныхъ городовъ Пикардіи и сосѣднихъ областей Бовэ, Нуайона, Лаона, Амьена, Суассона объявили себя, въ свою очередь, свободными. Города, принадлежавшіе графамъ въ той же самой области, легче добились своихъ привилегій, такъ какъ многіе изъ ихъ властителей были на половину соучастниками въ движеніи,— они чувствовали себя счастливыми, что находятъ въ зарождающейся буржуазіи союзника противъ своихъ враговъ—высшихъ властителей.

Область, охваченная освободительнымъ движеніемъ, гдѣ революціонное броженіе общинъ было правиломъ, и гдѣ общины перестраивали совершенно общественныя условія, подчиняя епископовъ и князей буржуазіи,—эта область распространилась къ сѣверу отъ Иль-де-Франса на бассейны рѣкъ Оазы, Энъ, Соммы, Ли и Шельды. Это были страны наиболѣе промышленныя и наиболѣе торговыя въ Западной Европѣ, и тамъ, слѣдовательно, должно было зародиться государство съ новыми соціальными условіями. Уже въ теченіе періода римскаго владычества обитатели береговъ Шельды являлись чрезвычайно искусными ткачами, приготовлявшими льняныя ткани и «birris», которыя вывозились даже за предѣлы Альповъ. Приморскіе луга, окружающіе побережье, были чрезвычайно удобны для разведенія овецъ, и обитатели могли безъ большого труда добывать значительное количество шерсти, гораздо больше, чѣмъ необходимо было для ихъ собственныхъ нуждъ. Благодаря этимъ условіямъ, развились шерстяная промышленность и выдѣлка суконъ. «Сукна фризовъ начала среднихъ вѣковъ являются не чѣмъ инымъ, какъ тѣми же суконами, фабриковавшимися въ римскую эпоху моринами и менапійцами, лишь подъ новыми названіями» [2]). Эти сукна были хорошо извѣстны на ярмаркахъ въ Сенъ-Дени, начиная со временъ Меровинговъ, затѣмъ ихъ вывозили въ огромномъ количествѣ по рѣкамъ Бельгіи въ Центральную Европу, тогда какъ въ то же время изъ портовыхъ городовъ ихъ вывозили въ Великобританію и Скандинавію. Таково было начало расцвѣта этихъ промышленныхъ городовъ сѣверной Франціи и Фландріи.

За сто лѣтъ до крестовыхъ походовъ формы письменныхъ договоровъ были извѣстны и примѣнялись лишь среди благороднаго сословія и среди представителей церкви; теперь же и буржуазія и даже крестьяне стали объединяться для того, чтобы добиться такихъ договоровъ, такихъ «выкуповъ», дающихъ свободу: число пергаментовъ, утверждающихъ древнія права и дающихъ права новыя, увеличивается до многихъ сотенъ и даже тысячъ. Даже крѣпостные становятся свободными, объединяясь въ общины и утверждая за собою права письмен-

---

1) Abbé Guibert de Nogent, cité par A. Luchaire. «Les premier Capétiens», p. 349.—2) H. Pirenne. «Histoire de la Belgique», t. I, p. 5, см. также pp. 171—179.

ными договорами. Послѣ установленія крупныхъ городскихъ общинъ, утвержденныхъ присягою, возникло и множество мелкихъ общинъ по тому же самому плану. Въ нѣкоторыхъ областяхъ это являлось даже

№ 328. Графство Фландрское въ XII вѣкѣ.



1 : 2 000 000

0 50 100 Километр

Линія, нанесенная пунктиромъ, означаетъ современную границу между языками фламандскимъ и франко-валлонскимъ. Фландрія въ эту эпоху составляла часть королевства Франціи за исключеніемъ области, расположенной на правомъ берегу Шельды, отъ г. Ганъ (Гентъ) до Алоста.

правиломъ. Люшеръ приводитъ четыре селенія въ области Лаонъ и шесть селеній суассонскихъ, которыя сорганизовались въ земельныя федераціи [1]). Грамата города Арраса являлась образцомъ, по которому составлялись въ большинствѣ случаевъ и другіе договоры городскихъ общинъ. Городъ этотъ пріобрѣлъ даже нѣкоторую преобладающую роль среди другихъ общинъ, быть-можетъ, изъ-за того, что онъ обладалъ мо-

1) A. Luchaire. «Les Communes françaises à l'époque des Capétiens», pp. 69 ss.

нетнымъ дворомъ: именно предъ судилищемъ изъ старшинъ Арраса графы фландрскіе выговорили себѣ право привлекать магистраты другихъ городовъ, обвиняемые въ неправильныхъ судебныхъ рѣшеніяхъ.

Обширныя земледѣльческія равнины, открытые города которыхъ являлись рынками лишь для земледѣльцевъ ближайшихъ окрестностей, оставались почти всѣ подъ властью феодаловъ, такъ какъ условія борьбы были слишкомъ неблагопріятными для недовольныхъ. Такимъ образомъ, въ долинѣ Луары, за исключеніемъ Орлеана, горожане не дѣлали никакихъ попытокъ къ образованію федерацій общинъ, по крайней мѣрѣ, попытокъ, настолько значительныхъ, чтобы онѣ были отмѣчены исторіей. Къ югу отъ Луары, однако, на великомъ торговомъ пути западной Франціи, попробовалъ освободиться городъ Пуатье: это было въ 1137 г., въ первый годъ царствованія Людовика VII. Послѣдній тотчасъ же понялъ опасность, и первѣйшей его заботой было начать военныя дѣйствія, чтобы задавить зарождающіяся общины. Безъ сомнѣнія, вся область Пуату грозила быть для него потерянной, такъ какъ главный городъ ея образовалъ мирную конфедерацію и заключилъ дружественный союзъ съ другими городами и городками провинціи. Эта лига Пуату сложилась вполнѣ по образцу ломбардскихъ федерацій, но она не обладала ни средствами, ни могуществомъ противниковъ Барбароссы.

Во Фландріи сѣверныя общины достигли наибольшей славы и расцвѣта. Самое наименованіе Фландріи возбуждаетъ въ настоящее время представленіе о странѣ совершенно германской—такъ называется часть Бельгіи, гдѣ говорятъ на древнемъ нарѣчіи «thiois»; однако, въ эпоху коммунальной революціи это наименованіе отнюдь не имѣло спеціальнаго этнографическаго значенія,—его значеніе было чисто-политическимъ и примѣнялось ко всѣмъ странамъ, находящимся подъ покровительствомъ графовъ фландрскихъ, равно какъ и къ обитателямъ Арраса, и городовъ Брюгге и Ганъ (Гентъ). Впрочемъ, вѣдь и до сихъ поръ говорятъ «Лилль во Фландріи» [1]), хотя городъ этотъ находится уже съ незапамятныхъ временъ за предѣлами распространенія того германскаго нарѣчія, которое называется обыкновенно фламандскимъ. Перевороты, совершавшіеся во Фландріи и предшествовавшіе господству городскихъ общинъ, отнюдь не имѣли національнаго характера, какъ часто указывается современными патріотами: они имѣли характеръ чистѣйшихъ соціальныхъ переворотовъ, т.-е. по существу были гораздо болѣе серьезными, чѣмъ ихъ стараются представить. Въ равной степени, впрочемъ, несомнѣнно, что неизбѣжнымъ результатомъ этнографическаго развитія было настойчивое сопротивленіе новымъ вѣяніямъ со стороны фламандскихъ городовъ, которое обусловило отдѣленіе областей южной части и подготовило, такимъ

---

1) H. Pirenne. «Histoire de la Belgique», p. 89.

образомъ, возникновеніе въ будущемъ отдѣльнаго государства—Бельгіи.



Торговые ряды и башня Брюгге.

Во Фландріи особенное значеніе, какъ промышленное, такъ и торговое, получилъ городъ Брюгге,—значеніе совершенно исключительное,

такъ какъ многіе крупные историческіе пути соединялись вблизи него. Судоходныя рѣки, именно низовья Рейна, Мааса, Шельды, являлись самою природою предназначенными главными путями, по которымъ совершался обмѣнъ товаровъ, но судоходство на нихъ было отнюдь не всегда свободнымъ,—иногда оно затруднялось, благодаря наводненіямъ, измѣненію русла рѣкъ, бурямъ, иногда благодаря мѣстнымъ затрудненіямъ, вызывавшимся таможенными препятствіями или военными и политическими условіями; вслѣдствіе этого торговля цѣнила чрезвычайно высоко городъ Брюгге, связанный съ моремъ каналомъ, который былъ доступенъ во всякое время. Чрезвычайно важный торговый путь, проходившій чрезъ него внутрь страны, замѣнялъ собою часто путь рѣчной: торговцы охотно избирали дорогу, ведущую прямо на западъ, чрезъ Маастрихтъ [1]), къ низменнымъ пространствамъ Фландріи. Брюгге опередилъ Антверпенъ и сдѣлался настоящимъ портовымъ городомъ Рейна, несмотря на то, что онъ располагался на далекомъ разстояніи отъ устья этой рѣки; городъ Ганъ (Гентъ), лежавшій внутри страны, сдѣлался главнымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ, которыми обмѣнивались Германія и Голландія [2]). Эти два города, Брюгге и Ганъ, находились не только въ точкѣ отправленія огромной торговли съ Германіей, но являлись въ то же время и естественными этапами между югомъ и сѣверомъ Европы. Брюгге носилъ не менѣе космополитическій характеръ, какъ Венеція,—чрезъ его посредство морское право, зародившееся на берегахъ Средиземнаго моря, сдѣлалось извѣстнымъ и мореходамъ Нѣмецкаго моря; эти послѣдніе обозначали морское право названіемъ «Zeerecht van Damme», по имени гавани города Брюгге, находившейся нѣкогда въ устьяхъ рѣки Цвинъ. Такимъ же образомъ, на океаническомъ побережьѣ Франціи, морскіе правовые порядки были узаконены для французскихъ и англійскихъ мореплавателей подъ наименованіемъ «обычаевъ Олерона». Именно благодаря всемірности своей торговли городъ Брюгге долженъ былъ воздерживаться отъ вступленія въ конфедерацію свободныхъ городовъ Германіи,—онъ былъ открытъ слишкомъ широко міровымъ торговымъ сношеніямъ для того, чтобы суживать поле своей дѣятельности частными соглашеніями. Около конца XIII вѣка въ сочиненіи, составленномъ для пользованія торговыхъ мореходовъ, перечисляется болѣе тридцати различныхъ странъ, какъ христіанскихъ, такъ и мусульманскихъ, «изъ которыхъ товары стекаются въ Брюгге»; ни одна страна не можетъ быть сравнена по своему торговому движенію «съ землею Фландріи» [3]). Послѣ завоеванія Артуа Филиппомъ Августомъ, Брюгге сдѣлался также

1) Маастрихтъ (Maestricht)—передѣлка латинскаго названія «Trajectum ad Mosam».—2) H. Pirenne. «Histoire de Belgique», pp. 240—244.—3) Warnkoenig-Gheldolf. «Histoire de la Flandre», t. II, p. 516, цитир. Pirenne.

городомъ, замѣчательнымъ своими банками,—въ его банкирскихъ конторахъ сконцентрировалась вся западная торговля.

Одновременно съ организаціей общинъ развивалось федеративное

№ 329. Города германской Ганзы.



Дальше всѣхъ городовъ отстояли отъ моря Бреславль, Эрфуртъ, Андернахъ и Динанъ.— Любекъ, бывшій однимъ изъ городовъ имперіи въ 1226 г., въ 1241 г. заключилъ союзный договоръ съ Гамбургомъ, затѣмъ съ Сёстомъ, съ Бременомъ и со всѣми другими городами.

Правила морского кодекса Висби были заимствованы изъ Любекскаго морского уложенія, изъ законовъ Олерона, изъ рѣшеній судебныхъ Дамма и Весткапелле во Фландріи, равно какъ и изъ обычаевъ Амстердама (А), Ставорена (Ст) и Енхуйзена (Ен) (Г. Блондель).

движеніе между ремесленниками, занимавшимися одинаковымъ ремесломъ, и между торговцами, ведшими одну и ту же торговлю. Побуждаемые общностью интересовъ, торговцы одного какого-нибудь города объединя-

лись съ таковыми же сосѣднихъ городовъ, иногда даже расположенныхъ далеко отъ нихъ: такимъ образомъ, возникала международная корпорація внѣ какой-либо зависимости отъ языка, политическихъ условій и обычаевъ. Въ каждомъ изъ союзныхъ городовъ, объединившихся съ цѣлью торговли вообще или въ видахъ какой-либо ея спеціальной отрасли, большинство обитателей не имѣло общихъ интересовъ и не было между собою знакомо; тогда какъ, съ другой стороны, члены вышеупомянутыхъ торговыхъ лигъ объединялись, несмотря ни на какія преграды, представлявшіяся въ видѣ раздѣляющихъ ихъ морей и земель. Эта новая жизнь, проникавшая все тѣло Европы и создававшая совершенно новую организацію, предвозвѣщала появленіе новаго міра,—міра будущаго, совершенно отличнаго отъ того міра, который существовалъ до сихъ поръ подъ управленіемъ папы или императора, монаховъ или феодаловъ.

Первое возникновеніе Ганзы, пока еще очень темное, относится къ началу XI вѣка. Въ эту эпоху торговцы Кёльна, соединившись съ гражданами вестфальскихъ городовъ, владѣли въ Лондонѣ торговой конторой, пользовавшейся особыми привилегіями, покупки и продажи совершались здѣсь съ большою для нихъ выгодою. Позднѣе городъ Любекъ сдѣлался главнымъ мѣстонахожденіемъ торговыхъ судилищъ, равно какъ и кассаціоннаго суда; этотъ городъ по своему экономическому значенію считался «царицей Ганзы». На берегахъ Балтійскаго моря въ серединѣ XIII вѣка возникъ городъ Висби, «золотой городъ», на островѣ Готландѣ—одинъ изъ трехъ ганзейскихъ городовъ сѣверо-восточной Европы, «въ немъ свиньи стояли въ серебряныхъ хлѣвахъ»; городъ этотъ сдѣлался величайшимъ торговымъ складомъ товаровъ, обмѣнивавшихся между Германіей и Скандинавіей, Финляндіей, Эстоніей, Ливоніей и «господиномъ Великимъ Новгородомъ» и Псковомъ. «Законы» Висби считались морскимъ кодексомъ всѣхъ мореплавателей Балтійскаго моря. Затѣмъ вліяніе германскихъ торговцевъ, устроившихся въ заграничныхъ торговыхъ конторахъ, возымѣло обратное дѣйствіе на ихъ отечество, и многочисленные германскіе города стали одинъ за другимъ присоединяться къ Ганзѣ, попадая подъ покровительство св. Николая и обоихъ главныхъ городовъ—Любека и Гамбурга; изъ нихъ въ первомъ концентрировалась торговля Балтійскаго, во второмъ—торговля Нѣмецкаго моря.

Около 1250 г. конфедерація эта обнимала въ центральной Европѣ болѣе 75 городовъ, причемъ союзъ ихъ, основывавшійся на экономическихъ отношеніяхъ, превратился вполнѣ естественно въ политическую лигу; сознаніе своей силы позволило горожанамъ даже вмѣшиваться въ политическія событія, проявлять свою собственную иниціативу, опирающуюся нерѣдко на вооруженныя силы, нанимавшіяся за деньги. Въ 1362 г. ганзейскій флотъ отомстилъ городу Копенгагену за торговыя

притѣсненія, отъ города этого были отняты его колокола, и вскорѣ послѣ того города Ганзы заключили съ Даніей унизительный для нея договоръ, которымъ было утверждено на нѣкоторое время политическое владычество Ганзы надъ всей Скандинавіей.

№ 330. Ганза и Венеція.



Черными точками отмѣчены города и торговыя конторы германской Ганзы; кружками отмѣчены города, торговавшіе, главнымъ образомъ, съ Венеціей и Генуей.

Территоріи, покрытыя косой штриховкой, представляли собой территоріальныя владѣнія Генуи (Корсика) и Венеціи (Кипръ, Кандія, Негрепонъ, далматское и греческое побережья).

Нѣкоторыя изъ чужеземныхъ торговыхъ конторъ Ганзы являлись настоящими ея колоніями; таковы были, между прочимъ, рыболовныя селенія, основанныя на островахъ Мёнѣ и Борнгольмѣ, равно какъ и на шведскомъ полуостровѣ Сканіи. Торговый городъ Бергенъ, въ Норвегіи, бывшій мѣстомъ склада товаровъ, содержалъ не менѣе 3000 жителей, переселившихся изъ Германіи. Колоніи, меньшія по размѣрамъ, распредѣлялись вдоль береговъ Англіи, Голландіи и Франціи, гдѣ онѣ находились въ портовыхъ городахъ Гарфлеръ, Гонфлеръ, Ла-Рошель,—

они доходили даже до Португаліи. Въ восточныхъ равнинахъ Европы германская Ганза распространила свою власть на тысячи мелкихъ ассоціацій или артелей, охотниковъ, рыболововъ и всевозможныхъ ремесленниковъ, какъ осѣдлыхъ, такъ и странствующихъ и занимающихся распредѣленіемъ продуктовъ своей промышленности по различнымъ торговымъ городамъ. Сѣверная Франція также обладала собственной «Ганзой»: въ 1237 г. былъ заключенъ договоръ между горожанами Лондона и купцами Амьена, Корби и Несля, которымъ удостовѣрялось право этихъ купцовъ торговать во всей Англіи съ условіемъ уплаты 50 марокъ шерифамъ Лондона за нагрузку и выгрузку товаровъ въ этомъ городѣ (Э. Нисъ). Однако, изъ всѣхъ чужестранцевъ, торговавшихъ въ Лондонѣ, пользовались наибольшимъ кредитомъ «эстерлингеры» или «easterlings» ганзейскихъ городовъ.



Сцены изъ жизни парижскихъ студентовъ.
(Парижскій соборъ, XIII вѣка).

Города Ганзы, вступившіе въ союзъ для защиты своихъ торговыхъ интересовъ, считали себя сами совершенно независимыми республиками, обладавшими полной авторитетностью императорской и королевской власти и подчиненными, исключительно, магистратамъ, выбраннымъ самими горожанами,—высокія стѣны и хорошія укрѣпленія, которыми они были окружены, подобно другимъ городамъ, защищали ихъ противъ всѣхъ поползновеній сюзереновъ; стремясь къ тому, чтобы установить миръ, необходимый для развитія ихъ торговли, они требовали относи-

тельнаго спокойствія и отъ феодальныхъ бароновъ и ихъ воиновъ. Они вмѣшивались также и въ политику скандинавскихъ королевствъ, и, начиная съ 1361 г., когда однимъ изъ датскихъ королей былъ разрушенъ Висби, и вплоть до середины XVI вѣка, они направляли до нѣкоторой степени ходъ политическихъ событій въ сѣверной Европѣ. Однако, соперничество между отдѣльными членами лиги воспрепятствовало дальнѣйшему развитію ея въ соотвѣтствіи съ совершившимся измѣненіемъ внутреннихъ отношеній между державами. У нихъ не было болѣе подъ ногами почвы, которая могла бы служить имъ точкой опоры, но, несмотря на это, они желали сохранить за собою монополію, удержать ее навсегда запретительными мѣрами и даже ограничить въ пользу наиболѣе богатыхъ и могущественныхъ городовъ какъ количество, такъ и значеніе другихъ торговыхъ пунктовъ [1]). Торговля, однако, по существу явленіе чрезвычайно подвижное, и всѣ попытки, дѣлаемыя для ея фиксированія, должны были лишь разогнать посредниковъ и заставить ихъ искать новыхъ путей. Торговля въ значительной степени перемѣстилась, и Ганза, получивъ, благодаря этому, смертельный ударъ, стала постепенно погибать, поглощаемая сосѣдними державами.



Сцены изъ жизни парижскихъ студентовъ.
(Парижскій соборъ, XIII вѣка).

1) Fridrich Ratzel. «Das Meer als Quelle der Vœlkergrœsse», p. 46.

Мы видимъ, слѣдовательно, что, какъ и предчувствовали представители церкви, священнослужители и монахи, которые обрушивались своими страстными проклятіями на «презрѣнную» общину, горожане и ремесленники городовъ, объединявшіеся въ союзы для производства тѣхъ или другихъ продуктовъ или для продажи своихъ товаровъ, освободились насильственнымъ образомъ отъ церковнаго вліянія и сдѣлались, въ концѣ концовъ, даже враждебными ему. Земля общинъ принадлежала лишь въ самой незначительной своей части церквамъ и монастырямъ; въ нѣкоторыхъ городахъ она была даже совершенно выкуплена; духовныя лица не пользовались никакими особыми привилегіями, и если кто-нибудь изъ нихъ совершалъ какой-либо проступокъ, онъ долженъ былъ, подобно всякому другому гражданину, отвѣчать предъ гражданскимъ судомъ: монахи Брюгге не имѣли даже права, существовавшаго въ другихъ городахъ Фландріи или Германіи, потреблять вино изъ своихъ погребовъ, если оно не было оплачено акцизомъ [1]). Доходило до того, что монахамъ запрещалось даже принимать приношенія, и у нихъ отнято было воспитаніе дѣтей. Торговцы основали для своихъ сыновей свѣтскія школы, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, параллельно съ развитіемъ общинъ, университеты перестали быть тѣмъ, чѣмъ они были первоначально,—именно перестали быть духовными корпораціями, находящимися подъ покровительствомъ папы и духовенства. Благодаря возникновенію еретическихъ ученій и духа свободы, они отклонились отъ своей первоначальной цѣли, заключавшейся въ томъ, чтобы воспитывать юношей прежде всего въ вѣрѣ во все сверхъестественное, въ вѣрѣ въ «истины, полученныя путемъ откровенія», и разсматривать всѣ естественныя науки съ точки зрѣнія подчиненія ихъ теологіи.

Впрочемъ, горожане, сохраняя свою вѣру или, по крайней мѣрѣ, свои иллюзіи, старались согласить ихъ со своимъ разумомъ или со здравымъ практическимъ смысломъ. Первый университетъ возникъ въ Болоньи въ 1119 г. и представлялъ собою расширенную школу юридическихъ наукъ, основанную еще въ 425 г. Ѳеодосіемъ II; вслѣдъ затѣмъ быстро возникли одинъ за другимъ другіе центры высшаго образованія въ Италіи, во Франціи, въ Испаніи, въ Англіи, на берегахъ Дуная и Рейна,—всѣ они были сходны между собой по своему дѣленію на факультеты и по группировкѣ учениковъ. Иллюзіи профессоровъ, старавшихся оставаться добрыми христіанами и въ то же время желавшихъ казаться философами, не могли не повлечь за собою извращенія и полнаго паденія вѣры,—въ каждомъ изъ преподавателей обнаруживался уже въ той или другой степени будущій протестантъ [2]). Несмотря на самое упорное сопро-

1) H. Pirenne. «Histoire de la Belgique», t. I, p. 258.—2) Victor Arnould. «Histoire Sociale de l'Eglise», Société nouvelle, janv. 1897, pp. 32, 34.

тивленіе, вліяніе Аристотеля одержало, въ концѣ концовъ, верхъ надъ ученіями св. Августина: вскорѣ не было уже ни одного монаха столь невѣжественнаго, чтобы вѣрить въ плоскую форму земли,—каждый изъ учениковъ, выходившихъ изъ университета, научался изъ греческихъ и арабскихъ книгъ, что земля кругла.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ университеты среднихъ вѣковъ представляли собою корпораціи свободныя, независимыя какъ одна отъ другой, такъ и отъ государства. Они могли отстаивать самымъ энергичнымъ образомъ свои привилегіи и свои свободы отъ посягательствъ князей и ихъ ставленниковъ; благодаря, однако, преобладанію теологіи, по отношеніи къ которой всѣ другія науки играли подчиненную роль, университеты считались образующими составную часть церкви, несмотря на то, что до извѣстной степени они возставали противъ церкви. Студенты-теологи значительно преобладали въ численномъ отношеніи передъ другими, такъ какъ болѣе всего можно было удовлетворить свое самолюбіе, избирая духовную карьеру. Подобно церкви, университеты были открыты для всѣхъ: въ нихъ принимались какъ нищіе, такъ и князья. Вполнѣ допускалось даже, чтобы студенты добывали себѣ сами средства къ существованію нищенствомъ или ручнымъ трудомъ, множество бѣдныхъ студентовъ жило въ качествѣ слугъ у студентовъ богатыхъ, несмотря на то, что и тѣ и другіе въ стѣнахъ университета пользовались одинаковыми правами. Впрочемъ, и въ томъ отдѣльномъ небольшомъ государствѣ, какимъ являлась высшая школа со своими особыми обычаями и законами, всѣ преимущества все же, какъ и во всѣхъ государствахъ, находились на сторонѣ богатыхъ. Обыкновенно ректоръ сильнѣйшимъ образомъ протежировалъ знатнымъ ученикамъ противъ сыновей малосостоятельныхъ горожанъ, тѣмъ болѣе, что онъ обладалъ надъ ними полною властью, какъ духовною, такъ и гражданскою.

Большимъ преимуществомъ средневѣковыхъ университетовъ было то, что они не были заѣдены рутиной, которая обусловливается централизаціей: въ этомъ отношеніи они гораздо болѣе приближались къ тому идеалу, о которомъ грезятъ мыслители, чѣмъ банальныя школы нашихъ дней, гдѣ дрессируются и чеканятся по одному образцу представители молодого поколѣнія, получающіе дипломъ въ качествѣ орудія въ жизненной борьбѣ. Точно также занятія учителей и занятія ихъ студентовъ различались лишь въ маломъ между собою, особенно на философскомъ факультетѣ, называвшемся обыкновенно «факультетомъ художниковъ»; студенты обучали взаимно другъ друга, такъ что, если одинъ изъ членовъ ихъ общества зналъ въ совершенствѣ какую-либо отрасль науки, то онъ поучалъ ей товарищей, и затѣмъ, въ свою очередь, садился на скамью слушателей, когда его мѣсто на каѳедрѣ замѣнялъ кто-нибудь

другой изъ его товарищей, чтобы преподавать другую отрасль науки [1]). Люди всѣхъ возрастовъ учились всѣ вмѣстѣ, такъ какъ университеты не были еще простыми мастерскими для изготовленія докторовъ, и многіе изъ студентовъ проводили очень долгое время въ средѣ университета, занимаясь научною работою, нравившеюся имъ, и не будучи вынуждаемы создавать себѣ быструю карьеру. Наконецъ, университеты имѣли совершенно интернаціональный характеръ, какъ и церковь; они принадлежали не тому или другому городу, той или другой странѣ или тому или другому народу, но всему цивилизованному міру, и студенты, группировавшіеся по національности, находили себѣ общее отечество въ великой школѣ науки, гдѣ всѣ научныя идеи принадлежали всѣмъ безъ различія. Одною изъ наиболѣе свѣтлыхъ чертъ средневѣкового періода является тотъ духъ братства и сердечности, который поддерживался въ тѣсной средѣ искателей истины! Они сознавали, что образуютъ великую республику, слабую еще по численности, но тѣсно объединенную стремленіемъ къ общимъ идеаламъ!

Такимъ образомъ, на поприщѣ науки свѣтское и буржуазное общество работало непрестанно надъ тѣмъ, чтобы освободиться отъ ярма, налагаемаго королевской и церковной властью; область духовнаго развитія принадлежала ему по праву завоеванія, подобно тому, какъ и область ремеслъ, торговли и искусства. Однако, право, даваемое силой, не всегда становилось его удѣломъ въ борьбѣ съ аристократіей, отъ давленія которой оно желало освободиться; честолюбивыя стремленія людей, питаемыя завистью и чувствомъ мести, порождаемыми соціальнымъ неравенствомъ, позволяли аристократіи непрестанно возрождаться, даже когда она казалась уже окончательно побѣжденной. Подобно итальянскимъ республикамъ, и фламандскіе города подпадали поочередно подъ власть то «народа тощаго», то «народа тучнаго». Представители высшихъ сословій или «Geslachten», эти настоящіе патриціи, носившіе названіе также «людей, способныхъ наслѣдовать», старались все забрать въ свои руки—землю, деньги, высшія должности и титулы. Въ тѣхъ случаяхъ, когда представители народа не рѣшались прямо возставать противъ нихъ, а лишь пытались прекращать работу, возникали многочисленныя стачки или «takehans», и въ началѣ XIII вѣка мы видимъ даже, что промышленные города объединяются въ нѣчто въ родѣ Ганзы, съ цѣлью защиты интересовъ хозяевъ противъ ихъ неспокойныхъ рабочихъ. Въ нѣдрахъ городскихъ общинъ таилась «классовая борьба», подобно тому, какъ въ наше время она таится во всѣхъ промышленныхъ націяхъ. Торговое или промышленное сословіе выступало въ качествѣ

1) Jean Janssen. «L'Allemagne à la Fin du Moyen Age», p. 74.

очень суроваго властелина по отношенію къ ремесленникамъ и принимало всѣ мѣры къ тому, чтобы препятствовать всякой эмансипаціи



Соборъ Парижской Божьей Матери. Химеры и фантастическія существа.

низшихъ классовъ, хотя для себя лично такая эмансипація казалась данному сословію вполнѣ законной и необходимой. Рабочіе находились постоянно подъ наблюденіемъ особыхъ шпіоновъ, называвшихся во Фландріи «eswardeurs». Агенты гильдіи имѣли право войти въ любую мастерскую въ какое угодно время, «такъ какъ неприкосновенность

жилища, провозглашенная въ хартіяхъ, данныхъ городскимъ общинамъ, не существовала для мастерскихъ». Доносъ поощрялся тѣмъ, что часть штрафа предоставлялась доносчику, и для того, чтобы легче было организовать надзоръ, отъ ремесленниковъ требовали, чтобы они работали на виду у прохожихъ, у своего окна или передъ дверью [1]. Такимъ образомъ, понятно, почему при каждомъ внутреннемъ несогласіи въ городѣ тотчасъ же находились вооруженныя толпы, состоявшія изъ недовольныхъ рабочихъ. Междоусобныя стычки нерѣдко орошали кровью улицы Брюгге, Ганъ, Ипра и Дуэ; достаточно было любого предлога, любого случая, для того, чтобы междоусобіе возобновилось.

Средневѣковыя общины, какъ ни велико было ихъ преимущество надъ феодальнымъ строемъ, заключали, слѣдовательно, все же внутри самихъ себя зачатки будущей смерти. Онѣ могли бы просуществовать долгое время, или могли бы, по крайней мѣрѣ, развиваться нормальнымъ порядкомъ, если бы представляли собою сплошное ненарушимое цѣлое, сплоченное и стойкое въ смыслѣ стремленія къ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ,—къ сожалѣнію, однако, онѣ были разъединены классовою борьбою и рознью. Правда, противники ихъ также являлись разъединенными, но зато и во много разъ болѣе многочисленными. Общины напоминали собою острова, разсѣянные по безграничному морю. Надъ городскими общинами находились короли и священники, ниже ихъ—рабочіе и крестьяне. И именно вслѣдствіе того, что эти послѣдніе были угнетены, первые, т.-е. прежніе властители, должны были обратно отвоевать свою власть. Исторія указываетъ намъ, что правило это оказывалось въ полной точности во всѣхъ ганзейскихъ городахъ, которые были столь корыстными и столь неумолимо жестокими по отношенію ко всѣмъ, не входящимъ въ составъ лиги. Внѣ ея, какъ и внѣ церкви, нѣсть спасенія! Чужестранцы считались въ глазахъ представителей Ганзы не болѣе какъ добычей,—ихъ не принимали даже на службу на свои суда, имъ не довѣряли никакихъ товаровъ; ни за что на свѣтѣ ни малѣйшая прибыль не должна была сдѣлаться достояніемъ пришельца! И, вмѣстѣ съ тѣмъ, огромная масса крестьянъ являлась почти постоянно совершенно изолированной отъ города,—ихъ изолировали не столько городскіе стѣны и рвы, сколько презрѣніе горожанъ. Сколько разъ города вступали даже въ соглашеніе съ князьями и монархами, «чтобы добыть себѣ выгодные союзы»,—сколько разъ они дѣлались сильнѣйшими врагами тѣхъ, кто долженъ былъ бы являться ихъ самыми естественными друзьями! Однако, побѣды, основывавшіяся на вѣроломствѣ, оканчивались постоянно пораженіями: властители, которымъ довѣрялись общины, приходили нерѣдко въ городъ въ качествѣ весьма

1) H. Pirenne. «Histoire de la Belgique», t. I, p. 255, 256.

опасныхъ союзниковъ или даже диктаторовъ, въ особенности тѣ изъ

№ 331. Храмы византійской архитектуры.



нихъ, кто получалъ титулъ «согражданина», и кто, при отношеніи

къ нему, какъ къ равному, считалъ еще самъ себя настоящимъ повелителемъ [1]).

Какъ бы то ни было, та поразительная иниціатива, которая проявилась въ созданіи общинъ, свидѣтельствовала все же о чрезвычайномъ избыткѣ силъ, сказывавшемся во всѣхъ результатахъ дѣятельности,— памятники этого избытка силъ возвышаются и до сихъ поръ всюду въ видѣ великолѣпнѣйшихъ зданій въ центрѣ городовъ. Свѣтскій духъ принималъ большое участіе въ осуществленіи этихъ твореній зодческаго искусства, которыя совершенно несправедливо, благодаря своему наименованію «церквей» и «соборовъ», считаются продуктами исключительно религіознаго творчества.

Вполнѣ естественно, что многообразные корни этой замѣчательной архитектуры берутъ начало во всѣхъ предшествовавшихъ формахъ цивилизаціи, и, съ точки зрѣнія чисто матеріальной, расцвѣтъ архитектуры можетъ быть объясненъ чрезвычайнымъ прогрессомъ самого строительнаго искусства. Конечно, различіе между тяжелыми, похожими на пещеры, сводами Меровингской эпохи и роскошными соборами, стремящимися въ высь, очень велико, но, тѣмъ не менѣе, можно констатировать между тѣми и другими постепенные переходы. Неопытность архитекторовъ, къ которой, безъ сомнѣнія, примѣшивалось и чувство религіознаго страха, заставлявшее варварскія народности прятаться въ землю, чтобы бесѣдовать со своими богами земли, объясняютъ въ достаточной степени первоначальныя формы христіанскихъ храмовъ,— послѣдніе совершенно или отчасти врыты въ землю, съ сырыми подземельями, покрытыми плѣсенью, покрытыми тяжелыми сводами. Позднѣе, когда зданіе вышло изъ земли, и купола его поднялись въ высь, сохранилось еще долго, вплоть до конца XI вѣка и даже до XII, обыкновеніе устраивать подземелья подъ церковью: тамъ хранились часто реликвіи, и религіозный культъ, совершавшійся во тьмѣ, принималъ болѣе таинственный, болѣе страшный характеръ, какъ если бы, дѣйствительно, поклонялись еще духамъ земли, бывшимъ одновременно и божествами и демонами.

Очевидно, восточное вліяніе, отразившееся особенно на Византіи, которая служила форпостомъ всей Европѣ, выдвинутымъ противъ азіатскаго міра, дало свои образцы храмовъ, и они-то и послужили для возведенія на Западѣ новыхъ произведеній строительнаго искусства въ тѣ эпохи прогресса и относительно мирной жизни, которыя послѣдовали за вторженіемъ варваровъ.

Это вліяніе было даже болѣе могущественнымъ, чѣмъ обыкновенно

1) Pierre Kropotkine. «L'État, son Rôle historique».

воображаютъ, такъ какъ многочисленные византійскіе храмы, которые

№ 332. Нѣкоторые готическіе храмы.



встрѣчаются по всей Европѣ, въ особенности въ Оверни, Периго, въ

Ангумуа и въ Сентонжѣ, свидѣтельствуютъ о той близости и частотѣ сношеній, которыя существовали между этими провинціями и Константинополемъ. Конечно, легко понять, что среди венеціанцевъ, бывшихъ такими дѣятельными посредниками по обмѣну товаровъ въ Средиземномъ морѣ, находились художники и архитекторы, подпавшіе подъ вліяніе того художественнаго стиля, въ которомъ выполненъ роскошный храмъ, посвященный Юстиніаномъ святымъ апостоламъ, и подъ этимъ вліяніемъ они и возвели свой соборъ св. Марка; вызываетъ, однако, большое изумленіе, когда видишь, что въ ту же самую эпоху (984—1047 г.) въ Перигэ возникаетъ великолѣпная церковь съ куполами византійскаго храма св. Лика [1]), сдѣлавшаяся образцомъ для большого числа другихъ такихъ же построекъ между Луарой и Гаронной и, путемъ постепенной эволюціи, ставшая точкой отправленія для развитія готической архитектуры въ остальной части Франціи [2]).

Повидимому, настоящихъ первыхъ творцовъ архитектуры Запада слѣдуетъ искать даже за предѣлами Константинополя: персидскіе художники оказывали, какъ кажется, вліяніе, передававшееся не только чрезъ посредство другихъ народовъ, но и вліяли путемъ непосредственной передачи своихъ знаній. Дьёлафуа и другіе археологи съ изумленіемъ констатировали, что церковь св. Филиберта въ Турню, на правомъ берегу Соны, является зданіемъ въ значительной части персидской постройки: колонны, арки, навѣсы сводовъ, самые своды и всѣ детали этого сооруженія IX вѣка точнѣйшимъ образомъ сходны съ тѣми, которые встрѣчаются въ одномъ изъ зданій той же эпохи въ городѣ Ширазѣ или Испагани и обнаруживаютъ полный контрастъ съ соотвѣтствующими постройками византійскаго искусства. Должно допустить, что нѣкоторые изъ персидскихъ архитекторовъ, жившихъ въ тѣ времена въ большомъ числѣ въ Константинополѣ, попали въ списокъ изгнанниковъ, изданный Львомъ Исавряниномъ во время гоненій на иконоборцевъ, и спаслись, въ концѣ концовъ, на берегахъ Соны, гдѣ монахи Турню воспользовались ими или ихъ учениками для возведенія своего собора (Дьёлафуа).

Позднѣе, во времена крестовыхъ походовъ, сами представители Запада во время своихъ путешествій на Востокъ непосредственно вдохновлялись его архитектурными формами въ Алеппо, Эдессѣ и Дамаскѣ. Мастера-каменщики Запада и Востока знакомились другъ съ другомъ, и, въ то время какъ берега Сиріи стали украшаться башнями рыцарскихъ замковъ замѣчательной архитектурной красоты, церкви Галліи

1) Ed. Corroyer. «Les Origines de l'Architecture française au Moyen Age», séance publique annuelle des cinq académies, 25 oct. 1898. —2) F. de Verneilh. «Architecture byzantine en France».—См. рисунки, помѣщенные въ главѣ о крестовыхъ походахъ въ III томѣ.

стали получать лѣпныя и скульптурныя украшенія, которыя, при всемъ своемъ гармонированіи съ окружающимъ, вносили все же нѣчто чуждое,



Амьенскій соборъ. Рѣзьба по дереву на балюстрадѣ хоровъ.

казались воспоминаніями о далекомъ мірѣ, гдѣ путникамъ приходится отдыхать въ тѣни развѣсистыхъ пальмъ. Къ тому же первые строители готическихъ сводовъ сами указывали на восточное происхожденіе по-

слѣднихъ, и, не зная въ точности, гдѣ была ихъ область происхожденія, они отмѣчали въ качествѣ таковой вообще Азію или же города Тиръ, Іерусалимъ или Вавилонъ. Такимъ образомъ, въ исторіи развитія человѣчества арабы, которые унаслѣдовали отъ персовъ и византійцевъ сокровища эллинской литературы и философіи и содѣйствовали движенію Возрожденія, тѣ же самые арабы помогли обитателямъ Запада и въ самомъ грандіозномъ ихъ созданіи—въ созданіи готической архитектуры XII вѣка. Впрочемъ, не перенесся ли цѣликомъ весь Востокъ изъ Аравіи, Сиріи и Ирана на западъ вплоть до Сициліи и Испаніи? Не перемѣстились ли вся масса продуктовъ, все населеніе и вся обстановка по направленію къ Атлантическому океану, и не произошло ли между сосѣдями и даже между врагами полное взаимное проникновеніе одними общими чувствами, идеями и стремленіями? «Эта эволюція архитектуры—говоритъ Дьёлафуа—была послѣднимъ успѣхомъ, одержаннымъ исламомъ». Впрочемъ, Востокъ составляетъ и до сихъ поръ неисчерпаемый источникъ мотивовъ искусства, и персидское искусство въ особенности доставляетъ намъ много цѣнныхъ указаній въ смыслѣ приданія изящныхъ формъ и красоты нашимъ жилищамъ.

Мистики склонны думать, что великолѣпные соборы среднихъ вѣковъ, вышедшіе изъ тяжелыхъ архитектурныхъ формъ романскаго стиля, народились, такъ сказать, сами собой, единственно благодаря увлеченію и подъему вѣры,—будто достаточно пожелать подняться на небеса для того, чтобы уже и воспарить въ нихъ! Помимо идеала, какъ бы ни былъ онъ высокъ, необходимо также и содѣйствіе матеріальныхъ условій, и такое содѣйствіе городскія общины Запада, создавшія произведенія готической архитектуры, нашли какъ въ подготовкѣ почвы своими предшественниками, такъ и въ развитіи мѣстной промышленности. Что бы тамъ ни говорили, искусство для самаго появленія своего требуетъ такихъ условій общественной дѣятельности, когда возникаютъ новыя стремленія, сильно отличающіяся отъ первобытныхъ наивныхъ вѣрованій. Во время періода пылкой вѣры и полнаго презрѣнія ко всему земному, полнаго отвращенія къ видимому міру и увлеченія божественными видѣніями религія считала для себя униженіемъ снисходить до искусства, этого порожденія дьявола. При своей ревностной преданности Богу, люди не находили удовольствія въ красотѣ формъ камня, въ величественности сводовъ, въ пропорціональности колоннадъ, сходящихся у алтаря. Апостолы самопожертвованія, истязанія плоти и отреченія отъ всего земного предпочитали мрачныя подземелья и пещеры въ горахъ. Великолѣпныя зданія періода римскаго искусства и вѣковъ готической архитектуры свидѣтельствуютъ не о могуществѣ религіи, а, наоборотъ, о блестящей побѣдѣ надъ нею искусства—этой силы, столь глубоко человѣческой; они свидѣтельствуютъ и о полномъ тріумфѣ рабо-

чаго люда, плохо мирившагося съ духовенствомъ и вовсе нелюбимаго имъ. «Каменщики»—корпорація, которая пріобрѣла такой необычайный блескъ въ эпоху великаго расцвѣта архитектуры съ XII до XIV вѣка,



Соборъ въ Понтиньи (департ. Іонны)—«Четвертая дочь Сито».
Типъ церкви, построенной подъ вліяніемъ св. Бернарда.

были уже въ силу своего враждебнаго къ духовенству отношенія настоящими «вольными каменщиками» (франкъ-массонами) и давали волю своимъ чувствамъ, создавая изъ камня настоящія каррикатуры и сатиры, которыми они украшали колонны, капители и коньки зданій. Хотя духовенство со временъ среднихъ вѣковъ и имѣло достаточно времени для того, чтобы уничтожить эти явныя доказательства ненависти или презрѣнія, которое къ нему проявлялось, ихъ все же сохранилось достаточное количество, и эти безмолвные свидѣтели устанавливаютъ полную

независимость художниковъ-строителей и гражданъ города отъ представителей духовнаго сословія.

Строители соборовъ обнаруживаютъ также полную свободу отъ церковнаго вліянія избираемыми ими мотивами украшеній, которыхъ сюжеты относятся къ окружающей природѣ и къ свѣтской исторіи. Средневѣковый скульпторъ вводилъ въ свое твореніе всѣ красивыя формы, которыя онъ встрѣчалъ въ окружающихъ лѣсахъ и поляхъ,—такъ, археологъ Собинэ составилъ списокъ изъ 21 растенія мѣстной флоры, которыя онъ нашелъ въ скульптурахъ Реймсскаго собора [1]). Ваятели любили также изображать животныхъ, но вслѣдствіе трудности работы у нихъ выходили не точныя изображенія, а каррикатуры; они высѣкали даже изъ камня на концахъ водосточныхъ трубъ головы фантастическихъ животныхъ, изображали драконовъ, змѣй и химеръ, символизировавшихъ злыхъ духовъ, изображали и дьявола, какъ бы въ видѣ контраста къ статуямъ святыхъ, апостоловъ, пророковъ, дѣвственницъ и другихъ божественныхъ личностей; и если незнаніе художникомъ анатоміи заставляло его изображать существа, обожествляемыя легендой и преданіемъ, наивнымъ до нелѣпости образомъ, то то же самое незнаніе заставляло ихъ придавать демонамъ формы самыя химерическія, позы и изгибы совершенно невѣроятные,—эти изображенія свидѣтельствуютъ, однако, все же о стремленіи къ подражанію природѣ, весьма далекому отъ мистицизма христіанской вѣры.

Возможно также, что колоннады готическихъ сводовъ, поднимающихъ свои вѣтви къ небу, являлись подражаніемъ величественныхъ аллей вѣковыхъ лѣсовъ, въ которыхъ вѣтви, покрытыя густою листвою, высоко подъ небесами сплетаются между собою. Точно также возможно, что арабы заимствовали свои сталактитообразныя украшенія, поражающія глазъ въ Альгамбрѣ, изъ узоровъ, замѣчаемыхъ въ разрѣзанномъ арбузѣ,—человѣкъ, привычный къ виду извѣстныхъ формъ, вполнѣ естественно стремится къ воспроизведенію ихъ или, по крайней мѣрѣ, къ тому, чтобы взять изъ нихъ мотивы для украшеній. Такъ, первобытный человѣкъ, устраивая свое жилище, нерѣдко старался дѣлать его похожимъ на пещеру дикихъ звѣрей или на хижинки обезьянъ, или на подземныя галлереи роющихъ животныхъ, совершенно подобно тому, какъ для изготовленія матерій онъ бралъ за образецъ волокнистыя ткани вокругъ стволовъ пальмъ и банановъ и при изготовленіи оружія подражалъ шипамъ и колючкамъ растеній или клыкамъ и бивнямъ хищныхъ животныхъ [2]).

Что думали христіане, искренне снѣдаемые ревностью къ вѣрѣ, обо всѣхъ этихъ роскошныхъ произведеніяхъ изъ камня, мрамора и металла,

---

1) Emile Motte. «Une Heure d'Art».—2) Désiré Charnay. «Mission scientifique», 1881.

обо всѣхъ этихъ великолѣпныхъ скульптурныхъ изображеніяхъ и о без-



Соборъ въ Сенъ-Мартенъ-де-Рошервилль (департ. нижней Сены).

численномъ количествѣ красивѣйшихъ бездѣлушекъ, декорировавшихъ

базилику, объ этомъ свидѣтельствуютъ намъ слова истиннаго папы XII вѣка, великаго папы св. Бернарда въ его «Апологіи» [1]): «О суета суетъ, не столько суетная, сколько безсмысленная! Богатствами бѣдныхъ тѣшатъ очи богатыхъ... Зачѣмъ эти нечистыя обезьяны? Зачѣмъ эти хищные львы, эти чудовищные центавры, эти люди-звѣри, эти полосатые тигры, эти сражающіеся воины, эти охотники, трубящіе въ рога?.. Такъ многочисленны и столь поразительно разнообразны всюду формы этихъ украшеній, что монахъ, пожалуй, скорѣе станетъ изучать мраморныя изваянія, чѣмъ священныя книги, и будетъ думать болѣе объ этихъ изображеніяхъ, чѣмъ о законахъ Всевышняго Бога»!...

Между тѣмъ, наши современные мистики берутъ христіанскую церковь временъ св. Бернарда подъ защиту противъ самого св. Бернарда и стараются доказать намъ, что религіозные памятники среднихъ вѣковъ, столь совершенные во всемъ своемъ цѣломъ, какъ и въ отдѣльныхъ частяхъ, выражаютъ христіанскую «истину» во всей ея полнотѣ, какъ въ общихъ ея догматахъ, такъ и во всѣхъ ихъ слѣдствіяхъ: каждая форма, каждый отдѣлъ храма имѣли свой мистическій смыслъ и таили въ себѣ якобы глубокую истину. Храмъ являлся будто бы Библіей, воплощенной въ архитектурныя формы, подобно тому, какъ Священное писаніе воплощалось въ ряды еврейскихъ буквъ, и каждый самый малый камень священной постройки соотвѣтствовалъ какъ бы строфѣ изъ Библіи—онъ являлся также результатомъ божественнаго вдохновенія. Даже не заходя столь далеко, можно сказать, что общественное мнѣніе часто приписываетъ все же общимъ формамъ храма символическое воспроизведеніе основныхъ догматовъ вѣры. Не уничтожается ли, однако, весь этотъ христіанскій символизмъ тѣмъ, что расположеніе каѳедральныхъ соборовъ точнѣйшимъ образомъ воспроизводитъ расположеніе римскихъ базиликъ? «Три двери вели внутрь зданія, которое внутри было подраздѣлено вдоль на три придѣла двумя рядами колоннъ съ арками. . Три параллельныхъ аркады упирались въ поперечный отдѣлъ зданія, приподнятый на нѣсколько ступеней надъ поломъ и отдѣленный балюстрадой. Впереди главной аркады и позади поперечнаго отдѣла зданіе закруглялось полукругомъ» [2]). Вѣдь это точнѣйшее воспроизведеніе расположенія типичнаго каѳедральнаго собора! Такимъ образомъ, приходится предположить, что римляне-идолопоклонники символизировали, не имѣя о томъ никакого представленія, знаменіе креста и догматъ Святой Троицы! Совершенно такъ же округлыя церкви, очень многочисленныя въ древней Франціи, были полнымъ подражаніемъ римскихъ ротондъ. Сим-

1) «S. Bernardi Apologia, ad Guillelmum S. Theodorici abbatem», cité par Nap. Peyrat, «Les Réformateurs de la France et de l'Italie, au douzième Siècle», pp. 25, etc. — 2) Batissier. «Histoire de l'Art monumental», p. 309.

волизмъ—результатъ безсознательныхъ стараній и выдумки—не предшествуетъ событіямъ, а слѣдуетъ за ними!

Въ исторической перспективѣ мы видимъ послѣдовательность событій въ обратномъ направленіи, не въ ихъ логическомъ порядкѣ развитія, а въ порядкѣ обращенномъ,—прежде всего знакомимся съ ихъ



Каѳедральный соборъ въ Іоркѣ.

конечными стадіями. Современное общество, безконечно болѣе сложное, чѣмъ общество среднихъ вѣковъ, рѣзко отдѣлило духовенство отъ остальной части народа, интересы его совершенно обособились, и зданія храмовъ стали, въ концѣ концовъ, предназначаться исключительно для религіозныхъ церемоній. Въ силу этого легко можно заставить себя думать, что такъ было и всегда, но это опровергается свидѣтельствомъ послѣ-

дующихъ вѣковъ. Древніе документы констатируютъ, что церковь была зданіемъ, предназначеннымъ для всего—какъ для народныхъ собраній и для праздниковъ и гражданскихъ церемоній, такъ и для религіозныхъ обрядовъ. Можно въ качествѣ примѣра привести «обряды отпущенія» католической Бретани; кромѣ этихъ народныхъ обрядовъ, различныя свѣтскія развлеченія, по происхожденію бравшія начало во времена, предшествовавшія христіанству, играли также большую роль и заслоняли даже, пожалуй, религіозные обряды въ сознаніи простого народа: пѣсни и танцы, атлетическія упражненія, борьба, бѣгъ взапуски на призы

Къ картамъ №№ 331, 332, 333.

Въ спискахъ, составленныхъ К. Анларомъ въ его «Manuel d'Archéologie Française», насчитывается болѣе 1500 храмовъ романскаго стиля и столько же готическихъ церквей, не считая зданій переходнаго типа (въ Анжерѣ, Эвре и др.).

Карта № 331 отмѣчаетъ лишь избранныя, конечно, произвольно, наилучше сохранившіяся изъ церковныхъ построекъ византійскаго стиля; на картѣ № 332 отмѣчены такъ называемые каѳедральные соборы безъ различія стиля; на картѣ № 333 приводится 27 самыхъ красивыхъ храмовъ Англіи. Нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, соборъ Кэнтербёри, начатый постройкою въ 1070 г., соборъ въ Дюргемѣ 1093 г. (см. рис. на стр. 567 т. III), соборъ въ Норвичѣ 1094 г., являются представителями норманскаго періода; большинство другихъ храмовъ чисто-готическаго стиля; на этой картѣ буквами Р, Л, отмѣчены города Реннимедъ, Льюсъ, о которыхъ говорится въ слѣдующей главѣ.

По сравненію съ французскими строеніями, англійскіе соборы болѣе длинны (Винчестерскій, вмѣстѣ съ часовнею св. Дѣвы, достигаетъ 170 метровъ въ длину), менѣе высоки (Вестминстеръ, являющійся самымъ высокимъ, лишь одинъ превосходитъ половину вышины собора въ Бовэ, 47 метровъ) и менѣе широки; поперечный придѣлъ (трансептъ) сильно выступаетъ по бокамъ, самая значительная башня располагается въ мѣстѣ пересѣченія сводовъ, куполъ большею частью четырехугольный. Вотъ размѣры нѣкоторыхъ изъ соборовъ Англіи и Франціи съ указаніемъ временъ ихъ постройки:

Сэлисбёри	1220—1258 г.	внут.	дл.	137 м.,	шир.	25 м.,	выш.	26 м.
Вестминстеръ . .	1245—1269 —	—	—	154 —	—	23 —	—	32 —
Іоркъ	конецъ XIII в.	—	—	147 —	—	32 —	—	28 —
Винчестръ . . .	1360—1400 г.	—	—	162 —	—	26 —	—	23 —
Буржъ	1192—1324 —	—	—	124 —	—	42 —	—	38 —
Шартръ	1194—1260 —	—	—	134 —	трансептъ	76 —	—	37 —
Руанъ	1202—1302 —	—	—	135 —	фасадъ	54 —	—	28 —
Амьенъ	1220—1258 —	—	—	143 —	нефъ	52 —	—	43 —

устраивались въ самомъ непосредственномъ сосѣдствѣ съ церковью, около нея; еще въ срединѣ XVIII вѣка танцовали подъ церковными сводами, передъ главнымъ алтаремъ. Старинныя жалобныя причитанія св. Еффламма были переложены въ стихи, чтобы ихъ можно было пѣть въ церквахъ [1]).

И во всемъ христіанскомъ мірѣ, подобно тому, какъ въ Бретани, общественная жизнь, не распредѣлившаяся еще методически по отдѣльнымъ зданіямъ, вся сходилась въ церкви. Въ ту эпоху, когда торговля преобразовывала уже города въ могущественные центры, притягивавшіе къ себѣ богатства Запада и богатства Востока, общественныя зданія начали дифференцироваться: горожане научились строить дворцы для городского управленія, гдѣ торговцы занимались спеціально своими дѣлами и дѣлами всего города, строить высокія башни, на которыхъ

1) Le Villemarqué. «Barzas Breiz», p. 488; Ch. Letourneau. «Evolution littéraire», p. 485.

бодрствовали караульщики, высматривавшіе, не угрожаетъ ли какая-нибудь опасность вдали; но все же зданіемъ, въ которое собирались всѣ народныя массы, чтобы поговорить о своихъ дѣлахъ, чтобы отдох-

№ 333. Соборы Англіи.



нуть отъ дневной работы, прогуливаясь подъ гулкими сводами, чтобы побесѣдовать и полюбоваться на красивыя произведенія искусства, такимъ зданіемъ, являвшимся настоящимъ народнымъ дворцомъ, оставался все же храмъ съ тремя рядами колоннъ,—туда стекался народъ,

созываемый звучнымъ голосомъ колокола, голосомъ самого города, надъ которымъ духовныя лица не имѣли никакихъ правъ [1]).

Городская община создавала соборъ по плану тѣмъ болѣе грандіозному, чѣмъ сама она была богаче и могущественнѣе: города, сдѣлавшіеся настолько свободными, что могли не обращать вниманія на своихъ бароновъ и епископовъ, возводили соборы скорѣе въ свою собственную честь, чѣмъ во славу Божію; тогда какъ города, попытки которыхъ къ освобожденію оказывались неудачными, обладали лишь скромными, бѣдными и печальными храмами. Именно во имя побѣдоносной борьбы и тріумфа, одержаннаго общиной, воздвигались горделивыя зданія, какъ бы стремившіяся вступить въ борьбу съ замками, принадлежавшими ненавистнымъ баронамъ окрестностей. «Города, получившіе первые автономію, являются также первыми городами, которые построили готическіе соборы (Нойонъ, Суассонъ, Лаонъ, Реймсъ, Амьенъ и др.), и самыя красивыя изъ этихъ сооруженій принадлежатъ самымъ свободнымъ городамъ (Лаонъ, Реймсъ, Амьенъ, Бовэ, Санъ и др.) [2]). Каждый свободный городъ вспоминалъ слова, произнесенныя въ общинномъ совѣтѣ Флоренціи, когда Арнольфу ди-Лапо было поручено построить каѳедральный соборъ въ 1298 г.: «Созданія общины должны быть выполнены такимъ образомъ, чтобы они отвѣчали требованіямъ того великаго сердца, которое составляется изъ сердецъ всѣхъ гражданъ, объединяемыхъ единою волею». Вполнѣ понятна гордость горожанъ при видѣ удивительнѣйшихъ зданій, являвшихся ихъ твореніями! Когда герцогъ норманскій, Генрихъ Краснописецъ (Beauclerc), взялъ въ плѣнъ возставшаго общинника Конана [3]), онъ привелъ его на вершину одной изъ башенъ Руана и сказалъ: «Погляди на эти лѣса и на рѣку, погляди на богатый городъ, его стѣны и прекрасныя церкви, полюбуйся всѣмъ этимъ предъ своею смертью»!

Пораженные величіемъ храмовъ, построенныхъ въ XII и въ XIII вѣкахъ въ сѣверной Франціи, Леопольдъ де-Лилль и Симеонъ Люсъ высказываютъ мнѣніе, что страна эта въ средніе вѣка была населена столь же густо, если не болѣе, какъ въ настоящее время; однако, огромные размѣры храмовъ отнюдь не служатъ убѣдительнымъ показателемъ густоты населенія, такъ какъ прежде, пока роль церкви не распредѣлилась на много зданій, сооруженіе это должно было быть гораздо значительнѣе по своимъ размѣрамъ, чѣмъ то необходимо по религіознымъ потребностямъ. Зданіе это, на самомъ дѣлѣ, являлось центромъ всего городского организма,—оно было и домомъ собранія общины, и рынкомъ, и мѣстомъ объединенія корпорацій, и зернохрани-

---

1) J. Michelet. «Histoire de France, XVI, p. 95.—2) Raoul Rozières. Ouvrage cité, p. 258.—3) Hanoteaux. «Société Normande de Géographie», 1900, t. I, p. 24.

лищемъ, и хранилищемъ тканей! Когда изучаешь по архивамъ исторію



Каѳедральный соборъ Бургоса.

древнихъ соборовъ, то находишь постоянно упоминаніе объ актахъ, совершавшихся нотаріусами въ различныхъ часовняхъ, представлявшихъ

собою отдѣльныя небольшія зданія, имѣвшія различныя совершенно опредѣленныя назначенія [1]).

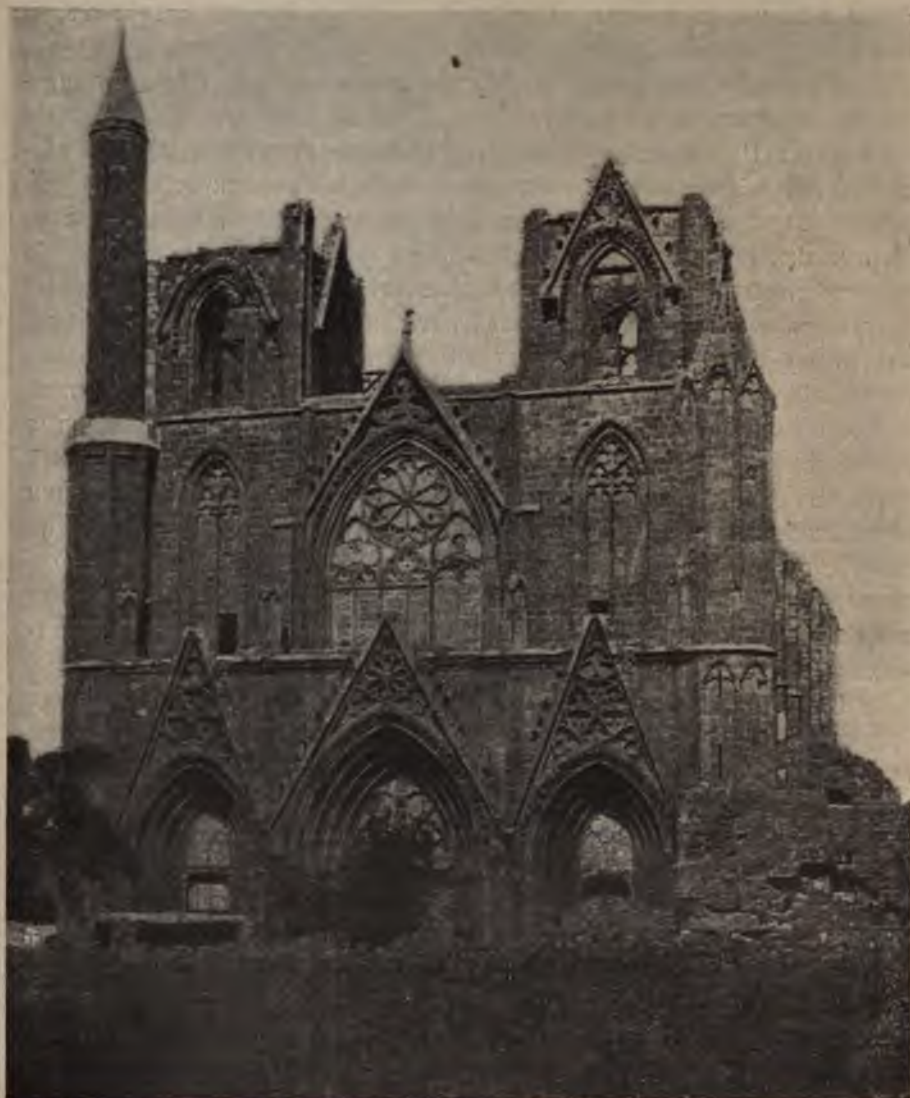
Областью, въ которой готическое искусство приняло свои окончательныя формы, является именно та часть сѣверной Франціи, гдѣ мы находимъ наиболѣе тѣсное смѣшеніе двухъ элементовъ, кельтскаго и германскаго, изъ которыхъ возникла французская нація. Область эта заключается между находящимися на окраинахъ ея городами Руаномъ, Шартромъ, Амьеномъ, Реймсомъ и городами Бовэ, Компьеномъ, Суассономъ, расположенными отъ запада къ востоку, поперекъ долины Оазы, и образующими какъ бы ось этой области, очень замѣчательной въ исторіи искусства не столько по своимъ великолѣпнымъ постройкамъ и храмамъ, сколько по жалкимъ хижинамъ и фермамъ, сохранившимся со среднихъ вѣковъ. Небольшіе храмы, воздвигнутые въ эту эпоху на протяженіи немногихъ лѣтъ и представляющіе, благодаря быстротѣ постройки, полное гармоничное соотвѣтствіе всѣхъ своихъ частей, гораздо поучительнѣе для занимающихся исторіей архитектуры, чѣмъ величественные каѳедральные соборы,—эти послѣдніе почти всѣ были закончены въ XIV вѣкѣ, когда первый подъемъ духа основателей ихъ смѣнился у продолжателей усталостью, даже чувствомъ безсилія или же особою изысканностью. Нѣкоторые изъ этихъ небольшихъ церквей, по словамъ Ренана, являются «образцами столь же чистыми, столь же поражающими цѣльностью впечатлѣнія, какъ красивѣйшіе греческіе храмы». Это особенно вѣрно по отношенію къ небольшимъ церквамъ романскаго стиля въ Шарантѣ, Пуату и въ Нормандіи (Дезэнъ).

Выйдя изъ Иль-де-Франса, изъ области, которая была первоначально сильно германизирована, но затѣмъ первая освободилась отъ германскаго феодализма, новая архитектура потребовала столѣтіе на то, чтобы распространиться по другимъ областямъ Европы, видоизмѣняясь сообразно съ мѣстными условіями и сообразно съ познаніями жителей въ искусствѣ строительства. Вполнѣ естественно, что эта новаторская школа должна была найти тѣмъ меньшее количество учениковъ въ странѣ, чѣмъ богаче была послѣдняя памятниками архитектурнаго творчества и чѣмъ болѣе обитатели этой страны могли хвалиться своимъ первенствомъ въ смыслѣ художественнаго развитія. Такимъ образомъ, провинціи юга Франціи, принадлежащія къ циклу цивилизаціи, значительно болѣе давнему, чѣмъ культура сѣвера, и богато снабженныя превосходными зданіями, огромными по своимъ размѣрамъ, возводили лишь небольшое число построекъ, сходныхъ по стилю съ таковыми бассейна Сены. Но зато на востокѣ въ богатыхъ долинахъ Мозеля и Рейна, гдѣ

---

1) Thorold Rogars, cité dans Humanité Nouvelle juillet 1898, p. 117.

общественное и художественное движеніе развивалось параллельно такому въ Иль-де-Франсѣ, на сѣверѣ, во Фландріи, гдѣ, благодаря про-



Каѳедральный соборъ въ Фамагустѣ на островѣ Кипрѣ.

мышленности развились богатыя общины, исполненныя сознаніемъ своей силы, наконецъ, на сѣверо-западѣ въ Англіи, которую норманны привязали къ Франціи и искусствами и даже отчасти нарѣчіемъ,—во всѣхъ этихъ странахъ готическая архитектура процвѣтала и дала множество

великолѣпныхъ памятниковъ. Лишь англійскіе строители, болѣе практичные, болѣе осмысленно относившіеся къ идеалу красоты, чѣмъ ихъ континентальные собратья, возводили соборы относительно менѣе высокіе, болѣе солидные и прочные, при своихъ колоссальныхъ размѣрахъ, и болѣе легко осуществляемые въ постройкѣ.

На юго-западѣ строители, преданные готическому искусству, проникли по историческому пути чрезъ Бордо, Байонну и Бискайскій проходъ въ Пиренеяхъ въ Испанію, гдѣ среди столькихъ другихъ свидѣтельствъ объ отважности ихъ замысловъ и ихъ искусствѣ мы находимъ каѳедральный соборъ въ Бургосѣ; затѣмъ они проникли и въ Португалію, гдѣ искусство народовъ сѣвера, придя въ соприкосновеніе съ искусствомъ мавровъ, создало красивѣйшія зданія, замѣчательный результатъ сочетанія обоихъ стилей. Что касается Италіи, то она распалась на двѣ области: въ сѣверной части полуострова преобладалъ германскій «родъ» готическаго искусства—итальянцы, гордящіеся своимъ превосходствомъ въ области искусства, согласились принять нѣкоторыя готическія украшенія, снабдивъ ими свои храмы и замки. Въ южной части Италіи и въ Сициліи, наоборотъ, былъ принятъ строителями норманскій или, скорѣе, французскій «родъ» готики. Однако, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ Италіи національный геній, имѣвшій возможность съ гордостью указать на колоссальныя произведенія римскаго искусства, измѣнилъ глубоко готическій стиль, проявившійся въ созданіяхъ тѣхъ городовъ, которые призвали чужеземныхъ художниковъ.

Впрочемъ, далеко за предѣлами Италіи, у восточной оконечности Средиземнаго моря, зданія, сохранившіяся на островѣ Кипрѣ, въ этой, такъ сказать, дѣвственной странѣ, удержали точнѣйшимъ образомъ свой первоначальный характеръ. Каѳедральный соборъ Фамагусты или Никозіи, монастырь Церинскихъ горъ и другія подобныя же зданія поразительнымъ образомъ походятъ на сходныя зданія Франціи; они были къ тому же построены около того же самаго времени, въ XIII и XIV вѣкахъ, и строителями ихъ были люди той же національности и одинаковаго образованія. Островъ Кипръ сдѣлался одною изъ европейскихъ странъ, наиболѣе процвѣтающихъ, благодаря тому движенію колонизаціи, которое поддерживалось въ теченіе почти четырехвѣкового періода христіанскаго господства,—это было вовсе не простое вторженіе авантюристовъ, какъ были склонны думать нѣкоторые историки. Замѣчательною особенностью, свидѣтельствующею о развитіи условій среды, было то, что эти великолѣпные готическіе храмы городовъ Кипра не имѣли вовсе крышъ: они строились, какъ нѣкогда греческіе храмы, открытыми сверху, такъ что солнечный свѣтъ непосредственно проникалъ подъ своды [1]). На

1) Camille Enlart. Société de géographie de Paris. Séance du 4 déc. 1896, Bulletin 2e trimestre, 1897.

сосѣднемъ материкѣ, въ Малой Азіи и въ Сиріи, французскіе строители воздвигли также рядъ превосходныхъ построекъ, соблюдая условія почвы и климата и едва обнаруживая лишь незначительное подчиненіе вліянію архитектурнаго стиля строителей магометанъ.

Подобно самимъ общинамъ, ихъ величайшее произведеніе, готическая архитектура, заключала въ самой себѣ зачатки собственнаго паденія, и этотъ замѣчательный стиль, называвшійся спеціально «французскимъ» — «opus francisgenum», — угасъ на своей же родинѣ, уничтоженный Столѣтнею войною; онъ продолжалъ, впрочемъ, свое существованіе еще долго въ Германіи, гдѣ нашелъ себѣ замѣчательныхъ истолкователей. Какъ ни поддерживался прежній пылъ, и какъ ни заставляли изъ-подъ палки преступниковъ, плѣнниковъ, узниковъ и крестьянъ, подлежащихъ барщинѣ, заканчивать или, по крайней мѣрѣ, продолжать постройку зданій, которыя были начаты какъ проявленіе любви и энтузіазма свободныхъ общинниковъ, готическое искусство неминуемо должно было все же погибнуть естественною смертью вслѣдствіе злоупотребленія искусственностью пріемовъ и чрезмѣрной смѣлости. Какъ бы по ироніи судьбы религія, называвшая себя вѣчной, избирала своей обителью зданія, которыя неизбѣжнымъ образомъ должны были быть недолговѣчными. Храмы египтянъ и грековъ, дворцы римлянъ были построены на вѣки вѣчные, и лишь съ большимъ трудомъ удавалось ихъ уничтожать разрушителямъ; между тѣмъ храмы, называвшіеся «готическими», разваливаются сами на части, несмотря на всѣ внѣшнія подпорки, превращающія ихъ въ нѣкоторое подобіе скелета кита. Ихъ легкія колонны, ихъ воздушные своды стремятся въ высь съ такой непостижимой смѣлостью, что первое чувство, которое охватываетъ всѣхъ любующихся ихъ красотою, это чувство безпокойства: простой народъ объяснялъ нѣкогда эти чудеса равновѣсія договоромъ, заключеннымъ съ дьяволомъ, — повидимому, даже Богъ считался неспособнымъ къ такому чуду! Въ силу этого, небольшіе сдвиги, обусловленные временемъ и сотрясеніями почвы, приводили въ короткій срокъ постройку въ полное разрушеніе, и ни одно изъ готическихъ зданій не сохранилось бы до нашихъ дней, т.-е. въ теченіе всего лишь пяти—семи вѣковъ, если бы непрестанно не работали надъ ихъ возстановленіемъ. Впрочемъ, расцвѣтъ искусства продолжался не долго, и, начиная съ XIV вѣка, наступилъ упадокъ. Періоду Возрожденія отнюдь нельзя поставить въ упрекъ, какъ это нерѣдко говорятъ, насильственное отклоненіе искусства отъ нормальнаго пути; когда этотъ періодъ далъ міру новые идеалы, средневѣковое искусство уже болѣе не существовало, или, по меньшей мѣрѣ, его изящнѣйшіе цвѣты утратили свою первоначальную прелесть. Сооруженія, сохранившіяся сотнями и тысячами и сохранившія свой видъ могущества и прочности, это были башни, укрѣпленія и стѣны замковъ.

Строители не предвидѣли, что человѣкъ въ скоромъ времени овладѣетъ новымъ молніеподобнымъ оружіемъ, и думали, что они строили на вѣчныя времена! Болѣе страстно стремясь къ укрѣпленію своего оплота, чѣмъ жители городовъ стремились къ завершенію своихъ начатыхъ храмовъ, бароны сумѣли воздвигнуть на своихъ крутыхъ утесахъ стѣны замковъ совершенно неприступныя, способныя пасть лишь въ случаѣ предательства или отъ голода послѣ долгой осады.



МОНАРХІИ.

◆◆◆

Хронологія.

Англія. Генрихъ Плантагенетъ, сынъ герцога Анжуйскаго и внучки Вильгельма-Завоевателя, взошелъ на англійскій тронъ въ 1154 г., два года спустя послѣ того, какъ женился на Аліенорѣ Аквитанской, разведенной супругѣ Людовика VII. Большинство представителей этого рода, царствовавшаго до 1485 г., непосредственно передавали власть отъ отца къ старшему сыну; одинъ за другимъ слѣдовали: Генрихъ II, 1154—1189, Ричардъ Львиное Сердце, 1189—1199, его братъ Іоаннъ Безземельный, 1199—1216, Генрихъ III, 1216—1272; затѣмъ три Эдуарда, замѣщавшіе одинъ другого въ 1307, 1327 и 1377 гг. Сынъ послѣдняго, Эдуардъ Черный, умеръ еще при жизни отца, и ему наслѣдовалъ его внукъ Ричардъ, 1377—1399 г.; затѣмъ слѣдовали три Генриха—Генрихъ IV, V и VI, царствовавшіе до 1461 г.; за ними Эдуардъ IV и, наконецъ, одинъ изъ сыновей Эдуарда и убійца его, Ричардъ III, 1483—1485 г.

Шотландія. Здѣсь мы находимъ длинный рядъ королей болѣе или менѣе достовѣрныхъ, изъ коихъ послѣдніе были Малькольмъ IV, 1153—1165 г., Вильгельмъ, 1165—1214 г., Александръ II и Александръ III, 1249—1286 г.; далѣе имѣло мѣсто междуцарствіе во время владычества англичанъ, когда произошло возстаніе Уэльса, казненнаго въ 1305 г. Робертъ Брюсъ поднялъ шотландцевъ, одержалъ побѣду при Беннокбёрнѣ и царствовалъ до 1329 г.; сынъ его Давидъ чередовался во власти съ Баліолемъ; однако, начиная съ 1370 г., получили власть въ свои руки Стюарты, сохранившіе ее въ теченіе болѣе чѣмъ трехъ вѣковъ.

Франція. Прямые наслѣдники Людовика Святого царствовали недолго: Филиппъ III, Упрямый, 1270—1285 г., Филиппъ IV Красивый, 1235—1314, и три его сына, Людовикъ X, Филиппъ V и Карлъ IV, царствовали въ общей сложности всего лишь 14 лѣтъ. По праву старшинства долженъ былъ вступить на тронъ Филиппъ Валуа, племянникъ Филиппа Красиваго, но англійскій король Эдуардъ III былъ съ материнской стороны внукомъ того же короля, чѣмъ была обусловлена Столѣтняя война. Филиппу VI, 1328—1350 г., наслѣдовалъ Іоаннъ Добрый, 1350—1364 г., затѣмъ три Карла—Карлъ V, Карлъ VI или Сумасшедшій, 1380—1422, и Карлъ VII, скончавшійся въ 1461 г.; затѣмъ послѣдовали Людовикъ XI и Карлъ VIII, причемъ послѣдній умеръ въ 1498 г., не оставивъ наслѣдника. Послѣ того на престолъ вступила новая вѣтвь Капетинговъ.

Главные моменты борьбы между Франціей и Англіей, начиная съ XII вѣка, слѣдующіе: Перонискій договоръ—въ 1199 г., взятіе Руана—1204 г., Шинонскій договоръ—1214 г., сраженіе при Сентѣ—1242 г., Парижскій договоръ—1258 г., сраженіе при Эклюзѣ въ 1340 г., при Креси въ 1346 г., взятіе Кале въ 1347 г., сраженіе при Пуатье въ 1356 г., при Бретиньи въ 1360 г., при Азинкурѣ въ 1415 г., союзъ англо-бургонскій въ Троа—1420 г., Жанна д'Аркъ въ 1429 г., Аррасскій договоръ въ 1435 г., битвы при Форминьи въ 1450 г., при Кастильонѣ и взятіе Бордо въ 1453 г.

Папы. Папскій престолъ былъ занятъ въ теченіе 33 лѣтъ, которыя послѣдовали за смертью папы Климента IV въ 1268 г., не менѣе какъ девятью носителями папской тіары. Послѣ нихъ папа Бонифацій VIII, противникъ Филиппа Красиваго, сдѣлался папой и пробылъ до 1303 г., и Бенедиктъ XI—до 1305 г. Затѣмъ установленный списокъ папъ перечисляетъ семь главъ церкви, избравшихъ своей резиденціей Авиньонъ, отъ Климента V, въ 1305—1314 г., до Григорія XI, 1370—1378 г., вернувшагося въ Римъ въ 1377 г. Послѣ его смерти разразился на Западѣ сильнѣйшій расколъ, въ теченіе котораго папы обитаютъ въ Римѣ, въ Авиньонѣ или въ Балѣ. Въ 1447 г. снова возстановляется единство папской власти, причемъ вступаетъ на папскій престолъ Николай V.

Бургонь. Вслѣдствіе женитьбы Филиппа, герцога Бургундскаго, сына Іоанна Добраго, на Маргаритѣ Фландрской, Бургонь и Фландрія находятся, начиная съ 1384 г., въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, и герцогъ Бургундскій играетъ во Франціи преобладающую роль. Послѣ Филиппа, скончавшагося въ 1404 г., и послѣ Іоанна Безстрашнаго, убитаго въ Монтро въ 1419 г., послѣдовали Филиппъ Добрый, 1419—1467 г., и Карлъ Смѣлый, разбитый швейцарцами при Грансонѣ и Моратѣ въ 1476 г. и убитый при Нанси въ 1477 г.

Германія. Выборные императоры германскіе, царствовавшіе съ 1273 по 1437 г., принадлежали къ различнымъ родамъ: къ Габсбургамъ принадлежали Рудольфъ, 1273—1291 г., и Альбертъ, 1298—1308 г.; между ними царствовалъ Адольфъ Нассаусскій; къ Баварскому дому принадлежали Людовикъ, 1314—1347 г., и Робертъ, 1400—1410 г.; представителями Люксембургскаго дома были: Генрихъ VII, 1308—1313 г., Карлъ IV, 1347—1378 г., Венцеславъ, 1378—1400 г., и Сигизмундъ, 1411—1438 г.

На послѣдующихъ страницахъ упоминаются еще слѣдующія лица: Фруассаръ, 1338—1404 г., родившійся въ Валансьеннѣ, Герсанъ, 1362—1428 г., родившійся въ Шампани, «всехристіаннѣйшій докторъ», по всей вѣроятности, авторъ «Подражанія Іисусу Христу» и одинъ изъ судей Іоанна Гусса. Кромѣ того, слѣдуетъ упомянуть приводимыхъ ниже лицъ:

Бэконъ (Рожеръ), изслѣдователь и ученый	1214—1294
Ѳома Аквинскій, отецъ церкви, род. въ Рокка-Секка.	1226—1274
Данте Алигіери, флорентійскій поэтъ	1265—1321
Артевельде (Яковъ и Филиппъ), патріоты Ганта въ	1345 и 1382
Петрарка, поэтъ, род. въ Ареццо	1304—1374
Ріензо, римскій патріотъ	1313—1354
Дю-Гесклинъ, род. близъ Дунана	1320—1380
Виклефъ, ересіархъ	1324—1384
Шосеръ, Жоффруа, род. въ Лондонѣ, поэтъ	1340—1399
Гуссъ, Іоаннъ, патріотъ и ересіархъ, род. въ Гусинцѣ.	1369—1415
Жанна д'Аркъ, род. въ Домъ-Реми	1412—1431



МОНАРХІИ

Какъ часто погибаютъ и подвергаются полному забвенію права, если ихъ не поддерживаетъ сила сознательныхъ гражданъ,—такъ это и случилось съ правами Великой Хартіи, столь побѣдоносно отвоеванными на травянистыхъ пространствахъ долины Темзы.

Глава восьмая.

ФЕОДАЛЬНАЯ ФРАНЦІЯ.—ВЕЛИКАЯ ХАРТІЯ.—ПАРИЖЪ И ЛОНДОНЪ.—ГЕРМАНІЯ.—ОТСУТСТВІЕ У НЕЯ СТОЛИЦЫ.—ВѢНА.—КНЯЗЬЯ-ИЗБИРАТЕЛИ.—РАСПРОСТРАНЕНІЕ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ ВО ФРАНЦІИ.—ЕВРЕИ И РОСТОВЩИЧЕСТВО.—СТОЛѢТНЯЯ ВОЙНА.—ЖАККЕРІЯ.—БУРГОНЬ И ФЛАНДРІЯ.—ЧУМА, РАЗБОЙНИЧЕСТВО, РАБСТВО, ЗАХВАТЪ ЗЕМЕЛЬ.—ВИКЛЕФЪ И ГУССЪ.—ШОТЛАНДІЯ И АНГЛІЯ.—ХРИСТІАНЕ И МАВРЫ.

Несмотря на крайнее раздробленіе феодальнаго міра и на упорное сопротивленіе, оказывавшееся феодальными баронами самостоятельной группировкѣ населенія на особыя національныя организаціи, значительное развитіе торговли и частыя путешествія сближали людей и расширяли горизонты. Великія державы начинали дѣлать попытки къ

самоорганизаціи, сохраняя монархическую форму правленія, сложившуюся благодаря малодушію и робости подданныхъ, которые не рѣшались стать свободными. Лишь общины пастуховъ въ горахъ, итальянскія республики, промышленные и торговые города сѣвера Франціи, Бельгіи и Германіи старались удержаться въ качествѣ независимыхъ и свободныхъ центровъ.

Въ серединѣ XIII столѣтія, когда движеніе крестовыхъ походовъ уже приходило къ концу, одна изъ частей Европы, казавшаяся по своей географической конфигураціи наилучше приспособленной къ тому, чтобы образовать отдѣльное политическое цѣлое, именно Франція, которая уже со временъ римскаго владычества подъ наименованіемъ Галліи представляла собою страну, прекрасно ограниченную, была настолько расчленена и растерзана феодальнымъ режимомъ, что отъ нея едва оставалось нѣсколько клочковъ территоріи, которые находились подъ королевскою властью. Этотъ многоугольникъ, рѣзко ограниченный съ одной стороны Ламаншемъ и океаномъ, съ другой—Пиренеями, Ліонскимъ заливомъ, Альпами и Юрой, заключалъ въ себѣ лишь очень небольшую область, принадлежавшую королю и представлявшую собственно Францію: это была примѣрно лишь одна двадцатая часть всей той поверхности, которая позднѣе стала разсматриваться какъ Франція.

Король англійскій былъ въ то же время герцогомъ нормандскимъ, графомъ Анжуйскимъ и владѣльцемъ принадлежавшихъ этимъ областямъ леновъ; кромѣ того, удачный бракъ Генриха II Плантагенета прибавилъ къ этимъ англійскимъ владѣніямъ Аквитанію,—такимъ образомъ, отъ Пиренеевъ до Соммы болѣе половины французской территоріи находилось въ рукахъ вассала гораздо болѣе могущественнаго, чѣмъ самъ сюзеренъ. Генрихъ II, человѣкъ чрезвычайно дѣятельный и хорошій политикъ, началъ съ того, что упрочилъ свою власть на островномъ королевствѣ,—онъ покорилъ горныхъ жителей кельтовъ Галлійской провинціи, затѣмъ заставилъ шотландскаго короля Малькольма подчиниться себѣ и, наконецъ, по предложенію папы, приступилъ къ завоеванію Ирландіи, этого «острова-брата», сдѣлавшагося островомъ-рабомъ. Далѣе, вернувшись во Францію, онъ заставилъ уступить себѣ графство Нантское, что ему позволило позднѣе претендовать на весь полуостровъ Бретани; затѣмъ онъ старался, правда, безуспѣшно, завладѣть городомъ Тулузой въ качествѣ герцога Аквитанскаго; онъ заставилъ также признать свои права и на владѣніе Оверныо и Берри,—онъ старался окружить своими владѣніями все незначительное пространство, остававшееся въ рукахъ короля Франціи. Ему удалось даже помѣстить свои гарнизоны въ нѣсколькихъ замкахъ по сосѣдству съ Парижемъ, какимъ былъ, напримѣръ, Монфоръ-л'Амори [1]), и, такимъ образомъ, предполагаемый

1) A. Luchaire. «Histoire de France» d'Ernest Lavisse, t. III, ch. II, p. 36.

властелинъ, заключенный на своемъ «островѣ» (Иль-де-Франсъ), не имѣлъ даже возможности удобно сообщаться съ городомъ Этампъ или

№ 334. Владѣнія короля Франціи въ 1154 году.



Область, заштрихованнаягоризонтальными штрихами,—владѣнія короля Людовика VII въ 1154 г.; границы Франціи отъ Шельды до Соны заштрихованы косо.

Области, покрытыя косою штриховкою,—Амьенъ, Бовэ, Нойонъ, Лаонъ, Реймсъ, Шалонъ, Лангръ,' Туль, Мецъ, Верденъ, Трэвъ, Льежъ, Кельнъ—все церковные лены.

Амьенъ, Корби и Несль—три пикардійскіе города, заключившіе торговый договоръ съ Лондономъ.

съ Орлеаномъ. За полтора вѣка до начала Столѣтней войны, т.-е. во второй половинѣ XII столѣтія, континентальныя владѣнія англійскаго

королевства являлись еще болѣе обширными и оставались такими до тѣхъ поръ, пока на сцену не выступила Жанна д'Аркъ.

Быть-можетъ, до извѣстной степени непрерывность французской монархіи въ той формѣ, какую она имѣла ранѣе, поддерживалась тѣмъ обстоятельствомъ, что резиденція папы Александра III (1163—1165 г.) находилась въ странѣ, считавшейся «старшею дочерью Церкви». Людовикъ VII, которому его гость, первосвященникъ римскій, передалъ «золотую розу», эмблему полной святости, располагалъ, такимъ образомъ, какъ королевскимъ, такъ и духовнымъ достоинствомъ. Папа Александръ III, устроившійся въ его городѣ Санъ, который сдѣлался настоящимъ маленькимъ Римомъ, былъ, слѣдовательно, истиннымъ повелителемъ надъ королемъ Франціи и его защитникомъ.

Въ это же время Генрихъ II поставилъ самъ себя по отношенію къ церкви въ положеніе довольно шаткое, благодаря своимъ Кларендонскимъ «Уложеніямъ» (1164 г.), по которымъ католическіе прелаты становились простыми вассалами, и церковныя земли были обложены королевскими налогами. Однако, убійство Ѳомы Бекета, архіепископа Кэнтербёрійскаго (1170 г.), совершенное рыцарями, старавшимися сдѣлать пріятное англійскому королю, подняло противъ него такую бурю негодованія, что онъ долженъ былъ уступить и даже испрашивать прощеніе у церкви. Эти обстоятельства были опять-таки благопріятны для короля Франціи. Затѣмъ семейныя неурядицы, возмущеніе сыновей Генриха, отсрочили тѣ его позднѣйшія завоеванія, которыя казались неизбѣжно необходимыми; наконецъ, самъ Барбаросса, опасаясь появленія соперника германскому императору въ лицѣ этого прежняго графа Анжуйскаго, завоеванія котораго стали распространяться даже до предѣловъ Альповъ, оказалъ нѣкоторую помощь Людовику VII. Какъ ни замѣчателенъ этотъ контрастъ,—все же при Людовикѣ VII, этомъ несчастномъ королѣ, отличавшемся такимъ ханжествомъ, бывшемъ скорѣе монахомъ, чѣмъ рыцаремъ, идея географической цѣлостности Франціи и возможности существованія ея въ качествѣ великой державы подготовлялась, пожалуй, болѣе, чѣмъ въ какое-либо другое царствованіе, въ умахъ населенія.

При содѣйствіи своихъ естественныхъ союзниковъ, каковыми были сама земля и ея свойства и тѣсныя родственныя связи, образующіяся въ средѣ людей, говорящихъ на одномъ языкѣ и обладающихъ общею культурою, замѣститель Людовика VII, Филиппъ II, могъ въ значительной степени возстановить свою власть въ предѣлахъ всѣхъ владѣній, на которыя его отецъ обладалъ лишь сомнительными правами: послѣ того, какъ ему удалось скорѣе хитростью, чѣмъ силою, избѣжать значительныхъ опасностей, онъ возстановилъ, въ концѣ концовъ, королевство. Въ 1206 г. Филиппъ II отнялъ у Іоанна Безземельнаго Нор-

мандію, Бретань, значительную часть графства Анжуйскаго и Турень и,

№ 335. Франція и Англія около 1180 года.



Масштабъ 1 : 7500000.

Штриховкой покрыта область Франціи, не находившаяся во власти англичанъ съ 1154 до 1187 года; постепенное уменьшеніе этихъ леновъ ясно изъ сравненія съ границами, относящимися къ позднѣйшимъ временамъ (пунктиръ съ годами)—именно къ 1200, 1259 и 1328 году. За это время въ составъ французскаго королевства вошли Виварэ и Валентинуа. Въ Пероннѣ былъ заключенъ въ 1199 году договоръ, при Бувинѣ была битва въ 1214 году.

наконецъ, сдѣлавшись главою обширнаго государства, одержалъ побѣду при Бувинѣ (1214) одновременно какъ надъ англійскими войсками Іоанна Безземельнаго, такъ и надъ германской арміей императора Оттона IV изъ рода Гвельфовъ. Ему придаютъ наименованіе «Августа», вполнѣ заслуженное имъ не столько по благородству его характера, сколько по успѣшности всѣхъ его предпріятій. Впрочемъ, ему не удалось отвоевать Аквитанію, слишкомъ отдаленную отъ его столицы Парижа, но въ его царствованіе началось то вторженіе въ графство Тулузское и въ сосѣднія земли, которое повлекло за собою предоставленіе разоренныхъ и лишенныхъ населенія городовъ и областей юга на разграбленіе обитателямъ сѣверной Франціи. Принужденные подчиниться королевской власти рыцари, въ отместку, свирѣпствовали надъ толпами простолюдиновъ.

Этотъ феодальный режимъ, отъ котораго Франція лишь съ трудомъ избавлялась, чтобы возстановить свое единство, избавлялась къ тому же не путемъ свободной федераціи своихъ отдѣльныхъ провинцій, а путемъ тяготѣвшей надъ нею власти одного общаго повелителя, этотъ режимъ не былъ извѣстенъ въ Англіи въ той формѣ, въ какой мы его находимъ во Франціи и въ Германіи. Тогда какъ на континентѣ крѣпостной хлѣбопашецъ зависѣлъ исключительно отъ своего господина, который, въ свою очередь, былъ обязанъ вѣрностью лишь своему непосредственному повелителю феодалу и не заботился вовсе о желаніяхъ короля,—его нельзя было даже упрекнуть въ бунтѣ и возмущеніи, если онъ слѣдовалъ за своимъ властителемъ, когда тотъ возставалъ; совершенно иначе обстояло дѣло въ Англіи, гдѣ всѣ обитатели разсматривались какъ непосредственные подданные короля. Вильгельмъ Завоеватель потребовалъ ото всѣхъ клятвы въ вѣрности своей собственной персонѣ, и каждый его вассалъ или вассалъ его вассала считался отвѣтственнымъ прежде всего по отношенію къ общему властелину и лишь затѣмъ уже къ своему личному повелителю. Каждый изъ воиновъ былъ первымъ дѣломъ «подданнымъ короля» и потомъ уже подданнымъ барона-феодала. Именно въ этомъ лежала одна изъ причинъ, которая позднѣе дала такую прочную силу сцѣпленія англійскимъ войскамъ, когда они вели борьбу съ французскими полчищами, объединяемыми лишь въ лицѣ своихъ вождей [1]).

Эта форма вассальныхъ отношеній, столь отличная отъ существовавшей во Франціи и центральной Европѣ, влекла за собою и еще одно слѣдствіе, отражавшееся на самихъ властителяхъ: общая масса ихъ класса представляла собою болѣе демократическую организацію. Они были менѣе отдѣлены отъ центральной власти, такъ какъ ступени фео-

---

1) W. Denton. «England in the fifteenth Century», pp. 27, 29.

дальной іерархіи были сильнѣе сглажены; они могли жаловаться, протестовать, возмущаться гораздо болѣе прямымъ путемъ, и въ то же время согласіе между ними было легче осуществимо, когда они затѣвали какое-либо общее дѣло. Случай представился въ самомъ началѣ XIII вѣка, когда Іоаннъ Безземельный, подписавъ договоръ въ Шинонѣ (1213 г.), которымъ онъ отдавалъ королю Франціи наибольшую часть своихъ



Видъ древняго Лондона.

1. Соборъ Св. Павла. 2. Церковь Св. Лорана. 3. Церковь Св. Дёстона.
4. Тоуеръ 5. Винчестеръ. 6. Церковь Св. Маріи.
7. Церковь Св. Олафа.

континентальныхъ владѣній, и когда онъ затѣмъ высадился въ Англіи побѣжденный, посрамленный и принужденный просить у своихъ бароновъ и у народа оплатить расходы несчастной войны. Негодованіе было всеобщее и возстановило противъ короля духовенство, аристократію и буржуазію. Опираясь на древнюю хартію Генриха I, которою обѣщались «церкви полное уваженіе къ ея владѣніямъ и къ свободѣ ея выборовъ, высшимъ сословіямъ свободная передача ихъ леновъ, тогда какъ всѣмъ англичанамъ вмѣстѣ—хорошая монетная система и справедливое законодательство», феодалы требовали отъ Іоанна Безземельнаго подписать торжественное обѣщаніе о томъ, что съ этихъ поръ будутъ соблюдаться всѣ ихъ права и свободы. Онъ сперва отказалъ въ своей подписи, охваченный сильнымъ гнѣвомъ, но, когда затѣмъ замѣтилъ, что подготовляется война, и что бароны со своими войсками окружаютъ его на равнинѣ Реннимеда близъ Винзора и угрожаютъ ему, подписалъ, въ

концѣ концовъ, съ отчаяніемъ въ душѣ этотъ знаменитый документъ, получившій наименованіе «Великой хартіи»—«Magna charta». На самомъ дѣлѣ, этотъ документъ, вырванный у слабаго и презираемаго короля, былъ не чѣмъ инымъ, какъ воспроизведеніемъ «обычнаго права» Нормандіи, по которому феодалы обладали чрезъ своихъ представителей правомъ голоса въ опредѣленіи налоговъ; быть-можетъ, также нѣкоторыя детали были заимствованы принимавшимъ такое большое участіе въ составленіи хартіи Симономъ Монфоромъ изъ установленій Аквитаніи, которою онъ управлялъ [1]). Какъ часто, однако, погибаютъ и подвергаются полному забвенію права, если ихъ не поддерживаетъ сила,—такъ это и случилось съ правами Великой хартіи, столь побѣдоносно отвоеванными на травянистыхъ пространствахъ долины Темзы 15-го іюня 1215 года!

Опредѣляя болѣе точно, Великая хартія содержала въ сущности очень немного: она подтверждала лишь прежнія привилегіи церкви, феодаловъ, горожанъ и купцовъ; она не давала ничего земледѣльцамъ и простому народу, но она была поставлена подъ охрану военнаго сословія, которое должно было слѣдить за выполненіемъ обѣщаній, данныхъ монархомъ: Англія не была предоставлена на произволъ капризовъ абсолютнаго властителя, какъ Франція, и этого было достаточно, чтобы направить ее на путь бóльшаго счастья и достоинства! Вильгельмъ своими завоеваніями и своей политикой разрушилъ ту организацію городскихъ общинъ, которая зарождалась въ Великобританіи, совершенно подобно тому, какъ она зарождалась на континентѣ. Однако, тѣмъ болѣе ярко вылилось стремленіе къ свободѣ, сдерживавшееся въ теченіе полутораста лѣтъ: въ то время какъ другіе носители монархической власти совершенно уничтожили свободу общинъ, королевская власть въ Англіи оказалась ограниченной, благодаря необходимости соблюдать условія Великой хартіи.

Хотя Англія, составлявшая необходимую составную часть Европы, принимала участіе въ феодальномъ развитіи странъ, которыя омываются также водами Атлантическаго океана, и хотя въ теченіе многихъ вѣковъ ея монархи и представители высшихъ сословій, начиная отъ Вильгельма Завоевателя до Симона Монфора, были одновременно властителями, какъ на самомъ островѣ Великобританіи, такъ и на континентѣ, существованіе пролива, образующаго столь очевидную для всѣхъ границу, придавало все же совершенно обособленный характеръ политической жизни островитянъ. Въ ту эпоху, когда языкъ, религія, нравы, семейныя традиціи были одинаковыми какъ у представителей высшихъ сословій Англіи, такъ и у таковыхъ Нормандіи и Анжу, первые все же стали

1) Wentworth Webster, «Société Ramond», 2e trim., 1902.

считать себя совершенно обособленной группой,—они образовали особую аристократію и именно въ качествѣ «англійскихъ лордовъ» вырвали у короля Іоанна ту драгоцѣнную хартію, которая спасала ихъ привилегіи и путемъ медленной эволюціи стала гарантіей британской конституціи [1]).



Симонъ Монфоръ.

Англо-норманскій рыцарь, предводитель крестоваго похода противъ альбигойцевъ, побѣдитель при Мюрэ въ 1213 г., составитель Великой Хартіи въ 1215 г., умеръ при взятіи Тулузы въ 1218 г.

Что бы тамъ, впрочемъ, ни говорили, здѣсь все же имѣли мѣсто и насильственные перевороты! Въ тотъ самый годъ, когда въ равнинѣ Реннимеда была произнесена королемъ торжественная клятва, въ тотъ же самый годъ совершилось и клятвопреступленіе. Іоаннъ Безземельный получилъ отъ папы Иннокентія III, распредѣлявшаго земли по своему усмотрѣнію, папскую буллу, которая разрѣшала его отъ даннаго имъ слова, и цѣлыя полчища наемниковъ стеклись на помощь королю съ тѣмъ, чтобы посодѣйствовать ему взять обратно отнятые у него города и замки. Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ лорды Англіи обратились къ Филиппу-Августу, предлагая корону его сыну, тому самому, который позднѣе вступилъ на французскій тронъ подъ наименованіемъ Людовика VIII. Южная Англія была вторично завоевана чужеземцами, тогда какъ на сѣверѣ шотландскій король Александръ II завладѣлъ землями, прилегавшими къ его

1) S. Novicov. «Conscience et Volonté sociales», p. 208.

королевству. Во время этихъ событій, однако, Іоаннъ Безземельный скончался, и тогда все измѣнилось; молодой король Генрихъ III принялъ безъ какого-либо униженія Великую хартію, и французы, разбитые въ сраженіи при Линкольнѣ (1217 г.), должны были очистить англійскую территорію.

Пятьдесятъ лѣтъ спустя, въ царствованіе того же самаго короля, конфликтъ разыгрался снова: собрался «парламентъ», состоящій изъ лордовъ, и принудилъ короля соблюдать условія Великой хартіи, поставивъ надъ нимъ совѣтниковъ, ревизоровъ и судей. Война должна была рѣшить, на чьей сторонѣ окажется право, и въ этой войнѣ король потерпѣлъ пораженіе въ битвѣ при Льюйсѣ (1264 г.), попалъ въ плѣнъ и оказался во власти графа Лейчестерскаго, сына Симона Монфора, этого страшнаго противника альбигойцевъ. Плѣннику оставалось только повиноваться, но, несмотря на это, Великая хартія рисковала сдѣлаться мертвою буквою, вслѣдствіе состоявшагося заговора и призыва чужеземныхъ властителей, если бы графъ Лейчестерскій не понялъ, что высшіе слои Англіи одни совершенно безсильны бороться въ теченіе долгаго времени, и что необходимо заключить союзъ съ нарождающейся буржуазіей. Начиная со слѣдующаго года, сталъ собираться парламентъ, въ которомъ города и городки были представлены каждый двумя гражданами, обсуждавшими на совершенно равныхъ правахъ съ выборными отъ графовъ и лордовъ, избиравшимися также въ числѣ двухъ отъ каждаго округа. Это нововведеніе, долженствовавшее удержаться и на послѣдующія времена, являлось, очевидно, зачаткомъ той Палаты Общинъ, исторія которой совпадаетъ съ исторіей самой Англіи, и которая своимъ примѣромъ оказывала столь значительное вліяніе на весь міръ въ теченіе всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ.

Одновременно съ измѣненіемъ нравовъ и политическихъ установленій Англіи мѣнялся и англійскій режимъ. Явившись въ чужеземную страну, въ которой всѣ обитатели говорили на иномъ языкѣ, чѣмъ его собственный, Вильгельмъ Завоеватель и его рыцари и не пытались требовать отъ покоренныхъ ими народностей принятія ихъ французскаго языка; напротивъ, имъ даже нравилось обладать инымъ способомъ выраженія мыслей, чѣмъ покоренныя ими массы народа,—это обусловливало въ ихъ глазахъ ихъ собственное неоспоримое превосходство. Однако, когда власть въ странѣ упрочилась, повелители Англіи и тѣ, кто пришелъ съ ними, научились, мало-по-малу, англо-саксонскому нарѣчію, тогда какъ французскій языкъ въ то же время распространялся среди англичанъ; сокровищница словъ каждаго изъ обоихъ языковъ обогащалась путемъ заимствованія, и, хотя всѣ приказы, декреты и законодательные акты публиковались всегда на народномъ языкѣ, для того, чтобы ихъ могла понимать толпа подданныхъ, франко-норманскія слова и выраже-

нія все же примѣшивались и дѣлались болѣе и болѣе многочисленными. Затѣмъ, двѣсти лѣтъ спустя послѣ завоеванія, когда всѣ рыцари гово-

№ 336. Равнина сѣверной Франціи.



Названія крупнымъ шрифтомъ относятся къ городамъ, отвоевавшимъ себѣ городскія грамоты; нѣкоторые изъ такихъ городовъ, однако, отсутствуютъ напр., Компьенъ, Сенъ-Кентэнъ, Евре. Съ другой стороны, между городами, названія которыхъ написаны мелкимъ шрифтомъ, Санли и Санъ обладали также нѣкоторыми свободами, но они получили ихъ скорѣе по доброй волѣ своихъ сюзереновъ, чѣмъ благодаря собственной смѣлости.

рили уже и между собою на англійскомъ языкѣ, и когда ихъ сыновья были принуждены обучаться французскому языку, какъ языку чужому, произошло то удивительное явленіе, что англійскій языкъ во всѣхъ политическихъ и законодательныхъ актахъ и документахъ былъ упразд-

ненъ, и вмѣсто него языкомъ оффиціальнымъ сдѣлался французскій. Это обусловлено было тѣмъ, что въ теченіе очень продолжительнаго времени настоящей столицей Англіи или, по крайней мѣрѣ, постоянной резиденціей англійскаго двора былъ Руанъ, и Франція обнаруживала чрезвы-

№ 337. Парижъ во времена Филиппа-Августа.



1. Соборъ Парижской Божьей Матери.
2. Госпиталь.
3. Шателэ.
4. Церковь Св. Евстафія.
5. Сенъ-Жерменъ л'Оксерруа.
6. Лувръ.
7. Термы Юліана.
8. Сенъ-Мерри.

чайную притягательную силу, какъ королевство, которое стремились завоевать во всемъ его цѣломъ. Впрочемъ, всѣ эти старанія, проистекавшія сверху, являлись совершенно безсильными по отношенію къ тѣмъ движеніямъ, какія происходили въ народной массѣ. Въ 1362 г. англійскій языкъ замѣнилъ собою французскій при открытіи парламента и трибуналовъ, и вышелъ приказъ пользоваться исключительно національ-

нымъ языкомъ при всѣхъ дебатахъ и запросахъ[1]). Юридическій педантизмъ сохранялъ, тѣмъ не менѣе, еще въ теченіе долгаго времени обычай переводить на французскій языкъ всѣ декреты, законы и законодательные акты,—даже и въ настоящее время еще, послѣ того перерыва,

№ 338. Лондонъ въ XIII вѣкѣ.



1. Соборъ Св. Павла. 2. Людгэтъ. 3 Ньюгэтъ.
4. Ольдерсгэтъ. 5. Крипплъгэтъ. 6. Мургэтъ.
7. Бишопсгэтъ. 8. Ольдгэтъ. 9. Церковь Св. Мартина.
10. Лиденбалль.

который былъ внесенъ республиканскимъ періодомъ, древнія формулы на франко-норманскомъ нарѣчіи кажутся совершенно необходимыми англійскимъ законникамъ и судьямъ въ ихъ парикахъ, кажутся средствомъ, гарантирующимъ британскому государству его правильное функціонированіе.

Контрастъ обѣихъ странъ, Франціи и Англіи, долженъ былъ выразиться и въ характерѣ ихъ столицъ, Парижа и Лондона. Города эти занимаютъ положеніе, предначертанное географическими условіями, и были предназначены самой природой играть важную роль въ исторіи Европы и всего свѣта.

1) W. Denton. «England in the fifteenth Century», pp. 4 à 6.

Парижъ находится въ эстественномъ центрѣ, какъ геологическомъ, такъ и географическомъ, всего бассейна, располагающагося внутри ограды изъ высотъ, коихъ главными внѣшними форпостами являются Арденны, Морванъ и холмы Першъ; это мѣсто самою природою предназначено быть мѣстомъ встрѣчи всѣхъ народностей, обитающихъ въ обширной области, тѣмъ болѣе, что историческіе пути, намѣченные долинами рѣкъ, сходящимися къ мѣсту нахожденія города, расположены въ формѣ лучей, расходящихся въ окружности полукруга и къ периферіи круга,—эти пути идутъ отъ верховьевъ Луары и отъ верховьевъ Аллье чрезъ Монтаржи и Немуръ, отъ Отена чрезъ Кламси и Оксерръ, отъ плоскогорій Котъ-д'Ора чрезъ Троа и Монтро, отъ границъ Лотарингіи по теченію Марны, отъ границъ Бельгіи по берегамъ Оазы и отъ устьевъ Сены чрезъ Руанъ. На юго-западѣ плоская равнина Босъ еще легче проходима, чѣмъ рѣчныя долины, и открываетъ свободный доступъ къ превосходнымъ областямъ Луары, откуда расходится по направленію къ югу и западу цѣлая сѣть путей, которыми пользовались во всѣ времена. Парижъ обладалъ всѣми преимуществами; онъ былъ мѣстомъ, куда стекалось рѣшительно все; по сравненію съ Лондономъ ему недоставало лишь морского пути, хотя онъ и былъ основанъ корпораціей моряковъ и избралъ своимъ гербомъ корабль, колышащійся на волнахъ. Но, если Парижъ въ средніе вѣка и не имѣлъ прямой морской торговли, онъ господствовалъ, тѣмъ не менѣе, надъ путями, которые ведутъ изъ центральной части Франціи къ побережью, и управлялъ всѣмъ движеніемъ морской торговли чрезъ тѣ гавани, которыя стояли съ нимъ въ связи.

Лондонъ, какъ это ясно видно при взглядѣ на карту, имѣлъ гораздо бо̀льшія преимущества въ смыслѣ морской торговли и въ смыслѣ движенія товаровъ, чѣмъ тѣ страны Европы, которыя находились на противоположномъ берегу; кромѣ того, онъ сдѣлался главнымъ складочнымъ мѣстомъ всей Англіи, благодаря множеству путей, которые сходились по направленію къ другимъ портовымъ городамъ и устьямъ рѣкъ южнаго, западнаго и сѣвернаго побережья. Но почему, является вопросъ, не сдѣлался Лондонъ оффиціальной столицей англійскаго королевства? Казалось бы вполнѣ естественнымъ, чтобы мѣстопребываніе правительства находилось въ самомъ значительномъ городѣ королевства! Почему, спрашивается, маленькій саксонскій городокъ Чэрингъ, расположенный очень недалеко отъ стѣнъ Лондона, былъ избранъ мѣстопребываніемъ королей саксонской династіи, и почему Вестминстеръ, ставшій замѣстителемъ Чэринга, былъ избранъ норманскими королями центромъ политической жизни въ краю? Именно вслѣдствіе того, что Лондонъ былъ городъ, населенный купцами и моряками, которые управлялись сами, по особымъ законамъ,—этотъ городъ представлялъ собою какъ бы отдѣльный микрокосмъ древняго происхожденія, пользовавшійся извѣстнымъ

уваженіемъ; это было государство въ государствѣ, зависимое отъ всего королевства лишь признаніемъ одного общаго повелителя. Совершенно та-

№ 339. Рейнъ, Страсбургъ и Кельнъ.



кимъ же образомъ основали маньчжуры, послѣ вторженія въ Срединную имперію, рядомъ съ каждымъ китайскимъ городомъ другой татарскій

городъ, и совершенно такъ же караулили дикіе туареги, вооруженные съ ногъ до головы, въ своемъ военномъ лагерѣ, располагавшемся у воротъ Томбукту. Быть-можетъ, именно по причинѣ этого двойственнаго характера столицы Англіи, состоявшей изъ Лондона и Вестминстера, она и получила на французскомъ языкѣ наименованіе съ окончаніемъ множественнаго числа (Londres); надо, впрочемъ, замѣтить, что Ліонъ и Марсель получили такое же окончаніе въ англійской орѳографіи, почему объясненіе это и не можетъ считаться выдерживающимъ критику.

Что касается Германской имперіи, то она не имѣла и, уже по самому смыслу своему и по представленію, которое составили себѣ о ней, не могла имѣть иной столицы, кромѣ Рима, резиденціи цезарей въ древности. Моральный долгъ императоровъ германскихъ короноваться непремѣнно въ Римѣ былъ главнѣйшимъ источникомъ войнъ, предпринимавшихся воинственными обитателями сѣвера почти безъ перерыва въ предѣлахъ Италіи; эти войны были, вмѣстѣ съ тѣмъ, единственнымъ предпріятіемъ, въ которомъ германскіе князья должны были оказывать содѣйствіе своему избраннику.

Однако, къ сѣверу отъ Альповъ сталъ возвышаться еще одинъ городъ,—это былъ Франкфуртъ, т.-е. «бродъ франковъ», являвшійся со временъ царствованія Людовика Германскаго наиболѣе оживленнымъ рынкомъ «Восточнаго королевства»; городъ этотъ вполнѣ естественно получилъ первѣйшее значеніе, когда равнина, бывшая до того времени сперва озерной, затѣмъ болотистой, была осушена; въ Германіи очень немного областей, которыя занимали бы положеніе болѣе центральное. Франкфуртъ находится на Майнѣ, недалеко отъ его сліянія съ Рейномъ и, слѣдовательно, приблизительно на серединѣ этой великой германской рѣки, тамъ, гдѣ въ нее вливаются рѣки Майнъ и Наэ, впадающія съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Именно тамъ оканчивается и великій историческій путь между Дунаемъ и Рейномъ, которымъ пользовались во всѣ времена, путь, удвоенный Карломъ Великимъ, устроившимъ каналъ, который соединяетъ обѣ рѣки; Франкфуртъ былъ отъ Вѣны до Нѣмецкаго моря главнѣйшимъ мѣстомъ остановки для всѣхъ купцовъ. Кромѣ того, великій восточный путь, направлявшійся къ прорыву Саксоніи, между горами Тюрингіи и горами Франконіи, также проходилъ чрезъ Франкфуртъ, и здѣсь отъ него отходила боковая вѣтвь, направлявшаяся въ бассейнъ Рейна; здѣсь же сходились другіе, менѣе важные пути. Изъ этого вполнѣ понятно, что городъ въ дѣлѣ обмѣна товаровъ Германіи пріобрѣлъ чрезвычайно большую силу притяженія; понятно, что онъ бывалъ и ея временнымъ главнымъ очагомъ политической жизни. Франкфуртъ сдѣлался городомъ, въ которомъ происходили выборы германскихъ императоровъ, и его ратуша, получившая названіе «Römer»

или «римлянинъ», въ виду того, что она являлась какъ бы отраженіемъ Рима, сдѣлалась настоящимъ центромъ имперіи.

Спрашивается, какой изъ другихъ городовъ Германіи могъ бы получить неоспоримое преобладаніе, когда вся имперія съ ея расплывчатыми границами, заключенная между Франціей на западѣ, славянскими



Зало Рёмера во Франкфуртѣ-на-Майнѣ.

землями на востокѣ и Италіей на югѣ, была постоянно раздѣлена внутри на множество отдѣльныхъ владѣній и леновъ со столь же расплывчатыми границами, и когда ея повелитель, избиравшійся послѣдовательно изъ различныхъ родовъ, перемѣщалъ часто свою резиденцію, переносившуюся изъ города въ городъ, въ зависимости отъ колебаній въ политикѣ и отъ случайностей войны? Нерѣдко императоръ пребывалъ даже за предѣлами Германіи, примѣромъ чему можетъ служить Фридрихъ II, жившій въ своемъ итальянскомъ городѣ Люцерѣ, среди нор-

мановъ и сарациновъ. Своими горными массивами и еще болѣе своими обширными лѣсами, усѣянными озерами, Германія была раздѣлена на цѣлый рядъ отдѣльныхъ областей, которыя всѣ имѣли столь одинаковое значеніе, что уравновѣшивали взаимно свои силы. Тогда какъ во Франціи срединный бассейнъ Сены, соединяющійся съ таковымъ Луары и

№ 340. Вѣна и Дунай въ средніе вѣка.



имѣющій своимъ центромъ тяжести Парижъ, обладалъ въ смыслѣ взаимнаго сцѣпленія и въ смыслѣ силы очевиднымъ перевѣсомъ надъ тѣмъ кольцомъ низменныхъ областей; которыя окружали центральный массивъ плоскогорій и горъ, гдѣ, спрашивается, было искать главнаго жизненнаго центра этой столь обширной Германіи, простирающейся отъ Рейна до Вислы? Даже великая долина Рейна сама распадалась на двѣ достаточно различавшіяся между собою, какъ съ исторической, такъ даже и съ геологической точки зрѣнія, области: въ сѣверной ея части городъ Кёльнъ имѣлъ равное по числу населенія и по могуществу значеніе, какъ города южной половины бассейна—Страсбургъ, Спиръ, Маннгеймъ, Вормсъ, Франкфуртъ и Майнцъ. Огромный бассейнъ Баваріи, гдѣ верхнее теченіе Дуная принимаетъ въ себя другіе потоки, сбѣгающіе съ Альповъ, образовывало также естественную область, гдѣ должны были возникнуть перворазрядные центры политической жизни, каковыми являлись Нюрнбергъ, Аугсбургъ, Регенсбургъ, Пассау и позднѣе Мюнхенъ. Саксонія, опирающаяся на Рудныя горы и хребты Тюрингіи, образовы-

вала также естественную провинцію, благодаря среднему теченію Эльбы и ея притокамъ, тогда какъ на сѣверо-западѣ бассейнъ Везера съ его многочисленными мелкими государствами составлялъ переходную область между странами Эльбы и Рейна. На сѣверѣ дюны Бранденбурга, его торфяники, цѣлыя цѣпи озеръ и медленно текущія рѣки обнаруживаютъ

№ 341. Вѣна и Дунай въ XX вѣкѣ.



совершенно иную природу и напоминаютъ собою уже обширныя равнины славянскихъ земель,—они образуютъ какъ бы аванпостъ Германіи. Наконецъ, по берегамъ обоихъ морей слѣдовали одна за другой торговыя гавани, сдѣлавшіяся также центрами вполнѣ серьезнаго политическаго могущества, особенно послѣ того, какъ Гамбургъ вступилъ въ союзъ съ Любекомъ (1241 г.), что явилось началомъ Ганзейскаго союза.

Собственно Германія со всѣми ея королевствами, герцогствами, графствами, княжествами, свободными городами и различными конфедераціями, заключала въ своихъ предѣлахъ также альпійскія области, Тироль, Каринтію, Штирію и Австрію, равно какъ и тѣ горныя долины, населеніе которыхъ группируется въ настоящее время въ области, получившей названіе «Германской Швейцаріи». Городъ Вѣна, который дол-

женъ былъ позднѣе получить первостепенное значеніе въ качествѣ мірового центра, сдѣлался главнымъ центромъ притяженія для всѣхъ германцевъ юго-востока. Этотъ городъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сторожемъ всей имперіи противъ различныхъ, надвигавшихся съ востока народностей и противъ славянъ, которые огромными массами занимали горные хребты, равнины сѣвера, равно какъ и огромный четыреугольникъ Богеміи, прерывавшій прямыя сношенія Австріи съ населенными и болѣе цивилизованными странами сѣверо-западной Германіи. Вѣна занимала, такимъ образомъ, сильно выдвинутую впередъ позицію, находившуюся подъ постоянной угрозой, и была привязана къ остальной Германіи лишь узкой долиной средняго теченія Дуная, сведенной въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ узкимъ ущельямъ, благодаря предгорьямъ Альповъ и Богемскаго лѣса. Однако, именно это состояніе вѣчной борьбы придавало городу тѣмъ болѣе опредѣленный и ясно выраженный германскій характеръ, несмотря на все смѣшеніе народностей, которое тамъ безпрерывно происходило, какъ въ тиглѣ, въ которомъ сплавляются металлы. Черпая изъ Германіи всѣ свои запасы знаній и моральной силы, необходимые для непрерывнаго сопротивленія враждебному восточному міру, Вѣна перерабатывала всѣ свои этическіе элементы въ германцевъ, конечно, германцевъ, очень сильно отличающихся отъ чистокровныхъ германцевъ Швабіи и Тюрингіи.

Этотъ древній, сперва галльскій, затѣмъ римскій городъ Виндомина, сдѣлавшійся затѣмъ Виндобоной, обладалъ, въ концѣ концовъ, всѣми преимуществами географическаго положенія, присущими области по берегамъ Дуная, тянущимся между рѣкою Иннъ и впаденіемъ Моравы. Для римлянъ два города имѣли здѣсь особое значеніе: Лауреакумъ, современный городъ Лоршъ, гдѣ оканчивалась главная дорога, по которой римскіе легіоны переходили чрезъ параллельныя цѣпи Альповъ, и городъ Карнунтумъ, лежащій выше Виндобоны, впереди широкой равнины, по которой извивается Морава передъ своимъ впаденіемъ въ Дунай. Альпійскіе пути, отходящіе отъ обоихъ береговъ Адріатическаго моря, отъ итальянскаго берега и отъ истрійскаго, соединяются въ Вѣнѣ, которая располагается какъ-разъ въ сѣверо - восточномъ углу системы Альповъ, въ пунктѣ, гдѣ сходятся въ долинѣ Дуная всѣ естественные пути, спускающіеся съ горъ, — эти условія гарантировали также городу то преимущество, что онъ находился въ мѣстѣ скрещенія двухъ главнѣйшихъ путей центральной Европы, именно дунайскаго пути, идущаго отъ Парижа до Константинополя, и пути моравскаго, между Италіей и Балтійскимъ побережьемъ. Изо всѣхъ городовъ континента, находящихся въ мѣстѣ скрещенія путей, Вѣна, безъ сомнѣнія, имѣетъ самое большое историческое значеніе. Со среднихъ вѣковъ могущество столицы Австріи еще болѣе увеличилось,—она сдѣлалась полной обладательницей той ве-

ликой рѣки, черезчуръ близкаго сосѣдства съ которой она въ прежнія времена даже побаивалась.

Тринадцатый вѣкъ былъ для Германіи эпохой, когда император-

№ 342. Земля тевтонскихъ рыцарей.



ская власть обладала наименьшею силою, и, слѣдовательно, вполнѣ естественнымъ путемъ мѣстная инициатива проявлялась наиболѣе значительно. Это былъ самый счастливый вѣкъ германскаго народа, и никогда его развитіе въ области знанія и искусствъ не шло болѣе быстрыми шагами впередъ. Фридрихъ II, царствованіе котораго продолжалось въ теченіе цѣлаго поколѣнія (съ 1215 по 1250 г.), пріучилъ подчиненные ему народы обходиться безъ него самого: онъ царствовалъ лишь оффиціально, на самомъ же дѣлѣ то велъ войну, то законодательствовалъ въ

другихъ странахъ, на югѣ Италіи или на Востокѣ,—въ силу этого независимая жизнь германскихъ городовъ проявилась самымъ блестящимъ образомъ въ осуществленіи цѣлаго ряда крупныхъ національныхъ твореній. Даже въ государственныхъ документахъ, несмотря на все противодѣйствіе монаховъ, сталъ употребляться для изложенія мыслей народный языкъ. Странствующіе пѣвцы, переходившіе изъ города въ городъ и изъ селенія въ селеніе и распространявшіе свои пѣсни, сталкиваясь, взаимно обучались другъ отъ друга языку чистому, гармоничному и построенному согласно правиламъ логики, и этотъ языкъ вытѣснялъ въ обиходѣ провинціальныя нарѣчія. Въ то же время любознательные люди изучали свою страну и излагали въ своихъ сочиненіяхъ ея географію, исторію, ея преданія и правовые обычаи. Талантливые архитекторы возводили великолѣпныя зданія готической архитектуры, которыя до сихъ поръ составляютъ славу городовъ въ бассейнѣ Рейна и въ меньшей степени—другихъ германскихъ областей. Наконецъ, въ это же время начинаетъ проявляться и становится сознательной та любовь къ природѣ, которая столь глубоко отражается въ твореніяхъ германскихъ поэтовъ, и которая за послѣдніе вѣка была источникомъ столькихъ превосходныхъ литературныхъ произведеній. Въ эту эпоху непрерывныхъ охотъ и войнъ нѣкоторые лѣса были все же запретными, и въ нихъ не должно было совершаться никакого кровопролитія. Однимъ изъ такихъ лѣсовъ былъ лѣсъ въ Гарцѣ: «когда Богъ создалъ человѣка,—говоритъ Заксеншпигель въ началѣ XIII вѣка,—онъ далъ ему власть надъ всѣми рыбами, птицами и дикими звѣрьми. И все же имѣются три мѣста на землѣ, гдѣ, по приказу короля, мирная жизнь животныхъ не смѣетъ быть нарушена... Каждый, кто будетъ замѣченъ охотящимся на дичь въ этихъ мѣстахъ, будетъ присужденъ къ штрафу въ 60 су. Каждый, кто проѣзжаетъ на конѣ чрезъ эти запретные лѣса, долженъ ослабить тетиву своего лука, долженъ закрыть свой колчанъ и держать своихъ собакъ на привязи».

Несмотря на чужеземныя вторженія, германская народность продолжала распространяться по направленію къ востоку и къ сѣверу, оттѣсняя и постепенно ассимилируя славянскіе народы: Гольштейнъ, Мекленбургъ и Померанія сдѣлались областями совершенно германскими, и подъ начальствомъ Германа фонъ-Зальца, въ 1230—1237 г., тевтонскіе рыцари основали германскія колоніи въ балтійскихъ провинціяхъ—Курляндіи, Ливоніи и Эстоніи.

Даже во времена самыхъ ужасныхъ военныхъ бѣдствій Германія, объединенная страхомъ передъ опасностью, могла обходиться совершенно безъ императора. Такъ, когда монголы, сломивъ сопротивленіе всѣхъ странъ восточной Европы, обрушились на германскія страны въ 1241 г., царствующій императоръ Фридрихъ II не принималъ, повиди-

мому, никакого участія въ оказанномъ страною сопротивленіи,—онъ не участвовалъ даже дипломатическимъ вмѣшательствомъ, и всецѣло само населеніе странъ, которымъ непосредственно угрожали враги, въ особенности состоявшее изъ славянъ и германцевъ населеніе Моравіи и Силезіи, приняло на себя страшный напоръ монголовъ въ битвѣ при



Долина Рейна при Сенъ-Гоарѣ.

Лигницѣ; несмотря на то, что оно было побѣждено, оно все же показало побѣдителямъ, что для нихъ же самихъ безопаснѣе не идти далѣе впередъ; монгольское вторженіе было отклонено къ югу и разсѣялось на берегахъ Далмаціи. Несмотря на междуцарствіе, продолжавшееся въ теченіе почти четверти вѣка (1254—1257), Германія продолжала процвѣтать въ смыслѣ своего могущества и цивилизаціи; императоры возводились на престолъ, но представляли собою существа отвлеченныя, избиравшіяся въ чужеземныхъ странахъ и сохранявшія даже имена этихъ странъ. Нечего было бояться вмѣшательства Вильгельма Голландскаго, Ричарда Корнуэльскаго или Альфонса Кастильскаго,—германскіе князья и народы обходились и безъ нихъ, совершенно такъ же, какъ ранѣе они обходились безъ жившихъ въ Италіи Гогенштауфеновъ.

Дѣло въ томъ, что въ представленіи германцевъ объ императорской власти совершилась чрезвычайно крупная эволюція. Въ первыя

времена воспоминаніе о древней Римской имперіи въ такой степени подавляло умы, что честолюбивые императоры задавались цѣлью возста-

№ 343. Города и области Германіи.



Нанесенное на картѣ положеніе Пруссіи соотвѣтствуетъ ея современнымъ границамъ, тогда какъ въ XIII–XIV вѣкахъ это наименованіе носила область на востокъ отъ Вислы (см. карту № 342, стр. 111).

новить эту имперію непремѣнно,—въ Римѣ должны они были получить помазаніе на царство, и путешествіе туда они предпринимали, не взирая на то, что уже переходъ черезъ Альпы сопровождался большими издерж-

ками; путь по Италіи посреди нерѣдко враждебныхъ городовъ и подъ постоянной угрозой мѣстныхъ революціонныхъ вспышекъ требовалъ

№ 344. Орографія Германіи.



сопровожденія арміи, и каждый такой визитъ превращался, въ концѣ концовъ, въ военное предпріятіе. Послѣдняя экспедиція такого рода, именно походъ Конрада IV, сына Фридриха II, окончилась, однако, самымъ печальнымъ образомъ. Карлъ Анжуйскій завладѣлъ южной

Италіей и Сициліей, отнявъ ихъ у римской имперіи, и сынъ Конрада, молодой и доблестный Конрадинъ, послѣдній изъ Гогенштауфеновъ, былъ всенародно обезглавленъ въ Неаполѣ (1268 г.),—это было трагическое приключеніе, котораго романтическій германскій патріотизмъ никогда не могъ простить Франціи. Карлъ I, Неаполитанскій, былъ, впрочемъ, злымъ геніемъ своего рода: послѣ умерщвленія Конрадина онъ направился съ крестовымъ походомъ въ Тунисъ, гдѣ его братъ Людовикъ Святой долженъ былъ погибнуть; онъ же своей черезчуръ католической политикой, послѣдовавшей за періодомъ относительной религіозной терпимости во время господства Гогенштауфеновъ, вызвалъ такъ называемую Сицилійскую вечерню; наконецъ, онъ же втянулъ своего племянника Филиппа III въ злосчастную экспедицію въ Руссильонъ (1285 г.). Такимъ образомъ, путешествіе императоровъ по ту сторону Альповъ сопровождалось всегда несомнѣнными опасностями, но самая идея императорской власти не дѣлалась отъ этого менѣе популярной, несмотря на то, что избиратели феодалы, князья гражданскіе и духовные, опасаясь, что получатъ повелителя слишкомъ могущественнаго, нерѣдко долго колебались, прежде чѣмъ избрать кандидата.

Въ теченіе XIII вѣка сформировалась оффиціально группа князей-избирателей, которымъ позднѣе суждено было вмѣсто папы оспаривать у императоровъ ихъ власть. Эта группа состояла изъ семи князей—въ томъ числѣ трехъ архіепископовъ, Майнцскаго, Кёльнскаго и Трэвскаго—и четырехъ гражданскихъ властителей — герцога Саксонскаго, графа Рейнскаго, маркграфа Бранденбургскаго и короля Богемскаго; однако, этотъ послѣдній, въ качествѣ властителя расы чуждой, хотя и связанной съ Германіей многочисленными общими интересами, долженъ былъ защищать свои привилегіи отъ постоянныхъ поползновеній герцога Баварскаго. Власть Германіи, представленная этими семью избирателями, имѣла центромъ своей тяжести западную часть имперіи, а долина Рейна, эта настоящая «улица духовенства», какъ иногда называли ее за безчисленныя церкви и великолѣпные соборы, возвышающіеся по берегамъ рѣки, обладала въ данномъ синклитѣ большинствомъ голосовъ; однако, несмотря на то, что архіепископы рейнскіе имѣли въ выборномъ совѣтѣ нерѣдко рѣшающее вліяніе, и въ нихъ видѣли непосредственныхъ представителей папы, прямое вліяніе римскаго первосвященника было устранено. Въ 1330 г. даже формальнымъ манифестомъ была установлена полная независимость избирателей императора отъ всѣхъ притязаній Рима: въ этомъ манифестѣ устанавливается, что власть императора вытекаетъ исключительно изъ олигархіи князей.

Въ 1273 г., послѣ междуцарствія, выборъ избирателей упалъ на одного изъ второстепенныхъ властителей, Рудольфа Габсбургскаго, который былъ обязанъ этому счастью, быть-можетъ, именно относительной

скромности своего происхожденія. Этотъ новый императоръ, лишенный всякой способности оказывать значительное вліяніе на политику, связанный уже, какъ многіе изъ современныхъ повелителей, конституціонными правилами и традиціями, долженъ былъ ограничиваться утвер-



Каѳедральный соборъ въ Бовэ. Алтарь.

жденіемъ своихъ правъ и привилегій своего рода. Несмотря на то, нѣкоторые изъ его послѣдователей соблазнились попыткой завоевать Римъ и Италію, но попытка эта не привела къ серьезнымъ результатамъ. Не только Апеннинскій полуостровъ ускользнулъ изъ-подъ ихъ власти, но и королевство Арльское стало трудно управляемымъ и, наконецъ, распалось, къ великой выгодѣ французской монархіи. Кромѣ того, пути-

пересѣкавшіе Швейцарскіе Альпы, закрылись, такъ какъ обитатели горныхъ долинъ поклялись отстоять свою независимость отъ притязаній Габсбурговъ и ихъ союзниковъ. Герцогъ Леопольдъ Австрійскій неблагоразумнымъ образомъ пустился вмѣстѣ со своими тяжеловооруженными рыцарями въ узкія ущелья Альповъ: камни и дубины горныхъ жителей одержали полную побѣду надъ копьями рыцарей. Окончательная побѣда, одержанная швейцарцами при Моргартенѣ (1315), гарантировала независимость лѣсныхъ кантоновъ, этого главнаго ядра швейцарской конфедераціи. Когда въ концѣ вѣка конфликтъ возобновился, битвы при Земпахѣ (1386) и при Нефельсѣ (1388) доказали снова, что швейцарскія горы сдѣлались непреодолимою стѣною.

Область дѣятельности германскихъ императоровъ не переходила за предѣлы южныхъ и западныхъ областей собственно Германіи; сѣверныя и восточныя области находились подъ властью городовъ Ганзы, тевтонскихъ рыцарей и маркграфовъ бранденбургскихъ, образуя такимъ способомъ совершенно изолированную группу, обладающую собственною жизнью и заключающую зачатки того политическаго цѣлаго, которому впослѣдствіи удалось объединиться въ формѣ Пруссіи. Контрастъ, которому суждено было позднѣе сыграть большую роль, именно контрастъ между двумя великими германскими державами, Австріей и Пруссіей, началъ вырисовываться еще въ отдаленныя времена: впрочемъ, вѣдь онъ намѣчался и самими внѣшними формами поверхности. Области средняго теченія Дуная и песчаныя пространства, по которымъ извиваются рѣки, и гдѣ между Эльбой и Одеромъ имѣются озера, явственно отдѣлены огромнымъ четыреугольникомъ Богеміи, опоясаннымъ горами и лѣсами; въ то же время на западѣ Германіи Рейнъ объединялъ очевиднѣйшимъ образомъ области сѣверныя и южныя и своими притоками, Майномъ и Неккаромъ, связывалъ Австрію, Тироль, область Зальцбурга, Баварію, Швабію съ Тюрингіей, Гессеномъ и Вестфаліей.

Во Франціи, гдѣ политическое единство было гораздо сильнѣе намѣчено самою природою, но гдѣ оно не могло быть полностью осуществлено иначе, какъ послѣ уничтоженія крупныхъ леновъ, продолжалась борьба между королемъ и его вассалами. Послѣ Филиппа-Августа, однако, политика королей отнюдь не была направлена съ одинаковою твердостью къ подчиненію королевской власти всѣхъ функцій государства; во всякомъ случаѣ, въ общемъ, французская королевская власть все же значительно усилилась не только за счетъ крупныхъ феодаловъ, но и за счетъ римскаго папы; даже тотъ изъ королей, котораго Церковь признала «святымъ», именно Людовикъ IX, отнюдь не позволялъ духовенству управлять собою: будучи болѣе религіознымъ, чѣмъ большинство священнослужителей и монаховъ, онъ считалъ себя въ правѣ обходиться безъ ихъ совѣтовъ. Одинъ изъ его послѣдователей,

Филиппъ Красивый, взошедшій на тронъ въ 1285 г., зашелъ еще дальше въ своей борьбѣ съ церковью: являясь предшественникомъ многихъ изъ современныхъ властителей, онъ уже въ самомъ разгарѣ среднихъ вѣковъ былъ хитрѣйшимъ дипломатомъ, презирающимъ всякое рыцарство,—онъ окружалъ себя людьми столь же лукавыми, какъ и онъ самъ, и стре-



Авиньонъ Замокъ папъ.

мился лишь методически къ увеличенію своей власти и своего богатства. Римскій папа, который какъ-разъ былъ его противникомъ, Бонифацій VIII, былъ настоящимъ вторымъ Гильдебрандомъ,—этотъ первосвященникъ заявлялъ свое право на господство какъ надъ душами, такъ и надъ тѣлами католиковъ и вѣровалъ самъ еще въ дѣйствительность своихъ громовъ и молній, въ формѣ отлученія отъ церкви. Филиппъ Красивый, тѣмъ не менѣе, заставилъ повиноваться себѣ все духовенство, сталъ преслѣдовать папу въ его собственной области и взялъ его въ плѣнъ при помощи измѣны—«въ интересахъ нашей общей матери св. Церкви», какъ выражался посланный короля Ногаретъ,—въ концѣ концовъ, онъ довелъ его до того, что Бонифацій скончался отъ горести и гнѣва (1303). Новый папа долженъ былъ проявлять полную покорность по отношенію къ королю, котораго Бонифацій отлучилъ отъ церкви, и вскорѣ былъ замѣщенъ уже совершенной креатурой Филиппа, его простымъ духовнымъ вассаломъ Климентомъ V (Бертраномъ Готскимъ); этотъ папа дошелъ до такого позора, что покинулъ вѣчный

городъ и переселился въ Пуатье, а затѣмъ въ Авиньонъ, гдѣ находился уже вполнѣ подъ надзоромъ у своего настоящаго повелителя (1305).

Папство, опираясь на ломбардскія общины, побѣдило послѣ долгой борьбы Германскую имперію, но насильственныя дѣянія французской монархической власти противъ папы не угрожали нисколько независимости свободныхъ городовъ,—потому христіанскій міръ очень мало былъ затронутъ преступленіемъ, совершеннымъ по отношенію къ Бонифацію. По существу никто уже не вѣрилъ болѣе въ божественность папской власти, хотя на словахъ папу и называли намѣстникомъ св. Петра.

Французскій король не только задѣлъ непосредственно папу,—онъ предпринялъ и гораздо болѣе трудное дѣло, именно коснулся самыхъ чувствительныхъ струнъ римской церкви, затронувъ ея богатства. Будучи отлученъ отъ церкви, онъ началъ съ того, что конфисковалъ всѣ церковные сборы французскаго духовенства въ теченіе 5 лѣтъ; затѣмъ, послѣ того какъ выжалъ изъ евреевъ все золото, какимъ они обладали, подобно тому, какъ выжимаютъ масло изъ оливокъ, онъ принялся за рыцарей-тампліеровъ, сдѣлавшихся христіанскими банкирами, и за своихъ флорентійскихъ маклеровъ,—онъ имѣлъ въ виду добыть всѣ сокровища, собранныя рыцарями-храмовниками съ самаго начала крестовыхъ походовъ. Преступленіе ихъ, для всѣхъ вполнѣ очевидное, заключалось въ томъ, что они были богаты: у нихъ было болѣе 9000 замковъ и цѣлыя обширныя провинціи, разсѣянныя по всей Европѣ, отъ Португаліи и Кастиліи до Ирландіи и Германіи. Съ другой стороны, тампліеры давали полное основаніе къ серьезнымъ обвиненіямъ: въ теченіе всего времени, пока они были защитниками св. Гроба Господня, никто не могъ ихъ судить, хотя и тогда они позволяли себѣ много излишествъ и совершали, въ силу своей гордости, нетерпимости, жадности и любви къ роскоши, не мало преступленій; теперь же всѣ шепотомъ разсказывали о введенныхъ ими ужасныхъ обрядахъ, магометанскихъ или даже чисто-дьявольскихъ, объ обрядахъ, которыми они прославляли Храмъ, какъ нѣчто отдѣльное отъ церкви. Найдя себѣ поддержку въ дѣлѣ перемѣщенія богатствъ изъ чужого кармана въ свой собственный въ лицѣ многочисленныхъ нищихъ монаховъ и другихъ паразитовъ, королевская власть и обрушилась на тампліеровъ, выставляя предлогомъ ихъ еретичность.

Король хотѣлъ отомстить за то, что самъ не былъ принятъ въ орденъ тампліеровъ, коего онъ пожелалъ сдѣлаться великимъ мастеромъ; кромѣ того, онъ былъ долженъ тампліерамъ нѣкоторую сумму денегъ и не имѣлъ возможности иначе уплатить свои долги, какъ ограбивъ ихъ самихъ и отнявъ у нихъ накопленныя сокровища,—послѣ того какъ онъ разорилъ евреевъ, ему не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ выжимать деньги изъ христіанъ. Однако, противники его были столь

страшны своею численностью, своимъ богатствомъ и всеобщимъ уваженіемъ, что Филиппъ Красивый, несмотря на помощь подчиненнаго ему папы, долгое время опасался, что предпріятіе ему не удастся. Борьба эта продолжалась въ теченіе ряда лѣтъ и велась самымъ жестокимъ образомъ, причемъ обѣ стороны пользовались и лжесвидѣтельствомъ, и угрозами, и смертными казнями. Несмотря на то, что главныя силы тампліеровъ находились во Франціи, и что Филиппъ, слѣдовательно, могъ нанести ударъ ордену въ самое сердце, нѣкоторыя другія государства были также чрезвычайно сильно заинтересованы въ этой борьбѣ и, если бы они иначе думали, чѣмъ король французскій, могли бы, несомнѣнно, создать послѣднему величайшія затрудненія. Первоначально они считали правыми тампліеровъ и были на ихъ сторонѣ, но послѣ суровыхъ наказаній и конфискацій, наложенныхъ на орденъ Филиппомъ, они передумали и приняли сами участіе въ дѣлежѣ цѣнной добычи. Одна лишь Испанія защищала орденъ до конца или, по меньшей мѣрѣ, допустила его переходъ въ другую форму мирнымъ путемъ,—причина въ томъ, что въ этой странѣ крестовые походы не были еще закончены [1]).

Всѣ эти преслѣдованія, всѣ эти безчисленные костры, зажженные инквизиторами по приказу королевской власти, свидѣтельствуютъ о томъ, какое большое значеніе получили денежные вопросы въ томъ обществѣ, которое развилось изъ средневѣковаго. Придавалось слишкомъ большое значеніе запрещенію ростовщичества, выставленному первобытнымъ христіанствомъ, но моральный законъ этотъ очень слабо сказался въ практической жизни тогдашняго общества: христіанинъ, который не могъ, дабы не согрѣшить, взимать проценты съ денегъ, данныхъ взаймы другому христіанину, чувствовалъ себя очень счастливымъ, если получалъ возможность самъ занять у невѣрнаго, у какого-нибудь еврея, или наживался другимъ способомъ. Ничего не было легче, какъ обойти законъ и заставить платить себѣ проценты подъ какимъ-либо другимъ видомъ. Вѣрующій, который принужденъ былъ воздерживаться отъ взиманія лихвенныхъ процентовъ съ одолженной имъ суммы, могъ побудить взявшаго взаймы и его наслѣдниковъ выплачивать ему взамѣнъ до безконечности ренту [2]). Точно также церковные каноны не запрещали договоровъ о взятіи въ пользованіе скота подъ условіемъ дѣлежа приплода, примѣры тому иллюстрировались еврейской легендой о коммерческой сметкѣ патріарха Іакова. Христіанинъ, подобно древнему еврею, имѣлъ вполнѣ разрѣшеніе свыше обогащаться за счетъ прироста своихъ стадъ. Потому такіе договоры являются одной изъ главнѣйшихъ формъ роста капиталовъ, и самое наименованіе ихъ—«cheptel»—указываетъ на

1) J. Michelet. «Histoire de France», t. III, p. 158.—2) Viollet. «Précis de l'Histoire du Droit français», p. 582.

то, что они явились однимъ изъ главныхъ источниковъ современнаго капитализма [1]). Мало того, сама церковь, произнося проклятія богатству, когда дѣло касалось другихъ, поставила вскорѣ своимъ собственнымъ идеаломъ обогащеніе и прилагала всѣ усилія къ тому, чтобы вызывать приношенія и подарки. Она приняла дурную манеру порицать у другихъ то, что сама прямымъ или косвеннымъ путемъ практиковала каждодневно!

Въ тѣхъ случаяхъ, когда церковь не занимала сама, она заставляла занимать евреевъ и расплачивалась съ ними тѣмъ, что проклинала ихъ и обирала ихъ какъ воровъ и нечестивцевъ, предварительно воспользовавшись ими какъ заимодавцами. Честнѣйшіе теологи искали аргументовъ для защиты и объясненія своего лицемѣрія: «кому не извѣстно—говоритъ Герсонъ,—что ростовщичество должно быть истреблено, но слѣдовало бы опредѣлить, въ какихъ случаяхъ на самомъ дѣлѣ грѣшно брать проценты, такъ какъ иначе, въ случаѣ чрезмѣрной строгости, мы рискуемъ осудить даже и доходы многихъ церквей!» [2]). Въ этомъ отношеніи установилось, къ выгодѣ всего церковнаго міра, нѣкоторое раздѣленіе труда между представителями духовенства, имѣющими опредѣленное положеніе, съ одной стороны, и нищими монахами—съ другой. Эти послѣдніе придерживались взглядовъ древняго христіанства, которое не признавало никакой собственности, ни частной, ни общественной. Этотъ принципъ оправдывалъ и даже требовалъ вести образъ жизни нищихъ, что, въ свою очередь, имѣло еще то преимущество, что увеличивало церковныя богатства,—тѣ, кто не обладалъ правомъ владѣнія личною собственностью, имѣли, тѣмъ не менѣе, право завѣдывать имуществомъ другихъ, и если они владѣли и управляли имуществами церкви, ничто не могло нарушить ихъ правъ. Совершенно иной была судьба монаховъ черезчуръ ревностныхъ, которые пытались осуществить коммунистическіе идеалы, устроить трудовыя общины,—они приближались, такимъ образомъ, къ обществу мірянъ. Вполнѣ естественно, что такіе подвижники тотчасъ же подвергались осужденію и преслѣдованію [3]).

Въ эту переходную эпоху, когда богатства быстро перемѣщались въ видѣ звонкой монеты или при помощи кредита и банковъ, евреи являлись цѣнными помощниками правительства. Для королевской власти, политика которой даже безсознательнымъ образомъ ведетъ къ раздѣленію для того, чтобы властвовать надъ разъединенными, было во всѣ времена выгодно располагать такимъ классомъ подданныхъ, на которыхъ можно было бы, когда настанутъ затруднительныя обстоятельства, обращать гнѣвъ народный, выливающійся въ насилія. Въ силу этого

1) Gaston Richard. «Le Socialisme et la Science sociale», p. 12.—2) Charles Jourdain, Mem. de l'Acad. des Inscr. et Belles-Lettre, t. XXVIII, 1874.—3) Guillaume de Greef. «Essais sur la Monnaie, le Crédit et les Banques», p. 34, 35.

евреи были въ христіанскихъ государствахъ среднихъ вѣковъ «цѣнными богоубійцами», которыхъ можно было на законномъ основаніи преслѣдовать, когда другіе были виноваты. Въ теченіе крестовыхъ походовъ въ завоеванныхъ городахъ предводители предоставляли своимъ вооруженнымъ шайкамъ убивать евреевъ; когда можно было ожидать гражданской войны, то точно такъ же, какъ это въ настоящее время происходитъ въ Россіи, гнѣвъ народный старались направить на торговыя помѣщенія проклятыхъ евреевъ, натравляя на нихъ голодный народъ,—дѣлали все возможное, чтобы отклонить народъ подальше отъ богатыхъ монастырей и роскошныхъ замковъ. Однако, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда дѣло касалось личнаго мщенія, всегда остерегались натравлять толпу на богатыхъ ростовщиковъ или сборщиковъ податей, у которыхъ хранились капиталы знати и духовенства, давая большіе проценты. Въ качествѣ чужеземца по происхожденію и по религіи, еврей былъ предметомъ ненависти и презрѣнія, но въ качествѣ дѣлового агента онъ былъ крайне полезенъ, и безъ него не могли обойтись,—таково было происхожденіе той юридической теоріи, по которой евреи разсматривались какъ «крѣпостные» короля и аристократовъ. Въ феодальномъ мірѣ у каждаго рыцаря-феодала имѣлся его собственный еврей, совершенно подобно тому, какъ у каждаго былъ собственный ткачъ и собственный кузнецъ. Еврей былъ настоящею собственностью, которая переходила во владѣніе вмѣстѣ съ леномъ и даже продавалась; самъ еврей не могъ владѣть никакимъ собственнымъ имуществомъ,—всѣмъ, что ему принадлежало, располагалъ его господинъ. Такова была доктрина, которую проповѣдывалъ знаменитый Ѳома Аквинскій, и которую осуществляло большинство европейскихъ властителей. Особенно англійскіе властители дѣйствовали методически въ этомъ отношеніи,—они организовали и приводили въ систему ростовщичество при помощи евреевъ, бывшихъ ихъ орудіями, ихъ «движимой собственностью»,—Вилльямъ изъ Ньюберри называетъ евреевъ «королевскими ростовщи-



Прокаженный съ трещеткой.

По живописи по стеклу въ соборѣ Буржа, XIII вѣка.

ками». Впрочемъ, надо сказать, что спеціальные агенты короля, дѣйствовавшіе столь методически, умудрялись и для самихъ себя урывать значительную долю денежныхъ богатствъ, которыя имъ было поручено извлечь изъ народа. Уже въ 1187 г. ихъ богатства въ Англіи опредѣлялись приблизительно въ 240000 фунтовъ стерлинговъ, тогда какъ богатства всѣхъ остальныхъ обитателей королевства, гораздо болѣе многочисленныхъ, достигали въ общей сложности лишь 700000 фунтовъ [1]).

Вполнѣ естественно, что евреямъ приходилось расплачиваться за свое богатство, и что неоднократно народъ обрушивался на нихъ. Точно также часто властители обращались противъ своихъ ростовщиковъ, обогащавшихся параллельно съ тѣмъ, какъ бѣднѣло королевство,—они заставляли возвращать ихъ награбленное золото; наконецъ, неоднократно народныя массы, фанатизированныя духовенствомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что евреи занимаются ростовщичествомъ, вымещали на нихъ свою религіозную ненависть и предавали ихъ мученіямъ, умерщвляли ихъ, даже поджаривали ихъ живьемъ на слабомъ огнѣ!

Иногда здѣсь примѣшивалось и настоящее безуміе. Такъ, въ 1321 г. во Франціи прошелъ нелѣпый слухъ, поджигавшій народъ къ самымъ жестокимъ злодѣяніямъ. Именно распространилось извѣстіе, что евреи изобрѣли чрезвычайно сильный ядъ, которымъ могутъ отравить всѣхъ христіанъ, причемъ ядъ этотъ будетъ даваться прокаженными. Этимъ страшнымъ разсказамъ люди повѣрили, и со всѣхъ сторонъ населеніе ринулось къ больницамъ для прокаженныхъ и стало поджигать ихъ,—въ Аквитаніи и въ значительной части Франшъ-Контэ всѣ больницы прокаженныхъ были сожжены. Безъ сомнѣнія, въ этой безумной жестокости играла нѣкоторую роль инстинктивная боязнь заразы отъ этой страшной болѣзни, но, помимо того, и самъ король, «желавшій, чтобы всѣ его подданные жили въ добромъ мирѣ и согласіи», издалъ одинъ за другимъ три приказа, которыми отдавалъ «зловонныхъ прокаженныхъ», мужчинъ, женщинъ и дѣтей моложе 14 лѣтъ, всей строгости тогдашней «юстиціи» съ ея пытками и кострами; въ городѣ Шинонѣ въ одинъ только день было сожжено 160 прокаженныхъ обоего пола [2])!

По всѣмъ вѣроятіямъ, евреи все же, въ концѣ концовъ, совершенно приспособились бы къ окружающей средѣ христіанъ въ европейскихъ государствахъ среднихъ вѣковъ, если бы они продолжали оставаться необходимыми, и если бы сильная конкуренція со стороны банкировъ-христіанъ не устранила ихъ съ занимаемой позиціи. Сильныя пре-

---

1) Ernest Nys. «Recherches sur l'Histoire de l'Economie politique».—2) Lehugeur, André Lefèvre. «Quelques années du bon vieux Temps», Revue de l'Ecole d'Anthropologie de Paris, nov. 1901, pp. 351 ss.

слѣдованія евреевъ относятся къ той эпохѣ, когда христіане перестали нуждаться въ нихъ. Монахи-храмовники, ломбардійцы, флорентійскіе мѣнялы научились обращаться съ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями такъ же искусно, какъ евреи; они познакомились также со



Торговые ряды въ Ипрѣ.

всѣми тайнами кредита и черезъ своихъ агентовъ и корреспондентовъ, устроившихся въ различныхъ городахъ Востока по пути въ Индію и въ Китай, начали вскорѣ борьбу съ евреями на экономической почвѣ. Когда евреи сдѣлались безполезными, они неизбѣжно должны были быть устранены; они потерпѣли пораженіе, и торжествующіе соперники ихъ могли умыть себѣ руки въ ихъ дальнѣйшей судьбѣ, предоставивъ ихъ предварительно народу, доведенному до отчаянія. Точно также позднѣе, когда были сожжены тампліеры, нашлись замѣстившіе ихъ ломбардійцы и фламандцы.

Въ эту эпоху Фландрія, обнимавшая, съ точки зрѣнія политической, значительную область, въ которой говорили на французскомъ языкѣ, была въ той части Европы, которая обращена къ Атлантическому океану, страною, гдѣ буржуазія могла наиболѣе совершеннымъ

образомъ освободиться отъ прежней церковной опеки, и гдѣ промышленность и торговля развивались наиболѣе свободно. По отношенію къ королю Франціи, претендовавшему на феодальный сюзеренитетъ, фламандскіе города обнаруживали почти республиканское настроеніе, но, къ сожалѣнію, не обладали тѣмъ единствомъ воли, какое обусловливаетъ конечный успѣхъ: въ каждомъ городѣ находились въ непрерывной борьбѣ два класса—патриціи и плебеи, побѣждалъ то одинъ, то другой изъ нихъ, и нерѣдко ловкіе честолюбцы ухитрялись захватывать въ свою пользу то, изъ-за чего шла борьба. Такимъ образомъ, случалось, народъ боролся не за свое собственное дѣло, а за того или другого демагога, стремившагося сдѣлаться графомъ или главнымъ военачальникомъ; съ другой стороны, богатые граждане Фландріи, становясь «leliaerts» или «людьми лиліи», благодаря этому самому дѣлались французами и, по желанію или противъ воли, боролись за политическое рабство своего отечества. Соціальная свобода, о которой мечтали нѣкоторые, не могла быть достигнута среди подобнаго хаоса! Сперва въ 1302 г. пролетаріи одержали при Куртрэ одну изъ тѣхъ замѣчательныхъ побѣдъ, въ которыхъ безымянная толпа рабочихъ и крестьянъ одерживаетъ верхъ надъ князьями и баронами,—въ исторіи ремесленниковъ это былъ фактъ, вполнѣ аналогичный тому, который имѣлъ мѣсто въ исторіи горныхъ жителей нѣсколько лѣтъ спустя при Моргартенѣ. При Куртрэ жители южной Фландріи и города Брюгге совершенно смяли рыцарей Филиппа Красиваго въ ихъ дорогомъ вооруженіи; когда Фукаръ изъ Мерля собралъ народъ въ городѣ Дуэ и спросилъ гражданъ, какую сторону они думаютъ взять въ начинающейся войнѣ, всѣ воскликнули: «Мы всѣ фламандцы! Клянемся Богомъ! Фукаръ, не стоитъ и спрашивать! Мы всѣ фламандцы и всегда ими будемъ!» [1]).

Однако, три года спустя послѣ битвы при Куртрэ народъ-побѣдитель согласился на то, что представителями его при дворѣ короля Франціи были назначены посланники изъ числа знати, на самомъ дѣлѣ его отъявленные враги; изъ-за этого онъ снова долженъ былъ подчиниться прежнимъ традиціямъ повиновенія: гнѣвъ его тщетно умѣрялся въ теченіе нѣкотораго времени. Но если города Фландріи получили возможность возобновить съ Франціей прежнюю борьбу, то это произошло лишь благодаря тѣмъ осложненіямъ европейской политики, которыя позволили Артевельде, представлявшимъ собою сторонниковъ свободъ въ Гантѣ, опереться на Фландрію. Въ этой борьбѣ графы фландрскіе и аристократическая партія принимали неизмѣнно сторону своего сюзерена, французскаго короля, война эта имѣла національный характеръ, лишь слабо выраженный,—она была прежде всего борьбою

1) O. des Marez. «Révue de l'Université de Bruxelles».

между буржуазнымъ классомъ современнаго общества и классомъ, уцѣлѣвшимъ съ феодальныхъ временъ.



Бордо. Ворота Большого Колокола.

Войны между Франціей и Англіей приняли, въ концѣ концовъ, характеръ постоянной ненависти, сдѣлавшейся почти инстинктивной: въ теченіе пяти вѣковъ было вполнѣ нормальнымъ явленіемъ со стороны обоихъ народовъ посылать на головы другъ друга проклятья и вести самую кровавую борьбу,—извѣстно, что и до сихъ поръ еще сохранились печальные пережитки этой ненависти! «Столѣтняя война», оффиціально длившаяся 116 лѣтъ, съ того времени, какъ Эдуардъ III заявилъ претензію на французскую корону (1337) до взятія Бордо (1453),—хотя на самомъ дѣлѣ антагонизмъ между обѣими странами продолжался со временъ Вильгельма Завоевателя, англійскаго короля и французскаго вассала,—эта Столѣтняя война являлась причиной чрезвычайно сильнаго матеріальнаго и моральнаго упадка обѣихъ народностей. Эта страшная драма объясняетъ намъ, какимъ образомъ Испанія и Португалія, во многихъ отношеніяхъ находившіяся въ гораздо менѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ Франція, значительно

опередили ее на поприщѣ житейской конкуренціи въ теченіе XV вѣка,— истощая Францію и Англію, Столѣтняя война дала временное превосходство Иберійскому полуострову.

Различія въ характерѣ и контрасты въ соціальныхъ условіяхъ обнаружились самымъ замѣчательнымъ образомъ въ этомъ столкновеніи обѣихъ воевавшихъ народностей и придали событіямъ форму чрезвычайно трагическую. Можно сказать, что Францію защищали одновременно два совершенно различные элемента,—ее защищалъ народъ, который съ полнымъ правомъ энергично отстаивалъ свои земли, свои города и мастерскія, и защищали представители феодальнаго режима, не умѣвшіе даже болѣе сражаться и бросавшіеся очертя голову въ битвы, снаряжаясь какъ на парадный турниръ. Что касается англійскихъ войскъ, попавшихъ на чуждую почву, то они понимали прекрасно съ самаго начала, что война дѣло очень серьезное, и прилагали всѣ свои старанія и способности. Въ этомъ отношеніи они представляли собою до извѣстной степени демократію, выступавшую противъ феодальныхъ пережитковъ.

Большимъ первоначальнымъ преимуществомъ англійскихъ войскъ въ теченіе этой безконечной войны было обладаніе Гвіаной: сѣверная Франція была, вслѣдствіе этого, какъ бы зажата въ тиски. Съ другой стороны, своеобразное географическое положеніе Гвіаны по отношенію къ областямъ, принадлежавшимъ ся повелителямъ, королямъ Англіи, заставляло этихъ послѣднихъ принимать самыя крайнія мѣры къ тому, чтобы ихъ считали истинными покровителями этой отдаленной провинціи. Близкое сосѣдство опасныхъ враговъ, постоянно угрожавшихъ границамъ съ востока, съ сѣвера, съ юга, легкость, съ которой обитатели могли возстать при малѣйшей несправедливости, причиненной феодалами, гарантировали жителямъ Гвіаны со стороны англичанъ точнѣйшее соблюденіе мѣстныхъ свободъ. Гасконцы находились, слѣдовательно, по отношенію къ англійскому правительству въ положеніи, аналогичномъ тому, въ которомъ находятся въ настоящее время канадцы. Семнадцать автономныхъ общинъ процвѣтали въ области Борделэ, соотвѣтствовавшей почти точно современному департаменту Жиронды, и болѣе чѣмъ два вѣка спустя послѣ крушенія общинъ во Франціи принадлежавшей Капетингамъ, общины юго-западной части ея наслаждались полнымъ спокойствіемъ и совершенной свободой; кромѣ того, очень большое число небольшихъ городковъ обладало также особыми грамотами, дававшими имъ различныя привилегіи [1]).

Городъ Бордо, который позднѣе сдѣлался во Франціи передовымъ борцомъ въ области свободной торговли, получилъ отъ Іоанна Беззе-

1) D. Brissaud. «Les Anglais en Guyenne», p. 65 ss.

мельнаго еще въ 1205 г. освобожденіе отъ всякихъ пошлинъ на ввозимые въ городъ и идущіе по рѣкѣ товары. Стоитъ лишь сравнить эту



Церковь Св. Погребенія въ Нѣви (Индръ).
Типъ округлой церкви (см. стр. 78).

благоразумную политику съ тѣми нелѣпыми, направленными противъ торговли мѣрами, которыя принимались французскими монархами! Лю-

довикъ IX, котораго обыкновенно считаютъ мудрымъ, понималъ покровительство національной торговли въ томъ смыслѣ, какъ наши современные протекціонисты. Устроивъ гавань Эгъ-Мортъ, онъ предоставилъ ей въ то же время монополію, которой рѣшительно «все было принесено въ жертву». Другія гавани и заливы побережья, отъ Камарга до скалы Лейкатъ, были закрыты для торговли, и рѣки Эро, Орбъ и Ода были также объявлены закрытыми; всѣ корабли, даже тѣ изъ нихъ, назначеніе которыхъ заставляло ихъ пройти далеко отъ Эгъ-Мортъ, были обязаны заходить туда, чтобы вносить извѣстную сумму, сообразную съ ихъ грузомъ и тоннажемъ, на поддержаніе новаго порта. Этотъ нелѣпый законъ былъ оставленъ въ силѣ даже тогда, когда гавань Эгъ-Мортъ сдѣлалась совершенно недоступной, такъ какъ была занесена иломъ [1]). Можно сказать, что морская торговля была въ предѣлахъ средиземноморской Франціи совершенно запрещена, и потому силою вещей эта торговля была направлена на прилежащія области. На другой оконечности королевства эти пріемы покровительства торговли и промышленности были столь же нелѣпыми и могли повлечь за собою опаснѣйшія послѣдствія. Указъ короля 14-го іюля 1315 г. объявлялъ подъ опалою всѣхъ фламандцевъ,—они изгонялись изъ королевства Франціи подъ угрозою обращенія «въ крѣпостные и въ рабы». И тѣ изъ нихъ, которые остались бы послѣ дня св. Магдалины въ странѣ, должны были быть умерщвлены «безо всякаго суда и всюду, гдѣ бы ихъ ни схватили» [2]).

Въ серединѣ XIII вѣка городъ Бордо, столь счастливый тѣмъ, что не находился подъ покровительствомъ, сдѣлался полноправной общиной, избирающей своего мэра безъ какого-либо участія сюзерена и стоящей даже въ непосредственныхъ союзныхъ отношеніяхъ съ городомъ Брюгге, древнимъ республиканскимъ городомъ Фландріи [3]). Тогда какъ короли Франціи, сильные лишь тѣмъ грубымъ правомъ, которое давало имъ завоеваніе, угнетали или уничтожали вовсе общины и вводили своихъ сборщиковъ податей и собственную административную іерархію, англійскіе короли самымъ мудрымъ образомъ противопоставляли честолюбивымъ стремленіямъ Франціи интересы самой Аквитаніи. Разумѣется, они не могли вызвать внезапное появленіе настоящаго англійскаго патріотизма: нравы, языкъ и среда препятствовали полному слiянію страны съ Англіей, но, во всякомъ случаѣ, Бордо и другіе города Гіени понимали превосходно, что для нихъ чистѣйшая матеріальная выгода оставаться подъ англійской властью, почему они вовсе не помогали Франціи въ ея борьбѣ съ обитателями великобританскихъ острововъ и старались, напротивъ, тѣснѣе сблизиться съ послѣдними и связать себя

1) A. Duponchel. «Introduction à la Géographie générale du département de l'Hérault», pp. 62, 65.—2) Alphonse de Hauteville. «Les Aptitudes Colonisatrices des Belges», p 119.—3) D. Brissaud, op. cité, pp. 230, 231.

съ ними узами дружбы. Лишь одно единственное возстаніе произошло здѣсь,—оно было вызвано въ 1365 г. чрезмѣрными налогами Чернаго Принца,—этого опыта, однако, было достаточно, и чужеземные властители имѣли настолько здраваго смысла, что не повторяли его болѣе.

Привилегіи горожанъ Бордо соблюдались столь тщательно, что выборные ихъ считались на правахъ настоящей знати, и что феодальная аристократія находилась даже подъ подозрѣніемъ и была устранена отъ должностей, какъ бы будучи въ немилости: указъ 1375 г. постановляетъ, что «ни одинъ изъ вельможъ здѣшнихъ впредь не можетъ быть избираемъ въ присяжные города!» [1]). Можно представить себѣ, какъ быстро все это измѣнилось бы, если бы городъ Бордо, который одинъ изъ арабскихъ географовъ того времени называетъ «столицей Англіи», пересталъ быть яблокомъ раздора между обѣими народностями. И граждане Бордо на самомъ дѣлѣ принимали мѣры къ тому, чтобы гарантировать себя отъ фатальныхъ послѣдствій, которыя могло бы имѣть для ихъ страны окончательное завоеваніе ея Франціей. Они потребовали отъ Эдуарда III, чтобы въ томъ случаѣ, если ему не удастся получить корону Франціи, онъ позаботился о томъ, чтобы они оставались всегда связанными непосредственно съ англійскимъ королевствомъ. Совершенно подобно тому, какъ эта великая свободная община, такъ и другія общины Гіени требовали поддержанія тѣхъ установленій, которыя гарантировали ихъ обособленность отъ французскихъ сосѣдей: грамота одного изъ этихъ городовъ, Базаса, содержитъ даже извлеченія изъ англійскаго акта «Habeas corpus» [2]). Въ 1379 г. Бордо былъ, однако, уже осажденъ французами со стороны материка, и тогда всѣ города общины по берегамъ Гаронны и Дордони, отъ Сенъ-Макера и Кастильона до Блэ, объединились въ союзъ, чтобы спасти свою метрополію и сохранить ее Англіи.

Битвы при Крэси (1346) и при Пуатье (1356), затѣмъ въ слѣдующемъ вѣкѣ при Азинкурѣ (1415), настолько похожи другъ на друга, что можно подумать, что это одна и та же битва. Во всѣхъ трехъ случаяхъ французы и англичане производятъ впечатлѣніе людей, принадлежащихъ къ совершенно разнымъ эпохамъ. Первые находятся еще какъ бы въ періодѣ рыцарскихъ романовъ,—каждый изъ рыцарей, живущій въ грезахъ прошлаго, желаетъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію и увѣренъ, что можетъ разсѣять цѣлую толпу пѣхотинцевъ; англичане же, напротивъ, дѣйствуютъ уже болѣе разумно и стараются примѣнить въ борьбѣ науку,—они выжидаютъ натиска и въ полномъ согласіи, по командѣ, бросаются на нападающихъ и оттѣсняютъ ихъ въ безпорядкѣ. Самоувѣренность представителей французской знати, этихъ

1) D. Brissaud, op. cit, p. 127.—2) Id., p. 263.

рыцарей періода упадка рыцарства, дѣйствовавшихъ такъ, какъ-будто это былъ самый расцвѣтъ его, нелѣпое самолюбіе этихъ людей, закованныхъ въ желѣзо, достигало такихъ размѣровъ, что несчастные сами бросались на собственную гибель, увлекая за собою и всю Францію. Тогда какъ войска Фландріи и Англіи считали своими главными силами пѣшихъ воиновъ, вооруженныхъ алебардами, луками или копьями, храбрые французскіе рыцари считали ниже своего достоинства приводить съ собою войска изъ простолюдиновъ или если и сопровождались этой презрѣнной «пѣхотой», отстраняли ее и ставили въ самый важный моментъ на второй планъ, чтобы не дать ей одержать побѣду. Такъ, напр., при Куртрэ низкорослые французскіе пѣхотинцы оттѣснили уже фламандцевъ, но въ это время у рыцарей явилось опасеніе, что у нихъ похитятъ честь побѣды; это исполнило ихъ гнѣвомъ, и они бросились въ ряды своихъ собственныхъ стрѣлковъ, смяли ихъ своими лошадьми въ надеждѣ побѣды, но не нашли, разумѣется, ничего, кромѣ постыднаго и вполнѣ заслуженнаго пораженія. Точно также при Крэси Филиппъ Валуа перебилъ всю пѣхоту, которая одерживала уже побѣду, но загораживала ему «безсмысленно» дорогу. Онъ хотѣлъ побѣдить безъ нея и былъ безъ нея разбитъ. Точно также, исключительно благодаря своему самохвальству, французская конница потерпѣла страшное пораженіе и была такъ ужасно уничтожена въ битвѣ при Мопертюи, близъ Пуатье, вооруженными луками стрѣлками Чернаго Принца [1]).

Эти болѣе чѣмъ постыдныя пораженія при Крэси и Пуатье, случившіяся послѣ морской битвы при Эклюзѣ (1340), близъ Брюгге, гдѣ французскій флотъ былъ также совершенно уничтоженъ, были пораженіями такого рода, что могли навсегда дискредитировать королевскую власть и представлявшихъ ее со столь мало оправдывавшимся самохвальствомъ рыцарей. Казалось, что настало время, когда установленія эти должны были пасть, вызвавъ окончательно всеобщее презрѣніе, однако, сила привычки и наслѣдственные предразсудки были таковы, что эти слѣдовавшія одно за другимъ несчастья хотя и поразили рыцарство на смерть, позволили ему все же продлить еще почти на цѣлый вѣкъ его вредное существованіе. Феодализмъ пережилъ даже въ этомъ разоренномъ королевствѣ періодъ новаго расцвѣта, благодаря тому превращенію его въ демократическомъ направленіи, которое было совершено Дюгекленомъ,—послѣдній сумѣлъ извлечь пользу и поученіе изъ предыдущихъ столкновеній и сталъ примѣнять для обратнаго отвоеванія французскихъ земель народныя массы, организованныя въ отряды, вооруженные оружіемъ, которое являлось для нихъ наиболѣе подходящимъ въ зависимости отъ ихъ склонностей и нравовъ. Такимъ образомъ, война

---

1) Siméon Luce. «Histoire de la Jacquerie», p. 32.

приняла характеръ до извѣстной степени революціонный, и самъ народъ сталъ вкладывать въ нее столько же страсти, какъ и представители аристократіи.

Въ особенности въ Бретани борьба приняла національный характеръ, сильнѣе всего противящійся какому-либо соглашенію съ англича-



Розасъ-Сентъ. Шапелль въ Парижѣ, построенная въ 1243—1248 гг.

нами. Бретонцы, въ полную противоположность обитателямъ Гіени, не достигли еще стадіи промышленнаго и торговаго развитія,—у нихъ не было цѣнныхъ товаровъ для вывоза, такихъ, напримѣръ, какъ вино кларетъ и другіе продукты Борделэ. Кромѣ того, грубые армориканцы отнюдь не обладали гибкостью и приспособляемостью гасконцевъ и плохо примѣнялись къ чужеземцамъ: они хотѣли оставаться господами въ своей странѣ, и медленное проникновеніе французскаго вліянія мѣшало имъ менѣе, чѣмъ внезапныя вторженія англичанъ. Конечно, герцогъ ихъ при

каждомъ случаѣ предавалъ свой народъ и неоднократно вступалъ въ сношенія съ королемъ Англіи, однако, стойкость населенія заставила его все же стать, въ концѣ концовъ, на французскую сторону, и это было событіемъ колоссальной важности въ исторіи Западной Европы. Если бы Бретань, этотъ обширный гранитный массивъ, не оказалъ англичанамъ такого же сопротивленія, какое острова у его побережья оказываютъ морскимъ волнамъ, если бы, вклиниваясь между Нормандіей и Анжу [1]), эта страна не прервала цѣлостности владѣній англичанъ-завоевателей, то центральная Франція была бы, безъ сомнѣнія, завоевана Франціей Анжуйской и Аквитанской, находившейся подъ англійской гегемоніей, и можно легко себѣ представить всѣ счастливыя и несчастныя послѣдствія, которыя такого рода побѣда повлекла бы за собою для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, для ихъ сосѣдей и, наконецъ, для всей міровой цивилизаціи!

Вполнѣ естественно, что французскій народъ, горожане и поселяне, пытались воспользоваться для своей эмансипаціи тѣми затрудненіями, въ которыя впали королевская власть и рыцарство. Въ особенности буржуазія Парижа сочла для себя случаемъ удобнымъ, когда король Іоаннъ Добрый, захваченный англичанами въ качествѣ заложника, долженъ былъ, какъ нищій, собирать по всему королевству деньги, необходимыя для его выкупа. Авторитетъ высшихъ сословій былъ въ Парижѣ настолько подорванъ, что блестящіе титулы считались даже позорными. Такимъ образомъ, когда по приказу прево Этьенна Марселя былъ разрушенъ замокъ Эрменонвилль, владѣлецъ замка Робертъ де-Лоррисъ былъ принужденъ отречься «отъ своего благороднаго званія», чтобы спасти свою собственную жизнь и жизнь своей жены и дѣтей,—онъ принесъ клятву, что будетъ любить гражданъ и «парижскую общину» больше, чѣмъ своихъ родственниковъ и своихъ прежнихъ друзей-аристократовъ [2]). Однако, феодалы, изгнанные изъ Парижа, пользовались еще такимъ уваженіемъ и такой наслѣдственной властью надъ населеніемъ провинціи, что отнюдь не хотѣли уступить безъ борьбы свои привиллегіи,—передъ своей окончательной гибелью феодализмъ, безсильный уже противъ чужестранцевъ, оказался все же достаточно стойкимъ для того, чтобы отомстить презрѣнной толпѣ горожанъ и возставшихъ пѣхотинцевъ. Парижу не долго пришлось наслаждаться полной независимостью!

Еще до эпохи, извѣстной подъ названіемъ «эпохи жаккеріи», бывали въ предыдущія времена возстанія крестьянъ противъ чрезмѣрныхъ злоупотребленій невыносимыхъ притѣснителей и противъ жесто-

---

1) J. Michelet. «Histoire de France», t. II.—2) Siméon Luce. «Histoire de la Jacquerie», pp. 115—116.

кости аристократовъ. Можно привести въ качествѣ примѣра превосходную федерацію крестьянъ, образовавшуюся въ Велэ около 1180 г. подъ наименованіемъ «братства мирныхъ». Подобно тому, какъ позднѣе въ теченіе Столѣтней войны, разбойники и грабители сдѣлались тогда господами положенія во Франціи, и несчастные представители трудового класса, ремесленники и крестьяне, которыхъ не защищали ихъ собственные



Реймскій соборъ. Воскресеніе мертвыхъ. Часть портала.

господа, невольно искали спасенія въ тѣсномъ единеніи и союзѣ, обѣщая «взаимно любить и всегда помогать другъ другу». Ихъ небольшой капюшонъ изъ бѣлой шерсти былъ причиной того, что ихъ называли также «бѣлыми колпаками»; позднѣе же, когда ихъ стало множество, и они распространились не только въ Велэ, но и въ Оверни, въ Берри, въ Бургони, въ Аквитаніи и въ Провансѣ, и когда они объединились въ союзъ по всему королевству, они получили наименованіе «принесшихъ клятву». Они обѣщали другъ другу вести всегда правильный образъ жизни, ходить къ исповѣди, не играть и не ругаться, не сидѣть по трактирамъ и миловать даже того, кто по несчастному случаю убьетъ одного изъ ихъ среды. На всѣ свои собранія они должны были являться безо всякаго оружія.

Съ врагами, однако, «принесшіе клятву» должны были тщательно и обдуманно вести борьбу, и съ самаго начала они одержали крупныя побѣды. Въ 1183 г. въ Оверни они уничтожили 3000 разбойниковъ и затѣмъ, немного спустя, въ Бурбоннэ умертвили ихъ 10000. Достигнувъ извѣстной силы, они не ограничились истребленіемъ разбойничества и

обратились къ рыцарямъ-феодаламъ и къ епископамъ съ требованіемъ, чтобы къ нимъ относились справедливѣе. Они составили манифестъ, который представители церкви разорвали и уничтожили,—въ немъ «этотъ глупый и распущенный народъ, достигнувъ верха безумія, рѣшился указывать графамъ, князьямъ и другимъ властителямъ, что имъ слѣдуетъ обращаться со своими подданными съ гораздо большею мягкостью»... Одинъ изъ современниковъ констатируетъ, «что владѣтельные князья не рѣшались болѣе требовать отъ своихъ людей свыше законныхъ повинностей,—они были принуждены довольствоваться тѣмъ, что имъ надлежало получать... Въ результатѣ этого дьявольскаго изобрѣтенія не было больше ни страха, ни уваженія къ высшимъ, принесшіе клятву старались отвоевать свободу, утверждая, что они унаслѣдовали свободу еще отъ самыхъ первыхъ людей» [1]). Въ свою очередь, носители власти возстали противъ мирныхъ жителей, вступили въ союзъ съ разбойниками и безнаказанно истребляли христіанъ, сколько имъ было угодно. Разбойничество расцвѣло, и «значительная часть Франціи стала настоящею областью страха и отчаянія», что сдѣлалось для нея положительно нормальнымъ состояніемъ.

Среди столь многочисленныхъ возмущеній крестьянъ во всѣхъ странахъ феодальной Европы, собственно «жаккерія» была лишь явленіемъ очень скоро преходящимъ, подобно тѣмъ колоссальнымъ степнымъ пожарамъ, которые въ нѣсколько часовъ охватываютъ всю безграничную степь. Возстаніе это не было подготовлено, было вскорѣ подавлено и продолжалось лишь 15 дней или мѣсяцъ, считая и смертныя казни крестьянъ, и, тѣмъ не менѣе, эта короткая вспышка сохранилась въ народной памяти, какъ одно изъ крупнѣйшихъ событій національной жизни. Убійства, совершавшіяся по приказу короля или феодаловъ, никого болѣе не удивляли, и лѣтописцы того времени упоминаютъ о нихъ какъ о вещи вполнѣ естественной, но возстаніе крестьянъ противъ высшихъ сословій поразило воображеніе, положительно, какъ нѣкоторое чудо. Въ средѣ, относящейся хоть сколько-нибудь съ уваженіемъ къ человѣческой личности, являлось бы, напротивъ, крайне страннымъ, что эти несчастные обитатели деревень могли такъ долго выдерживать безъ сплошного взрыва негодованія тѣ жесточайшія лишенія, которымъ ихъ подвергала знать.

Въ эту эпоху война была выгоднымъ ремесломъ, и солдаты-наемники, поступавшіе на службу королей и ихъ вассаловъ, любили и въ мирныя времена продолжать грабежи и убійства, къ которымъ они были привычны,—наименованіе «разбойники», подъ которымъ понимали сол-

---

1) Анонимный лѣтописецъ изъ Лаона, цитир. A. Luchaire, Grande Revue, mai, 1900.

датъ, было ими вполнѣ заслужено [1]). Большіе отряды ихъ, находившіеся всегда почти подъ командою какого-нибудь рыцаря высокаго происхожденія, странствовали по странѣ, исключительно занимаясь грабежомъ и опустошеніемъ, ведя сытый образъ жизни за счетъ имущества буржуазіи, обитателей городовъ и даже крѣпостей. Нѣкоторые изъ областей сдѣлались совершенно необитаемыми, или, по меньшей мѣрѣ, крестьяне не имѣли возможности воздѣлывать свои поля иначе, какъ выставляя на скалахъ и башняхъ караулы. По берегамъ рѣкъ мѣстные жители, оставляя свои хижины безъ призора, отправлялись, чтобы провести ночь, на какой-нибудь островокъ или на судно, поставленное на якорь посреди теченія; въ скалистыхъ мѣстностяхъ они прятались по пещерамъ и каменоломнямъ. Послѣ битвы при Пуатье, когда принцъ Галлійскій простился со своими войсками, предоставивъ имъ, какъ добычу, «прекрасную и богатую» Францію [2]), опустошеніе приняло самый жестокій характеръ, и во многихъ мѣстностяхъ всякій регулярный трудъ прекратился совершенно.

Иногда, впрочемъ, крестьяне оказывали серьезное сопротивленіе, и форменныя битвы оканчивались полнымъ пораженіемъ «товарищей-разбойниковъ». Земледѣльцы рискнули даже начать прямую борьбу со всей аристократіей, какъ о томъ свидѣтельствуетъ приказъ регента, бывшаго впослѣдствіи королемъ Карломъ V, который рекомендовалъ «рыцарямъ Франціи и Бовэ привести на военное положеніе всѣ замки и крѣпости,— однако, сельскіе жители, предвидя, во что имъ обойдется эта реставрація феодализма, возстали тотчасъ же противъ своихъ владѣльцевъ,— убійства и прочіе ужасы при этомъ начались.

Событія, которыя совершились въ теченіе короткаго періода борьбы, извѣстны лишь изъ лѣтописи, составленной Фрассаромъ, настоящимъ паразитомъ аристократовъ, и изъ разсказовъ другихъ людей, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы вымаливать милости у носителей власти; о «жакахъ» въ исторіи того времени говорится лишь съ негодованіемъ, столь привычнымъ со стороны тѣхъ, кто мститъ за то, что самъ трусилъ, и старается самыми низкими обвиненіями оправдать жестокія репрессивныя мѣры. Исторія жакеріи остается, такимъ образомъ, темной въ своихъ деталяхъ, такъ какъ писатели прежнихъ временъ старались лишь очернить дѣятелей этого событія. Извѣстно, что «жаки», вооруженные чѣмъ попало, безъ какого-либо яснаго плана и какой-либо опредѣленной стратегіи, двигались на угадъ, куда ихъ влекла злоба, руководясь лишь мщеніемъ. Подобно русскимъ мужикамъ, возстающимъ противъ помѣщиковъ, они хранили религіозную преданность королю и

1) Siméon Luce. «Histoire de la Jacquerie», pp. 9—10.—2) Froissart. «Chroniques», I, V, 190.

сражались подъ знаменами, украшенными королевскими лиліями. У нихъ были, конечно, кое-какіе друзья въ городахъ, и въ рядахъ ихъ приходилось видѣть даже рыцарей и монаховъ, измѣнившихъ своему сословію, но, какъ и можно было ожидать, никакого настоящаго союза между возставшими крестьянами и общинниками Парижа или другихъ городовъ, поднявшимися противъ королевской власти, не было,—они были лишь случайными помощниками другъ друга, такъ сказать, причемъ каждая сторона заботилась о своихъ интересахъ и вступала съ другою въ соглашеніе лишь на короткое время. Пораженіе «жаковъ», равно какъ и пораженіе общинниковъ было, слѣдовательно, фатальной неизбѣжностью, такъ какъ силы ихъ раздѣлялись, тогда какъ королевская власть и аристократія были объединены.

Жаккерія началась 21 мая близъ Компьена и кончилась 10 іюня въ окрестностяхъ Клермона, въ 30 верстахъ къ западу. И затѣмъ послѣ «ужасовъ», отъ которыхъ трепетали власть имущіе, сколько послѣдовало другихъ «ужасовъ» въ жалкихъ хижинахъ крестьянъ!

Бо́льшее значеніе имѣло еще менѣе извѣстное возмущеніе «тюшеновъ» [1]. «Тюшены («tue-chiens»)—это тѣ, которыхъ крайняя бѣдность заставляетъ убивать собакъ, чтобы кормиться»,—возстаніе ихъ возникло въ округахъ Сенъ-Флуръ и Моріакъ. Причины его были незаконные поборы герцога Беррійскаго, и движеніе это охватило всю верхнюю Овернь въ 1363 г., распространилось на весь югъ Франціи отъ Бокера до Пуату и было потоплено въ крови въ 1384 г.

Полная дезорганизація Франціи, которой Англія угрожала со всѣхъ сторонъ—съ сѣвера непосредственно своими войсками, съ юга—своими вассалами,—Франціи, находившейся къ тому же въ состояніи длительной гражданской войны между жителями городовъ, крестьянами и владѣтельными особами,—эта дезорганизація чрезвычайно увеличилась расколомъ, который внесло то обстоятельство, что герцогство Бургундское сложилось въ обширное и совершенно независимое государство. Центръ тяжести Галліи, казалось, перенесся на востокъ отъ Луары и Сены, въ бассейнъ верхней Соны, и вокругъ этого центра, въ зависимости отъ случайностей союзовъ, отъ наслѣдованія престола и отъ различныхъ феодальныхъ предпріятій, скопились самыя разнородныя области, не имѣющія между собой никакого сходства, ни по своему населенію, ни по его происхожденію, ни по языку, ни по политическимъ идеаламъ,—области эти были объединены подъ властью Филиппа Бургундскаго, сдѣлавшагося путемъ брака (въ 1369 г.) властителемъ Фландріи. Обширное королевство образовало собою широкую полосу, тянувшуюся съ

---

1) Marcellin Boudet. «La Jacquerie des Tuchins».

юго-востока на сѣверо-западъ, и напоминало по общему своему расположенію и по естественному отсутствію какой-либо связи между частями древнюю имперію Лотаря, распавшуюся столь быстро вслѣдствіе неизбѣжныхъ войнъ. Сама по себѣ эта область феодальныхъ владѣній, получившая наименованіе Бургундіи, была настоящимъ географическимъ чудовищемъ, однимъ изъ тѣхъ курьезныхъ образованій, которыя не принимаютъ во вниманіе ни физической конфигураціи странъ, ни этническихъ условій ихъ и по волѣ своихъ обитателей объединяютъ въ самомъ хаотическомъ безпорядкѣ герцогства и графства, княжества и свободныя области, со всѣми ихъ учрежденіями, законами и столь различными обычаями, со всѣми ихъ разнообразными центрами притяженія и съ ихъ зачатками наслѣдственной ненависти другъ къ другу. Бургундія, въ узкомъ смыслѣ слова, страна бургундовъ или современныхъ бургиньоновъ, т.-е. долина Соны и склоны окружающихъ горъ, является областью вполнѣ естественной, образующей одно цѣлое, которое поддерживается самостоятельно въ своей экономической жизни и не зависитъ отъ политическихъ измѣненій и административныхъ подраздѣ-

№ 345. Герцогство Бургундское.



леній; феодальное же герцогство Бургундское находилось въ полномъ противорѣчіи съ дѣйствительностью,—съ одной стороны, прибрежныя области Соны, съ другой—равнины Фландріи образовывали два крайніе полюса этого разнороднаго цѣлаго. Города Дижонъ и Брюгге были двумя столицами Бургундіи и единственными путями сообщенія отъ одного изъ этихъ городовъ до другого, столь отъ него отличнаго по природѣ среды и жителей, были военныя дороги, пересѣкавшія чужія территоріи и союзные лены. Случалось даже, что центръ тяжести герцогства Бургундскаго переносился всецѣло на сторону Фландріи, и городъ Брюгге становился не только самымъ значительнымъ бургундскимъ городомъ, но и занималъ выдающееся мѣсто среди «столицъ міра» и, быть-можетъ, былъ даже первымъ на европейскомъ Западѣ. Около 1400 г. наименованіе «фламандецъ» сдѣлалось въ Англіи и въ другихъ областяхъ выраженіемъ обычнымъ, синонимомъ слова «купецъ», совершенно такъ, какъ «ломбардецъ» обозначалъ «ростовщика». Развившаяся здѣсь промышленность шерстяныхъ матерій, бархата, ковровъ, драгоцѣнностей поставила Фландрію на первое мѣсто среди европейскихъ странъ. Произошло это благодаря свободѣ производства и торговлѣ всѣми товарами, кромѣ пищевыхъ продуктовъ. Въ первые годы XIV вѣка Эдуардъ II, англійскій, пожелалъ удалить съ фламандскихъ рынковъ шотландскихъ торговцевъ и получилъ отъ герцога отвѣтъ, къ сожалѣнію, забытый большинствомъ тѣхъ, кто держитъ власть въ своихъ рукахъ: «Наша страна, Фландрія, состоитъ въ сообществѣ со всѣмъ міромъ, и доступъ въ нее свободенъ каждому»! Фландрія, надо сказать, умѣла также и сражаться: въ битвѣ при Роосбекѣ съ Карломъ VI, въ 1382 г., девять тысячъ гантскихъ суконщиковъ, половина всего числа бывшихъ на полѣ битвы, погибла на мѣстѣ съ Филиппомъ ванъ-Артевельде, не обратившись въ бѣгство. Въ тѣ времена не существовало ни покровительственныхъ или дифференціальныхъ пошлинъ, ни какихъ-либо премій другого рода, и упадокъ начался лишь именно со введеніемъ «покровительственной» системы герцогами Бургундскими. Чѣмъ тяжелѣе давило на Фландрію политическое ярмо, тѣмъ бóльшей опасности подвергалась торговля [1]).

Герцоги бургундскіе, располагавшіе обширными богатствами, собранными, благодаря развитію промышленности, въ ихъ столицѣ и въ другихъ городахъ Фландріи, пользовались ими безпримѣрно широко, и ихъ подданные изъ высшихъ сословій, равно какъ и представители буржуазіи и представители рабочаго класса, подражали имъ,—это было время сильнѣйшаго увлеченія роскошными празднествами, богатыми про-

---

1) Alphonse de Hauteville. «Les Aptitudes colonisatrices des Belges», p. 112—119.

цессіями, блестящими кортежами и всевозможными развлеченіями; столы ломились отъ мясныхъ блюдъ, приготовленныхъ для собравшихся на-

№ 346. Франція въ Столѣтнюю войну.



1: 10 000 000

0 200 400 600 Килом.

Заштрихованная территорія обозначаетъ ту, которая находилась во власти французскаго короля, когда Жанна д'Аркъ явилась къ Карлу VII.

Въ началѣ Столѣтней войны англичане владѣли лишь Гіенью и Понтье (см. карту № 335, стр. 95). Послѣ ихъ побѣдъ при Крэси и Пуатье, по мирному договору въ Бретиньи. въ 1360 г., область ихъ владѣній простиралась отъ Пуату и Арманьяка до линіи, намѣченной пунктиромъ. Во второй половинѣ войны, послѣ похода Дюгеклена и битвы при Азинкурѣ, французы отняли обратно значительную часть юго-западной Франціи, но почти весь сѣверъ оставался въ рукахъ англичанъ.

родныхъ массъ, фонтаны на площадяхъ били медомъ и виномъ. Совершенно такъ же, какъ римское населеніе продало себя Цезарямъ за «хлѣбъ и зрѣлища», такъ и Фландрія, забывъ прежній духъ общинной незави-

линахъ; въ промышленныхъ городахъ ремесла не производились, всюду работа пріостановилась; жизнь сдѣлалась столь мало гарантированной, что не стоило работать для ея поддержанія. Заразныя болѣзни то-и-дѣло посѣщали населеніе и оставляли послѣ себя страшный слѣдъ. Населеніе, доведенное до отчаянія, начинало либо разбойничать, либо заниматься колдовствомъ. Во многихъ мѣстностяхъ крестьяне «предавали себя дьяволу» въ надеждѣ, что вѣчный врагъ человѣчества, богъ зла и царь ада, будетъ къ нимъ болѣе милостивъ, чѣмъ «Преблагій Господь» [1]). «Предадимся въ руки дьяволу, пусть будетъ, что будетъ»! Что же касается ученыхъ людей и слабыхъ, боязливыхъ и нестойкихъ, которыхъ молитва и страданія подавили всякую волю, то у нихъ не оставалось ничего болѣе, какъ полная, доведенная до экстаза покорность судьбѣ и чтеніе «Подражанія Іисусу Христу».



Статуя Жанны д'Аркъ въ Вокулерѣ, подарокъ короля Людовика XI.

Черезъ 25 лѣтъ послѣ смерти Жанны, въ 1456 г., процессъ ея былъ пересмотрѣнъ, и память ея реабилитирована въ Руанѣ.

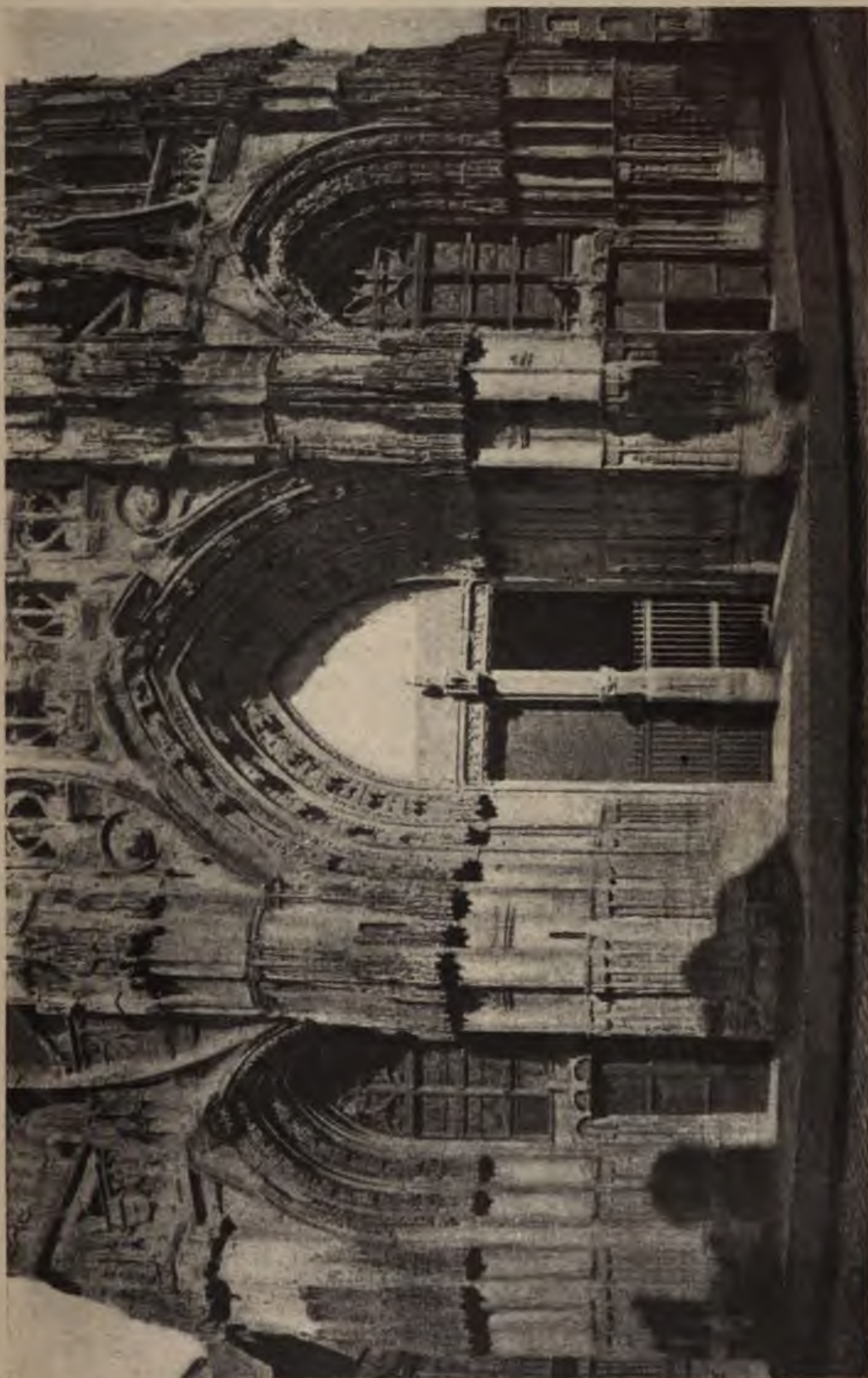
И откуда могло придти спасеніе? Если бы бѣдный французскій народъ пожелалъ, чтобы имъ руководили его повелители-рыцари, которые столь

1) Journal d'un Bourgeois de Paris, année 1421,—cité par Raoul Rosières, «Recherches critiques sur l'Histoire religieuse de la France», p. 411 ss.

страннымъ образомъ защищали его на поляхъ битвы, то и это было бы невозможно, такъ какъ всѣ почти благородные рыцари находились уже во вражескомъ лагерѣ. Итакъ, народу оставалось лишь «устраивать жаккерію» противъ англичанъ, какъ они неоднократно это дѣлали противъ высшихъ сословій. Отчаяніе подсказывало ему самыя безумныя дѣйствія, и именно вслѣдствіе этого-то онъ и пошелъ за вдохновленной свыше пастушкой. Это было безуміемъ, говорили военные люди, но, какъ-ни-какъ, Франція была спасена. По крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время борьба перестала быть похожей на рыцарскій турниръ кавалеріи: женщины, крестьяне, весь народъ приняли въ ней участіе со всѣмъ увлеченіемъ, пользуясь оружіемъ, какое было у нихъ подъ руками, и какимъ они умѣли владѣть. Сразу счастье перемѣнилось, и одинъ за другимъ укрѣпленные города и цѣлыя провинціи были отняты обратно отъ англичанъ. Народъ, побѣжденный и угнетенный, показалъ, что можно обходиться безъ королей, облаченныхъ въ золото, и безъ блестящихъ прелатовъ,—потому, конечно, было не болѣе, какъ совершенно правильнымъ проявленіемъ классового инстинкта, что король Карлъ VII покинулъ Жанну д'Аркъ, которая его короновала (1429), на произволъ судьбы, и что прелаты съ архіепископомъ во главѣ обвинили ее въ колдовствѣ, въ союзѣ съ дьяволомъ, и сожгли на городской площади въ Руанѣ (1431). Тѣ самыя лица, которыя въ наши дни преданы консервативной идеѣ и ставятъ выше всего королевскую и церковную власть, стараются теперь возвести пастушку Жанну въ санъ «святой». Послѣ того какъ прошло уже полъ-тысячи лѣтъ, это является нѣсколько позднимъ раскаяніемъ!

Итакъ, непосредственное вмѣшательство народа и взятіе имъ его собственныхъ дѣлъ въ свои руки повлекло за собою постепенное завоеваніе территоріи. Парижъ снова былъ возвращенъ Франціи въ 1436 г., и англичане, подъ начальствомъ Тальбота, сдѣлали въ битвѣ при Кастильонѣ въ 1453 г. послѣднія усилія, чтобы противостоять напору: затѣмъ, Франціи подчинился городъ Бордо, видѣвшій, что сопротивленіе безполезно. Лишь два участка около Калэ и около Гинь остались во власти англичанъ, такъ какъ они вклинивались въ бургундскія владѣнія.

Съ той и съ другой стороны истощеніе народныхъ силъ было полное. Безъ сомнѣнія, военные походы и битвы, происходившія на французской территоріи, повлекли за собою разореніе и голодъ и причинили гораздо больше бѣдъ Франціи, но если столѣтняя война и не захватила непосредственно территорію Англіи, то положеніе побѣдителей все же отнюдь не было менѣе печальнымъ, чѣмъ положеніе побѣжденныхъ. Прежде всего англичанамъ приходилось много страдать отъ вне-



Расцвѣтъ готической архитектуры.

Церковь Кодбекъ-анъ-Ко, построенная между 1426 и 1515 г.

сражались подъ знаменами, украшенными королевскими лиліями. У нихъ были, конечно, кое-какіе друзья въ городахъ, и въ рядахъ ихъ приходилось видѣть даже рыцарей и монаховъ, измѣнившихъ своему сословію, но, какъ и можно было ожидать, никакого настоящаго союза между возставшими крестьянами и общинниками Парижа или другихъ городовъ, поднявшимися противъ королевской власти, не было,—они были лишь случайными помощниками другъ друга, такъ сказать, причемъ каждая сторона заботилась о своихъ интересахъ и вступала съ другою въ соглашеніе лишь на короткое время. Пораженіе «жаковъ», равно какъ и пораженіе общинниковъ было, слѣдовательно, фатальной неизбѣжностью, такъ какъ силы ихъ раздѣлялись, тогда какъ королевская власть и аристократія были объединены.

Жаккерія началась 21 мая близъ Компьена и кончилась 10 іюня въ окрестностяхъ Клермона, въ 30 верстахъ къ западу. И затѣмъ послѣ «ужасовъ», отъ которыхъ трепетали власть имущіе, сколько послѣдовало другихъ «ужасовъ» въ жалкихъ хижинахъ крестьянъ!

Бóльшее значеніе имѣло еще менѣе извѣстное возмущеніе «тюшеновъ» [1]). «Тюшены («tue-chiens»)—это тѣ, которыхъ крайняя бѣдность заставляетъ убивать собакъ, чтобы кормиться»,—возстаніе ихъ возникло въ округахъ Сенъ-Флуръ и Моріакъ. Причины его были незаконные поборы герцога Беррійскаго, и движеніе это охватило всю верхнюю Овернь въ 1363 г., распространилось на весь югъ Франціи отъ Бокера до Пуату и было потоплено въ крови въ 1384 г.

Полная дезорганизація Франціи, которой Англія угрожала со всѣхъ сторонъ—съ сѣвера непосредственно своими войсками, съ юга—своими вассалами,—Франціи, находившейся къ тому же въ состояніи длительной гражданской войны между жителями городовъ, крестьянами и владѣтельными особами,—эта дезорганизація чрезвычайно увеличилась расколомъ, который внесло то обстоятельство, что герцогство Бургундское сложилось въ обширное и совершенно независимое государство. Центръ тяжести Галліи, казалось, перенесся на востокъ отъ Луары и Сены, въ бассейнъ верхней Соны, и вокругъ этого центра, въ зависимости отъ случайностей союзовъ, отъ наслѣдованія престола и отъ различныхъ феодальныхъ предпріятій, скопились самыя разнородныя области, не имѣющія между собой никакого сходства, ни по своему населенію, ни по его происхожденію, ни по языку, ни по политическимъ идеаламъ,—области эти были объединены подъ властью Филиппа Бургундскаго, сдѣлавшагося путемъ брака (въ 1369 г.) властителемъ Фландріи. Обширное королевство образовало собою широкую полосу, тянувшуюся съ

1) Marcellin Boudet. «La Jacquerie des Tuchins».

юго-востока на сѣверо-западъ, и напоминало по общему своему расположенію и по естественному отсутствію какой-либо связи между частями древнюю имперію Лотаря, распавшуюся столь быстро вслѣдствіе неизбѣжныхъ войнъ. Сама по себѣ эта область феодальныхъ владѣній, получившая наименованіе Бургундіи, была настоящимъ географическимъ чудовищемъ, однимъ изъ тѣхъ курьезныхъ образованій, которыя не принимаютъ во вниманіе ни физической конфигураціи странъ, ни этническихъ условій ихъ и по волѣ своихъ обитателей объединяютъ въ самомъ хаотическомъ безпорядкѣ герцогства и графства, княжества и свободныя области, со всѣми ихъ учрежденіями, законами и столь различными обычаями, со всѣми ихъ разнообразными центрами притяженія и съ ихъ зачатками наслѣдственной ненависти другъ къ другу. Бургундія, въ узкомъ смыслѣ слова, страна бургундовъ или современныхъ бургиньоновъ, т.-е. долина Соны и склоны окружающихъ горъ, является областью вполнѣ естественной, образующей одно цѣлое, которое поддерживается самостоятельно въ своей экономической жизни и не зависитъ отъ политическихъ измѣненій и административныхъ подраздѣ-

№ 345. Герцогство Бургундское.



леній; феодальное же герцогство Бургундское находилось въ полномъ противорѣчіи съ дѣйствительностью,—съ одной стороны, прибрежныя области Соны, съ другой—равнины Фландріи образовывали два крайніе полюса этого разнороднаго цѣлаго. Города Дижонъ и Брюгге были двумя столицами Бургундіи и единственными путями сообщенія отъ одного изъ этихъ городовъ до другого, столь отъ него отличнаго по природѣ среды и жителей, были военныя дороги, пересѣкавшія чужія территоріи и союзные лены. Случалось даже, что центръ тяжести герцогства Бургундскаго переносился всецѣло на сторону Фландріи, и городъ Брюгге становился не только самымъ значительнымъ бургундскимъ городомъ, но и занималъ выдающееся мѣсто среди «столицъ міра» и, быть-можетъ, былъ даже первымъ на европейскомъ Западѣ. Около 1400 г. наименованіе «фламандецъ» сдѣлалось въ Англіи и въ другихъ областяхъ выраженіемъ обычнымъ, синонимомъ слова «купецъ», совершенно такъ, какъ «ломбардецъ» обозначалъ «ростовщика». Развившаяся здѣсь промышленность шерстяныхъ матерій, бархата, ковровъ, драгоцѣнностей поставила Фландрію на первое мѣсто среди европейскихъ странъ. Произошло это благодаря свободѣ производства и торговлѣ всѣми товарами, кромѣ пищевыхъ продуктовъ. Въ первые годы XIV вѣка Эдуардъ II, англійскій, пожелалъ удалить съ фламандскихъ рынковъ шотландскихъ торговцевъ и получилъ отъ герцога отвѣтъ, къ сожалѣнію, забытый большинствомъ тѣхъ, кто держитъ власть въ своихъ рукахъ: «Наша страна, Фландрія, состоитъ въ сообществѣ со всѣмъ міромъ, и доступъ въ нее свободенъ каждому»! Фландрія, надо сказать, умѣла также и сражаться: въ битвѣ при Роосбекѣ съ Карломъ VI, въ 1382 г., девять тысячъ гантскихъ суконщиковъ, половина всего числа бывшихъ на полѣ битвы, погибла на мѣстѣ съ Филиппомъ ванъ-Артевельде, не обратившись въ бѣгство. Въ тѣ времена не существовало ни покровительственныхъ или дифференціальныхъ пошлинъ, ни какихъ-либо премій другого рода, и упадокъ начался лишь именно со введеніемъ «покровительственной» системы герцогами Бургундскими. Чѣмъ тяжелѣе давило на Фландрію политическое ярмо, тѣмъ бо́льшей опасности подвергалась торговля [1]).

Герцоги бургундскіе, располагавшіе обширными богатствами, собранными, благодаря развитію промышленности, въ ихъ столицѣ и въ другихъ городахъ Фландріи, пользовались ими безпримѣрно широко, и ихъ подданные изъ высшихъ сословій, равно какъ и представители буржуазіи и представители рабочаго класса, подражали имъ,—это было время сильнѣйшаго увлеченія роскошными празднествами, богатыми про-

1) Alphonse de Hauteville, «Les Aptitudes colonisatrices des Belges», p. 112—119.

цессіями, блестящими кортежами и всевозможными развлеченіями; столы ломились отъ мясныхъ блюдъ, приготовленныхъ для собравшихся на-

№ 346. Франція въ Столѣтнюю войну.



1: 10 000 000

0 200 400 600 Килом.

Заштрихованная территорія обозначаетъ ту, которая находилась во власти французскаго короля, когда Жанна д'Аркъ явилась къ Карлу VII.

Въ началѣ Столѣтней войны англичане владѣли лишь Гіенью и Понтье (см. карту № 335, стр. 95). Послѣ ихъ побѣдъ при Крэси и Пуатье, по мирному договору въ Бретиньи. въ 1360 г., область ихъ владѣній простиралась отъ Пуату и Арманьяка до линіи, намѣченной пунктиромъ. Во второй половинѣ войны, послѣ похода Дюгеклена и битвы при Азинкурѣ, французы отняли обратно значительную часть юго-западной Франціи, но почти весь сѣверъ оставался въ рукахъ англичанъ.

родныхъ массъ, фонтаны на площадяхъ били медомъ и виномъ. Совершенно такъ же, какъ римское населеніе продало себя Цезарямъ за «хлѣбъ и зрѣлища», такъ и Фландрія, забывъ прежній духъ общинной незави-

симости, предавала себя въ руки господъ изъ-за страсти къ празднествамъ [1]). Городъ Брюгге славился не только своей торговой дѣятельностью и превосходствомъ своихъ продуктовъ, онъ гордился и своими знаменитыми пирушками,—герцоги бургундскіе считали ихъ наиболѣе надежнымъ средствомъ управленія. Между веселыми трапезами, увѣковѣченными позднѣе Тенньеромъ и Жорданомъ, и между аскетическими упражненіями, которыя, какъ бы въ качествѣ контраста, примѣнялись въ монастыряхъ, не было мѣста стремленіямъ къ отвоеванію прежнихъ свободъ. Владѣтельныя особы могли позволять себѣ рѣшительно все,—все прощалось имъ заранѣе. Такимъ образомъ, даже Филиппъ Обжора, отличавшійся жестокостью и бывшій неисправимымъ циникомъ, сдѣлался Филиппомъ «Добрымъ» въ памяти народа, который обжирался вмѣстѣ въ нимъ.

Въ столь униженномъ положеніи, въ какомъ находились короли Франціи, богатые и сильные бургундскіе вассалы ихъ должны были естественнымъ образомъ выступать въ качествѣ ихъ патроновъ и защитниковъ, и немногаго недоставало до того, чтобы они сдѣлались даже настоящими господами и повелителями,—они вступили, дѣйствительно, въ союзъ съ англичанами, и раздѣлъ Франціи казался неизбѣжнымъ. Въ самомъ Парижѣ отдѣльныя партіи оспаривали одна отъ другой даже владѣніе улицами. Въ новой битвѣ подъ Азинкуромъ (1415) все, что осталось отъ безумной французской конницы, допустило позорнѣйшимъ образомъ разбить себя пѣхотинцамъ, совершенно такъ же, какъ это происходило при Крэси и при Пуатье; затѣмъ, при содѣйствіи самой королевы, англичане вошли въ Парижъ (1418). Луара сдѣлалась единственной линіей защиты королевства, которое было такимъ могущественнымъ во времена Филиппа-Августа. Населеніе Франціи, какъ опредѣляютъ, уменьшилось во время Столѣтней войны на двѣ трети [2]). Обширныя пространства превратились въ пустыни, сотни городовъ и деревень заросли кустарниками, и одичавшій скотъ замѣнилъ въ нихъ прежнее населеніе. И, несмотря на это, желанный миръ все же не наступалъ. Блестящія побѣды англичанъ служили лишь къ дальнѣйшему продолженію войны, такъ какъ позволяли имъ надѣяться на окончательную побѣду и побуждали ихъ къ предпріятію совершенно невозможному—захватить страну слишкомъ для нихъ обширную, въ которой силы ихъ, въ концѣ концовъ, разсѣивались и терялись.

Что пришлось испытать за это время Франціи, нельзя и передать словами,—населеніе находилось въ состояніи, близкомъ къ безумію. Въ Парижѣ болѣе 20000 домовъ, покинутыхъ жителями, лежали въ разва-

---

1) H. Fierens-Gevaert. «Psychologie d'une Ville».—2) W. Denton. «England in the fifteenth Century», p. 82.

линахъ; въ промышленныхъ городахъ ремесла не производились, всюду работа пріостановилась; жизнь сдѣлалась столь мало гарантированной, что не стоило работать для ея поддержанія. Заразныя болѣзни то-и-дѣло посѣщали населеніе и оставляли послѣ себя страшный слѣдъ. Населеніе, доведенное до отчаянія, начинало либо разбойничать, либо заниматься колдовствомъ. Во многихъ мѣстностяхъ крестьяне «предавали себя дьяволу» въ надеждѣ, что вѣчный врагъ человѣчества, богъ зла и царь ада, будетъ къ нимъ болѣе милостивъ, чѣмъ «Преблагій Господь» [1]). «Предадимся въ руки дьяволу, пусть будетъ, что будетъ»! Что же касается ученыхъ людей и слабыхъ, боязливыхъ и нестойкихъ, которыхъ молитва и страданія подавили всякую волю, то у нихъ не оставалось ничего болѣе, какъ полная, доведенная до экстаза покорность судьбѣ и чтеніе «Подражанія Іисусу Христу».



Статуя Жанны д'Аркъ въ Вокулерѣ, подарокъ короля Людовика XI.

Черезъ 25 лѣтъ послѣ смерти Жанны, въ 1456 г., процессъ ея былъ пересмотрѣнъ, и память ея реабилитирована въ Руанѣ.

И откуда могло придти спасеніе? Если бы бѣдный французскій народъ пожелалъ, чтобы имъ руководили его повелители-рыцари, которые столь

1) Journal d'un Bourgeois de Paris, année 1421,—cité par Raoul Rosières, «Recherches critiques sur l'Histoire religieuse de la France», p. 411 ss.

страннымъ образомъ защищали его на поляхъ битвы, то и это было бы невозможно, такъ какъ всѣ почти благородные рыцари находились уже во вражескомъ лагерѣ. Итакъ, народу оставалось лишь «устраивать жаккерію» противъ англичанъ, какъ они неоднократно это дѣлали противъ высшихъ сословій. Отчаяніе подсказывало ему самыя безумныя дѣйствія, и именно вслѣдствіе этого-то онъ и пошелъ за вдохновленной свыше пастушкой. Это было безуміемъ, говорили военные люди, но, какъ-ни-какъ, Франція была спасена. По крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время борьба перестала быть похожей на рыцарскій турниръ кавалеріи: женщины, крестьяне, весь народъ приняли въ ней участіе со всѣмъ увлеченіемъ, пользуясь оружіемъ, какое было у нихъ подъ руками, и какимъ они умѣли владѣть. Сразу счастье перемѣнилось, и одинъ за другимъ укрѣпленные города и цѣлыя провинціи были отняты обратно отъ англичанъ. Народъ, побѣжденный и угнетенный, показалъ, что можно обходиться безъ королей, облаченныхъ въ золото, и безъ блестящихъ прелатовъ,—потому, конечно, было не болѣе, какъ совершенно правильнымъ проявленіемъ классового инстинкта, что король Карлъ VII покинулъ Жанну д'Аркъ, которая его короновала (1429), на произволъ судьбы, и что прелаты съ архіепископомъ во главѣ обвинили ее въ колдовствѣ, въ союзѣ съ дьяволомъ, и сожгли на городской площади въ Руанѣ (1431). Тѣ самыя лица, которыя въ наши дни преданы консервативной идеѣ и ставятъ выше всего королевскую и церковную власть, стараются теперь возвести пастушку Жанну въ санъ «святой». Послѣ того какъ прошло уже полъ-тысячи лѣтъ, это является нѣсколько позднимъ раскаяніемъ!

Итакъ, непосредственное вмѣшательство народа и взятіе имъ его собственныхъ дѣлъ въ свои руки повлекло за собою постепенное завоеваніе территоріи. Парижъ снова былъ возвращенъ Франціи въ 1436 г., и англичане, подъ начальствомъ Тальбота, сдѣлали въ битвѣ при Кастильовѣ въ 1453 г. послѣднія усилія, чтобы противостоять напору: затѣмъ, Франціи подчинился городъ Бордо, видѣвшій, что сопротивленіе безполезно. Лишь два участка около Калэ и около Гинь остались во власти англичанъ, такъ какъ они вклинивались въ бургундскія владѣнія.

Съ той и съ другой стороны истощеніе народныхъ силъ было полное. Безъ сомнѣнія, военные походы и битвы, происходившія на французской территоріи, повлекли за собою разореніе и голодъ и причинили гораздо больше бѣдъ Франціи, но если столѣтняя война и не захватила непосредственно территорію Англіи, то положеніе побѣдителей все же отнюдь не было менѣе печальнымъ, чѣмъ положеніе побѣжденныхъ. Прежде всего англичанамъ приходилось много страдать отъ вне-



Расцвѣтъ готической архитектуры.
Церковь Кодбекъ-анъ-Ко, построенная между 1426 и 1515 г.

запныхъ нападеній не только въ военныя, но и въ мирныя времена, высадокъ со стороны морскихъ разбойниковъ нормандскихъ, батавскихъ, арабскихъ и турецкихъ. Несмотря на бдительность прибрежныхъ жителей, лишь немногіе города англійскаго побережья, отъ Бристоля и Плимута до Бервика, избѣжали огня и меча; острова Уайтъ и Тэмэтъ, находившіе мало поддержки со стороны обитателей большихъ острововъ, были почти совершенно лишены населенія; среди городовъ, разрушенныхъ французскими пиратами, имѣются города, не оправившіеся еще отъ бѣдствія,—такъ, на берегу Кэнта находится портовый городъ Сэндвичъ, бывшій нѣкогда гораздо болѣе значительнымъ. Перестали поддерживать также дороги, шедшія отъ морскихъ гаваней внутрь страны, изъ боязни, что онѣ послужатъ путями для разбойниковъ. Даже обитатели Салисбери, находящагося въ сорока километрахъ отъ моря по прямой линіи, возвели стѣну и вырыли широкій ровъ вокругъ своего города, чтобы защитить его отъ опасныхъ посѣтителей.

По всей странѣ обѣднѣніе, причиненное тяжелыми податями и налогами, отсутствіемъ молодыхъ людей, прекращеніемъ торговли и промышленности, имѣло своимъ слѣдствіемъ голодъ,—во многихъ мѣстностяхъ даже женщины поѣдали своихъ дѣтей, воры, посаженные въ темницу, ожидали съ нетерпѣніемъ, когда приведутъ къ нимъ другихъ преступниковъ, чтобы броситься на нихъ и пожрать ихъ, еще трепещущихъ. Домашнія животныя почти исчезли, частью разворованныя грабителями, частью погибшія отъ болѣзней и голода; въ нѣкоторыхъ областяхъ не оставалось ни коровъ, ни быковъ, ни домашней птицы, даже пчелы погибли отъ заразной болѣзни. Хищные звѣри отказывались ѣсть мясо гніющихъ животныхъ,—приходилось назначать особыхъ «падальниковъ», которые закапывали бы всѣ разлагающіеся трупы. Даже растенія, идущія въ пищу, были больны, и «медицинскія травы», какъ говоритъ одинъ изъ современныхъ авторовъ, «выдѣляли изъ себя ядъ» [1]).

Чума царила также и среди людей, и на самомъ дѣлѣ эта чума была не чѣмъ инымъ, какъ другою формою бѣдности. Для несчастныхъ крестьянъ 1348 годъ, вскорѣ послѣ битвы при Крэси, былъ годомъ фатальнымъ по преимуществу, такъ какъ лѣтописецъ разсказываетъ, что болѣе половины населенія было унесено болѣзнью,—цѣлыя деревни стирались съ лица земли, такъ что о нихъ не оставалось и воспоминанія; въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ въ Норвичѣ, болѣе трехъ четвертей обитателей погибли отъ «черной смерти». Духовенство пострадало еще сильнѣе, чѣмъ міряне,—въ одномъ только округѣ, именно въ Норвичскомъ, пришлось замѣстить 863 священника; изъ мірянъ, людей безъ

---

1) Trokelowe; W. Denton. «England in the fifteenth Century», p. 85 ss.

всякой подготовки, приходилось назначать на священническія мѣста, лишь бы только они умѣли читать и, потерявъ свою жену, могли произнести обѣтъ безбрачія. Послѣдовавшія затѣмъ эпидеміи причинили менѣе вреда, такъ какъ образовалась уже нѣкоторая пустота, но неоднократныя повторенія слѣдовали одно за другимъ, подобно пожару, возрождающемуся изъ плохо затушеннаго очага. Въ концѣ XIV вѣка и въ теченіе XV насчитываютъ, въ общемъ, до 20 приступовъ эпидеміи, но правильнѣе сказать, что болѣзнь въ теченіе всего этого періода удерживалась съ бо́льшею или меньшею силою. Сношенія между городами были прерваны. Въ 1406 г. король Генрихъ IV едва не былъ пойманъ морскими разбойниками, такъ какъ, не рѣшаясь пройти черезъ Лондонъ, онъ спустился въ устье Темзы, чтобы изъ Кэнта попасть въ Эссексъ,— часть его свиты погибла отъ заразы. Церемонія цѣлованія руки вышла изъ употребленія, такъ какъ вассалы боялись, что зараза прилипнетъ къ ихъ губамъ, король же не рѣшался дать имъ свою руку [1]).

Въ своихъ историческихъ этюдахъ о среднихъ вѣкахъ въ Англіи Дантонъ пытается вычислить движеніе народонаселенія временъ Вильгельма Завоевателя. Повидимому, замѣчается въ теченіе норманскаго періода и до смерти Эдуарда I нѣкоторый положительный, хотя и медленный приростъ. Въ серединѣ XIV вѣка населеніе Англіи состояло приблизительно изъ 4000000 душъ, но Столѣтняя война, продолжающаяся борьба изъ-за Шотландіи, бѣдность и моровыя повѣтрія снова сильно прорѣдили населеніе, и численность его упала, по всей вѣроятности, ниже того уровня, который указывался въ регистрахъ «Doomesday-book» [2]).

Регрессъ въ культурѣ, который проявлялся въ теченіе этихъ двухъ вѣковъ кровавыхъ дѣяній, бѣдствій и вымиранія народонаселенія, былъ настолько значителенъ, что даже нѣкоторые предметы комфорта и роскоши, примѣнявшіеся въ теченіе норманской эпохи, были совершенно забыты. Такъ, пэры начали снова ѣсть пальцами, и когда вилки опять появились на столахъ, что случилось уже въ царствованіе Елизаветы, объ этихъ инструментахъ говорили какъ о настоящемъ открытіи! [3]). Впрочемъ, уже въ концѣ X вѣка одинъ изъ выдающихся теологовъ разсказываетъ съ ужасомъ, что сестра императора Восточной имперіи, вышедшая замужъ за сына одного изъ венеціанскихъ дожей, примѣняла небольшую вилочку для того, чтобы подносить пищу ко рту,—онъ отмѣчаетъ это какъ безсмысленную расточительность, которая вскорѣ была наказана свыше, такъ какъ и дожъ и его супруга черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того умерли отъ моровой язвы!

---

1) Denton, op. cit., pp. 97, 105.—2) W. Denton. «England in the fifteenth Century», pp. 128, 129.—3) Op. cit., p 51.

Въ то же время разбойничество сдѣлалось настоящей промышленностью въ провинціяхъ. Постоянная опасность вооруженныхъ нападеній заставила издать въ 1285 г. законъ, по которому владѣтельныя особы, общины и другіе собственники были обязаны вырубить всѣ кустарники и деревья на 200 футъ разстоянія съ каждой стороны отъ всѣхъ дорогъ, соединяющихъ между собою торговые города. Владѣлецъ земли, по которой проходили эти дороги, считался отвѣтственнымъ за всякое пре-



Рейнъ и кёльнскій соборъ.

ступленіе и насиліе, совершенное тамъ, гдѣ такая вырубка не была произведена [1]).

Условія землевладѣнія также измѣнились, и положеніе бѣднаго народа еще ухудшилось. Произволъ и жадность крупныхъ землевладѣльцевъ-лордовъ обусловливали лишь рутинное воздѣлываніе земли крестьянами,—все въ земледѣльческой работѣ было напередъ урегулировано. Одна часть земли была раздѣлена на небольшіе участки, на

1) Op. cit., p. 171.

которыхъ имѣлось на каждомъ жилище, причемъ участокъ былъ огороженъ деревянной или живой изгородью, называвшейся «ton» или «tun», откуда и взяло начало названіе «town» или городъ [1]). Вторая часть земли была также отведена подъ культуру, но не для отдѣльныхъ семей; работы на ней совершались въ пользу цѣлой общины. Эта часть дѣлилась на участки одинаковой длины, такъ называемые «furlong» [2]); эту мѣру и до сихъ поръ примѣняютъ въ Англіи землемѣры и чертежники; каждый изъ такихъ участковъ отдѣлялся отъ другого невоздѣланнымъ пространствомъ, заросшимъ травою или покрытымъ кустарникомъ, гдѣ могли находить себѣ прибѣжище зайцы. Всѣ участки одной и той же группы воздѣлывались однимъ и тѣмъ же плугомъ, и жатва совершалась въ то же самое время, съ тѣмъ, чтобы земля эта съ 1-го августа и до Срѣтенія, въ началѣ февраля, была общимъ пастбищемъ.

«Владѣлецъ замка» взиралъ съ жадностью на эти поля, принадлежавшія общинѣ, тѣмъ болѣе, что считалъ самъ себя ея представителемъ и, слѣдовательно, настоящимъ владѣльцемъ. Самымъ сильнымъ желаніемъ лорда было всегда завладѣть лѣсами, пастбищами и болотистыми лугами, которые съ древнѣйшихъ временъ представляли общественную собственность и поддерживали отъ вѣка до вѣка существованіе древняго общиннаго уклада, какой имѣлся еще до начала историческаго періода у предковъ британцевъ, у германцевъ и скандинавовъ. Въ своихъ попыткахъ завладѣть этими землями лорды, конечно, пользовались опорой, которую имъ давалъ законъ, такъ какъ парламентъ состоялъ изъ нихъ самихъ, и они могли издавать законы по своему усмотрѣнію, получая помощь со стороны юристовъ за деньги.

Съ середины XIII вѣка между лордами и общинами разгорѣлась непрерывная война за владѣніе нераздѣленными между ними землями: суды и парламентъ были переполнены такими процессами, а иногда вопросы эти пытались рѣшить даже и силою. Въ 1235 г. законодательный актъ предоставилъ владѣльцамъ замковъ включить въ свои владѣнія тѣ изъ участковъ общинныхъ земель, которые «не были необходимы свободнымъ общинамъ». Но гдѣ были точныя указанія, которыя позволили бы всегда отличить земли необходимыя отъ земель ненужныхъ? Лорды, поддерживаемые большею частью совѣщательными органами, требовали самую большую и самую лучшую часть земли, если не всю землю, тогда какъ общинники отстаивали свои прежнія права, и когда съ ними не соглашались и не исполняли ихъ требованій, то разрушали силою изгороди и другія преграды, устраиваемыя лордами. Ѳома Моръ

---

1) Emile de Laveleye. Revue des Deux Mondes, 15 juillet 1870. — 2) Т.-е. «furrow long» «длиною съ борозду»; мѣра эта равняется 220 ярдамъ или 660 футамъ (201 метр.); это восьмая часть земной или англійской мили, «English ou Statute mile».

говоритъ въ своей «Утопіи» объ этихъ постоянныхъ захватахъ «благородныхъ лордовъ, которые ограждаютъ все загородками, чтобы сдѣлать себѣ пастбища, разрушаютъ дома, уничтожаютъ деревни и не оставляютъ ничего, кромѣ церквей, превращая все въ свои парки, въ которыхъ разводятъ овецъ». Такія жалобы содержатся во многихъ политическихъ произведеніяхъ Англіи конца XV вѣка и первой половины XVI. Еще и въ настоящее время въ XX вѣкѣ происходитъ въ Великобританіи борьба между общинами и крупными землевладѣльцами за «right of way», т.-е. за «право прохожденія чрезъ чужія земли», которое закономъ нерѣдко, въ концѣ концовъ, не дается простымъ гражданамъ.

Завладѣвъ землею, лорды старались завладѣть и людьми, иначе говоря, возстановить рабство лишь въ новой формѣ. Въ этомъ отношеніи мы находимъ очевидный шагъ назадъ по сравненію съ предшествующимъ прогрессомъ. Со времени норманскаго завоеванія, рабы были еще многочисленны въ Англіи, но они, повидимому, быстро уменьшались въ численности, благодаря тому убѣжищу, которое доставляли имъ города и королевскія владѣнія: всѣ, кому удавалось остаться ненайденными въ теченіе года и одного дня, переставали быть рабами или крѣпостными и дѣлались свободными работниками. Правда, еще въ актахъ XIII вѣка нерѣдко говорится объ ученикахъ «проданныхъ» или «купленныхъ», но слова эти, по всѣмъ вѣроятіямъ, потеряли уже свой первоначальный смыслъ и относились просто къ правамъ найма мастерами-ремесленниками ихъ учениковъ [1]).

Чтобы обрабатывать свои владѣнія, размѣры которыхъ непрерывно возрастали, лорды дѣлали попытки снова прикрѣпить людей къ ихъ участкамъ. Чтобы располагать необходимыми рабочими руками, они опубликовали законодательный актъ парламента, которымъ крестьянамъ запрещалось оставлять свой приходъ; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ областяхъ, изобиловавшихъ болотами и песками, или въ скалистыхъ мѣстностяхъ Галлійской провинціи и Шотландіи, бѣдность была такъ велика, что уходъ людей въ этихъ мѣстностяхъ «въ поиски за работой» не считался преступленіемъ, наказуемымъ закономъ. Точно также, вопреки закону, запрещавшему увеличивать денежное вознагражденіе работниковъ-земледѣльцевъ, условія спроса и предложенія заставляли землевладѣльцевъ нерѣдко нарушать ихъ собственные законы, такъ какъ иначе, какъ путемъ повышенія жалованья, они не могли себѣ гарантировать достаточное количество работы. Мальчики и дѣвочки, занимавшіеся въ дѣтствѣ обработкой земли, этимъ самымъ приковывались къ плугу на всю свою жизнь, такъ какъ изученіе какого-нибудь мастерства было

---

1) W. Denton, op. cit., p. 36.

имъ совершенно запрещено. Въ силу того, однако, что интересы городовъ находились въ полномъ противорѣчіи съ интересами землевладѣльцевъ, возникали совершенно безнаказанныя нарушенія законовъ. Такъ, городъ Лондонъ, въ которомъ смертность значительно превосходила рождаемость населенія, сдѣлался бы въ короткій срокъ настоящимъ кладбищемъ, если бы, вопреки законамъ, пришельцы изъ деревни не являлись въ него и не замѣщали тѣхъ пустыхъ мѣстъ, которыя оставались въ силу большой смертности; то же самое экономическое явленіе наблюдалось и во всѣхъ другихъ городахъ, содержавшихся съ полнымъ нарушеніемъ рѣшительно всѣхъ правилъ гигіены. Промышленные округа также, разумѣется, измѣняли законъ сообразно своимъ собственнымъ выгодамъ [1]).

Какъ бы то ни было, но лорды и горожане боролись непрерывно за исключительное владѣніе рабочими руками, которыми они хотѣли распоряжаться въ качествѣ полныхъ господъ. Благодаря этому и въ Англіи имѣли мѣсто ея собственныя «жаккеріи», и онѣ производились даже съ величайшей методичностью и достигали самыхъ значительныхъ, хотя, конечно, лишь временныхъ результатовъ, по сравненію съ жаккеріями континента. Въ 1381 г. парламентъ собирался законодательнымъ путемъ провести новый поголовный налогъ, чтобы возмѣстить издержки войны и огромныя траты двора,—крестьяне, доведенные до отчаянія сборщиками податей, возстали въ графствѣ Эссексъ; вскорѣ послѣ того и другія графства юго-востока Англіи послѣдовали за этимъ движеніемъ, и толпы возставшихъ образовали армію, состоявшую болѣе чѣмъ изъ 100000 людей, которые пошли на столицу, разрушая по дорогѣ замки, открывая тюрьмы и избивая лордовъ и чиновниковъ. Король Ричардъ II не рискнулъ принять противъ нихъ никакихъ мѣръ. Возставшіе вошли въ Лондонъ и сожгли дворцы наиболѣе ненавидимыхъ народомъ лордовъ. Тогда правительство пошло на уступки и обязалось клятвенно провести всѣ требуемыя реформы. Крестьяне, повѣривъ, разошлись по домамъ, но тогда Уатъ Тайлоръ, глава возставшихъ, былъ умерщвленъ лондонскимъ лордъ-мэромъ во время совѣщанія у короля. Король послѣ этого, при помощи парламента, освободился отъ всѣхъ данныхъ обѣщаній и сталъ сотнями казнить и пытать крестьянъ, которыхъ указывали въ качествѣ вожаковъ. Послѣ этой попытки къ освобожденію угнетеніе низшихъ сословій возстановилось съ еще большею силою.

Параллельно съ такимъ экономическимъ движеніемъ развивалось стремленіе къ свободѣ въ англійской церкви: «реформація» возникла здѣсь за полтора вѣка до того критическаго періода, который получилъ это наименованіе на континентѣ. Докторъ Виклефъ былъ представите-

1) Op. cit, pp. 145, 217 ss.

лемъ и руководителемъ реформаціонныхъ стремленій въ области религіи. Онъ выступаетъ въ оксфордскомъ университетѣ передъ парламентомъ и передъ народомъ въ качествѣ борца, отрицающаго претензіи римскаго папы на господство надъ душами всѣхъ людей, отрицающаго также и вмѣшательство священниковъ и монаховъ въ гражданскую и



Прага. Ратуша

семейную жизнь; онъ отвергаетъ исповѣдь; затѣмъ, обращаясь къ Библіи и возставая противъ ея оффиціальныхъ истолкователей, онъ переводитъ ее на общедоступный языкъ, чтобы самъ народъ, освободившійся отъ оффиціальныхъ учителей церкви, могъ непосредственно разобраться въ вопросахъ вѣры и исповѣдывать ее; наконецъ, въ цѣломъ рядѣ жестокихъ памфлетовъ онъ бичуетъ различныя злоупотребленія религіей. Будучи человѣкомъ твердымъ въ своихъ принципахъ, Виклефъ послѣдовательно проводилъ свои идеи и по логичности своей какъ религіозной, такъ и политической и общественной доктрины, превосходилъ значительно многихъ изъ своихъ продолжателей; дѣйствительно, онъ «соприкасается

съ абсолютнымъ индивидуалистическимъ анархизмомъ» [1]). Въ силу этого онъ долженъ былъ отвергать наравнѣ со властью религіозной и власть гражданскую. Въ 1381 г., въ томъ самомъ году, когда разыгрался конфликтъ, который непосредственно повлекъ за собою жаккерію и столкновеніе крестьянъ съ королевской властью, ученіе Виклефа было осуждено профессорами Оксфорда, и его послѣдователи, такъ называвшіеся «lollards», стали подвергаться преслѣдованію. Тѣмъ не менѣе, не рѣшались затронуть его самого, человѣка столь чистаго, пользовавшагося такимъ всеобщимъ уваженіемъ, и онъ скончался три года спустя, не подвергшись никакимъ насиліямъ. Лишь въ 1428 г., по приказанію Констанцскаго собора, останки его были вырыты изъ земли и преданы сожженію.

Тѣмъ не менѣе, духъ возмущенія продолжалъ тлѣть подъ пепломъ во многихъ общинахъ религіозной Англіи, ожидая лишь времени, когда великій пожаръ могъ бы снова разгорѣться и охватить все. Дѣятельность Виклефа была непосредственно воспринята, однако, въ совершенно другомъ мѣстѣ, въ Богеміи, въ центрѣ европейскаго континента, благодаря особымъ политическимъ условіямъ, въ которыхъ находилась эта страна. Въ ней происходила еще борьба между славянами и германцами,—борьба, не прекратившаяся и въ настоящее время, и естественная враждебность, проистекающая изъ различія въ языкѣ, въ нравахъ, въ соціальномъ неравенствѣ, которое являлось тому слѣдствіемъ, воодушевляла людей настолько, что могла придать большую остроту религіознымъ разногласіямъ. Эта страна, столь выдѣляющаяся рядомъ съ равнинами Германіи, производитъ впечатлѣніе совершенно отдѣльнаго цѣлаго, является какъ бы особымъ міромъ. Разсматривая, однако, славянскія племена, какъ военный гарнизонъ этой огромной крѣпости, можно въ то же время констатировать, что на значительной части окружности этой крѣпости стѣны ея заняты врагами, т.-е. германцами. Чехи, пришедшіе съ востока, безъ труда проникли въ Богемію и заняли ея центральную часть, въ особенности древнія днища озеръ, превратившіяся въ плодородныя мѣстности, которыя располагаются вокругъ мѣста сліянія рѣкъ Влтавы и Лабы, т.-е. Молдавы и Эльбы, и охраняются городомъ Прахой или Прагой, сильно укрѣпленнымъ благодаря своему положенію среди рѣкъ. Чехи были, однако, остановлены въ ихъ движеніи горами, покрытыми лѣсомъ, которыя они перешли лишь по немногимъ проходамъ, изъ коихъ главный—Домацлисскій или Таусскій, направленный къ излучинѣ Дуная. Германцы, превосходящіе чеховъ численностью и призванные королями Богеміи, которые желали насе-

1) Ernest Nys. «Notes sur la Neutralité», Revue de Droit International et de Législation comparée, 1900.

лить свои владѣнія, также перешли черезъ горы и устроились на безлѣсныхъ пространствахъ, а затѣмъ колонизовали мѣстами и долины внутренней части страны,—такимъ образомъ, вокругъ славянскихъ народностей центральной Богеміи образовался какъ бы поясъ изъ народностей германскихъ, получившій форму полукруга.



Прага. Старый мостъ черезъ Влтаву.

Такимъ образомъ, племенной контрастъ народностей, противопоставленныхъ одна другой силою обстоятельствъ и независимо отъ ихъ воли, долженъ былъ значительно усложнять религіозные вопросы, интересовавшіе господствующую церковь. Въ эту эпоху выступаетъ на сцену Іоаннъ Гуссъ, наилучше усвоившій ученіе Виклефа изо всѣхъ реформаторовъ. Идеи, проповѣдывавшіяся Виклефомъ, будили его даже среди сна [1]), и онъ, подобно своему предшественнику, возсталъ противъ деспотической власти духовенства. Принужденный бѣжать изъ Праги, гдѣ жизни его угрожала опасность, онъ затѣмъ былъ призванъ предъ лицомъ духовнаго собора, засѣдавшимъ въ Констанцѣ (1414 г.) и имѣвшимъ цѣлью попытаться прекратить безконечный безпорядокъ въ церкви,

1) Alfred Dumesnil. «Jean Huss, fragment d'une histoire du Libre Esprit».

власть надъ которой оспаривали сразу трое папъ. Гуссъ не довѣрялъ, и совершенно правильно, любезному приглашенію, которое было ему прислано, но императоръ Сигизмундъ снабдилъ его охраннымъ листомъ и послалъ даже провожать его рыцарей. Тѣмъ не менѣе, Церковь, владѣющая ключами ада и ключами рая, способная претворять зло въ добро, къ вящшей славѣ Господа Бога, разорвала въ клочки охранный листъ и возвела Гусса на костеръ,—преступленіе, которое не должно было остаться безъ возмездія. Въ Богеміи почти немедленно разгорѣлась война,—болѣе 500 церквей и монастырей было сожжено гусситами, и между ними, ревностными славянскими патріотами, и германцами-католиками разыгрался цѣлый рядъ кровавыхъ битвъ. Равновѣсіе возстановилось въ пользу католицизма и австрійскаго дома лишь въ первой половинѣ XVII вѣка.

Побѣда церкви надъ новаторами Виклефомъ и Іоанномъ Гуссомъ въ Англіи и въ Богеміи, совершенно подобная побѣдѣ въ предшествующую эпоху надъ альбигойцами, свидѣтельствуетъ о поразительной цѣпкости и стойкости рутины у народовъ по отношенію ко всякимъ интеллектуальнымъ и моральнымъ новшествамъ піонеровъ справедливости. Не подлежитъ сомнѣнію, что именно самыя глубокія нѣдра европейскихъ народностей не желали подчиняться измѣненіямъ, несмотря на то, что безпорядки папской власти сдѣлались настоящимъ хаосомъ и что со всѣхъ сторонъ зарождающіеся или уже сформировавшіеся буржуазные слои взывали къ реформаторамъ, чтобы положить предѣлъ чудовищнымъ злоупотребленіямъ духовной власти, внутреннимъ раздорамъ церкви и этимъ вѣчнымъ обоюднымъ отлученіямъ папъ и анти-папъ. Духовные соборы собирались въ Пизѣ, въ Констанцѣ, въ Балѣ; прелаты засѣдали въ теченіе многихъ лѣтъ подъ рядъ; но если имъ и удавалось возстановить кажущееся единство церкви подчиненіемъ ея власти единаго первосвященника, то они безсильны были все же очистить католицизмъ отъ продажности, отъ вѣроломства, насилій и всевозможныхъ преступленій, которыя повлекли уже за собою первыя попытки къ возмущенію и должны были привести въ послѣдующіе вѣка къ окончательному расцвѣту реформаціи. Сдѣлавшись неоспоримыми главами церкви, какъ бы владѣтельными князьями духовными и свѣтскими, папы считали, что имъ все позволено. Духовные соборы были безсильны противъ нихъ, не имѣя возможности по своимъ собственнымъ принципамъ оспаривать у намѣстника св. Петра его главенство надъ душами всѣхъ людей.

Германская имперія была еще сильнѣе раздѣлена, чѣмъ церковь, и единство ея признавалось лишь временно, сообразно съ непосредственными интересами главнѣйшихъ князей-избирателей, свободныхъ горо-

довъ и федерацій городовъ, занимавшихся постоянными войнами. Германія, какъ страна съ расплывчатыми, не рѣзкими очертаніями, съ границами, хуже намѣченными, чѣмъ естественныя границы государствъ, ее составлявшихъ, была очень далека отъ того, чтобы носить въ себѣ зачатки политическаго единства,—въ этомъ отношеніи она, очевидно, стояла далеко позади другихъ странъ Западной Европы—Франціи,



Замокъ въ Альнвикѣ въ Нортумберлэндѣ.

Англіи, Испаніи, географическія области которыхъ были рѣзко намѣчены.

Несмотря на страшныя войны, которыя ихъ истощали, несмотря на обѣднѣніе и на моровыя повѣтрія «черной смерти», оба королевства, раздѣленныя Ламаншемъ, тяготѣли каждое къ окончательной формѣ, соотвѣтствующей условіямъ окружающей среды. Во Франціи это естественное объединеніе могло лишь подготовляться, а отнюдь не реализироваться теперь же, пока герцогство Бургонское раздѣляло страну отъ Шаролэ до Фландріи. Въ Англіи эволюція шла своимъ чередомъ, путемъ болѣе методическимъ и болѣе вѣрнымъ. Горные округа, населенные галльскими кельтами, были захвачены въ 1283 г., и съ того времени, какъ это завоеваніе совершилось, Эдуардъ I занялся гораздо болѣе

труднымъ дѣломъ покоренія шотландцевъ и подчиненія всей Великобританіи подъ власть королей Англіи. Уже значительная часть Ирландіи была имъ подвластна, и весь архипелагъ острововъ силою вещей долженъ былъ раньше или позже попасть въ руки англичанъ, какъ болѣе сильной изъ боровшихся народностей.

Несмотря, однако, на такое вызванное насиліемъ объединеніе, Великобританія, этотъ обрывокъ, оторванный отъ континента Европы и изрѣзанный глубокими заливами на полуострова, особенно по западному берегу, продолжающійся съ юга на сѣверъ на огромномъ протяженіи около 1000 километровъ при относительно небольшой ширинѣ, дѣлится уже этимъ самымъ на цѣлый рядъ отдѣльныхъ областей, настолько естественно ограниченныхъ, что населяющія ихъ народности обладаютъ извѣстной самостоятельной жизнью. Полуостровъ Корнуэльсъ и горные массивы Уэльса, выдвигающіеся далеко въ воды Ирландскаго канала, были, очевидно, самой природой предназначены быть областями, жители которыхъ должны были долгое время оставаться отдѣленными отъ другихъ островитянъ и сохраняющими свои особые обычаи, особый языкъ и своеобразныя установленія. Съ еще бо́льшимъ правомъ можно было это же сказать относительно главнаго отдѣла расчлененнаго корпуса Великобританіи, той территоріи, геологическія, географическія, климатическія, этническія и соціальныя особенности которой создали дѣленіе англійской націи на двѣ особыя народности — на шотландцевъ и англичанъ.

Разумѣется, та низменная область, которая обнимаетъ бассейнъ Клейды на западномъ склонѣ и Форсъ на восточномъ склонѣ острова, должна была получить особое значеніе въ исторіи борьбы, разыгравшейся съ той и съ другой стороны до соединенія обоихъ королевствъ. Въ этихъ мѣстностяхъ, обращенныхъ на два склона, гдѣ водораздѣльный хребетъ поднимается лишь на 61 метръ надъ уровнемъ моря, и гдѣ интересы промышленности, безъ сомнѣнія, въ будущемъ заставятъ вырыть каналъ для судоходства, долженъ былъ развиться особый центръ національной жизни. По сравненію съ горными областями сѣвера, гдѣ тянутся цѣпи крутыхъ Грампіанскихъ горъ, эта небольшая плодородная и потому густо населенная впадина представляетъ почти всю жизненную часть страны и являетъ рѣзкій контрастъ съ заросшими лѣсомъ горами, скалами и пустынными пространствами, которыя тянутся отъ моря. Холмы Шевіота направляются наискось отъ береговъ къ сѣверо-востоку и юго-западу, образуя внѣшнюю стѣну вытянутаго впередъ массива; настоящая граница Шотландіи подходитъ къ этому вырѣзу Сольвей-Ферса и соотвѣтствуетъ почти въ точности естественной границѣ страны, — именно тамъ находится «талія» того огромнаго вытянутаго

тѣла, голову и торсъ котораго занимаетъ Шотландія Лишь у сѣверо-восточной конечности Шевіотскихъ холмовъ имѣется достаточно широкій

№ 347. Нижняя Шотландія.



1 : 1500000

0 25 50 100 Килом.

проходъ, который допускаетъ сообщеніе, и обладаніе этими естественными воротами вызывало постоянныя столкновенія. Именно въ мѣстѣ

перехода черезъ рѣки и черезъ горныя сѣдловины давались наиболѣе жестокія сраженія.

Если къ территоріи настоящей Шотландіи присоединить архипелаги, которые являются ея сѣвернымъ продолженіемъ, то шотландская половина Великобританіи оказывается столь же развитой въ длину, какъ и половина англійской, хотя поверхность ея и менѣе значительна и во всѣ времена населеніе должно было быть болѣе разсѣяннымъ и пропорціонально менѣе численнымъ. Природныя препятствія возстанавливали, однако, равновѣсіе военныхъ силъ. такъ какъ въ эту эпоху пути и способы сообщенія не помогали еще южнымъ завоевателямъ проникать въ сѣверныя области. Шотландцы, по самому своему географическому положенію, имѣли вполнѣ естественное предрасположеніе къ разбойничеству и считали его своимъ дѣйствительнымъ правомъ. Съ высоты своихъ холмовъ, гдѣ они бездѣльничали, карауля свои стада, они могли видѣть сосѣднія обработанныя пространства, полные закрома зерна, и, когда голодъ заставлялъ ихъ страдать, они естественно считали вполнѣ законнымъ спуститься толпами къ своимъ сосѣдямъ и захватить отъ нихъ средства къ пропитанію. Эти правильно слѣдовавшіе одинъ за другимъ набѣги влекли за собою постоянныя войны и убійства. Затѣмъ въ болѣе крупныхъ военныхъ предпріятіяхъ южане, т.-е. англичане, чаще всего одерживали верхъ, благодаря своей большей численности,—они прорывались чрезъ многочисленные проходы «low lands», т.-е. «низменныхъ земель», захватывали выгодныя военныя позиціи между рѣками Форсъ и Клейдъ, но затѣмъ встрѣчали передъ собою крутые сѣверные хребты горъ, гдѣ сама природа была для нихъ такимъ же врагомъ, какъ и люди. Малая доступность этой страны компенсировала меньшую численность защитниковъ ея.

Съ конца XIII вѣка Шотландія, повидимому, почти была уже покорена. Предводители шотландцевъ Баліоль и Уоллесъ были одинъ за другимъ разбиты Эдуардомъ I, но затѣмъ новый вождь, Брюсъ, сгруппировалъ разрозненныя силы шотландцевъ, оказалъ отчаянное сопротивленіе и, дѣйствительно, одержалъ побѣду надъ англійской арміей на холмахъ Беннокбёрна (1314), прикрывающаго съ юга стратегическіе подступы къ верхней Шотландіи. Эта побѣда позволила сѣверному королевству снова взять инициативу: Брюсъ проникъ даже въ Ирландію, гдѣ онъ надѣялся найти союзниковъ противъ Англіи, но «островъ Эринъ», послѣ продолжительнаго владѣнія имъ англичанами, былъ раздробленъ на отдѣльныя княжества и области и не представлялъ ни въ одной изъ своихъ провинцій достаточнаго политическаго единства, чтобы получить надлежащую точку опоры.

Побѣда при Беннокбернѣ была для шотландцевъ печальной побѣдой,—она принесла много несчастья ихъ врагамъ, но, пожалуй, еще

больше имъ самимъ. Шотландія, получавшая до сихъ поръ съ британскаго юга все необходимое для жизни, перестала получать эту пищу, необходимую какъ въ смыслѣ промышленности, такъ и торговли и искусства. Образованные и знающіе люди, опытные ремесленники, каковыми были большею частью англичане, должны были покинуть Шотландію, и все пошло вспять, какъ въ области матеріальной, такъ и въ



Скала Дёмбэртонъ на Клейдѣ.

Когда англичане завладѣвали Шотландіей, они довольствовались обыкновенно занятіемъ четырехъ укрѣпленныхъ пунктовъ, господствующихъ надъ перешейкомъ. Этими пунктами были вулканическая скала Дёмбэртонъ, гора Эдинбурга, холмы Стирлингъ и крѣпость близъ Борроустонесса.

области интеллектуальной и даже моральной жизни. Шотландцы сдѣлались опять почти дикарями, разучились изготовлять себѣ оружіе, которое имъ приходилось ввозить изъ Франціи и Фландріи; съ другой стороны, древняя шотландская народность обязана, безъ сомнѣнія, этимъ политическимъ и соціальнымъ отдѣленіемъ тому, что она провела свою жизнь, слѣдуя болѣе своеобразному развитію и сохраняя въ теченіе вѣковъ свою собственную индивидуальность.

Пограничная полоса съ обѣихъ сторонъ, съ залива Сольвей и съ залива Твидъ, превратилась въ пустыню. Куда только могли достичь грабители въ своихъ набѣгахъ, совершавшихся въ ночное время, вся

страна была въ короткій срокъ опустошена. Болѣе милліона жителей, какъ говорятъ, было умерщвлено во время народныхъ и гражданскихъ войнъ Шотландіи. О бѣдствіяхъ народа можно судить по судьбамъ самихъ королей: бо́льшая часть ихъ погибла насильственною смертью, оставивъ на тронѣ своихъ малолѣтнихъ дѣтей. Много городовъ превратилось въ развалины, которыя вскорѣ заросли травою; портовый городъ Бервикъ, который въ Великобританіи занималъ второе мѣсто по значенію послѣ Лондона и получилъ даже наименованіе «Второй Александріи», утратилъ всю свою важность и позднѣе не возстановился такимъ, какъ былъ ранѣе.

Лишившись всякихъ сношеній съ сосѣдней Англіей, своей естественной воспитательницей, Шотландія была брошена въ объятія Франціи, сдѣлавшейся одновременно и ея политической союзницей и образцомъ, которому она подражала [1]). Однако, обѣ страны очень далеко отстоятъ одна отъ другой, и моря, ихъ раздѣляющія, таятъ въ себѣ многочисленныя опасности. Естественная сила притяженія, по самому существу, должна была уменьшаться «пропорціонально квадратамъ разстоянія»; тѣмъ не менѣе, невольно поражаютъ тѣ галлицизмы всякаго рода, которые вошли въ обиходъ Шотландіи и удержались въ немъ съ этого времени въ области различныхъ учрежденій, архитектуры, нравовъ и языка.

На другой оконечности Европы обитатели Иберійскаго полуострова также находились въ непрестанной борьбѣ, вызывавшейся то одной, то другой силой: то стремленіемъ къ индивидуализаціи отдѣльныхъ провинцій, то заботами объ общности и единствѣ всей страны. Географическія черты строенія, намѣченныя на этомъ полуостровѣ очертаніями плоскогорій и направленіемъ хребтовъ, въ достаточной мѣрѣ объясняютъ намъ эти событія. Въ общемъ, непрерывныя войны среднихъ вѣковъ въ Испаніи являются въ то же время и конфликтами на почвѣ религіозной и расовой. Для простодушныхъ людей, подвергшихся католическому воспитанію и видящихъ потому все въ особомъ свѣтѣ, перевороты въ Испаніи являлись не болѣе какъ различными стадіями отвоевыванія своихъ правъ христіанскою вѣрою отъ мусульманской религіи, не болѣе какъ турниромъ между Божьими рыцарями и приспѣшниками діавола; къ тому же, къ этому религіозному конфликту примѣшался и нѣкоторый этническій контрастъ, обусловленный тѣснымъ соприкосновеніемъ тузем-

---

1) W. Denton. «England in the fifteenth Century», pp. 65–79.

ныхъ расъ съ потомками суэвовъ и визиготовъ и съ завоевателями востока и юга, берберійцами и арабами. Безъ сомнѣнія, есть нѣкоторая доля правды въ этомъ общемъ взглядѣ на ходъ событій, но, конечно,

№ 348. Ходъ завоеванія христіанами Испаніи.



Пунктирныя линіи воспроизводятъ болѣе или менѣе схематически постепенное отступленіе мусульманъ. Цифра у городовъ отмѣчаетъ время ихъ перехода въ руки христіанъ. Алькантара (Альк. на Таго), Бадахосъ (Бад.), Альмерія (Альм.) попали снова въ руки мавровъ послѣ того, какъ первый разъ были ими потеряны.— Кал. на притокѣ р. Эленъ—городъ Каталаюдъ, Кал.—на р. Гвадіанѣ—г. Калатрава.

явленія мѣстной жизни въ соединеніи со стремленіемъ всего народа къ политическому единству имѣли еще болѣе значительное вліяніе.

Помимо того, должно еще признать участіе и возвращенія къ

варваризму, которое было создано постояннымъ разбоемъ. Объ этомъ можно судить по вполнѣ заслуживающей довѣрія исторіи Рюи или Родриго Діаца-де-Бивара, Кампеадора или «Бойца», въ которомъ легенда видѣла неподкупнаго, чисто-рыцарскаго защитника христіанской вѣры, тогда какъ въ дѣйствительности онъ былъ предводителемъ наемныхъ шаекъ, поступавшихъ то на службу христіанъ, то на службу мусульманъ, въ зависимости отъ того, гдѣ можно было ожидать больше добычи. Онъ «сдѣлалъ себѣ ремесло изъ захвата въ плѣнъ жителей и изъ взятія крѣпостей», становясь на сторону то одного, то другого изъ своихъ повелителей, предавая мученіямъ плѣнныхъ, сжигая ихъ на медленномъ огнѣ или давая ихъ на растерзаніе своимъ собакамъ вовсе не съ цѣлью обращенія ихъ въ ту или другую вѣру, а просто для того, чтобы заставить ихъ открыть, гдѣ находятся ихъ тайники, въ которыхъ скрыто золото. Имя Сидъ, по-арабски Сиди или «господинъ», подъ которымъ герой этотъ сохранился въ народной памяти,—имя, данное ему его союзниками мусульманами. Теперь исторія этого бандита общеизвѣстна [1]), и надо сказать, что документы, уже использованные предшествовавшими историками, всѣ говорятъ о немъ въ одинъ голосъ одно и то же; этому не хотѣли, однако, вѣрить, настолько казалось легкомысленнымъ опровергать уже установившееся преданіе. Печальной можно лишь назвать ту цивилизацію, въ которой такая личность, какъ Сидъ Кампеадоръ, могъ концентрировать вокругъ себя, какъ лучезарное солнце, всѣ лучи народнаго благоговѣнія!

Въ концѣ XI вѣка имѣли мѣсто тѣ воинственныя приключенія, которыя прославляются въ одномъ изъ «romancero» XVI вѣка, и съ самаго начала слѣдующаго столѣтія христіане могли уже надѣяться на полное завоеваніе острова. Король Арагонскій, сдѣлавшійся путемъ женитьбы соправителемъ Кастиліи, вообразилъ даже, что насталъ моментъ, когда можно было назвать себя «императоромъ Испаніи». Въ 1147 г. счастливый случай позволилъ христіанамъ взять городъ Альмерію, и южнымъ арабскимъ королевствамъ угрожала уже со стороны моря большая опасность,—они отчасти были отдѣлены отъ своихъ соплеменниковъ въ Африкѣ. Начиная съ первой половины XIII вѣка, судьба арабовъ была окончательно рѣшена, такъ какъ кольцо враговъ все болѣе и болѣе сжималось вокругъ нихъ. Они были разбиты при Навасѣ въ 1212 г., затѣмъ при Меридѣ въ 1230 г., и Эстремадура была отъ нихъ отнята; затѣмъ они потеряли Кордову, Севилью и, наконецъ, въ 1250 г., Кадиксъ. Обратное переселеніе изъ завоеванныхъ провинцій началось въ усиленномъ размѣрѣ, и въ то же время многія благородныя семьи

---

1) Reinhardt Dozy. «Histoire des Musulmans d'Espagne».

стали добиваться крещенія, чтобы сдѣлаться дворянами Кастиліи. Желѣзный кругъ замкнулся въ 1340 г., когда въ руки испанцевъ попалъ Алжезиразъ, и арабское королевство Гренада осталось совершенно изолированнымъ. Тѣмъ не менѣе, прошло болѣе столѣтія прежде, чѣмъ былъ нанесенъ послѣдній ударъ; ясно, что народы, добивавшіеся лишь спокойнаго труда, заботились только о томъ, чтобы жить въ мірѣ; ревность къ католической вѣрѣ отнюдь не имѣла того страстнаго характера, который ей приписываетъ миражъ минувшихъ вѣковъ. Даже рыцарскія общины, созданныя спеціально для того, чтобы предводительствовать этими крестовыми походами внутри части страны,—даже эти рыцарскія общины Сантъ-Яго, Алькантары и Калатравы занимались скорѣе добываніемъ титуловъ и привилегій, расширеніемъ своихъ владѣній и увеличеніемъ доходовъ, чѣмъ войною съ невѣрными. Впрочемъ, какова бы ни была ревность самыхъ горячихъ защитниковъ христіанской Испаніи, они оставались все же въ такой же степени, какъ и прежде, учениками арабовъ во многихъ отношеніяхъ. Даже въ своихъ политическихъ учрежденіяхъ они брали арабовъ за образецъ. Правосудіе ихъ было точнѣйшей копіей арабскихъ законовъ, совершенно подобно тому, какъ и администрація и военный режимъ [1]).

Равновѣсіе, подвижное и постоянно измѣняющееся, касалось двухъ главныхъ центровъ католической Испаніи—чванливой Кастиліи, гордой и аристократической Арагоніи, представлявшей собою нѣчто въ родѣ крестьянской республики, надзиравшей за своимъ королемъ, но позволявшей ему въ то же время дѣлать внѣшнія завоеванія, захватить Балеарскіе острова, Сардинію и Сицилію. Что касается Португаліи, которая съ начала XII вѣка сдѣлалась независимой отъ Кастиліи, то ея эволюція совершалась самостоятельно, и она собственными силами постепенно освободилась отъ арабовъ. Альфонсъ III, скончавшійся въ 1279 г., могъ уже объявить себя «королемъ Португаліи и Альгарвіи». Между завоевателями и покоренными происходило, однако, сліяніе, не вызывавшее такихъ страшныхъ преслѣдованій, какія позднѣе претерпѣли мавры въ сосѣдней Испаніи. Лиссабонъ, имѣющій такое великолѣпное положеніе въ устьѣ рѣки Таго, сохранилъ торговое значеніе, которое придавали ему арабы, и даже увеличилъ его, благодаря своимъ сношеніямъ съ сѣверными портами; онъ сдѣлался такимъ центромъ міровой жизни, что занялъ совершенно особое положеніе на Иберійскомъ полуостровѣ; вокругъ него сформировалось политическое цѣлое, въ достаточной степени рѣзко отграниченное если не на сѣверѣ, со стороны Галиціи, то, по крайней мѣрѣ, на востокѣ, со стороны Кастиліи и

---

1) Julian Ribera. «Origines della Justicia de Aragon».

Эстрамадуры, гдѣ обширныя горныя пространства, покрытыя кустарниками и рощами, превращаются въ однообразныя пустыни. Въ 1415 г., когда португальцы, которымъ сдѣлалось тѣсно на ихъ узкомъ побережьи, завладѣли Цеутою на африканскомъ берегу, они являлись уже вполнѣ подготовленными къ тому вѣку великихъ открытій, который превратилъ ихъ въ народъ, не имѣющій себѣ равнаго въ исторіи прогресса человѣчества.



ТЮРКИ, ТАТАРЫ, МОНГОЛЫ И КИТАЙЦЫ.

Хронологія.

Китай. Блестящая своей военной славой эпоха Ханской династіи соотвѣтствуетъ хронологически первому вѣку христіанской эры и времени царствованія императоровъ Минъ-Ти (60—70) и Хо-Ти (89—105). Съ 226 г. Китай разбивается, по меньшей мѣрѣ, на три королевства съ измѣнчивыми границами. Повидимому, въ теченіе этого періода завязались самыя мирныя сношенія Китая съ сѣверомъ, и у китайскихъ ученыхъ появились свѣдѣнія относительно сибирскихъ рѣкъ до Оби. Одинъ изъ владѣтельныхъ князей долины Хоанъ-Хо соединилъ, мало-по-малу, весь Китай подъ своимъ скипетромъ, но, когда въ 589 г. единство Китая установилось, произошла смѣна династій, и на престолъ взошла новая династія Тановъ.

Династія Тановъ царствовала съ 619 по 906 г.; самымъ знаменитымъ ея представителемъ былъ императоръ Тай-Цанъ (627—650 г.), который отодвинулъ границы имперіи до Каспійскаго моря и до покрытыхъ льдомъ пространствъ сѣвера, завоевалъ Корею и угрожалъ Индіи. Съ 907 до 960 г. въ Китаѣ смѣнилось подъ рядъ 5 династій, вслѣдствіе происходившихъ переворотовъ, въ которыхъ принимала участіе народность хитанъ изъ великой Страны Травъ; затѣмъ правильность въ чередованіи династій возстановилась, и на престолъ вступила династія Сунъ, царствовавшая съ 950 по 1280 г., но обладавшая съ 1127 г. лишь южными провинціями Китая.

Чингисъ-Ханъ вступилъ въ Китай въ 1211 г., но прошелъ на югъ не далѣе долины Хоанъ-Хо; Оготай подчинилъ страну до рѣки Янъ-Тзе; Кублай-Ханъ, сдѣлавшійся съ 1260 г. Великимъ Ханомъ, закончилъ завоеваніе Китая и былъ въ состояніи въ 1285 г. провозгласить себя королемъ Тонкина. Въ 1368 г. монголы были изгнаны, и ихъ замѣстила династія Минъ, царствовавшая съ 1368 г. по 1644 г.

Центральная Азія. Темучинъ, род. въ 1162 г., былъ выбранъ главнымъ предводителемъ, или Чингисъ-Ханомъ, въ 1206 г., умеръ въ 1277 г., послѣ того какъ покорилъ половину Азіи. Изъ сыновей его Оготай завоевалъ Востокъ, Батый—Западъ и Джегеттай—промежуточныя пространства. Въ 1291 г. вторая жена Оготая, Туракина, заставила избрать своего сына Куюка (Гаюка) Великимъ Ханомъ и была сама регентшей до 1246 г. Куюкъ умеръ въ 1251 г., и тогда былъ выбранъ внукъ Чингисъ-Хана Мангу; онъ отправилъ одного изъ своихъ братьевъ, Хулайю,

завоевывать Месопотамію, тогда какъ другой его братъ, Кублай-Ханъ (1214—1294), завоевалъ южный Китай.

Тамерланъ или Тимурленъ, сынъ одного изъ мелкихъ князьковъ Бактріаны и правнукъ Кублай-Хана, отъ одной изъ его дочерей, родился въ 1336 г. однорукимъ и хромымъ. Тѣмъ не менѣе, своимъ мечомъ онъ завоевалъ ханство Джегеттай въ 1369 г. и послѣ 35 лѣтъ непрерывныхъ войнъ сдѣлался властителемъ надъ имперіей, тянувшейся отъ Средиземнаго моря до Монголіи и отъ Россіи до Индостана. Умеръ онъ въ 1405 г., когда собирался вторгнуться въ Китай; владѣнія его распались на многочисленные обрывки.

Россія. Среди князей, жившихъ до XVI вѣка, выдѣлялись своею стойкостью и искусствомъ, съ которымъ они подражали татарскимъ ханамъ Сарая въ проявленіи неограниченной самодержавной власти, князья московскіе; между ними отмѣтимъ Ивана Калиту (1328—1340) и Симеона Гордаго (1341—1353). Князь Дмитрій Донской первый рѣшился оказать татарамъ сопротивленіе и нанесъ имъ пораженіе, которое вскорѣ, однако, было ими отомщено. Іоаннъ III царствовалъ съ 1462 г. до 1505 г.

Турція. Орды турковъ разбили Сельджукидовъ въ 1292 г.; Османъ принялъ титулъ султана и царствовалъ съ 1299 до 1326 г. Послѣ него царствовали Орханъ (1326—1360) и Амуратъ (Мурадъ I; 1360—1389 г.); затѣмъ быстро слѣдовали одинъ за другимъ Баязедъ I, Сулейманъ, Муза, Магометъ I и Амурадъ II. Этотъ послѣдній былъ султаномъ съ 1421 по 1461 г. Магометъ II (1451—1481) и Баязедъ II (1481—1512) переносятъ насъ уже въ эпоху, о которой предстоитъ говорить въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Путешественники Козьма Индикоплавъ и Массуди родились оба въ Египтѣ, первый въ VI, второй въ X вѣкѣ.

Вильгельмъ де-Рубрукъ родился въ 1220 г., умеръ на горѣ Аѳонѣ въ 1293 г.

Оба брата Поло, Николай и Матвѣй, вели торговлю между Венеціей и Византіей. Около 1260 г. ихъ торговыя дѣла привели ихъ въ Сарай, затѣмъ въ Каракорумъ и, наконецъ, въ Ханбалыкъ. Будучи хорошо принятыми Кублай-ханомъ, они вернулись затѣмъ въ Венецію въ 1269 г. и снова отправились въ путешествіе въ 1271 г. вмѣстѣ съ сыномъ Николая, Маркомъ Поло, которому было тогда 16 лѣтъ. Имъ потребовалось четыре года для того, чтобы пересѣчь Азію, и около 20 лѣтъ они оставались на службѣ у хана. Они вернулись моремъ, привезя персидскому королю его невѣсту, китайскую принцессу, и прибыли обратно въ Венецію въ 1296 г. Марко Поло скончался въ 1317 г.



МОНГОЛЫ, ТЮРКИ ТАТАРЫ И КИТАЙЦЫ

Въ каждой изъ южныхъ странъ, позади каждой цѣпи высокихъ горъ, являвшейся стѣною, народъ-завоеватель быстро растворялся, подобно тому, какъ разсасывается муха, упавшая въ вѣнчикъ насѣкомояднаго цвѣтка.

Глава девятая.

НОВЫЯ РЕЛИГІИ ВОСТОКА.—БУДДІЙСКІЕ МИССІОНЕРЫ.—НЕСТОРІАНЕ, ЕВРЕИ И АРАБЫ.—ЭРА ВЕЛИКИХЪ СОБЫТІЙ ВЪ КИТАѢ.—ВТОРЖЕНІЕ МОНГОЛОВЪ.—ВОИНСТВЕННЫЕ НАБѢГИ.—КАРАКОРУМЪ.—РУБРУКЪ И МАРКО ПОЛО.—РАЗДРОБЛЕНІЕ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРІИ.—РОССІЯ И СРЕДИЗЕМНОМОРСКІЙ ВОСТОКЪ.—ТАМЕРЛАНЪ И ЕГО МЕЧЕТИ.—СОКОЛИНАЯ ОХОТА.—ТОРГОВЛЯ.—ОСМАНЛИ.—ВЗЯТІЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

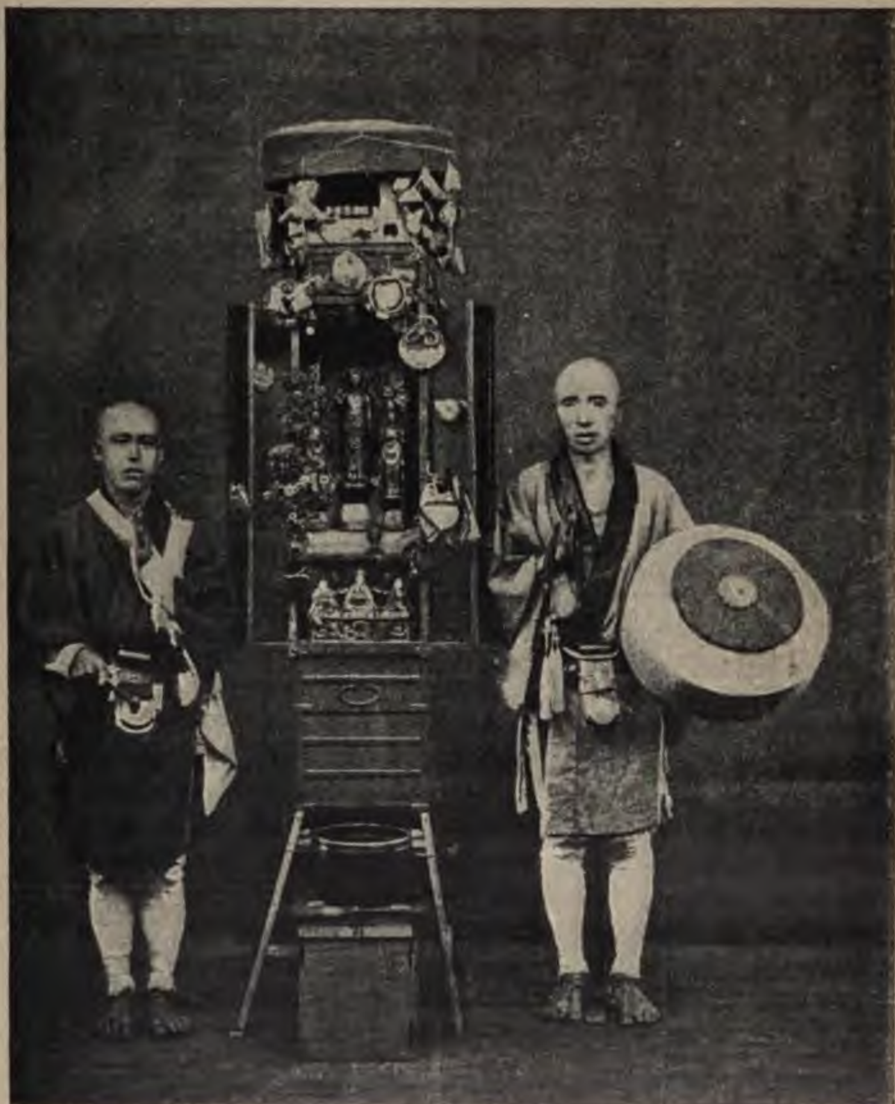
Историческое развитіе Китая въ теченіе періода, который получилъ въ Европѣ названіе «среднихъ вѣковъ», представляетъ поразительную аналогію съ таковымъ западныхъ странъ. Китайская имперія, подобно римской, разбилась на нѣсколько государствъ, затѣмъ слилась снова подъ властью единаго императора; но внутренніе перевороты были

очень многочисленны, и вѣра націи въ прочность и продолжительность существованія имперіи чрезвычайно ослабла. Это былъ періодъ моральнаго угнетенія, которымъ воспользовалась религія, по своимъ нравственнымъ основамъ очень близкая къ христіанству, именно буддизмъ,—она проникла въ Китай и если не замѣстила, то постепенно примѣшалась къ тѣмъ религіознымъ ученіямъ, которыя были здѣсь распространены ранѣе. Совершенно такъ же, какъ римлянамъ и смѣшаннымъ съ ними варварамъ, Иранское плоскогоріе, Іудея, Вавилонія, Египетъ и Греція доставили элементы христіанскаго вѣроученія,—совершенно такъ же и Индія разсылала по всему Востоку за предѣлы ограничивающихъ ее горъ большое число миссіонеровъ, которые проповѣдывали это новое вѣроученіе разочарованнымъ послѣдователямъ болѣе древнихъ религій.

Сохраняя тѣ же условія историческаго параллелизма, буддійская религія не имѣла возможности отвоевать хотя бы часть населенія Китая, ранѣе какъ черезъ нѣсколько вѣковъ послѣ своего перваго появленія въ странѣ, гдѣ она зародилась, и лишь тогда, когда она уже не была болѣе похожа на тѣ формы, въ которыхъ появилась первоначально. Главнѣйшее различіе въ ходѣ завоеваній, сдѣланныхъ обѣими религіями, объясняется трудностями, которыя воздвигаются передвиженію народовъ природными условіями и географической средой: слово Іисуса Христа потребовало пять или шесть вѣковъ для того, чтобы распространиться по Средиземному морю и достигнуть береговъ океана; точно также и для ученія Будды нужны были десять или двѣнадцать вѣковъ, чтобы проникнуть на сѣверъ отъ полуострововъ Индіи, въ Срединное царство и на архипелагъ Японскихъ острововъ.

Преслѣдуемое христіанство одержало побѣду лишь послѣ того, какъ сдѣлалось религіей преслѣдователей; буддизмъ, который велъ первоначально борьбу со жрецами и возставалъ противъ рутинныхъ церемоній духовенства, стремясь достигнуть лишь чистѣйшей истины, одержалъ побѣду и проникъ въ душу китайскаго народа лишь послѣ того, какъ самъ превратился въ церковный церемоніалъ со множествомъ мелкихъ обрядностей. Нерѣдко побѣды заключаются лишь въ измѣненіи названія, причемъ сущность остается той же самой, и переворотъ является не болѣе, какъ кажущимся; однако, въ Китаѣ древнія наименованія не исчезли вовсе. Религія Конфуція, или «ю-кіао» и религія «тао-кіао», т.-е. ученіе Лаодзе, удержались, тѣмъ не менѣе, въ Китаѣ, несмотря на вторженіе буддизма; этотъ послѣдній или «фо-кіао», долженъ былъ мирнымъ путемъ замѣнить собою вѣрованія, распространенныя ранѣе. Въ Китаѣ земледѣльцы обладаютъ преимущественной силой, являясь консервативнымъ элементомъ: нигдѣ пространства, предоставляемыя земледѣлію, не содержатъ столь большого протяженія, столь значительной поверхности. Различныя суевѣрія, магія, проявленія божественныхъ

силъ, обрядности и моральныя ученія мирно уживаются и перемѣшиваются, имѣя лишь ту дурную сторону, что увеличиваютъ число настоящихъ паразитовъ, живущихъ въ монастыряхъ и скитахъ.



Буддійская кумирня въ Японіи.

Первое введеніе буддизма въ области, зависящія отъ Китая, восходятъ къ эпохѣ, отстоящей отъ нашего времени на восемнадцать вѣковъ. Различные императоры династіи Ханъ раздвинули границы своихъ

владѣній вплоть до Оксуса, и въ теченіе цѣлаго вѣка сильное торговое движеніе, вслѣдъ за которымъ наступилъ періодъ относительной изолированности [1]), соединяло Китай съ западными склонами высокихъ горъ. Рукопись, открытая Дютрейль-де-Реномъ въ 1892 г. въ развалинахъ буддійскаго храма близъ рѣки Каракашъ, къ югу отъ Хотана,—рукопись, являющаяся наиболѣе древнимъ документомъ индусской литературы, извѣстнымъ до сего времени, доказываетъ, какъ широко было распространено торговое движеніе въ Кашгаріи въ началѣ христіанской эры. Дѣйствительно, рукопись эта написана буквами karochthî, т.-е. алфавитомъ, употреблявшимся въ сѣверо-западной Индіи для воспроизведенія санскритской письменности и исчезнувшимъ уже болѣе семнадцати вѣковъ тому назадъ. Мы знаемъ, впрочемъ, что отдѣльные миссіонеры посѣщали Китай и въ еще болѣе давнія времена; путь, которымъ слѣдовали эти паломники, направлялся чрезъ Бактріану и огибалъ съ сѣвера огромныя горныя складки центральной Азіи,—это путь, извѣстный подъ наименованіемъ Тянь-Шань-Пе-Лу; лишь гораздо позднѣе путники не дѣлали этого огромнаго обхода и пересѣкали главные хребты по пути Тянь-Шань-Нанъ-Лу, т.-е. по «пути шелка» или «нефрита», иногда даже направлялись непосредственно изъ Кашмира въ Тибетъ черезъ перевалъ Каракорумъ [2]).

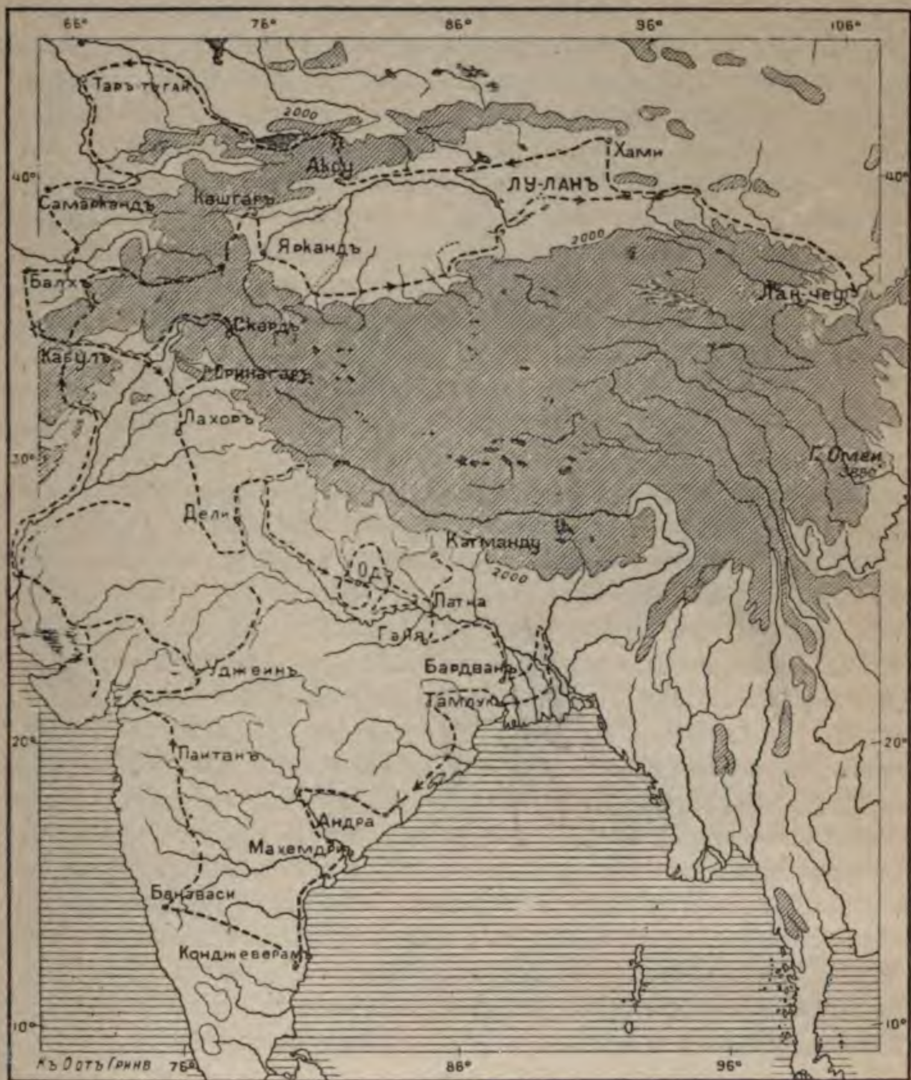
Великая эра побѣдъ буддизма начинается въ Китаѣ съ VI вѣка: именно около этого времени новая религія проникла на сѣверъ отъ рѣки Янъ-Тзе. Въ эту эпоху старинное рвеніе къ моральнымъ основамъ религіи, къ полной преданности и любви къ Буддѣ, еще не разсѣялось, и апостолы вѣры проводили всю свою жизнь, странствуя по обширному міру для возвѣщенія «благой вѣсти» всѣмъ людямъ. Страсть къ путешествіямъ также, впрочемъ, принимала нѣкоторое участіе въ этихъ огромныхъ странствованіяхъ черезъ весь материкъ Азіи, и въ исторіи упоминаются, между ревностными буддистами, также и не менѣе увлекавшіеся своимъ дѣломъ путешественники, китайскіе миссіонеры Фа-Хіанъ и Юэнъ-Цанъ [3]); они на долгіе годы покидали свою страну (399—414 и 629—645) и затѣмъ, вернувшись, принесли туда не только подробные разсказы о своихъ путешествіяхъ по отечеству Будды Сакіа-Муни, но и большое число оригинальныхъ рукописей, содержавшихъ текстъ и комментаріи къ ученію Будды. Маршруты этихъ китайскихъ путешественниковъ, востановленные европейскими учеными съ большою, однако, неувѣренностью въ деталяхъ, свидѣтельствуютъ о чрезвычайной преданности ихъ религіи.

---

1) Ferd. de Richthofen. «China, Ergebnisse eigener Reisen und darauf gegründeter Studien». Erster Band. p. 511 ss.—2) Drouin. Annales de l'Alliance Scientifique, janvier 1898.—См. описаніе этихъ маршрутовъ т. III, стр. 14—22.—3) Stanislas Julien. «Histoire de la Vie de Hiouen-thsang et de ses Voyages».

Торговыя и культурныя сношенія между обоими сосѣдними наро-

№ 349. Путешествіе Юэнъ-Цанга.



1 : 30 000 000

0 500 1000 1500 Килом.

Маршрутъ, намѣченный здѣсь, за исключеніемъ нѣкоторыхъ деталей, соотвѣтствуетъ той реконструкціи, которая была сдѣлана Вивьенъ-де-Сенъ-Мартеномъ въ его мемуарѣ, приложенномъ къ сочиненію Станислава Жюльена. Нанесенныя названія мѣстностей—это современныя названія пунктовъ, посѣщенныхъ Юэнъ-Цангомъ. Наименѣе достовѣрною частью пути является та, которая идетъ отъ Аксу до Самарканда; разстоянія, выраженныя въ ли, и указанныя направленія путешественника не соотвѣтствуютъ возможнымъ путямъ.

дами постепенно увеличивались вслѣдствіе дѣятельной пропаганды буд-

дизма, совершавшейся также и морскими путями. Китайскіе историки говорятъ о корабляхъ, посылавшихся на Цейлонъ, въ поискахъ за реликвіями и изображеніями Будды и за священными книгами; корабли эти везли въ обмѣнъ шелка, эмалевыя издѣлія и фарфоровыя вещи страны, лишь недавно завоеванной буддійскою вѣрою. Но какъ далеки были въ дѣйствительности другъ отъ друга Китай и Индія, разъединенныя обширнымъ плоскогоріемъ Тибета и многими параллельными хребтами горъ его, равно какъ и крутыми склонами Гималаевъ. Съ того времени, какъ высокое тибетское плоскогоріе было само обращено въ буддизмъ, и какъ былъ облегченъ, такимъ образомъ, путь для войскъ, императоры Китая, достигшіе уже максимальныхъ размѣровъ своей территоріи, проявляли иногда честолюбивыя стремленія и старались сократить разстояніе завоеваніемъ равнинъ Индіи, надъ которыми господствовали увѣнчанные льдами хребты.

Въ теченіе всей исторіи, на протяженіи двѣнадцати вѣковъ, съ 647—648 г. до 1792 г., извѣстны, однако, лишь два военныхъ предпріятія, окончившихся спускомъ войскъ по южному склону Гималаевъ: во время перваго изъ нихъ китайцы проникли далеко въ долину Ганга, взяли «580 городовъ» и увели съ собою въ плѣнъ короля; должно замѣтить, впрочемъ, что китайскіе полководцы набрали почти всю свою армію въ Непалѣ. Подобная попытка не могла, конечно, имѣть серьезнаго успѣха: горы, лежащія межъ ними долины, безплодныя плоскогорія, чрезвычайные холода, отсутствіе съѣстныхъ припасовъ, наконецъ, продолжительность пути доставляли столько препятствій войскамъ, что успѣха и славы они добыть себѣ не могли. Мы сами были свидѣтелями тѣхъ крайнихъ трудностей, съ которыми встрѣтилась англійская военная экспедиція въ Лхассу въ 1904 г., несмотря на то, что она была снаряжена со всею тщательностью и была снабжена всѣми ресурсами, которые доставляетъ современная наука. Такимъ образомъ, благодаря высокому барьеру, вліяніе двухъ столь близко расположенныхъ странъ почти отсутствовало или сказывалось лишь кружными и трудными сѣверными путями,—лишь чрезъ Кашгаръ былъ, если не завоеванъ матеріально, то, во всякомъ случаѣ, пріобщенъ морально къ восточному міру Тибетъ, куда въ концѣ VII вѣка побѣдоносно проникъ буддизмъ.

Ни въ одной странѣ міра «религія не получила столь великой власти надъ людьми». Духовенство, монахи и монахини образуютъ въ Тибетѣ во многихъ мѣстностяхъ большинство населенія, и даже тамъ, гдѣ монастыри-крѣпости не втянули въ себя все населеніе, тѣ жители, которые остались, ведутъ столь сильно урегулированную религіозными обрядами жизнь, что производятъ впечатлѣніе настоящихъ священнослужителей, проводящихъ все время въ колѣнопреклоненіяхъ, въ молитвахъ и постахъ. Очевидно, тибетскій буддизмъ получилъ такую власть

надъ этими горными жителями, столь жестоко консервативными, лишь путемъ воспріятія въ свой собственный составъ элементовъ древняго шаманства и первобытнаго суевѣрія. Такимъ образомъ, напримѣръ,



Буддійскій лама, Алаша-Хамба, наставникъ Тушету-хана.

знаменитая молитва «омъ-мани-падме-хумъ» [1]), эти шесть слоговъ, которые чаще всего повторяются подъ луною, и которые переводятся словами «о радостный, въ лотосѣ, да будетъ такъ», эта молитва, являю-

1) См. изображеніе этой молитвы, т. III, стр. 43.

щаяся заклинаніемъ противъ всѣхъ злыхъ духовъ и боговъ, не что иное, по всей вѣроятности, какъ формула одного изъ старинныхъ религіозныхъ культовъ, именно культа Сивы. По легендѣ, миссіонеры, обратившіе Китай въ буддизмъ, сошли съ горы Омей, возвышающейся въ западномъ Сычуанѣ на одномъ изъ угловъ плоскогорія центральной Азіи. Однако, монастыри, возвышающіеся одинъ надъ другимъ по склонамъ этой священной горы и соединенные между собою лѣстницами, по которымъ съ трудомъ взбираются слабые и больные паломники, принадлежатъ, безъ сомнѣнія, къ той эпохѣ, когда буддійское духовенство уже господствовало, а не ко времени полной энтузіазма пропаганды новой вѣры. Эти грандіозныя сооруженія, вмѣщающія въ себя всѣ мѣстныя божества, намѣчаютъ, однако, по крайней мѣрѣ, центръ наиболѣе интенсивнаго распространенія буддійской вѣры въ Китаѣ, за предѣлами Тибета и Монголіи.



Буддійское божество на цвѣткѣ лотоса. Статуя золоченаго дерева XII вѣка.

Невдалекѣ оттуда, близъ Кія-Тина, при сліяніи рѣкъ Минь-Кіана и Тонъ-Хо, было болѣе одиннадцати столѣтій тому назадъ высѣчено изъ скалы вышиною въ 120 метровъ гигантское изображеніе Будды, возсѣдающаго между обоими потоками, голова его находится на уровнѣ

сосѣдняго плато, а ноги омываются водами рѣки. Это изображеніе было первоначально разрисовано красками и украшено камнями и эмалью, кое-гдѣ еще видны слѣды этого древняго украшенія, въ особенности на лицѣ, но бóльшая часть тѣла покрыта уже зеленью,—ліаны, папоротники и деревца пустили корни въ трещинахъ краснаго камня и покрыли его зеленымъ плащемъ [1]).



Богиня милосердія съ 24 руками. (Индо-Китай).

Распространеніе буддизма въ Японіи произошло въ эпоху наиболѣе сильнаго процвѣтанія его въ Китаѣ, именно въ VI вѣкѣ, и тамъ буддизмъ примѣшался къ различнымъ формамъ мѣстныхъ религій и въ особенности къ культу предковъ. Китайская цивилизація и религія, занесенная миссіонерами, сливались у туземцевъ въ одно цѣлое; превосходство китайцевъ, которые ввели свою письменность, свою промышленность, искусства и въ особенности книгопечатаніе, давало имъ большое вліяніе на японцевъ, и послѣдніе измѣнили лишь очень немногое въ традиціонныхъ изображеніяхъ Саккіа-Муни, равно какъ и въ различныхъ другихъ воплощеніяхъ Будды, пользовавшихся наибольшею популярностью: богиня Каннонъ, или Конапынъ китайцевъ, «богиня милосердія съ тысячью рукъ,

1) Marcel Monnier. «Le Tour d'Asie, l'Empire du Milieu», pp. 293, 294.

приходящихъ на помощь», встрѣчается, напримѣръ, одинаково въ Японіи, какъ и въ Индо-Китаѣ, подъ сходными наименованіями.

Въ Индо-Китаѣ, гдѣ обращеніе въ буддизмъ совершалось мало-помалу, гдѣ эта религія проникала одновременно какъ со стороны моря, такъ и со стороны суши, и шла чрезъ множество точекъ, находившихся на границѣ съ Индіей, она смогла вкорениться очень прочно и чрезъ посредство малайцевъ, этихъ главныхъ торговцевъ Зондскаго архипелага, заняла мѣсто браманизма въ качествѣ главнаго религіознаго культа индусовъ-цивилизаторовъ. Извѣстно, что могущественная народность хмеровъ, предковъ современныхъ камбоджійцевъ, болѣе всѣхъ другихъ народовъ Индо-Китая подверглась этому вліянію Индіи, и замѣчательныя развалины Ангкоръ-Вата свидѣтельствуютъ тысячами надписей о чрезвычайномъ вліяніи «великаго ученія», принесеннаго Буддой, на воображеніе обитателей, причемъ, впрочемъ, ученіе это смѣшивалось съ религіозными культами, въ которые входило поклоненіе Тримурти (Троицѣ). Самая ранняя буддійская надпись этого храма хмеровъ относится, какъ утверждаютъ, къ 667 г.

Въ теченіе вѣковъ, соотвѣтствовавшихъ европейскимъ среднимъ вѣкамъ, самой могущественной народностью Индо-Китая была, повидимому, народность «чамовъ» (сіамовъ), родственная хмерамъ и подобно послѣднимъ сильно подвергшаяся вліянію Индіи. Страна чамовъ, или королевство Чампа, которое еще въ XIII вѣкѣ Марко Поло называетъ «великой страною Сіамба», или королевство Ченъ-Шинъ китайцевъ, изъ котораго европейцы сдѣлали Кохинхину, простиралось въ IV вѣкѣ христіанской эры отъ Тонкина до Камбоджи, но вскорѣ оно столкнулось съ завоевателями, пришедшими съ сѣвера, и въ теченіе одиннадцати столѣтій, вплоть до XV вѣка, находилось въ постоянной борьбѣ съ этими завоевателями-китайцами. Оттѣсненные, мало-по-малу, изъ Тонкина въ современный Аннамъ, затѣмъ въ южныя провинціи, чамы оказывали сопротивленіе съ поразительнымъ упорствомъ и, быть-можетъ, удержались бы даже въ этихъ южныхъ областяхъ, если бы центръ, изъ котораго распространился натискъ, первоначально очень удаленный, когда онъ находился въ самомъ Китаѣ, не перенесся въ королевство Аннамъ, политически отдѣленное отъ Китая, хотя и пріобрѣтшее всецѣло его духъ и его нравы [1]). Съ XVI вѣка эти чамы постепенно уменьшались въ численности и въ то же время измѣнялись подъ вліяніемъ смѣшенія съ другими народностями; въ настоящее время ихъ насчитываютъ всего лишь около 100000, если не принимать во вниманіе метисовъ, разсѣянныхъ небольшими группами по странѣ, почти столь же обширной, какъ территорія Франціи.

---

1) E. Aymonier. «The History of Tchampa .

Можно констатировать и другіе слѣды вліянія индусовъ на Малайскій полуостровъ. Туземцы, обитающіе по берегамъ озера Сингора, утверждаютъ, что они произошли отъ переселенцевъ, пришедшихъ изъ Индіи. Ихъ начальники говорятъ, что они установлены самими богами и не желаютъ никому кланяться. У нихъ имѣются священныя книги, но никто ихъ не понимаетъ [1]).

Санскритскія надписи, найденныя въ Индо-Китаѣ, упоминаютъ о сношеніяхъ, существовавшихъ также между великимъ азіатскимъ полуостровомъ и островомъ Явой. Даже одинъ изъ знаменитыхъ королей, извѣстный подъ наименованіемъ Явармана Великаго, царствовавшій въ началѣ IX вѣка, пришелъ именно съ этого большого острова (Э. Эмонье). Въ эту эпоху короли Камбоджи, равно какъ и короли Индо-Малайскаго архипелага и южной Индіи, носили названіе «варманъ»: у нихъ были сходные обычаи; они поклонялись Сивѣ, нерѣдко обозначавшемуся тѣмъ же наименованіемъ, какъ и сами короли. Вторженія малайцевъ и яванцевъ, пришедшихъ по морскому пути, были тогда частыми, и надписи не скрываютъ извѣстнаго страха предъ этими «очень черными и худощавыми людьми, приходящими на корабляхъ изъ далекой страны». Шайка этихъ морскихъ разбойниковъ похитила знаменитую статую Багавати, которую воздвигъ миѳическій король Виситра Сагара «1700000 лѣтъ тому назадъ»,—надо думать, что она была воздвигнута, по меньшей мѣрѣ, за нѣсколько вѣковъ [2]).

На островѣ Явѣ сохраняются еще и до сихъ поръ между другими слѣдами ученія Саккіа-Муни развалины храма, одновременно и буддійскаго и сиваистскаго, который былъ построенъ болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ въ Берое-Бёдхёрѣ близъ Магеланга, въ самомъ центрѣ острова Явы. Въ тѣхъ областяхъ, которыя идутъ къ востоку отъ Явы, слѣды ученія, занесеннаго изъ Индіи, сохраняются еще въ различныхъ чертахъ, которыя могутъ быть замѣчены внимательными наблюдателями.

Послѣ переселенія варваровъ двѣнадцать или четырнадцать вѣковъ тому назадъ, области въ верховьяхъ Енисея были покорены подъ власть одной тюркской народности, называвшейся ту-кюэ (ту-кіу) въ китайскихъ лѣтописяхъ,—эта народность получила наслѣдіе древней чуди и заимствовала отъ послѣдней руническое письмо. Ту-кюэ достигли, безъ сомнѣнія, большого могущества, такъ какъ они поддерживали прямыя сношенія, торговыя и дипломатическія, какъ съ Китаемъ, такъ и съ Византійской имперіей, но около середины VIII вѣка они должны были уступить свои владѣнія сосѣдямъ своимъ уйгурамъ, которые позднѣе,

---

1) Skeat. «Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin», 1900, p. 436.—2) E. Aymonier. «The History of Tchampa», pp. 11, 14.

въ свою очередь, исчезли и замѣстились китанями. Руническое письмо замѣнилось алфавитомъ сирійскаго происхожденія, принесеннымъ уйгурами и переданнымъ ими маньчжурамъ. Нѣсколько разъ эти различныя цивилизаціи мирнымъ путемъ замѣщали одна другую: памятные камни несутъ нерѣдко надписи на двухъ языкахъ. Ядринцевъ и Гейкель отмѣчаютъ даже близъ озера Цайдама надпись, составленную буквами трехъ родовъ: китайскими, уйгурскими и руническими [1]). Такимъ образомъ, отъ Европы до Азіи, по направленію отъ запада къ востоку, цивилизація распространялась, по меньшей мѣрѣ, четыре раза, вопреки воображаемому закону; четыре письменности запада проникли на востокъ въ теченіе ряда вѣковъ—клинообразное письмо, руническое, сирійское и славянское.



Уйгурская надпись, открытая Клеменцомъ въ Сибири въ 1882 г.

Въ ту эпоху, когда религіозныя формы, возникшія изъ буддійской цивилизаціи, распространились по всѣмъ странамъ континентальной и островной Азіи, религіозныя ученія семитическаго происхожденія также нашли себѣ доступъ въ Китаѣ. Судя по камню, найденному въ окрестностяхъ Си-Нгана [2]) и воздвигнутому въ 781 г. съ надписью на двухъ языкахъ—на сирійскомъ и китайскомъ, несторіане, отличавшіеся отъ всѣхъ другихъ христіанскихъ сектъ серьезностью своихъ знаній, достоинствомъ своего поведенія и твердостью во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, проникли въ Китай, начиная съ 635 г., и основали тамъ многочисленныя общины въ каждой изъ провинцій. Даже религіозное движеніе, которое они породили, оказало глубокое вліяніе на политическія событія.

Между второстепенными королевствами, возникшими въ центральной Азіи, упоминаютъ королевства китаней—названіе, давшее начало и наименованію «Китай»; эти китане основали свое царство за предѣлами великой стѣны, въ Монголіи, и область ихъ владѣній распространялась отъ Байкала до Аральскаго моря. Одинъ изъ ихъ хановъ Іелинташъ, управлявшій каракитанями и жившій въ XII вѣкѣ, пріобрѣлъ великую славу въ качествѣ законодателя. Предполагаютъ, что онъ принадлежалъ къ сектѣ несторіанъ, и что именно онъ получилъ въ христіанскихъ сказаніяхъ такое огромное

1) Deniker. «Tour du Monde».—2) Escayrac de Lauture. «Mémoire sur la Chine».

значеніе подъ наименованіемъ «пресвитера Іоанна» [1]). Крестоносцы, слышавшіе о его могуществѣ, вообразили, что они могутъ вступить съ нимъ въ союзъ противъ ислама, ихъ общаго врага, но они не знали вовсе съ точностью, въ какой странѣ онъ обитаетъ, и не имѣли представленія даже о пути, которымъ можно было бы дойти до него. Въ XIII вѣкѣ, когда Людовикъ IX послалъ къ монголамъ свое знаменитое посольство, онъ надѣялся открыть именно этого пресвитера Іоанна; однако, въ тѣ времена царство каракитаней уже болѣе какъ сто лѣтъ тому назадъ погибло, и о нихъ сохранились лишь преданія. Впрочемъ, легенда не желала погибать, и, когда миссіонерамъ не удалось найти пресвитера Іоанна у несторіанъ въ Азіи, то его стали искать среди абиссинцевъ Африки, бывшихъ также христіанами; въ серединѣ XIV вѣка переселеніе пресвитера Іоанна на материкъ Африки было окончательно фиксировано легендой.



Камень, покрытый руническими надписями, изъ окрестностей Упсалы. Вышина 2 метра.

Подобно своимъ врагамъ христіанамъ, евреи также находились въ числѣ переселенцевъ, приходившихъ просить убѣжища у Китая, этой «старой бабушки», какъ его называютъ корейцы. По словамъ всѣхъ преданій, эпоха ихъ переселенія совпадаетъ съ царствованіемъ династіи Ханъ, что соотвѣтствуетъ двумъ послѣднимъ вѣкамъ римской республики и двумъ первымъ—имперіи. Потому очень возможно, что причиною ихъ изгнанія, вольнаго или вынужденнаго, были взятіе Іерусалима и окончательная утрата независимости израильтянъ. Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ еврейскія общины держались изолированными въ различныхъ частяхъ Китая; отсутствіе сношеній съ единовѣрцами западнаго міра и увеличивающееся незнаніе прошлаго религіи и исторіи подвергли, въ концѣ концовъ, большинство группъ несторіанъ вліянію окружающаго китайскаго міра, за исключеніемъ областей, завоеванныхъ мусульманами,—въ этихъ областяхъ евреи присоединились къ наиболѣе могущественной изъ монотеистическихъ религій, къ исламу. Эти послѣдніе являются

1) Gustave Oppert. «Presbyter Johannes».

частыми посѣтителями городовъ китайскаго побережья, или же переселенцами, пришедшими по сушѣ въ области Юннанъ или Кансу, и образовывали, и образуютъ еще и до сихъ поръ, своей религіозной пропагандой элементъ, въ религіозномъ отношеніи имѣющій огромное значеніе въ общей массѣ китайскаго населенія [1]). Китайское наименованіе «хой-хой», обозначающее древнихъ уйгуровъ и совершенно исчезнувшее



Приготовленіе шелка. Разматываніе коконовъ.

въ настоящее время, доказываетъ, что они были извѣстны, по меньшей мѣрѣ, въ теченіе двѣнадцати столѣтій въ западномъ Китаѣ.

Съ этой стороны прежде всего тюрки были носителями магометанской вѣры, тогда какъ на юго-востокѣ и на востокѣ таковыми являлись арабскіе купцы. Еще задолго до Геджры мореходы Іемена и Гадрамаута направлялись въ восточныя моря Азіи, гонимые муссонами: по свидѣтельству Козьмы Индикоплава, морская торговля шелкомъ никогда не прерывалась, и посредниками во всѣ времена являлись арабы. Первые арабскіе географы, описывавшіе землю въ тѣ времена, когда совершалось великое распространеніе религіи ихъ народности, т.-е. ислама, упоминаютъ, главнымъ образомъ, нѣкоего Сулеймана, искуснаго морехода, который послѣдовательно прошелъ «семь морей» и достигъ одной изъ гаваней южнаго Китая. Эти семь морей нетрудно возстановить, благодаря имѣющимся указаніямъ на острова и проливы; Цейлонъ и Суматра,

1) См. карту № VI.

очевидно, были первыми этапами, за предѣлами которыхъ воды внутренняго моря, суженныя безчисленными архипелагами островов, дѣлятся на многочисленные бассейны. Начиная съ конца VIII вѣка, лѣтописи отмѣчаютъ правильныя посѣщенія арабскими купцами портоваго города Гампонъ, который, какъ полагаютъ, исчезъ, благодаря сильнѣйшему столкновенію прибоя съ морскимъ теченіемъ, развивающему огромную волну. Впрочемъ, почти такое же наименованіе, именно Кампу, носитъ



Приготовленіе шелка. Окраска пряжи.

окруженный стѣною городъ, существующій до сихъ поръ на сѣверномъ берегу залива Чекіана, или Ханчеу. Онъ находится именно въ той самой области Китайскаго побережья, которая съ тѣхъ отдаленныхъ эпохъ не переставала служить центромъ, привлекающимъ торговлю Дальняго Востока. Посѣщеніе этого порта арабами, вслѣдъ за которыми пришли позднѣе западные мореплаватели, было точкою отправленія тѣхъ постоянныхъ сношеній, которыя привязали Китай къ остальному міру и подготовили будущее единеніе всего человѣчества.

Срединное царство было въ прежнія времена страною, занимавшею первое мѣсто по культурности своихъ обитателей и по прогрессу, обнаруживавшемуся во всѣхъ областяхъ цивилизаціи. Политическія и соціальныя формы Китая соотвѣтствовали тогда болѣе, чѣмъ въ какую-либо иную эпоху, идеаламъ Конфуція; онъ рисовалъ себѣ въ качествѣ

идеала семьи, объединяющіяся вокругъ своихъ отцовъ, этихъ послѣднихъ— группирующихся въ общины, тогда какъ общины соединяются въ собранія людей, связанныхъ общими моральными основами. Это обширное общество людей, къ которому онъ считалъ за счастье принадлежать, обозначалось имъ терминомъ «земля и вода», свидѣтельствующимъ о томъ, что онъ чувствовалъ существованіе гармоніи между народностями и вскормившей ихъ почвой [1]).

Наиболѣе блестящія времена въ жизни Китая были, повидимому, тѣ, которыя продолжались отъ VII до X вѣка. Въ теченіе бо́льшей части этого періода, соотвѣтствующаго династіи Танъ, всѣ народности восточной Азіи были сгруппированы въ превосходное политическое цѣлое вокругъ богатыхъ провинцій Срединнаго царства, орошаемыхъ великими рѣками Хоанъ-хо, Янъ-тзе-кіаномъ. Науки и искусства чрезвычайно развились, и среди нихъ книгопечатаніе, которое даетъ человѣку средства воспроизводить свою мысль во всей точности и распространять ее въ тысячахъ экземпляровъ. Около 593 г. китайскій императоръ Венти издалъ приказъ воспроизвести нѣкоторое количество классическихъ произведеній гравировкою на деревѣ, «искусствомъ, извѣстнымъ уже давно» [2]), и въ послѣдующія времена этотъ способъ примѣнялся вообще часто, также какъ и гравировка на камнѣ и на мѣди и печатаніе подвижными буквами; однако, то обстоятельство, что для воспроизведенія литературныхъ, историческихъ и философскихъ сочиненій необходимо было располагать тысячами подвижныхъ знаковъ, не позволяло пользоваться такими подвижными буквами и ограничивало ихъ примѣненіе лишь для популярныхъ произведеній, въ которыхъ приходится пользоваться небольшимъ запасомъ словъ.

Въ теченіе этой великой эпохи китайскіе ремесленники были безспорно первыми въ области тканья шелковыхъ матерій, фабрикаціи лакированныхъ, фарфоровыхъ и бронзовыхъ издѣлій. Китайскіе инженеры также созидали сооруженія, за которыя никто, ни въ одной странѣ, не рѣшился бы и приняться. Такъ, въ VII вѣкѣ было задумано положительно гигантское предпріятіе—соединить воднымъ путемъ, длиною болѣе тысячи километровъ, три великія рѣки центральнаго и сѣвернаго Китая, Янъ-тзе-кіанъ, Хоанъ-хо и Пей-хо. Не говоря уже объ опасномъ пересѣченіи Желтой рѣки, которая такъ часто мѣняетъ свое русло и то заливаетъ мѣстность, то заноситъ ее своими отложеніями, китайскіе инженеры имѣли смѣлость воспользоваться всѣми болотистыми пространствами, всѣми старинными руслами рѣкъ, всѣми небольшими рѣчками равнины и объединили ихъ въ водный путь, очень неодинаковый по

---

1) P. d'Enjoy. Revue scientifique, 8 sep. 1900, p. 305.—2) Stanislas Julien. «Documents sur l'Art d'imprimer».

ширинѣ и глубинѣ, но всюду, однако, достаточный для прохожденія гру-

№ 350. Великій каналъ Китая.



Ю. Л.—Юанъ-Лянъ-хо (см. стр. 186).

зовыхъ барокъ, которыя доставляютъ обитателямъ сѣверныхъ странъ

въ изобиліи жизненные припасы, вырабатываемые земледѣльцами юга. Путь этотъноситъ названіе Юнъ-хо или «Великій каналъ»; имъ перестали пользоваться на всемъ его протяженіи лишь съ того времени, какъ развитіе судоходства сдѣлало внѣшніе пути по морю болѣе дешевыми,— онъ все же служилъ не менѣе тысячи лѣтъ и представляетъ собою чудо практическаго генія, поддерживавшееся тысячью поразительно остроумныхъ способовъ.



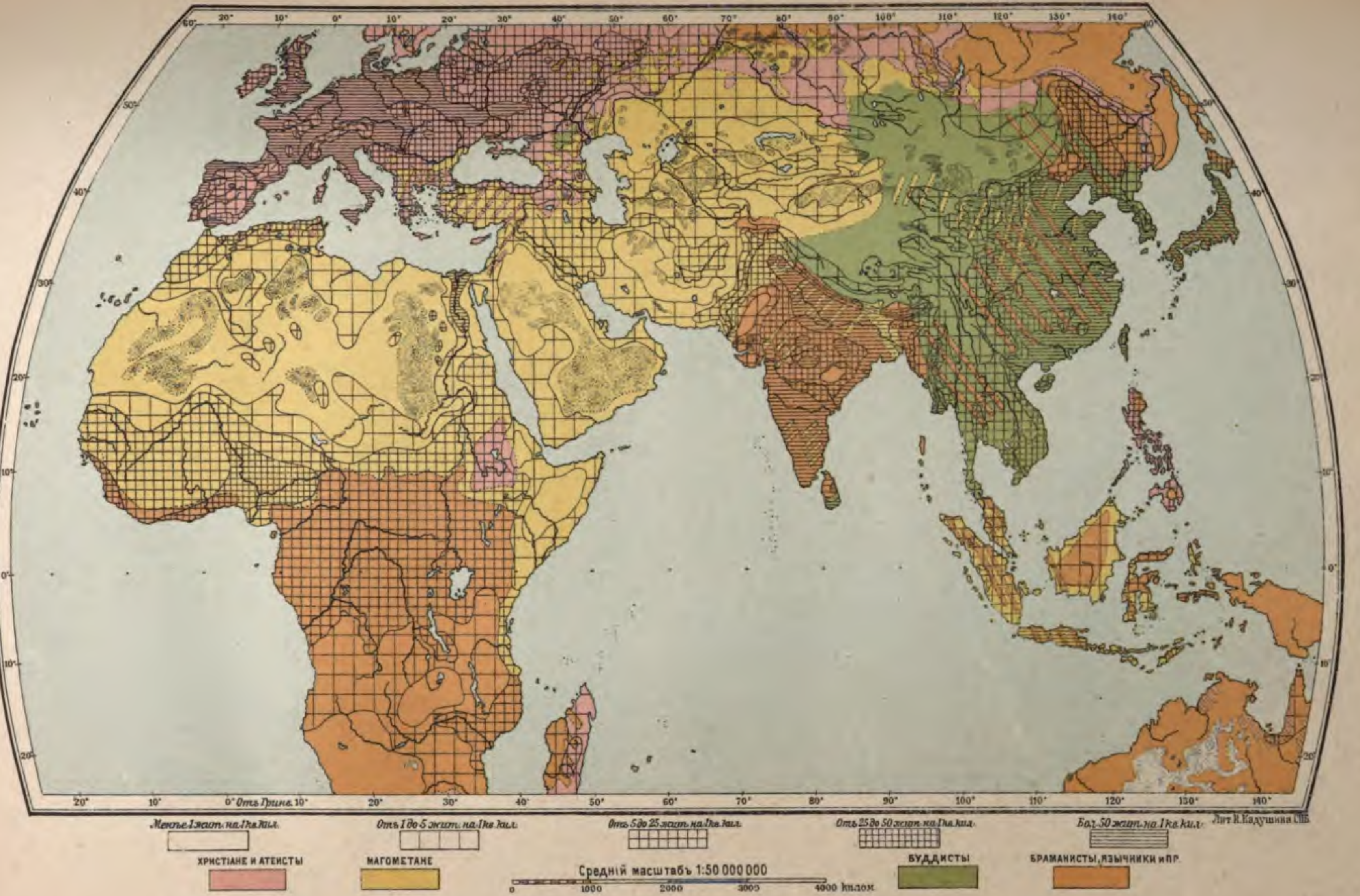
Скипетръ изъ нефрита.

Превосходный примѣръ пользованія естественными рессурсами страны представлялъ собою также каналъ для морского судоходства, устроенный путемъ соединенія истоковъ двухъ рѣкъ въ западной части полуострова Шантунъ между заливами Кяочау и Печилійскимъ. Этотъ каналъ, вырытый около 960 года, не могъ служить для прохожденія джонокъ круглый годъ. Онъ не былъ снабженъ шлюзами, и единственными его защитными молами были плотины, заслонявшія прибрежныя области; потому онъ оставался безъ воды въ теченіе періода засухи. Джонки проникали въ него, идя съ юга во время южнаго муссона, затѣмъ возвращались съ сѣвера во время обратнаго муссона, не имѣя, такимъ образомъ, необходимости огибать опасный восточный мысъ Шантуна. Этотъ каналъ, служащій въ настоящее время лишь для осушенія мѣстности, нерѣдко затопляемой сильными дождями, обозначался названіемъ Юанъ-Лянъ-хо, т.-е. «рѣка для перевозки товаровъ, привезенныхъ издалека» (А. Гедерцъ).

Устройство мостовъ, «построенныхъ на вѣчныя времена», также спеціальность китайскихъ каменщиковъ.

Римляне воздвигли великолѣпныя каменныя арки, существующія уже около 2000 лѣтъ, но такіе же каменные мосты китайцевъ не менѣе красивы, не менѣе древни и служатъ и до сихъ поръ для торговаго движенія, причемъ ни одинъ камень не сдвинулся ни отъ человѣка, ни отъ дѣйствія воды (Марсель Монье). Такими великолѣпными мостами, равно какъ и работами по регулировкѣ теченія рѣкъ, въ особенности по постройкѣ плотинъ въ верховьяхъ долины рѣки

ГЛАВНѢЙШІЯ РЕЛИГІИ СТАРАГО СВѢТА.



Лит. И. Кадушина СПБ.

Минъ, оказываются наиболѣе замѣчательными окрестности города Ченъ-Ту, въ самомъ сердцѣ Китая.

Дороги, которыя были построены въ теченіе ряда вѣковъ, соотвѣтствующихъ средневѣковому періоду Запада, изумляли даже первыхъ европейскихъ путешественниковъ, проникшихъ во внутреннюю часть Китая; за исключеніемъ нѣкоторыхъ сохранившихся съ древнихъ временъ римскихъ дорогъ, они не видывали ничего подобнаго въ своемъ отечествѣ,—ни одна дорога не могла сравниться съ таковыми крайняго Востока. Нѣкоторые китайскіе пути,—напримѣръ, путь, который пересѣкаетъ горы восточнаго Китая между Вей-хо и Минъ-кіаномъ, затѣмъ пути, соединяющіе рѣки Хоанъ-хо и Янъ-тзекіанъ съ Кантономъ, были высѣчены въ сплошной скалѣ и поднимались по ней зигзагами или ступеньками лѣстницы; другіе пути шли подземными туннелями или проходили по длиннымъ віадукамъ, висѣвшимъ надъ пропастями или надъ топями; наконецъ, третьи свидѣтельствовали о томъ, что они созданы народомъ, чрезвычайно экономно относящимся къ своей землѣ, и имѣли въ ширину какъ-разъ столько, чтобы могли разойтись пѣшеходы и носильщики паланкиновъ. Лишь тамъ, гдѣ имѣлось оживленное торговое движеніе, путямъ придали достаточную ширину, такъ что рядомъ могли ѣхать нѣсколько повозокъ.


Жезлъ изъ нефрита.

Среди всѣхъ работъ по устройству путей сообщенія, наиболѣе замѣчательное созданіе Китая, не имѣющее себѣ равнаго нигдѣ рѣшительно, относится также ко временамъ династіи Танъ,—это плотина-віадукъ, берущая начало отъ крѣпости Цзи-хай, расположенная въ устьяхъ рѣки Нинъ-по и окружающая южный берегъ залива Ханчеу на протяженіи 144 километровъ; эта плотина заключаетъ 40000 пролетовъ; торговый путь, который по ней пролегаетъ, обслуживаетъ судоходный каналъ, играющій въ то же время и роль осушающаго канала; стѣнки этого канала защищаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, внутреннія долины противъ страшныхъ волнъ сулоя, разыгрывающихся въ заливѣ.

Именно на западной оконечности этого эстуарія находился пунктъ—самый бойкій въ смыслѣ торговли и промышленности,—бывшая столица юга имперіи до появленія Нан-

кина и Шанхая, знаменитый городъ Кинсай, о которомъ говоритъ Марко Поло, превратившійся затѣмъ въ городъ Ханчеу; по словамъ Марко Поло, это былъ «благороднѣйшій городъ, безспорно величайшій и наилучшій изъ всѣхъ существующихъ на свѣтѣ».

Тогда какъ въ Срединной имперіи совершались чудеса, порожденныя цивилизацией юга, на сѣверной границѣ Китая усиливалось давленіе, оказываемое жадными кочевыми и разбойничьими народностями. Китайскія войска непрестанно сражались съ различнымъ успѣхомъ противъ татаръ и маньчжуровъ застѣннаго Китая. Въ концѣ концовъ, это давленіе сдѣлалось неудержимымъ, и монголы, спустившіеся со своихъ травянистыхъ плоскогорій, проникли въ ниже расположенныя области, орошаемыя великими рѣками. Впрочемъ, это вторженіе монголовъ въ область китайскаго міра было всецѣло результатомъ вліянія великой южной имперіи, сказывавшагося уже съ давнихъ поръ по ту сторону великой китайской стѣны,—слава о Китаѣ широко распространилась по всей землѣ. Совершенно подобно тому, какъ варвары Германіи привлекались богатыми городами римской имперіи, благодаря прошедшей по всему міру славѣ о ихъ сокровищахъ, точно также и монголы взирали съ вожделѣніемъ на сокровища, накопленныя въ тѣхъ огромныхъ человѣческихъ ульяхъ Срединнаго царства, какіе представляли собою его города. Точно также, подобно готамъ, геруламъ и вандаламъ, монголы служили иногда въ качествѣ наемниковъ и союзниковъ въ войскахъ императоровъ сосѣдней китайской имперіи; въ качествѣ нахлѣбниковъ они изучили то искусство, которое пригодилось имъ какъ завоевателямъ. Атавизмъ жестокихъ воителей прежняго времени нерѣдко пробуждался въ нихъ.

По своимъ легендамъ, монголы были не только пастушеской кочевой народностью. Нѣкоторыя изъ ихъ племенъ или изъ племенъ, примыкавшихъ къ нимъ, пребывая въ высокихъ долинахъ горъ, были знакомы, тѣмъ не менѣе, съ промышленностью, съ торговлей и съ искусствомъ,—въ качествѣ рудокоповъ и мастеровъ, обрабатывающихъ металлы, они принимали участіе въ тѣхъ таинственныхъ обрядахъ западныхъ народностей, которые совершались кабирами и другими племенами, поклонявшимися огню. По легендѣ, которую приводитъ Ленорманъ, древніе монголы обитали въ одной изъ долинъ Алтая, замкнутой со всѣхъ сторонъ непроходимыми желѣзными горами; чтобы выйти изъ этого рая, въ которомъ они провели первые счастливые вѣка,—рая, который сталъ казаться имъ, однако, тюрьмою, имъ необходимо было продѣлать себѣ проходъ въ этой сплошной стѣнѣ изъ металла при помощи сильнаго огня, который расплавилъ металлъ. Чингисъ-Ханъ, которому миѳы приписываютъ столь различное чудесное происхожденіе, претендовалъ на

происхожденіе отъ перваго кузнеца, который зажегъ огонь; другіе, впро-

№ 351. Плотина-віадукъ у Нин-по.



чемъ, считали его предкомъ «синяго волка, пришедшаго изъ-за великихъ водъ» [1]).

1) F. Lenormant. «Les premières Civilisations».

Въ предѣлахъ Китая монгольское вторженіе имѣло совершенно иной характеръ, чѣмъ со стороны Передней Азіи и Европы. Оно было менѣе варварскимъ,—можно было подумать, что нападающіе остерегались уронить себя въ глазахъ великой имперіи; совершенно также германцы нѣсколько разъ не рѣшались напасть на Римъ, даже когда этотъ послѣдній былъ уже совершенно беззащитнымъ. Помимо того, монголы вовсе не имѣли намѣренія навязать китайцамъ свои нравы, свой языкъ и свою цивилизацію; напротивъ, они старались достигнуть или превзойти сыновей неба въ конфуціанской культурѣ, превосходство которой вполнѣ ими признавалось. Они сами старались сдѣлаться китайцами, и предводители ихъ, преданные установленному этикету, приспособлялись ко всѣмъ обычаямъ той цивилизованной націи, надъ которой сами они восторжествовали; они только вносили во все больше горячности и оригинальности. Знаменитый Кублай-ханъ, царствовавшій въ Китаѣ съ 1260 по 1294 г., былъ, безъ сомнѣнія, однимъ изъ тѣхъ императоровъ, которые болѣе всего отличаются иниціативою. Онъ занимаетъ совершенно отдѣльное мѣсто среди всѣхъ властителей крайняго Востока, даже если не принимать во вниманіе того, что именно онъ принималъ у себя венеціанскихъ купцовъ изъ рода Поло и установилъ, такимъ образомъ, первыя непосредственныя сношенія Китая съ Западной Европой.

Что касается военныхъ набѣговъ на страны, лежащія къ западу отъ ихъ отечества, то монгольскія орды обнаруживали во время нихъ большую жестокость. Ихъ вторженія, изо всѣхъ событій, излагаемыхъ исторіей, являются наиболѣе кровопролитными и оставили послѣ себя самое полное опустошеніе. Какъ ни ужасны, какъ ни чудовищны бывали картины борьбы народностей въ разныхъ странахъ свѣта, до и послѣ вторженія монголовъ, онѣ не могутъ и сравниться съ той отвратительной бойней и съ тѣмъ полнѣйшимъ уничтоженіемъ всего рѣшительно лежащаго на пути, какія приходятъ намъ на память при одномъ упоминаніи такихъ именъ, какъ Чингисъ-Ханъ и Тамерланъ. Если «миръ не что иное, какъ прекрасное сновидѣніе», какъ то сказалъ одинъ изъ величайшихъ современныхъ полководцевъ, почти уже на смертномъ одрѣ, въ качествѣ своего завѣщанія, то мы должны придти къ выводу, что дѣйствительность—это война, и въ этомъ случаѣ человѣчество достигло своего апогея, безъ сомнѣнія, въ теченіе этого періода монгольскихъ набѣговъ.

Условія внѣшней среды, которыя позволили монголамъ стать завоевателями, навѣрное, болѣе не повторятся, такъ какъ съ того времени поверхность земли уже достаточно сильно измѣнилась, и вмѣстѣ съ нею измѣнились и сами народности. Положимъ, въ наше время, какъ и ранѣе, простирается обширнѣйшая равнина, чрезвычайно удобопроходимая, если не считать препятствій, представляемыхъ нѣсколькими ши-

рокими рѣками,—равнина, тянущаяся чрезъ значительную часть Стараго Свѣта отъ пограничныхъ хребтовъ Тихаго океана до Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, но въ прежнія времена препятствія, воздвигнутыя самими людьми на этомъ колоссальномъ протяженіи, были легко преобо-



Монгольская кумирня вблизи Лхассы, въ Тибетѣ.

римы и уничтожаемы, и само населеніе было очень рѣдко и разсѣяно, не могло собраться въ многочисленныя массы и противостоять внезапнымъ атакамъ,—народности этой равнины находились въ такихъ условіяхъ, какъ деревенскіе жители, которымъ постоянно угрожаетъ разливъ рѣки, или надъ которыми нависаютъ снѣжныя лавины.

Какой-нибудь Чингисъ-Ханъ или иной повелитель монголовъ провозглашалъ походъ на враговъ, и впереди многочисленной арміи отправлялись огромными толпами неутомимые всадники, готовые скакать день и ночь, пока не достигнутъ своей цѣли,—ихъ единственной провизіей были кожаные мѣшки съ кумысомъ или плитки сгущеннаго молока, такъ какъ пастухи-монголы предвосхитили нашихъ современныхъ хими-

ковъ и сами научились искусству консервировать молоко въ твердомъ видѣ. Когда запасъ пищи у нихъ изсякалъ, они соскакивали съ коня, открывали ножомъ у него на ногѣ вену, подкрѣплялись глоткомъ крови и затѣмъ закрывали рану какимъ-нибудь стягивающимъ веществомъ и снова вскакивали въ сѣдло. Каждый воинъ гналъ впереди себя своихъ запасныхъ коней, которыхъ бывало, какъ говорятъ лѣтописцы, до восемнадцати, и потому густыя облака пыли поднимались на равнинахъ, подобно дыму надвигающагося пожара, извѣщая жителей за нѣсколько часовъ или даже за нѣсколько дней о приближенiи лавины людей, угрожавшей всему населенiю смертью. Позади этихъ авангардовъ двигалась основная масса народа, не нуждавшаяся въ запасѣ провiанта, такъ какъ стада этихъ ордъ были вполнѣ достаточны для ихъ продовольствiя или, по меньшей мѣрѣ, позволяли имъ просуществовать до того времени, пока не будетъ отбитъ скотъ у непрiятеля.

Широкiя рѣки не останавливали движенiя этихъ кочевниковъ. Зимою они переходили ихъ по льду, въ другое же время года строили рамки изъ дерева, на которыя натягивали кожи и помѣщали туда оружiе, драгоцѣнности, иногда женъ и дѣтей. Эти рамки привязывались къ хвостамъ лошадей, и такимъ способомъ вся масса людей переправлялась чрезъ рѣку нѣсколько наискось противъ теченiя, подъ прикрытiемъ стрѣлковъ, вооруженныхъ луками, которые разбивались на два отряда выше и ниже по теченiю и были готовы осыпать враговъ стрѣлами, если бы тѣ появились на противоположномъ берегу. Нерѣдко орды выбирали себѣ путь черезъ рѣку, гдѣ теченiе могло бы снести ихъ на песчаную отмель, на которой они выстраивались въ боевомъ порядкѣ. Разсказываютъ, что, случалось, монголы захватывали даже суда, окружая ихъ вплавь подобно тому, какъ позднѣе, во время войны за южно-американскую независимость, это дѣлали лiанеросы Венецуэлы, также кочевники, напавшiе однажды и захватившiе цѣлую испанскую флотилiю посреди рѣки Апуръ,—правда, какъ гласитъ легенда, ихъ сопровождалъ цѣлый сонмъ незримыхъ воителей, «el escuadron de las ánimas».

Ловкость монгольскихъ всадниковъ, передвигавшихся съ чрезвычайною легкостью на своихъ коняхъ, какъ если бы они составляли одно цѣлое съ послѣдними, позволяла имъ атаковать враговъ, слѣдуя совершенно новой, не употреблявшейся ранѣе тактикѣ, что было, разумѣется, тѣмъ опаснѣе для противника. Когда они верхомъ бросались съ большою стремительностью и натыкались на хорошо укрѣпившiяся массы пѣхоты, они тотчасъ же обращались въ бѣгство, или, по крайней мѣрѣ, дѣлали такой видъ, затѣмъ же поворачивались къ врагу и осыпали его стрѣлами. Какъ только противники начинали преслѣдованiе, такъ монголы внезапно снова бросались на нихъ, направляли всю массу своихъ коней на болѣе слабую точку въ рядахъ преслѣдователей и умерщвляли всѣхъ,

кто отважился отдѣлиться отъ главныхъ силъ арміи. Производя на врага непрерывно рядъ атакъ, они, въ концѣ концовъ, утомляли его и усыпляли его бдительность, затѣмъ, улучивъ моментъ, когда открывался пунктъ, удобный для того, чтобы прорваться сквозь строй, они бросались всѣ въ эту точку, и тогда уже истребленіе непріятелей продолжалось до тѣхъ поръ, пока не оставалось ни единаго стоящаго на ногахъ человѣка. Въ областяхъ, подвергавшихся ихъ нападенію, они уничтожали всѣхъ жителей, какіе только попадались имъ на пути,—такимъ образомъ, имъ нечего было бояться, что ихъ будутъ безпокоить съ тыла. Впрочемъ, когда они собирались вернуться въ свои степи, то искали пути чрезъ другія области, гдѣ имѣлись еще неразграбленные города и стада скота, которые можно было захватить. Благодаря своей связи, монголы могли явиться въ страну, которую собирались завоевать въ чрезвычайно большомъ числѣ, что давало имъ огромное преимущество. Не подлежитъ сомнѣнію, что народность ихъ была численностью неизмѣримо ниже тѣхъ народовъ, по землямъ которыхъ они проходили, но обитатели этихъ странъ неспособны были объединиться въ сколько-нибудь значительныя силы, почему и не могли оказать никакого сопротивленія, ихъ защитою были развѣ лишь толстыя стѣны. Долгое время казалось даже, что само провидѣніе способствуетъ монголамъ,—они какъ бы околдовывали своихъ противниковъ, которые прямо давали себя убивать.

Другая причина монгольскихъ побѣдъ заключалась въ реальномъ превосходствѣ иниціативы, проистекавшемъ отъ постоянныхъ условій свободы, въ которыхъ находились эти кочевники: это были не наемные солдаты и не рекруты, собранные въ безпорядочныя толпы, въ родѣ крѣпостныхъ крестьянъ Западной Европы, взятыхъ отъ сохи или отъ своего мастерства. Монголы свободно шли воевать и повиновались лишь своимъ начальникамъ, избраннымъ ими самими во время многочисленныхъ собраній въ ихъ привольныхъ степяхъ. Путемъ свободнаго избранія слагалась армія: и воины избирали изъ своей среды десятниковъ, которые, въ свою очередь, назначали сотниковъ, и, такимъ образомъ, путемъ послѣдовательныхъ выборовъ, избирались начальники десятковъ и сотенъ тысячъ; наконецъ, путемъ такихъ же выборовъ доходили до избранія самого Великаго Хана и «повелителя надъ повелителями», власть котораго утверждалась на многочисленнѣйшихъ собраніяхъ, называвшихся «курултай», на которыхъ всѣ представители народности, способные сидѣть въ сѣдлѣ и владѣть оружіемъ, обладали правомъ совѣщательнаго и рѣшающаго голоса. Положимъ, примѣненіе абсолютной власти измѣнило очень быстро этотъ порядокъ вещей, но въ принципѣ великій ханъ все же избирался, какъ о томъ свидѣтельствуетъ «Яссакъ», или собраніе правовыхъ обычаевъ, составленное Чингисъ-Ханомъ. Этотъ

кодексъ монголовъ опредѣлялъ во вполнѣ ясныхъ и оффиціальныхъ выраженіяхъ, что народное собраніе имѣетъ право и даже обязанность низложить и лишить власти тѣхъ повелителей, которые окажутся несправедливыми. Въ первыя времена монгольскаго владычества данныя конституціонныя гарантіи были отнюдь не пустыми словами. Властители, передъ которыми трепеталъ весь міръ, уважали своихъ подданныхъ и заботились о томъ, чтобы имъ оказывалась справедливость. Даже съ тѣми изъ подданныхъ, которые принадлежали къ народности первоначально враждебной, они обращались совершенно одинаково. Приводятъ въ примѣръ хана Угедея, сына Чингисъ-Хана, который приговорилъ къ смертной казни доносчика-монгола за то, что онъ коварнымъ образомъ проникъ въ палатку мусульманина.

Монголы, вышедшіе изъ своихъ степей въ началѣ XIII вѣка, собрали по пути всевозможныхъ союзниковъ самаго различнаго происхожденія, и, быть-можетъ, даже самъ ихъ великій ханъ Темучинъ, избранный въ 1206 г. въ качествѣ «повелителя надъ повелителями»—страшный для всѣхъ Чингисъ-Ханъ,—былъ самъ тюркскаго происхожденія. Однако, всѣ монголы составляли вмѣстѣ со своимъ предводителемъ все же одно тѣло и одну душу. Ихъ первый натискъ былъ неудержимъ. Выйдя изъ своихъ родныхъ степей широкими воротами Джунгаріи, открывающимися между Алтаемъ и Тянь-Шанемъ, они увидѣли, что передъ ними разстилается обширное пространство, не имѣющее другихъ преградъ, кромѣ рѣкъ, пространство, тянущееся на западъ до Урала, на югъ до краевыхъ хребтовъ сѣвера Ирана и Гиндукуша. Они начали съ того, что опустошили эти равнины, разрушили находившіеся на нихъ города, вмѣсто нихъ воздвигнувъ пирамиды головъ жителей, и, увеличивъ свои силы притокомъ тѣхъ народностей, которыя остались цѣлыми, продолжали далѣе свой путь по направленію къ южной Азіи и Европѣ. Съ этой стороны путь не затруднителенъ, благодаря широкимъ «Вратамъ народовъ», устроеннымъ самою природою между расходящимися хребтами Урала и Мугоджарскихъ горъ на сѣверъ отъ Каспійскаго моря.

Съ 1224 г. Чингисъ-Ханъ продвинулся до береговъ Азовскаго моря и, разбивъ всѣ войска, которыя хотѣли ему преградить путь, покорилъ южную Россію. Затѣмъ въ 1237 г. монгольскій ханъ Батый проникъ въ бассейнъ Волги во главѣ 300000 всадниковъ и уничтожилъ на своемъ пути всякое сопротивленіе. Далѣе, онъ напалъ на Венгрію и Германію, не испытавъ никакого пораженія. Послѣдняя битва, выигранная монголами въ 1241 г. близъ Лигница въ Силезіи, явилась побѣдой ихъ надъ конницею Восточной Европы; однако, побѣда эта, купленная слишкомъ дорогой цѣной, остановила все же непосредственное движеніе монгольскихъ ордъ на западъ,—онѣ отклонились къ югу,

затѣмъ остановились послѣ того, какъ встрѣтили на своемъ пути крѣпость Ольмюцъ, которую не смогли взять, разрушили городъ Буда (Офенъ), противъ котораго еще не было города Пестъ, продвинулись даже до ближайшаго сосѣдства съ Вѣною и, переваливъ черезъ Альпы, достигли адріатическихъ областей Далмаціи.

Если эти опустошенія не продолжались еще въ теченіе болѣе долгаго времени, то это потому, что войска вторгшихся монголовъ были

№ 352. Имперія сыновей Чингисъ-Хана.



Густая штриховка покрываетъ горныя области выше 2000 метровъ, рѣдкая—территорію, которая не была захвачена монголами. Мало вѣроятно, чтобы на обитателяхъ болѣе далекаго сѣвера могло какъ-нибудь отразиться монгольское владычество.

отозваны обратно въ Монголію, чтобы присутствовать на великомъ «курултаѣ» (собраніи), обусловленномъ смертью Угедея, сына Чингисъ-Хана. Былъ выбранъ Куюкъ-Ханъ, еще совсѣмъ маленькій мальчикъ, мать котораго была сдѣлана регентшей; самыя подробности его избранія свидѣтельствуютъ уже о быстрой эволюціи, совершившейся отъ первоначальныхъ демократическихъ основъ къ основамъ полнаго абсолютизма. Избраніе было единодушнымъ и сопровождалось слѣдующимъ заявле-

ніемъ: «пока останется хоть одинъ кусокъ мяса твоего рода или хоть немного травы, смазанной жиромъ его, мы никого другого не возведемъ въ наши ханы»! Печать Куюка была украшена словами, которыя часто потомъ воспроизводились и другими властителями: «Богъ на небесахъ, и Куюкъ на землѣ» (Д'Оссонъ).

Въ срединѣ XIII вѣка, когда монгольская имперія достигла наибольшихъ своихъ размѣровъ, страна, полиравшаяся копытами монгольскихъ лошадей, обладала протяженіемъ даже чрезмѣрно великимъ для ея властителей,—поверхность ея опредѣлялась, какъ это позволяютъ установить современныя наши знанія, въ 28000000 кв. километровъ. Это почти въ полтора раза болѣе, чѣмъ пространство Британской Имперіи съ ея обширнѣйшими владѣніями на всѣхъ материкахъ и по всѣмъ морямъ, или чѣмъ Россія съ Сибирью и Туркестаномъ. Къ Монголіи и къ безконечнымъ равнинамъ сѣвера Сибири прибавились на востокѣ Китай и значительная часть Индо-Китайскаго полуострова, на западѣ Туркестанъ и славянскія земли, тогда какъ на югѣ Хулагу завладѣлъ Багдадомъ въ 1258 г. и покорилъ турковъ-сельджукидовъ Малой Азіи, завоевавъ въ то же время Иранъ вплоть до Инда. Уже Чингисъ-Ханъ, умирая, говорилъ своимъ замѣстителямъ объ огромности его имперіи, столь обширной, что «для того, чтобы отъ центра ея добраться до одной изъ окраинъ, пришлось бы ѣхать верхомъ не менѣе года». Впрочемъ, на востокѣ монгольскія завоеванія были остановлены моремъ, за исключеніемъ Охотскаго залива, гдѣ монгольскіе всадники дождались зимы, чтобы отправиться по льду походомъ на гольдскихъ и маньчжурскихъ рыболововъ. Огромныя морскія предпріятія Кублай-Хана, его попытки завоевать Японію и Яву были, однако, неудачными.



Арамейское письмо.
Табличка, найденная въ Египтѣ.

Политическое единство монгольской имперіи существовало около половины столѣтія,—столь плотно спаяли честолюбивыя стремленія побѣдителей, и столь сильно сковалъ страхъ смерти побѣжденныхъ. Пока центръ власти находился въ «Странѣ Травъ», откуда распространилось само движеніе, до тѣхъ поръ весь колоссальный государственный организмъ функціонировалъ на пользу полнаго абсолютизма. Уже

китайскія хроники VIII вѣка упоминаютъ о ханской ставкѣ въ верхнемъ теченіи Селенги, носившей наименованіе Холинъ или Коринъ, тюркское названіе коей было, повидимому, первоначально Кара-Куранъ, или «Черный лагерь»,—это и была столица монголовъ, извѣстная подъ наименованіемъ Каракорума; монгольскій великій ханъ Угедей избралъ ее своей резиденціей въ 1234 г., и туда стали сходиться со всѣхъ концовъ свѣта путешественники, тамъ принимались посланники королей,



Развалины Каракорума.

просившіе пощады, или союзники монголовъ. Впрочемъ, будучи простымъ лагеремъ монгольскихъ хановъ среди степей, Каракорумъ не имѣлъ никакой производящей или обрабатывающей промышленности и никакого вывоза какихъ-либо цѣнныхъ товаровъ,—онъ служилъ лишь убѣжищемъ крупныхъ чиновниковъ и спеціальныхъ поставщиковъ къ роскошному двору хановъ. По словамъ монаха Рубрука, «городъ этотъ далеко не такъ хорошъ, какъ городъ Сенъ-Дени». Правда, въ равнинѣ бывали китайскія и мусульманскія ярмарки, происходившія за стѣнами города и нерѣдко оживляемыя чрезвычайно многочисленнымъ скопленіемъ людей. Существованіе этого города среди травянистыхъ степей столь мало согласуется съ кочевыми привычками монголовъ, что развалины Каракорума долгое время оставались невѣдомыми путешественникамъ. Въ настоящее время онѣ извѣстны благодаря Падерину и Ядринцеву, и надписи съ ихъ стѣнъ были собраны съ большою тщательностью и дешифрированы этими изслѣдователями и Гейкелемъ, Томсеномъ и Рад-

ловымъ. Эти надписи, первоначально считавшіяся руническими, составлены на тюркскомъ языкѣ лишь съ небольшою примѣсью китайскихъ словъ, воспроизводящихъ титулы сановниковъ; но какъ бы путемъ курьезнаго скрещенія цивилизацій, письмена, примѣнявшіяся для этихъ надписей, примыкаютъ по системѣ начертанія къ арамейскому (сирійскому) алфавиту. Несторіане принесли, очевидно, эти сирійскія буквы, которыми тюрки и монголы воспользовались за отсутствіемъ собственныхъ письменъ,—такимъ способомъ перемѣшивались и скрещивались между собою различныя культуры Азіи!

«Черный Лагерь» оставался единственной столицей царства, простиравшагося болѣе чѣмъ на 10000 километровъ отъ него на западъ и на востокъ. Въ теченіе 20 лѣтъ, которые прошли послѣ смерти Чингисъ-Хана, его сыновья и ихъ семьи сдѣлались независимыми отъ власти императора и избрали себѣ по окружности имперіи самостоятельныя резиденціи. Завоеватель Передней Азіи Хулагу устроился въ городѣ Марагѣ [1]), близъ озера Урмія, въ самомъ сердцѣ древняго Азербейджана, и, подчинившись вліянію астронома Насръ-Эдина, сдѣлалъ изъ этого города перворазрядный центръ науки и знанія. Послѣ взятія Багдада въ 1259 г. здѣсь была построена обсерваторія, образовалась библіотека; сюда собрались со всѣхъ странъ астрономы и другіе ученые, и къ нимъ стали стекаться ученики; среди пособій при преподаваніи находились, какъ разсказываютъ, небесные и земные глобусы съ нанесенными на нихъ обитаемыми странами. Марага и сосѣдній городъ Тавризъ заняли мѣсто Багдада также въ области торговли, и Трапезундъ сдѣлался важною гаванью средиземноморскаго Востока [2]). Какъ ни ужасенъ былъ Хулагу на полѣ битвы, въ вопросахъ религіозныхъ онъ обнаруживалъ полнѣйшую вѣротерпимость, почему монахи, конечно, не преминули утверждать, что онъ былъ обращенъ въ лоно истинной вѣры. Впрочемъ, онъ женился на христіанкѣ, и могила обоихъ супруговъ еще до сихъ поръ находится въ окрестности города Марага.

Послѣ пятидесяти лѣтъ внѣшнихъ войнъ монголы перестали, однако, быть монголами, сохранивъ лишь свою національную гордость и увѣренность въ непремѣнныхъ побѣдахъ. Бо́льшая часть войскъ ихъ состояла уже не изъ первобытныхъ племенъ,—къ монголамъ халха, къ элеутамъ и ордосцамъ примѣшались всевозможныя народности, захваченныя во время великаго нашествія: джунгары, уйгуры, татары, киргизы и другія тюркскія племена, башкиры, куманы, печенѣги и другія финскія племена. Славяне также были представлены среди нихъ въ большомъ числѣ, и имена, цитируемыя Рубрукомъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что и европей-

---

1) Марага—см. карту № 53, т. I, стр. 361.—2) R. Beazley. «Mediaeval Trade and Trade Routes».

скіе авантюристы Византіи, Германіи и Италіи во множествѣ отправились предлагать свои услуги разрушителямъ христіанскаго міра. Духъ войскъ измѣнился одновременно съ его этническимъ составомъ, и монголы постепенно перестали быть свободными воителями, избирающими своихъ начальниковъ,—они сдѣлались простыми разбойниками, которыхъ влекла единственно добыча. Съ своей стороны, «повелители надъ повелителями», катясь по извѣстной наклонной плоскости, увлекающей всѣхъ носителей власти, не желали уже болѣе признавать себя избранниками своего народа и предпочитали считать себя абсолютными властителями, избранными волею Божьею, смѣшиваемою ими съ собственною волею,—всѣ ихъ указы издавались «во имя незыблемаго Неба»! Послѣ смерти они становились богами, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ ними обращались еще какъ съ простыми людьми, такъ какъ имъ давали спутниковъ, которые должны были слѣдовать за ними на тотъ свѣтъ. Надъ смертными останками покойнаго приносили въ жертву лошадей, на которыхъ онъ ѣздилъ, умерщвляли сорокъ молодыхъ дѣвушекъ, чтобы у него былъ гаремъ за могилой, и всѣ люди, попадавшіеся навстрѣчу погребальной процессіи, убивались, чтобы служить ему свитою. Говорятъ, что такимъ образомъ 20000 человѣкъ получили высокую честь сдѣлаться личною свитою непобѣдимаго Чингисъ-Хана! По народнымъ легендамъ, въ теченіе одной ночи цѣлый лѣсъ выросъ въ мѣстѣ послѣдняго упокоенія великаго хана, чтобы скрыть это мѣсто отъ глазъ непосвященныхъ.

Сдѣлавшись повелителями половины міра, монгольскіе императоры, само собою разумѣется, должны были получить почетъ и со стороны своихъ противниковъ, христіанскихъ царей, которыхъ они заставляли дрожать на своихъ тронахъ. Въ 1245 г., черезъ 4 года послѣ сраженія при Лигницѣ, папа римскій послалъ первоначально въ Татарію монаха Асцелина, которому, однако, повидимому, плохо удались его попытки обращенія монголовъ въ христіанство, такъ какъ ханъ едва не содралъ съ него съ живого кожу,—впрочемъ, онъ, въ концѣ концовъ, отослалъ его здравымъ и невредимымъ, повелѣвъ ему сказать папѣ: «мы не понимаемъ, что хотѣлъ сказать твой посланный; если ты желаешь, чтобы мы поняли смыслъ твоихъ словъ, явись къ намъ самъ». На слѣдующій годъ другой посолъ, Планъ-Карпинъ, отправился въ «страну тартаръ»—«сыновей ада»—и предсталъ предъ Куюкъ-Ханомъ послѣ 16-мѣсячнаго путешествія; онъ не сообщаетъ, однако, въ описаніи своего пребыванія «на другомъ свѣтѣ» ничего, кромѣ изложенія разныхъ божественныхъ чудесъ и козней діавольскихъ съ добавленіемъ кое-какихъ бѣглыхъ впечатлѣній отъ странъ, по которымъ ему приходилось проходить. Кромѣ того, должно отмѣтить также путешествіе Андрея Лонгжюмеля въ 1248 г.

Король Людовикъ IX избралъ въ 1253 г. въ качествѣ посланника

не менѣе благочестиваго монаха Рубрука, иначе Руисбрука или Рубруквиса, изъ окрестностей Валансьена. Какъ и всѣ его предшественники, этотъ посолъ христіанской Европы долженъ былъ отказаться отъ мысли обратить Великаго хана и вмѣстѣ съ нимъ весь его народъ въ христіанство; ему пришлось начать даже до нѣкоторой степени съ отступничества, такъ какъ онъ принужденъ былъ пасть ницъ предъ повелителемъ монголовъ, какъ предъ Господомъ Богомъ. Впрочемъ, хотя тогда и не было еще іезуитовъ, онъ выпутался изъ этого положенія, какъ и подобаетъ духовному отцу,—именно, выполняя актъ поклоненія хану, онъ отнесъ его мысленно къ христіанскому объекту, призвалъ въ мысляхъ своихъ Бога-Отца и просилъ его объ обращеніи въ истинную вѣру Великаго хана! Совѣсть этого добраго монаха смутило и еще нѣсколько ядовитыхъ вопросовъ,—ему приходилось видѣть среди окружавшихъ его язычниковъ какъ бы до нѣкоторой степени христіанъ, такъ какъ священники ихъ были безбрачны, носили тонзуру и украшали свои головы митрами и камилавками, все предметами совершено тожественными съ тѣми, которые были хорошо знакомы Рубруку, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на ряду съ такими тожественными чертами, указывавшими на истинную вѣру, сколько было здѣсь отвратительнѣйшихъ церемоній, безъ сомнѣнія, внушенныхъ самимъ дьяволомъ! Не была ли, напримѣръ, особенно ужаснымъ явленіемъ та полная вѣротерпимость, которую ханъ проявлялъ по отношенію ко всѣмъ религіямъ—къ шаманизму и буддизму, къ исламу и къ несторіанству?

Европеецъ среднихъ вѣковъ, проникнутый насквозь полнымъ формализма ученіемъ церкви, девизомъ коей было «compelle intrare»—«заставьте ихъ силою обратиться»,—не былъ въ состояніи понять спокойнаго индифферентизма монгольскихъ хановъ по отношенію къ тому, что казалось ему самою цѣлью жизни. Для него это было «верхомъ ужаса»,—такъ вчерашняя мораль нерѣдко дѣлается сегодня противною всякой морали! Онъ не могъ допустить, чтобы не было преслѣдованій религій во славу религіознаго единства, тогда какъ въ настоящее время люди стремятся именно къ духовному единенію путемъ свободныхъ исканій научной истины. Великій ханъ понималъ единство съ точки зрѣнія болѣе личной. Когда онъ отправлялъ Рубрука домой, онъ велѣлъ ему передать своему повелителю такую краткую вѣсть: «Таково повелѣніе Вѣчнаго Бога: единъ Богъ, единъ царь»! Не было ли это также мечтою и Людовика XIV и столь многихъ другихъ повелителей?

Пользуясь такою религіозною вѣротерпимостью Великаго хана, столь сильно скандализировавшею монаха Рубрука, чужеземные купцы устремлялись ко двору его, чтобы заниматься торговлею и обмѣниваться товарами. Славяне и германцы, итальянцы и французы, всѣ стекались туда въ погонѣ за богатствомъ; такъ, нѣкій садовникъ Вильгельмъ особенно отли-

чался между ними своими талантами, какъ устроитель празднествъ. Этотъ огромный улей рабочаго народа былъ, впрочемъ, особенно переполненъ китайцами, и въ исторіи географіи все значеніе Рубрука обусловливается прежде всего тѣми свѣдѣніями, которыя онъ при-

№ 353. Путешествія Марко Поло.



Маршрутъ, идущій къ сѣверу отъ Каспійскаго моря, изображаетъ путь, коимъ шли оба брата, Маттео и Николо Поло, во время своего перваго путешествія на Востокъ (1260—1269). Въ 1271 г. они снова отправились туда вмѣстѣ съ Марко, сыномъ Николо, прошли чрезъ Арменію къ Персидскому заливу и затѣмъ чрезъ Памиръ, потомъ же вернулись моремъ 25 лѣтъ спустя. Это послѣднее путешествіе продолжалось два года

несъ въ Европу о чудесахъ, какими былъ переполненъ Китай,—онъ первый завязалъ прямыя сношенія крайняго Запада съ крайнимъ Востокомъ.

Во всякомъ случаѣ, разсказы Рубрука не могли такъ глубоко заинтересовать Европу, какъ ее заинтересовали въ концѣ вѣка разсказы «господина Милльона»,—того странствующаго торговца, который былъ окрещенъ такимъ именемъ своими соотечественниками-венеціанцами за то, что видѣлъ, какъ милліоны пересыпались въ карманы Кублай-хана, его министровъ и его поставщиковъ. Торговецъ этотъ, Марко Поло,

сдѣлался самъ придворнымъ и, быть-можетъ, даже губернаторомъ одной изъ провинцій и тайнымъ посланцомъ императора, почему располагалъ всѣми благопріятными условіями для того, чтобы превосходно познакомиться въ теченіе своего почти 20-тилѣтняго пребыванія (1275—1294) со своимъ вторымъ отечествомъ, которое онъ пересѣкъ во всѣхъ направленіяхъ. Книга его, продиктованная имъ позднѣе въ генуэзской тюрьмѣ одному изъ своихъ сотоварищей, нѣкоему Рустиціано изъ Пизы, и опубликованная затѣмъ на французскомъ языкѣ, такъ какъ въ эту эпоху народный языкъ казался уже болѣе понятнымъ и болѣе культурнымъ,—эта книга явилась для его современниковъ какъ бы откровеніемъ, развернувшимъ картину совершенно новаго міра, и взоры обитателей Запада невольно устремились на эту имперію Восходящаго Солнца, на эту страну нефрита и шелка, эмалей, фарфора и лакированныхъ издѣлій. Когда Васко-де-Гама огибалъ мысъ Бурь, когда Колумбъ входилъ въ устья Палосъ, имъ видѣлось вдали царство Катай и таинственный островъ Ципанго. Новый Свѣтъ, безъ сомнѣнія, вступилъ бы позднѣе въ общую жизнь нашей планеты, если бы Марко Поло во время своего странствованія съ запада на востокъ не собралъ своихъ наблюденій и не далъ, такимъ образомъ, указаній Колумбу, намѣтивъ ему путь на земномъ шарѣ съ востока на западъ.

Разложеніе монгольской имперіи, ускоренное тѣмъ, что въ составъ воинственныхъ ордъ вступили самыя разнообразныя народности, сдѣлалось совершенно неизбѣжнымъ, когда религіозныя распри обусловили географическое раздѣленіе завоеванной страны. Бóльшая часть монгольской народности перемѣнила свой первоначальный шаманизмъ на буддизмъ, покорители Китая приспособились, напротивъ, къ ученію Конфуція, завоеватели Туркестана и Ирана сдѣлались магометанами, тѣ же монголы, которые вторглись въ Европу, позволили проникнуть въ свою среду до извѣстной степени и христіанской религіи. Поддержаніе политическаго единства стало, однако, уже совершенно немыслимымъ, когда центръ господства власти покинулъ свое первоначальное мѣстонахожденіе посреди Страны Травъ. Пока мозгъ монгольской имперіи находился въ Каракорумѣ, географическая однородность обширныхъ равнинъ Европы и Азіи могла соотвѣтствовать тому организму, который сложился исторически, но вслѣдствіе естественнаго притяженія, сказывающагося на всѣхъ народахъ, которые находятся въ движеніи, и это великое переселеніе монгольскихъ и всѣхъ другихъ племенъ, захваченныхъ волною, должно было постепенно отклониться къ югу.

Совершенно такимъ же образомъ, за много вѣковъ до того, варварскія народности, напавшія на римскую имперію, почувствовали чрезвычайное притяженіе къ богатымъ странамъ юга, являвшимся для нихъ

какъ бы магнитомъ, затѣмъ же постепенно исчезли въ массѣ покореннаго ими народонаселенія, послѣ того, какъ имъ пришлось подвергнуться растворяющему вліянію новой среды. Такъ, остроготы потерялись посреди византійцевъ, ломбарды слились съ кельтами и латинянами Италіи, визиготы сдѣлались провансальцами, лангедокцами, испанцами, суэвы и алены перестали вскорѣ отличаться отъ иберійцевъ Испаніи, а въ Мавританіи совершенно исчезли всякіе слѣды вторженія вандаловъ. Въ каждой странѣ юга, позади каждой стѣны изъ горныхъ хребтовъ, образующей нѣчто въ родѣ клапана или затвора, вторгшаяся народность быстро растворялась, подобно мухѣ, упавшей въ вѣнчикъ насѣкомояднаго цвѣтка.



Русская кавалерія въ XII вѣкѣ.

То же самое явленіе наблюдается и по отношенію къ монголамъ: они также во всѣхъ своихъ завоевательныхъ походахъ уклонялись по направленію къ югу, по направленію къ теплому климату, плодороднымъ равнинамъ и богатымъ городамъ. Такъ, «повелители повелителей» покинули свои роскошно украшенныя юрты, оставили далеко позади себя Великую стѣну и устроились въ плодородныхъ равнинахъ рѣкъ Пей-хо и Хоанъ-хо, гдѣ они основали династію китайскихъ императоровъ Юэнъ и гдѣ обитали уже во дворцахъ, построенныхъ трудолюбивыми китайцами. Уже этимъ однимъ они переставали почти совершенно дѣлаться монголами и становились сами китайцами. Покровитель Марко Поло, Кублай-Ханъ, устроившій свою резиденцію въ Ханбалыкѣ—«городѣ Хана»—въ томъ самомъ городѣ, который въ настоящее время носитъ названіе Пекина, что значитъ «дворъ сѣвера»,—былъ еще монголомъ по чрезвы-

чайной энергіи и по честолюбію, но являлся въ то же время настоящимъ китайцемъ по своему развитію и цивилизаціи. Изъ особой народности, каковыми они ранѣе были, монголы Китая сдѣлались привилегированной кастой, носящей титулы, обладающей властью и богатствомъ. Въ силу злоупотребленія своимъ могуществомъ, а вовсе не потому, что были другой расы, сдѣлались они ненавистны китайскому народу и вызвали, въ концѣ концовъ, возстаніе среди него. Послѣ войны, продолжавшейся много лѣтъ, національная китайская партія, которой отказывали и въ почестяхъ и въ предоставленіи власти, одержала верхъ надъ партіей монгольскихъ чиновниковъ и солдатъ, и династія завоевателей сѣвера смѣнилась чисто-китайской династіей Минъ. Втиснутая между монгольскими императорами и императорами маньчжурскими, эта династія осталась памятной народу и вызываетъ до сихъ поръ симпатіи въ китайской средѣ.

Къ западу отъ Монголіи и ея непосредственныхъ продолженій въ Азіи совершалась эволюція, вполнѣ параллельная той, которая происходила въ Китаѣ: татарскіе ханы Золотой Орды или кипчаки не оставались въ непосредственномъ сношеніи съ Монголіей, откуда они произошли. Устроившись въ городѣ Сараѣ, тянувшемся на протяженіи около 20 километровъ по лѣвому берегу Ахтубы, бокового рукава нижней Волги, эти ханы распростирали свою непосредственную власть лишь на полупустынныя области восточной Россіи, отъ Казани до Дона, и на берега Чернаго моря, особенно на побережье Крыма. Будучи отдѣлены отъ своихъ собратьевъ по національности бассейномъ Каспійскаго моря и пустынями Усть-Урта, они находились лишь въ непрямыхъ сношеніяхъ со славянами центральной и западной Россіи,—они предоставляли имъ управляться, какъ имъ вздумается, разрѣшали имъ вести войну между собою и даже выступать противъ другихъ непріятелей, если только они платили имъ дань и являлись въ городъ Сарай для оказанія почестей ханамъ. На самомъ дѣлѣ ханы были не болѣе какъ главными управляющими надъ всѣми областями, которыя до того были завоеваны сыновьями Чингисъ-Хана.

Естественное распредѣленіе народностей совершилось сообразно съ условіями внѣшней среды. Народы большею частью разноплеменнаго происхожденія, обитавшіе въ полуазіатскихъ равнинахъ Востока, оставались подчиненными монголамъ-кипчакамъ, тогда какъ въ совершенно уже европейскихъ областяхъ Запада славяне продолжали жить подъ управленіемъ своихъ повелителей, которые были норманскаго происхожденія и позволили сорганизоваться могущественному царству въ долинѣ Москвы-рѣки, посреди другихъ богатыхъ городовъ, именно Великому княжеству Московскому, возникшему послѣ паденія Суздальскаго и Владимірскаго княжествъ [1]); при посредствѣ новгородской и псковской

1) Pierre Kropotkine. «L'État et son Rôle historique».

республикъ русскіе вели торговлю съ прибрежными странами Балтійскаго моря. Контрастъ географической среды отражался въ сильномъ развитіи земледѣльцевъ и кочевниковъ-номадовъ: на Западѣ простирались черноземныя пространства, области, покрытыя лѣсами и волнистыя по своей поверхности, прикрѣплявшія обитателей къ землѣ и поглощавшія всѣхъ проходившихъ черезъ нихъ завоевателей. На Востокѣ



Древній фортъ въ Тифлисѣ.

простирались степи, къ которымъ не были прочно привязаны племена, странствовавшія по нимъ. Однако, племена эти уже, благодаря самой своей изолированности, постепенно утрачивали свою силу и могущество: съ одной стороны, русскія княжества усиливались на западѣ, съ другой—подготовлялся новый толчекъ переселенія народовъ изъ Азіи, новое нашествіе одновременно тюрковъ и монголовъ, именно нашествіе Тимура. Все, что оставалось отъ Золотой Орды, будучи стиснутымъ съ двухъ сторонъ врагами, было окончательно истреблено великимъ княземъ московскимъ Іоанномъ III, «самодержцемъ всея Руси», и самъ городъ Сарай былъ разрушенъ въ 1480 г., отъ него остались лишь обломки кирпича; потомки татаръ, сдѣлавшись русскими подданными, стали почти славянами по развитію и взглядамъ.

Между Золотой Ордой и царствомъ Хулагу находился Кавказъ,

остававшійся непокореннымъ. Многочисленныя кавказскія племена, заключенныя въ горныхъ долинахъ, вели тамъ замкнутый образъ жизни и поддерживали полную свою независимость по отношенію къ своимъ сосѣдямъ. Войны были частыми, и горные жители имѣли всѣ между собою личные счеты кровавой мести, почему не могли вступать другъ съ другомъ въ прямыя торговыя сношенія и должны были прибѣгать къ помощи третьихъ лицъ, которыя могли бы показываться всюду безнаказанно. Такая роль «свободныхъ путешественниковъ» и постоянныхъ посредниковъ принадлежала обыкновенно евреямъ, которые всюду могли появляться, не боясь, что поплатятся жизнью. Однако, такой проходной паспортъ, дававшійся «евреямъ съ горъ» и аналогичный таковому же въ Индіи, гдѣ свободный проходъ гарантированъ всюду купцамъ касты повинда или сходный съ такими же правами, предоставлявшимися цыганамъ Европы, не могъ не сопровождаться и нѣкоторыми неудобствами, такъ какъ все на этомъ свѣтѣ обладаетъ извѣстною покупною цѣною. Гордые черкесы, непобѣдимые лезгины, смѣло смотрѣвшіе въ глаза своимъ противникамъ, принимали, разумѣется, съ извѣстнымъ презрѣніемъ людей, у которыхъ не было сбоку кинжала, и которые не умѣли, подобно имъ самимъ, защищаться съ оружіемъ въ рукахъ, людей, являвшихся съ приниженными улыбками, съ согбенною спиною, какъ бы просившихъ пощады и извинявшихся въ томъ, что они, чужеземцы, рѣшались проникнуть сюда. Конечно, такіе странствующіе торговцы-евреи должны были сносить и оскорбленія и всяческія униженія, иногда даже насилія, чинившіяся надъ ними. Самое ремесло ихъ не внушало никакого уваженія тѣмъ народностямъ, къ которымъ они являлись въ качествѣ гостей. Другіе кавказскіе евреи, однако, не исполняли этой роли посредниковъ, сдѣлавшейся въ столь многихъ странахъ монополіей ихъ народности: цѣлыя многочисленныя группы ихъ, особенно въ высокихъ долинахъ Дагестана, занимаются земледѣліемъ; это земледѣльцы, притомъ самые развитые въ данныхъ областяхъ Кавказа, и вина ихъ и зерновые продукты цѣнятся особенно высоко на мѣстныхъ рынкахъ. По своимъ наслѣдственнымъ привычкамъ евреи эти напоминаютъ библейскихъ евреевъ, которые любили жить въ тѣни своихъ оливковыхъ деревьевъ и своихъ смоковницъ; они очень сильно отличаются отъ тѣхъ торговцевъ и мелкихъ ростовщиковъ, которыхъ мы встрѣчаемъ всюду, по чрезвычайной своей терпимости и гостепріимству.

Въ области центра первоначальной монгольской имперіи вторженія, совершившіяся въ тюркскія страны и южнѣе въ область Ирана, имѣли также своими слѣдствіями крупныя этническія пертурбаціи. Въ концѣ концовъ, тюрки получили преобладающее значеніе даже между тѣми, кто выдавалъ себя по имени за монголовъ, т.-е. среди подданныхъ хана Джегетая и его потомковъ, область которыхъ обнимала современный



Монастырь Чова въ Тански, на границѣ Кашмира и Тибета.

Туркестанъ и часть Сибири между Иртышемъ и Аму-Дарьей. Эти пространства, орошаемыя великими рѣками и обладающія плодородною почвою, приносимою съ восточныхъ горъ Тянь-Шаня, Алая и Памира, пространства, чрезвычайно подверженныя нападеніямъ завоевателей, такъ какъ они широко открыты по направленію къ сѣвернымъ степямъ, могутъ, тѣмъ не менѣе, легко снова заселиться вскорѣ послѣ возстановленія мира. Отсюда эти постоянныя чередованія періодовъ благосостоянія и бѣдствія,—періодовъ, чрезъ которые прошли эти рѣчныя области Туркестана,—ихъ перемежающійся расцвѣтъ и паденіе могутъ быть сравнены съ проблесками вращающагося маяка, который то испускаетъ снопы яркихъ лучей, то исчезаетъ безслѣдно. Даже послѣ перваго нашествія монголовъ въ началѣ XIII вѣка опустошенная страна оставалась пустынею лишь ненадолго.

Когда Чингисъ-Ханъ взялъ приступомъ Самаркандъ въ 1219 г., онъ умертвилъ тамъ 140000 его защитниковъ и считалъ себя очень милостивымъ къ побѣдителямъ, такъ какъ, кромѣ того, убилъ всего лишь 400000 мирныхъ обитателей. Послѣ Самарканда «повелитель повелителей» направился къ городу Балхъ, «матери городовъ», гдѣ насчитывалось 12 сотенъ мечетей и 200 общественныхъ бань, тогда какъ самъ городъ имѣлъ до 30 километровъ въ окружности. Все это было уничтожено, и находившійся вблизи пригородъ Сіягирдъ былъ также превращенъ въ поле, усѣянное камнями,—поле это имѣло не менѣе 13 километровъ въ длину съ сѣвера на югъ [1])! Что касается обитателей, то извѣстно, какъ поступилъ съ ними побѣдитель: цѣлыя пирамиды труповъ были нагромождены у подножья разрушенныхъ укрѣпленій. Той же участи, которой подвергся Балхъ, подпалъ и городъ Мервъ, и обитатели его, выведенные цѣлыми процессіями за стѣны города, методически умерщвлялись подобно тому, какъ въ наши дни убиваются быки на бойняхъ Ла-Платы. Много и другихъ городовъ подчинилось той же ужасной судьбѣ, и совершенная пустыня образовалась на пространствѣ отъ Каспійскаго моря до Памира.

И, тѣмъ не менѣе, полтора вѣка спустя этотъ ужасный «хромоногій» властитель, Тимурленъ или Тамерланъ, могъ снова начать такія же убійства, такъ какъ страна опять заселилась и снова разбогатѣла. Отдыхъ въ теченіе четырехъ или пяти поколѣній былъ достаточенъ для того, чтобы разоренная страна эта могла снова возстановить свою общественную жизнь, свою промышленность, свои научныя изысканія и даже свои искусства.

Сдѣлавшись подъ властью Тамерлана столицей, Самаркандъ сталъ

---

1) Grodekov, trad. par Ch. Martin. «From Herat to Samarkand».

въ то же время и красивѣйшимъ городомъ Востока, какъ о томъ свидѣтельствуютъ замѣчательныя зданія, пощаженныя временемъ. Наиболѣе великолѣпные остатки иранской архитектуры имѣются не въ самой Персіи, а въ крупныхъ городахъ Туркестана, и воздвигнувшіе ихъ были именно этими людьми, не заботившимися нисколько о человѣческой жизни, не считавшимися ни съ ихъ желаніемъ, ни со вкусами. Любовь къ искусствамъ и къ наукѣ должна была быть очень прочна и живуча въ предшествующихъ поколѣніяхъ, чтобы она могла удержаться и въ царствованіе такого властителя, какъ Тамерланъ; такъ, и между животными встрѣчаются низшія существа, которыя продолжаютъ ѣсть даже тогда, когда другой конецъ тѣла ихъ самъ оказывается уже съѣденнымъ. Нѣкоторыя изъ удивительнѣйшихъ мечетей Самарканда и Бухары представляли собою школы, въ которыя со всѣхъ сторонъ стекались учащіеся. Каждый городъ считалъ себя, какъ и во времена, предшествовавшія Чингисъ-Хану, однимъ изъ первыхъ или первымъ по своимъ научнымъ учрежденіямъ, равно какъ и по своей красотѣ. Самаркандъ называлъ себя «главою ислама», и великолѣпные остатки медрессе Улугбега, относящіеся къ 1420 г., напоминаютъ о томъ, что здѣсь была знаменитѣйшая на всемъ Востокѣ школа математики и астрономіи. Что касается Бухары, то это также былъ городъ научныхъ знаній, знаній столь глубокихъ, что, какъ гласитъ легенда, «свѣтъ изъ Бухары поднимался къ небу, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ онъ нисходитъ съ неба на землю». Но, спрашивается, какую часть въ этихъ знаніяхъ составляла истинная чистая наука, и какую одни слова и рѣчи, лишенныя смысла? Въ концѣ XVIII вѣка Самаркандъ былъ, однако, сплошной руиной,—среди этихъ развалинъ жилъ лишь одинъ единственный живой человѣкъ—пастухъ, дремавшій на могилѣ страшнаго хромоногаго царя, надпись на надгробномъ камнѣ котораго должна была вызывать ужасъ среди человѣчества; она гласила: «Если бы я былъ въ живыхъ, то весь міръ еще трепеталъ бы»!

Въ Иранѣ, какъ и въ Туркестанѣ, появленіе монголовъ обусловило на нѣкоторое время побѣду Турана, тріумфъ бога зла Аримана надъ добродѣтельнымъ божествомъ. Какъ бы страшный разрушающій вихрь пронесся надъ страною, превратившеюся въ пустынную степь,—про монголовъ можно сказать то же, что говорили и про тюрковъ: «трава переставала расти тамъ, гдѣ на землѣ отпечатывались копыта ихъ лошадей». Во времена Чингисъ-Хана и Хулагу, въ первой половинѣ XIII вѣка, затѣмъ во времена Тамерлана, во второй половинѣ XIV вѣка, страна была какъ бы затоплена потокомъ хлынувшихъ людей, и персидское населеніе было поглощено этимъ потокомъ: казалось, долгая вѣковая работа должна была начаться сызнова. Новыя династіи перестали даже искать своей точки опоры на плоскогоріи Ирана,—Тамерланъ

управлялъ своей имперіей не изъ какой-либо крѣпости на Иранскомъ плоскогоріи, а изъ Самарканда.

Характерно, что монголы не дали цивилизованному міру никакого культурнаго пріобрѣтенія, за исключеніемъ развѣ одного—именно соколиной охоты. Возникновеніе такой охоты объясняется чрезвычайно просто: въ «странѣ Травъ» съ ея безпредѣльными горизонтами соединены всѣ условія, необходимыя для того, чтобы искусство могло зародиться и развиться. Передъ охотникомъ разстилается совершенно свободное пространство, не загораживаемое ничѣмъ ни на землѣ, ни въ воздухѣ, и ничто не ускользаетъ отъ его опытнаго глаза, сдѣлавшагося особенно острымъ, благодаря постоянной борьбѣ за существованіе; наконецъ, хищныхъ птицъ и дичи въ степи великое изобиліе. Человѣку легко было познакомиться съ нравами и привычками всѣхъ этихъ живыхъ существъ, кишащихъ вокругъ него, такъ какъ положительно нигдѣ не приходится наблюдать такого количества соколовъ, орловъ, коршуновъ, перепелятниковъ и другихъ пернатыхъ хищниковъ; всѣ эти многочисленные виды могутъ жить лишь за счетъ большого числа птицъ и другихъ животныхъ болѣе мелкихъ, обитающихъ подъ камнями и среди кустовъ. Эдуардъ Бланъ [1]) перечисляетъ болѣе пятидесяти видовъ хищныхъ птицъ, живущихъ въ степяхъ западной Монголіи и Туркестана, и почти всѣ они примѣняются для лова дичи. Одомашнены были лишь самки птицъ, которыя сильнѣе и крупнѣе самцовъ, и дрессировка которыхъ также несравненно легче. Туркмены, которыхъ



Мечеть на могилѣ Тамерлана.

1) Revue scientifique, 15 juin 1895.

монголы научили этому искусству, примѣняютъ даже самыхъ мелкихъ хищниковъ, напримѣръ, нѣкоторыхъ небольшихъ орловъ, и пускаютъ ихъ на лисъ, на газелей и даже на оленей: орелъ набрасывается на свою жертву, выклевываетъ ей глаза и взбирается на ее голову, дожидаясь, когда подойдетъ охотникъ. Такимъ способомъ въ Туркестанѣ и въ южной Сибири дрессируютъ даже совъ, но онѣ охотятся лишь ночью, и потому, чтобы имѣть возможность отыскать ихъ въ темнотѣ, къ лапамъ птицъ привязывается небольшой колокольчикъ. Соколиная охота столь широко распространена въ Туркестанѣ, что какъ бѣдные, такъ и богатые пользуются соколомъ какъ ближайшимъ помощникомъ на охотѣ. Дѣти съ самыхъ малыхъ лѣтъ научаются заставлять охотиться ворона и продѣлываютъ съ нимъ всѣ тѣ же упражненія, которыя позднѣе примѣняются ими по отношенію къ соколу и къ другимъ болѣе благороднымъ хищникамъ. Изъ Монголіи и Туркестана соколиная охота распространилась по всей центральной Азіи, по Индіи, по сѣверной Африкѣ въ магометанскихъ странахъ и, наконецъ, въ Европѣ. Феодальные рыцари, возвращавшіеся изъ крестовыхъ походовъ, любили показывать свое искусство въ этой красивой, но жестокой охотѣ; однако, когда на сцену выступило ружье, то сокола должны были вскорѣ исчезнуть, совершенно такъ же, какъ исчезли стрѣлки изъ лука.

Будучи господами Персіи, монголы проникли почти до Индіи; однако, обширность разстоянія, безводная пустыня, крутыя горы и, наконецъ, полудикое населеніе полуострова плоскогорій и высокихъ долинъ отсрочили окончательное завоеваніе полуострова, и такъ называемые монголы, которые завладѣли имъ позднѣе, были монголами не болѣе какъ по происхожденію, которымъ они и гордились. Путь по сушѣ, пересѣченный многочисленными естественными препятствіями и преграждаемый воинственными афганцами, оставался нерѣдко совершенно покинутымъ торговцами; однако, благодаря арабскимъ мореходамъ, непрерывное торговое движеніе связывало все же морскимъ путемъ равнины Месопотаміи и береговую полосу Персіи съ побережьями Индійскаго міра. Во всякомъ случаѣ, направленіе крупной торговли часто перемѣщалось, сообразно съ результатами войнъ и съ превратностями мѣстныхъ государствъ.

Въ V вѣкѣ большое количество кораблей сходилось къ устью Евфрата и подымалось даже вверхъ по нему; Массуди разсказываетъ, что ежегодно китайскія джонки бросали якорь въ рѣкѣ; онѣ приходили сюда затѣмъ, чтобы нагружаться драгоцѣнными товарами Персіи и Аравіи въ обмѣнъ на сокровища крайняго Востока. Со времени распространенія магометанства въ IX вѣкѣ, центръ торговаго движенія перемѣстился ко входу въ Персидское море, именно въ могущественный

городъ Сирафъ [1]), возвышавшійся въ мѣстности, занятой въ настоящее время деревней Чаракъ. Затѣмъ политическія перемѣны перемѣстили центръ морской торговли къ острову Каису (Qaeïs, Kich, Gïs), расположенному на юго-западъ въ 16 или 17 километрахъ отъ Персидскаго берега. Въ началѣ XIII вѣка Сирафъ былъ почти лишенъ населенія, и на сѣверномъ берегу острова Каиса располагалась шумная столица



Внутренность могилы Тамерлана въ старомъ Самаркандѣ.

Харира, окруженная пальмовыми рощами, садами и виноградниками. Ея процвѣтаніе длилось, однако, лишь одно столѣтіе, и въ 1320 г. островъ Каисъ, совершенно обѣднѣвшій, попалъ подъ власть Ормуза, города, расположеннаго за предѣлами Персидскаго залива, въ самомъ проходѣ въ него, т.-е. въ проливѣ, соединяющемъ его съ Оманскимъ заливомъ. Этотъ огромный торговый городъ, находившійся на материкѣ недалеко отъ мѣста, гдѣ теперь группируются домики Бендеръ-Аббаса, со времени паденія Каиса былъ перенесенъ на сосѣдній островокъ; въ немъ скоплялись богатства Индіи и далекаго Востока, собиравшіяся арабскими купцами вплоть до того времени, когда европейцы проникли непосред-

---

1) См. карту № 366.

ственно на индійскій Востокъ и нарушили совершенно все міровое равновѣсіе [1]).

По другую сторону Ирана, на западѣ, монголы также опустошили страну и сдѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы распространить совершенную пустыню и на Месопотамію, которая была лишена своихъ оросительныхъ каналовъ; однако, горы Арменіи, Сиріи, Малой Азіи не подходили для нихъ, и ихъ завоеванія были не болѣе какъ временными набѣгами. Другой народъ-завоеватель устроился въ этихъ областяхъ за предѣлами Европы, на границахъ Европы. Въ 1225 г. огромное количество тюрковъ, около 50000 человѣкъ, предугадавъ, что на нихъ обрушится ураганъ монголовъ, бѣжало съ равнинъ Хорасана, отвоеванныхъ ими отъ восточныхъ персовъ, и проложило себѣ путь по направленію къ западу, къ горамъ Арменіи. Тамъ эти искатели приключеній нашли собратьевъ по національности, тюрковъ-сельджукидовъ, которые уже въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ господствовали въ Малой Азіи, но первоначальная энергія которыхъ отчасти уже истощилась. Тюрки Хорасана еще не остыли отъ перваго, молодого увлеченія воинственными приключеніями и битвами; они сдѣлались союзниками султана сельджукидовъ Коніа и подъ начальствомъ Эртогрула получили въ сѣверо-западной Фригіи территорію, которую должны были защищать противъ Константинопольскаго императора. Это была безжалостная борьба воинственныхъ кочевниковъ съ мирными земледѣльцами, священная война магометанъ противъ ненавистныхъ христіанъ. Въ каждой битвѣ тюрки или турки сражались съ полнымъ увлеченіемъ и одерживали верхъ надъ наемниками Византіи. Сдѣлавшись за свой собственный счетъ «султаномъ», Османъ, сынъ Эртогрула, въ жилахъ котораго текла скорѣе греческая, чѣмъ тюркская, кровь, завоевалъ себѣ такую военную славу, что и народъ его съ того времени получилъ по нему наименованіе «османли».

Свершилось это въ концѣ XIII вѣка; сынъ Османа, Орханъ, обладалъ не меньшимъ военнымъ счастьемъ, какъ его отецъ,—онъ завладѣлъ великолѣпной Бруссой у подножія Олимпа въ Виѳиніи и построилъ тамъ свой дворецъ «верховной Порты», откуда онъ издали могъ любоваться на страну по берегу моря, которую желалъ завоевать: затѣмъ онъ завладѣлъ Никеей въ 1330 году. Сулейманъ, сынъ Орхана, имѣлъ возможность уже захватить точку опоры и на противоположномъ европейскомъ берегу,—онъ взялъ Галлиполи на Дарданельскомъ проливѣ (1356) и укрѣпился тамъ, замкнувъ, такимъ образомъ, съ сѣверозападной стороны одни изъ естественныхъ воротъ Византіи; такъ на-

---

1) Arthur W. Stiffe. Geographical Journal. June, 1896, p. 644 ss.

чалась блокада Константинополя, которая столѣтіе спустя должна была отдать его въ руки магометанъ.

№ 354. Территорія, подвергшаяся нападенію турковъ-османли.



Самое имя турковъ-османли сдѣлалось столь страшнымъ, что, несмотря на малое число воителей [1]), которыхъ едва было 25000, въ нихъ видѣли уже разрушителей восточнаго Рима. Сознавая, однако, вполнѣ трудность своего предпріятія, османли подготовлялись къ нему съ большимъ военнымъ благоразуміемъ: ни одна армія не была такъ

1) H. Vambéry. «Die primitive Cultur des Turko-Tatarischen Volkes», p. 47.

прочно организована для похода и для битвъ, и нигдѣ не были такъ хорошо согласованы дѣйствія конницы янычаровъ и пѣхоты; было организовано рекрутированіе войска во всѣхъ окружающихъ странахъ, и въ него принимались и христіанскіе авантюристы,—они понимали, съ какими привилегіями была связана служба въ мусульманской арміи. Въ эту эпоху, когда турки только-что появились въ предѣлахъ Европы, они были не столько народомъ, сколько кастой воиновъ и завоевателей.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ взятія Галлиполи, Мурадъ I завладѣлъ Ѳракіей и въ 1365 г. устроилъ свою резиденцію въ Эдирне, въ древнемъ Гадріанополисѣ, извѣстномъ на Западѣ подъ наименованіемъ Адріанополя; онъ закрылъ, такимъ образомъ, всѣ прямыя сообщенія между Константинополемъ и континентомъ Европы, сдѣлавшись простымъ пригородомъ. Восточная имперія утратила всякія разумныя основанія къ самостоятельному существованію, такъ какъ была совершенно лишена всей торговли. Въ то же время славянскія государства въ области Балкановъ, которыя такъ часто вели борьбу съ Византіей и въ то же время служили ей опорою и защитою отъ народностей, переселявшихся по долинѣ Дуная, эти государства утратили сразу свою независимость послѣ битвы на «полѣ дроздовъ» въ 1389 г., на высокихъ равнинахъ Сербіи. Сербскій король Лазарь и большинство благородныхъ сербовъ были обезглавлены въ шатрѣ побѣдителя. Достигнувъ въ серединѣ вѣка самой высокой степени политическаго могущества, такъ какъ подъ властью Стефана Душана Сербія соприкасалась одной стороной съ Греціей, другой захватывала Болгарію,—государство это совершенно исчезло изъ скрижалей исторіи въ качествѣ независимой единицы болѣе чѣмъ на пять вѣковъ. Поле битвы при Коссовѣ въ памяти всѣхъ южныхъ славянъ сохранилось какъ мѣстность, на которой свершилось непоправимое несчастье.

Послѣ этой побѣды, которая дала Мураду I, полное преобладаніе на Балканскомъ полуостровѣ и гарантировала ему уплату дани и несеніе военной службы покоренными христіанами, ему не оставалось ничего болѣе, какъ осадить стѣны Константинополя. Опасность была такъ велика, что сорганизовался новый походъ подъ предводительствомъ венгерскаго короля Сигизмунда; однако, народы Запада давно уже предоставили Константинополь собственной участи, одни же христіане Востока Европы не имѣли возможности противостоять магометанскому нашествію. Венгры, послѣ своей высадки въ Никополѣ на Дунаѣ, были въ 1396 г. совершенно разбиты, и Византія находилась уже почти въ полной власти турокъ, когда Тамерланъ вызвалъ диверсію. Городъ, которому угрожала такая страшная опасность, могъ поистинѣ вообразить, что онъ неприкосновененъ! Мурадъ собралъ всѣ свои силы, чтобы оказать сопроти-

вленіе монголамъ, но былъ разбитъ ими все же на равнинахъ Ангоры (Анкиры) въ 1402 г. и скончался въ темницѣ.

Потребовалось много лѣтъ, чтобы возстановить турецкую имперію

№ 355. Константинополь.



1—гавань Θеодосія. 2—развалины дворца Константина. 3—храмъ Св. Софіи. 4—сераль, на мѣстѣ, гдѣ находилась первоначальная Византія.

и вернуть ей ея прежнюю силу,—лишь въ 1422 г. Мурадъ II могъ снова начать приготовленія къ борьбѣ съ Константинополемъ, но не завершилъ ихъ, такъ какъ албанцы Пинда, сербы и венгры Дуная оказали энергичное сопротивленіе на западныхъ и сѣверныхъ границахъ имперіи. Наконецъ, возставшіе народы были побѣждены во второй битвѣ при Коссовѣ (1448), правильная осада Византіи могла быть предпринята, и въ 1453 г. послѣдній императоръ Византіи, Константинъ Палеологъ, палъ среди развалинъ города, который въ теченіе столь долгаго времени былъ не болѣе какъ темницей для его властителей. Султанъ Магометъ наложилъ на долгіе вѣка руку варвара-кочевника на этотъ цвѣтъ

цивилизаціи Европы. Если не принимать во вниманіе всѣхъ измѣненій, происшедшихъ въ династіяхъ и нарѣчіяхъ, въ религіяхъ и національностяхъ, то можно сказать, что это было ничѣмъ инымъ, какъ совершившеюся местью Азіи за походъ Александра Великаго!

Магомету II оставалось далѣе лишь завладѣть всей страной, окружающей Константинополь, чтобы установить новый порядокъ вещей. Въ то же время турецкіе пираты, опьяненные успѣхомъ, отваживались пускаться даже за предѣлы Средиземнаго моря, проникая вплоть до внутреннихъ морей сѣвера,—морскіе разбойники-магометане кишѣли въ Ла-Маншѣ и у береговъ Англіи (В. Дантонъ).

Византійцы имѣли еще точку опоры въ Требизондѣ: этотъ городъ, послѣдняя крѣпость въ Азіи, былъ отнятъ у нихъ въ 1461 г., и съ того времени здѣсь всюду христіане перестали быть свободными людьми и сдѣлались простыми «райя», зависѣвшими отъ капризовъ воинственныхъ мусульманъ. Даже греческія названія превратились въ варварскія: «городъ по преимуществу»—εἰς τὴν πόλιν—былъ передѣланъ въ «Истамбулъ», а полумѣсяцъ Артемиды и Гекаты, украшавшій зданія Византіи, сдѣлался даже символомъ священной войны мусульманъ противъ ненавистнаго имъ «креста» Рима!



Марко Поло диктуетъ Рустиціану описаніе своего путешествія

ОТКРЫТІЕ НОВЫХЪ ЗЕМЕЛЬ

Хронологія.

Мы приводимъ здѣсь въ хронологической послѣдовательности перечень главнѣйшихъ событій эпохи великихъ открытій.

1484 г. Діего Кано доходитъ по африканскому побережью до 22° южной широты.

1487 г. Петръ Ковильянъ направляется по сухому пути въ Индію и въ Эѳіопію.—Бартоломей Діацъ огибаетъ Африку.

1492 г. Христофоръ Колумбъ отправляется 3 августа изъ Палоса, достигаетъ 12 октября острова Гуанахани, 28—острова Кубы, 6 декабря—Гаити.

1493 г. Колумбъ возвращается 15 марта въ Лиссабонъ. Вторично отправляется на западъ 13 ноября и возвращается въ 1496 г.

1497 г. 8 іюня Васко де Гама выходитъ изъ Лиссабона и огибаетъ мысъ Доброй Надежды 22 ноября.—Іоаннъ Каботъ достигаетъ Нью-Фаундленда.

1498 г. 20 мая Васко де Гама достигаетъ Каликута.—Второе путешествіе Кабота.—Третій отъѣздъ Колумба 30 мая.

1499 г. Алонзо де Хойеда и Америго Веспуччи, Пералонзо Ниньо и Кристобаль Гуэрра высаживаются на берегахъ Гвіаны и Венецуэлы.

1500 г. Вицентъ Янецъ Пинзонъ и Веспуччи доходятъ до устья Амазонки; Діэго Лепе и Родриго Бастидасъ изслѣдуютъ тѣ же берега.—Педральварецъ Кабраль высаживается 22 апрѣля въ Санта-Круцѣ, затѣмъ направляется въ Индію вокругъ мыса Доброй Надежды.—Издана первая карта Новаго Свѣта Жуаномъ де ла Коза.

1501 г. Америго Веспуччи на берегахъ Бразиліи.

1502 г. Михаилъ Кортереаль погибаетъ на Лабрадорѣ.—9 мая четвертое отплытіе Колумба, онъ возвращается 28 іюня 1504 г. Второе путешествіе Васко де Гама, открытіе Сейшелльскихъ острововъ.

1503 г. Четвертое путешествіе Веспуччи. Альбукеркъ въ Индіи.

1505 г. Альмейда въ Индіи.

1507 г. Новый Свѣтъ получаетъ впервые названіе Америки.

1508 г. Вицентъ Пинзонъ высаживается на берегахъ Юкатана.— Себастьянъ Каботъ изслѣдуетъ сѣверъ Лабрадора.

1509 г. Португальцы на островѣ Цейлонѣ, на Суматрѣ и на Малаккѣ.

1510 г. Альбукеркъ занимаетъ Гоа, затѣмъ Малакку въ 1511 г.

1512 г. Португальцы на Молукскихъ островахъ.

1513 г. 25 сентября Бальбоа принимаетъ въ свои владѣнія Южное море.—Понсе де Леонъ огибаетъ Флориду.—Альбукеркъ посѣщаетъ Красное море.

1515 г. Жуанъ Діацъ де Солисъ высаживается на Ла-Платѣ.— Торговые корабли португальцевъ проникаютъ въ Китай.—Взятіе Ормуза.

1519 г. Алонзо де Пинеда высаживается въ устьѣ Миссиссиппи.— Кортесъ 21 марта высаживается въ Вера-Круцѣ и 8 ноября прибываетъ въ Мексику.—20 сентября отправленіе въ путь Магеллана.

1520 г. Магелланъ проходитъ проливомъ 21 октября—28 ноября.

1521 г. Магелланъ 4 февраля встрѣчаетъ первый островъ, доходитъ до Филиппинъ 16 марта и 27 апрѣля погибаетъ.

1522 г. 6 сентября Себастьянъ дель-Кано достигаетъ Санъ-Лукаръ.

Свѣдѣнія, которыми мы обладаемъ относительно жизни мореплавателей этой эпохи, очень неполны. Мы не знаемъ обыкновенно ихъ происхожденія; большое число ихъ погибло самымъ жалкимъ образомъ въ борьбѣ съ неблагодарностью ихъ покровителей.

Бартоломей Діацъ, подчиненный Кабраля, погибъ вмѣстѣ съ четырьмя кораблями экспедиціи, огибая мысъ Доброй Надежды. Васко де Гама, род. въ 1469 г., отстраняется отъ дѣлъ послѣ своего второго путешествія въ Индію въ 1503 г. и призывается снова лишь въ 1524 г.; онъ погибаетъ, прибывши въ городъ Кочинъ. Альбукеркъ, род. въ 1453 г. и бывшій однимъ изъ наиболѣе справедливыхъ завоевателей, впадаетъ въ немилость послѣ длиннаго ряда побѣдъ и погибаетъ отъ горя въ Гоа въ 1515 г. Въ этомъ же году погибъ Понсе де Леонъ на Кубѣ, Алонзо де Хойеда на Гаити и Діацъ де Солисъ на Ла-Платѣ. Петръ де Ковильхаонъ отправляется посломъ въ Индію и Абиссинію и устраивается въ этой послѣдней странѣ, гдѣ онъ и умеръ въ очень уже преклонномъ возрастѣ.



ОТКРЫТІЕ НОВЫХЪ ЗЕМЕЛЬ

Какъ часто книжная наука была причиной задержки или даже регресса въ развитіи науки реальной.

Глава десятая.

ИЗМѢНЕНІЯ ВЪ РАВНОВѢСІИ СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО МІРА.—СОСТОЯНІЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ.—КАРТЫ, МАРШРУТЫ, ЛОЦІИ.—ИЗСЛѢДОВАНІЕ АФРИКИ ОТЪ ОСТРОВА МАДЕРЫ ДО МЫСА БУРЬ.—ЧАСТОЕ ПОСѢЩЕНІЕ НОВАГО СВѢТА.—КОЛУМБЪ И ОТКРЫТІЕ ВЕСТЪ-ИНДІИ.—ПОБЕРЕЖЬЯ ОБѢИХЪ АМЕРИКЪ.—РАЗДѢЛЕНІЕ МІРА.—АМЕРИГО ВЕСПУЧЧИ.—ВОПРОСЪ О СУЩЕСТВОВАНІИ ПРОЛИВА.—ПУТИ ВЪ ОСТЪ-ИНДІЮ.—ПЕРВОЕ КРУГОСВѢТНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.

Какъ бы въ видѣ извѣстной компенсаціи, пораженіе христіанъ въ восточныхъ странахъ сопровождалось ихъ побѣдой на Западѣ Европы. Взаимоотношеніе силъ выяснялось все болѣе и болѣе какъ съ той, такъ

и съ другой стороны. Тогда какъ на Востокѣ турки, которые принадлежали по происхожденію къ азіатскимъ народностямъ, очень сильно отличавшимся отъ другихъ народовъ Европы, пустили глубоко корни на континентѣ и въ особенности въ тѣхъ жизненныхъ точкахъ, гдѣ географическое положеніе представляетъ максимумъ естественныхъ преимуществъ,—въ это самое время завоеватели различнаго происхожденія, группировавшіеся въ Испаніи подъ наименованіемъ «арабовъ», должны были покинуть этотъ полуостровъ и перейти на противоположную сторону Гибралтарскаго пролива, который подобно Босфору является однимъ изъ характернѣйшихъ элементовъ въ исторіи нашей планеты. Такимъ образомъ, происходило измѣненіе въ равновѣсіи средиземноморского міра, совершенно перемѣстившее чашки вѣсовъ. Восточные пути постепенно закрылись для Европы, и явилась потребность въ западныхъ путяхъ: мореплаватели Средиземнаго моря, оттѣсненные съ Краснаго моря, съ Персидскаго залива и съ Чернаго моря, оказались отодвинутыми къ океану, и открытіе Новаго Свѣта сдѣлалось полной необходимостью.

Можетъ на первый взглядъ показаться, что въ общемъ ходѣ развитія человѣчества потери, понесенныя имъ, сильно превышаютъ пріобрѣтенныя новыя завоеванія. Взятіе второго Рима, который въ теченіе стольких вѣковъ возвышался подобно маяку Востока, должно было совпадать, казалось бы, съ окончательнымъ оставленіемъ всякой мысли о далекихъ странахъ, гдѣ сознательное человѣчество получило свою первую культуру; вся область, въ которой протекла отчасти легендарная исторія первыхъ вѣковъ жизни человѣчества, была съ этого времени совершенно закрыта для обитателей Запада,—недоступна была не только Гробница Господня, являвшаяся для христіанъ символомъ небеснаго искупленія, но также и тѣ классическія земли, гдѣ зародились первые миѳы о раѣ и всемірномъ потопѣ, о встрѣчѣ и разселеніи народовъ, о переходѣ черезъ Красное море и о пребываніи въ пустынѣ. Затѣмъ, вмѣстѣ съ Ираномъ, Арменія и Халдея, Сирія, Египетъ, Малая Азія оказались также подъ запретомъ для европейцевъ, и бо́льшая часть греческаго міра, быть-можетъ, даже весь этотъ міръ, вмѣстѣ со священными Аѳинами, съ Мараѳономъ и Саламиномъ, съ островами и долинами, гдѣ родились боги Олимпа, были отдѣлены непреодолимой преградой отъ территоріи, оставшейся въ рукахъ народовъ, которые наслѣдовали греческую цивилизацію. Сознательное человѣчество утратило прахъ своихъ предковъ!

Конечно, интересы самихъ мусульманскихъ властителей заставляли ихъ отнюдь не прерывать совершенно торговыхъ сношеній, которыми они были связаны съ западными народами, и золотая нить, тянувшаяся отъ города къ городу, соединяла и позднѣе гавани Атлантическаго

океана съ гаванями океановъ Индійскаго и Тихаго, никогда не разрываясь совершенно. Въ теченіе еще цѣлаго вѣка послѣ взятія Константинополя венеціанцы сохраняли свои владѣнія въ восточномъ Средиземномъ морѣ, и генуэзцы, утративъ непосредственную власть надъ городомъ Каффа въ Крыму, пытались, по меньшей мѣрѣ, поддержать ту серію рынковъ, которую цѣлый рядъ «генуэзскихъ замковъ» защищалъ отъ враговъ на всемъ протяженіи отъ Кавказскихъ горъ и вплоть до Арменіи и воротъ Ирана. Сколько, однако, приходилось выносить поруганій и сколько терпѣть стыда, чтобы сохранить эти остатки торговаго пути и торговли, уменьшавшейся съ года на годъ! Въ общемъ, надо сказать, все же ко благу Европы было, что она жила такъ, какъ если бы сама земля, несущая пути въ Индію, совершенно исчезла. Являлся даже вопросъ, не постигнетъ ли историческая смерть и Средиземное море,— вѣдь, люди и боги умираютъ, точно также умираютъ и земли, и воды! Такимъ образомъ, и то «внутреннее море», которое было моремъ по преимуществу, съ тѣхъ самыхъ временъ, когда миѳическіе критяне царили на его волнахъ, т.-е., слѣдовательно, много тысячелѣтій тому назадъ, этотъ удивительный бассейнъ, вокругъ котораго расположились амфитеатромъ народы отъ Тира до Карѳагена и Сиракузъ, эта колоссальная водная область «великаго моря» являлась въ настоящее время неиспользованной, такъ сказать, уничтоженной! Оно, вѣдь, все располагалось, стиснутое, съ одной стороны, между сѣверными и восточными турками, которые отдѣлили отъ него въ свое полное владѣніе и Черное море, и Эгейскій архипелагъ, и воды Крита, Сиріи и Египта, и арабами-номадами—съ другой, занимавшими его южные берега. Воды его, надо думать, дѣлались такими же пустынными, какъ прибрежныя земли, травянистыя пространства которыхъ были истоптаны копытами восточныхъ лошадей.

Такимъ образомъ, торговыя республики сѣверной Италіи, коимъ сильнѣе всего угрожала гибель, должны были болѣе всѣхъ другихъ странъ дѣлать усилія къ тому, чтобы сбросить съ себя эту стягивающую ихъ петлю, освободиться отъ этого давящаго ихъ груза. Что было дѣлать, однако, при такой угрожавшей отовсюду опасности? Первое инстинктивное движеніе защиты побуждало дѣятелей міровой торговли реагировать насиліемъ, оказывать вооруженное сопротивленіе этимъ мусульманскимъ завоевателямъ. Думали даже возобновить движеніе крестовыхъ походовъ, и папа Пій II попытался направить по этому пути всѣ силы, которыми располагала церковь; давалось много обѣщаній, но въ концѣ XV вѣка во всемъ христіанскомъ мірѣ сказывались уже очень явно признаки, предшествовавшіе раздѣленію церкви и ея реформѣ; въ то же время государства сѣвера, обращенныя къ океану, могли вполнѣ свободно пользоваться торговыми сообщеніями и не заботились нисколько объ интересахъ чисто-итальянскихъ, каковыми казались на первый взглядъ

заботы о поддержанiи прежнихъ международныхъ торговыхъ путей. Единственная попытка, принявшая осязательныя формы, это было командированiе французскимъ королемъ Карломъ XII двадцати галеръ въ Эгейское море въ 1501 г.,—походъ этотъ, впрочемъ, потерпѣлъ полную неудачу въ битвѣ при Метелинѣ. Такимъ образомъ, итальянскимъ республикамъ приходилось самимъ приспособляться, какъ только онѣ могли, къ новому порядку вещей; имъ приходилось заключать миръ съ великимъ властителемъ Востока и пользоваться тѣми нѣсколькими отверстiями, которыя онъ благоволилъ предоставлять имъ на той обширной линiи блокады, морской и сухопутной, какая была имъ устроена.

Возникли также грандiозные проекты, направленные къ тому, чтобы отклонить неизбѣжное. Венецiя снова вернулась къ планамъ фараона Нико и араба Амру, сводившимся къ тому, чтобы перекопать Суэцкiй перешеекъ и открыть непосредственный проходъ, соединяющiй Средиземное море съ Индiйскимъ океаномъ при помощи Краснаго моря [1]). Позднѣе, въ XVI вѣкѣ, при Львѣ X, Паоло Чентурiоне предвосхитилъ даже предпрiятiя XX вѣка и отправился въ качествѣ посла въ Москву, чтобы побудить русскаго царя къ установленiю сношенiй между Каспiйскимъ моремъ и Индiей, чрезъ Оксусъ и Афганистанъ [2]). Для выполненiя этихъ великихъ проектовъ время, однако, еще не пришло.

Слѣдуя закону наименьшаго сопротивленiя, живыя силы Италiи, не находившiя болѣе примѣненiя на Востокѣ, стремились перемѣститься на Западъ, и наилучшiе моряки и командиры судовъ, наиболѣе энергичные и любящiе приключенiя, отправлялись искать счастья въ портовые города на побережье океана, въ Севилью, въ Лиссабонъ и даже въ Бристоль. Самою главною промышленностью итальянскихъ республикъ была торговля различными продуктами и товарами, почему моряковъ въ этихъ республикахъ сдѣлалось чрезвычайно много, на нихъ не хватало дѣла, и они отправлялись въ портовые города другихъ странъ и предлагали свои услуги чужеземнымъ властителямъ. Нѣкоторые изъ нихъ направлялись даже въ Константинополь, гдѣ новый властитель преградилъ всѣ пути въ Азiю.

Венецiанцы, совершенно изолированные въ глубинѣ своего залива, открывающагося по направленiю къ востоку, испытывали огромныя затрудненiя въ томъ смыслѣ, что не могли отрѣшиться отъ прежнихъ путей сообщенiя, тогда какъ генуэзцы легко измѣнили направленiе, когда, въ силу переворота, происшедшаго въ торговомъ мiрѣ, судоходству стало необходимо избирать океаническiе пути, идущiе чрезъ Гибралтарскiй проливъ и расходящiеся затѣмъ къ сѣверу, къ западу и къ югу, по на-

1) Rinaldo Fulin. Archivio Veneto, 1879.—2) Aldo Blessich. «Il progresso erroviario asiatico», pp. 5, 6.

правленію къ Новому Свѣту и къ Индіи. Естественно, въ силу этого, что мореходами, принимавшими самое большое участіе въ открытіи великаго западнаго материка, были генуэзцы—Колумбъ, открывшій Антильскіе острова и берегъ материка, и Каботъ или Габотто, который первый послѣ норманновъ посѣтилъ Сѣверную Америку,—впрочемъ, послѣдній родился, быть-можетъ, въ Гаэтѣ и былъ также гражданиномъ и Венеціи [1]).



Островъ Мадера. Видъ Фунчала.

Очевидно, старинныя географическія понятія европейцевъ должны были параллельно съ исторіей измѣниться. Цивилизованный міръ долженъ былъ создать себѣ новые органы торговли, такъ какъ тѣ, которые служили ему до сихъ поръ, утратились: послѣ того, какъ онъ лишился Эгейскаго архипелага, острова Крита, Кипра, острововъ и островковъ Сирійскаго побережья, глубокихъ заливовъ на берегахъ Азіи, проливовъ и внутреннихъ морей Ѳракіи, тысячи заливовъ и мысовъ Греціи и превосходныхъ естественныхъ и искусственныхъ портовъ Италіи, европейскому континенту пришлось избрать какъ бы своимъ новымъ

1) D'Avezac; Gribaudi. «Revista Geog. Ital.», 1904.

членомъ Иберійскій полуостровъ, къ которому сходились всѣ пути, ведшіе къ новымъ заморскимъ странамъ. Испанія и Португалія, въ свой чередъ, но, впрочемъ, на очень короткое время,—съ точки зрѣнія исторіи цивилизаціи, можно сказать, едва на одинъ моментъ—получили первенство въ торговлѣ и соединили на время даже оба великихъ міровыхъ пути Средиземнаго моря и Атлантическаго океана.

Португальская территорія первая была подготовлена къ своей географической роли. Испанія была готова лишь къ концу XV вѣка, когда она окончательно сформировалась въ качествѣ единаго политическаго цѣлаго. Внѣшнимъ образомъ это единство проявилось въ образованіи единаго королевства изъ слившихся королевствъ Арагонскаго и Кастильскаго, власть надъ которыми перешла въ руки одного короля. Съ точки зрѣнія болѣе глубокой, внутренней, истинное единство имѣло, однако, своею причиною объединеніе «святымъ братствомъ» (santa hermandad) городовъ и областей съ цѣлью защиты своихъ правъ, своей свободы и внутренняго мира противъ всѣхъ угнетеній аристократіи и противъ всѣхъ насилій со стороны рыцарей. Этотъ союзъ городовъ положилъ конецъ произволу власть имущихъ, которые столь долгое время поддерживали внутреннюю гражданскую войну. Однако, промышленная нація, которая начинала, такимъ образомъ, возвышаться, слагаясь въ буржуазію, противопоставлявшуюся благородному сословію, не чувствовала себя столь сильной, чтобы дѣйствовать въ одиночку: она опиралась, съ одной стороны, на королевскую власть, съ другой—на католическую церковь, бывшую заклятымъ врагомъ евреевъ и мавровъ.

Никогда и нигдѣ не приходилось видѣть во время грандіознаго соціальнаго кризиса такого тѣснаго смѣшенія столь различныхъ элементовъ, заключающихъ въ себѣ одновременно ферменты самаго удачнаго дальнѣйшаго развитія народности, въ смыслѣ силы и жизненности, и въ то же время зародыши разрушенія, влекущаго за собою если не смерть, то, по меньшей мѣрѣ, продолжительную асфиксію. Жизненные элементы, доставлявшіеся братскимъ союзомъ городовъ, дали столь разнообразной съ точки зрѣнія своего состава Испаніи замѣчательную прочность и устойчивость по отношенію ко всей остальной Европѣ. Элементы смерти заключались въ предоставленіи главнаго авторитета королевской власти и прежде всего «непогрѣшимой» церкви. Эта свобода, побѣдоносно отвоеванная городами отъ феодаловъ, должна была все же быть принесена въ жертву другимъ носителямъ власти и даже самое наименованіе «santa hermandad», которое было свойственно федераціи освободившихся городовъ, сдѣлалось, по ужасной ироніи судьбы, обозначеніемъ жестокаго трибунала инквизиторовъ!

Благодаря столкновенію всѣхъ этихъ сложныхъ вліяній, въ томъ же самомъ 1492 г., когда была взята Гренада, послѣдняя точка опоры

мавровъ въ Испаніи, и когда высадился Колумбъ на Багамскихъ островахъ, въ томъ же самомъ году произошло и изгнаніе изъ Испаніи 160000 евреевъ, умъ и дѣловитость которыхъ, торговая дѣятельность

№ 356. Европа и Средиземное море по картѣ Жана де Кариньяна.



Очертанія современной карты (въ проекціи Меркатора, масштабъ 1 : 50000000) и карты Жана де Кариньяна наложены другъ на друга, причемъ области суши на послѣдней картѣ заштрихованы. Къ совпаденію на нихъ приведены Лиссабонъ и юго-восточный уголъ Средиземнаго моря.

и научныя знанія придали зарождающейся буржуазіи энергію и инициативу. Вслѣдъ за этимъ общимъ изгнаніемъ евреевъ подобный же декретъ былъ изданъ и противъ мавровъ. Нельзя не отмѣтить чрезвычайно большое несходство, съ точки зрѣнія моральной, между поведеніемъ

повелителей Испаніи и таковымъ турецкихъ султановъ. Магометъ II, вступая въ Константинополь, позвалъ тотчасъ же къ себѣ главнаго представителя генуэзцевъ и занялся съ нимъ прежде всего выработкой мѣръ, необходимыхъ для того, чтобы гарантировать индивидуальную и общую свободу всѣхъ христіанъ!

1492 годъ—одна изъ главнѣйшихъ датъ исторической географіи,—годъ, въ теченіе котораго совершилось вторичное открытіе Новаго Свѣта, и на этотъ разъ послѣдній былъ открытъ уже окончательно. Къ этому году гидрографія европейскихъ морей была уже настолько извѣстна, что капитанъ Петръ Гарси могъ уже попытаться въ 1483 г. составить «Великій Дорожникъ и Лоцманскую карту для указанія портовъ и гаваней, гдѣ можно бросать якорь, равно какъ и другихъ областей моря, а также частей Франціи, Бретани, Англіи, Испаніи, Фландріи и высокой Германіи». Гарси, какъ говоритъ Феррандъ, судя по своему имени, былъ очевидно испанскаго происхожденія, онъ жилъ въ Вандеѣ, въ портовомъ городѣ Сенъ-Жиль-сюръ-Ви, и тѣ свѣдѣнія, которыми онъ пользовался, получались имъ, главнымъ образомъ, отъ командировъ судовъ тѣхъ гаваней, которыя находились между Гонфлеромъ и Бруажъ. Этотъ драгоцѣнный документъ, которымъ мы обязаны «опытнѣйшимъ мастерамъ благороднаго, труднѣйшаго, требующаго ловкости и знаній, подверженнаго случайностямъ и опасностямъ морского искусства», былъ переизданъ трижды на французскомъ и англійскомъ языкѣ; въ теченіе почти двухъ вѣковъ ни одна подобная книга ни на одномъ нарѣчіи не могла его замѣнить [1]).

За отсутствіемъ «дорожниковъ» употреблялись карты и лоціи Средиземнаго моря, составленныя итальянскими, провансальскими, каталанскими и другими мореходами, и тѣ изъ такихъ картъ, которыя дошли до насъ, обнаруживаютъ чрезвычайно замѣчательное обстоятельство: съ одной стороны, мы находимъ на нихъ поразительную точность очертаній, правильность оріентировки, разстояній и всевозможныхъ деталей береговъ [2]), съ другой же—чрезвычайно грубыя ошибки въ смыслѣ направленія рѣкъ и горныхъ хребтовъ и опредѣленія земныхъ разстояній. Взгляните, напримѣръ, на карту Жана де Кариньяна, относящуюся приблизительно къ 1300 г.: за предѣлами поразительно точныхъ очертаній морского бассейна, расположеннаго между Гибралтарскимъ проливомъ и Кавказскими горами, все остальное обнаруживаетъ полнѣйшую неосвѣдомленность,—ясно, что точность данныхъ Средиземнаго моря обусловливается многочисленностью рейсовъ судовъ, пересѣкавшихъ его по всѣмъ направленіямъ.

---

1) A. Pawlowski. Bull. de la Soc. de Géogr. Com. de Bordeaux, 17 fév. 1902.— 2) La Reveillère. «La Conquête de l'Océan».

Курьезнымъ образомъ прогрессъ книжной науки имѣлъ за собою своимъ несомнѣннымъ послѣдствіемъ регрессъ въ области мореходства. Положительно религіозная вѣра, которую возбуждали къ себѣ произведенія древнихъ писателей, должна была, безъ сомнѣнія, создать много

№ 357. Карта земного шара (по Fra Mauro).



Оригиналъ карты Fra Mauro имѣетъ діаметръ въ 0,675 м.; югъ ея помѣщенъ наверху (см. виньетку на стр. 221 передъ этой главой). Эта репродукція оріентирована обычнымъ способомъ и упрощена по Carlo Errera: «L'epoca delle grandi Scoperte geografiche».

предубѣжденій, и нерѣдко идеи совершенно ложныя, заимствованныя отъ древнихъ писателей, предпочитались тѣмъ точнымъ знаніямъ, которыя были добыты наблюдателями среднихъ вѣковъ. Такъ, когда творенія Птоломея попали въ ихъ первоначальной формѣ въ руки географовъ и мореплавателей начала XV вѣка, тогда Средиземное море получило на картахъ опять совершенно неправильную форму, которая стала ему

придаваться даже на лоціяхъ и въ различныхъ атласахъ и сохранилась вплоть до XVIII вѣка [1]).

На востокѣ отъ Европы было еще далеко до полной изслѣдованности областей Азіи,—распредѣленіе географическихъ элементовъ было извѣстно лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Венеціанскіе и генуэзскіе купцы, посланники королей и папъ познакомились уже тогда, правда, съ Центральной Азіей, съ Монголіей и Китаемъ, тогда какъ арабы и малайцы, огибая полуострова Индіи, встрѣчались съ итальянцами, пришедшими по сушѣ, въ великолѣпномъ городѣ Кинсай, который былъ



Карта земного шара по Клавдію Птоломею, II вѣка.

самымъ крупнымъ торговымъ городомъ міра. Европейскіе путешественники, монахи, авантюристы, торговцы также посѣщали острова и полуострова южной Азіи,—таинственныя еще страны, «гдѣ произрастаетъ перецъ», бывшій въ эти времена приправой, совершенно необходимой въ виду сквернаго качества мяса, нерѣдко испорченнаго, которымъ питался простой народъ,—вкусъ приходилось сдабривать жгучими приправами [2]). Нѣкоторые изъ этихъ путешественниковъ, напр., Порденонъ, Мандвилль, Шитбергенъ, обладали настолько литературными способностями, что могли съ бо́льшей или меньшей правдивостью повѣдать о чудесахъ этихъ далекихъ странъ.

---

1) Joachim Lelewell. «Géographie du Moyen âge»; Cosimo Bertacchi, Soc. Geogr. Italiana, Sett. 1900, p. 759. - 2) W. Denton. «England in the fifteenth Century», p. 206.

Что касается Африки, то лоцiи Средиземнаго моря свидѣтельствуютъ также, за отсутствiемъ подробныхъ разсказовъ, что торговцы юга Европы обладали многочисленными свѣдѣнiями о внутренней части «Чернаго континента». Карта «Fra Mauro», украшающая одинъ изъ дворцовъ Венецiи, начиная съ середины XIV вѣка, указываетъ намъ



Карта земного шара по Эдризи, 1099—1164 г.

горные хребты и рѣки Эѳiопiи, нарисованные съ относительно большою точностью. Другая карта каталанскаго происхожденiя, составленная въ 1375 г., свидѣтельствуетъ о томъ, что существовали уже сношенiя между Барцелоной и Мавританiей; на ней находятся такiя наименованiя, какъ Бискра, Туатъ, Томбукту и нѣкоторыя другiя мѣстности; на ней же нанесены караванные пути, и отмѣчена область туареговъ. Въ современныхъ произведенiяхъ литературы говорится и о путешествiяхъ, совершенныхъ за предѣлы пустыни и достигавшихъ Судана.

Арабы, которые, благодаря муссонамъ, могли переноситься послѣдовательно съ одного берега Индійскаго океана на другой, умѣли также пользоваться и смѣнявшимися въ теченіе дня бризами и общими вѣтрами восточныхъ береговъ Африки, истинныя очертанія которыхъ были имъ, безъ сомнѣнія, извѣстны. Максуди въ первой половинѣ X вѣка описываетъ уже вполнѣ правильно эти побережья; тѣмъ болѣе удивительно видѣть на картѣ гораздо болѣе поздней, именно на картѣ Эдризи, сохранившейся въ Оксфордѣ, курьезное направленіе береговъ Африки и очертаній Индійскаго океана, которое придавалось этимъ ученымъ арабомъ при дворѣ Рожера II, норманнскаго короля Сициліи. Этотъ рисунокъ кажется совершенно непонятнымъ, если принимать во вниманіе тогдашнее время, XII вѣкъ, т.-е. эпоху, когда уже въ теченіе, по крайней мѣрѣ, четырехъ столѣтій арабскіе мореходы регулярно посѣщали Мелинду, Момбазу на островѣ Занзибарѣ и страну Софала. Совершенно невѣроятно, чтобы они не констатировали во время своихъ путешествій, каково дѣйствительное направленіе береговъ; они, безъ сомнѣнія, видѣли солнце на сѣверномъ тропикѣ, на экваторѣ и даже на тропикѣ юга, такъ какъ доходили до мыса Коррентеса [1]), гдѣ ихъ напугалъ опасный прибой. Они знали, такимъ образомъ, какъ на западѣ, такъ и на сѣверѣ, общую форму Индійскаго океана, и именно благодаря имъ имѣлъ позднѣе возможность Васко де Гама легко оріентироваться и направиться прямо къ Малабарскому берегу. Мало того, во времена Эдризи мореходы-путешественники могли достаточно точно начертить восточный контуръ африканскаго материка,—однако, многіе изъ ученыхъ воображали благодаря мудрствованію самой науки, что слѣдуетъ придерживаться давняго незнанія,—имѣя передъ глазами «карту Птоломея», они принимали ее за абсолютную истину,—когда представлялось выбрать между письменнымъ свидѣтельствомъ грековъ и свѣдѣніями, сообщаемыми современниками, они ни минуты не колебались. Какъ часто книжная наука была причиною запозданія или даже настоящаго регресса науки фактовъ!

На западѣ Африки арабы, генуэзцы и португальцы проникли въ атлантическія воды, безъ сомнѣнія, руководимые въ своихъ поискахъ воспоминаніями о финикійской, греческой и латинской древности. Генуэзскіе мореходы, имена которыхъ неизвѣстны, открыли группу острововъ, наиболѣе близкихъ къ Европѣ, и самый крупный изъ острововъ этого архипелага получилъ отъ нихъ наименованіе Леньямъ, что позднѣе было переведено португальцами словомъ «Мадера», т.-е. «высокій лѣсъ»—наименованіе, въ настоящее время совершенно незаслуженное. Въ ту же эпоху, т.-е. въ серединѣ XIV вѣка, другими генуэзцами была открыта

---

1) Oscar Peschel. «Geschichte der Entdeckungen».

вся группа Азорскихъ острововъ; карта 1351 г. содержитъ уже всѣ острова, причемъ одинъ изъ нихъ—островъ Санъ-Зорцо—былъ названъ

№ 358. Первыя открытыя побережья.



такъ по имени главы Лигурійской республики, тогда какъ другой островъ, современная Терсейра, былъ названъ Браци или Брази, по одному изъ

многочисленныхъ красильныхъ растеній,—это таинственное названіе не переставало путешествовать по картамъ, переносясь все далѣе и далѣе на западъ, пока оно не послужило, наконецъ, для обозначенія западной половины великаго южно-американскаго континента.

Что касается Канарскихъ островов, болѣе близкихъ къ континенту Африки и лучше удержавшихся въ памяти человѣчества, благодаря произведеніямъ древнихъ писателей, то не подлежитъ сомнѣнію, что они были открыты еще до этой эпохи, по крайней мѣрѣ, въ первой половинѣ XIV вѣка. Генуэзская экспедиція, предшествовавшая, по всѣмъ вѣроятіямъ, 1341 г., говоритъ о Канарскихъ островахъ какъ о земляхъ, открытыхъ вновь, въ недавнія времена. Безъ сомнѣнія, какъ справедливо полагаетъ Авезакъ, открытіе это произошло благодаря одному изъ нормандскихъ рыцарей, который находился въ полномъ разгарѣ своихъ завоевательныхъ авантюръ [1]). Генуэзецъ, построившій замокъ на островѣ Ланзаротѣ, быть-можетъ, около конца XIII вѣка, былъ Лансело де Малуазель, имя котораго, измѣненное генуэзцами, сдѣлалось позднѣе въ исторіи республики «Лансилотомъ изъ Малоксилло». Самый островъ и получилъ отсюда это наименованіе. Сто лѣтъ спустя, въ 1402 г., другой нормандецъ, пришедшій непосредственно изъ своего отечества, Жанъ де Бетанкуръ, отплылъ изъ Ларошели съ 53 спутниками, высадился въ Ланзаротѣ и занялъ весь архипелагъ, поднявъ на немъ флагъ Кастиліи. Послѣ различныхъ перипетій это завоеваніе завершилось къ ущербу всего превосходнаго и очень развитого мѣстнаго населенія, называвшаго себя гуаншами и находившагося, повидимому, въ родствѣ съ берберійцами Мавританіи,—«хорошо направлявшееся обращеніе къ христіанству заставило гуаншей совершенно исчезнуть съ лица земли!» [2]).

Эти островитяне сохранили въ значительной степени свою цивилизацію, подвергшуюся отдаленному вліянію Египта; они писали еще іероглифы на скалахъ и сохраняли своихъ покойниковъ въ образѣ мумій. Нравы и учрежденія ихъ свидѣтельствуютъ о древней чрезвычайно высоко развитой цивилизаціи, которая принуждена была регрессировать вслѣдствіе незначительности протяженія той арены, на какой она была заключена, и вслѣдствіе суровыхъ условій аристократическаго правленія, которое у нихъ было. Однимъ изъ удивительнѣйшихъ свидѣтельствъ регресса гуаншей было полное отсутствіе у нихъ лодокъ и судовъ, хотя бы простыхъ плотовъ, для передвиженія между частями архипелага. Въ то время какъ предки ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, снаряжали цѣлыя флотиліи для того, чтобы перебраться съ острова на югъ, сами они не

---

1) Nouvelles Annales des Voyages, 1846.—2) Journal des Débats, 26 dec. 1896.

умѣли совершенно управлять судномъ и не могли переправиться даже на тѣ острова, которые видѣли на горизонтѣ,—они сдѣлались настоящими плѣнниками океана. По свидѣтельству одной изъ легендъ, богъ, который помѣстилъ ихъ на эту скалу, выдающуюся изъ моря, въ концѣ концовъ, позабылъ объ ихъ существованіи.

Варвары, испанцы и норманны дали имъ возможность увидѣть снова ту страну, изъ которой они произошли, но не въ качествѣ свободныхъ людей, а въ качествѣ рабовъ: они продали большинство туземцевъ марокккскимъ купцамъ, и въ настоящее время на Канарскихъ островахъ не осталось ни единаго живого гуанша, за исключеніемъ метисовъ, смѣшаннаго происхожденія, по отношенію къ которымъ этнологи прилагаютъ всѣ свои усилія, чтобы выяснить ихъ характерныя черты и указанія на происхожденіе. Въ теченіе XV вѣка единственными предметами торговли, за исключеніемъ рабовъ, было лѣчебное средство сандрагонъ и лакмусовый ягель, употреблявшійся въ красильномъ дѣлѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Канарскіе острова пріобрѣли огромное значеніе въ качествѣ естественнаго питомника для перенесенія въ страны Новаго Свѣта драгоцѣнныхъ растеній Стараго Свѣта: сахарный тростникъ, бананъ и др. растенія Индіи сдѣлались обитателями Америки лишь послѣ того, какъ въ видѣ промежуточной инстанціи побывали на Канарскихъ островахъ.



Пещера, въ которой прежде обитали гуанши, около Ласъ-Пальмасъ на Большомъ Канарскомъ островѣ.

На африканскомъ побережьѣ открытія подвигались медленно, и легко понять—почему: подъ этими широтами песчаные берега открываютъ доступъ лишь въ безконечныя пустынныя пространства Сахары. Впрочемъ, люди и опасались пускаться подъ палящее солнце экватора, гдѣ, согласно древнимъ преданіямъ, жара была такъ сильна, что ни одно

живое существо не могло тамъ жить. Португальскіе мореходы, отличавшіеся позднѣе среди всѣхъ другихъ своею смѣлостью, были еще въ началѣ XV вѣка по развитію несравненно ниже мореходовъ Генуи, Венеціи, Балеарскихъ островов; когда принцъ Генрихъ Мореплаватель, уполномоченный въ качествѣ великаго мастера ордена Христа предпринимать различныя экспедиціи съ цѣлью открытій, устроилъ на мысѣ Сагресъ, при содѣйствіи ученыхъ всѣхъ странъ, около своего замка обсерваторію, мореходную школу и собралъ богатую библіотеку; наконецъ, когда онъ организовалъ то, что было задачей всей его жизни, именно изслѣдованія африканскаго побережья, онъ пригласилъ знаменитаго картографа съ острова Майорки, «учителя Якова», и поручилъ ему научить португальскихъ мореходовъ искусству чтенія картъ земныхъ и небесныхъ.

До взятія Цеуты въ 1415 г. португальцы не заходили къ югу отъ Марокко далѣе мыса Нунъ, т.-е. «non»—«нѣтъ»,—слѣдовательно, мыса, далѣе котораго не было пути. Затѣмъ около 20 лѣтъ прошло въ безплодныхъ усиліяхъ, прежде чѣмъ удалось обогнуть мысъ Боядоръ, далеко вдающійся въ море рифами и заставляющій мореходовъ оплывать его, пускаясь далеко въ море. Первымъ обогнулъ его Жилль Эаннесъ, который, чтобы загладить свою вину передъ принцемъ Генрихомъ, поклялся проникнуть за мысъ Боядоръ,—онъ сдержалъ свое слово въ 1434 г., и именно съ этого времени начался рядъ быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ открытій, совершавшихся методически вдоль побережья,—каждый изъ мореплавателей старался передъ другимъ проникнуть далѣе, чѣмъ его предшественникъ. Гонсалецъ Бальдайя открылъ заливъ, называемый въ настоящее время Ріо-де-Оро,—онъ получилъ такое наименованіе изъ-за золотого песка, который въ немъ добывается; это открытіе примирило общественное мнѣніе съ принцемъ Генрихомъ, надъ которымъ до того времени смѣялись и которому указывали на священное писаніе, служившее будто бы доказательствомъ тому, что всѣ его изслѣдованія не могутъ ни къ чему привести; съ открытіемъ залива Ріо-де-Оро для всѣхъ стало ясно, что отнынѣ найдена была дорога въ Индію, «отчизну всего золота въ мірѣ»[1]). Вскорѣ затѣмъ Нуньо Тристанъ обогнулъ мысъ Бланко и миновалъ затѣмъ мысъ Аргуинъ съ его богатыми запасами рыбы. Пустынные берега Сахары остались позади на сѣверѣ, и мореплаватели достигли уже населенныхъ побережій, съ которыхъ можно было получать цѣнныя смолы, другіе товары и, къ несчастью, также и рабовъ!

Въ 1445 г. Денисъ Діасъ сдѣлалъ чрезвычайно важное открытіе—открылъ Зеленый мысъ, которому онъ далъ намѣренно это наименованіе, чтобы показать, какъ жестоко ошибались всѣ его предшественники,

1) Windwoode Reade. «The Martyrdome of Man».

утверждавшіе, что въ тропическихъ областяхъ все выжжено солнцемъ и безплодно. Съ этого времени путешественники отваживались пускаться

№ 359. Путешествія вокругъ Африки.



1 : 75 000 000

0 1000 2000 4000 килом.

Пункты, отмѣченные на картѣ, были достигнуты въ слѣдующіе годы: въ 1434 г. мысъ Боядоръ, въ 1435—Ріо-де-Оро, въ 1441 г.—мысъ Бланко, въ 1445 г.—Зеленый мысъ, въ 1456—1462—побережья до окрестностей мыса Пальмасъ, въ 1470 г —мысъ Тресъ Понтасъ и Санъ-Томе, въ 1471 г.—Эльмина, въ 1484 г.—устье рѣки Заиръ, въ 1486 г.—зал. св. Елены, мысъ Бурь и заливъ Альгоа.

Въ 1497 г. Васко де Гама пересѣкаетъ Атлантическій океанъ съ сѣвера на югъ, подходя къ материку лишь въ заливѣ св. Елены, огибаетъ оконечность Африки, названную съ того времени мысомъ Доброй Надежды, и достигаетъ Занзибара и Мелинды въ 1498 г.

Въ 1500 г. удалось достичь Томбукту по сухому пути чрезъ пустыню; въ 1501 г. португальцы открываютъ въ Атлантическомъ океанѣ островъ св. Елены и Вознесенія, въ 1502 г. открыты Сейшелльскіе, въ 1505 г. Маскаренскіе острова, въ 1506 г. открыты острова Тристанъ-д'Акунья и Мадагаскаръ, получившій въ тѣ времена названіе острова Санъ-Лоренцо.

съ тѣмъ большею смѣлостью, что другіе европейцы проникали внутрь материка, и познаніе самой природы страны дополняло свѣдѣнія о морѣ. Случавшіяся иногда катастрофы служили также на пользу и увеличивали

опытъ моряковъ. Такъ, Нуньо Тристанъ и многіе изъ его спутниковъ были убиты отравленными стрѣлами туземцевъ, и весь остальной экипажъ его обратился въ бѣгство непосредственно по морю и на всемъ пути даже не видалъ морского побережья, пока не прибылъ къ берегамъ Португаліи. Смерть принца Генриха въ 1460 г. не остановила стремленія къ открытіямъ: мореплаватели достигли берега, носящаго въ настоящее время наименованіе Сьерра-Леоне, и добыли оттуда многочисленныя сокровища; съ того времени жадность къ быстрому обогащенію поддерживала увлеченіе дальними путешествіями.

По нормандскимъ преданіямъ, обитатели Дьеппа конкурировали съ португальцами; «маленькій Дьеппъ» возникъ на берегу по сосѣдству съ португальскимъ городомъ Эльминой. Однако, вслѣдствіе того, что таинственность всѣхъ операцій во всѣ времена была общимъ условіемъ торговыхъ людей, негоціанты Дьеппа сами были причиною полнаго невѣдѣнія, въ которомъ остался весь міръ относительно ихъ географическихъ открытій, какъ на американскомъ берегу, такъ и на берегахъ Африки. Ни единый письменный документъ не удостовѣряетъ этихъ ихъ подвиговъ. Можно поэтому ограничиться констатированіемъ того общаго факта, что обитатели Дьеппа принимали большое участіе въ торговлѣ товарами, привозимыми изъ Африки, особенно въ торговлѣ африканскимъ перцемъ, приправой, цѣнившейся, впрочемъ, значительно дешевле, чѣмъ перецъ индійскій.

Король Іоаннъ II преслѣдовалъ съ такой же настойчивостью задачу открытія пути вокругъ Африки, какъ и принцъ Генрихъ. Мореплаватель Діего Сано пересѣкъ экваторъ и достигъ устья очень большой рѣки, которую онъ назвалъ Ріо-до-Падрано или «рѣкою столба», такъ какъ воздвигъ у устья ея столбъ, свидѣтельствовавшій о взятіи этой мѣстности во владѣніе Португаліей: этотъ могущественный потокъ, уступающій по количеству воды лишь Амазонкѣ,—рѣка Заиръ или Конго, берега котораго португальцы и заняли тогда же. Прежде чѣмъ вернуться въ Португалію, Діего Сано проникъ вдоль берега до 22° южн. шир., гдѣ воздвигъ другой памятный столбъ (1485).

Преемникъ его въ дѣлѣ открытія пути вокругъ Африки, Бартоломей Діацъ, воздвигъ нѣсколько новыхъ столбовъ на африканскомъ побережьѣ вплоть до залива св. Елены, недалеко отъ оконечности Африки, но здѣсь онъ былъ захваченъ бурями, которыя унесли его корабль далеко отъ береговъ, въ тѣ области, гдѣ волны «были выше и холоднѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ», и направлялись къ востоку. Мореплаватели поняли, что они миновали уже материкъ,—они направились потому сперва на востокъ, затѣмъ на сѣверъ и, когда достигли побережья Африки, гдѣ находится заливъ, называемый въ настоящее время заливомъ Альгоа, констатировали, что побережье

имѣетъ восточное направленіе, загибая нѣсколько къ сѣверу (1487). Задача была, слѣдовательно, рѣшена, и мореплаватели могли вернуться въ свое отечество. Бартоломей Діацъ получилъ отъ своихъ спутниковъ согласіе слѣдовать еще въ теченіе трехъ сутокъ вдоль африканскаго побережья и достигъ устья Ріо-де-Инфанте, которая позднѣе была названа Великой Рыбной Рѣкой; тамъ онъ замѣтилъ, что берегъ теряется вдали, имѣя сѣверо-восточное направленіе; когда онъ на обратномъ пути воздвигъ столбъ у залива Альгоа, то, какъ разсказываетъ Барросъ въ своихъ «Декадахъ», онъ обнялъ его «какъ своего родного сына». Путешествіе въ восточную Индію должно было совершиться, однако, лишь 10 лѣтъ спустя, и за этотъ промежутокъ времени произошло другое еще болѣе значительное открытіе—открытіе Индіи западной или «Новаго Свѣта», доставившее великую славу Испаніи.



Паоло дель-Поццо Тосканелли (1397—1482) и Марсильо Фичино (1433—1499), по картинѣ Г. Вазари во Флоренціи.

Въ концѣ XV вѣка, пять столѣтій спустя послѣ путешествій Біорниса и Лейфа Эриксона, вторичное открытіе западнаго міра и географическое завоеваніе всего земного шара сдѣлались событіями необходимыми, неизбѣжными. Всѣ мыслители предчувствовали и подготовляли это великое завоеваніе цивилизаціи, и картографы забѣгали впередъ, устраивая глобусы, на которыхъ наносили предполагаемыя границы морей и суши, либо сообразно съ данными Птоломея, либо по разсказамъ и преданіямъ моряковъ, или, наконецъ, по собственной фантазіи.

Наиболѣе знаменитые изъ этихъ глобусовъ, именно глобусъ полуславянина, полугерманца Мартина Бехаима и флорентинца Тосканелли, оказали, какъ разсказываютъ, рѣшающее вліяніе на Колумба и другихъ изслѣдователей. Наука завоевывала землю, даже еще не зная ее,—она предписывала работникамъ на научномъ поприщѣ тотъ трудъ, который имъ оставалось совершить.

Вліяніе Европы на другіе континенты разросталось неравномѣрно, то методически, то безъ всякой системы, сообразуясь съ личностями дѣятелей и съ политической и соціальной средой. Различныя преданія относительно путешествій мореходовъ въ область западныхъ морей, наименованія острововъ то миѳическихъ, то дѣйствительно существующихъ, наносившіяся на карты, все это свидѣтельствуетъ, что, дѣйствительно, съ давнихъ поръ совершались путешествія на крайній западъ, иногда обусловленныя простой любовью къ приключеніямъ, иногда случайныя, зависѣвшія отъ капризовъ бурь. Религіозныя воззрѣнія примѣшивались къ этимъ миѳамъ и были косвенною причиною изслѣдованій. Разсказывали, что 7 епископовъ, изгнанныхъ за свои вѣрованія, спаслись далеко за безбрежнымъ океаномъ и открыли тамъ 7 счастливыхъ острововъ, гдѣ они на благословенной землѣ основали 7 городовъ, тѣхъ самыхъ городовъ, которые въ настоящее время находятся будто бы подъ волнами озера Сете-Цитадесъ на островѣ Санъ-Мигель. Ирландская легенда разсказывала также, что ревностный монахъ св. Бранданъ или Бранденъ странствовалъ въ теченіе 7 лѣтъ съ острова на островъ по «студенистому морю»—несомнѣнное воспоминаніе о разсказахъ Пиѳея,—странствовалъ до тѣхъ поръ, пока ангелы, руководившіе имъ, не привели его въ «благую страну», т.-е. въ рай, гдѣ плоды произрастали всюду для удовлетворенія нуждъ человѣка. Карты и сочиненія того времени также отмѣчаютъ всѣ одну или нѣсколько странъ Брандана,—открытіе острововъ Зеленаго мыса и Азорскихъ перемѣстило далеко въ открытое море эти земли Брандана, равно какъ и другіе миѳическіе острова. Магометане въ теченіе періода своего владычества на Иберійскомъ полуостровѣ принимали также участіе въ этихъ мореплавательныхъ авантюрахъ. Арабское преданіе разсказываетъ о 8 отцахъ Альмагмиринъ или «странствующихъ», которые отправились изъ Лиссабона и открыли на самомъ дѣлѣ островъ, съ котораго они были затѣмъ увезены съ завязанными глазами на неизвѣстное имъ побережье, по которому они и добрались до марокканской гавани Сафи,—таково, по крайней мѣрѣ, свидѣтельство Эдризи. Ибнъ-Халдунъ, писавшій въ 1377 г., воображалъ еще, что «море мрака представляетъ чрезвычайныя затрудненія для мореплаванія», такъ какъ пары поднимаются съ поверхности воды и дѣлаютъ мореплаваніе немыслимымъ; на самомъ дѣлѣ лучи солнца, отражаемые землею, не достигаютъ этихъ «удаленныхъ

странъ» [1]). Обширное море, открытое, быть-можетъ, святымъ, считалось совершенно запретнымъ для простыхъ смертныхъ. Такъ, еще Дантъ повторяетъ въ своей «Новой Комедіи»: «Геркулесъ воздвигъ свои два столба на берегахъ пролива съ тѣмъ, чтобы никто не смѣлъ ихъ переступать».

Однако, интересы всей Европы, а отнюдь не одной лишь Португаліи, требовали, чтобы «море мрака» было также изслѣдовано, и чтобы окончательно былъ рѣшенъ вопросъ о шарообразности земли. Естественно, что Лиссабонъ, расположенный уже за предѣлами тѣхъ предполагавшихся граней, которыя нельзя было переступать—Гибралтара и Цеуты, —долженъ былъ сдѣлаться точкой отправленія, предназначенной для будущихъ открытій. Именно тамъ нѣкоторые генуэзскіе и, быть-можетъ, венеціанскіе мореходы предложили свои услуги португальскому королю въ смыслѣ торговли съ Фландріей и Англіей, а равно и въ смыслѣ путешествій ради открытій у береговъ Африки и ея острововъ. Въ концѣ XIII вѣка генуэзецъ Пезаньо былъ на службѣ у короля Дениса въ качествѣ главнаго адмирала его королевства. Еще за нѣсколько вѣковъ до Колумба двѣ генуэзскія галеры, снаряженныя за счетъ нѣкоего Дорія и братьевъ Вивальди, направились въ Индію западнымъ путемъ; однако, онѣ не вернулись обратно. По Авезаку, это несчастное путешествіе было предпринято въ 1275 г. или около этого времени.

Въ 1484 г. другой генуэзскій авантюристъ находился въ Лиссабонѣ въ поискахъ за счастьемъ. Это былъ опытный морякъ, много путешествовавшій въ отдаленныхъ странахъ,—онъ зналъ моря востока, воды Канарскихъ острововъ и даже воды Гвинеи; онъ бывалъ въ Англіи и доходилъ до Исландіи. Теперь онъ предполагалъ направиться прямо въ Индію, взявъ курсъ на западъ и слѣдуя движенію солнца. «Такъ какъ земля кругла—утверждалъ онъ вмѣстѣ съ Пиѳагоромъ и Аристотелемъ, равно какъ и вмѣстѣ со всѣми учеными того времени и съ картографами, устраивавшими глобусы, то вполнѣ естественно обогнуть ее, плывя чрезъ Атлантическій океанъ». Слѣдуя этому пути, корабли неизбѣжнымъ образомъ достигнутъ восточныхъ береговъ Азіи. Единственное, что остается еще узнать, это разстояніе, отдѣляющее одни берега отъ другихъ. Вопросъ является лишь въ томъ, таковы ли разстоянія, отдѣляющія одни берега отъ другихъ, что ихъ можетъ пройти экспедиція, снабженная всѣмъ необходимымъ на одинъ или на два мѣсяца пути?

Въ эту эпоху, являвшуюся подготовительной къ эпохѣ великихъ открытій между учеными, существовало два очень сильно различавшихся

1) Reinaud. «Aboulféda», tome I, p. 265.

мнѣнія относительно истинной величины земного шара: по одному изъ нихъ, основывавшемуся на авторитетѣ Эратосѳена, окружность земного шара опредѣлялась въ 252000 стадій, т.-е. превосходила, слѣдовательно,

№ 360. Западное полушаріе на глобусѣ Мартина Бехаима.



Очертанія странъ на глобусѣ нанесены здѣсь на карту меркаторской проекціи съ масштабомъ по экватору 1 : 200.000.000; меридіанъ Гринвича приведенъ на обѣихъ картахъ къ совпаденію

примѣрно на одну седьмую истинные размѣры нашей планеты. Цифра, которую получилъ этотъ александрійскій ученый, переведенная въ современныя мѣры, составляетъ 46000 километровъ, если допустить, что

представляется несомнѣннымъ, что онъ измѣрялъ аттическими стадіями [1]). По другому мнѣнію, основывавшемуся на измѣреніи, произведенномъ въ

№ 361. Восточное полушаріе на глобусѣ Мартина Бехаима.



Глобусъ Мартина Бехаима, хранящійся въ нюрнбергской библіотекѣ, имѣетъ діаметръ около метра. Его очертанія континентовъ болѣе изобилуютъ деталями, чѣмъ на этой репродукціи. Названія нанесены соотвѣтственно съ тѣмъ, которыя мы находимъ на глобусѣ.

равнинахъ Евфрата по приказанію Аль-Мамуна, окружность опредѣлялась на одну шестую короче истинной, и генуэзскій мореходъ скло-

---

1) E. H. Bunbury. «History of ancient geography», I, p. 622. — Аттическая «стадія» имѣетъ около 185 метровъ; стадія Эратосѳена основывается на ошибкѣ комментаторовъ.

нялся именно къ этой версіи, довѣряя вполнѣ тому документу, который сдѣлался позднѣе его настольной книгой—«Изображеніе міра» Петра д'Алльи. Колумбъ, выражая кратко и точно эту мысль о размѣрахъ земли, любилъ повторять: «El mundo es poco», т.-е.—«земля мала». Чтобы подкрѣпить это свое мнѣніе, онъ основывался на довольно курьезномъ авторитетѣ, именно ссылался на еврейскаго писателя Ездру, утверждавшаго, что суша, вышедшая изъ моря, простирается на $^6/_7$ земного шара, и, слѣдовательно, море, омывающее Европу съ запада, не можетъ быть слишкомъ широкимъ. Впрочемъ, онъ опредѣлилъ размѣры земли и въ болѣе точныхъ цифрахъ: по его мнѣнію, градусъ по экватору равнялся $56^2/_3$ милямъ, т.-е., принимая римскую милю въ 1480 метровъ, 85 километрамъ и 810 метрамъ; такимъ образомъ, весь экваторъ составлялъ дугу длиною въ 30792000 километровъ, что равняется приблизительно $^3/_4$ истиннаго его протяженія [1]).

Еще болѣе значительнымъ источникомъ ошибки въ предпріятіи, задуманномъ Колумбомъ, являлось то, что карты того времени изображали Старый Свѣтъ простирающимся съ запада на востокъ на несравненно болѣе значительное разстояніе, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности. На всѣхъ лоціяхъ уже одна продольная ось Средиземнаго моря захватывала 60°, тогда какъ въ дѣйствительности она обнимаетъ лишь третью часть этой дуги; что же касается изображенія Азіи, то, въ этомъ отношеніи, придерживались исчисленій Марина Тирскаго, по которымъ вся ширина Стараго Свѣта, считая отъ Счастливыхъ острововъ до столицы страны Шелка, обнимала пространство въ 225°, т.-е. около двухъ третей всей земной окружности. Правда, арабы исправили это исчисленіе и свели материкъ Стараго Свѣта до 180, 174 и даже менѣе градусовъ [2]), однако, поправки эти не были приняты Бехаимомъ и Тосканелли. Но это еще не все: географы того времени и вмѣстѣ съ ними Колумбъ истолковывали одну изъ деталей въ путешествіяхъ Марко Поло слѣдующимъ образомъ,—они принимали, что 1500 «ли» разстоянія между китайскимъ побережьемъ и архипелагомъ Ципанго или Японіей, равняются такому же количеству итальянскихъ миль, въ которыхъ считалось 1480 метровъ, тогда какъ въ дѣйствительности «ли» равняется 576 метрамъ. Такимъ образомъ, обширный архипелагъ острововъ Японіи оказывался отодвинутымъ далеко внутрь океана, и потому пространство, которое оставалось пересѣчь на пути изъ Европы на востокъ, въ силу этого самаго значительно уменьшалось. Обѣ гипотезы, одна уменьшавшая окружность земли, другая увеличивавшая поверхность Стараго Свѣта и его восточныхъ острововъ,

1) Gabriel Gravier. Société Normande de Géographie, janvier—mars 1902, p. 42.—
2) Oscar Peschel. «Zeitalter der Entdeckungen», p. 94.

подтверждали заключенія Колумба о томъ, что разстояніе между Европой и Индіей относительно невелико. Такимъ образомъ, въ результатѣ, всѣ ошибки того времени искажали чрезвычайно сильно размѣры разстоянія между Азорскими островами и Японскимъ архипелагомъ. На глобусѣ Бехаима это разстояніе опредѣляется приблизительно въ 36°, т.-е. въ одну десятую часть земной окружности, тогда какъ въ дѣйствительности оно болѣе 180 градусовъ; если выразить это разстояніе въ мѣрахъ длины, принимая во вниманіе широты данныхъ областей, то приходится опредѣлить разстояніе это въ 16000 километровъ, а не въ 3000, какъ думалъ Колумбъ.



Христофоръ Колумбъ (1446?—1506).
По портрету въ музеѣ Комо.

Еще Сенека сказалъ, и за нимъ повторяли Рожеръ Бэконъ, Пьерръ д'Алльи и др., что «при хорошемъ вѣтрѣ можно въ нѣсколько дней пересѣчь море». Кромѣ того, идеи Колумба подкрѣплялись тѣмъ обстоятельствомъ, что обитатели Канарскихъ острововъ находили часто у своихъ береговъ плоды и вѣтви чужеземныхъ деревьевъ, нерѣдко даже издѣлія рукъ человѣческихъ неизвѣстнаго происхожденія и приписывали всѣ эти находки обширной странѣ, расположенной на западѣ. Наконецъ, можно почти съ увѣренностью сказать, что-кое кто изъ исландцевъ сохранилъ еще память о путешествіяхъ, совершавшихся предками ихъ въ Гренландію и въ Винландъ. Перерывъ въ сношеніяхъ между этими странами въ теченіе 50 лѣтъ едва ли могъ окончательно вытравить всякое воспоминаніе о поѣздкахъ въ эти страны, о которыхъ упоминали саги, и Колумбъ, самъ видѣвшійся съ моряками Исландіи, несомнѣнно, слышалъ разсказы объ этихъ путешествіяхъ. Впрочемъ, независимо отъ того, зналъ ли онъ объ этихъ путешествіяхъ, или нѣтъ, онъ, во всякомъ случаѣ, имѣлъ передъ норманнскими викингами то

большое преимущество, что пускался въ море, волны и вѣтры котораго должны были прямо привести его къ намѣченной цѣли, тогда какъ ихъ постоянныя бури относили въ сторону [1]).

По вполнѣ понятному побужденію, историки всегда стараются придать особенно грандіозные размѣры и особыя сверхъ-человѣческія



Высадка Колумба въ Вестъ-Индіи.
Гравюра XVI вѣка.

доблести тому герою, которому посчастливилось послѣ долгихъ безплодныхъ предшествовавшихъ попытокъ осуществить предпріятіе, бывшее мечтою въ теченіе долгихъ вѣковъ. Столько отважныхъ мореходовъ пускалось по волнамъ страшнаго моря мрака, столько храбрыхъ изслѣдователей покинули извѣстные берега и вступили въ борьбу съ бурями далекаго Запада въ погонѣ за открытіемъ новыхъ острововъ и береговъ, такое множество труда, несчастій и гибелей человѣческихъ жизней влекло за собою всѣ эти путешествія въ теченіе ряда поколѣній, что

1) Friedrich Ratzel. «Das Meer als Quelle der Völkergrösse».

личность, въ которой сконцентрировалась слава всѣхъ этихъ изслѣдователей, вмѣстѣ взятыхъ, неизбѣжнымъ образомъ получила сверхъ-

№ 362. Багамскіе острова.



человѣческій обликъ. Колумбъ рисуется какимъ-то полубогомъ, тогда какъ многими чертами своими онъ отнюдь не выше своихъ среднихъ современниковъ и, можетъ-быть, даже ниже нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Описанія того времени разсказываютъ намъ, какъ Колумбъ принужденъ былъ бѣжать изъ Португаліи, гдѣ онъ сильно задолжалъ, и какъ ему долго пришлось бороться, прежде чѣмъ проектъ его былъ принятъ повелителями Кастиліи и Арагоніи, королевой Изабеллой и королемъ Фердинандомъ. Чтобы понять эти препятствія, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что противники его имѣли вполнѣ разумныя основанія и, въ концѣ концовъ, были совершенно правы: онъ не открылъ вѣдь вовсе того, что намѣревался открыть, и открылъ то, чего вовсе не искалъ; случай, благопріятствовавшій ему, доказалъ въ то же время его неправоту, въ чемъ онъ, однако, не желалъ сознаться вплоть до самой своей смерти, несмотря на многочисленныя накопившіяся доказательства.

Открытіе, непроизвольно совершенное имъ, предусматривалось, впрочемъ, Эратосѳеномъ [1]), который утверждалъ, что среди обширныхъ морей, отдѣляющихъ Западную Европу отъ восточной Азіи, будетъ найденъ второй населенный материкъ. Колумбъ высадился не въ Индіи, какъ онъ думалъ, а на землѣ, принадлежащей къ Америкѣ—части свѣта, получившей наименованіе въ честь флорентійскаго морехода, который послѣдовалъ по стопамъ Колумба. Первый островъ, къ которому приставали корабли Колумба, островъ Гуанахани, былъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ юго-восточныхъ Багамскихъ острововъ,—либо островъ Кэтъ, либо Майягуана, Самана или какой-нибудь изъ сосѣднихъ острововъ,—ни одна изъ мѣстностей, описанныхъ комментаторами судовыхъ журналовъ Колумба, не совпадаетъ вполнѣ съ его собственнымъ описаніемъ. Что же касается другихъ его путешествій по Антильскимъ островамъ и по Караибскому морю, то маршруты его вполнѣ точно установлены,—можно шагъ за шагомъ прослѣдить плаваніе его кораблей у береговъ Кубы, Гаити или Эспаньолы, Ямайки, Порто-Рико, у внѣшнихъ Антильскихъ острововъ, наконецъ, у береговъ континента, именно у побережья центральной Америки, между Гондурасомъ и заливомъ Ураба.

Впрочемъ, должно заранѣе сказать, что главною цѣлью Колумба, какъ это явствуетъ изъ его десятилѣтнихъ изслѣдованій въ водахъ Новаго Свѣта, было отнюдь не завершеніе великихъ географическихъ открытій,—онъ гораздо болѣе стремился къ тому, чтобы накопить богатства, завладѣть новыми землями, получить доходы и монополіи, закрѣпить власть за своей семьею и дать ей колоссальныя богатства. Правда, предполагалось, что вся эта масса золота должна была послужить на освобожденіе Гроба Господня отъ власти невѣрныхъ, но Колумбъ ни разу не сдѣлалъ ни малѣйшаго усилія къ тому, чтобы осуществить эти благочестивыя стремленія,—его ревность къ религіи не простиралась

1) Strabon, livre I.

даже настолько, чтобы забрать на свои каравеллы хотя бы одного священника!

№ 363. Путешествіе Христофора Колумба.



Первые изслѣдователи назвали „Твердой Землей" (Terra firma) побережье Южной Америки отъ устьевъ Ориноко до залива Ураба.

Самымъ важнымъ фактомъ въ исторіи открытія Христофоромъ

Колумбомъ Новаго Свѣта является то, что послѣ всѣми забытыхъ норманнскихъ мореплавателей онъ первый нашелъ земли по ту сторону Атлантическаго океана, и, конечно, при великомъ значеніи такого событія важно уже то, что оно совершилось хотя бы на нѣсколько лѣтъ ранѣе. При томъ движеніи въ пользу расширенія морского могущества Западной Европы, которое характеризовало это время, какой-нибудь Каботъ, Америго Веспуччи или Кабраль, несомнѣнно, выполнилъ бы ту же самую задачу раньше или позже. Вѣдь утверждаютъ же (Габріель Гравье), основываясь на документахъ, найденныхъ въ Дьеппѣ, что Вицентъ Пинзонъ, бывшій позднѣе капитаномъ одного изъ кораблей Колумба, посѣтилъ вмѣстѣ съ нормандцемъ Жаномъ Кузеномъ берега Бразиліи за четыре года до того, какъ генуэзскій мореплаватель со своей флотиліей достигъ американской территоріи. Это, впрочемъ, ровно ничего существеннаго не представляетъ. Какъ бы то ни было, совершенное открытіе Америки отмѣчаетъ именемъ Колумба великій поворотный пунктъ въ исторіи человѣчества. Колумбу же принадлежитъ честь крупнаго открытія въ области физической географіи, именно—честь первыхъ наблюденій надъ склоненіемъ магнитной стрѣлки; точно также въ области мореплаванія онъ первый при пересѣченіи Атлантическаго океана воспользовался правильной смѣной вѣтровъ,—на пути отъ Европы до Антильскихъ острововъ шелъ при помощи пассатныхъ вѣтровъ и совершилъ обратный путь съ антипассатами. Міръ, во всякомъ случаѣ, вступилъ въ новую эру.

Въ теченіе остальной части своей жизни Колумбъ, сохранившій за собою законную монополію морскихъ изслѣдованій, встрѣтилъ немало соперниковъ въ этой области. Такъ, другой мореплаватель, считающійся обыкновенно генуэзцемъ и лишь позднѣе устроившійся въ Венеціи, а затѣмъ ставшій англичаниномъ, Джіованни Габотто, болѣе извѣстный подъ именемъ Іоанна Кабота, получилъ отъ короля Генриха VII для себя самого и для всей своей семьи исключительное право совершать подъ королевскимъ флагомъ плаванія съ цѣлью открытія земель, морей и заливовъ на западѣ, востокѣ и сѣверѣ, право заниматься также, если это возможно, торговлею, при единственномъ лишь условіи, чтобы королю отчислялась пятая часть его прибыли. Быть-можетъ, онъ былъ знакомъ со сношеніями, которыя поддерживались скандинавами въ древности съ западными странами, такъ какъ въ это время Бристоль находился въ очень тѣсной торговой связи съ Исландіей. Какъ бы то ни было, онъ отплылъ, имѣя цѣлью попасть непосредственно въ страну Винландъ и въ 1497 г., за годъ примѣрно до того, какъ Колумбъ открылъ берега континента Америки, Іоаннъ Каботъ и его сынъ Себастьянъ пересѣкли море, усѣянное пловучими льдами, и достигли «первой земли»—«terra primum visa»,—гдѣ обитали

эскимосы, одѣтые въ мѣха, и где были встрѣчены бѣлые медвѣди и сѣверные олени. Во время второго путешествія, предпринятаго въ



№ 364. Побережье, открытое Іоанномъ и Себастьяномъ Каботъ.

слѣдующемъ году, Себастьянъ Каботъ попалъ въ широты болѣе южныя, къ «островамъ Трески»,—быть-можетъ, къ Нью-Фаундленду: затѣмъ этотъ

отважный морякъ продолжалъ свой путь на югъ, придерживаясь береговъ материка, спустился почти до широты Гибралтара, что соотвѣтствуетъ берегамъ Сѣверной Каролины, но тамъ отсутствіе провизіи заставило его вернуться обратно.

Ревностно преданный дѣлу изслѣдованія дальнихъ странъ, Себастьянъ Каботъ продолжалъ свои плаванія и за свой собственный счетъ, когда англійскій король, бывшій человѣкомъ очень экономнымъ, не пожелалъ ему болѣе помогать,—начавъ свое путешествіе тамъ, гдѣ оно было прервано; онъ направился снова къ югу и встрѣтилъ, въ концѣ концовъ, повидимому, испанскихъ мореплавателей у береговъ Флориды и Антильскихъ острововъ. Такимъ образомъ, сомкнулись пути, намѣченные Колумбомъ и Каботомъ. Въ то же время Себастьянъ Каботъ измѣнилъ свои первоначальные проекты и поступилъ на службу Испаніи. Въ эту эпоху, однако, уже большое число португальскихъ, англійскихъ и французскихъ контрабандистовъ и рыболововъ стало предпринимать путешествія на сѣверъ, цѣлью которыхъ являлся «Островъ» или «Новая Земля», какъ обозначали тогда всѣ недавно открытыя побережья Сѣверной Америки. Въ жизнеописаніи Себастьяна Кабота Бидль говоритъ о томъ, что португальскіе моряки доставили въ 1505 г. англійскому королю «горныхъ кошекъ» и «попугаевъ» Новой Земли,—это доказываетъ, что подъ это наименованіе подходили и страны, простиравшіяся на югъ не менѣе какъ до 35° шир. Не подлежитъ сомнѣнію, что съ этой эпохи начался правильный вывозъ запасовъ сушеной трески на рынки Европы, требовавшіе во время поста большое ея количество;—вывозомъ этимъ занялись моряки баски, бретонцы и норманны. Названіе «Капъ-Бретонъ», данное острову, который является продолженіемъ Новой Шотландіи при входѣ въ заливъ св. Лаврентія, напоминаетъ намъ о небольшомъ городкѣ басковъ, расположенномъ у прежняго устья рѣки Адура.

Мореходы и рыбаки, промышлявшіе треску, не вели своихъ мемуаровъ и не подчинялись въ своихъ плаваніяхъ оффиціальнымъ приказамъ адмираловъ и декретамъ королей. Съ другой стороны, инициатива ихъ была крайне медлительна, и если въ началѣ XVI вѣка мы констатируемъ уже существованіе чрезвычайно дѣятельнаго промысла, въ которомъ принимаетъ участіе одновременно нѣсколько народностей, занимающихся ловомъ трески, то изъ этого можно заключить, что начало этого промысла относится къ очень давнимъ временамъ. Еще въ 1464 г. нѣкій губернаторъ провинціи Терсейра, Іоанно Васъ-Кортереаль, посѣтилъ какую-то «Землю трески» («terra do Bacalhao») [1].

1) Luciano Cordeiro. «De la Découverte de l'Amérique».

Сынъ этого Кортереаля, Гаспаръ, претендуетъ на то, что въ 1500 г. имъ была открыта у этихъ береговъ «Зеленая Земля», и это

№ 365. Побережье, открытое Америго Веспуччи и Кабралемъ.



позволяетъ считать весьма вѣроятнымъ, что память о путешествіяхъ исландцевъ никогда не исчезала даже на югѣ Европы; китоловы, пускав-

шіеся далеко въ холодныя сѣверныя воды, стали заниматься, по всей вѣроятности, ловомъ трески или «bacalhao»—«Kabeljan» моряковъ сѣвера, по мѣрѣ того, какъ киты дѣлались все болѣе и болѣе рѣдкими въ Гасконскомъ заливѣ и въ другихъ умѣренныхъ моряхъ. Рыболовы этихъ морей были замѣчательными предшественниками современныхъ натуралистовъ и умѣли съ незапамятныхъ временъ, быть-можетъ, даже со временъ до-историческихъ, добывать гарпуномъ глубоководныхъ акулъ Атлантическаго океана, водящихся на глубинѣ нѣсколькихъ сотъ метровъ. Какъ бы то ни было, независимо отъ того, правильна или нѣтъ гипотеза о поддержаніи мореплаванія въ арктическихъ водахъ, начиная съ самаго 1000 г., баски такъ же, какъ и португальцы, посѣщали, несомнѣнно, моря, окружавшія «Новую Землю» и изобиловавшія рыбой, и считали ихъ даже своими водами; первые называли ихъ морями Жуана де-Эшайда, по имени мореплавателя, о которомъ не сохранилось документальныхъ историческихъ данныхъ, вторые давали имъ наименованіе «морей Кортереаля», по имени губернатора Терсейры и двухъ его сыновей, которые нашли тамъ свою погибель.

Открытія, сдѣланныя въ тропическихъ моряхъ, въ странахъ, залитыхъ палящими лучами южнаго солнца, открытія острововъ и береговъ, богатыхъ золотомъ, жемчугомъ, драгоцѣнными растеніями, поразили воображеніе гораздо сильнѣе, чѣмъ путешествія, совершавшіяся въ сумракѣ крайняго сѣвера, и память о нихъ яснѣе сохранилась. Цѣлый сонмъ изслѣдователей направился къ Антильскимъ островамъ и къ берегамъ южнаго материка, несмотря на всѣ оффиціальныя запрещенія, концессіи и монополіи. Черезъ два года послѣ того, какъ Колумбъ подошелъ къ «твердой землѣ» вблизи дельты Ориноко, рѣки, «исходящей изъ земного рая», все южно-американское побережье, омываемое Атлантическимъ океаномъ и Караибскимъ моремъ, было уже распознано, съ одной стороны, до Кананейскаго залива въ Южной Бразиліи, съ другой—до залива Ураба въ сѣверо-западномъ углу Колумбіи, слѣдовательно, всего на протяженіи около 9000 километровъ. Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ, 1499 и 1500, Пералонзо Ниньо и Гуэрра посѣтили берега, простирающіеся на западъ отъ залива Парія; Алонзо Гойеда, въ сопровожденіи двухъ мореходовъ, Жуана де-ла-Коза и Америго Веспуччи, прошелъ вдоль береговъ Гвіаны, Венецуэлы и современной Колумбіи до мыса Вела; затѣмъ Бастидасъ де-Севилья изслѣдовалъ берега, которые тянутся за этими предѣлами вплоть до устья рѣки Атрако, тогда какъ Вицентъ Пинзонъ, одинъ изъ давнишнихъ спутниковъ Колумба, пересѣкъ «Прѣсное море», образуемое Амазонкою при выходѣ ея изъ дельты. За нимъ послѣдовалъ Діего Лепе; наконецъ, тринадцать португальскихъ кораблей, которые Педро Альварецъ Кабраль велъ въ Индію, пристали къ «острову Вера-Круцъ или Санта-



Карта Дiего Риберо 1529 года.

Нѣсколько упрощена по изданiю К. Эррера.

Круцъ», т.-е. къ берегу Бразиліи,—это случилось, вѣроятно, по ошибочно-выбранному направленію пути, а можетъ-быть, и преднамѣренно,—съ цѣлью признать оффиціально португальскими тѣ земли, у береговъ которыхъ уже плавали корабли всѣхъ націй [1]). Эта претензія Кабраля не осталась тщетной: португальскія владѣнія дѣйствительно вклинились между испанскими.

Не подлежитъ сомнѣнію, что купцы Нормандіи совершали путешествія къ берегамъ, у которыхъ открывается заливъ, носящій названіе «Ріо-де-Жанейро», еще «за много лѣтъ до того», т.-е. до 1503 г.,—это упоминается спеціально по отношенію къ экспедиціи жителя города Дьеппа, Польмье де-Гонневилль [2]). Какъ сообщаетъ подлинный документъ, эти торговыя путешествія совершались, главнымъ образомъ, чтобы добыть «брезиль», т.-е. красное красильное дерево. Это наименованіе «Брезиль» и получило перевѣсъ надъ оффиціальными названіями «Вера-Круцъ» или «Санта-Круцъ».

Взятіе во владѣніе этихъ западныхъ земель кораблями Педро Альвареца Кабраля въ 1500 г. явилось начальнымъ моментомъ раздѣла новаго континента между Португаліей и Испаніей. Послѣдняя, въ силу путешествій своего великаго адмирала Колумба, его спутниковъ и соперниковъ, сдѣлалась по обычному праву властительницей надъ ново-открытыми землями; благодаря этому, однако, Португалія, владѣвшая уже въ теченіе долгаго времени Азорскими островами, стала опасаться, что утратитъ тѣ, быть-можетъ, сомнительные острова, которые моряки указывали по сосѣдству съ ними; занятая въ теченіе болѣе столѣтія отысканіемъ новыхъ земель, она рисковала совершенно лишиться своихъ пріобрѣтеній, которыя могли отойти къ ея соперницѣ-сосѣдкѣ. Потому, тотчасъ же по возвращеніи Колумба изъ его перваго путешествія, начались дипломатическіе переговоры между Португаліей и Испаніей.

Еще принцъ Генрихъ Мореплаватель получилъ въ серединѣ XV вѣка папскую буллу, предоставлявшую во владѣніе Португаліи всѣ земли, которыя будутъ ею открыты за предѣлами мыса Боядора, «даже вплоть до Индіи». По отношенію къ новымъ открытіямъ вопросъ былъ, однако, спорнымъ, такъ какъ испанцы, присваивавшіе себѣ западныя земли, видѣли въ нихъ страны, примыкающія къ Индіи. Первоначально оба государства согласились выждать время, затѣмъ же, въ 1494 г., былъ заключенъ договоръ при Тордесилльи [3]), по которому португальцы, получившіе первоначально въ качествѣ пограничной черты между своими и испанскими владѣніями меридіанъ, проходящій въ разстояніи «ста

1) Aug. de Carvalho, Rovista da Soc. de Geogr. do Rio de Janeiro, 1893.— 2) D'Alvazac. «Nouvelles Annales des Voyages», 1869.—3) Тордесиллья не нанесена на карту № 358; этотъ городъ находится на р. Дуро, въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Валльядолида.

льё» къ западу отъ Азорскихъ острововъ, передвинули эту границу на разстояніе 270 льё отъ того же архипелага. Одинъ изъ кардиналовъ при дворѣ папы Александра VI долженъ былъ утвердить со стороны церковной это соглашеніе обѣихъ державъ 1); въ папской подписи подъ подобнымъ документомъ не должны, однако, видѣть какихъ-либо высокихъ суверенныхъ правъ въ родѣ тѣхъ, какими пользовался Гильдебрандтъ, не должно думать, что верховный первосвященникъ призналъ за собою право разрѣзать міръ на двѣ половинки, какъ яблоко 2). На самомъ дѣлѣ единственно лишь относительное могущество обѣихъ договаривавшихся державъ опредѣляло пограничную черту: первый пограничный меридіанъ въ ста льё отъ Азорскихъ острововъ отрѣзалъ Португаліи лишь самую крайнюю оконечность Бразиліи, и это подняло въ Лиссабонѣ цѣлую бурю негодованія, въ силу чего Испанія принуждена была согласиться на принятіе трактата при Тордесильи 3). Извѣстно, что позднѣе Португалія не удовлетворилась и этими границами, такъ какъ предѣлы Бразиліи передвинулись болѣе чѣмъ на 2000 километровъ внутрь страны.

Въ 1501 г. было предпринято другое путешествіе вдоль береговъ Бразиліи, менѣе важное, чѣмъ путешествіе Кабраля съ точки зрѣнія политической, но имѣвшее, быть-можетъ, еще значительно болѣе серьезные результаты, такъ какъ оно позволило лучше познакомиться съ Новымъ Свѣтомъ: это было путешествіе Америго Веспуччи, который стоялъ во главѣ португальской флотиліи и шагъ за шагомъ изучалъ бразильское побережье отъ Бахіи до Кананейскаго залива, подъ 25° южн. шир.; отъ этого послѣдняго пункта онъ направился на юго-востокъ, пересѣкъ южный Атлантическій океанъ и достигъ холодной, безплодной и скалистой страны, какъ предполагаютъ Новой Георгіи. Эта экспедиція изо всѣхъ прочихъ проникла, слѣдовательно, далѣе всего вглубь невѣдомыхъ морей; особое значеніе ея покоится, однако, на разсказахъ, которые были опубликованы по возвращеніи Америго Веспуччи. Около 1503 г. письмо, написанное имъ его другу Лоренцо Медичи, было переведено на латинскій языкъ и затѣмъ въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ появилось на другихъ современныхъ языкахъ Западной Европы. Въ 1507 г. были опубликованы въ Сенъ-Дьё другіе разсказы его, содержавшіе, однако, много крупныхъ ошибокъ,—они вышли подъ наименованіемъ «Quatuor Navigationes» и представляли собою какъ бы собраніе писемъ, адресованныхъ Веспуччи нѣкоему Содерини изъ Флоренціи,—описанія эти, хотя и содержавшія ошибки, но составленныя, несомнѣнно,

1) Ernest Nys.—2) Oscar Peschel. «Zeitalter der Entdeckungen».—3) Oldham. Scottish Geographical Magazine, March 1893. См. пограничную черту на картѣ на стр. 255.

по оригинальнымъ документамъ, были встрѣчены чрезвычайно сочувственно и съ огромнымъ интересомъ читались всѣмъ тогдашнимъ обществомъ, сдѣлавъ всюду извѣстнымъ имя путешественника Америго. Тогда какъ этотъ послѣдній самъ предлагалъ всюду дать новооткрытымъ континентамъ наименованіе «Новаго Свѣта», издатель «Quatuor Navigationes», Базинъ де Сандокуръ, или, быть-можетъ, его редакторъ, Вальдземюллеръ, болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ Hylacomilus, предложилъ впервые назвать именемъ Америго весь великій западный континентъ. Въ теченіе всего XVI вѣка самыя различныя географическія наименованія давались какъ въ книгахъ, такъ и на картахъ тѣмъ землямъ, которыя испанцы вмѣстѣ съ Колумбомъ обозначали оффиціально подъ наименованіемъ «Восточной Индіи»; въ XVII вѣкѣ, однако, названіе «Америка» стало получать преобладаніе, чему, безъ сомнѣнія, способствовало созвучіе, представляемое именами континентовъ: Европа, Азія, Африка, Америка.

Все же гипотеза эта не можетъ считаться совершенно достовѣрной, и возможно, что наименованіе двойного континента туземнаго происхожденія, какъ это принимается американцами, быть-можетъ, не безъ нѣкотораго участія безсознательнаго шовинизма. По мнѣнію Альфонса Пинара, наименованіе Новому Свѣту было дано по имени большого торговаго города Америка (Марака, Амаракапана), расположеннаго близъ современнаго города Кумана. По Жюлю Марку, горы въ Никарагуа, носящіе названіе «Сьерра Амеррикъ», были указаны Колумбу въ его путешествіи въ 1502 г. какъ горы, откуда доставляли золото въ Верагуа, и названія этихъ горъ, извѣстныя золотоискателямъ, были, въ концѣ концовъ, пріурочены будто бы ко всѣмъ землямъ западнаго материка. Впрочемъ, повидимому, нѣтъ ни одного документа, въ которомъ упоминался бы этотъ хребетъ центральной Америки ранѣе сочиненія Томаса Бельта, «The Naturalist in Nicaragua», опубликованнаго въ 1874 г., тогда какъ уже на одной изъ картъ 1507 г., найденной І. Фишеромъ, нанесено названіе Америки.

Послѣ послѣдняго путешествія Колумба въ 1504 г. насталъ періодъ, когда великія открытія пріостановились. Дѣло въ томъ, что результаты монополіи, установленной испанскимъ правительствомъ, стали уже сказываться, и, кромѣ того, изслѣдователи, дѣйствительно заботившіеся о географическихъ открытіяхъ, въ родѣ Америго Веспуччи, сдѣлались малочисленными,—главнѣйшею цѣлью всѣхъ изслѣдователей было исканіе золота, жемчуга, драгоцѣнныхъ камней и, быть-можетъ, исканіе также земного рая, завоеваннаго, наконецъ, снова правовѣрными католиками. Сочиненія того времени отмѣчаютъ, что Понсе де Леонъ, Памфило Нарваэцъ и другіе мореходы, направлявшіе свои корабли къ

Багамскимъ островамъ и къ Флоридѣ, имѣли своею цѣлью открыть чудодѣйственный «источникъ молодости», о которомъ говорили волхвы и поэты; однако, ни одинъ изъ тѣхъ чистыхъ источниковъ, которые берутъ свое начало въ подземныхъ галлереяхъ и въ таинственныхъ гротахъ или бьютъ со дна морей среди соленой стихіи, не могли вернуть имъ прежней молодости и обусловить силы и здоровья!

Должно замѣтить, что открытіемъ Колумба была затронута одна



Каравелла XVI вѣка и летучія рыбы.
По современной гравюрѣ.

изъ географическихъ задачъ первѣйшей важности. Являлся вопросъ, открылъ ли онъ дѣйствительно «Индію», какъ онъ утверждалъ, или онъ нашелъ «Новый Свѣтъ», какъ говорилъ Америго Веспуччи? Увлеченный своею идеею, Колумбъ, вопреки всякой очевидности, настаивалъ на томъ, что Куба одинъ изъ полуострововъ Азіи; онъ не прослѣдилъ ее, однако, до того мѣста, которымъ она будто бы примыкала къ материку; заботясь о томъ, чтобы на вѣки установилось убѣжденіе въ правильности

того, что, по его собственному предчувствію, являлось ошибочнымъ, онъ грозилъ даже командѣ своихъ кораблей наказаніемъ, если кто-нибудь осмѣлится утверждать, что Куба настоящій островъ [1]). Считая, однако, что плыветъ вдоль береговъ имперіи великаго богдыхана, Колумбъ былъ убѣжденъ, что долженъ найти въ юго-западномъ направленіи проливъ, которымъ Марко Поло обогнулъ Азію, когда сопровождалъ монгольскую принцессу, отправлявшуюся въ Иранъ къ своему жениху. О такомъ проливѣ онъ слышалъ, когда плылъ вдоль береговъ Верагуа, или, вѣрнѣе, такимъ образомъ были истолкованы имъ слова туземцевъ объ очень близкомъ сосѣднемъ морѣ, которое тянется далѣе на югъ и на западъ. Онъ тщетно искалъ входа въ такой проливъ, и уже на долю другихъ мореплавателей осталось открытіе этого таинственнаго пути. Проливъ искали еще долгое время послѣ Колумба, его искали даже въ серединѣ XVI вѣка, несмотря на то, что тогда уже выплывала новая задача— прорыть искусственный каналъ чрезъ перешеекъ, такъ какъ не удалось открыть естественнаго пролива.

Между авантюристами и искателями золота, отважившимися отправиться въ «Золотую Кастилію», какъ называлась часть американскаго перешейка, тянущаяся вдоль Карaибскаго моря между заливомъ Ураба и лагуной Чирики, находился энергичный и умный мореплаватель, капитанъ Васко Нуньецъ де Бальбоа,—это былъ человѣкъ, совершенно погрязшій въ долгахъ, обвиненный въ предательствѣ и убійствѣ и тѣмъ сильнѣе желавшій прославиться какимъ-либо великимъ дѣяніемъ. Случай къ тому скоро ему представился. Во время одной изъ экспедицій съ цѣлью грабежа и разбоя онъ узналъ отъ какого-то индѣйца тотъ путь, какимъ слѣдовало идти, чтобы достичь противоположной стороны хребта горъ и береговъ противоположнаго моря. Въ концѣ 1513 г. онъ достигъ, дѣйствительно, устья одной рѣки, впадающей въ Тихій океанъ. Въ своемъ блестящемъ военномъ вооруженіи онъ всталъ на камень среди морскихъ волнъ и торжественно принялъ во владѣніе «кастильской короны всѣ южныя моря со всѣми странами, берегами, гаванями и островами, со всѣми королевствами и подвластными имъ землями, древняго и нынѣшняго происхожденія, существовавшими ранѣе, существующими теперь и имѣющими существовать въ будущемъ, со всѣми островами и континентами сѣвера и юга, равно какъ и съ морями сѣвернаго полюса и полюса южнаго, по обѣ стороны экватора, внутри и внѣ тропиковъ Рака и Козерога, отнынѣ и навсегда, пока будетъ существовать міръ, и пока не настанетъ судный день надъ всѣми смертными»! Та-

---

1) «Navarrete», t. II, v;—Oscar Peschel. «Zeitalter der Entdeckungen», p. 200.

кимъ образомъ, онъ пріобрѣлъ и на настоящее и на всѣ будущія времена цѣлую половину міра для короля Испаніи,—это, впрочемъ, не помѣшало тому обстоятельству, что позднѣе Бальбоа былъ обезглавленъ по приказанію своего повелителя.

Какъ ни мало достойны были тѣ орудія, которыми совершались



Центральная Америка по Майолло (1527).

По атласу Кречмера „Entdeckung Amerika's", эта карта одна изъ послѣднихъ, содержащихъ „сомнительный проливъ" (Stratto dubitoso), хотя и существуетъ еще одна 1532 года. Съ другой стороны, карта 1512 г. Іоанна Стобницы представляетъ материкъ Америки продолжающимся отъ 40° до 50° с. ш. и отдѣленнымъ океаномъ отъ азіатскаго континента и отъ острова Ципанго.

великія географическія открытія, послѣднія все же были совершены, и съ того времени сталъ извѣстенъ путь къ «Южному морю» (Mar del Sur), названному такъ вслѣдствіе загиба перешейка къ западу въ области между Караибскимъ моремъ (Mar del Norte) и Панамскимъ заливомъ. Вскорѣ были спущены въ воды, омывающія архипелагъ Жемчужныхъ острововъ, четыре каравеллы, и оттуда онѣ должны были поплыть вдоль береговъ: къ югу былъ открытъ путь къ Перу, на сѣверо-западъ—путь къ Мексикѣ и на западъ—къ той далекой Азіи, которую считалъ уже достигнутою великій генуэзскій мореплаватель. Впрочемъ, несмотря на

это, мореплаватели все еще искали морского прохода, котораго не нашли позади Антильскихъ острововъ. Въ 1509 г. Вицентъ Пинзонъ и Діацъ де Солисъ думали одно время, что проникли въ такой проливъ, когда вступили въ широкое устье Ла-Платы; затѣмъ въ 1517 г. одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ мореплавателей, какимъ поистинѣ былъ Себастьянъ Каботъ, надѣялся и, какъ мы знаемъ, съ полнымъ основаніемъ, что нашелъ, наконецъ, настоящій морской путь въ Азію, когда обогнулъ атлантическое побережье Лабрадора и вошелъ въ широкій проливъ—по всѣмъ вѣроятіямъ въ проливъ Фокса,—гдѣ онъ достигъ 67° 30′ сѣв. шир.; тамъ, однако, его спутники, испуганные снѣжными полями, безплодными скалами и ледяными горами, заставили его вернуться обратно. Онъ былъ, тѣмъ не менѣе, на вѣрномъ пути. Корабль его проникъ въ тотъ запутанный лабиринтъ проливовъ, который ведетъ, въ концѣ концовъ,—къ Берингову морю и Тихому океану, путь, которому суждено было быть открытымъ 333 года спустя великобританскими изслѣдователями арктическихъ странъ.

Велика должна была быть предпріимчивость, смѣлость и образованность мореходовъ въ XVI вѣкѣ, если имъ удалось проникнуть такъ далеко въ трудно доступныя моря и хотя бы отчасти осуществить свои смѣлыя намѣренія. И, несмотря на все это, Себастьянъ Каботъ оставался въ свое время почти неизвѣстнымъ; никто не признавалъ за нимъ заслугъ завоеванія всего континента Сѣверной Америки, берега котораго были имъ открыты и нанесены на карту на большомъ протяженіи; никто не обратилъ также вниманія и на его столь важныя наблюденія по физической географіи земли,—вѣдь имъ, напримѣръ, были сообщены первыя свѣдѣнія о развѣтвленіи того теплаго теченія, которое носитъ въ настоящее время названіе Гольфштрома; онъ первый также опредѣлилъ въ точности берега моря въ 110 миляхъ къ западу отъ Азорскаго острова Флореса, гдѣ въ тѣ времена проводился магнитный меридіанъ нулевого склоненія [1]). Не извѣстно даже, когда умеръ Себастьянъ Каботъ; сохранилось лишь извѣстіе, что онъ скончался въ Лондонѣ послѣ своего возвращенія изъ путешествія къ устью Ла-Платы, Параны и Парагвая, совершеннаго въ 1528 г.; во время этого путешествія онъ проявилъ еще разъ свою геніальность, указавъ, что рѣка эта послужитъ въ будущемъ путемъ къ той «Странѣ серебра», которая была открыта въ западныхъ Андахъ конквистадорами. Относительно малая извѣстность Себастьяна Кабота зависитъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, отъ того, что онъ болѣе заботился о наукѣ, чѣмъ о богатствѣ, и не привозилъ изъ своихъ путешествій золота и жемчуга, что сдѣлало та-

---

1) A. von Humboldt. «Kosmos».

кимъ знаменитымъ Колумба, и что позднѣе составило славу Пизарро и Кортеца. Кромѣ того, полная превратностей жизнь этого генуэзца, венеціанца и позднѣе англичанина, то находящагося на службѣ Карла V, то служащаго Генриху VIII, была причиною того, что ни одна страна не считала его своимъ національнымъ героемъ. Чтобы сдѣлать въ памяти людей Кабота настоящимъ англичаниномъ, обитатели Бристоля воздвигли въ честь обоихъ Каботовъ, отца и сына, памятникъ въ видѣ башни на вершинѣ холма Брандона или Брандана; на этомъ холмѣ находился ранѣе весьма почитавшійся всѣми храмъ, посвященный божествамъ, покровительствовавшимъ мореплаванію по Атлантическому океану,—теперь этотъ храмъ былъ замѣненъ памятникомъ Каботу.



Себастьянъ Каботъ (1470—1555?).
Портретъ, приписываемый Гольбейну.

Въ тѣ времена, когда Себастьянъ Каботъ искалъ пути въ Китай и въ Индію «сѣверо - западнымъ проходомъ», прямой путь, пролегавшій по восточнымъ морямъ, былъ извѣстенъ уже болѣе 20 лѣтъ, и имъ уже пользовались. Португальцы знали его даже съ еще болѣе давнихъ поръ, такъ какъ Бартоломей Діацъ обогнулъ южную оконечность Африки, а Перо де Ковильяно, посланникъ, отправленный къ королю Эѳіопіи, котораго считали тогда знаменитымъ «пресвитеромъ Іоанномъ» легендъ и преданій, пересѣкъ Индійскій океанъ на корабляхъ арабовъ, посѣтивъ Мадагаскаръ, Софалу и западный берегъ Индіи. Такимъ образомъ, и цѣль и способы ея достиженія были прекрасно извѣстны, но португальское правительство останавливалось еще передъ крупными затратами,

какія потребовала бы морская экспедиція въ Индію, пока открытіе Западной Индіи Христофоромъ Колумбомъ не положило предѣлъ всякому колебанію.

Васко де Гама отправился изъ Португаліи въ 1497 г. съ эскадрою, состоявшею изъ 4 кораблей, и безо всякихъ особыхъ затрудненій, если не считать того, что пришлось бороться съ сильными теченіями Мозамбикскаго канала, достигъ устья рѣки Замбези, «рѣки добрыхъ предзнаменованій». Въ этой мѣстности сомкнулись уже извѣстные теперь морскіе пути, такъ какъ арабскіе мореходы, во время своихъ плаваній вдоль береговъ, спускались и еще далѣе па югъ, вплоть до страны Софала. Не должно думать, что Васко де Гама и его спутники-португальцы были обязаны лишь своему генію и своей непоколебимой настойчивости нахожденіемъ этихъ путей въ Индійскомъ океанѣ: главнымъ образомъ, благодаря мореходамъ-арабамъ восточнаго побережья Африки, тѣмъ самымъ мореходамъ, у которыхъ они похитили господство на морѣ, были они въ состояніи подвигаться впередъ отъ одного порта къ другому отъ Мозамбикскаго пролива на Момбазъ и Мелинду и, наконецъ, могли перенестись муссономъ черезъ океанъ въ портовый городъ Каликутъ. Когда Васко де Гама появился въ этихъ индійскихъ моряхъ, тамъ господствовало морское право, соблюдавшееся гораздо строже, чѣмъ въ европейскихъ водахъ,—еще въ концѣ XIII вѣка арабскіе и малайскіе мореходы-магометане составили тамъ «согласно древнимъ обычаямъ» сводъ морскихъ постановленій, принятыхъ всѣми моряками въ малайскихъ моряхъ [1]), равно какъ и въ водахъ Мадагаскара и Африки. Христіанамъ выпала честь введенія у этихъ береговъ нравовъ чистѣйшаго пиратства.

Судя по тому, что встрѣтили португальцы на Малабарскомъ берегу, можно думать, что значительно ранѣе установленія оффиціальныхъ сношеній между государствами Европы и Азіи простые торговцы находили путь къ дальнимъ странамъ, побуждаемые исканіемъ наживы и развивающеюся борьбою за существованіе. Какъ на африканскомъ берегу, такъ и на Малабарскомъ, Васко де Гама встрѣтилъ естественныхъ союзниковъ въ лицѣ христіанъ «ѳомистовъ», потомковъ индусовъ, которые были обращены въ христіанство въ первые вѣка пропаганды религіи назареянъ; затѣмъ во время своихъ плаваній отъ одного порта къ другому Васко де Гама пригласилъ къ себѣ, въ качествѣ лоцмана и въ то же время въ качествѣ шпіона, польскаго еврея, который кое-какъ говорилъ по-итальянски,—венеціанскіе купцы, явившіеся предшествен-

1) J.-M. Pardessus. «Collection de Lois maritimes antérieures au XVIII siècle», cité par E. Nys. «Un Chapitre de l'Histoire de la Mer».

никами португальцевъ, были его воспитателями. Въ концѣ концовъ, въ Индіи, какъ и на Средиземномъ морѣ, стала разыгрываться борьба на почвѣ торговли между различными христіанскими народами: Лиссабонъ сталъ стараться прекратить торговлю Венеціи, пользовавшейся арабскими кораблями; войны, осады, нападенія, битвы и бомбардировки,

№ 366. Область географическихъ открытій португальцевъ.



При входѣ въ Персидскій заливъ С обозначаетъ Сирафъ, К—островъ Кай, Б.-А.—Бендеръ-Аббасъ.

послѣдовавшія затѣмъ во время столкновеній новыхъ пришельцевъ съ различными властителями побережья Индіи, были на самомъ дѣлѣ не болѣе какъ отдѣльными эпизодами борьбы, начавшейся между двумя великими европейскими торговыми державами. Лиссабонъ имѣлъ то преимущество, что на его сторонѣ была сила, и имъ же была взята иниціатива въ борьбѣ,—въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ одержалъ рядъ побѣдъ въ тѣхъ самыхъ областяхъ, гдѣ производились пряности

и другіе цѣнные товары. Стараясь разъединить, чтобы властвовать, португальцы возстановили мелкихъ князьковъ противъ великаго «тамутиви» или «заморина» Каликута, «господина надъ горами и волнами», и уже въ 1503 г. вступили на побережье въ качествѣ завоевателей, устроили крѣпость, господствующую надъ подступами къ городу Кочину, и побѣдоносно утвердились въ этой крѣпости.

Великія событія, отважныя предпріятія слѣдовали одно за другимъ съ поразительною быстротою: въ эту эпоху португальцы, эта небольшая народность, сильно гордившаяся своимъ прошлымъ, полная увѣренности въ своемъ современномъ могуществѣ, считала себя способной совершить любые самые трудные подвиги. И, дѣйствительно, тѣ нѣсколько сотъ, затѣмъ нѣсколько тысячъ людей, которыми только и могли располагать такіе предводители, какъ Васко де Гама, д'Альмейда, Альбукеркъ, Кутиньо, для завоеванія этого новаго міра, простирающагося безграничнымъ амфитеатромъ вокругъ Индійскаго океана, совершили истинныя чудеса энергіи, подвиги столь замѣчательные, что можно было счесть участниковъ за существа, одаренныя сверхъ-естественной силой! Въ 1507 и 1508 г. португальцы ведутъ борьбу съ флотиліей египтянъ, которые пожелали, во что бы то ни стало, удержать монополію Александріи, какъ рынка индійскихъ товаровъ, и уничтожаютъ эту флотилію безъ остатка; въ 1510 г. они овладѣваютъ городомъ Гоа и дѣлаютъ изъ него опорный пунктъ для завоеванія долины Ганга; въ слѣдующемъ году они насильственнымъ путемъ проникаютъ въ отдаленный на нѣсколько тысячъ километровъ морской портъ Малакку, гдѣ встрѣчаются съ четырьмя другими торговыми народностями крайняго востока, группирующимися каждая въ своемъ особомъ кварталѣ, именно съ народностью гудзератовъ или западныхъ индусовъ, съ бенгальцами, яванцами и китайцами. Затѣмъ въ 1515 г. они утверждаютъ свое господство на островѣ Ормузъ, являющемся какъ бы сторожемъ всего западнаго Индійскаго океана,—это былъ рынокъ, на которомъ богатства Малой Азіи, Вавилоніи и Ирана обмѣнивались на сокровища Индіи,—по персидской пословицѣ, это былъ «карбункулъ, вставленный въ перстень міра». Наконецъ, начиная съ 1518 г. португальскіе корабли проникли въ воды архипелага Банда и Молуккскихъ острововъ и стали грузиться непосредственно въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ производились пряности, цѣнившіяся въ тѣ времена дороже, чѣмъ на вѣсъ золота. Португальскій король имѣлъ теперь право провозгласить себя «господиномъ надъ всею торговлею Индіи и Эѳіопіи». Лиссабонъ—эта столица крохотнаго королевства—сдѣлался главнымъ міровымъ складочнымъ мѣстомъ, и въ теченіе нѣкотораго времени пользовался полной монополіей торговли перцемъ, имбиремъ, корицей, гвоздикой и мускатнымъ орѣхомъ. Ни джонки, ни пироги, ни китайскія, малайскія или арабскія

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ОТКРЫТІЯ СЪ 1400 ПО 1550 Г.



Міръ, извѣстный до 1400 г.
Берега, изслѣдованные съ 1400 по 1492 г.
Берега, изслѣдованные съ 1492 по 1502 г.
Земли, изслѣдованныя съ 1502 по 1512 г.
Земли, изслѣдов. съ 1512 по 1522 г.
— — съ 1522 по 1550 г.

суда не могли плавать въ восточныхъ моряхъ безъ документовъ, подписанныхъ португальскими чиновниками.

Волны завоевательнаго движенія шли послѣдовательно одна за другою въ области восточныхъ морей. Едва успѣли мусульмане утвердить свое владычество на островѣ Явѣ въ 1478 г., свергнувъ власть короля Маджапахита, какъ европейцы - христіане появились на сосѣднихъ берегахъ. Восточнѣе, въ архипелагѣ Молуккскихъ острововъ, португальцы столь быстро послѣдовали за арабами, что туземцы неоднократно смѣшивали приверженцевъ Магомета съ поклонниками Христа. Затѣмъ, когда населеніе Зондскаго архипелага находилось еще въ возбужденіи и даже было охвачено страхомъ, причиненнымъ этимъ двойнымъ вторженіемъ обитателей Запада, бывшихъ одновременно и купцами и воинами, прибыли вдругъ новые никому неизвѣстные люди и на этотъ разъ прибыли со стороны морей Востока,—эти незнакомцы были испанцы.



Фернандо Магелланъ (1470—1521).
По гравюрѣ Ферд. Сельма.

Испанская экспедиція на этотъ разъ находилась подъ начальствомъ человѣка, какихъ мало знаетъ исторія,—человѣка, одареннаго геніальнымъ разумомъ и сильнѣйшею волею; личность эта—Магелланъ (Magalhães). По происхожденію онъ принадлежалъ къ тому же энергичному португальскому народу, который благодаря вѣковому опыту въ морскомъ дѣлѣ и привычкѣ къ опасностямъ, угрожающимъ со стороны моря, выработалъ въ себѣ столь необычную отвагу и упорство. Магелланъ принималъ участіе въ экспедиціи въ Индію и находился въ числѣ осаждавшихъ и взявшихъ городъ Малакку. Затѣмъ позднѣе онъ участвовалъ въ войнахъ въ Марокко, но, считая себя обиженнымъ своими начальниками и своимъ королемъ, покинулъ тайно Португалію, поступилъ въ испанское подданство и предложилъ свои услуги повелителю болѣе справедливому. Несмотря на свой малый ростъ, свою хромоногость и невзрачную фигуру, Магелланъ добился-таки своего:

его предложеніе было принято королемъ Карломъ I, который вскорѣ долженъ былъ стать Карломъ V, и въ концѣ 1519 г. небольшая флотилія отправилась въ путь, вышедши изъ Гвадалквивира у Санъ-Лукара-де-Баррамеда. Начались всѣ обычныя трудности плаванія, усугублявшіяся еще поведеніемъ команды, которую разъединяли предразсудки происхожденія, честолюбіе и соперничество. Генуэзцы видѣли въ Колумбѣ наиболѣе выдающагося изъ своихъ соотечественниковъ, несмотря



Магеллановъ проливъ.
По сочиненію, изданному въ 1602 г. («Peregrinatio in Indiam occidentalem»).

A. Корабли при входѣ въ проливъ.
D. Заливъ Раковинъ.
I. Заливъ Рилленсъ.
M. Заливъ Скалъ.
B. Островъ пингвиновъ.
E. Улитка.
K. P. Туземцы.
N. O. Туземныя женщины.
R. Остатки крѣпости.
C. Пингвинъ.
F. Мысъ Фрюартъ или Фрауардъ.
L. Замкнутый заливъ.
Q. Корабли, выходящіе изъ пролива.

на то, что онъ открылъ Новый Свѣтъ подъ чужимъ флагомъ; не таково было положеніе Магеллана: оба королевства полуострова находились между собою въ яромъ соперничествѣ въ области завоеваній, и мореходъ-португалецъ считался измѣнникомъ среди своихъ соотечественниковъ и неоднократно долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы спастись отъ ихъ козней; но, кромѣ того, ему приходилось защищаться и отъ различныхъ подозрѣній со стороны испанцевъ, которыми онъ командовалъ,— нерѣдко онъ примѣнялъ силу, чтобы поддержать свой поколебленный авторитетъ. Онъ проявилъ даже чрезмѣрную жестокость, когда въ заливѣ св. Юліана, гдѣ началась зимовка, путемъ хитрости завладѣлъ бунтовщиками изъ состава своей экспедиціи, которые хотѣли плыть прямо къ Молуккскимъ островамъ мимо мыса Доброй Надежды и такимъ путемъ избѣгнуть опасностей, связанныхъ съ отысканіемъ другого пути на за-

падъ. Рѣшеніе Магеллана было непреклонно: онъ поставилъ себѣ цѣлью, во что бы то ни стало, проникнуть до 75° южн. шир., «хотя бы ему пришлось ѣсть кожу своихъ сапогъ и паклю конопатки судовъ», если только не удастся ранѣе найти крайній пунктъ континента или какой-либо морской проходъ.

№ 367. Магеллановъ проливъ.



По Морено

1 : 5 000 000

0 100 200 300 килом.

Онъ нашелъ этотъ проходъ, однако, даже не достигнувъ еще 53° южн. шир. и не входя въ тѣ области моря, гдѣ встрѣчаются огромныя ледяныя горы, влекомыя морскимъ теченіемъ. Этотъ проливъ оказался такимъ извилистымъ, столь изрѣзаннымъ второстепенными проливами, столь окаймленнымъ боковыми заливами и неожиданными поворотами, что нерѣдко самъ Магелланъ колебался, идти ли ему далѣе по этому пути, и если онъ не пошелъ обратно, то только благодаря тщательности своихъ наблюденій за направленіемъ морскихъ теченій, за полетомъ птицъ и за различными другими указаніями, которыя замѣ-

чались на водѣ и въ воздухѣ. Наконецъ, послѣ плаванія, продолжавшагося болѣе мѣсяца, онъ достигъ великолѣпнаго выхода въ Тихій океанъ, по бокамъ котораго находились колоссальные гранитные столбы; «Страна дымовъ» осталась позади, и берегъ американскаго континента тянулся въ безконечную даль, омываемый волнами Южнаго моря. Лишь кое-гдѣ приходилось видѣть въ этомъ океанѣ небольшіе островки, хотя позднѣе Магелланъ встрѣтилъ ихъ великое множество и справедливо сравнивалъ это море съ млечнымъ путемъ, по обилію разсѣянныхъ въ немъ архипелаговъ мелкихъ острововъ; черезъ четыре мѣсяца пути онъ вышелъ изъ этого лабиринта острововъ и достигъ архипелага, называемаго въ настоящее время Филиппинами.

Ему не суждено было, однако, проникнуть далѣе. Принявъ участіе въ войнахъ мѣстныхъ племенъ, онъ погибъ въ битвѣ, не завершивъ полнаго кругосвѣтнаго плаванія, такъ какъ отъ Малакки, гдѣ онъ въ прежнія времена сражался подъ знаменами Альбукерка, до острова Мактана, гдѣ онъ погибъ, разстояніе составляетъ примѣрно около одной семнадцатой части окружности. Послѣ смерти Магеллана обратное путешествіе его экспедиціи представляло собою не что иное, какъ бѣгство: его спутники, постоянно уменьшавшіеся въ числѣ благодаря своимъ несогласіямъ, болѣзнямъ, голоду и всевозможнымъ лишеніямъ, возвращались домой чрезъ Индійскій океанъ и затѣмъ чрезъ Атлантическій съ такою быстротою, какую только допускали волны, вѣтры, обросшіе водорослями и раковинами корабли ихъ, обломанныя мачты и разорванные въ клочья паруса. Наконецъ, изъ 234 мореходовъ, вышедшихъ за три года до того изъ Санъ-Лукара-де-Баррамеда, вернулось въ Испанію лишь 13 истощенныхъ, израненныхъ, жалкихъ людей, имена которыхъ зато были записаны на скрижали исторіи: между ними находился кормчій Альбо и мореходъ изъ басковъ Себастьянъ дель-Кано, который командовалъ остатками экспедиціи, и которому Карлъ V далъ замѣчательный девизъ на гербъ: «Primus circumdedisti me». Антоніо Пигафетта, который, чтобы книга была доступнѣе большому числу читателей, изложилъ на французскомъ языкѣ злоключенія великаго путешествія, находился также въ числѣ благополучно возвратившихся.

Эти несчастные бѣглецы, которыхъ изъѣденныя червями доски ихъ судовъ едва защищали отъ гибели въ волнахъ моря, привезли съ собою все же грузъ товаровъ неслыханной цѣнности. Говорятъ, что стоимость привезенной ими гвоздики составляла сумму въ 100000 дукатовъ, что въ пять разъ превышало стоимость всего снаряженія ихъ флотиліи до отправленія ея изъ Гвадалквивира. Лишь отсутствіе торговаго равновѣсія между обѣими половинами міра могло вызывать подобныя совершенно ни съ чѣмъ несообразныя несоотвѣтствія цѣнъ на мѣстахъ производства и въ мѣстностяхъ, гдѣ продавались товары. Несмотря на моно-

полію, которую старались установить владѣльцы обѣихъ Индій, континентальной и островной, открытіе Магеллана дало первый толчокъ къ разрушенію той традиціонной системы эксплуатаціи потребителей, какую преслѣдовали всѣ торговцы, забиравшіе товары въ неизвѣстныхъ странахъ. Какъ бы ни были, впрочемъ, важны торговыя сношенія въ исторіи человѣчества, они образуютъ все же не болѣе какъ одну лишь часть, и притомъ далеко не самую цѣнную часть сношеній между отдѣльными странами; это первое кругосвѣтное плаваніе было во всѣхъ рѣшительно отношеніяхъ крупнѣйшимъ событіемъ новой эры; оно явилось главнымъ поворотнымъ пунктомъ, который отдѣляетъ времена древности отъ современнаго періода.



Америго Веспуччи (1451—1512).
По фрескѣ Гирландайо во Флоренціи.

До Магеллана шаровидность земли была, правда, уже извѣстна ученымъ,—она была даже доказана астрономами и мореплавателями, но оставалась все же не болѣе какъ умственнымъ построеніемъ, и, несмотря на то, что съ незапамятныхъ временъ народы земли расселялись по континентамъ и островамъ по всей ея окружности, все же ни одинъ человѣкъ сознательно не совершилъ путешествія вокругъ всей планеты. Заслуга такого перваго путешествія, созданія такого пути, объединяющаго между собою всѣ части земной поверхности съ ея разнообразнѣйшими географическими чертами,—эта заслуга всецѣло принадлежитъ знаменитому португальскому мореплавателю. Благодаря ему, создалось вполнѣ научное и правильное представленіе о землѣ, и возникло единство исторіи человѣчества, равно какъ были и объединены отдѣльныя части

земного шара. Правда, послѣдствія, вытекавшія изъ этого совершившагося переворота, сказывались съ большою медленностью; они отъ года къ году, отъ десятилѣтія къ десятилѣтію, нарастали въ теченіе вѣковъ, но, тѣмъ не менѣе, исторія обнаруживаетъ ихъ несомнѣнную эволюцію, проявлявшуюся въ очевидномъ сближеніи между собою отдѣльныхъ народовъ земного шара.



ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНІЯ.

Хронологія.

Франція. Карлу VII (1442 — 1461) наслѣдовалъ его сынъ Людовикъ XI (1461—1483), затѣмъ Карлъ VIII, надъ которымъ первоначально регентшей была его сестра Анна Божэ. Этотъ король скончался, не имѣя дѣтей, въ 1498 г., и на французскій тронъ вступилъ герцогъ Орлеанскій, принявшій имя Людовика XII (1498—1515). Послѣ его смерти власть перешла въ руки новой вѣтви Капетинговъ въ лицѣ Франциска I (1515—1547).

Германія. Въ теченіе эпохи Возрожденія императорская власть принадлежала—съ 1438 по 1740 г.—семьѣ Габсбурговъ, герцоговъ Австрійскихъ. Фридрихъ III занималъ тронъ съ 1439 по 1493 г., затѣмъ его сынъ Максимиліанъ царствовалъ до 1519 г. Этотъ послѣдній былъ женатъ на единственной дочери Карла Смѣлаго, имѣлъ лишь одного сына Филиппа, который преждевременно скончался въ 1506 г., оставивъ сына отъ брака своего съ Іоанной Безумной. Этотъ внукъ Максимиліана, Карлъ, наслѣдовавшій въ 1516 г. владѣнія въ Новомъ Свѣтѣ и корону Испаніи и обѣихъ Сицилій, затѣмъ наслѣдовавшій въ 1519 г. герцогство Австрійское, герцогство Бургонское и Фландрію, былъ избранъ князьями-избирателями въ императоры подъ наименованіемъ Карла V и царствовалъ съ 1519 по 1556 г.

Испанія. Короли Арагоніи, сдѣлавшіеся обладателями Сициліи съ 1409 г. и королевства Неаполитанскаго съ 1435 г., смѣняли одинъ другого въ правильной послѣдовательности: Фердинандъ I, Альфонсъ (1416—1458), Іоаннъ (1458—1479). Фердинандъ II, король обѣихъ Сицилій, при жизни своего отца вступилъ въ бракъ въ 1469 г. съ Изабеллой, сестрою короля Кастиліи; послѣ смерти этого послѣдняго онъ имѣлъ возможность возложить кастильскую корону на главу своей супруги, и эта царственная чета правила всей католической Испаніей съ 1479 года. Изабелла скончалась въ 1504 г., оставивъ послѣ себя единственную дочь, Іоанну Безумную, мать Карла V.

Повелителями **Португаліи**, принимавшими большое участіе въ дѣлѣ открытія новыхъ земель, являлись Іоаннъ I (1385—1433), его сыновья король Эдуардъ и принцъ Генрихъ, затѣмъ Альфонсъ (1438—1481), Іоаннъ II, Эммануилъ, царствовавшій съ 1495 г., и Іоаннъ III (1521—1557).

Самыми знаменитыми и наименѣе деспотичными изъ семьи

Медичи были Козьма (1389—1464), бывшій гонфалоньеромъ съ 1429 г., и Лаврентій (1448—1492).

Мы отмѣтимъ здѣсь далѣе лишь немногихъ изъ выдающихся личностей эпохи Возрожденія. Другіе дѣятели, родившіеся послѣ 1467 г., будутъ помѣщены далѣе вмѣстѣ со своими современниками, дѣятелями реформаціи.

Джіотто ди Бондоне, художникъ, род. въ Тосканѣ . . 1266—1336 г.
Петрарка, Франческо, род. въ Ареццо . . . . 1304—1374 »
Боккаччіо, Джіованни, флорентіецъ, род. въ Парижѣ . 1313—1375 »
Плетонъ, Георгій Гемистъ, род. въ Константинополѣ (1355)—(1450) »
Братья ванъ-Эйкъ, фламандскіе художники, Губертъ 1366—1426 »
и Іоаннъ . . . . (1385)—1441 »
Донателло, тосканскій скульпторъ . . . . 1386—1466 »
Фра Ангелико (Фра Джіованни да Фіезоли) . . . . . 1387—1455 »
Біондо Флавіо, историкъ, род. въ Форли . . . . 1388—1463 »
Фра Филиппо Липпи, род. во Флоренціи . . . . . . 1400—1469 »
Баттиста Альберти, архитекторъ, род. въ Генуѣ . . . 1404—1472 »
Джіованни Беллини, художникъ, род. въ Венеціи . . 1426—1516 »
Боярдо, поэтъ, род. близъ Модены . . . . 1430—1494 »
Андреа Мантенья, художникъ, род. въ Падуѣ . . . . 1430—1505 »
Пульчи, поэтъ, род. во Флоренціи . . . . 1432—1484 »
Константинъ Ласкарисъ, грамматикъ, род. въ Константинополѣ . . . . 1434—1493 »
Мемлингъ, фламандскій художникъ, род. въ Швабіи . 1435—1494 »
Джіокондо, архитекторъ, род. въ Веронѣ . . . . 1435—1515 »
Браманте, Лазарь, архитекторъ, род. въ Урбино . . 1444—1514 »
Перуджино, Пьетро Вануччи, художникъ . . . . . . 1446—1524 »
Боттичелли, Алессандро Филипепи, флорентійскій художникъ . . . . 1447—1510 »
Альдъ Мануцій, книгопечатникъ, род. въ Бассіано (1449)—1515 »
Гирландайо Доминико Куррадо, род. во Флоренціи . 1449—1498 »
Леонардо да Винчи, художникъ и ученый, род. въ Тосканѣ . . . . 1452—1519 »
Савонаролла, Іеронимъ, род. въ Феррарѣ . . . . . 1452—1498 »
Петръ Фишеръ, скульпторъ, род. въ Нюрнбергѣ . . (1455)—1529 »
Адамъ Краффтъ, род. въ Нюрнбергѣ . . . . (1456)—1507 »
Пикъ де ла Мирандоле, философъ, род. близъ Модены . 1463—1494 »
Квентинъ Метцисъ, художникъ, род. въ Лувенѣ . . . 1466—1530 »



»Возрожденіе«

Это грядущее человѣчество, каковое должно быть подготовлено истинно мужественнымъ воспитаніемъ, не будетъ ли оно состоять изъ такихъ людей, что каждый явится способнымъ удовлетворять самому себѣ и создавать міръ вокругъ себя?

Глава одиннадцатая.

ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНІЯ.—ГУМАНИСТЫ.—БИБЛІОТЕКИ. — ВОСПИТАНІЕ.— РЕАБИЛИТАЦІЯ ЗАПРОСОВЪ ПЛОТИ.—ЛЮБОВЬ КЪ ПРИРОДѢ.—ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ.—КНИГОПЕЧАТАНІЕ.—УТОПІИ.—ЛЮДОВИКЪ XI И КАРЛЪ СМѢЛЫЙ.—ФРАНЦУЗЫ ВЪ ИТАЛІИ.—ЕВРЕИ И ГЕРМАНСКІЕ БАНКИРЫ.—ПЕРЕМѢЩЕНІЕ ТОРГОВЛИ.—ЗАВОЕВАНІЯ ИСПАНЦЕВЪ.—ВОЗВЫШЕНІЕ И ПАДЕНІЕ ИСПАНІИ.

Въ тѣ времена, когда живыя силы цивилизованной Европы были направлены на открытіе новыхъ странъ, онѣ примѣнялись до извѣстной степени и внутри ея на возрожденіе великаго чувства единства человѣчества,—чувства, не имѣвшаго ничего общаго съ тѣмъ внѣшнимъ

объединеніемъ, которое создавалось исключительно лишь на словахъ христіанскою религіею при содѣйствіи католическаго духовенства.

Обыкновенно подъ наименованіемъ «эпохи Возрожденія» охватывается періодъ той интеллектуальной эмансипаціи, которая совершилась въ XV и XVI вѣкахъ подъ вліяніемъ двойного расширенія знаній— во времени и въ пространствѣ. Открытія, которыя были совершены въ Китаѣ и на крайнемъ Востокѣ венеціанцами, въ Африкѣ и въ Индіи португальцами и затѣмъ въ Новомъ Свѣтѣ испанцами и всѣми вообще мореплавателями Западной Европы, замѣчательнѣйшимъ образомъ расширили кругозоръ на земномъ шарѣ и въ то же время усилили полетъ воображенія и смѣлость мысли. Точно также изученіе и открытіе античной литературы привязало данныя времена ко временамъ древнимъ, предшествовавшимъ возникновенію Церкви. Человѣчество возросло вдвойнѣ: съ одной стороны, оно завладѣло всѣми землями на поверхности своей планеты, съ другой—оно получило наслѣдіе грековъ и римлянъ, наслѣдіе, восходящее ко временамъ самаго начала исторіи жизни человѣчества. Вполнѣ понятно, что такая эпоха совершенно заслуживаетъ особаго спеціальнаго обозначенія, которое выдѣляло бы ее въ чередованіи вѣковъ.

Однако, самый терминъ «Возрожденіе» имѣетъ лишь очень относительное значеніе, такъ какъ до XV вѣка, т.-е. до бѣгства греческихъ грамматиковъ изъ Константинополя, унесшихъ съ собою свои книги на Западъ, латинская письменность не переставала пользоваться почетомъ въ Римѣ и въ Галліи,—Виргилій почитался даже наравнѣ со святыми отцами церкви, можно сказать, почти обоготворялся. Къ тому же итальянской эпохѣ Возрожденія предшествовалъ Петрарка, опередившій ее на цѣлое столѣтіе; ей предшествовало арабское возрожденіе, въ теченіе котораго мавры, евреи, левантинцы перенесли въ Европу знанія восточной Азіи, свѣдѣнія о ея географическихъ условіяхъ, о ея населеніи, ея произведеніяхъ и исторіи. Впрочемъ, во всѣ эпохи жизни человѣчества бывали «Возрожденія», имѣвшія большее или меньшее значеніе. Передъ тою эпохою, которая соотвѣтствовала открытіямъ Гутенберга и Колумба, должно отмѣтить эпоху Возрожденія при Карлѣ Великомъ и таковую же XII вѣка,—послѣдняя возникла также подъ вліяніемъ философіи древности и превосходила тѣмъ великую эпоху Возрожденія, что не осталась въ полномъ подчиненіи этой философіи.

Совершенно подобно тому, какъ нерѣдко наблюдаются внезапныя перемѣщенія и переселенія народовъ изъ страны въ страну, нарушающія обычное теченіе вещей, точно такъ же могутъ происходить «скачки» и изъ одного вѣка къ другому, минуя промежуточные періоды, и идеи древности могутъ снова молодѣть,—бываетъ, что поколѣнія достигаютъ вторично пышнаго расцвѣта послѣ долгихъ періодовъ полнаго упадка и

безплодія. Это именно и совершилось по отношенію къ литературѣ, къ философіи и къ моральнымъ ученіямъ древности, какъ только закончилась мрачная эпоха среднихъ вѣковъ.

Конечно, прежде всѣхъ другихъ странъ въ Италіи проявилось мо-



Венеція. Площадь св. Марка.

Въ глубинѣ соборъ Св. Марка, справа дворецъ Дожей, слѣва—Кампанила (разрушившаяся) и библіотека Санъ-Совино—одинъ изъ сохранившихся въ наибольшей чистотѣ памятниковъ Возрожденія.

гучее развитіе науки и искусства, вступившихъ на новые пути развитія, благодаря чему эта эпоха въ жизни страны и заслужила наименованіе Возрожденія,—совершившаяся эволюція получила даже особое наименованіе «quattrocento», относящееся ко всему прогрессу духовной жизни, проявившемуся спеціально въ Италіи въ теченіе XV вѣка [1]).

Въ эту эпоху исчезли итальянскія общины, замѣнившіяся всюду управленіемъ единодержавныхъ властителей; лишь одинъ единственный городъ сохранилъ республиканскія формы правленія, это Венеція, ко-

1) Philippe Monnier. «Le Quattrocento. Essai sur l'Histoire littéraire du XV Siècle italien», 2 vol.

торая лагунами отдѣлялась отъ суши, и для которой спеціальныя условія ея иностранной политики создавали жизнь совершенно иную, чѣмъ жизнь другихъ итальянскихъ городовъ.

Причины паденія и окончательнаго исчезновенія общинъ Италіи вполнѣ ясны. Каждая изъ общинъ дѣлилась на враждебныя касты и поглощала свои силы внутреннею борьбою, причемъ постоянно угнетенная каста искала случая привлечь на свою сторону союзниковъ изъ внѣшнихъ враговъ общины; городская аристократія опиралась на чужеземную аристократію, крупные купцы заключали союзъ съ чужестранными крупными купцами, наконецъ, и народныя партіи призывали народъ сосѣднихъ городовъ или даже бывали столь неблагоразумны, что приглашали въ стѣны своего города кого-нибудь изъ могущественныхъ князей, лишь бы онъ соглашался удовлетворить ихъ требованія. Каждая каста заботилась не болѣе какъ о своихъ личныхъ интересахъ, и въ тѣхъ счастливыхъ городахъ, гдѣ равновѣсіе, мало-по-малу, возобновлялось, община не имѣла иного идеала, какъ свое собственное существованіе, и не понимала, что если она не будетъ защищать свободы всѣхъ, то и ея собственная свобода будетъ подвергаться опасности. Примѣры болѣе высокаго взгляда на вещи рѣдки въ исторіи итальянскихъ городовъ. Когда въ 1289 г. Флоренція освободила крестьянъ совершенно отъ рабства, «такъ какъ свобода—неотъемлемое право каждаго и не можетъ зависѣть отъ произвола другого человѣка», это благородное побужденіе не встрѣтило себѣ подражанія, и сама Флоренція забыла его вскорѣ, какъ это ясно было изъ поведенія ея по отношенію къ Пизѣ. Лишь немногія республики обладали истиннымъ величіемъ духа и понимали правильно свои настоящіе интересы.

Но если общинамъ было назначено погибнуть отъ ихъ внутреннихъ раздоровъ, то надо сказать, что имъ въ то же время угрожала гибель и отъ постоянныхъ внѣшнихъ войнъ, которыя они вели съ сосѣдними городами. Флоренція старалась отнять у Пизы ея морскую торговлю, старалась преградить Сьеннѣ путь къ Риму, Миланъ обвинялъ Павію, Кремону, Брешію въ томъ, что онѣ стремились ослабить его власть, лишить его части богатствъ. Ни въ Луккѣ, въ 1548 г., ни въ Миланѣ, въ 1447 г., никто не хотѣлъ и слышать о федераціи городовъ на совершенно равныхъ между ними правахъ.

Причины столкновеній были столь многочисленны, что общинамъ не хватало времени самимъ вести войну,—имъ приходилось довѣряться спеціалистамъ военнаго ремесла, которые нанимались на службу то къ какому-нибудь князю, то къ какому-нибудь городу, и за ихъ счетъ вели борьбу, одерживали побѣды или испытывали пораженія. Обыкновенно какой-нибудь воитель, чувствовавшій въ себѣ достаточно отваги и достаточно страсти къ военному дѣлу и къ приключеніямъ, старался подо-

брать себѣ банду всевозможныхъ готовыхъ на все проходимцевъ, мало цѣнящихъ свои и чужія жизни и относящихся съ презрѣніемъ къ труду,—такимъ образомъ составлялась «condotta», и эта группа воиновъ



Венеція. Статуя одного изъ кондотьеровъ, «Иль-Коллеоне».
Работы Андреа дель Вероччіо, род. во Флоренціи въ 1422 или 1435 г., ум. въ Венеціи въ 1488 г.

отправлялась искать городовъ, гдѣ можно было что-либо предпринять. Предводитель продавалъ себя и своихъ тому, кто предлагалъ бóльшую сумму, и если противникъ, съ которымъ онъ только-что сражался, обѣщалъ заплатить ему больше, чѣмъ союзникъ, онъ измѣнялъ послѣднему и, случалось, завладѣвалъ тѣмъ самымъ городомъ, который, только-что передъ тѣмъ защищалъ. Никогда лотерея войны не разыгрывалась

болѣе причудливымъ образомъ и не давала болѣе неожиданныхъ случайностей, какъ во время этихъ «condottieri»! Кто бы ни сталъ абсолютнымъ властителемъ прежде свободной общины, всякій становится дикимъ звѣремъ,—каждый старается приспособить общину къ новому режиму насильственнымъ путемъ въ надеждѣ утвердить за собою и за своимъ потомствомъ окончательно власть. Такимъ образомъ, жизнь протекала полная случайностей и превратностей, въ зависимости отъ исхода битвъ, предательствъ и убійствъ.

Однако, то движеніе свободы, которое сорганизовало республики, общины и лиги, вооружившіяся противъ феодализма,—именно это же самое движеніе должно было продолжаться и далѣе вплоть до полной эмансипаціи личности. Человѣкъ въ XV вѣкѣ стремится освободиться отъ окружающаго общества, чтобы открыть самого себя во всей полнотѣ, во всей силѣ и красотѣ. Замѣчается нѣкоторый параллелизмъ между періодомъ итальянскаго Возрожденія и великой эпохой расцвѣта эллинскаго міра. Черезъ 2000 лѣтъ, мы видимъ, человѣкъ старается совершенно также осуществить свой идеалъ силы, красоты, личнаго обаянія, равно какъ и силится развить свой интеллектъ и увеличить знанія. Таково движеніе «гуманизма» въ самой основѣ его: индивидуумъ старается открыть самого себя во всемъ блескѣ своей личности, освобождаясь отъ многочисленныхъ путъ, создаваемыхъ обычаями и законами. Безъ сомнѣнія, лишь очень немногое число избранниковъ можетъ достичь желаемаго совершенства, достаточно, однако, уже и самаго стремленія; къ тому же, вообще говоря, все общество видоизмѣняется всегда, слѣдуя тѣмъ отдѣльнымъ личностямъ, которыя придаютъ ему свой характеръ, влагаютъ въ него, такъ сказать, свою душу. Такимъ образомъ, несмотря на присутствіе тираннической власти, несмотря на внутреннія и внѣшнія войны и на политическіе перевороты, среди которыхъ вращались тогда государства, эпоха Возрожденія является все же одной изъ наиболѣе свѣтлыхъ въ исторіи, такъ какъ значеніе общества опредѣляется цѣнностью входящихъ въ него отдѣльныхъ сильныхъ личностей, полныхъ самосознанія. Это грядущее человѣчество, какое должно быть подготовлено истинно-мужественнымъ воспитаніемъ, не будетъ ли оно состоять изъ такихъ людей, что каждый явится способнымъ удовлетворять самому себѣ и создавать міръ вокругъ себя?

Эволюціонное движеніе великой эпохи Возрожденія, явившееся продолженіемъ вѣка Петрарки, имѣло гораздо большее значеніе, чѣмъ только создавать «гуманистовъ» въ узкомъ смыслѣ этого слова, т.-е. людей, считающихъ особою заслугою говорить на хорошемъ латинскомъ языкѣ и видящихъ верхъ позора въ средневѣковомъ варваризмѣ. Напротивъ, гуманизмъ, въ самомъ широкомъ своемъ смыслѣ, заключался, какъ показываетъ уже самое его названіе, въ поискахъ всего, что только

«человѣчно», что возвышаетъ человѣка въ его глазахъ и обнаруживаетъ не только его способность красиво говорить, но и способность проявлять всѣ добрыя стороны своего духа—быть благороднымъ, добрымъ, великодушнымъ. И лишь именно потому, что античная греческая и латинская литература содержитъ въ прекраснѣйшихъ формахъ наиболѣе глубокія мысли и самыя возвышенныя нравственныя основы, именно потому, что всѣ сокровища, пріобрѣтенныя человѣчествомъ, объединены въ ней, исключительное вниманіе дѣятелей эпохи Возрожденія и направилось на знакомство съ писателями классической древности.

Переворотъ, который произошелъ въ духовномъ мірѣ человѣчества, былъ по существу переворотомъ поистинѣ религіознымъ: человѣкъ пересталъ быть жертвою первороднаго грѣха, возстановилъ свою первобытную чистоту и свое право свободнаго пользованія райскими плодами; вопреки всѣмъ желаніямъ Церкви онъ получилъ право прежде всего вкусить отъ плода съ древа знанія и науки: невинность и невѣжество перестали быть синонимами. Конечно, далеко не всѣ гуманисты были людьми высокихъ душевныхъ качествъ, между ними встрѣчались и люди безъ твердыхъ убѣжденій и безъ чувства собственнаго достоинства, встрѣчались лицемѣры, льстецы и паразиты, почему ихъ воспитательное значеніе неизбѣжнымъ образомъ ослаблялось, но, тѣмъ не менѣе, и они вносили новыя знанія, и они открывали школы и выступали въ качествѣ представителей науки, являясь противниками всѣхъ тѣхъ, кто вмѣстѣ со св. Павломъ и св. Августиномъ проповѣдывалъ «вѣру хотя бы въ абсурдъ»!

Что бы тамъ ни говорили нѣкоторые, въ средніе вѣка въ общемъ книги составляли все же предметъ ненависти духовенства, и тѣ изъ духовныхъ лицъ, кто, тѣмъ не менѣе, любилъ ихъ безсознательно, инстинктивно, находились подъ подозрѣніемъ, какъ подготовители первоначально незамѣтнаго возстанія противъ существующаго. Правда, названія нѣкоторыхъ монастырей, напримѣръ, хотя бы монастыря на Монте-Кассино, вызываетъ въ насъ представленіе о большихъ собраніяхъ книгъ и рукописей, воспоминаніе о бенедиктинцахъ порождаетъ въ насъ иллюзорное представленіе о средневѣковыхъ монахахъ, большею частью погруженныхъ въ науку, въ чтеніе, въ переписываніе рукописей, заставляетъ думать, что имъ мы обязаны самымъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ античной литературы; это ошибочное представленіе проистекаетъ отъ того, что не принимается во вниманіе общее состояніе всего общества въ теченіе этой мрачной эпохи и узкость духовныхъ потребностей, которую неизбѣжно влечетъ за собой въ любой общинѣ строгое соблюденіе правилъ, имѣющее единственною цѣлью уменьшеніе личной инициативы. Впрочемъ, помимо того, религіозная ревность апостола Павла, велѣвшаго сжечь всѣ книги библіотеки Эфеса, долгое время

воодушевляла и первосвященниковъ, проникнутыхъ древнимъ благочестіемъ. «Мнѣ разсказываютъ,—писалъ въ концѣ VI вѣка Григорій Великій одному изъ епископовъ,—и я безъ стыда не могу этого повторить, что ваше братство рѣшилось обучать нѣкоторыхъ лицъ началамъ грамматики... это тяжелый и постыдный проступокъ, если епископъ занимается подобною суетою, недостойною ни духовныхъ, ни свѣтскихъ лицъ»! И многіе епископы, дѣйствительно, считали себя выше столь грѣховнаго свѣтскаго образованія: на Халкедонскомъ соборѣ въ 451 г. болѣе сорока прелатовъ должны были воспользоваться любезностью своихъ коллегъ или же писцовъ, чтобы закрѣпить свое сочувствіе постановленіямъ собора, такъ какъ сами они не умѣли подписать своего имени! Даже у монаховъ-бенедиктинцевъ, самое имя которыхъ сдѣлалось синонимомъ ученыхъ людей, благодаря образованнымъ духовнымъ лицамъ XVII и XVIII вѣковъ, по правиламъ не требовалось вовсе, чтобы членъ братства умѣлъ читать и писать, и вновь поступающему отнюдь не предъявлялось требованіе, чтобы онъ познакомился съ тайнами азбуки въ теченіе года своего послушничества. У монаховъ Сито было установлено за норму для тѣхъ, кто занимался чтеніемъ, чтобы читать не болѣе одного единственнаго произведенія въ годъ, и чтобы переписывать рукописи, отнюдь не украшая ихъ никакими виньетками или заставками [1]). Это послѣднее дѣло должно было, какъ занятіе чисто-свѣтское, предоставлять наемнымъ рисовальщикамъ, не причастнымъ къ монастырю!

И какъ бѣдны при этомъ книгами были въ средніе вѣка самые знаменитые монастыри! Самымъ богатымъ изъ нихъ былъ въ 1472 г., наканунѣ эпохи Возрожденія, монастырь Клерво, который, по Арбуа де Жубенвилю, содержалъ 1714 томовъ. Въ монастырѣ Божьей Матери въ Парижѣ было въ 1297 г. лишь 97 сочиненій, тогда какъ задолго до этого времени въ библіотекѣ фатимитовъ содержалось, по Катрмеру, болѣе двухъ съ половиною милліоновъ томовъ. Библіотека Ватикана, правда, превосходила въ этомъ отношеніи всѣ другія европейскія библіотеки,—при Сикстѣ IV она состояла изъ 2546 томовъ. Стоитъ вспомнить о посѣщеніи Боккаччіо тѣхъ остатковъ библіотеки, которые сохранились въ книгохранилищѣ на Монте-Кассино: онъ нашелъ тамъ лишь изуродованныя книги, такъ какъ монахи счищали текстъ съ пергаментныхъ листовъ, обрѣзали края и дѣлали маленькіе псалтырики для дѣтей и женщинъ [2]). Такимъ способомъ погибли нѣкоторыя изъ произведеній греко-римскихъ временъ, существовавшія еще въ XI и XII вѣкахъ,—

1) D'Arbois de Jubainville. «De l'Intérieur des Abbayes cisterciennes», p. 62.—
2) Benvenuto de Imole, цитировано по Philippe Monnier.

погибли, не дождавшись свѣтлыхъ дней Возрожденія, и если въ эту эпоху ученые, къ счастью, все же имѣли возможность собрать значительное число античныхъ произведеній, то это лишь потому, что они искали ихъ и заставляли снова появляться изъ-подъ написанныхъ сверху молитвъ, рецептовъ или не имѣющихъ никакого значенія формулъ, которыми бывали покрыты пергаменты.



Эпизодъ изъ жизни св. Урсулы. Возвращеніе англійскихъ пословъ въ свое отечество.
Картина Гарпаччіо, род. въ Венеціи около 1460 г., ум. тамъ же въ 1522 г.

Еще до открытія книгопечатанія начали гуманисты свое великое дѣло литературнаго и научнаго завоеванія, которое съ этого времени должно было двигаться впередъ безостановочно. Въ эту эпоху пробуждается у человѣчества ощущеніе, что историческія событія текутъ непрерывно, и ученые стараются связать событія древности съ таковыми современности, перешагнувъ черезъ мрачный періодъ средневѣковья. Флавіо Біондо, авторъ перваго произведенія, посвященнаго археологическому возстановленію Рима [1]), старается возобновить въ Италіи попытку, сдѣланную за сто лѣтъ до того Ибнъ-Халдуномъ у магометанъ

1) «Roma Instaurata», 1446.

Мавританіи, но при этомъ обнаруживаетъ еще бо́льшую широту замысла и болѣе высокія философскія понятія. Арабскій историкъ взялъ объектомъ своего изслѣдованія развитіе цивилизаціи во всемъ человѣчествѣ, но, несмотря на то, что считаетъ себя единственнымъ изслѣдователемъ, занимающимся этой «новой наукой», скромно добавляетъ, что, быть-можетъ, онъ и ошибается, такъ какъ «столько было наукъ и столько было ученыхъ у различныхъ народностей. Гдѣ теперь всѣ знанія древнихъ персовъ, гдѣ наука халдеевъ, сирійцевъ и вавилонянъ, оставившихъ послѣ себя такіе памятники»?

Это воскрешеніе прошлаго, которое Ибнъ-Халдунъ считалъ немыслимымъ, совершилось нѣсколько вѣковъ спустя благодаря такимъ настойчивымъ изслѣдователямъ эпохи Возрожденія, какъ Альдъ Мапуцій; изслѣдователи эти занимались всю свою жизнь съ неугасающимъ жаромъ возстановленіемъ литературныхъ сокровищъ, сохранившихся, по крайней мѣрѣ, со временъ Рима и Греціи, и съ искусствомъ и прозорливостью изслѣдовали тексты, устраняя изъ нихъ ошибки, получившіяся при переписываніи, очищая ихъ отъ вставокъ и комментаріевъ и возстановляя ихъ въ первобытной чистотѣ. Именно такимъ образомъ развилось критическое отношеніе, направленное первоначально къ разрѣшенію вопросовъ о знакахъ препинанія, объ ороографіи и стилѣ, позднѣе же касавшееся самыхъ возвышенныхъ вопросовъ исторіи и науки во всемъ ея цѣломъ. Изъ этого детальнаго и тщательнаго изученія различныхъ, часто противорѣчащихъ другъ другу списковъ развилось потомъ свободное изслѣдованіе научныхъ теорій, также весьма разнообразныхъ и противорѣчивыхъ.

Итальянцы не дожидались ухода грековъ изъ Константинополя и завладѣли еще до того наслѣдіемъ эллинскаго міра. Впрочемъ, даже наканунѣ еще эпохи Возрожденія греческіе элементы населенія, которые двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ поддерживали существованіе въ Великой Греціи школы Пиѳагора и другихъ научныхъ и философскихъ школъ, сохранились еще на югѣ Италіи, благодаря вліянію Константинополя, остававшагося властителемъ этой страны до конца XI вѣка и не перестававшаго и впослѣдствіи высылать туда большое число своихъ бѣглецовъ. Старинная япигская основа населенія, родственная пелазгамъ, столь тѣсно приспособилась къ греческой культурѣ, что такъ называемый «романическій» языкъ не вполнѣ исчезъ даже около южной оконечности Отранте и Калабріи. Не является ли родина Джордано Бруно, Кампанеллы и Вико глубоко-греческою по самому характеру своей духовной жизни и мысли? [1]).

1) François Lenormant. «La Grande Grèce», t. X, p. 65.—Ernest Nys. «Autour de la Méditerranée», p. 4.

Во всякомъ случаѣ, возстановленіе греческой литературы и греческой мысли въ эпоху Возрожденія совершилось не въ южной Италіи, на половину эллинской по происхожденію: оно должно было естественнымъ порядкомъ произойти въ сѣверной части полуострова, гдѣ исторія совершала наиболѣе быстро свою эволюцію. Флоренція, бывшая еще истиннымъ центромъ искусства и науки Италіи, «Флоренція—городъ,



Флорентійскій соборъ.
На горизонтѣ справа замѣтны высоты Фьезоле. Куполъ собора былъ построенъ Брунеллески, флорентійцемъ, 1377—1466.

бывшій цвѣтомъ всѣхъ городовъ» [1]), сдѣлалась какъ бы новымъ греческимъ городомъ.

Флоренція вноситъ въ свои созданія искусства столько же богатства воображенія и столько же творческой силы, какъ и великія Аѳины, но, правда, меньше богатства и разнообразія; она кажется разочарованной, прискучившей жизнью и дѣятельностью, и не возстаетъ противъ чужеземнаго владычества Сердце ея, какъ намъ говорятъ, находится не на одномъ уровнѣ съ ея геніемъ [2]), но не является ли это скорѣе

1) G. Ruskin.—2) G. Perrot. Revue des Deux Mondes, nov. 1870.

въ силу того, что идеалы ея выше земли, и что несчастные раздоры не могутъ замутить ея хрустальной чистоты. Поэты со временъ Пульци и Боярдо и до Аріоста и Гольдони, художники, съ Перуджино до Корреджіо, обнаруживаютъ всѣ ту же самую чистоту и ясность. Во время самаго разграбленія Рима Пармезанъ изображалъ красками, какъ ландскнехты врываются въ его мастерскую. «Попробуйте найти—говоритъ Кине—въ Мадоннахъ Андреа дель-Сарто и Рафаэля печальный взглядъ порабощенной, оскорбленной, разграбленной и разодранной на клочки Италіи,—вы найдете лишь взглядъ, полный счастья Италіи, возносящейся на небо, но отнюдь не отчаяніе, вызванное политическимъ паденіемъ». Италія исторіей своего искусства и своею философскою и политическою мыслью вышла первая изъ замкнутаго и узкаго круга національности. Она довѣрилась безъ борьбы духу цивилизаціи, генію человѣчества. Отечествомъ итальянцевъ былъ долгое время весь міръ [1]).

Флоренція, этотъ свѣтлый городъ по преимуществу, превратилась въ настоящую столицу съ того времени, какъ богатые купцы Медичи сумѣли добиться въ ней королевской власти, не принимая на себя королевскаго титула. Нигдѣ жизнь горожанъ и ученыхъ не была болѣе блестящей, болѣе веселой и въ то же время болѣе облагороженной величіемъ искусствъ, элегантностью языка, красотою прозы и стиховъ на гибкомъ и пластичномъ латинскомъ языкѣ, сдѣлавшемся тамъ живымъ и роднымъ языкомъ, и на звучномъ и правильномъ греческомъ. Придворные ораторы, грамматики и поэты, тяготѣвшіе къ «Великолѣпному» Лаврентію Медичи, вполнѣ сознавали, что живутъ въ самую выдающуюся и замѣчательную эпоху, которую вполнѣ можно сравнить со временемъ расцвѣта Аѳинъ. Марсилій Фицинъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ людей этого круга, восклицаетъ, полный счастья: «Нашъ вѣкъ—золотой вѣкъ; онъ извлекъ на свѣтъ почти заглохшія свободныя ученія, воскресилъ грамматику, поэзію, краснорѣчіе, живопись, архитектуру, музыку, искусство брянцать на древней лирѣ Орѳея, и все это свершилось во Флоренціи». Онъ пишетъ одному изъ друзей, котораго соблазняетъ устроиться въ этомъ благородномъ городѣ: «Сдѣлайся счастливцемъ—сдѣлайся флорентійцемъ».

Въ теченіе этой великолѣпной эпохи Возрожденія въ этой чудной странѣ—въ Италіи—наслажденіе наукою отнюдь не составляло исключительнаго права избранныхъ людей, князей и графовъ,—оно должно было равнымъ образомъ распредѣлиться и въ народныхъ массахъ, приспособиться къ дѣтямъ, реформировать школы, сдѣлавъ изъ нихъ «дома радости»—прототипы тѣхъ школъ, которыя кое-гдѣ и въ настоящее

---

1) Paul Ghio. «L'Anarchisme aux États-Unis», p. 148.

время устраиваются людьми либеральнаго склада мыслей. Такая школа, основанная, напримѣръ, Витторино Рабальдони близъ Мантуи, въ степи,

№ 368. Флоренція и ея окрестности.



«была украшена деревьями и фонтанами». Въ обширномъ зданіи, убранномъ фресками и цвѣтами, дѣти, собиравшіяся со всей страны и принадлежавшія къ самымъ различнымъ общественнымъ классамъ, жили счастливо, по-братски, не боясь битья. Витторино, лицо котораго было

столь открытымъ и радостнымъ, «что одинъ взглядъ его излѣчивалъ больныхъ», умѣлъ сдѣлать науку пріятною и игры поучительными, такъ что ученики его работали во время танцевъ, работали бѣгая, распѣвая, ѣздя верхомъ, лазая по горамъ и развлекаясь чтеніемъ Виргилія, письмомъ по-латыни и дебатами. Воспитатель понялъ, что различныя стороны человѣческаго существа должны быть развиваемы параллельно, умъ долженъ возбуждаться разнообразіемъ изучаемыхъ предметовъ, тѣло должно востанавливаться разнообразіемъ пищи и исправленіемъ всѣхъ физическихъ недостатковъ,—лишь такимъ образомъ можно достичь силы и выносливости, красоты и граціи. Рабальдони, какъ бы «рожденный изъ дуба», былъ примѣромъ, которому всѣ старались подражать [1]).

Стоитъ сравнить это мѣсто счастливой жизни дѣтей съ тѣми мрачными конурами, въ которыхъ ученики подвергаются пыткѣ рутиннаго обученія и должны расплачиваться за всѣ свои проступки тѣлесными наказаніями, которыя находятъ себѣ такихъ приверженныхъ защитниковъ въ Англіи! Одинъ изъ писателей, восхваляющій средніе вѣка, пытается нарисовать намъ поэтическую картину этого жестокаго воспитанія. Онъ намъ описываетъ «праздникъ розогъ», который справлялся учителями и родителями во главѣ толпы учениковъ въ Германіи въ одинъ изъ хорошихъ лѣтнихъ дней. Подъ суровымъ надзоромъ взрослыхъ ученики отправлялись въ лѣсъ, чтобы сдѣлать запасъ розогъ, предназначенныхъ для того, чтобы потомъ ими полосовали ихъ тѣло: ихъ заставляли выбирать особенно гибкія и крѣпкія прутья тонкой березы, и каждый долженъ былъ нести потомъ съ собою цѣлый пучекъ. Затѣмъ послѣ игръ и завтрака на травѣ дѣти возвращались въ городъ, распѣвая «Пѣсню розогъ»; они представляли собою какъ бы гладіаторовъ, склонявшихся предъ Цезаремъ, который мановеніемъ руки отправлялъ ихъ на вѣрную смерть [2]).

Приближаясь, однако, къ научной истинѣ, Италія, и вмѣстѣ съ ней вся Европа, удалялись отъ вѣры. Безъ сомнѣнія, старинныя традиціонныя формы религіи не измѣнялись, и даже въ силу того, что искусство стало проникать въ общественную жизнь, религіозныя празднества еще выиграли въ блескѣ, въ богатствѣ и въ роскоши; однако, индифферентность къ религіи еще сильнѣе, чѣмъ еретическія ученія, стала постепенно отвращать людей, знакомыхъ съ классическимъ міромъ, отъ Церкви. Одинъ изъ неоплатониковъ, пришедшій изъ Флоренціи Гемистъ Плетонъ, сталъ проповѣдывать, не вызывая этимъ никакого возмущенія среди своихъ друзей, что религія будущаго—это «не христіанская и не магометанская,—она немногимъ лишь будетъ отличаться отъ

---

1) Philippe Monnier. «Le Quattrocento», t. I, pp. 241 ss.—2) J. Janssen. «L'Allemagne à la Fin du Moyen-âge».

язычества»! Авторитетъ верховнаго первосвященника чрезвычайнымъ образомъ ослабъ, особенно въ самой Италіи, гдѣ римскій папа являлся въ то же время и гражданскимъ носителемъ власти. Территорія Рима сдѣлалась свѣтскимъ княжествомъ, гдѣ занимались прежде всего политикой и свѣтскими дѣлами, опираясь болѣе на военную силу, чѣмъ на доводы религіи. Римскіе папы, сами будучи гуманистами и собирателями рукописей, наравнѣ съ другими владѣтельными особами Италіи, обнаруживали большею частью враждебное отношеніе къ чрезмѣрно ревностному выполненію религіозныхъ обязанностей и ограничивались однѣми традиціями римской куріи. Когда Николай V скончался, то у гроба его риѳмоплетъ Филельфо упоминаетъ лишь о печали Аполлона и музъ, и позднѣе, когда Португалія и Испанія изо всѣхъ силъ интриговали другъ противъ друга передъ кардиналами и придворными, причемъ каждая старалась, чтобы ей была присуждена наилучшая половина земного шара, Александръ VI, занятый государственными дѣлами, своею семьею, своими частными дѣлами, совершенно не заботился о тѣхъ великихъ задачахъ, которыя появились въ Европѣ въ силу установленія новаго мірового равновѣсія. Въ Римѣ кардиналъ Якопо Амманати искалъ христіанскаго наставника, но находилъ лишь ученыхъ. Самое слово «добродѣтель» (virtus) сдѣлалось синонимомъ виртуозности въ пользованіи латинскимъ языкомъ.



Дюреръ; портретъ, писанный имъ самимъ (1500).

И именно въ ту эпоху, когда авторитетъ папской власти пересталъ быть признаваемъ на Западѣ, замѣчается по курьезной иронiи судьбы такъ называемое возвращенiе восточной церкви подъ власть римскаго первосвященника. Церковный соборъ собрался въ Феррарѣ, затѣмъ, прогнанный оттуда чумою, былъ перенесенъ во Флоренцiю, гдѣ, проявивъ бездну эрудицiи, дiалектики и краснорѣчiя, ученые, самые избранные, образованные представители греческой и латинской церквей, провозгласили догматическое объединенiе обѣихъ половинъ христiанскаго мiра. Въ алтарѣ церкви св. Марiи Новой были воздвигнуты на одинаковую высоту два трона—одинъ для папы римскаго Евгенiя IV, другой для императора Восточной Имперiи Iоанна Палеолога; ихъ окружали высшiе сановники, священники обѣихъ церквей участвовали въ богослуженiи, народъ выражалъ свое одобренiе и преклонялся. Договоръ о соединенiи церквей былъ составленъ на двухъ языкахъ, былъ торжественно прочтенъ, были принесены клятвы, и все же этотъ мертвый документъ остался на вѣчныя времена въ архивѣ! Эти прекрасныя празднества религiознаго примиренiя и объединенiя, справлявшiяся въ 1439 г. въ городѣ, который былъ самымъ центромъ гуманизма, не имѣли на самомъ дѣлѣ въ себѣ ничего религiознаго,—это были чисто-языческiя празднества, это былъ радостный привѣтъ любви, которымъ встрѣчали великихъ генiевъ греческой древности, возвратившихся въ среду живыхъ людей.

Ослабленiе католическаго благочестiя позволило мыслящему обществу вернуться къ природѣ и прервать на время аскетическiя упражненiя,—эти послѣднiя, впрочемъ, на короткое время снова вернулись, когда въ концѣ XV вѣка Iеронимъ Савонаролла, окруженный своими «плакальщиками» или «piagnoni», предписывалъ законы даже самой Флоренцiи и, возвращаясь къ традицiямъ апостола Павла, заставлялъ жечь картины, музыкальные инструменты и произведенiя свѣтской литературы, между прочимъ и «Разсказы» Боккаччiо. Этотъ острый кризисъ религiозной вѣры и нетерпимости продолжался, однако, едва лишь четыре года, и, въ свою очередь, самъ Савонаролла былъ сожженъ по приказанiю папы Александра VI за свою чрезмѣрно большую ревность къ религiи и къ Господу Богу.

Не подлежитъ сомнѣнiю, что движенiе Возрожденiя, взятое во всемъ своемъ цѣломъ, опредѣлило эмансипацiю гражданскаго общества, привязавъ послѣднее тѣсно къ древней культурѣ, какъ бы минуя среднiе вѣка христiанства. Благодаря этому и женщина завоевала на дѣлѣ нѣкоторое участiе въ общественной жизни, въ чемъ ей совершенно отказывала христiанская церковь,—женщина получила возможность выступить изъ тѣснаго круга семьи и изъ мрачныхъ сводовъ храмовъ и монастырей; чрезвычайно большое число женщинъ сдѣлалось даже знаменитыми въ наукѣ, прославилось своимъ умомъ, своими чисто-

мужскими качествами; во многихъ благородныхъ семьяхъ дѣвушки стали принимать живѣйшее участіе въ воспитаніи своихъ братьевъ.

Проклятіе, которое христіанская религія наложила на тѣло человѣка, разсматривавшееся ею какъ мѣстопребываніе всѣхъ низменныхъ страстей, перестало тяготѣть надъ человѣчествомъ. «Тысяча лѣтъ невѣ-



Мурсія. Развалины арабскихъ бань.

жества», какъ опредѣляетъ Мишлэ средніе вѣка, наконецъ, отошли въ вѣчность. Въ этомъ заключался наизначительнѣйшій переворотъ, которымъ опредѣлилось самое Возрожденіе, такъ какъ благодаря ему ослабъ этотъ ужасный догматъ первороднаго грѣха, растлѣвавшій христіанскую часть человѣчества, заставлявшій презирать свое тѣло или же видѣть въ немъ носителя всѣхъ пороковъ. Наказаніе за совершенный человѣкомъ первородный грѣхъ вызывало невольно страхъ передъ «плотью», которая противопоставлялась безсмертной душѣ, и въ дѣйствительной жизни это презрѣніе къ плоти выражалось не въ чемъ иномъ, какъ въ нечистоплотности. Тѣло, покрытое паразитами, язвы и струпья были въ большомъ почетѣ; считали за особое достоинство воздымать къ Богу гноеточащія руки, привлекать Его взоры на истощенные или атрофированные члены. Во Франціи, подвергавшейся въ теченіе четырнадцати

столѣтій суровой церковной дисциплинѣ, считалось почти до самаго послѣдняго времени обязанностью всѣхъ вѣрующихъ «не смывать воды св. крещенія»,—курьезнымъ образомъ символъ крещенія сдѣлался, въ концѣ концовъ, предлогомъ къ нечистоплотности. Еще и въ настоящее время монголы перестаютъ мыть свои одежды на цѣлый годъ, если случится какое-нибудь общественное бѣдствіе, свидѣтельствующее о гнѣвѣ небесномъ [1]); ихъ психологія не измѣнилась со времени посѣщенія Рубрука: онъ разсказываетъ, что у нихъ мытье почитается призывающимъ громы небесные. Если же не выходить изъ предѣловъ христіанскихъ странъ, которыя благодаря господству монаховъ стали такъ сильно походить на страны монгольскія, то не видимъ ли мы, что и въ Испаніи церковь запрещаетъ пользоваться чистой водой. Въ 1467 г. кардиналъ Эспиноза запретилъ скандализировавшее его употребленіе бань, которыя тогда не вывелись еще у потомковъ арабовъ, оставшихся въ этомъ «католическомъ» по преимуществу королевствѣ [2]), въ этой странѣ, гдѣ нечистоплотность одной изъ принцессъ была возведена въ геройство.

Реабилитація плоти—какъ выражались поклонники Сенъ-Симона въ романтическую эпоху соціализма—была существеннымъ условіемъ эмансипаціи искусства. Конечно, народъ прекрасной Италіи во всѣ времена сохранялъ чувство прекраснаго или скорѣе всегда отражалъ въ себѣ красоту и изящество окружающей природы. Великолѣпные пейзажи Тосканы, Умбріи, съ ясно обрисовывающеюся каймою горъ, съ красивыми рощами, горными потоками, живописными деревеньками и богатыми и разнообразными полями, составляющими такой чудный контрастъ съ темными кипарисами, затѣмъ дремучіе лѣса высокихъ Апеннинъ и за ними плодородныя безконечныя равнины, цвѣтущія предгорья Альповъ, вся эта дивная природа, богатая вѣчно мѣняющимися оттѣнками, различными, въ разныя времена года,—все это отражается на характерѣ итальянскаго народа, веселаго, добродушнаго одареннаго умомъ, любящаго и глубоко-художественнаго. Іоахимъ Флоръ любилъ природу и умѣлъ наблюдать ее: однажды, когда онъ читалъ свою проповѣдь во время дождя, облака внезапно разступились, и радостный лучъ солнца освѣтилъ церковь. Проповѣдникъ остановился, привѣтствовалъ дневное свѣтило, запѣлъ «Veni Creator» и вышелъ со своею паствою изъ церкви, чтобы посмотрѣть на окружающую полную радости природу» [3]). Альберти, гуманистъ, если только онъ имъ былъ, очаровывалъ своею кротостью дикихъ животныхъ, на которыхъ взоръ его дѣйствовалъ магнетически; при видѣ красиваго дерева или

---

1) W. W. Rockhill. «Diary of a Journey through Mongolia and Tibet», p. 154.—2) A. S. Martin. «Spain, its Greatness and Decay», p. 153.—3) Arvède Barine. «L'Italie Mystique».

богатой жатвы онъ заливался слезами; каждая красота была для него откровеніемъ.

Ни у однихъ земледѣльцевъ въ мірѣ нѣтъ такихъ трогательныхъ, полныхъ искренняго чувства народныхъ пѣсенъ, такихъ гармоничныхъ, изящныхъ и музыкальныхъ, какъ rispetti или stornelli тосканскихъ крестьянъ. Нигдѣ деревенскіе домики не выдѣляются такъ красиво на



Музыкальныя упражненія въ полѣ.
Картина Джіорджіоне, венеціанскаго художника (1477—1511).

фонѣ окружающихъ ихъ садовъ и полей,—деревенскій каменщикъ-строитель не старается, какъ въ другихъ странахъ, помѣстить постройку на виду,—онъ умѣетъ приспособить ее ко всему окружающему, сдѣлать ее еще одной лишней чертой, увеличивающей красоту пейзажа. Самъ онъ вполнѣ сознаетъ ея красоту, умѣетъ сохранять ее, умѣетъ выбирать красивѣйшихъ женщинъ,—онъ украшаетъ цвѣтами дѣтей, обвиваетъ гирляндами цвѣтовъ своихъ быковъ, воздвигаетъ среди полей даже пугала для птицъ, являющіяся настоящими произведеніями искусства, и, чтобы доставить пріятное своимъ глазамъ, «поверхъ мѣшка съ хлѣбомъ кладетъ томатъ» [1]).

1) Philippe Monnier, op. c., t. II, p. 223.

Съ этою любовью къ природѣ связанъ фактъ, который даетъ ей опредѣленное положенiе въ завоеванiяхъ человѣчества. Любители подниматься въ горы, забирающiеся на высоты единственно ради удовольствiя къ самимъ поднятiямъ, ради удовольствiя видѣть, какъ постепенно расширяется горизонтъ, какъ появляются за горами, за холмами города, и вырисовывается на краю равнины свѣтлая полоса моря, могутъ вызывать въ своей памяти воспоминанiе о Петраркѣ, поднимавшемся на гору Ванту [1]).

Такимъ образомъ, отъ вѣка до вѣка, несмотря на притѣсненiя церкви и свѣтскихъ властителей, несмотря на пожары и войны, итальянскiй народъ сохранилъ сокровище художественнаго чувства,— искусство, однако, не могло развиваться иначе, какъ при полной свободѣ взять и писать чистыя формы человѣческаго тѣла, освобожденныя отъ всѣхъ аттрибутовъ, которые требовались религiозной рутиной. Необходимо было освободиться отъ давящихъ символовъ, взглянуть на человѣка, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, во всей его красотѣ,—на человѣка, не оскверненнаго первороднымъ грѣхомъ, и разглядѣть и понять даже въ событiяхъ, считавшихся священными и божественными, простыхъ людей, въ ихъ обыденныхъ положенiяхъ и повседневной жизни: глаза художника снова получили право смотрѣть на природу и на людей въ ихъ не прикрашенномъ видѣ, и цѣпи спали съ рукъ творцовъ искусства. 2000 лѣтъ прошло съ того времени, какъ греческiе художники поняли красоту человѣческаго тѣла и изобразили ее во всемъ ея блескѣ,—теперь итальянскiе художники дошли до того же другими путями,—они также поднялись до лицезрѣнiя красоты, хотя и весьма отличной отъ таковой эллиновъ, но не менѣе совершенной въ своемъ собственномъ родѣ, примѣнительно къ новымъ чувствованiямъ. Тогда какъ iоническiе скульпторы, полные жизнерадостности, представляли собою молодой возрастъ искусства, художники итальянскiе, освободившись отъ путъ средневѣковья, сохраняли большею частью даже въ своей наивной жизнерадостности нѣкоторую меланхолiю, нѣкоторую печаль, какъ бы намекавшую на пережитыя горести. Они завоевали предшествовавшими страданiями глубину чувства и путемъ изученiя человѣка и природы нашли снова полную красоту внѣшнихъ формъ. Даже самый благочестивѣйшiй христiанинъ изъ всѣхъ художниковъ того времени, Фра Ангелико, не рѣшавшiйся ѣсть скоромное за столомъ папы безъ разрѣшенiя своего настоятеля,—Ангелико, писавшiй всѣхъ людей на своихъ картинахъ добросовѣстнѣйшимъ образомъ одѣтыми съ головы до ногъ, не упускалъ никогда изъ виду въ своихъ художе-

1) Günther. «Wissenschaftliche Bergbesteigung».

ственныхъ созданіяхъ красоты человѣческаго тѣла и вдохновлялся прогрессомъ техники, созданнымъ его соотечественниками.

Какъ велика должна была быть радость всѣхъ эмансипировавшихся



Домъ въ Нюрнбергѣ.

художниковъ, все почти мелкихъ мастеровъ, извѣстныхъ намъ лишь по именамъ или прозвищамъ, или даже только по названію ихъ родного города; какъ велико должно было быть ихъ счастье, когда они почув-

ствовали себя настолько свободными, что могли изображать красоту таковою, какъ они ее видѣли, во всемъ блескѣ ея молодости и силы! Это была эпоха увлеченія, въ которомъ принималъ участіе и простой народъ, очарованный тѣмъ, что видѣлъ передъ собою столь великолѣпныя творенія людей, вышедшихъ изъ него самого. Въ то же время художники, сдѣлавшись болѣе смѣлыми, благодаря своему успѣху, вступили на путь новшествъ: они стали обучаться анатоміи, изучали законы перспективы, изыскивали новые способы приготовленія красокъ и новые пріемы живописи. Это былъ златой вѣкъ для итальянскихъ художниковъ, и отсюда онъ распространился и на всѣ части Западной Европы, гдѣ имѣлись аналогичныя условія, и гдѣ эти условія вызвали появленіе гражданъ, воспринимающихъ и понимающихъ красоту. Фламандскіе города и промышленные города центральной Германіи, прошедшіе чрезъ первоначальное воспитаніе общинной жизни, города,—въ которыхъ эмансипація мысли освободила индивидуальную иниціативу, сдѣлались, благодаря развитію искусства и благодаря увеличенію способности оцѣнивать его цѣлымъ рядомъ маленькихъ Италій, обладающихъ каждая своею особою оригинальностью.

Какимъ замѣчательнымъ центромъ поэзіи науки и искусства сдѣлался, напримѣръ, городъ Нюрнбергъ, интересный не менѣе, чѣмъ Флоренція [1]. Какъ сообщаетъ одинъ изъ современныхъ авторовъ, «богатство и изобиліе всего были обусловлены тамъ участіемъ семи различныхъ народностей—венгровъ, славянъ, тюрковъ, арабовъ, французовъ, англичанъ и голландцевъ». Слѣдовательно, вся Европа и средиземноморскій востокъ вели торговлю съ этимъ крупнымъ промышленнымъ городомъ. Пока Венеція и Генуя оставались въ сношеніяхъ съ Индіей и внутренними частями Азіи, Нюрнбергъ и Аугсбургъ сохраняли свое перворазрядное значеніе въ смыслѣ распредѣленія драгоцѣнныхъ восточныхъ товаровъ въ центральной Европѣ; города эти, въ особенности первый изъ нихъ, умѣли посвящать значительную часть своихъ барышей на прославленіе труда и на развитіе искусства. Здѣсь мы находимъ замѣчательный кругъ художниковъ, истинныхъ людей въ настоящемъ значеніи этого слова,—художниковъ знаменитаго германскаго Возрожденія, связаннаго родственными узами съ Возрожденіемъ итальянскимъ. Они стремились лишь къ тому, чтобы совершать великія дѣянія, вовсе не желая извлекать изъ нихъ для себя почести, почему многіе изъ этихъ художниковъ являются анонимами: творенія ихъ были совершенны, но сами они оставались по собственной волѣ въ полной неизвѣстности. Архитекторы, скульпторы, золотыхъ дѣлъ мастера, художники,

---

1) Rosenplut.

миніатюристы жили простыми рабочими, соединявшимися въ братства

№ 369. Нюрнбергъ и его область.



и корпораціи, вмѣстѣ жившіе и вмѣстѣ работавшіе. Даже Адамъ Краффтъ

называлъ себя просто «каменотесомъ», Петръ Фишеръ называлъ себя «мѣдникомъ» [1]) и изобразилъ себя въ костюмѣ рабочаго на могилѣ святого Себальда. Искусство распространено всюду въ эту дивную эпоху Возрожденія: человѣкъ, сознававшій красоту своего тѣла, старается еще усилить ее изящно скроеннымъ костюмомъ яркихъ цвѣтовъ; обстановка жилищъ и самыя жилища строятся съ любовью, даже сами улицы разрисовываются, и эти рисунки служатъ для чужеземцевъ какъ бы лѣтописью, какъ бы хроникой города. «По отношенію къ искусству мы должны разсматривать эпоху XII вѣка, столь блистательную въ Германіи, поистинѣ какъ потерянный рай» (Шмоллеръ).

Преобладаніе этого великаго момента въ исторіи человѣчества проистекало отъ относительнаго равновѣсія большихъ городовъ,—освободившись отъ господства духовенства и отъ абсолютной власти императора, они были, тѣмъ не менѣе, принуждены опираться другъ на друга, чтобы сохранять свою свободу, и представляли въ дѣйствительности нѣчто въ родѣ федераціи, притомъ чрезвычайно сложной, такъ какъ условія ея сильно варіировали въ каждой общинѣ. Благодаря такой взаимной поддержкѣ, миръ возстановился, миръ, однако, постоянно колебавшійся и неустойчивый, подобно намагниченной иглѣ, которая, колеблясь безъ конца въ ту и другую сторону, тяготѣетъ все же къ сѣверу. Города эти были особенно могущественными, благодаря своей торговлѣ и благодаря своимъ промышленнымъ корпораціямъ; они являлись въ то же время какъ бы центрами земледѣлія и владѣли обширными пространствами земли. Территорія Нюрнберга, занятая самимъ городомъ и его землями, покрывала огромное пространство въ 1100 кв. километровъ, т.-е. пространство, въ 14 разъ превышавшее площадь Парижа: тамъ заключались не только большія общины, но также и земледѣльческіе участки, воздѣлывавшіеся на пользу горожанъ и состоявшіе большею частью изъ леновъ, купленныхъ у благородныхъ родовъ, впавшихъ въ нищету. Эти городскія владѣнія воздѣлывались почти всѣ свободными фермерами, хотя, впрочемъ, не исключалось и участіе прикрѣпленныхъ къ землѣ земледѣльцевъ,—такъ различны были спеціальныя условія, перемѣшивавшіяся всѣ въ этомъ столь сложномъ обществѣ среднихъ вѣковъ! Это была эпоха, когда Максимиліанъ при жизни своего отца предлагалъ собрать во Франкфуртѣ конгрессъ для установленія вѣчнаго мира [2]).

Прогрессу содѣйствовали въ этотъ относительно счастливый періодъ условія владѣнія земельною собственностью, которая была распредѣлена несравненно менѣе несправедливо, чѣмъ до того времени и чѣмъ послѣ

1) J. Janssen. «L'Allemagne à la Fin du Moyen-âge».—2) J. Janssen, vol. cité, p. 500.

реформы. Всѣ деревни обладали своими общинными землями, въ которыя

№ 370. Университеты въ началѣ XVI вѣка.



• Университеты, основанные до 1200 г. ▲ Университеты, основанные между 1200 и 1300 г.

○ Университеты, основанные между 1300 и 1400 г. ◆ Университеты, основанные между 1400 и 1506 г.

Болонскій университетъ, замѣстившій школу въ Равеннѣ, претендентъ на существованіе еще до 1000 г.; основаніе школы въ Салерно относится къ 1080 г., оксфордскій университетъ— 1167 г.; въ Парижѣ университетъ открылся въ 1150 или 1170 г. Университетъ въ Монпелье основанъ въ 1137 или 1220 г., университетъ въ Моденѣ и стоящій съ нимъ въ связи университетъ въ Реджіо—въ 1182—1188 г. Обѣ карты №№ 370 и 371 выполнены въ масштабѣ 1 : 20000000.

входили лѣса, луга и выгоны; всѣ общинники имѣли на нихъ одинаковое право, даже во владѣніяхъ, состоявшихъ изъ господскихъ земель: земледѣлецъ, привязанный къ землѣ, располагалъ собственнымъ земельнымъ участкомъ какъ свободный крестьянинъ, если только принадлежалъ дѣйствительно къ данной округѣ и владѣлъ тамъ «собственнымъ очагомъ, собственнымъ хлѣбомъ и собственною пищею». Ни одна частица изъ этихъ общинныхъ земель не могла быть продана, и крупные землевладѣльцы не имѣли даже права безъ разрѣшенія общинниковъ рубить лѣсъ и вывозить его за предѣлы деревни. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый, кто находился въ несчастьи, каждый, пришедшій изъ чуждыхъ мѣстъ, имѣлъ свои права на земли, принадлежавшія всѣмъ. Женщины, собирающіяся родить, пользовались во многихъ деревняхъ правомъ получать извѣстный запасъ дровъ, независимо отъ того, принадлежали ли онѣ къ общинѣ, или нѣтъ. Каждый прохожій имѣлъ возможность, по меньшей мѣрѣ разъ, забросить свою сѣть въ рѣку или въ прудъ, принадлежавшіе общинѣ, всадникъ или ѣдущій на телѣгѣ во время жатвы могъ захватить съ собой снопъ хлѣба или даже болѣе. Путникъ, лошади котораго устали, могъ требовать корма имъ, или если поломалась телѣга, необходимыхъ средствъ для починки ея—для этого можно было брать деревья изъ общиннаго лѣса. Въ опредѣленное время производилось торжественное обозрѣніе общинныхъ земель, причемъ составлялись процессіи пѣшихъ и конныхъ людей съ развивающимися знаменами, съ гремящими барабанами и флейтами,—такое обозрѣніе производилось согласно церемоніалу, каковой и въ настоящее время соблюдается еще въ Шотландіи во время ежегодныхъ обозрѣній границъ городской территоріи, которыя въ другія времена владѣтельныя особы перемѣщали по своему усмотрѣнію. Въ ту эпоху на границѣ общественныхъ полей устраивался алтарь, читалось Евангеліе, и священникъ благословлялъ общинныя земли [1]).

Во время этого періода полнаго равновѣсія промышленныхъ городовъ, прогрессъ двигался такими быстрыми шагами впередъ, что постепенно сталъ совершаться переходъ земельной собственности во владѣніе земледѣльцевъ, бывшихъ прежде порабощенными: трудъ до извѣстной степени велъ къ пріобрѣтенію земли. Въ принципѣ допускалось вообще, что земледѣлецъ, труды котораго увѣнчивались хорошею жатвою, пріобрѣталъ этимъ самымъ право на значительнѣйшую часть собираемыхъ продуктовъ,—всякое улучшеніе земли должно было составлять собственность позаботившагося объ этомъ улучшеніи. Вложенный въ землю трудъ, обусловливавшій ея достоинства, гарантиро-

---

1) Grimm. «Weisthümer»; J. Janssen. «L'Allemagne à la Fin du Moyen-âge», p. 276 ss.; Maurer. «Geschichte der Dorfverfassung in Deutschland».

валъ постепенное пріобрѣтеніе ея въ собственность. Общество доходило,

№ 371. Типографіи въ 1500 г.



• Типографіи, основанныя до 1450 г. ∘ Типографіи, основанныя между 1450 и 1475 г.
• Типографіи, основанныя между 1475 и 1500 г.

Гутенбергъ дѣлалъ свои опыты книгопечатанія въ Страсбургѣ около 1436 г., послѣ чего устроился въ Майнцѣ въ 1444 г. Вальдфогель изъ Праги жилъ въ Авиньонѣ въ 1444 г. и обучалъ тамъ нѣкоторыхъ лицъ «искусственному письму». Претензіи Гарлема, Бамберга и Флоренціи менѣе оправдываются. Самыя древнія произведенія книгопечатанія, дошедшія до насъ, происходятъ изъ Майнца.

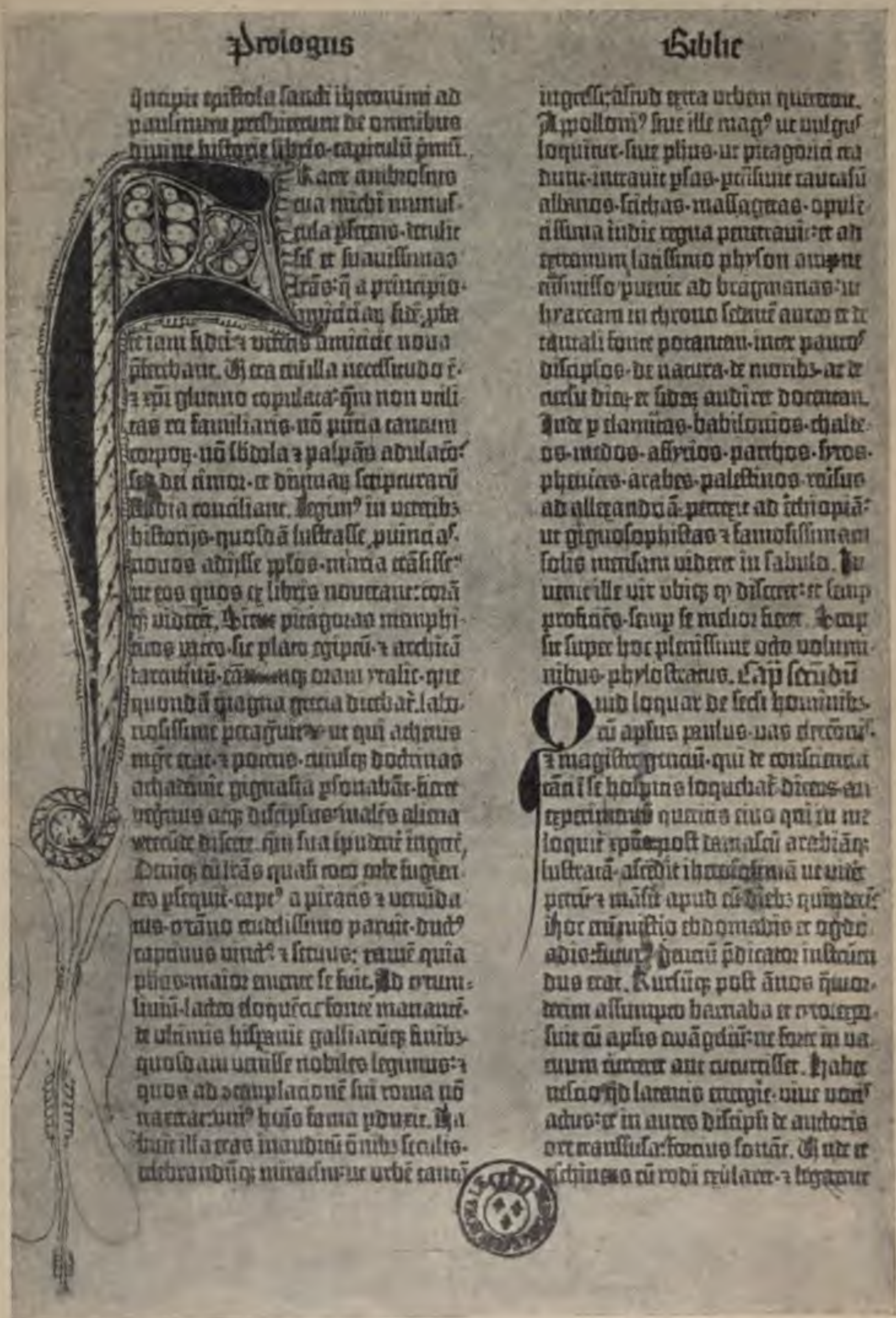
такимъ образомъ, мало-по-малу, до убѣжденія, что земля, закрѣпленная за земледѣльцемъ, становится его законною собственностью, тогда какъ право крупнаго землевладѣльца въ то же время постепенно уменьшалось и превратилось, въ концѣ концовъ, въ простой налогъ и гарантированную уплату за землю натурою [1]).

Наблюдалось также явленіе, аналогичное тому, которое приняло столь большіе размѣры въ теченіе XIX столѣтія, именно стремленіе крестьянъ въ города, гдѣ они находятъ жизнь болѣе высокую въ смыслѣ интеллигентности, находятъ больше открытыхъ путей для проявленія своей инициативы. Страсть къ знанію перешла до извѣстной степени въ неутолимую жажду. Изъ существующихъ въ настоящее время въ Германіи университетовъ 9 были основаны въ теченіе полувѣка—съ 1450 по 1506 г.: любовь къ научнымъ открытіямъ могла поспорить лишь со страстью къ изобрѣтеніямъ, важнымъ въ матеріальной жизни. Но сколько трудностей въ то же время встрѣчали люди при занятіяхъ наукой. Какъ бѣденъ былъ научный багажъ! Въ концѣ XV вѣка анатомическій факультетъ тюбингенскаго университета получилъ право дѣлать одно вскрытіе каждые три—четыре года; начиная съ 1538 г., позволялось вскрывать по одному трупу каждый годъ; въ 1547 г. университетъ могъ пріобрѣсть скелетъ человѣка, и этотъ единственный скелетъ служилъ ему въ теченіе 104 лѣтъ [2]). Страсть къ ученію и къ обученію была такъ сильна, что профессорами становились люди очень молодые, еще не способные носить оружіе, и тогда какъ эти подростки обучали, нерѣдко старцы, аббаты, каноники, князья тѣснились на школьныхъ скамьяхъ, слушая ихъ лекціи; женщины также стремились въ школы, снѣдаемыя желаніемъ учиться [3]), студенты странствовали по Германіи и по Европѣ, также какъ странствовали тогда молодые ремесленники разныхъ цеховъ, и гостепріимство, которое они всюду находили, регулировалось вездѣ одинаковымъ образомъ. Профессора, географы, астрономы, натуралисты и всевозможные другіе ученые устраивались даже въ различныхъ, далеко расположенныхъ отъ центра Европы городахъ, напримѣръ, въ Лиссабонѣ, гдѣ они встрѣчали моряковъ и различныхъ авантюристовъ, искавшихъ новыхъ открытій. Изготовленіе глобусовъ, выдуманныхъ Мартиномъ Бехаимомъ и Тосканелли, ускорило до извѣстной степени «открытіе Новаго Свѣта».

Именно здѣсь въ Германіи, столь подготовленной наукою и распространеніемъ знаній, появленіемъ или возстановленіемъ самыхъ различныхъ отраслей промышленности,—именно здѣсь было изобрѣтено около середины XV вѣка печатаніе книгъ подвижными буквами, быв-

---

1) J. Janssen, op. cit., p. 393, 394.—2) A. Froriep, Globus, 1903, p. 16 2.—3) Richard Heath. «Anabaptism», p. 4.



Prologus Biblie

Incipit epistola sancti iheronimi ad paulinum presbiterum de omnibus divine historie libris-capitulū primū.

Страница первой библіи Гутенберга.

Іоаннъ Гейнсфлейшъ, по прозванію Гутенбергъ, родился и умеръ въ Майнцѣ (1400—1468).

шее точкой отправленія настоящаго переворота въ умственной и нравственной жизни,—переворота, по сравненію съ которымъ всѣ предыдущіе имѣютъ лишь второстепенное значеніе,—благодаря книгопечатанію и они являются передъ нами въ своемъ истинномъ освѣщеніи. Великій XV вѣкъ, бывшій началомъ современной цивилизаціи, обязанъ своимъ мѣстомъ въ исторіи основнымъ открытіямъ—открытіямъ въ пространствѣ и во времени: въ пространствѣ—путемъ изслѣдованія земного шара въ Африкѣ и въ обѣихъ Индіяхъ и во времени—путемъ воскрешенія и извлеченія на свѣтъ Божій великихъ созданій древности. И именно книгопечатаніе позволило совершить это великое завоеваніе истекшихъ вѣковъ; въ то же время, если оно появилось, то только вслѣдствіе потребности, которую ощущали гуманисты—потребности воспроизводить до безконечности отрывки столь малочисленныхъ рукописей твореній древности, которыми они обладали. Стремленіе распространить свои собственныя идеи, обратиться непосредственно къ своимъ современникамъ въ качествѣ литераторовъ, философовъ или моралистовъ играло лишь ничтожную роль въ этомъ дѣлѣ созданія новой отрасли промышленности, такъ какъ всѣ печатныя произведенія въ теченіе первыхъ лѣтъ съ открытія книгопечатанія представляли собою памятники либо религіозные, либо свѣтскіе, уже всѣмъ извѣстные и украшенные тѣмъ ореоломъ славы, который даетъ традиція. Въ теченіе вѣковъ, предшествовавшихъ открытію печатанія подвижными буквами, писалось много, но едва ли сотая часть книгъ среднихъ вѣковъ сохранилась [1]). Количество авторовъ въ тѣ времена, когда писатель былъ самъ въ то же время и издателемъ, когда поэтъ являлся самъ декламаторомъ, когда драматургъ былъ самъ актеромъ, должно было быть огромно, но со смертью людей исчезали и ихъ творенія. Книгопечатаніе являлось въ извѣстныхъ случаяхъ препятствіемъ для писателей, такъ какъ отбивало охоту у мыслителей мало энергичныхъ, но зато оно до безконечности расширило поле дѣйствій писателей, произведенія которыхъ попадали подъ типографскій станокъ.

Изобрѣтеніе книгопечатанія — фактъ столь капитальнаго значенія, что цѣлый рядъ странъ и городовъ приписываетъ себѣ славу его осуществленія. Очень вѣроятно, что знаніе этого искусства не было на самомъ дѣлѣ занесено изъ Китая на европейскій Западъ Рубрукомъ или Поло, и что дѣйствительно изобрѣтеніе было сдѣлано гдѣ-либо въ Европѣ, мы знаемъ все же, что города Майнцъ, Страсбургъ, Бамбергъ, Авиньонъ, Флоренція и Гарлемъ одинаково претендуютъ на честь быть мѣстомъ открытія этого великаго искусства. При разногласіи въ этомъ

1) Remy de Gourmont. «Le Chemin de Velours», p. 30.

отношеніи тѣмъ труднѣе вынести какое-либо опредѣленное заключеніе, что промышленники того времени тщательно оберегали каждый свою тайну, и что настоящее книгопечатаніе возникло изъ ранѣе существовавшихъ близкихъ къ нему отраслей промышленности, — напримѣръ, гравированія на деревѣ игральныхъ картъ, изображеній святыхъ съ молитвенными обращеніями и т. п. Какъ бы то ни было, по общему мнѣнію всѣхъ свѣдущихъ людей, скорѣе всего Майнцъ является отечествомъ этого благороднаго изобрѣтенія, и Гутенбергъ можетъ считаться его изобрѣтателемъ. Когда послѣ завоеванія этого города архіепископомъ Адольфомъ Нассаусскимъ, въ 1462 г., «замѣчательнѣйшая тайна» книгопечатанія была разоблачена, и свѣдѣнія о ней распространились по всему міру, Майнцъ обладалъ уже двумя книгопечатными заведеніями — типографіей Гутенберга, съ трудомъ боровшагося съ бѣдностью, но, тѣмъ не менѣе, работавшаго, не покладая рукъ, и типографіей богача Іоганна Фуста или Фауста, который старался уничтожить своего прежняго компаньона, а затѣмъ конкурента Гутенберга, добившись незаконнаго приговора надъ нимъ, по которому тотъ присужденъ былъ уплатить ему долги съ процентами и съ процентами на проценты,—какъ всегда при возникновеніи и развитіи промышленности мы находимъ здѣсь жестокую борьбу капитала и труда. Какъ бы то ни было, открытіе перешло въ стадію своего полнаго осуществленія. Первая напечатанная книга, которой имѣется лишь очень малое количество экземпляровъ, это— Библія «Vulgata» въ двухъ томахъ in folio,—для напечатанія ея Гутенбергу потребовалось три года, съ 1452 до 1455 г. Произведеніе это продавалось за 30 флориновъ, тогда какъ рукописный экземпляръ стоилъ 400 или 500 флориновъ [1]).

Какъ только искусство книгопечатанія перестало быть тайною, оно начало быстро распространяться по всей Европѣ, и въ концѣ вѣка, черезъ какія-нибудь сорокъ лѣтъ, насчитывалось уже болѣе тысячи книгопечатниковъ, большею частью германскаго происхожденія. Два года послѣ взятія Гренады въ этомъ городѣ было уже три книгопечатника-германца; двое изъ нихъ рискнули даже забраться на расположенный подъ экваторомъ островъ св. Ѳомы, гдѣ въ настоящее время было бы, вѣроятно, трудно найти кого-нибудь занимающагося книжнымъ дѣломъ.

Вполнѣ естественно, что тотчасъ же установилось извѣстное раздѣленіе труда въ различныхъ странахъ въ дѣлѣ воспроизведенія рукописей, которыми владѣли ученые. Германія была гораздо сильнѣе, чѣмъ Италія, охвачена средневѣковымъ мистицизмомъ и печатала потому,

1) V. Duruy.

главнымъ образомъ, произведенія религіознаго характера, псалтыри, молитвенники, благочестивыя изреченія, къ которымъ присоединялись также грамматики, сборники словъ и изреченій. Многія изъ книгъ, напечатанныхъ въ Германіи до конца XV вѣка, совершенно исчезли за



Флоренція. Могила Лоренцо Медичи; работы Микеланджело (1475—1564).

время войнъ, которыя затѣмъ послѣдовали, но все же съ того времени сохранилось болѣе тысячи произведеній, среди которыхъ болѣе сотни Библій и 59 „Подражаній". Что касается Италіи, бывшей главною страною гуманистовъ по преимуществу, уже почти освободившеюся—по крайней мѣрѣ, въ своихъ высшихъ, образованныхъ слояхъ—отъ вѣры въ христіанскую религію, то она занималась прежде всего изданіемъ классиковъ. Два монаха, Швейнгеймъ и Панарцъ, ввели въ 1465 г. книгопечатаніе въ монастырѣ Субіако; съ 1476 въ Миланѣ была напечатана первая греческая книга, грамматика Ласкариса, и вскорѣ Альдъ

Мануцій, «римлянинъ», началъ печатать «всю греческую мудрость и продолжалъ печатать ее до своего послѣдняго издыханія». Съ 1495 по 1514 г. онъ издалъ послѣдовательно Аристотеля, Гезіода, Ямвлиха и нео-платониковъ, Аристофана, Ѳукидида, Софокла, Геродота, Ксенофонта, Эврипида, Демосѳена, Плутарха, Платона, Пиндара, затѣмъ Виргилія и другихъ латинскихъ писателей. Въ ту эпоху, когда въ мастерской Мануція въ Венеціи воспроизводились эти замѣчательныя, драгоцѣнныя изданія, каждый экземпляръ которыхъ продавался по $2^1/_2$ франка, т.-е. по современной ихъ стоимости, въ Германіи печатали плохо и лишь въ малыхъ размѣрахъ грамматики и учебники правописанія для начинающихъ.

Съ того времени всѣ сокровища древности стали доступны каждому, кто желалъ познакомиться съ ними и научиться, — можно было непосредственно пить изъ самаго источника, вмѣсто того, чтобы получать жидкость болѣе или менѣе смѣшавшуюся на своемъ теченіи съ грязными водами канавъ! Стоитъ лишь вспомнить о томъ крикѣ энтузіазма, какой испустилъ Гаргантюа, обращаясь къ своему сыну Пантагрюэлю: «въ настоящее время всѣ ученія возстановлены, всѣ языки воскрешены — греческій, безъ котораго стыдно называться ученымъ, еврейскій, халдейскій и латинскій. Отпечатки столь изящны и столь правильны, — они сдѣланы способомъ, изобрѣтеннымъ еще на моемъ вѣку по божественному вдохновенію, тогда какъ, наоборотъ, пушки были изобрѣтены по навожденію дьявольскому... Весь міръ полонъ ученыхъ людей, много знающихъ преподавателей, изобилуетъ богатыми библіотеками... Я встрѣчаю теперь разбойниковъ, палачей, авантюристовъ, конюховъ — болѣе ученыхъ, чѣмъ доктора и проповѣдники моего времени». Надо слышать также, съ какимъ энтузіазмомъ хвалитъ свой вѣкъ пылкій Ульрихъ фонъ-Гуттенъ: «O saeculum, o litterae! Juvat vivere etsi quiescere nondum juvat» [1]).

Избытокъ силы, коимъ обладало общество въ эпоху Возрожденія,— избытокъ, позволявшій ему совершать столь великія дѣянія, долженъ былъ проявляться и въ дѣлахъ, не имѣющихъ практическаго значенія: вѣкъ замѣчательныхъ открытій въ пространствѣ и во времени былъ въ то же время вѣкомъ витаній въ мірѣ химеръ. Опьянѣніе наукой, детали которой были плохо усвоены, но которая глубоко чувствовалась во всей своей ширинѣ и глубинѣ, является постоянно источникомъ утопій, полетомъ воображенія, тѣмъ болѣе широкимъ, чѣмъ болѣе измѣненій внесла современная жизнь. Побѣды грековъ надъ безчисленными ордами, ринувшимися на нихъ по повелѣнію персидскихъ царей, заставили побѣди-

---

1) «О вѣкъ! о литература! Пріятно жить и непріятно было бы еще отдыхать»!

телей считать себя почти богами, и, несмотря на естественное тяготѣніе эллинскаго духа, писатели изображали наперебой идеальныя общества и идеальную общественную жизнь, которой, какъ они сами знали, не суждено было никогда осуществиться. Движеніе, аналогичное этому, произошло и въ теченіе прекрасныхъ вѣковъ Возрожденія подъ давленіемъ причинъ того же самаго характера: все, что совершалось особен-



Главный фасадъ замка д'Азе-ле-Ридо.

наго въ жизни народностей, заставляло возникнуть цѣлый міръ грезъ, бывшихъ грандіозными и блестящими. Конечно, слѣдовало бы, чтобы утопіи философовъ и поэтовъ являлись дѣйствительными улучшеніями существующаго міра, улучшеніями, перешедшими уже на фактическую почву. На самомъ дѣлѣ, однако, до этого далеко! Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ такія грезы имѣютъ красоту дѣйствительной жизни. Напротивъ, книги утопистовъ походятъ на самихъ ихъ авторовъ: какъ и всѣ другія писанія, онѣ воспроизводятъ какъ благородныя стремленія, такъ и дурныя, какъ высокія чувствованія, такъ и низменныя страсти мыслителей. Нерѣдко въ этихъ химерическихъ произведеніяхъ дурное даже беретъ перевѣсъ надъ добрымъ. Не должны ли мы это сказать, напримѣръ, о первой знаменитой утопіи, которую завѣщалъ намъ Платонъ подъ

наименованіемъ «Республики»? Въ дѣйствительности это не болѣе какъ прославленіе спартанцевъ, не болѣе какъ шагъ назадъ по направленію къ этому обществу, изъ котораго была изгнана всякая личная иниціатива!

Такъ какъ арабское Возрожденіе предшествовало Возрожденію итальянскому, циклъ утопій начался еще ранѣе, въ эпоху господства мавровъ въ Испаніи, сирійцевъ и арабовъ въ Азіи. Среди искателей идеаловъ, изображавшихъ будущее общество и описывавшихъ его жизнь передъ своими современниками-испанцами, какъ христіанами, такъ и магометанами, ученые приводятъ араба Ибнъ-Баджа, родившагося въ Сарагоссѣ, около восьми вѣковъ тому назадъ, — имя его въ исторіи получило упрощенную форму «Авенъ-Пасъ» или «Авемпасъ»; произведенія его не дошли до нашего времени, и содержаніе ихъ извѣстно лишь по критикѣ еврея Моисея изъ Нарбонны; несомнѣнно, однако, что ни одинъ изъ авторовъ не понялъ лучше значенія воспитанія отдѣльныхъ личностей и не усвоилъ лучше идеи, что каждый человѣкъ представляетъ собою естественный центръ, вокругъ котораго слагается общество, какъ вокругъ извѣстной оси [1]). Онъ былъ настоящимъ предшественникомъ современности и видѣлъ ясно, что стойкіе перевороты проистекаютъ не свыше, не со стороны духовенства или королей и даже не со стороны избранныхъ мыслителей,—эти перевороты должны совершиться прежде всего въ каждой отдѣльной личности, которая является начальнымъ элементомъ всякаго прогресса. Будучи самъ «одинокимъ», Ибнъ-Баджа обращается къ «одинокимъ людямъ», которые въ обществѣ несовершенномъ стараются сдѣлаться дѣятельными членами, созидающими общество совершенное. Прежде всего онъ совѣтуетъ имъ освободиться отъ ихъ первоначальнаго воспитанія, подобно тому какъ растенія, стебель которыхъ изогнутъ дугою, получаютъ все же естественное направленіе и растутъ такъ, какъ того требуетъ ихъ жизненный инстинктъ; сдѣлавшись «чужестранцами въ своихъ семьяхъ и въ окружающемъ обществѣ, человѣкъ, уединившійся отъ общества, переносится мыслью въ идеальную республику, которая является его истиннымъ отечествомъ». Въ этомъ новомъ мірѣ, который подразумѣваетъ Ибнъ-Баджа, будетъ безполезно примѣнять правосудіе, такъ какъ отношенія между отдѣльными личностями будутъ основаны на любви [2]). Общество превратится въ огромную школу, гдѣ каждый отдѣльный человѣкъ будетъ заботиться лишь о совершенствованіи своего личнаго «я», объ улучшеніи красоты своей тѣлесной и душевной.

Еще до Ибнъ-Баджа среди арабскихъ философовъ былъ другой

---

1) S. Münck. «Mélanges de Philosophie juive et arabe», p. 363. - 2) Ernest Nys. «Autour de la Méditerranée».

знаменитый утопистъ, Ибнъ-Сина или Авиценна [1]), ученіе котораго,



Аббатство монастыря горы св. Михаила. Кухня и трапезная.

если его понимать правильно, имѣло въ основѣ своей ту же либеральную подкладку,—западные европейцы, однако, видѣли въ немъ лишь

1) Авиценна, 980—1037.—Авемпасъ, род. въ Сарагоссѣ въ 1100 г., ум. въ Фецѣ въ 1138 г.

романъ, лишь игру воображенія. Этотъ философъ и врачъ, вокругъ котораго толпилась учащаяся молодежь Бухары, описываетъ жизнь ребенка Хайи, родившагося и развивающагося на пустынномъ островѣ, поучающагося постепенно явленіями природы и всевозможными уроками, почерпаемыми имъ изъ жизни животныхъ. Онъ живетъ счастливо среди животныхъ и растеній, любя все, что его окружаетъ, и будучи, въ свою очередь, любимымъ, онъ учится непрерывно терпѣливому наблюденію; онъ становится, такимъ образомъ, философомъ и моралистомъ, ученымъ и поэтомъ. Его возвращеніе къ природѣ, его братскія отношенія къ животнымъ остаются свободными отъ всякой условности искусственной жизни,—въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ они очаровывали трубадуровъ и писателей, которыхъ необходимость заставляла называться христіанами, но которые жили всецѣло среди своихъ рыцарскихъ грезъ о справедливости и счастьи [1]). Претерпѣвая рядъ превращеній, личность Хайи, непрестанно видоизмѣняемая утопистами, дѣлавшими изъ нея представителя ихъ собственной природы и носителя ихъ идей, въ концѣ концовъ, сильно опошлилась, и ея генеалогія заканчивается многочисленными Робинзонами, которые открываютъ уже не какое-либо новое общество, а просто чисто-практическія средства къ существованію и къ приспособленію къ новой средѣ.

Утопіи Возрожденія имѣли характеръ болѣе возвышенный, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ уже самое значеніе этого слова «утопія», представляющаго собою извращенное первоначально слово «нигдѣ» [2]). Терминъ этотъ сталъ примѣняться съ того времени ко всѣмъ проектамъ улучшенія общественныхъ условій, которые осуждены на полную неосуществимость, но внушаются, тѣмъ не менѣе, глубокимъ чувствомъ солидарности всего человѣчества. Кампанелла, напримѣръ, старается поставить человѣка въ такое положеніе, что ему почти немыслимо сдѣлаться преступнымъ или злымъ. Впрочемъ, у каждаго была своя утопія, въ соотвѣтствіи съ его личной природой: поэтъ, наиболѣе жаждущій наслажденій, Торквато Тассо, воспѣваетъ въ своей «Amiata» золотой вѣкъ и свободную любовь, основывавшуюся на полной естественной невинности человѣка. Для толпы, задавленной трудомъ и лишенной нерѣдко самаго необходимаго, «утопія» это—«pays de Cocagne», «Schlaraffenland», гдѣ рѣки текутъ млекомъ среди кисельныхъ береговъ, гдѣ вино бьетъ ключомъ изъ почвы, гдѣ великолѣпныя кушанья сваливаются готовыя съ неба, и столы ломятся подъ тяжестью мясныхъ блюдъ, а деревья отягощены вкусными плодами. Ѣда—это мечта голоднаго народа, тогда какъ человѣчество упитанное, но любящее книги, создаетъ

1) Raoul Debardt. Revue Blanche, 1-er dec. 1900, p. 302.—2) Thomas Morus. «De optimo reipublicae statu, deque nova insula Utopia», p. 303.

въ своемъ воображеніи дворцы, наполненные обширными библіотеками,

№ 372. Франція въ концѣ XV вѣка.



Рѣдкая штриховка покрываетъ территорію, которая принадлежала Бургундскому дому послѣ смерти Карла Смѣлаго. При жизни его герцогъ Бургундскій владѣлъ лишь Бургундскимъ герцогствомъ (см. карту № 345, стр. 139) и въ теченіе короткихъ періодовъ Эльзасомъ, затѣмъ Лотарингіей.—Густая штриховка покрываетъ область, непосредственно управлявшуюся Людовикомъ XI въ концѣ его царствованія; вскорѣ къ его владѣніямъ присоединилась Бретань въ 1491 г. вслѣдствіе брака Карла VIII съ молодой герцогиней Анной, съ которой вступилъ также позднѣе въ бракъ наслѣдовавшій его престолъ Людовикъ XII.

гдѣ каждый томъ въ роскошномъ переплетѣ. Аббатство Телемъ—это

наилучшее зданіе утопіи, созданной въ эпоху Возрожденія, содержало «огромныя библіотеки на греческомъ, латинскомъ, еврейскомъ, французскомъ, тосканскомъ и испанскомъ языкахъ, распредѣляющіяся по различнымъ этажамъ, сообразно съ этими языками». И удивительно, что въ этомъ аббатствѣ, столь сильно отличающемся отъ другихъ, въ этомъ идеальномъ убѣжищѣ свободной совѣсти, науки и счастья, основаннаго на взаимномъ уваженіи и на жизни полной благородства, въ этомъ «мѣстопребываніи чести», Раблэ, этотъ любитель изображать обжорство, совершенно оставляетъ безо всякаго вниманія кухни! Онъ приводитъ всѣ мельчайшія детали архитектуры, описываетъ картинныя галлереи, залы для научныхъ занятій и для игръ, залы, наполненныя коллекціями, обсерваторію, бассейны для плаванія, сады и всѣ приспособленія зданій, какія только могли служить удобству обитателей; онъ съ такою тщательностью описываетъ этотъ «дворецъ Воли и Свободнаго Поведенія», что пытались даже воспроизвести планъ утопическаго аббатства [1],—и въ то же время авторъ даже и не подумалъ о томъ, чтобы упомянуть о пропитаніи и приготовленіи пищи и питья,—фактъ особенно знаменательный для той эпохи, когда каждое аббатство располагало монументальнѣйшими кухнями и обладало обширными погребами, наполненными доверху бочками [2].

Повелители, которыхъ такъ часто сводитъ съ ума головокружительная сила власти и ѳиміамъ лести и похвалъ, должны были также подвергнуться, на свой собственный ладъ, опьяняющему дѣйствію этой эпохи и должны были придать своимъ химерическимъ мечтамъ романтическую форму. Герцогъ Бургундскій, Карлъ Смѣлый, былъ въ серединѣ XV вѣка самымъ замѣчательнымъ представителемъ среди главъ государства, которые охватывались безумною страстью, влекшею ихъ къ невозможному. Прежде всего уже курьезное распредѣленіе и форма подвластныхъ ему государствъ, столь мало совпадающая съ естественными географическими дѣленіями, должна была въ значительной степени обусловливать трагическую судьбу этого честолюбиваго властителя,—это несвязное цѣлое, состоявшее изъ ряда искусственно соединенныхъ владѣній, не имѣло въ его глазахъ никакой цѣны, пока не было восполнено промежуточными областями, и такъ какъ ему не удалось придать своимъ владѣніямъ нормальную окончательную форму,—ему приходилось интриговать, устраивать заговоры и сражаться безъ отдыха. Его полная приключеній жизнь являлась необходимымъ слѣдствіемъ этой

1) Arthur Heulhard. «Rabelais, ses Voyages en Italie»; César Daly. Revue d'Architecture, 1841.—2) Eugène Noël. Notes manuscrites.

логики исторіи, повелѣвавшей ему стремиться къ превращенію своихъ

№ 373. Французскіе походы въ Италію.



Главнѣйшія событія итальянскихъ походовъ могутъ быть сопоставлены слѣдующимъ образомъ:

1494—1495. Вступленіе Карла VIII въ Неаполь, быстрое возвращеніе, битва при Форну (1).

1500—1512. Побѣда Людовика XII при Новарѣ (2), взятіе Милана, входъ въ Неаполь въ 1501 г.; отступленіе въ 1503 году, утрата Гаэты въ 1504 г., возмущеніе Генуи въ 1507 г. Пораженіе венеціанцевъ при Аньяделѣ (3) въ 1509 г.; побѣды французовъ при Болоньи и Валеджіо (4) 1512, затѣмъ въ томъ же самомъ году пораженіе при Равеннѣ и утрата всей области Милана.

1513. Пораженіе при Новарѣ (2), эвакуація наибольшей части Пьемонта.

1515—1524. Францискъ I при Мариньянѣ (6), занятіе области Милана; пораженіе при Бикокка (7) въ 1522 г.; императорскія войска наводняютъ Провансъ и осаждаютъ Марсель въ 1524 г.

1525—1529. Новое нападеніе Франциска I, пораженіе при Павіи (8). Осада Рима коннетаблемъ Бурбонскимъ въ 1527 г., пораженіе французовъ при Ландріано (9).

1544. Безполезная побѣда французовъ при Серизолѣ (10).
Пьемонтъ былъ занятъ французами въ теченіе большей части XVI вѣка.

отдѣльныхъ разсѣянныхъ областей въ одно могущественное и хорошо уравновѣшенное королевство.

Это единое королевство, которое онъ хотѣлъ создать вмѣсто своей разрозненной и искусственной большею частью Бургундіи, приходило въ столкновеніе со многими другими политическими группами, болѣе прочно поставленными и обладающими большею живучестью въ качествѣ національныхъ единицъ,—именно съ Германіей, со Швейцаріей и съ Франціей. Эта послѣдняя находилась какъ-разъ подъ властью короля самаго осторожнаго и менѣе всѣхъ другихъ склоннаго къ приключеніямъ. Контрастъ между этими двумя властителями-соперниками былъ полнѣйшій, такъ что къ драматическому элементу примѣшивались и комическія, даже забавныя черты. Самъ народъ былъ пораженъ замѣчательною противоположностью, которую представляли въ своемъ поведеніи и въ своей внѣшности молодой король Людовикъ XI и герцогъ Бургундскій Филиппъ, называемый «Добрымъ», который сдѣлался менторомъ и защитникомъ короля Франціи. Когда они вмѣстѣ вступали въ Парижъ (1461), о королѣ говорили: «развѣ это король Франціи? Вѣдь, все вмѣстѣ, съ конемъ и съ одеждой его, стоитъ не дороже 20 ливровъ»; тогда какъ Филиппа Добраго толпа превозносила единогласно какъ «человѣка-солнце» [1]). Когда позднѣе Людовикъ XI имѣлъ своимъ противникомъ, бывавшимъ, впрочемъ, иногда и его союзникомъ, простого и непритязательнаго сына Филиппа, Карла Смѣлаго, эта противоположность двухъ главъ обоихъ государствъ приняла особенно рѣзкія формы. Людовикъ XI прекрасно понималъ, насколько въ высшей степени важно для него опираться на народъ, чтобы имѣть возможность бороться съ крупными вассалами и заставить феодаловъ уважать законы королевства; несмотря на то, что онъ былъ чрезвычайно религіозенъ и доводилъ свое поклоненіе изображеніямъ святыхъ до фетишизма, онъ прекрасно зналъ, какой опасности подверглось бы гражданское общество, если бы было позволено усилиться власти духовенства и монаховъ, и, хотя онъ и былъ первымъ изъ королей Франціи, котораго папа сталъ называть «христіаннѣйшимъ», онъ помогалъ, быть-можетъ, народу болѣе всѣхъ другихъ освободиться отъ своей первобытной религіозной вѣры, давая постоянно гражданской администраціи перевѣсъ надъ духовными властями; наконецъ, онъ любилъ миръ и умѣлъ жить чрезвычайно просто въ очень скромномъ замкѣ, не имѣвшемъ ничего королевскаго. Онъ называлъ этотъ замокъ «паутиной», и самъ онъ держался вполнѣ благоразумно въ глубинѣ своей паутинной сѣти, подстерегая жужжащихъ мухъ, летавшихъ вокругъ него и попадавшихъ, въ концѣ концовъ, въ разставленныя имъ сѣти.

Что касается Карла Смѣлаго, потомка длиннаго ряда рыцарей, то онъ любилъ войну ради самой войны; ему нравилось наносить удары

---

1) H. Fierens-Gevaert. «Psychologie d'une Ville».

и ждать отвѣтнаго удара, но это отнюдь не былъ простой воинъ, какихъ было такъ много среди его предковъ; онъ чувствовалъ себя также проникнутымъ честолюбивыми идеями своего вѣка, и, хотя и былъ иногда столь же жестокъ, какъ соперникъ его Людовикъ XI, обладалъ все же и нѣкоторыми чертами великодушія. Преслѣдуемый бѣшенымъ желаніемъ завоевать себѣ королевство, недовольный тѣмъ, которое имѣлъ, Карлъ стремился къ пріобрѣтенію міровой власти и велъ въ теченіе десяти лѣтъ своего царствованія десять лѣтъ непрерывныхъ войнъ; въ концѣ концовъ, онъ погибъ самымъ ужаснымъ образомъ подъ стѣнами Нанси (1477). Передъ тѣмъ еще два кровавыхъ пораженія, которыя онъ потерпѣлъ въ Швейцаріи, при Грансонѣ и Моратѣ, развѣнчали его славу,—обитатели береговъ озера Мората любятъ показывать плавающія въ водахъ озера крупныя водоросли, покрытыя красными пятнами, которыя они называютъ «кровью бургундцевъ».



Замокъ Блуа. Флигель Франциска I. Большая лѣстница.

Бургундскій домъ погибъ, чѣмъ воспользовались сосѣднія государства и прежде всего Франція. Когда Людовикъ XI скончался, онъ распространилъ свое королевство до Альповъ и до Пиренеевъ, и многіе изъ городовъ, которые первоначально не принадлежали ему или только были связаны косвенными почетными узами, подчинились, въ концѣ концовъ, его власти; доходы его королевства болѣе чѣмъ удвоились, и тяжесть налоговъ, уплачиваемыхъ горожанами и деревенскими жителями, чрезвычайно облегчилась. Что касается Швейцаріи, упоенной своими

побѣдами, то тріумфъ привелъ ее, въ концѣ концовъ, къ позорнѣйшему для народа явленію—продажѣ своихъ гражданъ въ качествѣ живыхъ орудій войны тому, кто предложитъ болѣе. Предоставленіе другимъ государствамъ наемныхъ войскъ сдѣлалось главнымъ промысломъ конфедераціи: въ теченіе 400 лѣтъ швейцарцы, столь гордящіеся въ настоящее время своими «свободными горами», занимались самымъ выгоднымъ ремесломъ—тѣмъ, что за золото уничтожали свободу окружающихъ народовъ! Прежде всего Франція являлась выгоднымъ рынкомъ для швейцарскаго пушечнаго мяса: двѣнадцать кантоновъ изъ тринадцати были договорены доставлять королю постоянно отъ шести до шестнадцати тысячъ солдатъ, но усиленнаго жалованія иногда бывало недостаточно, и приходилось дѣлать еще подарки,—часто швейцарцы, которыхъ ожидали съ нетерпѣніемъ, не появлялись вовсе.

Преемникъ Людовика XI имѣлъ полную возможность широкою королевскою рукою тратить сбереженія своего отца. Карлъ VIII, подобно Карлу Смѣлому, но безо всякой твердости воли, увлекался полетомъ своей фантазіи,—онъ познакомился съ чудесами Италіи и былъ настолько очарованъ, что пожелалъ ими завладѣть. По существу, походъ Карла черезъ Альпы въ Италію былъ не военнымъ предпріятіемъ, а романомъ, полнымъ авантюръ. Онъ самъ не зналъ, куда идетъ, его тянуло лишь къ югу, къ голубому морю, къ странамъ съ роскошной природой, гдѣ возникла жизнь. Онъ гарцовалъ на конѣ какъ легендарный рыцарь, о какихъ ему случалось читать въ дѣтствѣ. Тѣмъ не менѣе, ни одно завоеваніе не далось столь легко, какъ завоеваніе Италіи въ тѣ времена,—она была раздѣлена на столько княжествъ и въ такой степени была лишена всякой силы коллективнаго сопротивленія, что завоевать ее было не трудно; бóльшая часть итальянскихъ образованныхъ людей перешла уже за предѣлы узкаго пониманія отечества, не проникшись въ то же время убѣжденіемъ, что всякій притѣснитель является и ихъ врагомъ. Французы при Карлѣ VIII, «эти несчастные, безчестные и плохо управляемые французы», заслужили себѣ, тѣмъ не менѣе, безъ особаго труда славу героевъ; по выраженію Комина, они явились «съ мѣломъ въ рукахъ у фуррьеровъ, чтобы отмѣтить имъ безъ хлопотъ помѣщенія для стоянки солдатъ». Правда, имъ пришлось зато быстро переходить чрезъ Альпы, по областямъ, въ которыхъ они совершенно не были увѣрены, съ рискомъ погибнуть до послѣдняго человѣка!

Войны, которыя послѣдовали затѣмъ, при Людовикѣ XII и при Францискѣ I, были обусловлены также стремленіемъ въ южныя страны,—по существу это были новыя нашествія варваровъ, подобныя тѣмъ, которыя всколыхнули весь міръ тысячу лѣтъ тому назадъ. Съ точки зрѣнія политической и военной, походы эти были полнымъ абсурдомъ и безуміемъ,—въ такой степени опаснымъ являлось пускаться вдаль,

переходить черезъ Альпы съ ихъ гибельными горными тропами въ область Милана, въ римскія земли и въ окрестности Неаполя, тогда какъ Франція оставалась въ это время совершенно незащищенной на сѣверныхъ границахъ, гдѣ ей угрожали враги. Результатъ этихъ предпріятій могъ быть только гибельнымъ съ точки зрѣнія матеріальной. И, тѣмъ не менѣе, онъ имѣлъ все же хорошія косвенныя послѣдствія. Въ теченіе двухъ поколѣній военная Франція жила, можно сказать, въ царствѣ грезъ, привлекалась на югъ великолѣпными картинами,



Антверпенъ. Дворъ Плантинскаго музея.

статуями и книгами, которыя блестящимъ періодомъ Возрожденія были извлечены на свѣтъ Божій. Позднѣе послѣ французовъ и ихъ союзниковъ швейцарцевъ другіе варвары, соблазненные стихами Аріоста «quei villan bruti» [1]), приняли участіе въ грабежѣ; германцы при Карлѣ V, предводимые коннетаблемъ Бурбонскимъ, возобновили въ Римѣ дѣйствія готовъ и вандаловъ. Явленія эндосмоза и экзосмоза, происходящія въ органическихъ тѣлахъ, имѣютъ мѣсто и въ соціальномъ организмѣ! Благодаря своему выдающемуся положенію въ мірѣ интеллектуальномъ

1) «Orlando furioso».

и моральномъ, Италія была предоставлена всецѣло сосѣднимъ народамъ, и въ зависимости отъ степени культурности тѣхъ людей, которые принимали участіе въ дѣлежѣ добычи, она давала однимъ попойки и увеселенія, другимъ—золото, драгоцѣнные камни и иныя сокровища, третьимъ—вѣчныя сокровища знанія и искусства. Область, охваченная Возрожденіемъ, простиралась, такимъ образомъ, и на сосѣднія страны, но лишь благодаря соприкосновенію съ ними и распространенію идей, а отнюдь не благодаря волѣ властителей, какъ то утверждали историки, подчинявшіеся миражу власти. Льстецы придали титулъ «защитника наукъ и искусствъ» королю Франциску I; между тѣмъ нельзя не отмѣтить, что этотъ король своимъ указомъ 13 января 1534 г. изъявилъ желаніе уничтожить книгопечатаніе [1]. «Въ своей чрезмѣрной заботливости объ усиленіи наукъ и изящной литературы» онъ сперва освободилъ отъ различныхъ налоговъ и отъ военной службы 24 книгопечатника-издателя Парижа; но затѣмъ, уступивъ жалобамъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ ученыхъ докторовъ Сорбонны, онъ сталъ угрожать «висѣлицей каждому, кто съ этого времени будетъ печатать самъ или отдавать печатать другимъ въ его королевствѣ». Впрочемъ, вслѣдствіе хлопотъ парламента, «двѣнадцать лицъ благонадежныхъ и такихъ, за которыхъ можно было поручиться», получили разрѣшеніе печатать книги, «одобренныя и необходимыя для народнаго блага» [1]).

По замѣчательной ироніи судьбы, періодъ Возрожденія въ Западной Европѣ совпалъ съ періодомъ полнаго и ужаснаго упадка въ Испаніи. Побѣдоносная католическая церковь, могущественная іерархія, привязанная оффиціально къ Риму, но дѣйствовавшая какъ бы въ качествѣ совершенно независимой державы, безъ какой-либо иной цѣли, кромѣ защиты своего полнаго господства, сдѣлалась всемірной владычицей и стала постепенно работать въ пользу порабощенія самой королевской власти, стараясь обезсилить ее цѣлой сѣтью церемоній и этикета. Извѣстно, какъ умѣло духовенство пользоваться союзами городовъ, заключавшимися противъ свѣтскихъ властителей, какъ оно становилось само на мѣсто этого «святого братства» и превращало объединеніе гражданскихъ установленій съ духовными въ духовные суды, въ инквизицію. Эти защитники вѣры ополчались противъ всякой независимой мысли. Первой заботой ихъ было сжигать библіотеки и закрывать школы и общественныя бани. Затѣмъ они принялись за прошедшее, разрушая зданія, замуровывая шедевры арабскаго искусства и замѣняя ихъ своими грубыми произведеніями, предоставляя полному уничтоженію всѣ работы по орошенію, вырывая изъ могилъ милліоны труповъ, цѣлыя поколѣнія покойниковъ, чтобы предавать ихъ огню. Здѣсь на землѣ матеріальное

1) Pierre Margry. «Navigations françaises».

пламя, являющееся символомъ неугасимаго пламени ада, должно было истребить всѣхъ ересіарховъ и отступниковъ, всѣхъ евреевъ, мавровъ и, конечно, прежде всего всѣхъ свободомыслящихъ.

Начиная съ 1492 г., того самаго года, когда произошло взятіе



Москва. Церковь Василія Блаженнаго, 1544 г.

Гренады, и когда была открыта Америка, начались жесточайшія преслѣдованія испанскихъ евреевъ. Крещеніе было объявлено обязательнымъ, и каждый еврей, который отказывался креститься, долженъ былъ покинуть королевство въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, подъ страхомъ смерти и конфискаціи имущества. Тѣ, кто отказывался мѣнять вѣру и предпочиталъ изгнаніе, могли вплоть до своего отъѣзда свободно распоряжаться своимъ имуществомъ, но отнюдь не увозить съ собою его стоимость,

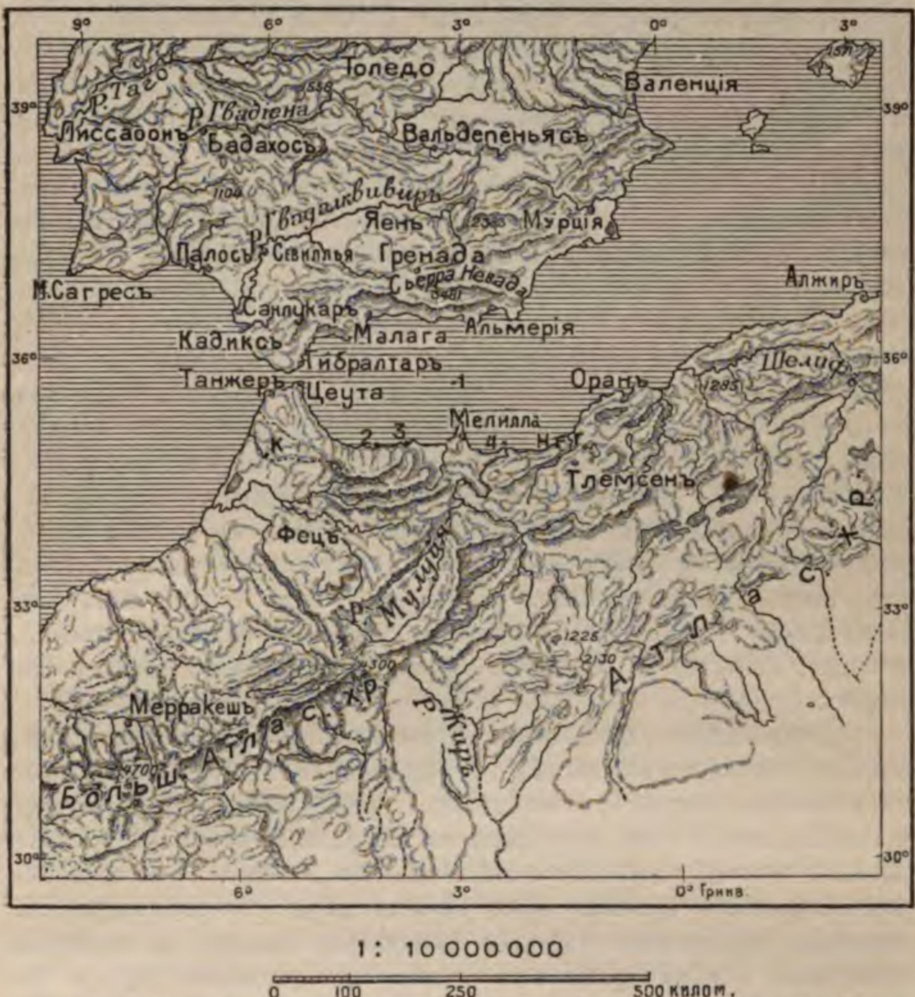
хотя бы въ формѣ золота и серебра; они были, такимъ образомъ, обречены на полное разореніе, — несчастные бѣжали во всѣ стороны, но охота за людьми не прекращалась, жестокость властителей поощряла къ жестокости и подданныхъ, и бѣглецовъ грабили и убивали. Двадцать-четыре тысячи евреевъ искали выхода по морю чрезъ Португалію, и король Іоаннъ II продавалъ имъ свободный проходъ по своей странѣ по восьми золотыхъ съ головы. Отъ 200 до 300 тысячъ изгнанниковъ разсѣялись по Африкѣ и по Востоку,—въ Испаніи остались лишь измѣнники, отступившіеся отъ своей вѣры, «marranos», которые, тѣмъ не менѣе, находились подъ постояннымъ подозрѣніемъ и подвергались новымъ преслѣдованіямъ.

Подобныя покушенія на народность, которая до того пользовалась всѣми гарантіями, какъ народность, посредничающая торговлѣ, не могли бы не имѣть своимъ послѣдствіемъ настоящаго возвращенія къ первобытному варварству, если бы евреи-торговцы не были замѣщены въ этой дѣятельности своими соперниками-христіанами или, по крайней мѣрѣ, тѣми, кого считали христіанами. Христіане, поспѣшившіе замѣстить евреевъ, явились въ Испанію во множествѣ,—таковыми были прежде всего итальянцы, фламандцы и швабы. Крупныя географическія движенія, обусловленныя приращеніемъ, расширеніемъ границъ коммерческаго міра, объясняются перемѣщеніемъ центровъ дѣятельности. Первоначально закрытіе восточныхъ путей турками заставило отхлынуть къ Западу всѣхъ людей, причастныхъ къ торговлѣ, и между ними и торговцевъ наиболѣе искусныхъ—венеціанцевъ, ломбардцевъ, флорентійцевъ,—отъ Бристоля до Кадикса они встрѣчались всюду и всюду устраивались прочно. По своей дѣловитости, ловкости во всѣхъ денежныхъ операціяхъ и дипломатичности, главными посредниками Европы сдѣлались флорентійцы: папа Бонифацій VIII говоритъ, что они представляли собою «пятый элементъ послѣ земли, воды, воздуха и огня».

Однако, въ области чисто-финансовой, въ веденіи крупныхъ денежныхъ дѣлъ Испаніи евреевъ замѣнили прежде всего юго-западные германцы. Когда Венеція утратила свое коммерческое господство, дѣятельные города Германіи не переставали разсматривать ее все же какъ городъ, не имѣющій себѣ равныхъ, и жители Аугсбурга, напримѣръ, продолжали посылать туда своихъ молодыхъ торговцевъ какъ въ главную школу торговли. Между тѣмъ, колоссальный переворотъ, совершившійся въ Италіи, долженъ былъ отразиться рикошетомъ и на внутреннихъ торговыхъ пунктахъ Германіи. Первымъ послѣдствіемъ было перемѣщеніе центра тяжести по направленію къ западу: Венеція уступила свое мѣсто Лиссабону какъ рынку ввоза товаровъ изъ Индіи, складочныя мѣста центральной Европы испытали общее перемѣщеніе къ западу, главные торговые пути измѣнили свое направленіе, и нѣкото-

рые крупные города Востока потеряли свою прежнюю торговую дѣятельность. Такъ, въ особенности Бреславль былъ совершенно развѣнчанъ и уступилъ свое мѣсто Лейпцигу, тогда какъ западные города Германіи,

№ 374. Испанія и Мавританія.



Испанскія владѣнія въ Мавританіи (presidios): Цеута, островъ Альборанъ (1), островъ Пеньонъ де Велецъ де ла Гомера (2), островъ и заливъ Алхусемасъ (3), Мелилла, островъ Шаффаринасъ (4), Н.—Хонеинъ портъ Тлемсена, К.—Казаръ-эль-Кебиръ, гдѣ потерпѣлъ пораженіе въ 1578 г. португальскій король Себастьянъ.

въ особенности города юго-западнаго угла ея, пріобрѣли относительно большое значеніе[1]).

Пока Португалія, господствовавшая надъ путями въ Индію, сохраняла свое преобладающее вліяніе въ торговлѣ пряностями, города Аугс-

1) J. Partsch. «Lage und Bedeutung Breslau's», p. 7.

бургъ и Нюрнбергъ, находившіеся въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Лиссабономъ, воспользовались косвеннымъ образомъ этимъ новымъ путемъ, открывавшимся для міровой торговли; германскіе купцы, со своими секретарями и приказчиками, получили даже разрѣшеніе принять участіе въ экспедиціяхъ въ Индію и присоединить нѣсколько своихъ кораблей къ королевскому флоту [1]). Однако, отъ Германіи до Лиссабона, равно какъ и до Севильи и Кадикса, этихъ главныхъ вывозныхъ портовыхъ городовъ Испаніи, путь былъ гораздо болѣе длиненъ, чѣмъ до Венеціи и Генуи, и къ тому же приходилось встрѣчать на этомъ пути много непріятныхъ промежуточныхъ таможенныхъ границъ во Франціи и въ Испаніи. Опасности были значительнѣе, путешествіе требовало большихъ расходовъ, лишь крупные капиталисты могли рисковать заниматься торговлею пряностями; прямою необходимостью было образованіе очень могущественныхъ торговыхъ синдикатовъ, объединяющихъ свои капиталы, чтобы вести эту торговлю; такіе синдикаты дѣйствительно образовались, богатства ихъ увеличивались, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличивалась и ихъ смѣлость: постепенно эти крупныя «торговыя компаніи» завладѣли торговлею хлѣбомъ, виномъ, мясомъ и колоніальными товарами, и все общество стало болѣе и болѣе притѣсняться ими. Монополія этихъ компаній, смѣнившихъ собою евреевъ, распространялась и на эксплоатацію горныхъ богатствъ; стало замѣчаться значительное удорожаніе всѣхъ предметовъ первой необходимости: отнюдь не изъ-за открытія горныхъ богатствъ Новаго Свѣта, какъ это обыкновенно думаютъ, произошло въ Германіи сильное пониженіе стоимости денегъ, а благодаря горнымъ богатствамъ центральной Европы [2]).

Перемѣщеніе власти также произошло и въ Россіи, и въ значительной степени подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ. Новгородская республика утратила уже свое «всемогущество», и соперничество ея конкурентовъ, Пскова и Москвы, уничтожило ея независимость; лучшіе граждане ея были изгнаны и замѣщены выходцами изъ Москвы. Пути къ прежнимъ торговымъ пунктамъ были забыты. Порабощенные новгородцы перестали поддерживать торговыя сношенія со странами, по которымъ протекаетъ Обь, со странами на востокъ отъ Уральскихъ горъ, и Сибирь, хорошо извѣстная еще арабскимъ писателямъ и чрезъ ихъ посредство и географамъ-христіанамъ, должна была быть открыта вторично въ 1579 г., когда бѣглый казакъ Ермакъ, во главѣ своей разбойничьей шайки, проникъ въ ея предѣлы. Воинственный патріотизмъ, не понимающій ничего, кромѣ насилія, ставитъ въ заслугу Ермаку завоеваніе обширныхъ областей, обитатели которыхъ, конечно, предпочли

1) F. Kunstmann. «Historisch-politische Blätter», 48, 1861.—2) J. Janssen, op. cit., p. 384.

бы продолжать свою мирную жизнь прежнихъ временъ, если бы русскіе цари не сдѣлали имъ этого мирнаго существованія невозможнымъ.

Тогда какъ высоко-христіанскій банкирскій міръ Германіи—еще гораздо большій предатель, чѣмъ испанскіе евреи—подготовлялъ покореніе и окончательное разореніе обитателей Иберійскаго полуострова, войны, имѣвшія цѣлью расширеніе политическаго могущества, продолжались безъ перерыва. Вполнѣ понятно, что та безконечная кровавая борьба, которая была въ теченіе семи вѣковъ нормальнымъ состояніемъ европейскихъ народовъ, не могла внезапно прекратиться. Испанцы, одержавшіе побѣду надъ маврами, сдѣлавшіеся полными господами надъ всей страной, принадлежавшей ихъ предкамъ, отъ Пиренеевъ до Гибралтарскаго пролива, должны были уже въ силу наслѣдственности искать и въ другихъ мѣстахъ приложенія избытка своихъ силъ. Наиболѣе отважные среди этихъ борцовъ и авантюристовъ считали раскрывающійся передъ ними Новый Свѣтъ подходящимъ для себя полемъ дѣятельности, но эти полныя чудесъ страны, о которыхъ стали ходить вскорѣ фантастическіе разсказы, находились очень далеко; корабли, отправлявшіеся туда,—причемъ нѣкоторые изъ нихъ отправлялись тайнымъ образомъ, такъ что государство объ этомъ не знало,—были очень немногочисленны, и экспедиціи стоили дорого, такъ что даже властители соединенныхъ королевствъ Кастиліи и Арагоніи, правда, вообще очень скупые, не желали рисковать крупными суммами на завоеваніе дальнихъ странъ, которыя должны были принести неизвѣстно какіе результаты. Точно также они пускались лишь съ большою осторожностью и къ побережью Африки, внутренняя часть которой была извѣстна лишь очень плохо; будучи, однако, жадными ко всѣмъ богатствамъ, которыя они могли захватить, они обрушились на острова Средиземнаго моря и на южную Италію. Съ этой стороны, они принялись уже основательно, не изъ любви къ авантюрамъ и ради удовольствія, какъ французы при Карлѣ VIII, а въ качествѣ людей вполнѣ практическихъ, твердо рѣшившихся блюсти богатыя страны, которыя были ими пріобрѣтены и завоеваны. Среди различныхъ королевскихъ домовъ, которые смѣнялись одинъ за другимъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ, не было ни одного столь основательнаго и прочнаго, какъ аррагонскій—представители его вѣрили въ свои силы. Въ Неаполѣ король Феррантъ былъ полнымъ властителемъ, истиннымъ королемъ-солнцемъ, болѣе жестокимъ, болѣе трагичнымъ, но, правда, менѣе величественнымъ, чѣмъ Людовикъ XIV. «Мы вѣруемъ въ единаго Бога, мы видимъ лишь единое солнце на небесахъ, мы обожаемъ лишь единаго короля на землѣ»,—говорилъ Джуніано Майо въ своей книгѣ «De Majestate».

Истинно-испанская гордость соединенныхъ королевствъ оправдывалась, повидимому, успѣхами и тѣмъ военнымъ значеніемъ, какое въ

смутныя эпохи играетъ первѣйшую роль. Всюду, гдѣ появлялась стойкая испанская пѣхота, она одерживала побѣды. Война, сопровождавшаяся жестокостями и утвердившая духъ хищничества, вошла въ плоть и кровь побѣдителей ислама. Побѣды покупаются, однако, отнюдь не однимъ только несчастьемъ побѣжденныхъ, но также и регрессомъ, моральнымъ и матеріальнымъ, побѣдителей. Разительный примѣръ тому мы видимъ во всѣхъ странахъ, которыя омываютъ западное Средиземное море. До агрессивной политики испанцевъ, пока Мавританія имѣла своими обитателями лишь туземцевъ берберійскаго племени и завоевателей-арабовъ, европейцы жили тамъ въ мирѣ, и права ихъ всецѣло признавались. Существовали какъ бы настоящіе договоры между общинами двухъ противоположныхъ береговъ: цѣлыя колоніи европейскихъ купцовъ устроились въ мавританскихъ городахъ, ихъ личность и имущество не подвергались никакой опасности и даже чужестранцы-христіане имѣли право строить свои церкви рядомъ съ мечетями. Повелители Мавританіи, въ особенности короли Тлемсена, имѣли у себя на службѣ солдатъ-христіанъ: въ теченіе трехъ вѣковъ, до конца XV вѣка, совершались вполнѣ свободно сношенія между Провансомъ и Италіей, съ одной стороны, и всѣмъ берберійскимъ побережьемъ и городами внутренней части страны—съ другой. Венеціанскія галеры, называемыя «берберійскими», отходили регулярно изъ Лидо, во второй половинѣ іюля, заходили въ Сиракузы, въ Триполи, Джербу, Тунисъ, Бужи, Алжиръ, Оранъ и заканчивали свое плаваніе въ гавани Хонеина, нынѣ исчезнувшаго города, служившаго портомъ Тлемсену [1]).

Когда, однако, въ 1509 г. король Фердинандъ, этотъ коварный и жестокій завоеватель, высадилъ своихъ солдатъ и миссіонеровъ на побережье Африки и обосновался въ городѣ Оранѣ, все измѣнилось. Мусульмане поняли, что покушаются не только на ихъ территорію, но и на ихъ вѣру, на ихъ жизнь, и что единственнымъ средствомъ спасенія является защищаться до послѣдней крайности, отбросить завоевателя къ морю, закрыть совершенно страну для христіанъ, для ихъ вліянія и ихъ торговли. Побѣда Испаніи была бы побѣдой инквизиціи и инквизиціи не менѣе жестокой, чѣмъ та, которая раздирала самихъ испанцевъ. Между тѣмъ войска Фердинанда Католика и позднѣе войска Карла V обладали столь значительнымъ могуществомъ, что завоеваніе Мавританіи или, по крайней мѣрѣ, всей прибрежной области завершилось бы безъ всякаго сомнѣнія, если бы Европа не была еще занята другимъ колоссальнымъ предпріятіемъ—изслѣдованіемъ и колонизаціей Новаго Свѣта,—и если бы она не вела тѣхъ войнъ, которыми раздиралась Италія и вся Западная Европа. Мавры Африки, при помощи берберійскихъ племенъ, могли благодаря этому свободно оказать сопроти-

1) La Mas-Latrie. «Traité de Paix et de Commerce».

вленіе испанскимъ завоевателямъ, призвавъ на помощь турокъ и оставивъ свои портовые города въ рукахъ морскихъ разбойниковъ. Всѣ послѣдующія попытки христіанскихъ завоевателей имѣли въ результатѣ лишь прекращеніе всякихъ мирныхъ сношеній между обоими побережьями Средиземнаго моря—христіанскимъ и магометанскимъ. Паденіе культуры на этихъ берегахъ происходило, однако, послѣдовательно въ теченіе трехъ вѣковъ: за это время, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, узнавали другъ о другѣ лишь отъ плѣнниковъ, уводимыхъ въ рабство,—только такимъ способомъ свѣдѣнія о событіяхъ, совершавшихся во враждебной странѣ, попадали на противоположное побережье. Испанцы, правда, могли дѣлать видъ, что удерживаются на африканской территоріи: они укрѣпили городъ Оранъ, окружили его крѣпкими стѣнами и чрезвычайно сильными военными сооруженіями; сами они были, однако, замкнуты совершенно въ этой огромной казармѣ, подобно тому, какъ они заперты въ настоящее время въ Цеутѣ, въ Мелиллѣ и въ другихъ ихъ «presidios» марокканскаго побережья: они не рѣшались выйти изъ воротъ, за предѣлами которыхъ за каждымъ кустомъ, быть-можетъ, скрывался смертельный врагъ!

Этотъ неуспѣхъ испанцевъ по ту сторону голубого моря оставался, однако, неизвѣстнымъ или, по меньшей мѣрѣ, необъяснимымъ и таинственнымъ, совершенно терялся въ яркихъ лучахъ ихъ побѣдъ. Политическое перерожденіе Испаніи за этотъ короткій періодъ могло на самомъ дѣлѣ разсматриваться какъ рядъ чудесъ. Никто въ здравомъ разсудкѣ не могъ бы и вообразить себѣ подобныхъ событій! Какимъ способомъ король небольшого Аррагонскаго королевства и королева бѣдной Кастиліи, личности, занимавшія совершенно второстепенныя мѣста среди правителей Европы, могли довести до конца дѣло, надъ которымъ разбивались усилія христіанъ Испаніи въ теченіе семи вѣковъ? И дѣло это было вполнѣ доведено ими до конца, причемъ бывшія прежде отдѣльными старинныя королевства образовали одно политическое цѣлое и присоединили къ этому возникшему на Иберійскомъ полуостровѣ ядру цѣлый рядъ герцогствъ, графствъ, княжествъ и отдѣльныхъ, такъ называемыхъ «свободныхъ» городовъ; затѣмъ по ту сторону океана выплылъ вдругъ цѣлый новый міръ, и міръ этотъ захватила опять-таки Испанія и осуществила его завоеваніе: вооруженные отряды, состоявшіе едва изъ нѣсколькихъ сотъ испанцевъ, направлялись на удачу внутрь неизвѣстной страны, окруженные милліонами людей, которые были бы къ нимъ дружелюбно настроены, если бы они сами не сдѣлали ихъ своими врагами путемъ безконечныхъ насилій и жестокостей. Увѣрившись въ своей побѣдѣ, они, несмотря на полное отсутствіе сношеній со своимъ отечествомъ, шли прямо грудью на туземцевъ и во время сраженій даже видѣли ясно, какъ св. Дѣва-Марія,

св. Яковъ и другіе святители небесъ направлялись къ нимъ на помощь и принимали участіе въ умерщвленіи невѣрныхъ! Не удивительно, что столь покровительствуемые самимъ Небомъ испанцы дождались и того, что, благодаря положительно чудесному случаю, король ихъ, будучи еще почти ребенкомъ, возложилъ на свою главу корону «священной Римской Имперіи», которою правили нѣкогда Цезарь и Карлъ Великій. Ничто не представлялось болѣе немыслимымъ: всемірная монархія, земное отраженіе безграничнаго небеснаго царства, казалось, была наканунѣ своего осуществленія.

И, тѣмъ не менѣе, по злостной ироніи судьбы, Испанія, достигшая гегемоніи надъ Европой, находилась въ состояніи полнаго упадка: тѣ самыя средства, какими было достигнуто ея возвышеніе, должны были вести ее къ неизбѣжному паденію. Подробная исторія XVI вѣка показываетъ намъ, что Испанія, захваченная въ водоворотъ историческихъ событій, была абсолютно не въ состояніи разрѣшить тѣ задачи человѣческой природы, задачи техническія, экономическія, вопросы интеллектуальной и моральной жизни, которые предстояло разрѣшить людямъ; она показываетъ намъ также, что Испанія, при всей кажущейся силѣ своей, должна была впасть въ абсолютную безпомощность и безсиліе. Дѣло въ томъ, что въ этой странѣ самый источникъ силы изсякъ: исчезла личная свобода, исчезла самостоятельность общинъ!



РЕФОРМАЦІЯ И ІЕЗУИТЫ.

◆◆◆

Хронологія.

Папы. Главнѣйшіе римскіе первосвященники, современники эпохи Возрожденія и Реформаціи, были: Пій II (1458—1464), Павелъ II, Сикстъ IV (1471—1484), Иннокентій VIII, Александръ VI Борджіа (1492—1503), энергичный Юлій II де-ла-Роверъ, Левъ X (1513—1522), Климентъ VIII и Павелъ III Фарнезскій (1534—1550), который собралъ духовный соборъ въ Трентѣ. Отмѣтимъ еще Пія V (1566—1572) и Сикста V (1585—1590).

Франція. Послѣ смерти Франциска I, въ 1547 году, взошелъ на тронъ сынъ его Генрихъ II; въ его царствованіе Тулъ, Верденъ и Мецъ вошли въ составъ Франціи, и былъ отнятъ обратно Калэ, несмотря на пораженіе при Сенъ-Кентенѣ (1557). Три сына Генриха II, послѣдніе изъ Валуа, слѣдовали одинъ за другимъ: Францискъ II (1559—1560), Карлъ IX, скончавшійся въ 1574 г., и Генрихъ III, убитый въ 1589 г., нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ того, какъ былъ убитъ герцогъ Гизъ. Послѣдніе Валуа предшествовали религіознымъ войнамъ, которыя начались въ 1562 г. рѣзней въ Васси и продолжались до Нантскаго эдикта, изданнаго въ 1598 г.; Варѳоломеева ночь (24 августа 1572 г.) является однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ эпизодовъ этихъ войнъ.

Германская имперія. Карлъ V отказался отъ престола въ 1556 г. и скончался въ 1558 г.; князья-избиратели выбрали императоромъ брата его Фердинанда, короля Богеміи. За Фердинандомъ по прямой линіи слѣдовали: отличавшійся большою терпимостью Максимиліанъ II (1564—1576) и Рудольфъ (1576—1612). На испанскомъ тронѣ Филиппу II (1556—1598) наслѣдовали Филиппъ III, Филиппъ IV (1621—1665) и Карлъ II, скончавшійся въ 1700 г.

Въ **Португаліи**, послѣ того какъ король Себастіанъ погибъ въ Марокко, его замѣстилъ старикъ кардиналъ Генрихъ (1578—1580); послѣ его смерти Испанія завладѣла страной, но въ 1640 г. испанцы были изгнаны оттуда.

Англія. Генрихъ VIII занималъ королевскій престолъ съ 1509 по 1547 г.; послѣ него осталось трое дѣтей: Эдуардъ II, сынъ Іоанны Сеймуръ, его третьей супруги, который скончался 16 лѣтъ отъ роду (1553 г.); Марія Кровавая, дочь Екатерины Арагонской, вышедшая замужъ за Филиппа II, и, наконецъ, Елизавета, дочь Анны Болейнъ, бывшая англійской королевой съ 1558 г. по 1603 г.

Швеція. Одинъ изъ представителей шведской аристократіи, Густавъ Ваза, освободилъ свою страну отъ датскаго ига и былъ избранъ королемъ въ 1523 г.; онъ отказался отъ престола и умеръ въ 1560 г.

Ниже приводятся имена нѣкоторыхъ дѣятелей эпохи Возрожденія и Реформаціи, родившихся въ теченіе періода съ 1467 по 1534 г., т.-е. въ теченіе двухъ поколѣній.

Эразмъ, гуманистъ, род. въ Роттердамѣ, ум. въ Базелѣ . . 1467—1528
Николай Маккіавелли, историкъ и политикъ, флорентіецъ . 1469—1527
Альбертъ Дюреръ, германскій художникъ, род. и ум. въ Нюрнбергѣ . . . . 1471—1528
Лука Кранахъ, художникъ, род. во Франконіи . . . . . . 1472—1553
Николай Коперникъ, польскій астрономъ, род. въ Торнѣ . 1473—1543
Аріостъ (Людовико Аріосто), поэтъ, род. въ Реджіо . . 1474—1533
Микеланджело (Буонаротти), род. въ Ареццо . . . . . . 1475—1564
Джіорджіоне (Барбарелли), венеціанскій художникъ . . . 1477—1511
Тиціанъ (Тиціано Верелліо), венеціанскій художникъ . . 1477—1576
Андреа дель-Сарто (Ваннуччи), художникъ, род. во Флоренціи 1478—1530
Томасъ Моръ, утопистъ и политикъ, род. въ Лондонѣ . 1480—1535
Рафаэль Санціо, художникъ, род. въ Урбино . . . . 1483—1520
Мартинъ Лютеръ, реформаторъ, род. въ Эйслебенѣ . . . 1483—1546
Франсуа Рабле, священ. въ Мёдонѣ, род. въ Шинонѣ . . 1483—1553
Ульрихъ Цвингли, свящ. въ Эйнзидлѣ, позднѣе въ Цюрихѣ 1484—1531
Ульрихъ фонъ Гуттенъ, гуманистъ, род. во Франконіи . . 1488—1523
Корреджіо (Антоніо Аллегри), пармскій художникъ . . . . 1494—1534
Гансъ Гольбейнъ младшій, художникъ, род. въ Аугсбургѣ 1497—1543
Филиппъ Меланхтонъ, реформаторъ, род. въ Баденѣ . . . 1497—1560
Приматисъ (Франческо Приматиччіо), болонскій художникъ 1504—1570
Джонъ Ноксъ, шотландскій реформаторъ, род. въ Гаддингтонѣ . . . . 1505—1572
Іоаннъ Кальвинъ, реформаторъ, род. въ Нойонѣ, ум. въ Женевѣ . . . . 1509—1564
Ѳедоръ де Бэзъ, реформаторъ, род. въ Везлэ . . . . . 1509—1605
Тинторетъ (Джакоппо Робусти), художникъ, род. въ Венеціи 1512—1594
Рамусъ, писатель, род. въ Вермандуа . . . . 1515—1572
Павелъ Веронезе (Паоло Кальяри), художникъ, род. въ Веронѣ . . . . 1520—1588
Петръ де Ронсаръ, поэтъ, род. близъ Вандома . . . . 1524—1585
Людовикъ Камоэнсъ, поэтъ, род. въ Лиссабонѣ . . . . 1525—1580
Этьенъ де ла Боэти, писатель, род. въ Сарлатѣ . . . . 1530—1563
Михаилъ Монтэнь, писатель, род. въ Перигорѣ . . . . 1533—1592



РЕФОРМАЦІЯ и ІЕЗУИТЫ.

Реформація требовала права изслѣдованія, но она ставила въ то же время условіемъ, чтобы результаты этого изслѣдованія были согласны съ тѣми выводами, которые были ею предустановлены.

Глава двѣнадцатая.

БЕЗПЛОДНОСТЬ ГУМАНИЗМА. — ПАДЕНІЕ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНІЯ. — ВОЗВРАЩЕНІЕ КЪ ВЕТХОМУ ЗАВѢТУ.—РЕФОРМАЦІЯ, БУРЖУАЗІЯ И НАРОДЪ.—ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДѢЛЕНІЕ РЕЛИГІЙ.—КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА.—АНАБАПТИСТЫ.—ШВЕЙЦАРІЯ, ГЕРМАНІЯ, ФЛАНДРІЯ, АНГЛІЯ, ШОТЛАНДІЯ.—ТОЖЕСТВО ВРАЖДЕБНЫХЪ РЕЛИГІОЗНЫХЪ УЧЕНІЙ.—КАПУЦИНЫ.—ІЕЗУИТЫ.—ВОСПИТАНІЕ.—СВОБОДА ИЗСЛѢДОВАНІЯ.—РЕЛИГІОЗНЫЯ СЕКТЫ И ИСКУССТВО.—ДАЛЬНІЯ ПУТЕШЕСТВІЯ МИССІОНЕРОВЪ.

Прекрасный идеалъ гуманистовъ—идеалъ объединенія въ дружественное братство, задающееся цѣлью добиваться знанія и совокупно съ другими людьми наслаждаться искусствомъ,—былъ неосуществимъ тѣмъ болѣе, что воодушевляться имъ могло лишь небольшое число лицъ

званныхъ и еще меньшій кругъ избранныхъ. Эти лица образовывали нѣкоторую умственную аристократію, презиравшую тотъ народъ, который потомъ и кровью добываетъ тамъ гдѣ-то внизу свой хлѣбъ насущный, не имѣя ни минуты свободнаго времени, чтобы развивать въ себѣ любовь къ красотѣ. Такой гуманистъ, какъ Эразмъ, напримѣръ, является передъ нами личностью, стоящею чрезвычайно высоко по своему уму и по тонкой ироніи, проявлявшейся имъ при религіозныхъ и политическихъ диспутахъ, которыми съ такимъ увлеченіемъ занимались его современники. Это превосходство души его, однако, низводится къ нулю, такъ какъ мысль остается безплодной и не приводится въ дѣйствіе,— она не принимаетъ никакого участія въ общей жизни народовъ, охваченныхъ движеніемъ историческаго процесса. Напротивъ, душевный міръ его какъ бы пугливо удаляется отъ жизни изъ боязни нарушить спокойную работу мысли, помѣшать медленной подготовкѣ изысканныхъ выраженій и фразъ, которыя должны передать эту мысль избраннымъ друзьямъ. Вѣдь этотъ самый Эразмъ, великій мыслитель, захлопнулъ свои двери передъ бѣжавшимъ отъ враговъ Ульрихомъ фонъ-Гуттеномъ и выдалъ его властямъ, чтобы не быть скопрометированнымъ присутствіемъ своего стараго друга! Гуманисты были уже «сверхъ-человѣками» и, въ качествѣ таковыхъ, были за предѣлами истинной гуманности!

Однако, въ эту эпоху по всѣмъ направленіямъ былъ достигнутъ такой прогрессъ, столько было сдѣлано замѣчательныхъ открытій, промышленность и торговля такъ расширили свою область и получили столь разнообразныя примѣненія, вмѣстѣ съ тѣмъ, сокровищница знаній человѣческихъ въ такой мѣрѣ увеличилась, что современное общество, перемѣстивъ свою точку опоры, должно было волею-неволею принять новыя формы. Впрочемъ, подобныя измѣненія отнюдь не совпадаютъ обыкновенно съ реализаціей принциповъ, провозглашенныхъ новаторами и революціонерами; они представляютъ собою равнодѣйствующую всѣхъ силъ, участвовавшихъ въ борьбѣ, являются какъ бы среднимъ выводомъ изъ существующаго соціальнаго положенія со всѣми его безчисленными противорѣчіями, со всѣми пережитками прошедшаго, укоренившимися болѣе или менѣе прочно,—въ нихъ перемѣшиваются рудименты прошлаго съ зачатками будущаго. Движеніе въ области умственныхъ и нравственныхъ идей эпохи Возрожденія было принуждено воплотиться въ средѣ окружающаго общества того времени и должно было въ силу этого самаго приспособиться къ нѣкоторому среднему уровню религіозныхъ, моральныхъ и политическихъ воззрѣній; оно должно было вылиться въ рядѣ учрежденій, по существу несравненно болѣе низкихъ, чѣмъ того можно было бы ожидать.

Разумѣется, эпоха Возрожденія, взятая въ узкомъ кругу избраннаго интеллигентнаго общества, была по самой сущности своей несрав-

ненно выше эпохи Реформаціи. Она открывала духу человѣческому путь разума; она искала чистую истину, тогда какъ, давая при своемъ распаденіи начало эпохѣ Реформаціи, внѣдряясь въ народныя массы, она должна была припять въ себя всѣ ихъ предразсудки и прежде всего должна была проникнуться ихъ глубокою увѣренностью въ связи дѣлъ человѣческихъ съ божественною волею, такъ какъ идея возвышеннаго существованія не отдѣлялась еще отъ идеи религіозной жизни [1]). Такимъ образомъ, съ исторической точки зрѣнія, Реформація является прежде всего извращеніемъ эпохи Возрожденія [2]).



Портретъ Эразма, работы Ганса Гольбейна.

Основываясь на тѣхъ же принципахъ, какъ и римско-католическая форма христіанства, секты, извѣстныя подъ наименованіемъ «протестантскихъ», отнюдь не представляютъ собою истинной «реформы», — ихъ во всѣ времена вырастало множество вокругъ Церкви, подобно тому какъ заросли дикихъ травъ разрастаются вокругъ воздѣланнаго поля. Протестантство возникало въ самыя различныя эпохи и въ очень многихъ мѣстностяхъ Европы еще до того, какъ оно приняло свою окончательную форму въ Германіи, когда Мартинъ Лютеръ обнародовалъ свои «тезисы». Оставляя въ сторонѣ предшественниковъ Реформаціи въ альпійскихъ долинахъ, Виклефа, протестантство

1) Nietzsche. «La Volonté de Puissance».—2) Jules Baissac, Société Nouvelle, sept. 1896, p. 764.

котораго носило гораздо болѣе революціонный характеръ, чѣмъ протестантство августинскаго монаха изъ Виттенберга, и Іоганна Гуса, который сумѣлъ такъ просто умереть за свою вѣру, слѣдуетъ замѣтить, что Мартинъ Лютеръ могъ услышать и въ Италіи все то, что онъ позднѣе повторилъ передъ Карломъ V. Еще около двухъ вѣковъ до того Петрарка, самъ подвижникъ Церкви, прямо предсказалъ паденіе той великой церковной организаціи, къ которой онъ принадлежалъ: «Нѣтъ надобности быть пророкомъ,—говорилъ онъ,—чтобы видѣть, что папство находится на пути къ неизбѣжной гибели». Лаврентій Валла, которому до самой его смерти покровительствовало общественное мнѣніе, спасавшее его отъ всякихъ преслѣдованій, также возсталъ противъ папства съ неменьшею силою и дерзостью, чѣмъ Лютеръ: «Я буду теперь писать противъ живущихъ, а не противъ уже покоющихся въ гробахъ, буду писать противъ власти общественной, а не власти частной. И противъ какой власти? Противъ власти римскаго папы, который вооруженъ не только мечомъ гражданскихъ коронованныхъ особъ, но и мечомъ духовнымъ своего первосвященства. Отъ него нѣтъ никакой защиты, никуда не укроешься отъ его отлученія отъ церкви, отъ его проклятій, отъ его анаѳемы, отъ нихъ не спастись ни за однимъ щитомъ носителей власти. И я могу сказать вмѣстѣ съ Библіей: «куда пойду отъ Духа Твоего и отъ лица Твоего куда бѣгу» [1])?

Можно сказать даже, что сами церковные соборы, обсуждавшіе въ Базелѣ и въ Констанцѣ различные догматическіе вопросы и вопросы религіозной морали, становившіеся выше папы и даже возстававшіе противъ него, были воодушевлены истиннымъ протестантскимъ духомъ. Ученымъ и прелатамъ этихъ соборовъ недоставало лишь смѣлости и искренности для того, чтобы пойти еще далѣе и реформировать церковь, какъ это рѣшился позднѣе Лютеръ, обратившійся съ этою цѣлью къ гражданской власти. И еще одно зло, даже большее, чѣмъ этотъ скрытый протестантизмъ, помогавшій реформаціи, не прекращало въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ своихъ непосредственныхъ нападеній противъ Церкви,—это зло была сила здраваго смысла, всегда противнаго религіи. Во всѣ времена даже въ ту эпоху, когда души всѣхъ были охвачены самою наивною вѣрою, и когда фанатизмъ вооружалъ всѣхъ противъ невѣрія, значительная часть народной литературы свидѣтельствовала все же объ извѣстномъ запасѣ подкапывавшагося подъ вѣру скептицизма у большого числа людей,—люди эти остерегались благоразумнымъ образомъ непосредственно нападать на Церковь, но имѣли совершенно иныя убѣжденія и мысли, вовсе не согласныя съ догматами и обрядами религіи. Должно замѣтить, что этотъ духъ народной ироніи отнюдь не былъ на-

1) Цитир. по Philippe Monnier, «Le Quattrocento», tome I, p. 285.

правленъ противъ той или другой изъ формъ христіанской религіи, къ протестантизму онъ приспособился вовсе не лучше, чѣмъ ранѣе къ ка-

№ 375. Владѣнія Карла V и Франциска I.



Заштрихованная территорія—владѣнія Карла V; впрочемъ, сѣверная Италія была нерѣдко занята также германскими и испанскими войсками.

толичеству. Должно также отмѣтить, что во Франціи, въ странѣ наиболѣе изобиловавшей сочинителями всякихъ насмѣшекъ, направленныхъ противъ духовенства, протестантизмъ привился плотно и глубоко лишь къ очень незначительной части населенія. Огромная масса буржуазіи, для которой новая религія казалась бы болѣе подходящей, чѣмъ преж-

нее католичество, не сочла стоющимъ мѣнять привычную рутину религіозныхъ обрядностей. Уже въ эту эпоху «во Франціи не было такого количества религіозныхъ людей, чтобы могли существовать двѣ религіи».

Даже Рабле, котораго съ большею или меньшею основательностью считаютъ авторомъ самой ѣдкой сатиры, направленной противъ «Колокольнаго острова и всѣхъ его дрянныхъ птицъ—попиковъ, дьякончиковъ и монашковъ», не считалъ необходимымъ разставаться съ ораремъ и кропильницей: онъ оставался католическимъ священникомъ, зная прекрасно, что въ строгомъ нарядѣ кальвинистскаго пастора онъ являлся бы еще болѣе смѣшнымъ. Въ эпоху реформаціи, когда религіозная революція въ Великобританіи и въ германскихъ странахъ получила уже достаточно сильный размахъ, когда она измѣнила внѣшнюю форму культа и придала христіанамъ новое увлеченіе, во Франціи элементы этого возрожденія религіозной вѣры были недостаточно сильны, и протестантизмъ не могъ получить такой силы, какъ на востокѣ: не хватало увлеченія и подъема духа.

Въ общемъ, если разсматривать протестантизмъ самъ по себѣ, безъ многочисленныхъ внѣшнихъ условій, къ которымъ онъ долженъ былъ приспособляться, то нельзя не увидѣть въ немъ возвращенія къ первоначальнымъ источникамъ,—это была попытка части христіанъ отыскать самые первоисточники жизни, испить изъ того ключа живой воды, который вытекалъ изъ самыхъ словъ Христа, и который былъ затѣмъ превращенъ въ какой-то искусственный каналъ, былъ отдѣланъ и смѣшанъ съ другими разнообразными водами, благодаря стараніямъ папъ и духовныхъ соборовъ. Всякая революція начинается въ мысляхъ своихъ вершителей въ качествѣ простой реформы. Первые христіане желали вернуться къ простотѣ древнихъ евреевъ, точно также и первые протестанты старались вернуться ко временамъ евангельскимъ; даже болѣе, принимая всецѣло преданіе, которое приписывало обоимъ «Завѣтамъ» Священнаго Писанія равное значеніе, такъ какъ слова Писанія одинаковымъ образомъ внушены самимъ Богомъ, они старались возстановить «древній союзъ», заключенный Богомъ съ его служителями Самуиломъ, Моисеемъ и праотцемъ Авраамомъ. Всякій прогрессъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ протестантизмъ долженъ разсматриваться въ качествѣ прогрессивнаго явленія,—всякій прогрессъ начинается съ обращенія вспять, съ возврата къ прошедшему!

Не должно думать, что этотъ возвратъ религіозной мысли ко временамъ столь отдаленной іудейской древности остался безъ матеріальныхъ послѣдствій, безъ осязательнаго вліянія на протестантскую цивилизацію. Вліяніе Библіи на современную культуру гораздо болѣе сильно, чѣмъ это обыкновенно себѣ представляютъ. Правило, «справляйтесь съ Писаніемъ», въ смыслѣ изученія Писанія безъ помощи священниковъ,

внѣдрилось въ сознаніе всего протестантскаго населенія, и милліоны людей въ Германіи, въ Нидерландахъ и въ Скандинавіи, на Британскихъ островахъ и въ Новой Англіи, въ Севеннскихъ горахъ и въ другихъ областяхъ гугенотской Франціи предавались чтенію исключительно одного Слова Божія, начиная съ Книги Бытія, и подъ вліяніемъ Библіи становились, въ концѣ концовъ, скорѣе древними евреями, чѣмъ христіанами. Миѳическая и легендарная, нерѣдко полная жестокости исторія народа Бени-Израиль сдѣлалась для нихъ болѣе родною, чѣмъ исторія ихъ собственной народности, измѣнила ихъ языкъ, ихъ образъ мышленія, проникла даже до глубины самаго ихъ существа своею первобытною моралью. Книги, вдохновленныя идеями іудействующаго протестантизма, совершенно непонятны для непосвященныхъ, равно какъ непонятны и многіе поступки ревностныхъ кальвинистовъ, бравшихъ за образецъ Моисея, Іосію или царя Давида. Дѣйствія ужасныя, жестокія, противорѣчащія всякой человѣческой нравственности, находили себѣ полное оправданіе въ томъ, что примѣрами имъ служили поступки «избраннаго народа», и если, напримѣръ, враговъ можно было разсматривать какъ «филистимлянъ» или «амалекитянъ», то протестанты считали себя въ полномъ правѣ истреблять ихъ безъ остатка, предавать пыткамъ или даже вѣчному проклятію, вѣчной гееннѣ огненной! Кое-гдѣ въ современныхъ лѣтописяхъ случается находить разсказы объ ужасныхъ истребленіяхъ цѣлыхъ семей, о поступкахъ, которые на первый взглядъ производятъ впечатлѣніе полнаго безумія, но вполнѣ серьезно сравниваются съ тѣми или другими сценами древне-іудейской исторіи и были совершены, несомнѣнно, подъ вліяніемъ постояннаго чтенія Библіи,— ихъ можно считать настоящими ритуальными преступленіями протестантизма.

Такимъ образомъ, реформація съ точки зрѣнія религіозной эволюціи является не болѣе какъ попыткой «возрожденія» или очищенія католицизма, подобно тому какъ эпоха Возрожденія была такой попыткой въ области наукъ и искусствъ. Протестанты были еще болѣе ревностными католиками, чѣмъ папы и прелаты; тогда какъ эти послѣдніе удобно приспособлялись къ измѣненіямъ, внесеннымъ въ христіанство съ теченіемъ времени, и очень мало заботились о томъ, чтобы походить на св. Павла и на апостоловъ, фанатики-реформаторы въ своихъ исканіяхъ прошлаго заходили такъ далеко, какъ только допускали ихъ знанія, возвращались ко временамъ, даже предшествовавшимъ Іисусу и его ученикамъ. Да и какъ же могло быть иначе? Поколѣніе, предшествовавшее Лютеру, располагало уже произведеніемъ, почитавшимся священнымъ, располагало Библіей, которой вышло до 20 переводовъ еще до перевода Лютера—первый переводъ былъ изданъ въ Дельфтѣ въ 1477 г.,— искусство книгопечатанія очень скоро дало ее въ руки всѣмъ вѣрую-

щимъ [1]), распространило ее въ сотняхъ изданій, въ тысячахъ и десяткахъ тысячъ экземпляровъ, создавъ тѣмъ самымъ множество соперниковъ оффиціальнымъ истолкователямъ Писанія, священникамъ и монахамъ. Каждый чтецъ Библіи сдѣлался самъ своимъ собственнымъ расточителемъ истины, сталъ самъ высшимъ жрецомъ, получилъ въ свои руки божественный ключъ, открывающій врата рая. Какъ говоритъ Боссюэтъ, «съ Библіей въ рукахъ каждый протестантъ сдѣлался папой». Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ кругахъ буржуазіи и аристократіи. По мѣрѣ развитія образованія, переносившаго центръ тяжести въ буржуазное общество, реформація сдѣлалась неизбѣжной, старинная постройка католической церкви должна была рухнуть, и изъ нея должно было возникнуть новое зданіе.

Формы религіи должны были, такимъ образомъ, приспособляться къ духовному міру буржуазныхъ слоевъ; религія должна была также заимствовать новѣйшіе научные методы, введенные гуманистами, и не могла уже болѣе пренебрегать новыми языками, какъ она это дѣлала до того времени,—новые языки эманципировались окончательно изъ латинскаго и сдѣлались, въ свою очередь, замѣчательными истолкователями мысли; наконецъ, переворотъ, совершившійся въ области знаній, долженъ былъ совершиться и въ области общественной морали, въ области примѣненія законовъ, что содѣйствовало, конечно, также, въ свою очередь, эволюціи религіи. Римское право заняло мѣсто древняго германскаго законодательства, несмотря на сильнѣйшее сопротивленіе Церкви. Владѣя третьей частью территоріи и колоссальными богатствами въ Западной Европѣ, духовенство опасалось такого превращенія, которое ставило церковныя имущества подъ контроль гражданскихъ законниковъ и подготовляло такимъ образомъ реформу Церкви еще задолго до того, какъ она совершилась въ области религіозной; духовенство, однако, не могло окончательно воспрепятствовать этому процессу. Французскіе монархи, продолжая дѣло Филиппа Красиваго, мало-по-малу, сократили въ значительной мѣрѣ власть папъ, и, въ концѣ концовъ, Францискъ I почувствовалъ себя въ силахъ потребовать, чтобы епископы назначались гражданскими властями. По конкордату 1516 года «старшая дочь Церкви, Франція, поставила своей матери условія чрезвычайно тяжелыя, и послѣдняя принуждена была покориться.

Также тяжелый ударъ получила власть Церкви, когда вышло изъ обыкновенія обращаться для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ къ поединкамъ или къ «суду Божію», и когда вмѣсто того стали обращаться къ суду гражданскому. Юристы одержали побѣду надъ священниками: имъ удалось уничтожить законность поединка; несомнѣнно, однако, что,

---

1) Richard Heath. «Anabaptism».

будучи сами недостаточно справедливыми, они не могли внушить къ

№ 376. Церковныя владѣнія.



Масштабъ 1 : 6000000.

Заштрихованныя области находились подъ властью Церкви. Во Франціи эта власть постепенно подчинялась королевской и послѣ конкордата 1516 г. сдѣлалась совершенно номинальной. Названія, написанныя крупными буквами,—резиденціи архіепископовъ; другіе города были резиденціей епископовъ или болѣе значительными аббатствами.

своему суду бо̀льшаго довѣрія, чѣмъ къ суду случая, такъ какъ, по

крайней мѣрѣ, у французовъ, поединки для разрѣшенія «дѣлъ чести» удержались въ качествѣ пережитка средневѣковья вплоть до настоящаго времени, принявъ самыя уродливыя формы. Новое религіозное равновѣсіе Европы, вызванное новыми идеями, знаніями, языками и законами, опредѣлялось также и измѣненіями, происшедшими въ распредѣленіи богатствъ: превращенія, происходившія въ тѣ времена и явившіяся прелюдіей къ тѣмъ экономическимъ переворотамъ, которые совершились потомъ въ современномъ мірѣ, вызвали обогащеніе буржуазіи за счетъ рыцарей и земледѣльцевъ, — буржуазіи, бывшей посредницей въ торговлѣ и промышленности.

Сбереженія бѣдныхъ классовъ не дѣлались болѣе достояніемъ Церкви, которая тщетно старалась наполнить свои сундуки продажей индульгенцій. Въ то же время возникли синдикаты торговцевъ, располагавшихъ монополіей ввоза цѣнныхъ предметовъ торговли,—синдикаты, гарантировавшіе себѣ крупныя прибыли. Могущественные банкиры завладѣли богатствами, добываемыми въ копяхъ Тироля, Испаніи и Новаго Свѣта; они взяли на содержаніе цѣлыя королевства и, путемъ финансовыхъ операцій и всевозможныхъ спекуляцій, получили возможность по своему желанію устраивать миръ или войну. Богатства такихъ лицъ, получавшихъ за деньги видныя мѣста среди магнатовъ имперіи или королевства, представляли собою часто стоимость производства цѣлой провинціи: иногда какое-нибудь пиршество, на которомъ рѣкою текло вино и медъ, бывало косвенною причиною гибели нѣсколькихъ тысячъ туземцевъ въ Эспаньолѣ, на Кубѣ или на американскомъ континентѣ.

Будучи бѣднѣе этихъ банкировъ, князья и другія владѣтельныя особы старались подражать имъ, тѣмъ не менѣе, въ безумной роскоши и излишествахъ, чтобы поддержать свое достоинство,—активный трудъ былъ имъ, однако, запрещенъ; что же, спрашивается, могли они предпринять для добыванія богатствъ, которыхъ имъ не хватало? Всегда и ранѣе они взимали налоги со всего, съ чего только было возможно, брали пошлины, требовали отбыванія барщины, однимъ словомъ, пользовались въ качествѣ паразитовъ отъ всѣхъ родовъ человѣческаго труда,—теперь же они сочли моментъ какъ-разъ подходящимъ для того, чтобы конфисковать въ свою пользу церковныя земли и имущества, какъ то раньше неоднократно практиковалось по отношенію къ евреямъ. Всѣ католическіе прелаты, всѣ монастыри подверглись преслѣдованію,—совершенно такъ же въ прежнія времена французскій король рѣшился поступить съ орденомъ тампліеровъ, который былъ объявленъ еретическимъ, чтобы можно было воспользоваться его имуществомъ. Обращеніе въ новую форму христіанства доставляло князьямъ и ихъ друзьямъ и совѣтникамъ изъ буржуазныхъ круговъ единственный въ своемъ родѣ случай проявить ревность въ защитѣ евангельской истины и въ то же

время присвоить себѣ богатства, накопленныя въ теченіе ряда вѣковъ монастырями и церквами. Реформація—эта первая крупная побѣда буржуазныхъ слоевъ, которые два или три вѣка спустя одержали еще бо́льшую побѣду, создавъ французскую революцію,— должна была содѣйствовать также весьма сильно и измѣненію въ распредѣленіи богатствъ. Это одна изъ неизбѣжныхъ формъ, въ которыхъ выражается дѣйствіе каждой революціи, но форма отнюдь не единственная, какъ то предполагается нѣкоторыми черезчуръ смѣлыми историками.

Тѣ, кто довольствуется общими мѣстами и избитыми фразами, нерѣдко утверждаютъ, что со времени великаго раскола Церкви распредѣленіе религій, католической и протестантской, согласуется съ географическимъ контрастомъ сѣвера и юга, часто утверждаютъ также, что раздѣленіе это совпадаетъ съ дѣленіемъ народовъ на германскіе и «латинскіе». Однако, тщательное изученіе фактическаго матеріала показываетъ, что эти общіе выводы совершенно не согласны съ дѣйствительностью. Такъ, совсѣмъ на сѣверѣ, или, по крайней мѣрѣ, на сѣверномъ склонѣ Европы, Польша, прирейнскія страны, Бельгія, Ирландія и Шотландія населены до сихъ поръ католиками,—во многихъ странахъ, гдѣ обѣ религіи борются за господство, климатъ и расовыя отличія не имѣютъ никакого значенія въ смыслѣ различія въ вѣроисповѣданіи. Чтобы опредѣлить и оцѣнить различныя причины, обусловившія побѣду католической или протестантской религіи, слѣдуетъ изучить въ каждой странѣ отдѣльно развитіе событій, которыя отзывались на равновѣсіи религій.

Прежде всего населеніе двухъ «латинскихъ» полуостровов Европы, именно тѣхъ, гдѣ слѣдовавшія одна за другою «эпохи возрожденія» съ соотвѣтствующими имъ періодами реформъ предшествовали великой эпохѣ Возрожденія и эпохѣ Реформаціи, осталось совершенно внѣ движенія раздѣленія Церквей. По отношенію къ Испаніи причина вполнѣ ясна и очевидна: ни съ чѣмъ несравнимые успѣхи монархической власти, которой все рѣшительно удавалось, имѣли слѣдствіемъ полнѣйшую отсталость народа и регрессъ по всѣмъ направленіямъ. Народъ испанскій не только не могъ принимать участія въ возстаніяхъ, обусловленныхъ интеллектуальными стремленіями, но даже и отдѣльные свободные умы едва сохраняли настолько силы, что могли мыслить: костры инквизиціи зажигались для всѣхъ, чьи слова не представляли собою затверженныхъ формулъ, и чьи дѣйствія не носили отпечатка рабства. Казалось бы на первый взглядъ, что короли Испаніи могли дѣйствовать совершенно подобно французскимъ монархамъ, могли захватить въ свои руки полную и абсолютную власть; однако, по ту и по другую сторону Пиренеевъ условія были совершенно различны. Фердинанды и Карлы Пятые не имѣли за своими плечами многовѣковой монархической тради-

ціи. Въ эпоху Реформаціи они едва достигли полноты власти на полуостровѣ, и содѣйствіе духовенства было для нихъ совершенно необходимо, такъ какъ безъ его помощи нельзя было изгнать мавровъ,— испанская королевская власть была сильна лишь Церковью!

Что касается Италіи, истощенной предыдущими усиліями, то она также находилась въ періодѣ полной реакціи,—почва ея, заросшая плевелами и выжженная, не была въ состояніи вскармливать новыхъ посѣвовъ. Даже нѣкогда пышная Флоренція была теперь городомъ мертвымъ, лишеннымъ духовной жизни, не имѣющимъ надеждъ на будущее. Медичи, сдѣлавшись полными властителями города, бывшаго нѣкогда республикой свободныхъ людей, позаботились о томъ, чтобы столь подвижные и развитые граждане этого благороднаго города впали въ полное оцѣпенѣніе; чтобы сдѣлать изъ нихъ вѣрныхъ подданныхъ и защитить ихъ отъ воспріятія еретическихъ ученій, имъ, потомкамъ великихъ путешественниковъ, было запрещено даже путешествовать. Такимъ образомъ, тираннамъ удалось оградить флорентійцевъ прочной стѣной, и эти послѣдніе перестали знакомиться съ внѣшнимъ міромъ, сдѣлавшись въ то же время и сами неизвѣстными ему. За исключеніемъ нѣсколькихъ семей тосканцевъ, за исключеніемъ бѣглецовъ изъ Феррары и горныхъ жителей Вандеи, исторія Реформаціи почти не знаетъ итальянскихъ именъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что прямое вліяніе духовенства, духовное воспитаніе, свойственное каждой изъ церквей, и тѣсное объединеніе всѣхъ одноименныхъ элементовъ имѣли своимъ послѣдствіемъ дифференцировку и даже рѣзкое, иногда враждебное, противопоставленіе сосѣднихъ народовъ, различающихся вѣроисповѣданіемъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательный примѣръ являетъ Швейцарія, гдѣ границы областей католическихъ и областей протестантскихъ были намѣчены въ первомъ случаѣ границами владѣній феодаловъ и аристократіи, въ другомъ—побѣдоносными общинами. Первоначально населеніе этихъ тѣсно соприкасающихся между собою мѣстностей, находясь подъ вліяніемъ одного и того же духовенства, было чрезвычайно сходнымъ; между тѣмъ въ настоящее время оно различается даже такими чертами характера, которыя можно было бы приписывать расовымъ различіямъ; однако, исторія доказываетъ намъ, что въ большинствѣ этихъ округовъ населеніе по своему происхожденію совершенно тожественно.

Во Франціи, равно какъ и въ итальянскихъ Альпахъ, прилежащихъ къ долинѣ Пеллисы, реформація встрѣтила нѣсколько отдѣльно лежащихъ округовъ, населеніе которыхъ было протестантскимъ еще до появленія протестантизма и потому тотчасъ же пріобщилось къ обширному міру всѣхъ своихъ «собратьевъ по вѣрѣ»; такъ, дофинэсцы Валлуизы и другихъ прилежащихъ долинъ, равно какъ и различныя общины въ Севен-

нахъ, были воскрешены изъ своего летаргическаго сна и образовали

№ 377. Нѣкоторыя кальвинистскія церкви Франціи.



Мо былъ первымъ городомъ во Франціи, гдѣ въ 1520 г. обнаружилось движеніе, соотвѣтствующее реформаціи. Въ 1559 г. протестантскій соборъ собрался въ Парижѣ; въ немъ приняло участіе 12 церквей, резиденціи которыхъ отмѣчены свѣтлыми кружками.

Заштрихованныя области за предѣлами Франціи—страны, возставшія противъ Рима. Шаролэ теоретически составляло часть германской имперіи.

первоначальное ядро сторонниковъ протестантской вѣры,—ядро, къ которому примкнуло тотчасъ же большое количество городскихъ рабочихъ,

которые, благодаря религiозной пропагандѣ, были обращены въ новую вѣру. Даже и тотъ духъ возмущенiя, который вовлекъ такое множество крестьянъ въ открытое вооруженное возмущенiе и побудилъ ихъ совершать разбойническiя нападенiя и грабежи, содѣйствовалъ косвеннымъ образомъ къ отвлеченiю многихъ земельныхъ общинъ отъ связи съ римско-католической Церковью,—по существу такой разрывъ являлся бы не болѣе какъ простымъ измѣненiемъ обрядовъ и не имѣлъ бы никакого особаго значенiя, если бы духовенство, классовымъ интересамъ котораго угрожала опасность, не вызвало гражданской войны съ цѣлью сохраненiя своихъ привилегiй. Народныя массы, впрочемъ, отнюдь не были настолько сильно и глубоко захвачены вопросомъ о томъ, явится ли для нихъ возможность читать и истолковывать «Слово Божiе» безъ посредничества духовника, или нѣтъ, чтобы изъ-за одной этой идеи броситься, очертя голову, въ ужасы религiозныхъ войнъ.

Можно было бы, конечно, думать, что непосредственные экономическiе результаты упраздненiя монастырей и церковныхъ имуществъ могли заинтересовать простой народъ перспективою того, что онъ сдѣлается наслѣдникомъ священниковъ и монаховъ,—ему, однако, скоро дали понять, что въ вѣкъ Лютера и Кальвина онъ останется такимъ же обложеннымъ оброкомъ тружеником - земледѣльцемъ, какимъ былъ и въ вѣкъ св. Бернарда! Движенiе въ пользу реформы церкви, бывшее среди земледѣльческаго населенiя Францiи во второй четверти XVI столѣтiя довольно популярнымъ, сдѣлалось для этого населенiя совершенно безразличнымъ, какъ только обнаружилось, что оно не дастъ ни свободы, ни благосостоянiя. Послѣ возмущенiя 1548 г., когда все населенiе отъ Аженуа до Пуату и отъ Сентонжа до Марша поднялось, возставъ противъ чрезмѣрности налоговъ, различiя въ религiозныхъ воззрѣнiяхъ перестали играть всякую роль. Повидимому, также ни одинъ кальвинистъ не выражалъ ни малѣйшаго протеста противъ умерщвленiя многихъ тысячъ крестьянъ.

Значительная часть французской аристократiи и въ особенности высшiе слои южной Францiи находили огромную выгоду для себя въ перемѣщенiи земельныхъ имуществъ Церкви и потому объединяли свои интересы съ интересами «гугенотовъ» въ теченiе всѣхъ такъ называемыхъ «религiозныхъ» войнъ, бывшихъ въ дѣйствительности лишь войнами подъ предлогомъ религiи [1]); Францiя раздѣлялась, такимъ образомъ, не столько двумя различными вѣроисповѣданiями, сколько двумя политическими партiями, боровшимися между собою за обладанiе властью. Въ концѣ концовъ, религiозная война, сопровождавшаяся такими ужасными бойнями, какъ совершившаяся въ Варѳоломееву ночь, преврати-

[1]) Edm. Demolins. «A-t-on Intérêt à s'emparer du Pouvoir»?

лась въ войну между двумя династіями—между уже ослабленнымъ домомъ Валуа и могущественными Гизами. Затѣмъ, послѣ того какъ



«Фонтанъ невинныхъ», скульптура Жана Гужона (1547—1549).

кинжалъ убійцъ свершилъ свое кровавое дѣло, послѣ гибели сперва Гиза, затѣмъ Генриха III, протестантскія войска слились съ войсками королевскими, такъ какъ Генрихъ Наваррскій, ихъ главный предводи-

тель, принялъ титулъ короля Франціи. Эволюція завершилась вполнѣ: прежніе бунтовщики сдѣлались защитниками трона, и имъ не оставалось ничего болѣе какъ сдѣлаться и «защитниками алтаря», что, впрочемъ, и случилось, когда Генрихъ IV, вступивъ въ Парижъ, «очень даже стоившій обѣдни», отрекся вторично отъ протестантской религіи. Произошелъ полный поворотъ въ общественномъ мнѣніи, доказывающій, какъ мало бѣдные и угнетенные слои городского населенія возлагали свои надежды на побѣду протестантовъ: во множествѣ городовъ «лига» непримиримыхъ католиковъ нашла для себя среди жителей наиболѣе фанатично настроенные элементы, сослужившіе ей хорошую службу!

Этотъ вѣкъ несогласій, внутренней борьбы, взаимной ненависти и убійствъ былъ во Франціи въ то же время вѣкомъ, въ теченіе котораго нація, полная жизни и энергіи, замѣчательно развилась въ области наукъ, искусствъ, культуры и высокаго расцвѣта своего языка. Именно въ эту эпоху итальянское Возрожденіе сдѣлалось французскимъ, будучи представлено во Франціи даже нѣкоторыми изъ своихъ наиболѣе славныхъ художниковъ, напримѣръ, Леонардомъ и Приматисомъ; тогда же Франція обладала и своими удивительнѣйшими скульпторами, между которыми находился, напримѣръ, Жанъ Гужонъ, и тогда же жилъ величайшій изъ всѣхъ писателей, которые въ теченіе вѣковъ прославили прекрасный французскій языкъ,—знаменитый Раблэ. Народный геній, проявлявшійся въ теченіе XVI вѣка съ такимъ блескомъ, свидѣтельствуетъ о дезорганизаціи власти въ эту эпоху. Церковь и королевская власть не имѣли подъ собою твердой почвы и не располагали такою силою, чтобы давить народъ, который всюду искалъ выхода своей энергіи.

Конечно, Францискъ I былъ бы очень не прочь проявить свою власть самымъ энергичнымъ образомъ, но теченіе событій этому отнюдь не благопріятствовало. Прежде всего, подобно своимъ предшественникамъ, онъ былъ вовлеченъ въ романтическія войны съ Италіей, одержалъ первоначально рядъ совершенно безполезныхъ побѣдъ, затѣмъ претерпѣлъ непоправимыя пораженія и былъ принужденъ просить помощи у своего народа, чтобы уплатить за себя выкупъ. Почти непрерывныя войны съ Карломъ V и во время рѣдкихъ промежутковъ между ними постоянныя интриги изъ-за соперничества вовлекли его въ политику, крайне противорѣчивую и противоположную его убѣжденіямъ: онъ долженъ былъ за предѣлами своей страны избирать своими союзниками друзей и тѣхъ, кого онъ преслѣдовалъ въ своемъ собственномъ королевствѣ. Изъ-за этого отсутствія связи между намѣреніями короля и событіями и изъ-за внутреннихъ переворотовъ, оказывавшихъ также свое вліяніе, въ странѣ возникла до извѣстной степени анархія, благопріятствовавшая личной иниціативѣ: свободный духъ и высокій полетъ фантазіи рождались изъ безсилія королевской власти и ослабленія Церкви.

Въ Германіи раздѣленіе ея на множество отдѣльныхъ государствъ, находящихся въ неустойчивомъ равновѣсіи, благопріятствовало движенію реформаціи, которое, кромѣ того, находило въ этой центральной части Европы свою естественную среду. Именно здѣсь новое вѣроученіе получило свое общее названіе «протестантизма», примѣняемое еще и до сихъ поръ ко всѣмъ различнымъ сектамъ и даже къ тѣмъ вѣроученіямъ, которыя по своимъ догматамъ вышли за предѣлы христіанства; именно здѣсь было дано генеральное сраженіе, какъ съ точки зрѣнія ярой полемики, такъ и въ смыслѣ чисто-матеріальномъ, въ смыслѣ количества пролитой крови: нигдѣ эта борьба не повлекла за собою болѣе крупныхъ несчастій. Въ самомъ началѣ реформаціи, однако, когда политическое значеніе ея еще не опредѣлилось вполнѣ, когда папа Левъ X, бывшій самъ настоящимъ язычникомъ эпохи Возрожденія, видѣлъ въ ней всего лишь «ссору монаховъ», раздѣленіе вѣроученій совершилось безо всякаго шума, если не считать обмѣна рѣзкими словами. Не подлежитъ сомнѣнію, что Карлъ V, внукъ самой католической королевской четы, Фердинанда и Изабеллы, очень охотно раздавилъ бы въ самомъ зачаткѣ нарождающійся расколъ Церкви, но, какъ и Франциску I, ему пришлось противъ собственнаго желанія подчиниться обстоятельствамъ: хотя онъ и былъ императоромъ, но императорская власть принадлежала ему лишь благодаря его могущественнымъ избирателямъ, и величайшее искусство, требовавшееся отъ него, заключалось въ томъ, чтобы мудро ссорить ихъ между собою съ цѣлью выигрыша времени и вящшаго утвержденія своей власти.



Мартинъ Лютеръ.

Между тѣмъ избиратель Саксоніи, Фридрихъ Мудрый, которому Карлъ V былъ обязанъ императорской короной, былъ въ то же время покровителемъ Лютера, и, когда этого послѣдняго потребовали на собраніе въ Вормсѣ, гдѣ ему пришлось предстать предъ лицомъ самого императора, его сопровождало сто вооруженныхъ рыцарей. Сила была противопоставлена силѣ! Въ этомъ и заключалась причина, почему Лютеръ избѣгъ судьбы Іоанна Гуса; впрочемъ, какъ ни былъ отваженъ этотъ возставшій противъ папы монахъ, какъ ни были многочисленны и могущественны друзья и защитники, охранявшіе его отъ гнѣва императора и папы, онъ все же подвергался огромной опасности, и Фридрихъ оказалъ ему большую услугу тѣмъ, что подвергъ его изгнанію и посадилъ на цѣлый годъ въ хорошо укрѣпленный Вартбургскій замокъ въ Тюрингіи, сдѣлавшійся его грандіозной темницей; изъ нея на весь міръ раздавались его воинственные крики, призывавшіе къ борьбѣ съ Римомъ; оттуда же неслись его грозныя филиппики, направленныя противъ всѣхъ его враговъ. Здѣсь же былъ имъ начатъ его превосходный переводъ Библіи на саксонское верхнегерманское нарѣчіе,—переводъ, который болѣе, чѣмъ всѣ другія подобныя попытки, уже многочисленныя въ эту эпоху, пользовался сочувствіемъ вѣрующихъ и въ то же время какъ бы окончательно фиксировалъ и санкціонировалъ литературный нѣмецкій языкъ. Когда Лютеръ покинулъ свою резиденцію, бывшую для него, можно сказать, почти Синаемъ или священной горой Таборъ, онъ былъ уже окруженъ ореоломъ могущества и славы: его вліяніе защищало его противъ Карла V, и вскорѣ лютеранское вѣроисповѣданіе сложилось такимъ, какимъ оно сохранилось до настоящаго времени.

Конечно, горячимъ желаніемъ Лютера было остановить теченіе реформаціи и всего прогресса человѣчества, поскольку таковое выходило за предѣлы совершеннаго имъ самимъ переворота; онъ же проповѣдывалъ лишь уничтоженіе нѣкоторыхъ обрядовъ и обычаевъ католической церкви, которые казались ему противорѣчащими прямымъ указаніямъ Священнаго Писанія,—такъ, онъ отвергалъ почитаніе святыхъ, чистилище и искупленіе душъ, тайную исповѣдь и безбрачіе духовенства; онъ не обладалъ, однако, искусствомъ заклинанія вырвавшихся на свободу духовъ свободной мысли и возмущенія; онъ не могъ остановить бурнаго порыва того вышедшаго изъ береговъ потока, шлюзы котораго имъ самимъ были открыты. Къ тому же возстанія были тѣмъ болѣе неизбѣжны, что весь крестьянскій міръ съ того времени, какъ буржуазное общество начало замѣщать собою феодальный режимъ, сталъ испытывать еще большее угнетеніе. Жизнь земледѣльца, уже и ранѣе трудная, стала совершенно невыносимой, и воспоминаніе о лучшемъ прошломъ побуждало крестьянъ къ возстанію, тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ ужасающее порабощеніе стало общимъ правиломъ.

Въ рукахъ сильныхъ оказалось новое орудіе, которымъ при умѣломъ пользованіи можно было порабощать,—именно суровое римское право, которое замѣнило собою постепенно древніе правовые порядки, основанные на обычаѣ 1). Въ серединѣ XV вѣка рабства не существовало болѣе, за исключеніемъ славянскихъ крестьянъ древней Помераніи, т.-е. странъ, покоренныхъ тевтонскими рыцарями. Рабство въ значительной степени подверглось уничтоженію во время того неудержимаго движенія къ свободѣ, которое стало ощущаться въ концѣ среднихъ вѣковъ. Въ швабскомъ законодательствѣ, господствовавшемъ въ тѣ времена во всей Германіи, говорилось совершенно ясно: «человѣкъ не долженъ



Рабочая комната Мартина Лютера въ Вартбургѣ.

составлять собственность другого человѣка». Начиная съ эпохи Реформаціи, рабство, однако, сдѣлалось снова общимъ закономъ, по крайней мѣрѣ, въ Германіи. Пониженіе денежнаго вознагражденія, уплачиваемаго слугамъ и пастухамъ по законодательнымъ постановленіямъ,—пониженіе столь сильное, что практически возстановляло рабство, относится всюду къ серединѣ XVI вѣка; къ этой же самой эпохѣ, т.-е. ко времени завершенія реформы церкви, относится принужденіе крестьянъ отдавать своихъ дѣтей въ услуженіе господамъ либо даромъ, либо за фиктивное или ничтожное вознагражденіе.

1) Richard Heath. «Anabaptism», p. 9.

Противодѣйствіе, оказываемое государственной власти со стороны городской буржуазіи, не прекращалось въ различныхъ пунктахъ страны; но эти частичныя возмущенія, являвшіяся слабыми остатками соціальной революціи, должны были естественнымъ образомъ облекаться въ религіозныя формы, безъ каковыхъ въ тѣ времена не могли еще представить себѣ существованія общества. Всѣ попытки измѣненія соціальныхъ условій, принимавшія характеръ наивной вѣры въ Бога и святыхъ, были, однако, обречены уже этимъ самымъ неизбѣжно на полную неудачу, такъ какъ небесная власть имѣетъ всегда своихъ особыхъ истолкователей, которые приписываютъ себѣ извѣстную долю непогрѣшимости и сверхъестественнаго могущества,—эти же истолкователи всегда охотно злоупотребляютъ своими божественными силами.

Среди длиннаго ряда аграрныхъ возстаній, слѣдовавшихъ одно за другимъ въ Германіи, должно отмѣтить возстаніе Пфейферъ-Генслейна (Ивана Свирѣльщика) изъ Никласгаузена въ Вюртембергѣ, которому въ 1476 г. явилась Богоматерь и поручила провозгласить всеобщее братство, уничтоженіе всякой свѣтской и духовной власти и обязанность каждаго добывать свой хлѣбъ собственнымъ трудомъ. Скоро, однако, несчастный Генслейнъ былъ схваченъ и обезглавленъ подъ грубый смѣхъ той самой толпы, которую онъ хотѣлъ сдѣлать свободной.

Нѣсколько позже помѣщикамъ нижней Германіи, именно сѣверо-западной части ея, пришлось снова укрощать крестьянъ рѣзнею. Эти несчастные, истощенные барщиной и податями, возстали противъ власти, провозгласивъ своимъ девизомъ: «хлѣба и сыра»—скромное требованіе,—только эти два продукта и нужны были имъ для существованія; отсюда взялось наименованіе «Kaese-Broeder», подъ которымъ они извѣстны въ исторіи. Движеніе это дало возможность аристократіи и духовенству еще болѣе усилить ихъ прежнія привилегіи, такъ какъ не только окончательно были порабощены Kaese-Broeder, не попавшіе еще въ руки палачей, но, кромѣ того, и низменныя области Голландіи и Фризіи были лишены всѣхъ традиціонныхъ свободъ, которыя до того времени были имъ гарантированы болотами ихъ побережья; это было величайшей побѣдой феодализма, одержанной въ теченіе послѣднихъ лѣтъ XV вѣка.

Въ теченіе послѣдующихъ десятилѣтій кровь германскихъ крестьянъ проливалась еще обильнѣе. Крестьянскія возстанія, еще болѣе серьезныя, чѣмъ предыдущія, и въ меньшей степени затемненныя религіозными предлогами, распространились быстро изъ Эльзаса и Швабіи по сосѣднимъ областямъ. Возставшіе крестьяне избрали своимъ символомъ грубый башмакъ земледѣльца, въ качествѣ контраста къ украшенному шпорами сапогу рыцаря, и этотъ «Bundschuh», т.-е. «башмакъ союза», заставлялъ нерѣдко трепетать аристократію, духовенство и вообще

всѣхъ паразитовъ общества того времени. Больше всего боялись, что, слѣдуя примѣру той попытки, которая была сдѣлана въ 1523 г. Францемъ фонъ Сикингеномъ и Ульрихомъ фонъ Гуттеномъ, возникнетъ политическій союзъ между возставшими крестьянами Германіи и ихъ сосѣдями швейцарцами, которые уже освободились изъ-подъ власти своихъ господъ и находились въ непрерывной борьбѣ съ буржуазіей городовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, дѣйствительно, наблюдалось соединеніе швабскихъ крестьянъ съ горными жителями Швейцаріи; но союзъ этотъ былъ непродолжителенъ изъ-за того, что крестьяне привыкли уже продавать свои военныя услуги за деньги. Помѣщики раздавили возставшихъ крестьянъ, направивъ противъ нихъ другихъ такихъ же крестьянъ—«ландскнехтовъ», имѣвшихъ право свободно воровать, убивать и грабить.

Кромѣ того, крестьяне, даже возставая противъ своихъ господъ, были все еще такими слабыми, такими приниженными, относились съ такимъ уваженіемъ къ прежнимъ привилегіямъ и такъ искренно желали снова установленія мира, что отсутствіе у нихъ смѣлости заранѣе осуждало ихъ предпріятіе на неудачу. Такимъ образомъ, какъ говорилъ одинъ изъ припѣвовъ къ ихъ пѣснѣ: «они не могли никакъ излѣчиться отъ поповъ и отъ господъ»! Доходило до того, что въ теченіе войны они, случалось, довѣряли управленіе своими дѣлами не такимъ же крестьянамъ, какъ они сами, а рыцарямъ, которые почти всѣ постоянно оказывались предателями. Между тѣмъ, какъ скромны были тѣ требованія, которыя заключались въ «двѣнадцати тезисахъ», вызывавшихъ такую ненависть и негодованіе у представителей благороднаго сословія той эпохи!

«Каждая община должна имѣть право избирать себѣ пастора и смѣщать его въ случаѣ его недостойнаго поведенія.

«Каждая община должна уплачивать десятину, какъ то велитъ Ветхій Завѣтъ, но не должна платить ничего болѣе.

«Рабство должно быть уничтожено, такъ какъ оно не соотвѣтствуетъ искупленію человѣчества Іисусомъ Христомъ; однако, христіанская свобода не препятствуетъ повиновенію властямъ.

«Дичь, птицы, рыбы въ рѣкахъ принадлежатъ всѣмъ въ равной мѣрѣ.

«Владѣніе лѣсами переходитъ отъ господъ къ общинѣ.

«Барщина не допускается, такъ какъ должно слѣдовать древнимъ обычаямъ.

«Господа не могутъ требовать отъ крестьянъ иныхъ услугъ, кромѣ тѣхъ, которыя оговорены въ договорѣ; за всякую излишнюю работу крестьяне должны получать законную плату.

«Когда земельныя имущества обложены въ такой степени податями,

что трудъ ничего не приноситъ земледѣльцу, то плата должна быть понижена согласно приговору людей, заслуживающихъ довѣрія.

«Штрафы, присуждаемые по суду, не должны произвольно увеличиваться, но должны устанавливаться согласно древнимъ обычаямъ.

«Тотъ, кто незаконнымъ образомъ завладѣлъ общинными имуществами, долженъ ихъ вернуть.

«Налогъ, который называется «налогомъ на случай смерти» (Sterbfall), долженъ быть уничтоженъ, какъ возмутительный грабежъ вдовъ и сиротъ.

«Мы уничтожимъ любой изъ предыдущихъ тезисовъ, если намъ докажутъ, что онъ находится въ несоотвѣтствіи съ духомъ Священнаго Писанія, но мы оставляемъ за собою право расширить каждый изъ нихъ, если это будетъ согласно съ Писаніемъ и съ истиной».

Таковы были справедливыя, но совершенно недостаточныя требованія крестьянъ, и если бы реформаторы имѣли по отношенію къ нимъ хоть малѣйшее чувство равенства,—они должны были бы дѣйствовать заодно съ ними, а не брать сторону помѣщиковъ и рыцарей. Однако, именно изъ отношенія къ этимъ несчастнымъ бѣднякамъ, предъявлявшимъ такія скромныя требованія, можно заключить, сколь мало новая религія, настаивавшая на свободѣ истолкованія Библіи, имѣла по существу точекъ соприкосновенія съ идеей свободы, и въ какой степени она, напротивъ, старалась стать на сторону сильныхъ противъ слабыхъ, на сторону богатыхъ противъ бѣдныхъ, на сторону собственниковъ противъ общинниковъ, которые кое-гдѣ начинали появляться и образовывали сплоченныя общины, особенно въ Тюрингіи, въ Саксоніи, въ Гессенѣ и въ Швабіи. Лютеръ былъ внѣ себя отъ ярости при видѣ того, что народъ точно сорвался съ цѣпи,—его враги обвиняли его въ возмущеніи народа, и онъ приложилъ все свое краснорѣчіе, всю свою энергію, чтобы снова подчинить толпу ея традиціонному рабству и услужить князьямъ и феодаламъ. «Еслибъ я могъ принять на себя такую отвѣтственность передъ своею совѣстью,—я посовѣтовалъ бы и даже посодѣйствовалъ бы тому, чтобы папа со всѣми его отвратительными порядками снова сдѣлался нашимъ господиномъ, такъ какъ міръ желаетъ, чтобы имъ управляли такъ, какъ управлялъ имъ папа: суровыми законами и внушеніемъ суевѣрныхъ понятій» [1]). Но то, чего Лютеръ не рѣшился сдѣлать путемъ обращенія къ папѣ, котораго онъ всецѣло отрицалъ, то онъ сдѣлалъ, обращаясь къ князьямъ, коихъ, вооружившись противъ Церкви, взялъ своими сторонниками; примѣняя по обыкновенію свои рѣзкіе обороты рѣчи, онъ говоритъ слѣдующее: «Подобно тому, какъ

1) Цитир. по Hartmann. «Religion de l'Avenir».

погонщикиословъ должны постоянно сидѣть на спинахъ своихъ живот-

№ 378. Область крестьянскихъ войнъ.



Масштабъ 1 : 3000000.

Мѣстности, отмѣченныя черной точкой, напоминаютъ объ успѣхахъ возставшихъ крестьянъ; болѣе тысячи замковъ были разрушены, и сотни городовъ соединились съ повстанцами.

Кружечки обозначаютъ мѣсто пораженій крестьянъ: Лейпгеймъ—4 апрѣля, Франкенгаузенъ—15 апрѣля, Савернъ—17 мая (20000 жертвъ), Эппингенъ—27 мая 1525 г.

ныхъ, безъ чего тѣ не идутъ, точно такъ же и властелинъ долженъ толкать, бить, давить, вѣшать, жечь, обезглавливать и колесовать свой народъ, «Herr Omnes» («господинъ всѣ»), чтобы народъ боялся его и сдерживался уздою». «Давите, душите, работайте кинжаломъ втайнѣ или открыто, какъ только вы можете, памятуя, что ничто не можетъ быть болѣе ядовитымъ, какъ бунтовщикъ. Возставшій (aufrührerisch) князь скорѣе достигнетъ неба, если будетъ убитъ, чѣмъ путемъ молитвы»! И совѣты «реформатора» исполнялись буквально. Онъ даже хвастается этимъ позднѣе: «Я, Мартинъ Лютеръ, также принималъ участіе въ избіеніи крестьянъ, такъ какъ я приказывалъ убивать ихъ на-смерть; кровь ихъ течетъ по моей шеѣ; но я не считаю себя обремененнымъ этою отвѣтственностью передъ Господомъ Богомъ, который самъ предписалъ мнѣ говорить такъ, какъ я говорилъ!» [1]).

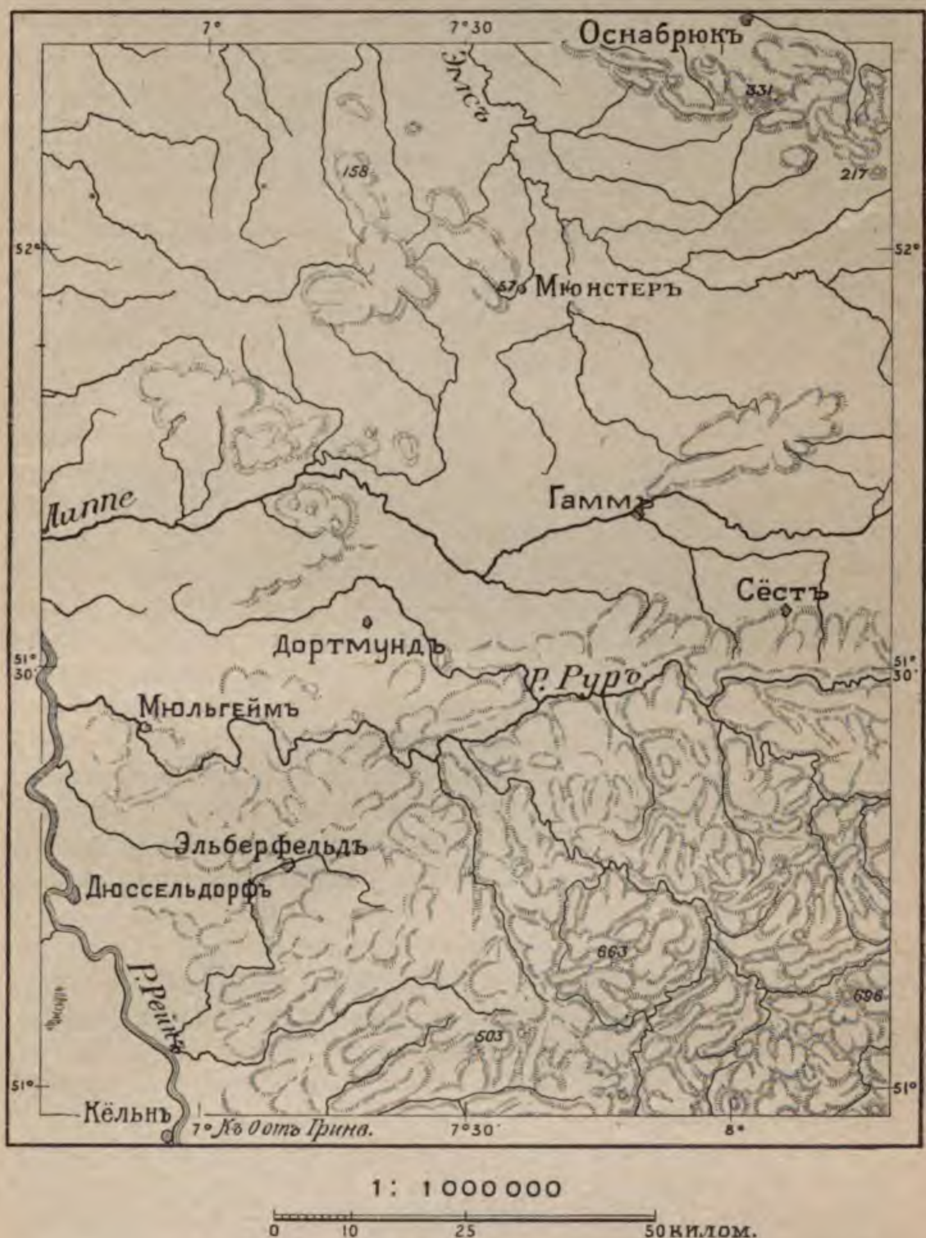
Когда крестьяне Вальдсхута, близъ швейцарской границы, подняли черно-красно-золотое знамя, рѣшившись 24 августа 1524 г. основать «Евангелическое крестьянское братство», объявить «войну замкамъ, монастырямъ и духовенству» и бороться до тѣхъ поръ, не покладая рукъ, пока не освободятъ всѣхъ порабощенныхъ своихъ собратьевъ имперіи,— сильнѣйшій ужасъ объялъ всѣхъ владѣтельныхъ особъ. Огромнѣйшія массы народа собрались въ мартѣ 1525 г., и многіе изъ представителей высшаго сословія просили какъ милости, чтобы ихъ приняли въ составъ «братства»; многіе города также присоединились къ крестьянамъ, и эти послѣдніе одержали даже нѣсколько побѣдъ надъ рыцарями и ихъ наемниками. Когда, однако, обнаружилось, что крестьяне не рѣшаются воспользоваться своими успѣхами и все еще объявляютъ себя вѣрноподданными императора, къ разбитымъ землевладѣльцамъ вернулась ихъ храбрость, и злоба ихъ возросла тѣмъ сильнѣе, что они все еще были объяты страхомъ. Послѣдовавшія затѣмъ репрессіи были ужасны; казни и пытки, вѣроятно, никогда не прекратились бы, если бы самимъ господамъ не были необходимы слуги, работники и солдаты. Именно на это и обратили вниманіе друзья Казиміра Бранденбургскаго, когда онъ уже умертвилъ хладнокровно 500 несчастныхъ крестьянъ: «вѣдь если мы должны будемъ убить всѣхъ нашихъ людей, то гдѣ найдемъ мы другихъ крестьянъ, чтобы ими жить»? По свидѣтельству епископа Спирскаго, удовольствовались тѣмъ, что умертвили около 150000 крестьянъ; и съ какою адскою радостью набрасывались при этомъ на возставшихъ представителей интеллигенціи, относившихся сознательно къ задачамъ возстанія, напримѣръ, на Ѳому Мюнцера! Съ какою утонченною жестокостью и наслажденіемъ ломали ихъ кости и выпускали каплю за каплей ихъ кровь въ застѣнкахъ, гдѣ производились пытки!

---

[1]) «Tischreden» Reclams Ausgabe, p. 194.

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, логика событій влекла все же къ полной и

№ 379. Мюнстеръ и его окрестности.



абсолютной свободѣ людей, которымъ протестантизмъ противъ собственной воли предоставилъ свободу истолкованія. Среди людей, ставшихъ

теперь читать Библію, встрѣчались и такія лица, которыя ставили своей задачей возстановить Церковь первыхъ дней христіанства, которыя отдавали всѣ блага земныя, чтобы только получить вѣчное спасеніе. Такъ, «анабаптисты» городовъ Голландіи и сѣверо-запада Германіи, видѣвшіе въ крещеніи взрослыхъ символическій актъ личнаго обращенія въ вѣру и дѣйствительнаго убѣжденія въ ея истинѣ, принадлежали къ людямъ, стремящимся въ настоящей жизни «спустить небо на землю» и уничтожить вражду и ненависть между людьми, возникающую изъ-за владѣнія частною собственностью и изъ-за погони за матеріальными выгодами. Для этого имъ необходимо, однако, было уйти изъ оффиціально признаннаго общества, игнорировать господъ и властителей и ихъ повелѣнія. Несмотря на то, что свѣжа еще была память о недавнемъ умерщвленіи многихъ тысячъ крестьянъ, эти коммунисты отважились все же сгруппироваться въ независимыя общества. Съ 1533 года городъ Мюнстеръ въ Вестфаліи сдѣлался общиной, гдѣ всѣ древніе законы были уничтожены. Золото, драгоцѣнные камни, даже цѣнныя матеріи сдѣлались достояніемъ общины. Дома горожанъ и лицъ благороднаго сословія, бѣжавшихъ изъ города, стали обиталищемъ бѣдныхъ гражданъ, тогда какъ чужестранцы, явившіеся сюда, чтобы насладиться полнымъ равенствомъ въ этомъ свободномъ городѣ, взяли для своего обитанія церкви. Каждый продолжалъ заниматься тѣмъ трудомъ, какимъ могъ, и получалъ для этой цѣли всѣ необходимые матеріалы. Обѣды были общими, и каждый долженъ былъ стараться не отрѣзать себѣ болѣе хлѣба, чѣмъ это было нужно для его пропитанія. Подобная община была, однако, слишкомъ опаснымъ примѣромъ для того, чтобы ее могли долго терпѣть; протестантскіе князья сѣверной Германіи, соединившись съ назначеннымъ епископомъ Мюнстера, взяли въ 1535 г. этотъ городъ приступомъ и умертвили его защитниковъ. Трупъ Іоанна Лейденскаго, короля этого «Новаго Сіона», былъ долгое время выставленъ въ желѣзной клѣткѣ, привѣшенной къ башнѣ собора. Страсть къ разрушенію была такова, что уничтожили даже всѣ документы, разсказывавшіе о жизни анабаптистовъ и о событіяхъ, въ которыхъ они принимали участіе: хотѣли уничтожить и самую память объ ихъ существованіи, и до нашего времени въ оффиціальной исторіи возстаніе Мюнстера заключается въ спискѣ дѣяній превышенія власти, совершенныхъ Іоанномъ Лейденскимъ.

Каждой религіозной сектѣ, старавшейся внѣ какихъ-либо политическихъ или соціальныхъ цѣлей лишь отстоять догматическое ученіе и сохранить свою индивидуальность, приходилось среди обширнаго протестантскаго міра вести себя очень смирно и тихо, чтобы получить право на существованіе; прежде всего отъ нея требовалось уваженіе къ существующему порядку. Такою сектою были, напримѣръ, меннониты,

которые изъ Голландіи перешли въ Германію и затѣмъ въ Россію, откуда три вѣка спустя принуждены были бѣжать въ Канаду, въ Соединенные Штаты и въ Аргентинскую республику; меннониты сохранили какъ бы по наслѣдству обязательство сохранять миръ и спокойствіе, избѣгать всякаго насилія, избѣгать употребленія оружія; съ другой стороны, секта «Моравскаго Братства», происшедшая отъ другихъ, тоже всюду гонимыхъ, сектантовъ, удержала черты дѣйствительно проявляющагося на дѣлѣ общечеловѣческаго братства.

Параллельно съ лютеранствомъ, сложившимся, главнымъ образомъ, на сѣверѣ Германіи и въ скандинавскихъ странахъ, развивалась и другая форма протестантства, которая была названа по имени своего основателя, суроваго Кальвина, кальвинизмомъ. Въ Швейцаріи новыя идеи, утверждавшія, что каждый читающій Библію, кто бы онъ ни былъ, служитель церкви или міряninъ, имѣетъ право самъ какъ стать священникомъ и говорить непосредственно съ Богомъ, не нуждаясь въ другомъ истолкователѣ своихъ словъ,—эти идеи высказывались еще Цвингли на годъ раньше Лютера, въ 1516 г., и римская церковь тщетно старалась обратить свою паству высокихъ горныхъ долинъ въ лоно истинной вѣры. Подобно тому, какъ въ сосѣдней Германіи, и здѣсь несогласія эти усложнялись вооруженными столкновеніями, и равновѣсіе силъ перемѣщалось постоянно, причемъ, однако, прежній режимъ все же не могъ быть возстановленъ.

Главнымъ двигателемъ и проповѣдникомъ новой религіи былъ Кальвинъ, и второй Библіей являлось его «Установленіе христіанской религіи», въ которомъ догматы, принятые французскими гугенотами, были изложены съ полною ясностью и опредѣленностью. Сначала граждане Женевы не были въ состояніи выдержать тотъ неумолимый режимъ, котораго требовалъ ихъ духовный вождь, но Кальвинъ вернулся затѣмъ снова въ Женеву въ 1541 г., и съ того времени этотъ небольшой городокъ, защищенный и природными условіями и взаимною ревностью сосѣднихъ государствъ, сдѣлался до извѣстной степени столицею, «Римомъ протестантизма». Отсюда направлялъ Кальвинъ свои писанія во всѣ страны свѣта, разсылалъ эмиссаровъ, поддерживалъ и возбуждалъ горячую вѣру во всѣхъ европейскихъ странахъ, охваченныхъ реформаціей; въ особенности вліялъ онъ на Фландрію и Шотландію. Надо замѣтить, однако, что кальвинистская половина протестантства еще болѣе не терпѣла свободомыслія, чѣмъ лютеране: реформаторъ Женевы, совершенно такъ же, какъ и реформаторъ изъ Вартбурга, считалъ каждаго еретика, т.-е. каждаго человѣка, мыслящаго иначе, чѣмъ онъ самъ, заслуживающимъ смерти. Съ полною откровенностью проявилъ Кальвинъ эту нетерпимость, когда велѣлъ заключить въ темницу и присудить къ

сожженію арагонскаго ученаго физика и географа Михаила Сервэ, который имѣлъ несчастье быть въ то же время теологомъ и высказалъ относительно св. Троицы мнѣніе, противоположное тому, которое принималось правовѣрнымъ кальвинизмомъ. Кальвинъ не только велѣлъ сжечь самого Сервэ, но приказалъ даже бросить въ костеръ и экземпляры изданныхъ имъ сочиненій Клавдія Птоломея [1]).

Женевскіе духовные суды являлись, такимъ образомъ, судами чисто-инквизиціонными, но, какъ ни суровы бывали ихъ приговоры, они приносили все же меньше зла населенію, чѣмъ строгій и черствый взглядъ на жизнь, отравляемый вѣчными страхами за первородный грѣхъ и тысячи другихъ грѣховъ, прибавляющихся ежедневно. «Цвингли и Кальвинъ уничтожили монастыри—говоритъ Вольтеръ—съ тѣмъ, чтобы сдѣлать все человѣческое общество однимъ огромнымъ монастыремъ».



Кальвинъ.

Карта распредѣленія вѣроисповѣданій въ Швейцаріи и въ Западной Германіи, начертанная событіями XVI вѣка, свидѣтельствуетъ прекрасно о томъ, что инициатива жителей въ смыслѣ выбора того или другого изъ вѣроисповѣданій не играла большой роли. Положительно нельзя опредѣлить, почему внезапно въ одной области народъ оказывалъ предпочтеніе традиціонному католичеству, въ другой—протестантству. Можно легко замѣтить, что княжества Германіи и кантоны Швейцаріи почти столь же рѣзко разграничены по своимъ

1) Geographical Journal, 1902, p. 648.

вѣроисповѣданіямъ, какъ и по политическимъ отношеніямъ. Ясно, что, съ одной стороны, сохраненіе прежней религіи, съ другой — перемѣна ея на новую совершались по приказанію свыше, а отнюдь не по волѣ самихъ гражданъ и не въ силу ихъ вѣрности прежней религіи или изъ-за обращенія въ новую. Сообразно съ интересами того или другого царствующаго дома, той или другой группы аристократовъ, стоящихъ у кормила правленія того или другого класса буржуазіи, располагающаго



Женева – протестантскій Римъ.

властью, сохранялись либо прежніе католическіе священники, либо появлялись новые протестантскіе пасторы.

Въ качествѣ примѣра такого навязыванія религіи можно привести два кантона—Валэ и Водъ; контрастъ между ними обнаруживается уже въ ихъ названіяхъ, обозначающихъ почти одно и то же—«Великая долина» и «Долины»—но столь различныхъ и по произношенію и по начертанію. Различіе ихъ чрезвычайно рѣзко: граница вѣроисповѣданій совпадаетъ съ политическою границею—на западъ по направленію къ Лозаннѣ живутъ протестанты, такъ какъ все населеніе подъ страхомъ сильнаго наказанія должно было сдѣлаться протестантскимъ; по напра-

вленію къ востоку, къ городу Сіонъ, населеніе осталось католическимъ, такъ какъ отпаденіе отъ католичества стоило бы ему слишкомъ дорого. Такому различію вѣроисповѣданій соотвѣтствовалъ и вполнѣ различный характеръ заключавшихся кантонами союзовъ, различныхъ установленій и обрядовъ ихъ, и, подъ вліяніемъ столь полной контрастовъ внѣшней среды, обитатели ихъ стали сами такъ сильно различаться, что какъ

№ 380. Протестанты и католики въ Швейцаріи.



1 : 3500000

0 50 100 200 килом.

На картахъ №№ 380 и 381, взятыхъ изъ атласа Сидова-Вагнера, рѣдко заштрихованныя области отмѣчаютъ пространства, гдѣ протестанты составляютъ не менѣе 75 % населенія, густая штриховка отмѣчаетъ мѣстности, гдѣ протестантовъ отъ 75% до 50%.

бы превратились въ двѣ чуждыя, даже почти враждебныя одна другой народности.

Такой же религіозный и политическій контрастъ наблюдается въ прирейнской долинѣ: эта замѣчательная страна имѣетъ своей продольной осью рѣку Рейнъ; по направленію съ юга на сѣверъ, однако, эта ось пересѣкается другою осью, которая обладаетъ еще болѣе важнымъ значеніемъ, такъ какъ проходитъ чрезъ всю Европу,—это граница,

отдѣляющая великія равнины, тянущіяся отъ Россіи до Луары, отъ болѣе возвышенной части материка. Такое географическое расположеніе даетъ долинѣ Рейна чрезвычайно большія преимущества, которыми населеніе ея пользовалось еще до римскаго періода. Торговое

№ 381. Протестанты и католики южной Германіи.



движеніе должно было слѣдовать по рѣкѣ и неминуемо вызывало возникновеніе крупныхъ городовъ во всѣхъ пунктахъ, гдѣ по необходимости приходилось останавливаться, во всѣхъ мѣстахъ сліянія и схожденія путей, совпадавшихъ съ великимъ воднымъ путемъ. Въ силу этого, въ полныхъ жизни центрахъ, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ по этой водной артеріи, окаймленной гористыми и лѣсистыми странами со

сравнительно варварскимъ населеніемъ, накоплялись огромныя богатства. Всякія быстро пріобрѣтенныя преимущества даются, однако, не даромъ, и привилегированное положеніе прирейнскихъ городовъ, никогда не умѣвшихъ соединиться въ союзъ, привлекали на нихъ нерѣдко нападеніе враговъ и служили причиной ихъ несчастья. Самыя разнообразныя бѣды поражали эти города,—ихъ высасывали два рода паразитовъ—рыцари-феодалы, построившіе свои замки на скалахъ и наполнявшіе свои подземелья добычею, и духовенство, которое представляло здѣсь тѣмъ болѣе опасности, что богатства давались, такъ сказать, сами въ руки и текли широкой струей въ церкви и монастыри—ихъ добровольно несли сюда паломники и покупатели индульгенцій. Въ силу этого въ продолженіе всего того кризиса въ религіозной жизни религіи, вслѣдствіе котораго распалась западная церковь, населеніе прирейнскихъ странъ, подвергшееся эксплуатаціи до послѣдней степени, высосанное до-чиста, не могло проявить собственной воли и инціативы; оно слушалось приказаній свыше, оставалось протестантскимъ или католическимъ, въ зависимости отъ желанія тѣхъ, кто имъ управлялъ—оно повиновалось волѣ епископовъ, подчиненныхъ Риму, или же волѣ могущественныхъ феодаловъ, радовавшихся случаю завладѣть церковными имуществами.

Говорятъ, будто гоненія никогда не ведутъ къ полной побѣдѣ, и будто «кровь мучениковъ—сѣмя вѣры»; но, что это не такъ, ясно каждому, кто безъ всякаго предубѣжденія взглянетъ на карту Европы, какъ она сложилась въ эпоху Реформаціи,—она сохранилась почти тожественной вплоть до нашихъ дней. Между тѣмъ вѣдь всѣ эти границы проведены мечомъ и отмѣчены кровью! Исторія свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что всюду, гдѣ политическая власть принимала сторону католическаго или протестантскаго вѣроученія, старавшагося отвоевать себѣ души простыхъ смертныхъ, души эти подчинялись именно покровительствуемой религіи, иначе говоря, подчинились силѣ [1]).

Такимъ образомъ, различіе въ религіозномъ отношеніи сѣверной и южной Германіи установилось согласно съ тѣмъ, какъ дѣйствовалъ мечъ владѣтельныхъ особъ, и какъ проливалась кровь ихъ жертвъ. Противоположный характеръ этихъ двухъ областей Германіи получилъ еще бо̀льшее значеніе въ теченіе двухъ слѣдующихъ вѣковъ и продолжалъ проявляться и позднѣе, хотя и въ менѣе острой формѣ; очень рѣзко нанесенная граница вѣроисповѣданій раздѣляла существующія территоріи. На сѣверѣ и сѣверо-востокѣ носители власти и вмѣстѣ съ ними и всѣ подчиненные имъ обитатели примкнули къ протестантизму въ формѣ

---

1) Hyacinthe Loyson. La Grande Revue. 1-er sept. 1900, pp. 504, 505.

лютеранства; ландграфъ Гессенъ-Кассельскій, избиратель Саксонскій, герцогъ Мекленбургскій и Померанскій немедленно конфисковали всѣ земельныя имущества римско-католической Церкви, какія только могли, а князь-избиратель Бранденбургскій, великій мастеръ Тевтонскаго ордена, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы провозгласить себя наслѣдствен-



Нюрнбергъ. Старинныя зданія на Пегницѣ.

нымъ герцогомъ Пруссіи подъ сюзеренитетомъ Польши. Эта послѣдняя также едва не перешла въ протестантизмъ: опредѣляли, что лишь одна шестая всего населенія осталась вѣрной прежней религіи. Однако, и тамъ «огонь и мечъ» свершили свое дѣло. Католики, хотя и оставались въ меньшинствѣ, сохранили мечъ въ своихъ рукахъ и воспользовались имъ тотчасъ же, чтобы умертвить самыхъ опасныхъ изъ своихъ враговъ, особенно тѣхъ, кто не довольствовался только такъ называемой свободой совѣсти, но желалъ завоевать себѣ полную свободу и въ качествѣ дѣйствительной гарантіи стремился завладѣть землею. Раздро-

бленіе протестантизма на множество отдѣльныхъ сектъ, враждовавшихъ между собою, облегчило побѣду Рима, и въ короткое время путемъ террора возстановилось снова единство вѣроисповѣданія. «Реформа» христіанской религіи была какъ бы стерта со скрижалей исторіи, но зато другая крупная революція, совершившаяся въ ту же эпоху и вышедшая изъ головы одного изъ сыновей Польши, одержала, въ концѣ концовъ, полную побѣду,—это была революція, произведенная Коперникомъ, который опровергъ совершенно старинную теорію Птоломея о вращеніи свѣтилъ вокругъ земли и установилъ въ качествѣ непоколебимой истины прежнее ученіе Пиѳагора, доказывавшаго, что, наоборотъ, земной шаръ и планеты вращаются вокругъ солнца.

Къ сѣверу отъ германскихъ равнинъ скандинавскія государства, не имѣвшія прочной связи съ Римомъ, могли быть завоеваны протестантизмомъ безъ особенно крупныхъ столкновеній. Власть склонилась въ сторону новыхъ формъ религіи,—Густавъ Ваза конфисковалъ не менѣе 13000 церковныхъ угодій. На сѣверо-западѣ Германіи лютеранство также проникло съ самыхъ первыхъ лѣтъ своего существованія въ провинціи, располагающіяся по нижнему теченію Мааса и Рейна, но испанская инквизиція тотчасъ же начала тамъ свои преслѣдованія. Поистинѣ замѣчательная борьба разыгралась между католиками, находившимися подъ предводительствомъ герцога Альбы, и протестантами, группировавшимися вокругъ Вильгельма Молчаливаго; въ исторіи рѣдко приходится наблюдать такой примѣръ энергичной, выдержанной и стойкой борьбы между двумя соперничающими сторонами. Особенно захватывающей и грандіозной была эта драма, однако, въ силу того, что дѣло шло здѣсь не только о томъ или иномъ способѣ колѣнопреклоненій или чтенія молитвъ, но и о политической независимости или же рабствѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что наибольшее количество жестокостей въ этой борьбѣ было совершено испанцами, которые въ теченіе многихъ поколѣній привыкли къ убійствамъ,—того требовала и предшествующая исторія католической церкви, полная кровопролитія. Подъ властью страшнаго герцога Альбы около 19000 обитателей Нидерландовъ было казнено, и еще несравненно бо̀льшее число ихъ погибло на полѣ битвы и было умерщвлено солдатами при взятіи городовъ. Говорятъ, что Филиппъ II и его военачальникъ, обсуждая свои дѣянія, сами соглашались съ тѣмъ, что жертвы, приговоренныя судебнымъ порядкомъ, лежатъ на совѣсти короля, тогда какъ Альбѣ придется отвѣчать передъ Богомъ за еретиковъ и невинныхъ, павшихъ на войнѣ и во время разгрома городовъ. Впрочемъ, какъ тотъ, такъ и другой чувствовали себя совершенно спокойными и, быть-можетъ, считали себя даже виновными въ чрезмѣрной снисходительности, такъ какъ ихъ дѣло истребленія ереси получило непосредственное одобреніе папы. О характерѣ, какой приняли отношенія

воюющихъ сторонъ, можно судить по слѣдующимъ словамъ вице-короля,

№ 382. Семь Соединенныхъ провинцій.



Масштабъ 1 : 2500000.

Заштрихованная черта ограничиваетъ семь провинцій (отъ Фризіи до Зеланда), соединившихся по Утрехтскому договору въ 1579 г. и отдѣлившихся формально отъ Испаніи по Гаагскому договору 26 іюля 1581 г.

Возстаніе протестантовъ противъ инквизиціоннаго режима началось въ 1566—67 гг.; осада Лейдена, Гаарлема, Алькмаара и др. относится къ 1572—1574 гг.; Вильгельмъ Молчаливый былъ убитъ въ Дельфтѣ въ 1584 г.; южные города и провинціи покорились въ 1585 г., за исключеніемъ Остенде, который сдался лишь въ 1604 г.

обращеннымъ къ осажденнымъ имъ жителямъ города Алькмаара: «Каждое горло послужитъ ножнами кинжалу». Съ другой стороны, граждане Лейдена, на которыхъ напалъ испанскій флотъ, безо всякаго колебанія разорили сами себя, погубивъ всѣ свои луга и весь свой скотъ,



Толедская дѣва, закрытая и открытая.

Взявъ Толедо, французскія войска нашли тамъ это орудіе пытки въ одномъ изъ подземелій тюрьмы. Не извѣстно, употреблялось оно въ дѣло или нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ, оно не соотвѣтствовало правилу инквизиціи наказывать безъ пролитія крови.

чтобы только увеличить силу своего сопротивленія. «Слѣдуетъ ли разрушить плотины»?—спросилъ ихъ Вильгельмъ Молчаливый.—«Да!»—отвѣтили осажденные единогласно.

Результатъ этой долгой кровавой борьбы былъ, конечно, такой, какимъ его позволяли предвидѣть взаимоотношенія силъ борющихся сторонъ. Южная, бельгійская, часть территоріи, т.-е. та, гдѣ вторгшіяся католическія войска находились недалеко отъ областей, изъ которыхъ они могли пополняться и получать продовольствіе, и гдѣ они чувствовали себя на почвѣ, вполнѣ прочной и удобной для устройства военныхъ

лагерей и проведенія путей сообщенія,—эта половина обширнаго поля сраженія осталась во власти чужеземцевъ и насильственнымъ путемъ принуждена была сохранить религію побѣдителей, которая, впрочемъ, была въ то же время и религіей предковъ. Поколебавшись нѣсколько между обоими вѣроисповѣданіями, что являлось естественнымъ результатомъ времени, Бельгія, опустошенная огнемъ и мечомъ, принуждена была служить попрежнему латинскія обѣдни, подчиняясь всецѣло правиламъ инквизиціи. Какъ всегда бываетъ, благодаря непреодолимому самолюбію людей, тѣ самые фламандцы и валлонцы, которые вынуждены были принять католическую религію путемъ террора, стали, въ концѣ концовъ, ревностно исполнять ея обряды, воображая въ простотѣ душевной, что никогда и не пытались перемѣнить свою религію. Что касается побѣдоносныхъ республиканцевъ Семи Соединенныхъ провинцій, то они, съ своей стороны, приписывали, конечно, свой успѣхъ своему собственному уму и храбрости, тогда какъ въ дѣйствительности этотъ успѣхъ обусловливался въ гораздо большей степени природою страны съ ея множествомъ плотинъ и каналовъ, построенныхъ ихъ предками и превращающихъ мѣстность въ крѣпость, которую немыслимо взять изъ-за ея рвовъ, валовъ и водоемовъ. Исполненные гордаго сознанія своего превосходства, даннаго имъ побѣдой, объединенные голландцы совершили чудеса храбрости и энергіи: несмотря на то, что народъ ихъ малъ и по размѣрамъ страны и по численности, они сдѣлали свое государство все же могущественнымъ,



Ратуша города Алькмаара.

завоевали даже на нѣкоторое время морское господство и, что еще замѣчательнѣе, сочли своимъ долгомъ превратить свою страну въ убѣжище для гонимыхъ мыслителей и вообще для всѣхъ подвергающихся преслѣдованіямъ.

Въ Англіи, какъ и на континентѣ, грубая сила принимала очень большое участіе въ совершившихся въ странѣ измѣненіяхъ въ распредѣленіи религій. Первоначально Генрихъ VIII, ревностный охранитель стараго порядка, объявилъ гоненіе на ученіе Лютера и, выступивъ въ качествѣ «защитника вѣры», сдѣлался среди всѣхъ носителей власти главнымъ защитникомъ папства. Генрихъ VIII былъ, однако, человѣкомъ крутого нрава, горячимъ, экспансивнымъ, и, когда папа отказался дать ему разводъ съ его женою Катериной Арагонской, которая ему надоѣла за двадцать лѣтъ замужества, онъ быстро пришелъ къ убѣжденію, что протестантизмъ имѣетъ для королей хорошія стороны, и, не переставая быть ревностнымъ католикомъ, развелся самъ съ женою, чтобы вступить затѣмъ въ рядъ слѣдовавшихъ одинъ за другимъ браковъ, причемъ, въ зависимости отъ настроенія минуты, иногда умерщвлялъ, иногда оставлялъ въ живыхъ своихъ женъ. Вѣроятно, только изъ-за отсутствія храбрости онъ не провозгласилъ себя «папою»; во всякомъ случаѣ, въ 1534 г. онъ объявилъ себя высшею главою англійской церкви, догматы которой были установлены соборомъ теологовъ, собраннымъ по волѣ короля. Съ этого времени и возникла «англиканская» церковь, претендующая, впрочемъ, на то, что она является непосредственнымъ продолженіемъ древней церкви, первымъ первосвященникомъ которой признается апостолъ Петръ. Земельныя имущества духовенства, представлявшія цѣнность около милліарда франковъ, показались королю также заслуживающими того, чтобы ихъ захватить, и пошли всецѣло на вознагражденіе его льстецовъ и палачей. Когда народныя массы кое-гдѣ оказывали сопротивленіе, король съ ними не церемонился и вѣшалъ и предавалъ сожженію всѣхъ тѣхъ, кто не признавалъ его предписаній, безразлично, были ли они католиками, или еретиками; первые должны были умереть, такъ какъ не хотѣли признать его главою Церкви, вторые же—такъ какъ были богохульниками, почитателями дьявола! Генрихъ VIII былъ великимъ моралистомъ и считалъ назиданіе примѣромъ очень существеннымъ въ смыслѣ подавленія дѣйствій и убѣжденій, которыя почитались имъ дурными; въ теченіе своего царствованія онъ повѣсилъ не менѣе 72000 своихъ подданныхъ! Чтеніе Библіи продолжало оставаться запрещеннымъ для мірянъ: еще черезъ девять лѣтъ послѣ отреченія отъ папы въ одномъ изъ королевскихъ указовъ объявлялось: «въ виду того, что люди низшихъ сословій зло-

употребляютъ привилегіей чтенія Священнаго Писанія, отнынѣ имъ запрещается заниматься этимъ безъ особаго разрѣшенія» [1]).

Контрастъ между формами религіозной революціи въ Англіи и Шотландіи былъ очень великъ. Въ южномъ королевствѣ самъ король желалъ ея, направлялъ и поддерживалъ ее, и именно по его приказанію и благодаря содѣйствію высшихъ сословій совершилась перемѣна вѣро-



Эдинбургъ. Храмъ св. Эгидія, гдѣ проповѣдывалъ Джонъ Ноксъ.

исповѣданій; впрочемъ, при этомъ не было рѣзкаго перехода, такъ какъ прежніе храмы сохранились безъ измѣненій и были лишь приспособлены къ новымъ порядкамъ; всѣ обряды, книги, пѣснопѣнія измѣнились также лишь очень слабо. Въ Шотландіи кризисъ совершился подъ давленіемъ болѣе естественнымъ, именно подъ вліяніемъ желанія

1) Richard Heath. «The Captive City of God», p. 89.

значительной, болѣе образованной части самого населенія,—въ составъ ея входила буржуазія, младшіе сыновья представителей аристократіи, мелкое духовенство и даже монахи, августинцы и доминиканцы [1]). Во всякомъ случаѣ, перемѣна религіи совершилась здѣсь съ большимъ запозданіемъ противъ остальной Западной Европы, въ силу чисто-матеріальныхъ причинъ, именно дальности разстоянія, такъ какъ Шотландія находится на самой оконечности цивилизованнаго міра, на негостепріимныхъ берегахъ морей, въ тѣ времена еще мало изслѣдованныхъ.

Но если реформа церкви въ Шотландіи и совершилась болѣе медленно, чѣмъ въ центральной Европѣ, она была, тѣмъ не менѣе, вполнѣ серьезной и прочной. Джонъ Кноксъ, бывшій самымъ ревностнымъ апостоломъ этой религіозной революціи, былъ человѣкъ, знакомый съ нищетою во всѣхъ ея формахъ, такъ какъ самъ въ теченіе двухъ лѣтъ даже работалъ въ качествѣ гребца на французскихъ галерахъ; въ Женевѣ на глазахъ своего учителя онъ проникся непримиримымъ ученіемъ Кальвина; когда онъ вернулся въ свою страну, то явился въ ней не только проповѣдникомъ, но почти завоевателемъ. Прежде всего онъ помѣрялся силами съ королевой-регентшей Шотландіи и съ «чудовищной» Маріей Англійской, поднявъ противъ нихъ народъ: фактически Шотландія сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ республики, управляемой избранными пастырями, которые нерѣдко бывали болѣе могущественными, чѣмъ короли. Кноксъ скончался въ 1567 г., послѣ того какъ въ значительной степени помогъ низложенію королевы Маріи Стюартъ. На погребеніи этого реформатора регентъ Мортонъ произнесъ слова, которыхъ заслужили немногіе: «Здѣсь покоится тотъ, кто никогда не трепеталъ ни предъ однимъ лицомъ человѣческимъ»!

Что касается Ирландіи, которая въ началѣ среднихъ вѣковъ принимала значительное участіе во введеніи христіанства, то она упорно не желала вводить новой формы религіи; для нея было достаточно того, что враждебная ей Англія приняла это вѣроисповѣданіе, чтобы отвергнуть его. Королева Елизавета отняла земельныя имущества отъ католическаго духовенства и наградила ими англиканскихъ священниковъ; но эти послѣдніе остались все же совершенно чуждыми своей паствѣ, которая была къ тому же распредѣлена между ними въ качествѣ вассаловъ и крестьянъ, несущихъ барщину. Во многихъ мѣстностяхъ Ирландіи разгорались возмущенія, и, въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ XVI вѣка, англійскимъ войскамъ постоянно приходилось то поддерживать насильственнымъ путемъ порядокъ на сосѣднемъ островѣ, то прямо завоевывать его снова. Эмиграція изъ Ирландіи, которая три вѣка спустя получила такое огромное значеніе въ смыслѣ распредѣленія

1) Andrew Lang. «History of Scotland from the Roman Occupation».

народовъ, началась уже тогда; правда, она сказывалась сперва еще не въ народныхъ массахъ, а среди представителей аристократическихъ семей: большое число молодыхъ людей отправилось служить въ войска Франціи и Испаніи, въ надеждѣ, что удастся разбить англичанъ. Неоднократно случалось, что эмигранты, сопутствуемые испанскими войсками, высаживались на южныхъ берегахъ Ирландіи и поддерживали партизанскую войну съ завоевателями - британцами. Лишь въ 1602 г. островъ былъ совершенно очищенъ отъ бандъ бунтовщиковъ. Но, принужденные вести себя мирно, ирландцы, тѣмъ не менѣе, остались врагами Англіи, даже врагами ея вдвойнѣ, такъ какъ испытывали двойныя притѣсненія—какъ ирландцы и какъ католики.

Развитіе реформаціи привело, въ концѣ концовъ, къ полному измѣненію самого католицизма: преслѣдуя гугенотовъ, ревностные католики дѣлались, тѣмъ не менѣе, сами незамѣтно для себя протестантами. До раскола католицизмъ въ сліяніи съ классическимъ Возрожденіемъ проявлялъ двойственный характеръ: «язычества и христіанства». Будучи одновременно религіей и мистической и чувственной, онъ могъ удовлетворять обѣимъ первоначальнымъ и противорѣчивымъ наклонностямъ человѣчества—наклонности жить одновременно и въ конечномъ мірѣ и въ безконечности. Когда Лютеръ и Кальвинъ, непосредственные подражатели суроваго апостола Павла, стали проповѣдывать возвращеніе къ евангельской простотѣ, католицизмъ самими потребностями борьбы былъ принужденъ освободиться отъ элементовъ язычества и отъ художественнаго элемента, украшавшаго его, и сталъ, въ свою очередь, до извѣстной степени «іерархическимъ протестантизмомъ», потерявъ, такимъ образомъ, самый смыслъ своего существованія и сдѣлавшись привязаннымъ къ прошлому скорѣе традиціями, чѣмъ по самому духу своему [1]). Изъ двухъ стремленій, всегда боровшихся въ лонѣ католической религіи, стремленіе къ евангельской чистотѣ, освобожденное отъ всякихъ пережитковъ болѣе древнихъ религій, по крайней мѣрѣ, оффиціально, одержало окончательную побѣду. Католицизмъ, съ точки зрѣнія теологической, очистился; но, перемѣстивъ свой центръ тяжести, онъ удалился отъ окружающей жизни, и народъ не находилъ въ немъ болѣе ничего другого, кромѣ избитыхъ утѣшеній обѣщаніями райскаго блаженства, безъ какого-либо матеріальнаго облегченія своихъ современныхъ бѣдъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, католики сдѣлались резонерами и любителями толкованія спорныхъ пунктовъ вѣры, такъ какъ имъ часто приходилось вести диспуты съ учеными атеистами или схизматиками; въ католическомъ мірѣ возникли новые монашескіе ордена, сообразно съ потребно-

1) Remy de Gourmond, Revue Blanche, 1-er avril 1898, p. 488.

стями этой новой эволюціи; что же касается мелкихъ орденовъ, въ родѣ, напримѣръ, капуцинскаго, то покровительствовать имъ считалось даже какъ бы не приличествующимъ, хотя надо сказать, что именно эти ордена гораздо болѣе ученыхъ и діалектиковъ содѣйствовали укрѣпленію римско-католической церкви. Монахи-капуцины оставались въ средѣ народа; они были друзьями бѣдняковъ и сами были бѣдны; несмотря на свои темныя одежды и на свое суровое умерщвленіе плоти, они оставались желанными веселыми товарищами, ихъ всѣ любили, и они заставляли любить Церковь. Они безо всякихъ стѣсненій принимали участіе въ пирушкахъ игроковъ и пьяницъ, похлопывали по животамъ собесѣдниковъ и пошучивали съ собесѣдницами, принимали участіе во всѣхъ семейныхъ дѣлахъ, во всѣхъ родинахъ, крестинахъ, свадьбахъ и похоронахъ, ссорахъ и примиреніяхъ. Къ нимъ, какъ къ мировымъ судьямъ и какъ къ судьямъ общественной совѣсти, обращались во всѣхъ мелкихъ затруднительныхъ случаяхъ жизни. Если какой-нибудь еретическій философъ или велерѣчивый ораторъ начиналъ «подкапываться подъ основы вѣры», то, конечно, капуцинъ ничего не могъ ему отвѣтить, но толпа была довольна его невѣжествомъ, столь же глубокимъ, какъ и ея собственное, и, смѣясь вмѣстѣ съ нимъ, отнюдь не являлась поколебленной въ своей наивной вѣрѣ. Безо всякаго запаса знаній и заслугъ, длиннобородый босоногій капуцинъ сдѣлалъ, пожалуй, гораздо болѣе для сохраненія католицизма, чѣмъ іезуиты и всѣ другіе монашескіе ордена съ ихъ величественной обстановкой [1]).

Вполнѣ естественно, что Церковь, будучи по своей организаціи кастой крупныхъ собственниковъ, старалась защищаться не столько аргументами, сколько отвѣчала на обвиненіе доказательствами самыми могущественными—сѣкирой палача, огнемъ и мечомъ. Мудро организованная инквизиція дѣйствовала въ чаду безумія, возникающаго при религіозномъ ослѣпленіи: священный трибуналъ никогда не задумывался заключить кого-нибудь въ тюрьму или предать пыткамъ или сожженію, притомъ прилагалъ еще болѣе стараній къ тому, чтобы сжигать книги, чѣмъ самихъ ихъ авторовъ. Юліанилло за то, что ввелъ въ Испанію экземпляры Библіи, переведенной на испанскій языкъ, былъ заключенъ въ тюрьму на три года, двадцать разъ подвергался пыткамъ, затѣмъ ему былъ вбитъ клинъ въ ротъ, послѣ чего онъ былъ сожженъ (1557 г.). Количество жертвъ, присужденныхъ къ казни инквизиціи въ Испаніи, не считая колоній, опредѣляется историками очень различно, въ зависимости отъ документовъ, на которые они опираются. Какъ бы то ни было, результаты, которыхъ мстящая за себя Церковь добилась за предѣлами

---

1) Martin Philippson. «Les Origines du Catholicisme moderne», pp. 21, 22.

Пиренеевъ въ Лангедокѣ и въ Бельгіи, доказываютъ достаточно ясно, что насиліе, примѣненное методически и настойчиво, можетъ побороть идеи, и что эти послѣднія, какъ бы онѣ ни были превосходны, отнюдь не одерживаютъ побѣды благодаря одному своему превосходству—необходимо, чтобы имъ служили люди съ упорною волею и служили притомъ въ теченіе ряда поколѣній [1]).



Сцена изъ Варѳоломеевой ночи.

Церковь имѣла къ своимъ услугамъ не только одни тюрьмы и палачей,—она достаточно часто могла пользоваться и истребителями людей болѣе крупнаго масштаба. Войны, называемыя «религіозными», хотя религіозныя убѣжденія и принимали въ нихъ лишь самое незначительное участіе, содѣйствовали во многихъ странахъ, и въ особенности во Франціи, окончательной побѣдѣ католицизма. Люди военнаго сословія становились довольно безразлично на сторону то одной, то другой изъ воюющихъ партій, руководясь тѣмъ, которая изъ нихъ имѣетъ болѣе шансовъ на успѣхъ. «Однажды—говоритъ Гёцъ фонъ Берлихингенъ—мы собирались начать битву, когда замѣтили недалеко отъ

---

[1]) Louis Brand. «Trois Siècles de l'Histoire du Languedoc».

себя пастуха, сторожащаго своихъ овецъ, и вдругъ, какъ-будто подавая намъ сигналъ, на стадо бросились одновременно пять волковъ. Я имъ крикнулъ: «Желаю вамъ счастья, дорогіе товарищи! Успѣха вамъ во всемъ и всюду!»...

Среди жертвъ тогдашней нетерпимости насчитывается немало ученыхъ, которыхъ преслѣдовали ненависть, злоба и низменная месть. Одинъ изъ величайшихъ людей, Кеплеръ, подвергался нерѣдко гоненіямъ; его мать преслѣдовали какъ колдунью; самъ же онъ, въ концѣ концовъ, умеръ съ голода. Этьеннъ Долэ, еще молодой человѣкъ, былъ сожженъ за то, что печаталъ книги и не придерживался правовѣрныхъ классическихъ взглядовъ на Аристотеля. За такое же непочтеніе къ этому великому человѣку, подвергавшемуся сперва гоненіямъ, затѣмъ признанному Церковью, Кампанелла, позволившій себѣ высказать, что не всякое нововведеніе гибельно для религіи, провелъ 27 лѣтъ въ тюрьмѣ. Джордано Бруно, который между другими своими ересями противопоставлялъ конечному міру Аристотеля міръ безконечный, находящійся въ постоянномъ развитіи, былъ сожженъ живымъ. Художникъ Веласкецъ не могъ рисовать голаго тѣла, такъ какъ это запрещалось инквизиціей [1]. Однако, нѣкоторымъ удалось все же избѣжать преслѣдованій, напримѣръ: Тассо, Монтеню и его «двойнику» Ла Боэти, скончавшемуся, впрочемъ, до того, какъ его великое произведеніе стало извѣстнымъ. Нѣкоторые примѣняли уступчивость, хитрость и коварство, иногда даже пріемы, о которыхъ нельзя говорить безъ негодованія,—такъ, Анри Эстьеннъ, чтобы избѣжать костра, выдалъ палачамъ своихъ собственныхъ друзей, которые были къ тому же совершенно другихъ убѣжденій, чѣмъ онъ самъ [2].

«Іезуитизмъ» родился въ противовѣсъ протестантизму и поставилъ своей задачей не только защищать Церковь и истреблять ея враговъ, но и завоевать для нея весь миръ. Подобное предпріятіе могло имѣть своимъ иниціаторомъ, разумѣется, лишь человѣка полнѣйшей искренности и непоколебимой воли. Такой сильной личностью былъ баскъ по происхожденію Иниго Лопецъ де Рекальдъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Игнатія Лойолы, по названію того замка, въ которомъ онъ родился въ 1491 г.; онъ былъ современникомъ реформаторовъ и въ качествѣ таковаго возростилъ въ своемъ сердцѣ великій гнѣвъ противъ реформаціи. Будучи тяжело раненымъ при защитѣ Пампелуны, онъ посвятилъ себя служенію Дѣвѣ-Маріи и принесъ клятву сдѣлаться съ этого времени не служителемъ короля, а рыцаремъ Царицы Небесной. Затѣмъ онъ роздалъ все свое имущество и началъ борьбу на духовной почвѣ въ

1) Anatole France. «Le Jardin d'Epicure».
2) Th. van Rysselberghe.

Палестинѣ, въ Римѣ и въ Парижѣ; здѣсь онъ встрѣтился съ Ленэ и съ другими лицами, съ которыми установилъ основные принципы новаго ордена, который задумалъ основать. Въ теченіе многихъ лѣтъ іезуиты подготовляли это дѣло, и, наконецъ, въ 1540 г. орденъ былъ окончательно основанъ. Лойола, первый «генералъ» ордена, былъ въ то же время и нижайшимъ слугою его и самъ занимался воспитаніемъ дѣтей и собираніемъ милостыни.



Церковь Лойолы въ странѣ басковъ.

Къ тремъ обѣтамъ другихъ монаховъ—обѣтъ бѣдности, цѣломудрія и повиновенія—ученики Лойолы присоединяли третій обѣтъ: «посвящать свою жизнь непрестанному служенію Христу и его высокимъ первосвященникамъ, служить въ качествѣ воиновъ подъ знаменіемъ креста, повиноваться лишь Богу и его замѣстителю на землѣ, папѣ, и совершать безо всякаго колебанія или разсужденія все, что прикажетъ папа для спасенія и распространенія вѣры, въ какую бы страну ихъ съ этой цѣлью ни послали». Папы, которымъ приходилось видѣть, какъ цѣлыя народности отрекаются отъ католической вѣры, приняли, конечно, съ энтузіазмомъ новое воинство, предлагавшее имъ свое тѣло и душу; они гарантировали ему всѣ привилегіи, какія только возможно было дать, даже привилегіи, зависѣвшія не отъ нихъ, а отъ свѣтскихъ властителей. Съ самаго возникновенія ордена іезуиты пользовались одновременно правами и монаховъ и священниковъ: они были объявлены внѣ зависимости отъ епископовъ и отъ государства; кромѣ папы и генерала своего ордена, они не признавали никакихъ высшихъ властей; они полу-

чили власть связывать и развязывать, отпускать грѣхи, измѣнять силу обѣтовъ воздержанія; они были поставлены выше обязательствъ, налагаемыхъ на другихъ монаховъ и священниковъ, и получали академическіе титулы, которые нельзя было получить обычнымъ путемъ; однимъ словомъ, они могли зло превращать въ добро, ложь въ истину и обратно.

Орденъ іезуитовъ, разсматриваемый во всемъ своемъ цѣломъ, набирался, надо замѣтить, всегда съ чрезвычайной осмотрительностью; онъ понялъ, что самымъ дѣйствительнымъ способомъ защиты является нападеніе. Въ странахъ, гдѣ католическая вѣра не была поколеблена, какъ въ Испаніи и въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ Западной Европы, эта агрессивная политика не представляла затрудненій, такъ какъ достаточно было поддерживать трибуналы инквизиціи и снабжать темницы и костры людьми, подозрѣваемыми въ ереси или дѣйствительными еретиками. Въ тѣхъ же странахъ, гдѣ съ католичествомъ энергично боролся протестантизмъ, задача, благодаря соціальнымъ условіямъ, была болѣе трудной, и слѣдовало дѣйствовать хитрѣе. Прежде всего здѣсь іезуиты должны были завладѣвать властью не путемъ открытой борьбы, какъ то стремятся сдѣлать въ настоящее время соціалисты, а косвенно, путемъ различныхъ вліяній и дѣйствій, направленныхъ къ единой цѣли—порабощенію гордыхъ своимъ могуществомъ монарховъ волѣ таинственной власти ордена Іисуса. Для того же, чтобы, въ концѣ концовъ, подчинить своей волѣ тотъ міръ роскоши, прихотей, лжи и интригъ, какимъ является дворъ каждой изъ коронованныхъ особъ, отнюдь не слѣдовало отступать предъ примѣненіемъ средствъ, одинаковыхъ съ тѣми, съ какими приходилось бороться; прежде же всего требовалось располагать тайной арміей, члены которой были бы готовы идти въ огонь и въ воду и всегда находились бы въ полномъ подчиненіи у руководителя.

Орденъ іезуитовъ, во всемъ своемъ цѣломъ, былъ замѣчательной школой, организованной для дрессировки всѣхъ своихъ членовъ и подготовки ихъ къ тому сотрудничеству въ общемъ дѣлѣ, которое отъ нихъ требовалось. Кандидаты допускались въ него отнюдь не сразу: они должны были пройти первоначально чрезъ продолжительный періодъ испытаній, должны были выдержать рядъ моральныхъ экзаменовъ прежде, чѣмъ ихъ допускали въ послушники, и лишь черезъ два года послѣ того они вступали въ самый орденъ, но и то первоначально не знали его устройства и организаціи: становясь сотрудниками, одни изъ нихъ дѣлались представителями духовнаго отдѣла и доставляли общинѣ будущихъ профессоровъ, писателей и исповѣдниковъ, сообразно со своими предполагаемыми способностями и сообразно съ сужденіемъ начальства; другіе вступали въ свѣтскій отдѣлъ въ качествѣ служителей, поваровъ, ремесленниковъ, управляющихъ; иногда имъ запрещалось даже учиться читать и писать. Впрочемъ, какъ тѣ, такъ и другіе члены равнымъ

образомъ были обязаны послушаніемъ, столь полнымъ, «какъ палка въ рукахъ господина, какъ земля подъ ногами прохожаго»,—и это повиновеніе требовалось отъ нихъ не только, когда оно казалось законнымъ и естественнымъ, но и тогда, когда оно производило впечатлѣніе, противорѣчащее человѣческому чувству, справедливости и нравственности. То, что приказываетъ повелитель, т.-е. папа, иными словами--Богъ, то и является правильнымъ, справедливымъ и хорошимъ! Даже движенія членовъ ордена были урегулированы: голова іезуита должна была всегда быть слегка наклонена, выражая приниженность, и глаза его не должны были смотрѣть въ глаза собесѣдника.

Кажется удивительнымъ, что монашескій орденъ, состоящій изъ столь малаго числа общинниковъ,—такъ какъ со смертью Лойолы, въ 1556 г., орденъ состоялъ не болѣе какъ изъ тысячи членовъ—могъ получить такое сильное и продолжительное вліяніе на управленіе всѣмъ міромъ. Причина, однако, въ томъ, что ни одно общество не представляетъ болѣе тѣсной связи и въ то же время бóльшаго разнообразія въ своемъ составѣ, ни одно не является столь прочнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, столь гибкимъ. Для любого предпріятія, какъ легкаго, такъ и труднаго, имѣлись люди, какіе были нужны,—въ низахъ ордена можно было найти убійцъ, готовыхъ на всякое опасное дѣло; въ верхахъ—государственныхъ людей, составлявшихъ международные трактаты, подготовлявшихъ браки коронованныхъ особъ, рѣшавшихъ вопросы войны и мира; наконецъ, между генераломъ ордена и послѣднимъ изъ неграмотныхъ сотрудниковъ имѣлась цѣлая лѣстница людей, служившихъ разнообразнѣйшими инструментами и всегда готовыхъ повиноваться и выполнить любое дѣло, въ зависимости отъ обстоятельствъ.

Съ того самаго времени, какъ былъ основанъ ихъ орденъ, іезуиты прекрасно поняли, какая главная задача имъ предстояла, именно поняли, что необходимо поднять воспитаніе и образованіе духовенства. Въ 1542 г. они обосновали коллегію въ Сарагоссѣ, и въ скоромъ времени эта коллегія пріобрѣла 25 филіальныхъ отдѣленій. Всѣ католическія страны получили свои іезуитскія воспитательныя учрежденія съ половины XVI вѣка. Университетъ въ Ингольштадтѣ, въ Баваріи, сдѣлался центромъ пропаганды іезуитовъ; позднѣе они завладѣли и пражскимъ университетомъ со всѣми его огромными доходами и высокими привилегіями; они получили отъ императора указъ, которымъ устанавливалось, что ректоръ ихъ коллегіи является и несмѣняемымъ директоромъ университета,—указъ этотъ «нарушалъ и уничтожалъ права всѣхъ другихъ, которые могли на это претендовать». Тотъ же указъ ставилъ подъ надзоръ іезуитовъ «всѣ коллегіи и небольшія школы королевства, какъ тѣ, которыя уже существуютъ, такъ и тѣ, которыя будутъ устроены въ будущемъ».

Образованіе юношества, монополію котораго іезуиты стремились

получить и получили въ нѣкоторыхъ странахъ, не могло, разумѣется, сильно разниться отъ того, какое давалось монахами предыдущихъ столѣтій: отцы-іезуиты отличались лишь необыкновеннымъ искусствомъ, съ какимъ умѣли льстить страстямъ своихъ учениковъ, подготовляя себѣ, такимъ образомъ, въ будущемъ содѣйствіе могущественныхъ и богатыхъ людей; съ точки зрѣнія религіозной они старались поддержать въ нихъ слѣпую вѣру, которая именно въ силу своей слѣпоты являлась непоколебимой. Ученіе сводилось къ изученію латыни, къ заучиванію на память красивыхъ оборотовъ и звучныхъ словъ, чѣмъ совершенно замѣнялась всякая способность къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ. Замѣчательное совпаденіе въ методахъ воспитанія доказываетъ, что въ основѣ борющіяся за власть стороны, какъ протестанты, такъ и іезуиты, должны были обращаться къ однимъ и тѣмъ же средствамъ и отнюдь не различались между собою столь сильно, какъ имъ это казалось въ силу ихъ взаимной ненависти; какъ тѣ, такъ и другіе дѣйствовали одинаково и примѣняли тѣ же методы обученія, только іезуиты проявляли при этомъ больше ловкости и искусства, протестанты же—больше серьезности и сухости. Въ школахъ какъ того, такъ и другого вѣроисповѣданія, однако, совершенно одинаковымъ образомъ духами-вдохновителями были Аристотель и отцы Церкви. Сдѣлавшись протестантами, въ силу господствовавшихъ тогда консерватизма и ненависти къ эволюціи, которая совершилась въ религіозномъ мірѣ, Лютеръ и другіе такъ называемые «реформаторы» того времени были сами въ области идей консерваторами и придерживались старинныхъ взглядовъ. Главнѣйшимъ ихъ стремленіемъ было вернуться вспять, возвратиться къ той эпохѣ, когда «Священное Писаніе» не было еще перетолковано, благодаря эволюціи современной Церкви. Что же касается предметовъ свѣтской науки, то протестанты тщательно держались доктринъ, принятыхъ и въ Сорбоннѣ. Аристотель оставался для нихъ лишь немного менѣе священнымъ, чѣмъ Библія. Вся наука, признавалось ими, заключается въ произведеніяхъ свѣтской литературы древности, и, коль скоро правильно установленъ текстъ того или другого автора, оставалось только преклониться предъ нимъ. Благодаря этому и идеи Коперника встрѣтили дурной пріемъ въ протестантскомъ мірѣ, убѣжденія коего въ абсолютной божественной власти гораздо болѣе согласовались съ геоцентрическимъ взглядомъ на вселенную. Лютеръ насмѣхается надъ Коперникомъ, Меланхтонъ же вступаетъ съ нимъ въ жестокую борьбу [1]). Ѳедоръ Безскій, ближайшій другъ и фанатическій продолжатель Кальвина, писалъ Рамусу: «Женевцы постановили придерживаться истинной вѣры и потому

---

1) S. Günther. «Der Humanismus in seinem Einfluss auf die Entwicklung der Erdkunde», Geographen-Kongress zu Berlin, 1899.

никогда ни въ логикѣ, ни въ какой-либо другой отрасли знанія они не отступятъ отъ взглядовъ Аристотеля». Точно также въ статутахъ оксфордскаго университета указывалось, что «всѣ баккалавры и доктора наукъ, не слѣдующіе въ точности Аристотелю, должны наказываться штрафомъ въ 5 шиллинговъ за каждый пунктъ, въ которомъ они съ нимъ расходятся»; именно изъ-за этихъ-то правилъ и покинулъ этотъ англійскій университетъ Джордано Бруно, бѣжавшій сюда первоначально.



Коллегія іезуитовъ въ Мелькѣ, близъ Ингольштадта на Дунаѣ.

Какъ протестантизмъ, такъ и іезуитизмъ, каждый со своей стороны, оказывали самое вредное вліяніе на университетскую жизнь: тогда какъ первые университеты возникли безъ какого-либо вмѣшательства государства, по образу свободныхъ городовъ, въ качествѣ автономныхъ общинъ, живущихъ своею собственною жизнью и предоставляющихъ студентамъ полную инициативу независимыхъ научныхъ изслѣдованій, лютеране, кальвинисты и іезуиты, жаждавшіе въ равной степени получить власть, стремились лишь къ тому, чтобы превратить высшія школы въ учрежденія, зависимыя отъ Церкви и отъ государства, и снабжали ихъ соотвѣтственнымъ персоналомъ изъ профессоровъ тенденціозной окраски,

старающихся подслужиться, причемъ ставили ихъ еще подъ надзоръ очень сомнительной университетской полиціи.

Одинъ изъ католическихъ писателей вполнѣ доказалъ это обстоятельство, подкрѣпивъ свои доказательства множествомъ текстовъ и документовъ [1]). Германія находилась на пути къ высокому развитію умственной жизни въ теченіе вѣка, предшествовавшаго реформаціи, тогда какъ это движеніе совмѣстно съ близко ему родственнымъ іезуитизмомъ имѣло въ конечномъ результатѣ остановку всякаго прогресса. Реакція совершилась въ силу этихъ двухъ направленныхъ съ разныхъ сторонъ походовъ противъ того духа свободы, который вѣялъ въ теченіе эпохи Возрожденія. Мысль эманципировалась въ теченіе XV вѣка; она освободилась постепенно отъ того умственнаго давленія, которое на нее оказывала Церковь; она сдѣлалась болѣе глубоко-человѣческой, болѣе интересующейся жизненными явленіями, наблюденіемъ природы и эспериментальными изысканіями; она стала стремиться болѣе ко благу на землѣ, нежели къ метафизическимъ размышленіямъ и къ мистической подготовкѣ къ загробному спасенію. Эпоха Возрожденія перемѣстила самую ось человѣческой мысли, передвинувъ ее отъ тайнъ жизни будущей къ задачамъ жизни настоящей и отъ узкой исторіи христіанскаго міра къ исторіи широкой всего міра во всемъ его цѣломъ. Однако, возстаніе Лютера противъ Церкви привело современное общество снова насильственнымъ образомъ къ вѣрѣ во Христа, и католики сами обратились заново въ христіанство; съ той и съ другой стороны снова принялись за борьбу съ самымъ опаснымъ врагомъ вѣры—съ Разумомъ, съ этой «проституткой дьявола», какъ называлъ его Лютеръ, и путемъ порабощенія духа опять стали подготовлять то религіозное и соціальное положеніе, которое должно было привести къ ужасающей 30-тилѣтней войнѣ. Однимъ изъ результатовъ реформаціи было, что она помогла матеріально обуздать людей. Восходя, съ одной стороны, къ Библіи, она восходила,—съ другой—также къ кодексу Юстиніана, устраняя всѣ древніе мѣстные обычаи. Вслѣдствіе того, что въ римской имперіи не было извѣстно ничего, кромѣ рабства и крупной земельной собственности аристократіи, юристы временъ Реформаціи видѣли въ арендныхъ договорахъ той эпохи не болѣе какъ временную переходную стадію и не могли даже понять, что можно урегулировать отношенія крестьянъ къ господамъ какимъ-либо инымъ способомъ, помимо признанія ихъ рабами.

Однако, каждая революція, какъ бы она ни была полезна или вредна во всемъ своемъ цѣломъ, всегда заключаетъ въ себѣ и дурныя

---

1) Johann Janssen. «Geschichte des deutshen Volkes, seit dem Ausgang des Mittelalters».

и хорошіе элементы. Такимъ образомъ, и Реформація имѣла свои хоро-



Алтарь собора въ Бургосѣ.

шія стороны, хотя разсматриваемая съ общей точки зрѣнія она и является прежде всего реакціей противъ торжества мысли и разума. Прежде всего это было явленіе протеста, и, какъ таковое, Реформація сопро-

вождалась и благородными побужденіями и высокими дѣяніями. Кромѣ того, Реформація, въ силу своихъ собственныхъ принциповъ, утвердила окончательно свободу истолкованія Священнаго Писанія: въ этомъ отношеніи она имѣетъ большое значеніе въ исторіи прогресса человѣчества. Однако, Реформація старалась и дать и опять отнять! Она, правда, провозглашала свободу истолкованія; но тѣ смѣлые люди, которые позволяли себѣ въ данномъ отношеніи слишкомъ много, которые начинали истолковывать основы вѣры безъ какого-либо другого критерія, кромѣ собственнаго разума, находились въ большой опасности, и опасность эта простиралась до возможности заключенія въ темницу или до гибели на кострѣ и отъ сѣкиры палача,—протестанты также умѣли пользоваться мечомъ и очистительнымъ пламенемъ костровъ, какъ и католики. Правда, монахи, священники, теологи, даже простые грамотные люди, имѣвшіе подъ руками либо оригинальный еврейскій, халдейскій или греческій текстъ Библіи, либо даже только ея латинское, переполненное ошибками изданіе («Вульгата»), отстаивали свое право непосредственно повиноваться Слову Божію, «истолковывая самостоятельно Священное Писаніе»,—требовалось, однако, чтобы это «истолкованіе» привело ихъ къ совершенно такимъ же заключеніямъ, какъ и ихъ предшественниковъ въ дѣлѣ исканія истины; въ противномъ случаѣ ихъ обвиняли въ богохульствѣ, въ прегрѣшеніи противъ Святого Духа, въ самыхъ ужасныхъ преступленіяхъ, наказываемыхъ муками вѣчной геены огненной.

Реформація добивалась, требовала свободы толкованія Священнаго Писанія, но она требовала также, чтобы это толкованіе было согласно съ тѣми выводами, которые были ею предустановлены. Она вносила немного болѣе разума въ религію, но навязывала это количество разума всѣмъ, такъ какъ утверждала и вѣровала, что это—Разумъ конечный, Разумъ вѣчный [1]). Реформація вовсе не провозгласила свободы убѣжденій,—она была лишь самымъ начальнымъ періодомъ въ той борьбѣ за свободу мысли, которая потомъ разыгралась. Она лишь выдвинула этотъ вопросъ, но онъ не разрѣшенъ еще и до настоящаго времени, такъ какъ всѣ свободы тѣсно связаны между собою, и ни одна изъ свободъ не является гарантированной, пока не гарантированы всѣ остальныя.

Интересно сравнить также протестантовъ и іезуитовъ, эти два противоположныя теченія въ религіозной жизни XVI вѣка, съ точки зрѣнія ихъ отношенія къ художникамъ и искусству. Возвращеніе протестантизма во всемъ его цѣломъ къ Библіи имѣло своимъ логическимъ послѣдствіемъ полное осужденіе живописи и скульптуры, вообще всякаго матеріальнаго изображенія тѣхъ человѣческихъ формъ, которыя являются

---

1) Elie Reclus. Notes manuscrites.

въ то же время и божественными, всякаго «образа и подобія Божія». Въ этомъ отношеніи возстановленное христіанство должно было стать столь же нетерпимымъ, какъ и Исламъ. Оно и стало таковымъ и начало возводить храмы съ голыми, холодными, облицованными камнемъ стѣнами; даже тѣ храмы, которые были получены въ наслѣдіе отъ языческаго католичества, тщательно очищались отъ всѣхъ предметовъ искусства—отъ картинъ, статуй и барельефовъ, передъ которыми еще такъ недавно преклонялись, чтобы никакая красота не отвращала мысли отъ суровыхъ словъ, раздающихся съ каѳедры. Реформація была движеніемъ реакціи противъ Возрожденія, но движеніемъ извращеннымъ, такъ какъ оно ничего не рѣшалось довести болѣе какъ до половины. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если нѣкоторые искренніе протестанты, какіе и теперь еще встрѣчаются кое-гдѣ, и жили вѣчно подъ взорами своего Господа Бога и отрицали все въ своемъ существованіи, что не казалось имъ непосредственнымъ проявленіемъ Его воли, то, съ другой стороны, массы приверженцевъ религіи вмѣстѣ со всѣмъ внѣшнимъ міромъ принимали какъ совершившійся фактъ все, что являлось результатомъ непреоборимаго поступательнаго движенія человѣчества за предѣлами религіи. Протестантское общество потерпѣло уже съ самаго начала пораженіе, подобно тому, какъ потерпѣло его и все христіанство,—оно принуждено было приспособиться къ искусству и къ наукѣ въ обычной жизни, должно было разрѣшить изученіе и изображеніе формъ человѣческаго тѣла, даже анатомическія вскрытія! И если храмы сдѣлались простыми ящиками отталкивающаго вида, такъ какъ строили ихъ безо всякаго вкуса и удобства, то зато свободные художники, живя внѣ религіозной общины, могли съ полною независимостью предаваться исканію красоты, соединяя съ нимъ нерѣдко и глубокое изученіе внутренняго смысла.

Что касается іезуитовъ, всегда любезно и предупредительно старавшихся облегчить доступъ въ лоно Церкви и, слѣдовательно, и доступъ въ рай, то они остерегались бороться съ искусствомъ, хотя, быть-можетъ, въ глубинѣ души и желали его уничтожить. При своей системѣ воспитанія они, однако, неизбѣжно должны были извращать и дѣлать сквернымъ все, къ чему прикасались; искусство, получившее названіе «іезуитскаго», вполнѣ обнажаетъ душу тѣхъ, кто построилъ эти храмы съ просторными сводами, съ удобными, хорошо устроенными исповѣдальнями,—храмы, освѣщенные такъ, что не извѣстно откуда идетъ свѣтъ, съ таинственнымъ гулкимъ резонансомъ, раздающимся подъ сводами и сливающимся въ тихій шопотъ, со стѣнами, украшенными завитками, головами фантастическихъ животныхъ и барельефами, со священными статуями, тонущими въ драгоцѣнныхъ матеріяхъ, съ алтарями, блестящими своей позолотой, украшенными гирляндами и роскошнымъ фрон-

тономъ, поддерживаемымъ закрученными колоннами. Въ особенности эти извитыя колонны, замѣстившія собою прямые столбы, которые прежде всегда примѣнялись для поддерживанія тяжести сводовъ, символизируютъ мягкія и гибкія движенія этихъ руководителей совѣсти, которые вели на небо той самой широкой и легкой дорогой, какая прежде считалась ведущей въ адъ!

Подобно тому, какъ іезуиты превосходили протестантовъ въ нѣкоторомъ смыслѣ болѣе широкимъ пониманіемъ человѣческой души, именно тѣмъ, что, не желая пренебрегать ни одной изъ силъ, которыми можно вліять на людей, давали у себя мѣсто и искусству, совершенно такъ же были они выше своихъ враговъ и соперниковъ и энергіею своей пропаганды. Они поняли, что для сохраненія тѣхъ преимуществъ, которыя даются агрессивными дѣйствіями, необходимо снова приняться за проповѣдь христіанства въ другихъ странахъ, которая прекратилась со времени крестовыхъ походовъ,—такимъ способомъ они думали закрыть протестантамъ міръ, обративъ въ христіанство языческіе народы. Въ 1541 г., т.-е. всего лишь годъ спустя послѣ образованія ордена іезуитовъ, одинъ изъ непосредственныхъ сотрудниковъ Лойолы и также уроженецъ одной изъ долинъ въ Пиренеяхъ, Франческо Ксавье, отправился въ путь, чтобы проповѣдывать Евангеліе народамъ Индіи,—онъ былъ одновременно духовнымъ посланцемъ папы и посланникомъ гражданскимъ короля Португаліи. Онъ, дѣйствительно, посѣтилъ полуостровъ Индіи и въ 1549 г. дошелъ до Японіи. Проповѣдь его была весьма успѣшной, и разсказываютъ прямо чудеса о массахъ народа, сбѣгавшихся на его призывъ, чтобы креститься во имя Іасо, т.-е. Іисуса, котораго считали новымъ воплощеніемъ Будды. Несмотря, однако, на всѣ чудеса, приписываемыя св. Франциску Ксавье, трудно провѣрить, существовалъ ли дѣйствительно этотъ апостолъ; друзья его, оставшіеся въ Европѣ, превратили его почти въ Бога. Когда онъ умеръ въ Гоа, могила его сдѣлалась мѣстомъ паломничества; тѣло его послѣ погребенія получило титулъ губернатора Индіи и вице-короля, и сановники должны были получать отъ него свою власть. Въ серединѣ XVIII вѣка, когда португальцамъ приходилось защищать на полуостровѣ Индіи уже лишь тѣнь своего могущества, св. Францискъ Ксавье получилъ на небѣ оффиціальное порученіе «защищать Индію».

Какъ ни замѣчательна была на самомъ дѣлѣ миссіонерская дѣятельность Ксавье, даже помимо всего ореола чудесъ, которымъ окружили ее вѣрующіе, она все же въ этомъ отношеніи заслуживала меньшаго изумленія, чѣмъ другія миссіи іезуитскаго ордена въ страны, населенныя невѣрными. Въ теченіе самаго расцвѣта своего могущества іезуитскій орденъ далъ, дѣйствительно, чудесное доказательство необыкновенной прочности своего организма, члены котораго, связанные братскими

узами, работали въ полномъ согласіи въ областяхъ, столь разнообразныхъ и кажущихся даже между собою несовмѣстимыми. Тогда какъ, съ одной стороны, орденъ принималъ умы наиболѣе гибкіе, казуистическіе и способные на всякія козни, къ завязыванію и развитію придворныхъ интригъ, онъ, съ другой стороны, умѣлъ пользоваться и людьми наиболѣе искренними и преданными религіи для обращенія дикихъ племенъ въ христіанство, что должно было привести, въ концѣ концовъ, къ тому же результату—къ славѣ Церкви. За пропаганду христіанской вѣры принялись позднѣе съ большою ревностью и протестанты и, между прочимъ, моравское братство,—они не добились, однако, результатовъ, сходныхъ съ полученными ихъ предшественниками; эта область дѣятельности іезуитовъ пріобрѣла огромное значеніе, особенно въ Китаѣ и въ Южной Америкѣ, и содѣйствовала различными способами развитію изученія странъ и народовъ земного шара. Подобно Кортецу и Пизарро, подобно Васко да Гама и Альбукерку, такіе миссіонеры, какъ Вербье, Анкьетта и ихъ сотрудники, также боролись и страдали за то, чтобы завоевать власть надъ новыми землями.



КОЛОНІИ.

Хронологія.

Голландія. Объединенныя провинціи объявили себя въ 1581 г. независимыми отъ власти Филиппа II. Когда непобѣдимая армада была разбита въ 1588 г. у береговъ Англіи, независимость Голландіи была гарантирована, и голландскіе рыболовы могли свободно отправляться въ отдаленныя плаванія. Въ 1596 г. голландцы заняли Зондскій проливъ. Въ 1602 г. была основана первая компанія Восточной Индіи; въ 1604 г. сдѣлалась голландской Амбоина, центръ Молукскихъ острововъ; въ 1619 г. была основана Батавія; менѣе чѣмъ черезъ 40 лѣтъ послѣ появленія на свѣтъ Батавскаго государства его колоніальныя владѣнія увеличили владѣнія Голландіи.

Мексика. Въ 1518 г. была послана губернаторомъ Кубы первая экспедиція въ область Мексики. Въ 1519 г. Фернандо Кортецъ, родившійся въ 1485 г., сдѣлался начальникомъ второй экспедиціи, но вскорѣ былъ обвиненъ въ томъ, что дѣйствовалъ черезчуръ самостоятельно. Достигши города Мексики и безъ труда захвативши въ плѣнъ Монтезуму, онъ вскорѣ вызвалъ народное возстаніе, гибельное для испанскихъ войскъ; ночь съ 1 на 2 іюля 1520 г. получила названіе «печальной ночи», такъ какъ тогда испанцы были перерѣзаны. Городъ Мексика былъ снова взятъ въ 1521 г., и предводитель мексиканцевъ Гуатимозинъ былъ казненъ въ 1522 г. Кортецъ, смѣщенный въ 1536 г., умеръ въ 1547 г. близъ Севильи.

Перу. Отправившись впервые изъ Панамы въ 1524 г., Франческо Пизарро и Альмагро лишь въ 1527 г. убѣдились въ существованіи цивилизованнаго государства Перу, и только въ 1532 г. Пизарро высадился въ Тумбецѣ. Имѣя въ своемъ распоряженіи 168 солдатъ, онъ

проникъ до Каямарка, въ 500 километрахъ отъ Тумбеца, остановился въ покинутой части города и сдѣлалъ визитъ императору. 16 ноября испанцы принимали, въ свою очередь, инка. Едва торжественный кортежъ проникъ въ карре, образуемое испанскими войсками, какъ раздался рядъ залповъ, обратившій перуанцевъ въ бѣгство. Атахуальпа попалъ въ плѣнъ, и послѣ того, какъ для выкупа его были доставлены бочки золота, его все-таки «судили» и задушили (29 августа 1533 г.). Въ 1534 г. испанцы вошли въ Куско и основали городъ Лиму; въ этомъ же году Альмагро отправился на завоеваніе Чили. Въ 1535 г. возстаніе перуанцевъ. Въ 1536 г. разрывъ между Альмагро и Пизарро. Въ 1538 г. Гернандо Пизарро казнилъ Альмагро. Въ 1540 г. Гонзало Пизарро сдѣлался губернаторомъ Квито; въ этомъ же году предприняты изслѣдованіе Амазонки и путешествіе Ореллана. Въ 1541 г. убійство Франческо Пизарро въ Лимѣ и прибытіе верховнаго испанскаго судьи. Въ 1543 г. повелѣніемъ кастильскаго правительства уничтожено рабство въ Индіи; въ этомъ же году возстаніе колонистовъ подъ предводительствомъ Гонзало Пизарро. Въ 1544 г. прибытіе вице-короля, надъ которымъ Пизарро одерживаетъ побѣду. Въ 1547 г. прибытіе новаго верховнаго судьи. Въ 1548 г. Гонзало Пизарро казненъ.

Приводимъ продолженіе списка художниковъ, ученыхъ и философовъ данной эпохи.

Фернандо де Геррера, поэтъ, р. и ум. въ Севильѣ . . . . . 1534—1597
Торквато Тассо, поэтъ, род. въ Сорренто . . . . 1544—1595
Тихо де Браге, астрономъ, р. въ Сканіи . . . . 1546—1601
Михаилъ Сервантесъ, писатель, р. въ Алкала де Генаресъ 1547—1616
Джордано Бруно, философъ, р. въ Нолѣ . . . . 1550—1600
Френсисъ Бэконъ, философъ, р. въ Лондонѣ . . . . 1561—1626
Христофоръ Марлау, драматургъ, род. въ Кэнтербёри . . . . 1562—1592
Феликсъ Лопе де Вега, писатель, р. и ум. въ Мадридѣ . . . 1562—1635
Вильямъ Шекспиръ, поэтъ, р. въ Статфордъ онъ Эвонъ . . 1564—1616
Галилей (Галилео Галилеи), астрономъ, р. въ Пизѣ . . . . 1564—1642
Ѳома Кампанелла, философъ, р. въ Калабріи . . . . 1568—1639
Кеплеръ, астрономъ, р. въ Вюртембергѣ . . . . 1571—1630
Флетчеръ (и Бомонъ, 1585—1615), драматургъ . . . . 1576—1635

Петръ-Павелъ Рубенсъ, фламандскій художникъ, р. въ Вестфаліи . . . . 1577—1640
Жозе Рибера, художникъ, р. близъ Валенціи . . . . 1588—1656
Ренэ Декартъ, философъ, р. въ Турени . . . . 1596—1650
Франциско Зурбаранъ, художникъ, р. въ Эстрамадурѣ . . . 1598—1662
Антонъ ванъ-Дикъ, художникъ, р. въ Антверпенѣ . . . . . 1599—1641
Діего Веласкецъ, художникъ, р. въ Севильѣ . . . . 1599—1660
Клодъ Лорренъ (Желле), художникъ, р. близъ Мирекура . . . 1600—1682
Педро Кальдеронъ де ла Барка, поэтъ, р. и ум. въ Мадридѣ 1601—1681
Ѳома Корнель, драматургъ, р. въ Руанѣ . . . . 1606—1684
Жанъ Ротру, драматургъ, р. и ум. въ Дре . . . . 1609—1650
Давидъ Теньеръ младшій, художникъ, р. въ Антверпенѣ . 1610—1694
Мурильо (Бартоломео Эстебанъ), художникъ, р. и ум. въ Севильѣ . . . . 1617—1682
Жанъ Лафонтенъ, поэтъ, р. въ Шато-Тьерри . . . . 1621—1695
Жанъ Покеленъ Мольеръ, поэтъ, р. и ум. въ Парижѣ . . . 1622—1673
Блэзъ Паскаль, писатель, р. въ Клермонъ-Ферранѣ . . . . . 1623—1662
Барухъ Спиноза, философъ, р. въ Амстердамѣ . . . . . . 1632—1677



КОЛОНІИ

Каждый костеръ инквизиціи, сжигавшій свободнаго человѣка, сжигалъ въ то же время и самое Испанію.

Глава тринадцатая.

АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХІЯ.—ВЕЛИКАЯ АРМАДА.—ВЕЛИЧІЕ ИСПАНСКАГО ИСКУССТВА.—ПОРТУГАЛІЯ, ОСТРОВА ИНДІИ, ИМПЕРІЯ ЗЕНГЪ.—ИСПАНІЯ И АМЕРИКАНСКІЯ ВЛАДѢНІЯ.—ПЕРЕСЕЛЕНІЯ И ЦИВИЛИЗАЦІЯ ДО КОЛУМБА.—ЕСТЕСТВЕННЫЯ УСЛОВІЯ.—АЦТЕКИ, МАЙЯ, ПИПИЛЬ И КИКВЕ, МУЙСКА, АНТОКЕНОСЪ, АЙМОРА И ИНКИ.—КОММУНИЗМЪ ВЪ ПЕРУ.—АРАУКАНЫ.—ПУТЕШЕСТВІЯ И ОТКРЫТІЯ НА КОНТИНЕНТѢ.—ФРАНЦІЯ И КАНАДА.—АНГЛІЯ И БОСТОНІЯ.—РАЗЛИЧНОЕ РАЗВИТІЕ КОЛОНІЙ.

Во всѣ времена властолюбіе должно было внушать царямъ безумное стремленіе стать властителями всего міра, и неоднократно, начиная съ Александра Великаго, для котораго, какъ утверждали его льстецы, не хватало уже болѣе земель для завоеванія, властители народовъ воображали себя уже наканунѣ того дня, когда увидятъ пав-

шими передъ собою лицъ всѣхъ людей земного шара; однако, всегда встрѣчали они своимъ желаніямъ какую-либо внезапную препону: либо они уставали побѣждать, либо смерть заставала ихъ посреди побѣдъ. На этотъ разъ, однако, честолюбивое стремленіе, побуждавшее Атиллъ и Чингисъ-хановъ, Карловъ Великихъ и Карловъ Пятыхъ, отнюдь не было только проявленіемъ свойственнаго властителямъ разрушительнаго инстинкта или полета ихъ генія; оно стало, благодаря созданію ордена іезуитовъ, настоящимъ религіознымъ идеаломъ, въ который всѣ католики вѣрили свято какъ въ догматъ,—въ эту эпоху сами подданные должны были подготовлять всемірную монархію. Мрачный и робкій Филиппъ II могъ даже безо всякихъ видимыхъ проявленій безумія грезить такою безграничною властью,—опорой ему былъ орденъ іезуитовъ, дѣйствительно не имѣвшій себѣ равнаго своею чрезвычайною сплоченностью и могучею силою своей преданности дѣлу и идеѣ. Для апостоловъ ордена повиновеніе единому королю основывалось на единствѣ вѣры. Ни при одной изъ прежнихъ попытокъ установленія всемірной власти не было пущено въ ходъ бо̀льшаго запаса воли, настойчивости и усилій; самыя счастливыя условія, казалось, соединились ради того, чтобы хоть разъ въ исторіи человѣчества могла окончательно создаться абсолютная монархія; не разъ уже ранѣе въ Европѣ, въ Китаѣ, въ Японіи, въ Южной Америкѣ власть эта была близка къ осуществленію, но какъ всюду, такъ и въ Испаніи, въ концѣ концовъ, она не удалась. Между тѣмъ, какое полное и окончательное порабощеніе народовъ послѣдовало бы за установленіемъ всемірнаго владычества. «Единая вѣра, единый законъ, единый повелитель»! Но это была бы въ то же время и полная смерть мысли человѣческой! Въ Испаніи мысль была уже и такъ убита въ теченіе многихъ вѣковъ.

Самая огромность завоеваннаго или, по меньшей мѣрѣ, оффиціально присоединеннаго міра за далекими морями могла заставить думать, что методъ прежнихъ завоевателей долженъ быть теперь оставленъ, и что, вмѣсто тріумфальнаго шествія по земному шару и выигрыванія одной битвы за другою, для будущихъ повелителей человѣчества достаточно умѣть медленно и постепенно подготовлять хитрыми заговорами, насильственными переворотами и мѣткими ударами, наносимыми въ подходящій моментъ, покореніе и униженіе сосѣднихъ народностей. Какъ ни благопріятствовали, однако, обстоятельства, и какъ ни содѣйствовала помощь Церкви и монашескихъ орденовъ, все же Филиппъ II, по своимъ личнымъ качествамъ, не обладалъ ни необходимымъ геніемъ, ни достаточною рѣшимостью, когда счастье шло ему навстрѣчу, требуя съ его стороны дѣйствій; даже одержавъ побѣду, онъ все еще велъ постоянно переговоры и медлилъ, какъ бы для того, чтобы избѣжать пораженія. Будучи скрытнымъ передъ другими, онъ не проявлялъ сво-

ихъ намѣреній, когда долженъ былъ бы ихъ уже осуществлять; среди яркаго дневного свѣта онъ прятался въ глубинѣ своихъ темныхъ казематовъ, окруженный полицейскими и монахами, вмѣсто того, чтобы гарцовать побѣдителемъ во главѣ своихъ войскъ, самыхъ сильныхъ войскъ на континентѣ.



Эскуріалъ, резиденція Филиппа II,
въ 50 километрахъ къ сѣверо-западу отъ Мадрида.

Его отцу, Карлу V, не удалось закрѣпить за нимъ тронъ имперіи; но онъ женилъ его зато на англійской королевѣ Маріи, что, впрочемъ, было для Филиппа лишь причиной ненависти всего англійскаго народа, считавшаго его чудовищемъ, «южнымъ дьяволомъ». Послѣ обильной приключеніями битвы при Альказаръ-эль-Кебирѣ (1578 г.), въ которой исчезъ Себастьянъ, Филиппъ II, косвенный наслѣдникъ португальской короны, добился силою того, что было признано его сомнительное «право» на эту корону. Такимъ образомъ, весь Иберійскій полуостровъ долженъ былъ признать одного повелителя, и въ то же время всѣ

огромныя владѣнія на востокѣ и на западѣ, всѣ Индіи Стараго и Новаго Свѣта, всѣ земли по ту и по сю сторону знаменитаго меридіана папы Александра VI, которымъ земной шаръ былъ раздѣленъ на двѣ половины,—все это сдѣлалось неоспоримымъ владѣніемъ монаха, жившаго въ Эскуріалѣ. Фатальнымъ слѣдствіемъ этого было то, что увеличилось то затруднительное положеніе, въ которомъ находился Филиппъ.

Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, начиналась и гдѣ кончалась его имперія? Никто этого не зналъ, и меньше всего это было извѣстно самому предполагаемому властителю, совершенно погибшему отъ безумной гордости, обусловленной его почти богоподобною властью. Въ теченіе перваго періода героическаго увлеченія, во времена открытій и завоеваній, все казалось легкимъ и становилось легкимъ, дѣйствительно,—завоеватели чувствовали себя влекомыми какимъ-то вдохновеніемъ и подвигались впередъ, вполнѣ сознательно проявляя свою инициативу. Когда же насталъ часъ приведенія въ движеніе всего громаднаго механизма, то обнаружилось, что не хватаетъ точки опоры. Ни Севилья, ни Мадридъ не могли поднять плеча того рычага, который простирался до самаго конца міра; цѣлые годы проходили прежде, чѣмъ та или другая новость, часто еще въ невѣрномъ освѣщеніи, достигала изъ Америки или съ Филиппинскихъ островов до повелителя, который направлялъ свои повелѣнія военачальникамъ, которыхъ уже, быть-можетъ, не было въ живыхъ. Какъ замѣчаетъ одинъ изъ историковъ XVII вѣка, «трудно управлять судномъ, носъ котораго находится въ Атлантическомъ океанѣ, а корма въ Индійскомъ».

Конецъ царствованія Филиппа II, совпавшій съ концомъ вѣка, связалъ кажущееся всемогущество съ самымъ жалкимъ паденіемъ. Подобно тому, какъ въ предшествующія времена папа Адріанъ IV подарилъ Ирландію королю Генриху II, пославъ ему символическій изумрудъ, такъ точно Сикстъ V поднесъ это королевство своему любимѣйшему сыну Филиппу II (1587 г.); но, чтобы сдѣлать подарокъ этотъ существеннымъ, необходимо было предварительно передѣлать самого Филиппа, придать ему энергію и волю, оторвать его отъ нерѣшимости и дать ему, кромѣ того, власть надъ бурями. Нѣсколько вооруженныхъ толпъ испанцевъ, посланныхъ для подавленія возставшихъ ирландцевъ, не могли ничего подѣлать и вели только безполезную партизанскую войну; затѣмъ страшная флотилія, «Великая Армада», состоявшая изъ 131 военнаго корабля съ 7000 матросовъ и 17000 солдатъ, оказалась разсѣянной безъ всякаго столкновенія, сдѣлалась игрушкой вѣтровъ и волнъ,—отъ береговъ Ламанша до береговъ Ирландіи и Гебридскихъ островов все побережье оказалось усѣяннымъ обломками галеръ, и 25 кораблямъ Елизаветы только и оставалось подбирать ихъ об-

ломки. Затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, англійскіе корабли отважились проникнуть вплоть до гавани Кадикса и сожгли непріятельскую флотилію. Около этого времени морской разбойникъ Дрэкъ, первый изъ чужеземныхъ мореходовъ обогнувшій Америку и прошедшій Магеллановымъ проливомъ (1578 г.), странствовалъ уже по морямъ, гоняясь за испанскими галерами, беря приступомъ отдаленныя крѣпости и унижая всѣми способами подданныхъ Филиппа II. Этому повелителю оставалось лишь стараться закрыть для чужеземцевъ свое королевство и оградить отъ нихъ свои чрезмѣрныя владѣнія. Несмотря на золото и серебро Мексики и Перу, несмотря на драгоцѣнныя пряности Индіи и Молуккскихъ островов, Филиппъ даже обѣднѣлъ, сдѣлался самымъ бѣднымъ изъ повелителей христіанскаго міра: два раза приходилось ему отказываться отъ платежей долга, и послѣ его смерти долги Испаніи превышали полтора милліарда; это было уже начало современныхъ колоссальныхъ государственныхъ бюджетовъ.

Всѣ великія начинанія царствованія Филиппа II, присоединеніе Португаліи и попытки завоеванія Турціи, Скандинавіи, Англіи, Франціи, Голландіи, потерпѣли послѣдовательно неудачу [1]); будучи безпомощными во внѣшнихъ дѣлахъ, короли Испаніи прибѣгали къ средствамъ всѣхъ слабыхъ властителей, именно преслѣдовали своихъ собственныхъ подданныхъ. Казни и сожженія еретиковъ стали постояннымъ явленіемъ, сдѣлались празднествами, въ родѣ боя быковъ, и такіе спектакли съ большимъ удовольствіемъ давались, напримѣръ, иностраннымъ посланникамъ и придворнымъ дамамъ. Правда, всѣ эти жестокости были облечены благочестивыми словами, дѣлавшими изъ нихъ достойные акты состраданія и доброты. Но «соболѣзнованія злыхъ людей — жестоки», какъ говорится въ книгахъ, которыя инквизиціею были объявлены святыми, и инквизиторы болѣе чѣмъ кто-либо другой на свѣтѣ ясно доказали ужасную справедливость этихъ словъ. Не высшее ли лицемѣріе въ томъ, какимъ способомъ святое братство предавало предполагаемыхъ преступниковъ въ руки свѣтскихъ властей,—оно требовало, «чтобы они были наказаны со всевозможнымъ милосердіемъ и безъ пролитія крови»,—таково было смягченное выраженіе, примѣнявшееся для обозначенія смерти на кострѣ!

Населеніе Испаніи, повидимому, уменьшилось за время царствованія Филиппа II; говорятъ, что на полуостровѣ въ половинѣ XVI вѣка было 10000000 жителей, и что въ теченіе 50 лѣтъ, которыя затѣмъ послѣдовали, населеніе сократилось болѣе чѣмъ на полтора милліона. Было необходимо серьезно подумать о возстановленіи населенія въ королевствѣ, и, дѣйствительно, были опубликованы указы, которыми старались

1) Victor Duruy. «Histoire de l'Europe».

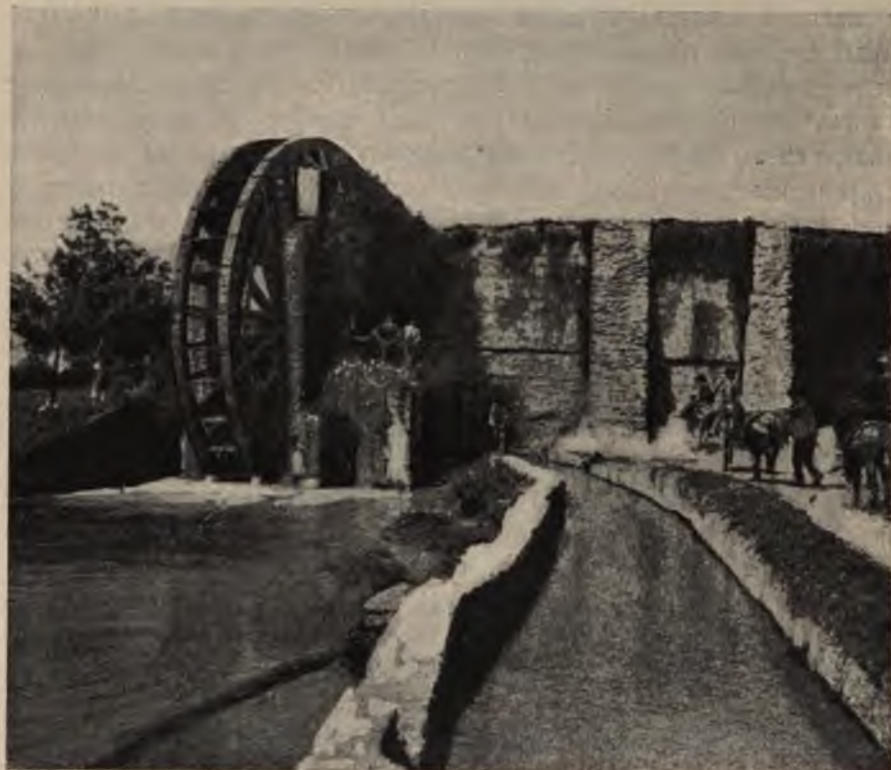
создать трудолюбивыхъ земледѣльцевъ и возстановить обработку земли;

№ 383. Область Мурсіи и Валенціи.



но что могли сдѣлать подобные указы, когда, напримѣръ, въ 1609 г. «всемилостивѣйшимъ повелѣніемъ» было отправлено въ изгнаніе около

800000 подданныхъ, т.-е. всѣ мавры, которые еще не обратились въ католичество, или искренность приверженности къ христіанству коихъ не оказалась несомнѣнной. Это было полнѣйшимъ бѣдствіемъ: нѣкоторыя области Андалузіи, равно какъ мѣстности Валенціи и Мурсіи были совершенно опустошены. Всѣ грандіозныя гидравлическія работы, пред-



Колесо для орошенія (норія) въ окрестностяхъ Мурсіи.

принятыя для орошенія долинъ и равнинъ маврами еще во времена господства Кастиліи, напримѣръ: огромная плотина въ Альманса, на притокѣ рѣки Юкара, возведенная въ 1506 г., плотины въ Эльхе и въ Аликантѣ конца XVI вѣка,—всѣ эти великолѣпныя сооруженія, которыя удивительно противостояли напору водъ, были, правда, сохранены и даже использованы христіанами, но ни одного новаго сооруженія не было создано, которое улучшило бы систему орошенія арабовъ.

Изгнанные мавры претерпѣли различную судьбу въ разныхъ мѣст-

ностяхъ Африки, куда они попали. Бо̀льшая часть ихъ устроилась по городамъ побережья Мавританіи между Могадоромъ и Триполи, но и города внутренней части страны—Фецъ, Тлемсенъ, Константина—получили каждый свою колонію «андалузцевъ». Единовѣрцы принимали ихъ всюду съ радостью и давали имъ земли, воздѣлываніемъ которыхъ они могли жить; но, тѣмъ не менѣе, въ силу внезапнаго прекращенія промышленной, земледѣльческой и общественной дѣятельности сразу для цѣлыхъ сотенъ тысячъ людей, погибло много человѣческихъ жизней, и въ общемъ не кажется, чтобы новые пришельцы принесли въ страну своихъ берберійскихъ предковъ элементы высшей культуры; мало-помалу, они затерялись среди африканскихъ мусульманъ, хотя кое-гдѣ и сохранились еще въ видѣ отдѣльныхъ группъ и сохранили прекрасныя легенды о своей утраченной странѣ. Ненависть къ «руми» также сохранилась у нихъ, и даже ненависть еще болѣе жгучая, болѣе острая, чѣмъ у туземцевъ Марокко и Алжира. Одинъ изъ путешественниковъ, который провелъ нѣкоторое время недавно въ Фецѣ, разсказываетъ о томъ чрезвычайно холодномъ пріемѣ и о томъ враждебномъ, непримиримомъ и презрительномъ отношеніи, которое ему, какъ христіанину, пришлось испытать со стороны потомковъ мавровъ, изгнанныхъ Филиппомъ II [1]).

Каждый результатъ заключаетъ въ самомъ себѣ извѣстныя причины, и одинаковыя причины въ своемъ безконечномъ сплетеніи вызываютъ аналогичныя слѣдствія. Поэтому можетъ показаться удивительнымъ, что въ Испаніи, несмотря на чрезвычайно быстрое уменьшеніе населенія и сокращеніе благосостоянія, несмотря на то, что въ ней, кромѣ священниковъ, солдатъ и чиновниковъ, оставались лишь бродяги и нищіе, замѣчался въ этотъ періодъ упадка все же поразительный расцвѣтъ литературы и искусства. Многіе изъ первыхъ въ Испаніи и даже вообще первѣйшихъ писателей и художниковъ—Сервантесъ, Лопе-де-Вега, Кальдеронъ-де-ла-Барка, Антоніо-де-Геррера, Рибера, Зурбаранъ, Веласкецъ, Мурильо и Камоэнсъ—принадлежатъ именно этой несчастной эпохѣ угнетенія, въ теченіе которой многіе изъ этихъ лицъ должны были унизиться до «близости» къ инквизиціи, т.-е. сдѣлаться почти полицейскими. Несмотря на то, что они были замараны такою близостью, люди эти все же были великими. Причиной тому былъ несомнѣнно размахъ, полученный Испаніей въ теченіе предшествующаго поколѣнія, когда Испанія внезапно оказалась во главѣ другихъ народовъ, и когда совершилось чудесное открытіе Новаго Свѣта; этотъ размахъ былъ достаточенъ для того, чтобы и въ теченіе слѣдующаго вѣка вызвать цѣлую плеяду геніальныхъ личностей, обладающихъ достойными націи благородствомъ, дарованіемъ и энергіей; полная сознанія своего

---

1) Ed. Ditte. «Questions diplomatiques et coloniales», 1901.

древняго героизма, столько разъ ею доказаннаго, Иберія и послѣ понесенныхъ ею ударовъ и даже въ вѣкъ полнаго упадка выдѣлялась всѣмъ, что только страна можетъ пожелать, и всѣмъ высокимъ, великимъ и прекраснымъ.

Уже чувствуя приближеніе своей смерти, испанскій народъ воспрянулъ и достигъ наивысшаго своего развитія, пропѣлъ свою лебединую пѣсню, которая раздавалась въ теченіе вѣковъ и раздается еще и до сихъ поръ. Въ теченіе великой эпохи расцвѣта испанской литературы умственное вліяніе страны заходило далеко за ея политическія границы, и Франція и Англія пользовались въ широкой степени ея высокими сокровищами. Ротру, Корнель, Бомонъ, Флетчеръ, Морлей и даже великій Шекспиръ обязаны, по меньшей мѣрѣ, нѣкоторыми изъ искръ своего дарованія пламени, горѣвшему южнѣе Пиренеевъ.

Однако, въ теченіе той эпохи, когда само государство погибало, сыны его, отправлявшіеся за далекія моря, продолжали свои сказочныя приключенія въ отдаленныхъ странахъ, безо всякой помощи и безъ всякихъ указаній со стороны испанскаго правительства. Самою силою вещей такіе люди, какъ Кортецъ, Пизарро, Альмагро, отдѣленные отъ отечества мѣсяцами, даже годами пути, могли разсчитывать лишь на свои собственныя силы и могли идти впередъ, сколько имъ было угодно. Если бы имъ приходилось повиноваться приказамъ короля, если бы они ожидали, разбирали и дешифрировали длинныя и противорѣчивыя депеши правительства, имъ не пришлось бы завоевать ни Мексики, ни Перу, и эта богатая добыча досталась бы на долю другихъ. Покуда королевской власти не удалось превратить всѣхъ героевъ Новаго Свѣта въ покорныхъ, трепещущихъ подданныхъ, нѣкоторая часть ихъ свободы еще облагораживала до извѣстной степени Испанію, и, быть-можетъ, тѣ изъ независимыхъ людей, которые не покинули еще эту страну, находили въ томъ себѣ достаточное утѣшеніе, что по ту сторону морей ихъ братья «конквистадоры» свободны во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и насмѣхаются надъ королевскими указами, направленными противъ нихъ.

Такимъ образомъ, Испанія не лишилась еще всѣхъ своихъ силъ, несмотря на эмиграцію самыхъ энергичныхъ и работоспособныхъ своихъ сыновъ, несмотря на страсть къ наживѣ и на разлагающее дѣйствіе золота; тѣмъ не менѣе, она была осуждена на полное одряхлѣніе вслѣдствіе совершеннаго угнетенія мысли. Каждый костеръ инквизиціи, сжигавшій свободнаго человѣка, сжигалъ въ то же время и самое Испанію. У кого только возникала въ мозгу новая идея истины или справедливости, тотъ долженъ былъ тотчасъ же заглушать ее или прикрывать лживыми словами, иначе говоря, долженъ былъ становиться самъ лжецомъ и лицемѣромъ, или же ему угрожало—попасть въ руки инквизиціи. Всякая умственная жизнь прекратилась въ великомъ ор-

ганизмѣ страны—онъ впалъ въ состояніе растительной жизни; по выраженію Мишле, «испытывая кровопусканіе за кровопусканіемъ, Испанія впала въ безсознательное состояніе». Это не мѣшало, однако, гордымъ испанцамъ расти въ своемъ собственномъ мнѣніи, такъ сказать, пропорціонально своему паденію. Въ Кастиліи нѣтъ ни одного свинопаса, который не чувствовалъ бы себя императоромъ. Нигдѣ нельзя такъ ясно видѣть результатовъ вліянія режима, при которомъ человѣкъ замѣняется сверхъ-человѣкомъ, какъ именно въ Испаніи!

Политическое объединеніе двухъ частей Иберійскаго полуострова, Испаніи и Португаліи, совершилось въ царствованіе Филиппа II въ тотъ самый моментъ, когда колоніальныя владѣнія этихъ странъ простирались на такое огромное протяженіе, что ихъ можно было считать безграничными. Въ этой колоссальной имперіи, съ одной стороны испанской, съ другой—португальской, исторія областей, находившихся въ Африкѣ и въ Азіи, была гораздо проще и менѣе полна замѣчательными событіями, чѣмъ исторія американскаго Новаго Свѣта. Дѣйствительно, нѣсколько тысячъ португальцевъ, купцовъ, моряковъ, солдатъ и миссіонеровъ, разсѣянныхъ вдоль береговъ и по островамъ, начиная отъ Гвинеи до Молуккскаго архипелага, представляли собою посреди сотенъ милліоновъ негровъ, индусовъ и малайцевъ этническій элементъ, имѣющій слишкомъ мало значенія для того, чтобы дѣйствіе его могло играть крупную матеріальную роль: вліяніе, прежде всего экономическое и моральное, совершалось косвеннымъ способомъ, именно благодаря перемѣщенію торговыхъ путей, благодаря образованію новыхъ рынковъ, измѣненію способовъ торговли и торговыхъ сношеній и, лишь въ слабой степени, благодаря прямому соприкосновенію народностей. Несмотря на свою жестокость по отношенію къ туземцамъ, португальцы представляли собою матеріалъ, достаточно легко привязывающійся и сближающійся; кое-гдѣ, въ особенности на Цейлонѣ, память о нихъ сохранилась и до сихъ поръ, и сохранились нѣкоторые остатки ихъ языка—португальскія названія распространены тамъ еще и теперь, тогда какъ голландцы, пришедшіе гораздо позднѣе, теперь совершенно забыты [1]).

Какъ ни ничтожно было число португальцевъ среди безконечнаго множества мѣстнаго населенія, они, благодаря своимъ кораблямъ, своимъ пушкамъ, своей военной тактикѣ и фортификаціонному искусству, имѣли такой огромный перевѣсъ въ силѣ матеріальной, что легко имъ даже могли злоупотреблять. Они старались, конечно, утвердить за собою торговую монополію всѣми драгоцѣнными товарами Востока—въ этомъ отношеніи они дѣйствовали такъ, какъ и всѣ другіе жадные до денегъ торговцы, и совершенно такъ же старались устранить конкуренцію со-

1) Em. Tennent. «Ceylon», I. p. 418.

перниковъ, какъ это ранѣе дѣлалось венеціанцами, египтянами, арабами, и какъ позднѣе это дѣлали голландцы; помимо того, однако, они проявляли и полную нетерпимость въ области религіозныхъ вопросовъ; вслѣдъ за торговцами шли миссіонеры, не допускавшіе, чтобы, не совершая великаго грѣха, можно было исповѣдывать какую-либо другую религію, кромѣ вѣры во Святую Троицу и въ Приснодѣву Марію. Суды инквизиціи, перенесенные въ Гоа, въ Малакку, дѣйствовали съ еще



Развалины дворца инквизиціи въ Гоа.

большею жестокостью, чѣмъ въ самомъ отечествѣ, и нерѣдко мавры, евреи и христіане-еретики многими тысячами приносились въ жертву. Отсюда возникла непримиримая ненависть къ португальцамъ, и если робкіе обитатели Востока, среди которыхъ дѣйствовали эти европейскіе авантюристы, и не проявляли настолько энергіи, чтобы изгнать своихъ притѣснителей, то зато, во всякомъ случаѣ, они вполнѣ были готовы перемѣнить своихъ повелителей и только ждали новыхъ завоевателей, чтобы встрѣтить ихъ съ радостью.

Менѣе чѣмъ черезъ сто лѣтъ послѣ своихъ великихъ открытій и поразительныхъ побѣдъ, Португалія оказалась уже вполнѣ подготовленной къ полному пораженію при столкновеніи съ первымъ встрѣчнымъ врагомъ,—она окончательно попала въ руки іезуитовъ, сдѣлавшихся руководителями всѣхъ ея поступковъ. Ученикъ іезуитовъ, король Себастьянъ,

давшій обѣтъ цѣломудрія и повиновенія и не дававшій обѣта бѣдности лишь потому, что этому препятствовалъ его санъ повелителя, вручилъ всецѣло своимъ возлюбленнымъ учителямъ, горячимъ теологамъ, но плохимъ политикамъ и неспособнымъ военачальникамъ всѣ свои богатства и все свое войско. Дѣломъ ихъ рукъ явился марокскій походъ, въ которомъ погибъ самъ Себастьянъ, послѣ чего Португалія была присоединена къ безграничнымъ владѣніямъ Филиппа II, повелителя, пользовавшагося такими же плохими совѣтами и столь же безразсуднаго, какъ и всѣ его предшественники.

Все, что не утратило еще окончательно у обоихъ приниженныхъ народовъ духа предпріимчивости и страсти къ открытіямъ, направлялось, должно замѣтить, столь же плохо, какъ и военныя предпріятія. Примѣромъ можетъ служить исторія несчастнаго мореплавателя Педро Фернандеца де Кироса: ему пришлось хлопотать и просить въ теченіе 10 лѣтъ, чтобы получить въ свое распоряженіе два корабля для путешествія въ Перу. Земля, на которую онъ случайно натолкнулся во время плаванія, былъ одинъ изъ самыхъ большихъ острововъ архипелага Новыхъ Гебридъ,—островъ этотъ былъ совершенно незаслуженно названъ имъ Австраліей—«Australia del Espiritu Santo»,—возможно, что это было имъ дано въ честь Австріи или же, быть-можетъ, вслѣдствіе предположенія, что онъ нашелъ тотъ огромный южный материкъ, котораго существованіе тогда предполагалось, но который былъ еще тогда скрытъ за длинными рядами окружающихъ его рифовъ. Какъ бы то ни было, онъ принялъ во владѣніе эту землю «вплоть до полюса... во имя Церкви, папы и короля..., покуда будетъ дѣйствовать на землѣ право»! Затѣмъ онъ намѣтилъ, гдѣ долженъ быть построенъ «Новый Іерусалимъ», на берегу рѣки «Іордана», и устроилъ торжественную процессію со священниками и съ экипажемъ своихъ судовъ (1606).

Передъ своей смертью Филиппъ II успѣлъ нанести первый тяжкій ударъ своей колоніальной имперіи. Охваченный своей страстью къ абсолютной монополіи, онъ попытался свершить вещь немыслимую, именно вздумалъ воспрепятствовать производству той мелкой комиссіонной торговли, которую вели голландскіе купцы, и приказалъ захватить сразу 50 торговыхъ кораблей Голландіи, стоявшихъ на якорѣ въ лиссабонской гавани (1594). Энергичные и умные люди, находившіеся тогда во главѣ республики Соединенныхъ Провинцій, поняли, что если они не могутъ получать пряности изъ вторыхъ рукъ, то ничего не остается дѣлать болѣе, какъ отправиться искать ихъ въ тѣ области, гдѣ они добываются, и насильственнымъ путемъ занять мѣсто португальскихъ торговцевъ. Попытка эта прекрасно удалась: одинъ изъ амстердамскихъ книжныхъ торговцевъ въ 1592 г. раздобылъ португальскія карты, и черезъ 10 лѣтъ, въ самомъ началѣ XVII вѣка, голланд-

скія эскадры прогнали португальскіе корабли изъ Молуккскаго архипелага, стали сами непосредственно вести торговлю съ Китаемъ и Японіей и заключать новые торговые договоры съ прибрежнымъ населеніемъ Индійскаго океана. Португальцы, представленные теперь Испа-

№ 384. Острова Малайскаго архипелага.



Маршрутъ, нанесенный пунктиромъ,—путь кораблей перваго кругосвѣтнаго путешествія Магеллана. Прибывъ 16 марта 1521 г. къ Филиппинскимъ островамъ, Магелланъ погибъ 27 апрѣля у острова Мактанъ; дель Кано 8 іюля находился въ Бруней и покинулъ Тиморъ, направившись въ Испанію лишь 11 февраля 1522 г.

ніей, не сохранили отъ своихъ азіатскихъ владѣній ничего, кромѣ половины острова Тимора въ Малайскомъ архипелагѣ, города Гоа и еще нѣкоторыхъ мѣстностей на полуостровѣ Индіи. Впрочемъ, Филиппинскіе острова, названные такъ въ честь Филиппа II, остались въ рукахъ испанцевъ; захватъ Молуккскихъ островов и острова Явы,

чрезвычайно цѣнныхъ въ торговомъ отношеніи, вполнѣ удовлетворилъ голландцевъ.

Голландцы, очень экономно пользовавшіеся своими кораблями и военными силами, не дѣлали и попытки къ завоеванію африканскаго побережья, омываемаго Индійскимъ океаномъ: печальное состояніе, въ которомъ находились завоеватели этого побережья, испанцы, отнюдь не поощряло къ тому осторожныхъ и разсчетливыхъ торговцевъ, какими были голландцы, и они не покушались вовсе на эти безполезныя для нихъ земли. Нигдѣ вмѣшательство португальцевъ не имѣло послѣдствій болѣе непріятныхъ для прибрежнаго населенія. До прибытія Васко да Гама вся область побережья, отъ рѣки Замбези до мыса Ароматовъ, представляла собою огромную федерацію торговыхъ республикъ, извѣстную подъ наименованіемъ имперіи Зенгъ; многолюдные города—Момбаза, Мелинда, Софала и др.—привлекали купцовъ со всѣхъ прибрежныхъ областей Индійскаго океана, которые здѣсь встрѣчались съ торговыми караванами, отправлявшимися внутрь страны. Насильственное вторженіе португальцевъ измѣнило все это прекрасно установившееся равновѣсіе. Изъ боязни религіозныхъ преслѣдованій, мусульмане перестали посѣщать прибрежные рынки, и караваны, въ концѣ концовъ, также прекратили ходить сюда и забыли даже свои прежніе пути. Отъ всей имперіи Зенгъ сохранилось лишь одно названіе—«Зангебаръ» или «Занзибаръ», т.-е. земля Зенгъ; прибрежные города, потерявъ свою притягательную силу, пали и повлекли за собою распаденіе обитателей находящихся за ними областей на ихъ первоначальные элементы—варварскія и враждующія между собою народности. Регрессъ совершился полный, но обо всемъ этомъ страшномъ несчастьѣ, поразившемъ народы, не сохранилось и воспоминанія,—сколько и другихъ народовъ, послѣ временнаго расцвѣта, могущества и блеска, исчезло затѣмъ совершенно со скрижалей исторіи!

Въ «Новомъ» Свѣтѣ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, испанцы, въ теченіе долгаго времени, могли продолжать свои завоеванія и колоніальныя предпріятія, не опасаясь европейскихъ соперниковъ,—имъ приходилось бояться лишь разбойниковъ и пиратовъ въ открытомъ морѣ и въ гаваняхъ; внутри страны имъ приходилось выдерживать столкновенія исключительно съ туземцами. Въ теченіе болѣе трехъ вѣковъ латинское населеніе Иберійскаго полуострова, испанцы и португальцы, были единственными европейцами, вліяніе которыхъ сказывалось на народностяхъ той части Новаго Свѣта, которая ограничивается съ сѣверо-востока бассейномъ Миссисипи. Дрэкъ, Гаукинсъ, Рэлей и др. англійскіе корсары были слишкомъ малочисленны, чтобы стремиться къ завоеванію и къ присвоенію территорій; они довольствовались тѣмъ, что нападали на испанскія галеры, и оставляли въ покоѣ берега.

Со стороны другихъ европейскихъ народностей вмѣшательство обнаружилось лишь въ области Антильскихъ острововъ и на выдающейся части Бразиліи, въ Пернамбуко, гдѣ около XVII вѣка голландцы стали продолжать столь удавшееся имъ въ Восточной Индіи предпріятіе, именно — вздумали отнять колоніи у португальцевъ. Такимъ обра-



Гробница прежнихъ султановъ на Явѣ.

зомъ, колоссальная область, поверхностью около 22 милліоновъ квадратныхъ километровъ, обнимающая въ настоящее время всѣ латинскія республики Южной Америки, подвергалась европейскому вліянію исключительно чрезъ посредство испанцевъ и португальцевъ въ теченіе, по крайней мѣрѣ, десяти поколѣній, и если послѣ той продолжительной работы, которую повлекло за собою физическое скрещиваніе и смѣшеніе инстинктовъ и идей, колоніальный режимъ все же распался, то этотъ переворотъ долженъ быть объясненъ не внѣшнимъ насильственнымъ вліяніемъ, а, просто-на-просто, невозможностью жить подъ режи-

момъ божественной власти. Все, что оставалось отъ всемірной монархіи Филиппа II, угасло и распалось изъ-за отсутствія одухотворяющаго начала.

Каковы были сношенія народностей обѣихъ группъ материковъ—материковъ Стараго и Новаго Свѣта—до Колумба? Въ этомъ отношеніи извѣстны съ полною достовѣрностью лишь два переселенія народовъ черезъ раздѣляющія эти материки моря. Съ одной стороны, извѣстно, что эскимосы сѣвернаго американскаго побережья и Аляски перешли черезъ Беринговъ проливъ и устроились на берегахъ Сибири; съ другой стороны, норманны Скандинавіи и Исландіи переплывали, жили и основывали колоніи въ Гренландіи и въ сѣверо-восточныхъ областяхъ Сѣверной Америки. Вотъ два факта, точно установленныхъ; но помимо нихъ за послѣднія 400 лѣтъ невольныя или произвольныя переселенія чукчей и эскимосовъ, японцевъ и полинезійцевъ чрезъ Беринговъ проливъ или даже прямымъ путемъ чрезъ бурныя воды Тихаго океана были столь многочисленны, что едва ли можетъ быть и какое сомнѣніе въ существованіи и въ древнія времена сношеній между Азіей и Новымъ Свѣтомъ; путешествія, конечно, совершались какъ азіатами къ берегамъ Америки, такъ и американскими туземцами къ берегамъ Азіи. Одинъ изъ миссіонеровъ-іезуитовъ, посѣтившій Татарію въ XVI вѣкѣ, встрѣтилъ тамъ женщину племени гуроновъ, которая перепродавалась отъ племени къ племени и совершила путешествіе на разстояніи половины окружности земного шара [1]). Различныя техническія производства, тканье матерій, обжиганіе глиняныхъ издѣлій, изготовленіе бронзовыхъ орудій, могли также быть переданы на берега материковъ Новаго Свѣта.

Вполнѣ естественно допустить, что обмѣнъ техническихъ познаній и идей между материками Стараго и Новаго Свѣта, во всякомъ случаѣ, существовалъ, такъ какъ море и вѣтры даже независимо отъ желанія людей нерѣдко приводили въ непосредственное соприкосновеніе представителей различныхъ расъ. Доказательствомъ такихъ сношеній между Азіей и Америкой является, напримѣръ, довольно сложная игра, получившая у европейцевъ названіе «трикъ-тракъ»,—она встрѣчается въ очень сходной формѣ какъ у индусовъ и бирманцевъ, которые называютъ ее «пачити» или «пачитъ», такъ и у древнихъ мексиканцевъ, которые знали ее подъ названіемъ «патолли» [2]). Натуралистъ Тенъ-Кате предполагалъ, что ему удалось найти доказательство этихъ древнихъ сношеній въ самой южной части Калифорнійскаго полуострова, гдѣ еще будто бы живутъ туземцы—негроиды-меланезійцы [3]). Кромѣ того, недавно былъ открытъ фактъ, чрезвычайно важный въ смыслѣ

1) Charlevoix.—2) E. B. Tylor, цитир. по Karl Gross. «Die Spiele der Menschen», p. 243.—3) Bulletin de la Société d'Anthropologie de Paris, t. VII, p. 564.

указанія на родство расъ. Было констатировано существованіе синеватыхъ пигментныхъ пятенъ въ крестцовой и поясничной области новорожденныхъ дѣтей большей части малайскихъ и китайско-японскихъ народностей, населяющихъ берега Тихаго океана, и такія же точно

№ 385. Теченія Тихаго океана.



Масштабъ по экватору 1 : 50000000.
Непрерывныя линіи представляютъ собою холодныя теченія. По расположенію теченій ясно, что теченія Калифорніи и Чили представляютъ больше удобствъ для посѣщенія народовъ другого берега Тихаго океана, чѣмъ теченія Мексики и экваторіальное.

пятна были найдены у дѣтей эскимосовъ, вплоть до обитателей Гренландіи. Какъ не видѣть въ этомъ—предполагаютъ нѣкоторые изслѣдователи—общей черты, служащей доказательствомъ родства этихъ народностей [1])?

1) J. Deniker. Bulletin de la Société d'Anthropologie, séance du 4 avril 1902.

Обширность пространства Тихаго океана, отдѣляющаго берега Южной Америки отъ береговъ островов Океаніи, должна была препятствовать всякому активному сношенію въ теченіе современныхъ геологическихъ эпохъ въ этой области. Однако, если даже и не восходить къ тѣмъ временамъ, когда Аргентина получила часть своей флоры изъ Гондиваны Индіи и часть своей фауны изъ Австраліи, то, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что непрерывныя сношенія между Южной Америкой и лежащими къ западу отъ нея островами все же существовали, и что, по всей вѣроятности, существованіе ихъ относится къ той эпохѣ, когда контуры континентовъ отличались отъ современныхъ. На берегахъ Ріо-Негро, въ Патагоніи и въ странѣ, населенной племенемъ калшаки, въ сѣверо-западной части Аргентинской республики, были найдены черепа явственно папуасскаго типа; раскопки въ Куско, въ Перу, и въ Сантъ-Яго-дель-Эстеро, въ Аргентинѣ, доказали нахожденіе тамъ каменныхъ орудій маорійскаго происхожденія; рѣзныя деревянныя палицы, совершенно похожія на палицы Маркизскихъ острововъ, были найдены въ развалинахъ инковъ въ окрестностяхъ Трухильо и въ различныхъ другихъ мѣстностяхъ западнаго побережья Колумбіи и Чили [1]). Въ музеѣ Лимы находится найденное въ Перу весло, покрытое замѣчательною рѣзьбою самоанскаго типа.



Погребальная урна, найденная въ Тафи.
Обращаетъ на себя вниманіе изображеніе креста, которое несетъ фигура человѣка.

Именно по этому древнему морскому пути, которымъ не пользовались уже съ незапамятныхъ временъ, могли быть переданы и различные символическіе рисунки и скульптурныя изображенія, которыя по своему происхожденію пришли, повидимому, изъ Азіи,—таковы «svastica», не отличающіяся отъ индійскихъ и японскихъ; таково изображеніе «taïki», найденное въ развалинахъ Копана и представляющее собою идола, почитаемаго китайцами и изображающаго одновременно мужское

1) Philippe Salmon; Gabriel de Mortillet, Bulletin de la Soc. d'Anthropologie, 1897, p. 447 ss.

и женское начало, силу и матерію, дождь и молнію [1]). Какъ бы то ни было, несмотря на полное отсутствіе точныхъ историческихъ указаній и несмотря на то, что современные изслѣдователи доказали, что Мексика отнюдь не тождественна съ Фу-Саномъ китайскихъ лѣтописей, установлено все же прочно по предметамъ, найденнымъ при раскопкахъ, что были непосредственныя сношенія между областями крайняго Востока и таковыми крайняго Запада. Впрочемъ, гипотеза о переселеніи народовъ Европы и Азіи на западные материки отнюдь не изъ тѣхъ гипотезъ, которыя можно отбросить безъ особыхъ противъ нее доказательствъ, такъ какъ извѣстно, что въ теченіе четвертичной эпохи и вплоть до палеолитическаго періода континенты Стараго и Новаго Свѣта были между собою связаны. Сѣверный олень перешелъ черезъ этотъ перешеекъ, и пастушескія племена могли за нимъ послѣдовать [2]).



Церемоніальный сосудъ племени сіу для вызыванія дождя съ изображеніемъ креста.

Можно различить также головы мужчинъ и женщинъ племени нюз со лбомъ, окруженнымъ каплями дождя, насѣкомыхъ, которыхъ удается видѣть лишь въ дождливый періодъ, и, по всей вѣроятности, молніи.

Лѣтописи, найденныя кое-гдѣ, и воспоминанія, сохранившіяся у покоренныхъ европейцами обитателей Америки, позволили возстановить нѣкоторыя черты исторіи Новаго Свѣта до эпохи Колумба. Имѣются, впрочемъ, и указанія, вытекающія изъ географическихъ условій двойного континента Америки: степень цивилизаціи туземцевъ должна была соотвѣтствовать тѣмъ условіямъ среды, какія представляла природа страны, и была предначертана заранѣе на поверхности земли. Такимъ образомъ,

---

1) Adan Quiroga, «La Crus en America». — 2) Josef von Siemiradski. «Beiträge zur Ethnographie der südamerikanischen Indianer». Mitt. d. Anth. Ges. in Wien» t. XXVIII, p. 170; F. P. Moreno, Geographical Journal, II, p. 576.

напримѣръ, на прогалинахъ колоссальныхъ дѣвственныхъ лѣсовъ Амазонки, гдѣ естественные пути сообщенія почти невозможны благодаря болотамъ, зарослямъ ліанъ и топямъ, гдѣ можно путешествовать лишь по водѣ, и гдѣ человѣкъ можетъ питаться лишь довольно скудно и не побуждается притомъ природою къ усиленному труду для улучшенія своей жизни,—въ этихъ лѣсахъ не могло развиться никакой народности, великой своею численностью или высокой по умственному совершенству. Къ сѣверо-востоку и къ югу отъ этихъ обширныхъ лѣсныхъ пространствъ имѣются равнинныя области, также мало благопріятныя для зарожденія, роста и процвѣтанія народовъ,—это, съ одной стороны, «льяносы», съ другой—«пампасы»: пространства, находящіяся между рѣками и лишенныя необходимой влажности, гдѣ къ тому же отсутствіе животныхъ, пригодныхъ для прирученія—быковъ, овецъ, лошадей или верблюдовъ,—не позволяло даже возникнуть кочевымъ племенамъ, какъ въ равнинахъ Аравіи или Монголіи. Еще далѣе къ югу обширныя каменныя пустыни восточнаго склона Патагоніи содержали лишь рѣдкихъ обитателей, разсѣянныхъ въ областяхъ, гдѣ возможна была охота; около концевой части континента ледники, каменныя осыпи, крутыя скалы и лѣса должны были также значительно суживать земли въ общемъ очень скудныя, гдѣ туземцы вели жалкое существованіе. Такимъ образомъ, на огромномъ треугольномъ пространствѣ Южной Америки лишь нѣкоторыя горныя плато Андовъ, не загроможденныя снѣгами и лавами и не покрытыя непроходимыми лѣсами, и различныя области, лежавшія въ промежуткѣ между равниной и горами, были благопріятны для развитія культурныхъ племенъ и народностей благодаря хорошимъ условіямъ почвы и климата и достаточной обширности и связи между собою отдѣльныхъ частей территоріи.

Большіе и Малые Антильскіе острова представляютъ чрезвычайное разнообразіе формъ и соотвѣтственно съ тѣмъ и разнообразіе природныхъ условій, дѣлающихъ изъ острова или изъ той или другой его части мѣстность, въ которой пребываніе человѣка крайне тягостно или же, наоборотъ, чрезвычайно пріятно. Бо́льшая часть этихъ острововъ представляетъ собою настоящій рай, по красотѣ своихъ пейзажей, по обилію водъ и богатству растительности; при видѣ нѣкоторыхъ изъ Антильскихъ острововъ невольно спрашиваешь себя, не развертывается ли передъ глазами зрѣлище, самое красивое и замѣчательное на всей земной поверхности? Кромѣ красоты очертаній и обилія солнечнаго свѣта и тепла, на Антильскихъ островахъ человѣкъ располагаетъ еще моремъ, очень часто спокойнымъ и подвергающимся дѣйствію правильно чередующихся вѣтровъ,—такимъ образомъ, безо всякаго труда можно передвигаться съ острова на островъ, и именно такимъ образомъ могли между собою сталкиваться и взаимно обучать другъ друга люди

различныхъ расъ, попавшихъ на Антильскіе острова съ сѣвернаго



Деревня индѣйцевъ.
Изъ сочиненія XVI вѣка.

американскаго материка или съ перешейка, змѣею извивающагося на западѣ.

Къ сожалѣнію, именно этотъ свободный доступъ, благопріятство-

вавшій друзьямъ, позволялъ проникать также и врагамъ, и истребительныя войны нерѣдко разрушали то, что созидалось долгимъ трудомъ въ періоды мира; даже караибы-людоѣды, «каннибалы», которыхъ встрѣтилъ Колумбъ, и которые явились, по всей вѣроятности, изъ Южной Америки, гдѣ до сихъ поръ обитаетъ бо̀льшая часть представителей ихъ расы, устроились на восточныхъ берегахъ огромнаго острова Испаньолы.

Несмотря на нерѣдкія возвращенія ко временамъ варварства, обусловленныя жестокими войнами, здѣсь все же отъ соприкосновенія переселенцевъ, пришедшихъ изъ разныхъ странъ, имѣющихъ различныя условія жизни, могла возникать и возникла цивилизація. Тѣ скудныя подробности, которыя сообщаются первыми испанскими посѣтителями этихъ острововъ о нравахъ и умственномъ и нравственномъ развитіи туземцевъ Гаити и Кубы, все же достаточны для того, чтобы показать намъ, что эти островныя народности въ тѣ времена давно уже вышли изъ состоянія первобытнаго варварства; онѣ были даже по своей кротости, добротѣ, чувству справедливости несравненно выше той жестокой банды испанскихъ авантюристовъ, которая проникла на ихъ острова. Колумбъ разсказываетъ, что обитатели Гаити «любили своихъ ближнихъ какъ самихъ себя, и что при разговорѣ, всегда мягкомъ и любезномъ, они постоянно улыбались». Тѣмъ не менѣе, истребленіе этихъ обитателей, гибель ихъ въ рудникахъ, на плантаціяхъ и на постройкахъ, иногда даже преданіе ихъ на растерзаніе псамъ и въ то же время полная и жестокая индифферентность новыхъ пришельцевъ ко всему, что не касалось золота и не облегчало его добыванія, дѣйствовали столь совершенно, что до нашихъ временъ не дошло почти никакихъ свѣдѣній объ этихъ несчастныхъ антильскихъ народностяхъ. Менѣе чѣмъ въ полъ-столѣтія милліонное населеніе острововъ исчезло, и отъ него сохранились лишь отдѣльныя семьи, спрятавшіяся кое-гдѣ въ горныхъ убѣжищахъ [1]). Несчастья, какъ снѣгъ на голову свалившіяся на туземцевъ, были такъ велики, что на смерть они смотрѣли какъ на освобожденіе отъ страданій; чтобы умереть, они поѣдали землю или камни или же съѣдали маніокъ, не выдѣливъ изъ него его ядовитаго сока. Они умирали не столько отъ усталости и истощенія, сколько путемъ самоубійства. Женщины переставали рождать дѣтей или убивали свой плодъ, чтобы рабство прекратилось вмѣстѣ съ ними.

Тѣмъ не менѣе, раса, къ которой принадлежали обитатели Кубы, не была окончательно уничтожена благодаря тому, что она была распространена за предѣлами Антильскихъ острововъ, на самомъ континентѣ Америки. Туземцы майя, жившіе на четыреугольномъ полуостровѣ

---

1) Bart. de las Casas. «Destruction de las Indias».

Юкатанъ, принадлежали къ той же группѣ народностей, какъ и обитатели Кубы. Ихъ физическій типъ былъ такой же, они также обладали массивнымъ и плотнымъ тѣлосложеніемъ, широкимъ лицомъ, сильно наклоннымъ назадъ лбомъ, происходящимъ отъ тѣхъ особыхъ пріемовъ, которые въ раннемъ дѣтствѣ примѣняли матери для деформированія черепа; какъ разсказываютъ, они отличались также любовью къ спокойному труду и были мирнаго нрава. Они пользовались, однако, тѣмъ преимуществомъ, что были лучше защищены отъ иноземнаго вторженія. Они жили гораздо далѣе отъ Испаніи, чѣмъ ихъ собратья на Антильскихъ островахъ, обитали въ мѣстности низменной, окруженной рифами и подводными камнями; кромѣ того, на нихъ нельзя было напасть сразу со всѣхъ сторонъ, какъ на обитателей острововъ, и, въ случаѣ пораженія, имъ легко было бѣжать въ непроходимые лѣса внутренней части страны; помимо всего этого, испанскіе мореходы избѣгали въ теченіе многихъ десятилѣтій послѣ открытія Америки пускаться вглубь континента. Въ своей хорошо отграниченной родинѣ, на Юкатанѣ, майя, пользуясь совершеннымъ миромъ и спокойствіемъ, могли развивать свою культуру въ самомъ оригинальномъ направленіи и могли достигнуть высшей ступени, чѣмъ обитатели Кубы, хотя и эти послѣдніе, какъ разсказываютъ, были уже на очень высокой стадіи развитія. Будучи большими любителями мореплаванія, майя пуска-



Кортецъ даетъ рабовъ на растерзаніе псамъ.

лись далеко по морямъ на своихъ большихъ судахъ, которыя, въ случаѣ надобности, могли содержать цѣлое населеніе—поднять нѣсколько сотъ пассажировъ. Обыкновенно они жили въ «barahaques» или въ общественныхъ домахъ. Подобно китайцамъ, они пользовались при рыбной ловлѣ домашнимъ животнымъ, именно рыбою-прилипаломъ (Echeneis naucratis), которую привязывали къ веревкѣ и пускали въ море въ погоню за морскими черепахами; когда она присасывалась къ одной изъ жертвъ, ее втаскивали обратно въ лодку [1]).

Подобно южному материку, сѣверный американскій материкъ представлялъ страну, удобную для развитія и процвѣтанія цивилизаціи лишь на незначительной части своего протяженія. Побережье Гренландіи и берега полярнаго архипелага давали пріютъ лишь малочисленнымъ, разбросаннымъ на большомъ протяженіи рыбакамъ, и эти послѣдніе не могли бы даже противостоять неблагопріятнымъ условіямъ природы и погибали бы, если бы не поддерживали другъ друга своей чрезвычайно тѣсной солидарностью. Въ глубинѣ континента безконечныя обледенѣлыя равнины «дальняго сѣвера», на которыхъ не произрастаютъ даже и карликовыя деревца, посѣщаются, правда, немногочисленными племенами индѣйцевъ, живущихъ за счетъ домашнихъ оленей, питающихся мхомъ. Положительно надо почитать за чудо, что и въ этихъ столь холодныхъ странахъ, столь бѣдныхъ и лишенныхъ всякихъ источниковъ пищи, люди все же могутъ поддерживать свое существованіе! Подъ болѣе умѣренными широтами, гдѣ климатъ мягче, на материкѣ Сѣверной Америки также многія области неблагопріятны для жизни человѣка либо въ силу того, что покрыты трудно проходимыми болотами и имѣютъ низменные берега, какъ въ Сѣверной и Южной Каролинѣ, либо изъ-за обилія озеръ, которыя превращаютъ всю страну въ настоящій лабиринтъ, какъ нѣкоторыя части Канады, Мичигана и Висконсина, либо, наконецъ, изъ-за густоты лѣсовъ, какъ вся область рѣки Св. Лаврентія. Также и обширныя, почти безводныя равнины Запада могли служить пріютомъ развѣ лишь кочевникамъ-охотникамъ. То же можно сказать и о солончаковыхъ или покрытыхъ снѣгами пространствахъ Скалистыхъ горъ. Лишь рѣдки и немногочисленны были оазисы, гдѣ могли устроиться отдѣльныя народности, неспособныя нигдѣ сформироваться въ сильную націю.

Какъ свидѣтельствуетъ уже карта современной густоты населенія Сѣверной Америки, поверхность всѣхъ тѣхъ различныхъ областей, гдѣ обитатели пользовались условіями почвы и климата, благопріятными для своего развитія, можно опредѣлить въ одну треть поверхности Соединенныхъ Штатовъ, но, помимо того, было и еще одно необходимое

---

1) Felipe Poey. «Memorias sobre la historia natural de la Isla de Cuba».

для развитія условіе—именно, чтобы не было постоянныхъ и непрерывныхъ войнъ, которыя вели ко взаимному истребленію. Изъ всѣхъ племенъ краснокожихъ индѣйцевъ самыми счастливыми племенами, по-

№ 386. Распредѣленіе населенія въ Сѣверной Америкѣ.



видимому, были тѣ, которыя обитали по берегамъ обильныхъ рыбою заливовъ, тогда какъ охотничьи племена, обитавшія въ лѣсахъ, гдѣ необходимая для ихъ жизни пища была не въ такомъ изобиліи, нерѣдко вступали въ кровавую борьбу между собою, особенно въ пограничныхъ областяхъ занимаемыхъ ими территорій. Войны, уничтоженіе цѣлыхъ деревень и дальнія переселенія, имѣвшія своимъ слѣдствіемъ растрату

силъ и регрессъ цивилизаціи, были событіями самыми обычными въ исторіи американскаго материка до его открытія европейцами, тѣмъ не менѣе, многія мѣстныя учрежденія, сохранившіяся послѣ гибели народностей, равно какъ и многіе разсказы, пословицы и пѣсни, показываютъ намъ, что въ умственномъ отношеніи туземцы достигли тогда уже чрезвычайной высоты мысли и имѣли глубокое знакомство съ общечеловѣческими страстями. Въ этомъ отношеніи ни одна этническая группа не представляетъ бо́льшаго интереса, какъ именно группа американскихъ индѣйцевъ, которую сѣверо-американскіе соціологи окрестили «америндійской»,—названіе это, впрочемъ, столько неуклюже, что едва ли удержится въ научной терминологіи.

На сѣверномъ континентѣ Новаго Свѣта наиболѣе типичная цивилизація выработалась въ средѣ мексиканскаго народа, обитавшаго на томъ плоскогоріи, которое по имени части своей называется и во всемъ своемъ цѣломъ плато Анагуакъ,—эта область представляетъ собою рѣзко выраженную географическую единицу, черты природы которой содѣйствуютъ пониманію судебъ населяющей ее народности. Около ея южнаго края плоскогоріе это поднимается стѣною и обладаетъ склонами, по которымъ подняться очень трудно; склоны эти, выходя отъ береговъ моря, достигаютъ линіи снѣговъ и по нимъ вырисовываются въ видѣ разно окрашенныхъ полосъ области съ различными климатами въ связи съ различною высотою. Въ результатѣ обитатели плоскогорія, живущіе на немъ какъ въ крѣпости съ высокими стѣнами, могли не опасаться нападеній племенъ, обитающихъ въ ниже расположенныхъ зонахъ. Прежде всего они значительно превосходили эти племена своей численностью, благодаря превосходству своей почвы и климата и возможности всюду заниматься земледѣліемъ; большая густота населенія позволила возникнуть крупнымъ городамъ съ промышленнымъ населеніемъ, способнымъ ко всевозможнымъ техническимъ работамъ и, между прочимъ, къ выработкѣ орудій защиты; между тѣмъ племена, разсѣянныя въ болѣе жаркихъ областяхъ побережья и не имѣющія надобности усиленно работать для добыванія своего хлѣба насущнаго, оставались въ состояніи первобытной умственной лѣни и не могли и думать о томъ, чтобы подняться на плоскогорія и напасть на его защитниковъ. Такимъ образомъ, когда испанцы-завоеватели поднялись на плато, находясь въ особо благопріятныхъ для борьбы условіяхъ, такъ какъ располагали для нападенія лошадьми и огнестрѣльнымъ оружіемъ, они нашли, что имперія Монтезумы, возникшая въ замкнутомъ бассейнѣ Мексики, занимала уже обширное пространство вплоть до склоновъ, направленныхъ къ обоимъ морямъ; иниціатива завоеванія всей этой области принадлежала горнымъ жителямъ, совершенно подобно тому, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Андовъ, Гималаевъ и Альповъ.

Правда, съ сѣверной стороны плоскогорье Мексики, замкнутое между двумя цѣпями горъ, изъ которыхъ одна тянется вдоль побережья Тихаго океана, другая по берегу Мексиканскаго залива, открывается

№ 387. Плато Анагуакъ.



широко въ долину Ріо-Гранде. Въ этомъ направленіи рельефъ поверхности не представляетъ никакихъ препятствій для переселенія народовъ и для движенія завоевателей, вслѣдствіе чего сходство во внѣшнихъ чертахъ и въ нравахъ свидѣтельствуетъ о родствѣ народностей. Не

подлежитъ сомнѣнію, что этническія переселенія дѣйствительно совершались по направленію отъ сѣвера къ югу, отъ долинъ Миссиссиппи къ широкой воронкѣ, представляемой плоскогорьемъ Мексики, постепенно суживающимся къ юго-востоку (Банделье). Въ предшествующія времена, когда ледники Скалистыхъ горъ и другихъ горныхъ системъ страны наполняли водою озера долинъ и давали отъ себя во всѣ стороны огромное количество потоковъ и рѣкъ, пространства, въ настоящее время сухія и пустынныя, которыя отдѣляютъ Далекій Западъ американцевъ отъ плоскогорія Анагуакъ съ его умѣреннымъ климатомъ, являлись одною изъ наиболѣе пріятныхъ областей на земномъ шарѣ, и переселяющіяся народности могли совершенно легко передвигаться здѣсь. Именно въ эти времена долженъ былъ произойти обмѣнъ цивилизацій между обитателями береговъ Миссиссиппи и жителями высокихъ южныхъ плоскогорій, отдѣленныхъ въ настоящее время пустынями съ чрезвычайно рѣдкимъ населеніемъ. Постепенное распространеніе пустыни обусловило болѣе или менѣе полную этническую изоляцію мексиканскаго плоскогорія, и это позволило обитателямъ послѣдняго развиваться въ совершенно оригинальномъ, свойственномъ имъ въ первобытныя времена направленіи.

Контрастъ, существующій между двумя концевыми частями Мексики, изъ коихъ одна возвышается въ видѣ неприступной крѣпости надъ густыми лѣсами, покрывающими перешеекъ Техуантепекъ, другая же переходитъ въ безплодныя равнины, проявляется также, лишь въ другой формѣ, и между обоими побережьями: восточнымъ, направленнымъ къ Мексиканскому заливу, и западнымъ, обращеннымъ къ Тихому океану. Восточный берегъ представляетъ собою обширный полукругъ, ограничивающій замкнутое море; это внутреннее море замыкается песчаными и иловатыми берегами Техаса, вѣерообразно расходящимися устьями Миссиссиппи, коралловыми рифами Флориды, «птичьимъ языкомъ», которымъ оканчивается островъ Кубы, и, наконецъ, четырехугольной массой полуострова Юкатана,—со внѣшними водами, съ Антильскимъ моремъ и съ Атлантическимъ океаномъ, оно сообщается лишь двумя широкими рукавами. Вогнутость мексиканскаго побережья образуетъ естественную точку схожденія для всѣхъ мореплавателей окружающихъ береговъ: именно чрезъ эти естественныя ворота проникали въ страну всѣ вліянія внѣшней цивилизаціи—изъ Юкатана, изъ Флориды, съ Антильскихъ острововъ и, въ концѣ концовъ, изъ Европы.

Западное побережье Мексики, наоборотъ, округляется въ длинную выпуклую линію, направленную къ безграничному океану. Вплоть до эпохи великихъ морскихъ путешествій, которыя какъ бы уменьшили земной шаръ, эта часть океаническаго побережья должна была оставаться совершенно пустынной и лишенной какихъ-либо иныхъ сношеній, кромѣ

мелкой каботажной торговли отъ одного залива до другого. Будучи защищенъ отъ теченій открытаго океана полуостровомъ Калифорніи, который выдается какъ огромный волнорѣзъ въ 1000 километровъ длиною, берегъ этотъ не могъ являться мѣстомъ причала захваченныхъ вѣтрами судовъ японцевъ или полинезійцевъ: скорѣе къ сѣверу отъ



Различные способы переправы индѣйцевъ черезъ рѣки.
По сочиненію XVI вѣка.

Мексики, въ области сѣверной Калифорніи, или же къ югу отъ нея, по чилійскому побережью, могли происходить подобныя высадки потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, дававшія возможность соприкосновенія и смѣшенія народностей. Сомнительно даже, чтобы мексиканцы прежнихъ эпохъ были знакомы съ вулканическими островами Ревилья Гигедо, поднимающимися въ видѣ скалъ въ 600 километрахъ къ западу отъ берега. Также и по сушѣ переселеніе народовъ и международныя сношенія могли совершаться вдоль выпуклаго берега западной Мексики лишь съ большою медленностью, вслѣдствіе отсутствія какого-либо естественнаго пути, связывающаго между собою рѣчныя долины: во многихъ

мѣстностяхъ сообщеніе крайне затруднялось потоками лавы, безводными пространствами и крутыми мысами.

Дѣло завоеванія Мексики, Колумбіи и Перу испанцами облегчалось въ извѣстной степени политическимъ и соціальнымъ положеніемъ народностей этихъ странъ, — онѣ находились въ стадіи несомнѣннаго регресса; испанцы, конечно, были бы принуждены относиться къ нимъ съ бо́льшимъ уваженіемъ, если бы они сохранили, подобно арауканамъ, ихъ первоначальную энергію и личную иниціативу. Мексиканцы сами сознавали, что переживаютъ эпоху упадка, такъ какъ разсказывали о золотомъ вѣкѣ, въ теченіе котораго науки, искусства и техника достигали у нихъ замѣчательнаго процвѣтанія. Они сами говорили, что обезсилѣли, но, вѣроятно, не видѣли истинныхъ причинъ: между тѣмъ въ Новомъ Свѣтѣ наблюдалась эволюція, совершенно аналогичная той, которая совершилась въ Европѣ; паразитирующіе классы свѣтскихъ и духовныхъ властителей, нерѣдко находившіеся въ борьбѣ между собою за власть, но еще чаще соединявшіеся противъ народа и доводившіе его до состоянія полнаго рабства, почти довели до конца это дѣло полнаго порабощенія народа, и личная иниціатива отдѣльныхъ представителей послѣдняго исчезла: подданные превратились въ безвольную толпу, не имѣющую никакой силы сопротивленія, не имѣющую достаточно энергіи и силы, чтобы отбросить въ море этихъ внезапно на нихъ нагрянувшихъ «сыновъ океана»; у нихъ едва хватало силы на то, чтобы высказывать свое удивленіе при видѣ чужеземцевъ съ кожею болѣе свѣтло окрашенною, чѣмъ ихъ собственная, совершенно иначе одѣтыхъ и мечущихъ пламя и смерть изъ желѣзныхъ трубъ.

Тѣмъ не менѣе, Фердинанду Кортецу потребовалось два года чрезвычайныхъ усилій, чтобы сломить сопротивленіе Мексики. Когда онъ высадился въ 1519 г. около того мѣста, гдѣ имъ былъ основанъ городъ Вера-Круцъ, съ нимъ было не болѣе 500 человѣкъ, но ему не приходилось бороться съ огромными арміями и удавалось легко одерживать мелкія побѣды надъ касиками, преграждавшими ему путь; затѣмъ онъ усиливалъ свои войска побѣжденными индѣйцами, которые соглашались слѣдовать за нимъ; въ особенности помогли ему независимыя племена, возстававшія противъ ацтековъ, которые ихъ угнетали. Неоднократно ему удавалось также увеличивать ряды своихъ войскъ сотнями испанскихъ солдатъ, которыя посылалъ противъ него самого его врагъ и соперникъ, губернаторъ Кубы, Веласкецъ. Наконецъ, больше путемъ коварства, чѣмъ храбростью и силой, Кортецъ захватилъ повелителя мексиканцевъ, Монтезуму, и сталъ управлять отъ его имени, заставляя его издавать указы о полномъ подчиненіи страны императору Карлу V и объ уплатѣ огромныхъ податей. Слишкомъ поторопившись, однако, насладиться своей побѣдой, завоеватели и не умѣли и не желали

вступать съ народомъ въ соглашеніе и однажды, въ одну «печальную ночь», когда имъ приходилось выступать изъ расположеннаго на остро-

№ 388. Городъ Тенохтитланъ и его лагуна.



вахъ города Тенохтитланъ, современнаго города Мексика, и переходить со всѣмъ ихъ грузомъ, лошадьми и пушками по узкой дорогѣ, перерѣзанной мостами, связывающими городъ съ твердою землею, на нихъ

внезапно напали мексиканцы, и они думали уже, что настал ихъ послѣдній часъ. У тѣхъ, кому удалось убѣжать, сложилась подъ вліяніемъ галлюцинаціи, вызванной страхомъ, легенда, будто сама Матерь Божія и св. Яковъ Компостелльскій вырвали у невѣрныхъ знамя Кастиліи и Леона и привели испанцевъ на материкъ, гдѣ они стали затѣмъ подготавливать новый походъ для обратнаго завоеванія отпавшаго отъ нихъ города.

Въ 1521 г. испанская власть была окончательно утверждена на плато Анагуакъ: всѣ ацтеки и другія туземныя племена были покорены, и, въ силу этого самаго, предположительно сдѣлались христіанами; Кортецъ во время своего побѣдоноснаго шествія обращалъ въ христіанство всѣхъ язычниковъ, встрѣчаемыхъ по пути, заставляя ихъ преклонять колѣна предъ крестомъ и изображеніями Дѣвы Маріи [1]). Впрочемъ, эта предварительная церемонія вовсе не была обязательной для массоваго обращенія въ христіанство язычниковъ—достаточно было, если эти послѣдніе признавали надъ собою испанскую власть. Тогда монахъ, вооруженный крестомъ, произносилъ нѣсколько латинскихъ словъ надъ толпою туземцевъ, затѣмъ чиновникъ прочитывалъ оффиціальный документъ, едва понятный даже и самимъ испанцамъ,—этимъ документомъ во владѣніе «католическаго короля», въ его законную и священную собственность принимались огромныя неизслѣдованныя пространства. Этимъ вся церемонія и ограничивалась и, начиная съ этого момента, духовенство могло объявлять отпавшими отъ церкви индѣйцевъ, которые не соблюдали положенныхъ обрядовъ, и испанскіе солдаты, сдѣлавшись служителями Священной Коллегіи, получали право воровать и грабить,



Каменный календарь мексиканцевъ.

[1]) Barnal Diaz del Castillo.

умерщвлять и предавать мученіямъ. Въ концѣ концовъ, довольствовались даже фиктивнымъ изображеніемъ публичной церемоніи, символизирующей побѣду и обращеніе въ христіанство. Такъ, въ 1538 г. монахъ Маркосъ де Ница, который первымъ поднялся на гору, откуда вдали были замѣтны деревни таинственной страны Цибола, лежавшей къ сѣверу отъ Ріо-Гранде, подобралъ наскоро нѣсколько камней, составилъ изъ нихъ крестъ, чтобы взять въ оффиціальное владѣніе это «новое



Камень для жертвоприношеній мексиканцевъ.

королевство св. Франциска», соотвѣтствующее современной Новой Мексикѣ и Аризонѣ. Затѣмъ тотчасъ же онъ обратился въ бѣгство, «имѣя въ сердцѣ своемъ больше страха, чѣмъ въ сумкѣ съѣстныхъ припасовъ», какъ онъ самъ объ этомъ разсказываетъ [1]).

Желаемое испанцами обращеніе въ христіанство совершалось, однако, съ тѣмъ большею быстротою, что туземцы съ давнихъ поръ жили въ области религіозныхъ галлюцинацій, не удивлялись никакимъ чудесамъ и съ удовольствіемъ преклонялись предъ всѣми новыми идолами съ такою же точно вѣрою, съ какой они поклонялись своимъ прежнимъ. Испанцы, желая заставить индѣйцевъ думать, что бѣлые—

1) A. F. Bandelier. «Mémoires divers»; F.-W. Hadge. The American Anthropologist, april 1895, vol. VIII, № 2.

существа безсмертныя,—въ чемъ, впрочемъ, вполнѣ могли разубѣдить тѣхъ многочисленные испанскіе трупы, остававшіеся на полѣ сраженія,—остерегались выставлять на показъ распятія [1]) и чаще выставляли статуи Дѣвы Маріи или «Великой Женщины»—Теглецигуата; позднѣе, даже еще во времена войнъ за независимость Мексики, она сдѣлалась покровительницей мексиканскаго народа, подъ наименованіемъ Божьей Матери Гваделупской.

Съ точки зрѣнія религіозной, ацтеки и другіе туземцы Мексики были достаточно знакомы съ ужасами человѣческихъ жертвоприношеній, чтобы принять безо всякаго изумленія догматы и обряды христіанской религіи. Обряды, введенные здѣсь жрецами и соблюдавшіеся ими, въ этомъ державшемся однимъ лишь страхомъ царствѣ, со все большею и большею суровостью, были столь жестоки, что едва можно себѣ это представить. Даже мука, приносимая въ жертву богамъ, должна была быть напитана кровью дѣвственницъ и дѣтей, умершихъ отъ ужаса; страшное божество Гуйцилопуцли не принимало никакихъ другихъ жертвъ, кромѣ человѣческихъ сердецъ, и требовало ихъ тысячи: умерщвленіе людей, которымъ занимались жрецы-«живодеры», одѣтые въ обмазанныя кровью шкуры, совершалось непрерывно на настоящихъ человѣческихъ бойняхъ. Чтобы поддерживать эти убійства, чтобы добывать количество жертвъ, достаточное для всѣхъ празднествъ, чтобы орошать стѣны храмовъ кровью плѣнниковъ, объявлялись особыя «священныя войны», и побѣжденные должны бывали по договору доставлять огромное число жертвъ. У мексиканцевъ также была своя евхаристія: они поѣдали мясо тѣхъ, кого дѣлали своими богами.

Во всякомъ случаѣ, инквизиція, по сравненію съ этимъ режимомъ, должна была показаться новымъ сыновьямъ Церкви мягкой и милостивой. Если населеніе Мексики значительно уменьшилось, то, надо думать, тому были причиной прежде всего ужасы рабства. Оффиціально индѣйцы не могли быть обращаемы въ рабство, такъ какъ они поторопились стать христіанами, войти въ лоно всемірной католической Церкви, но на дѣлѣ съ ними обращались болѣе жестоко, чѣмъ съ неграми, такъ какъ они были слабѣе. Раздѣленіе страны на обширныя области, которыя королемъ предоставлялись во владѣніе гражданскимъ и духовнымъ лицамъ, повлекло за собою раздѣленіе народа на группы каторжниковъ, присужденныхъ къ труду на своихъ господъ; кромѣ того, заразныя болѣзни, принесенныя изъ Европы, губили ихъ цѣлыми деревнями, иногда даже цѣлыми округами. Чистая туземная раса, повидимому, была осуждена на полное исчезновеніе и сохранилась, дѣйствительно, лишь въ отдаленныхъ мѣстностяхъ страны. Среди мѣстныхъ

1) Remesal.—Aubin. «Mémoire sur la Peinture didactique».

цивилизацій, которыя угасли почти окончательно, слѣдуетъ упомянуть цивилизацію запотековъ, безсмертныхъ строителей террасъ,—ими были превращены въ платформы и пирамиды цѣлыя горы, на поверхности многихъ квадратныхъ километровъ,—это были замѣчательные строители дворца Митла, которые своимъ архитектурнымъ искусствомъ могли поспорить съ наилучшими архитекторами Греціи и Рима, въ особенности своимъ умѣньемъ обрабатывать камень и строить изъ него [1]); теперь черезъ четыре вѣка послѣ вторженія разорителей, мы открываемъ съ изумленіемъ великолѣпныя развалины, покрытыя іероглифами и замѣчательными украшеніями [2]). Плато Анагуакъ совершенно лишилось бы своего населенія, если бы испанскіе колонисты, въ подражаніе Кортецу и другимъ конквистадорамъ, не брали себѣ въ жены индіанокъ, и если бы, такимъ образомъ, народность чистаго происхожденія не превращалась въ метисовъ со смѣшанною кровью, имѣющихъ связь и съ мѣстною расою и съ испанскою, которая сама по себѣ является результатомъ смѣшенія столь многихъ этническихъ элементовъ.



Скульптурныя украшенія дворца въ Уксмалѣ.

Длина стѣны достигаетъ 221 метра, стѣна состоитъ изъ 2000 камней, размѣрами 15×30 сант.

Эти соединенія двухъ расъ содѣйствовали въ значительной степени сохраненію древнихъ легендъ и возстановленію національныхъ преданій, сохранявшихся съ давнихъ поръ, предшествовавшихъ завоеванію страны

1) Viollet le Duc; Charney. «Cités et Ruines americaines».—2) W. H. Holmes. «Archeological Studies among the ancient Cities of Mexico».

европейцами болѣе чѣмъ на тысячелѣтіе. Уже въ эту эпоху мексиканцы, или ацтеки, племени «нахуатль», жившаго въ Центральной Америкѣ, образовывали вполнѣ выраженную націю, обладающую самосознаніемъ и достигшую единства цивилизаціи, которое соотвѣтствовало вполнѣ географическому единству плоскогорія Анагуакъ. Прогрессъ умственнаго развитія обитателей шелъ по чрезвычайно оригинальному пути, безо всякаго вмѣшательства вліяній изъ Азіи, выдуманныхъ многими авторами [1]). Мексиканцы не только знали ремесла, которыя обозначаютъ всюду начало цивилизаціи, но у нихъ были развиты и искусства, архитектура, живопись, скульптура, и даже именно подъ наименованіемъ «тольтековъ» или «тольтекатль», т.-е. художниковъ, было извѣстно одно изъ ихъ племенъ, обладавшее между VII и XI вѣками наибольшимъ могуществомъ среди всей народности нахуа мексиканскаго плоскогорія. Нарѣчіе нахуатль, на которомъ и въ настоящее время говорятъ въ Мексикѣ, соединяя его съ испанскимъ, потеряло теперь большинство словъ древняго литературнаго языка; но оно все же свидѣтельствуетъ своимъ чрезвычайнымъ богатствомъ выраженій, употребляемыхъ для обозначенія отвлеченныхъ предметовъ, объ очень высокомъ умственномъ развитіи, какого достигала прежде мексиканская народность. Тогда какъ почти во всѣхъ новооткрытыхъ странахъ переводчики Библіи, «Подражанія Іисусу Христу» и другихъ мистическихъ сочиненій испытывали чрезвычайное затрудненіе при воспроизведеніи на иностранномъ языкѣ смысла оригинала, они безо всякой трудности переводили эти сочиненія на языкѣ ацтековъ. Если у мексиканцевъ и не было настоящаго скорописнаго письма, то они, тѣмъ не менѣе, передавали прекрасно всѣ свои мысли при помощи іероглифовъ, рисовавшихся на листьяхъ дерева магей или какого-либо другого «бумажнаго» дерева, вырѣзывавшихся на деревѣ или высѣкавшихся на камнѣ; они рисовали также географическія карты и карты звѣзднаго неба. Будучи искусными астрономами, какъ о томъ свидѣтельствуютъ камни, сохранившіеся въ соборѣ города Мексики, и сочиненія ихъ, хранящіяся въ Дрезденѣ, ацтеки и майя раздѣляли годъ на 18 мѣсяцевъ по двадцати дней, къ которымъ добавляли пять допол-



Пирамида на сѣверо-восточной сторонѣ Юкатана.

1) Cyrus Thomas, Alfred Chavers etc.

нительныхъ дней и 12 или 13 дней, въ зависимости отъ вычисленій въ теченіе каждаго цикла изъ 52 лѣтъ, разсматривавшагося какъ нормальный періодъ жизни человѣка. Въ мексиканскомъ музеѣ хранится высѣченный изъ камня календарь, являющійся однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ древней цивилизаціи. Что касается зданій, воздвигнутыхъ ацтеками, то всѣ они были разрушены, за исключеніемъ ступенчатыхъ пирамидъ, настоящихъ храмовъ солнца, вполнѣ сходныхъ съ таковыми



Холула. Пирамида, покрытая растительностью, съ церковью наверху.
Городъ Холула, у восточной подошвы горы Попокатепетль, былъ священнымъ городомъ плато Анагуакъ

Халдеи; многія изъ такихъ пирамидъ еще сохранились; но ихъ каменныя части разрушились, и въ настоящее время онѣ очень походятъ на естественные холмы съ широкимъ основаніемъ. Поля, деревья и на вершинѣ иногда католическія церкви заняли мѣсто древнихъ архитектурныхъ украшеній этихъ пирамидъ.

Майя были счастливѣе ацтековъ, такъ какъ, хотя политическія и религіозныя гоненія были направлены и противъ нихъ съ такою же силою, они сумѣли таковымъ противостоять и даже сохранили свои нравы, свою національность и свою независимость въ тѣхъ внутреннихъ частяхъ страны, гдѣ известняковое плоскогоріе Юкатана примыкаетъ къ покрытымъ лѣсомъ предгорьямъ главнаго хребта. Когда испанцы

явились на Юкатанъ или Майяпанъ—«землю майя», то эти послѣдніе, повидимому, не находились въ состояніи упадка, какъ мексиканцы

№ 389. Полуострова Юкатанъ и Гондурасъ.



1: 10 000 000

0 100 250 500 килом.

плоскогорья Анагуакъ. Они въ меньшей степени были подъ властью жрецовъ, не были знакомы съ кровавой религіей, любили веселыя празднества и жили мирно въ неукрѣпленныхъ городахъ, находясь въ

состоянії полнаго расцвѣта своей культуры и, безъ сомнѣнія, въ среднемъ превосходя своихъ палачей, «завоевателей» и инквизиторовъ,

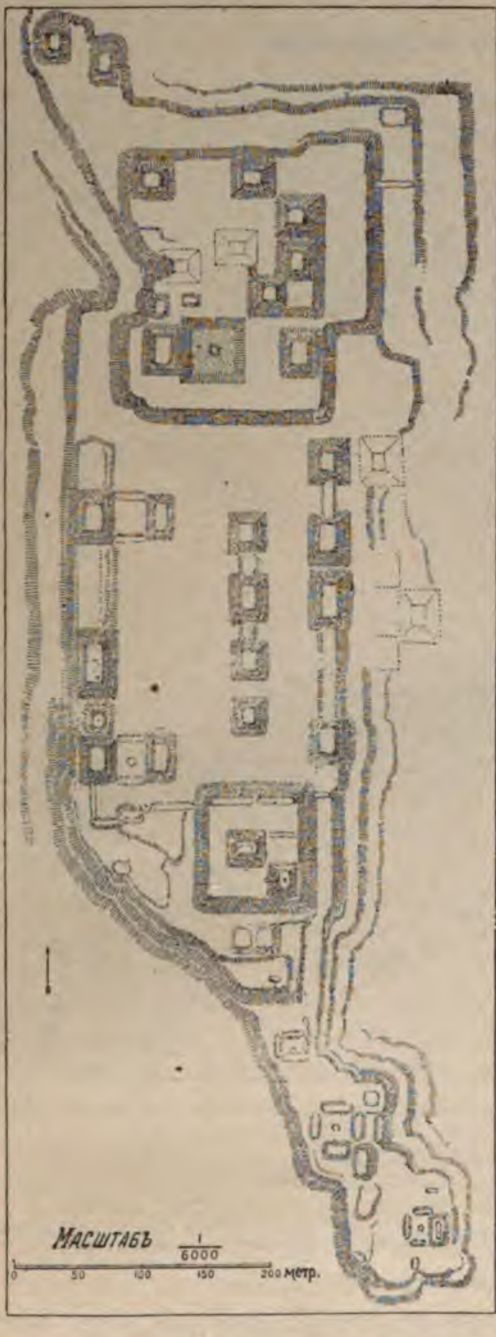
№ 390. Нарѣчія Центральной Америки.



Нахуатль, пипиль, тсопутека и никиранъ—языки, тѣсно родственные между собой, также какъ, съ другой стороны, тзенталь и тсоль. Каждая область соотвѣтствуетъ особому языку.

которые при первомъ своемъ появленіи разрушали города, разбивали скульптурныя произведенія и сжигали библіотеки. Они, впрочемъ, и

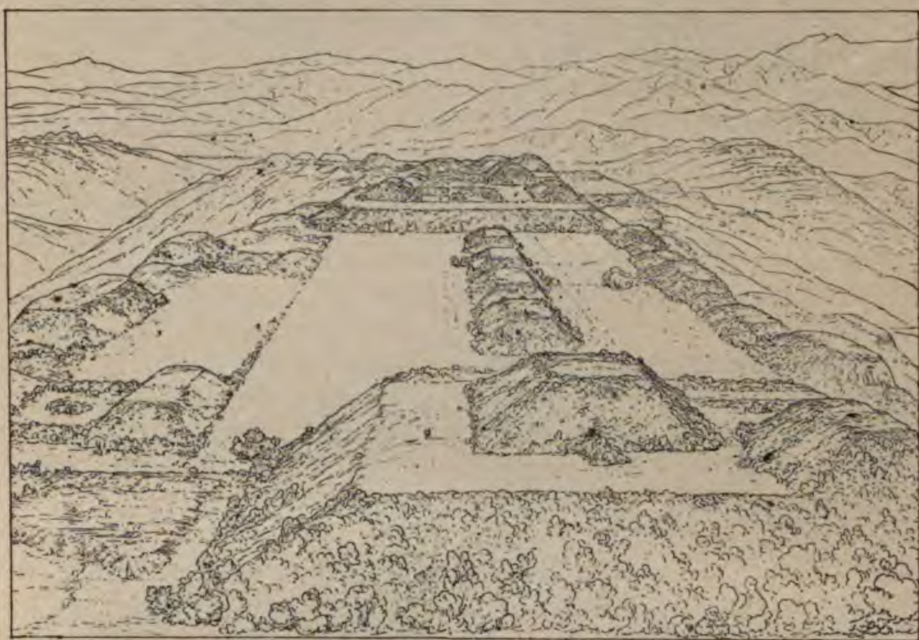
сохранились во многихъ отношеніяхъ въ качествѣ главенствующей расы, такъ какъ удержали свой языкъ и заставили говорить на немъ значительное большинство испанцевъ, сдѣлавшихся горожанами ихъ городовъ и землевладѣльцами. Около 60 городовъ сохраняютъ еще остатки храмовъ, пирамидъ и украшенныхъ скульптурою дворцовъ; многочисленныя дороги, которыя по постройкѣ не хуже римскихъ шоссе и нашихъ дорогъ, соединяли между собою торговые города, и въ музеяхъ хранятся до сихъ поръ замѣчательныя статуи, отличающіяся преувеличенными формами оригинальнаго типа древнихъ майя съ ихъ горбатымъ носомъ и сильно покатымъ назадъ лбомъ. Изъ всѣхъ сокровищъ древней цивилизаціи самымъ драгоцѣннымъ являются, однако, книги или полотна, покрытыя іероглифами, надъ дешифрированіемъ которыхъ работаютъ ученые Европы и Америки, примѣняя самые различные методы, но достигая пока лишь очень противорѣчивыхъ результатовъ. Эти драгоцѣнные документы, быть-можетъ, принесутъ впослѣдствіи еще не мало замѣчательныхъ открытій относительно первобытной исторіи американскихъ народностей.



Планъ Монте—Альбано.

Въ восточной и юго-восточной части Центральной

Америки туземцы, жившіе на узкой полоскѣ земли, извивающейся змѣею, не имѣли возможности развиться въ народности столь могущественныя, какъ ацтеки и майя. Тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что собратья ацтековъ, извѣстные въ Центральной Америкѣ подъ наименованіемъ «пипиль», равно какъ и «кихуэ» Гватемалы, родственные племени майя Юкатана, принимали участіе въ созданіи цивилизаціи мексикан-



Перспективный видъ работъ въ Монте-Альбано близъ Оаксака.
Точка, откуда снятъ этотъ видъ, отмѣчена на предыдущемъ планѣ крестикомъ.

цевъ и даже предшествовали первымъ. Тогда какъ народность нахуатль относится не ранѣе, какъ къ VI вѣку, одно красное дерево, выросшее на гватемальскихъ развалинахъ, позволило по своимъ кольцамъ нарастанія опредѣлить время ихъ постройки, по меньшей мѣрѣ, въ 1700 лѣтъ до нашего времени (П. Мужоль). Народность кихуэ оставила въ наслѣдство чрезвычайно цѣнное литературное сокровище «Пополь-Ву» или «Книгу исторіи», которую попытались перевести или скорѣе переложить на испанскій и французскій языкъ. До прибытія бѣлыхъ племена пипиль и кихуэ вели мирный образъ жизни одно рядомъ съ другимъ; они не образовывали многолюдныхъ группъ, а были разсѣяны по странѣ, причемъ каждая семья жила среди своихъ полей. Деревни образовались лишь съ того времени, когда революціи, массовыя убійства и войны

заставили обитателей позаботиться о своей защитѣ; массовое уничтоженіе туземцевъ, послѣдовавшее за прибытіемъ испанцевъ, имѣло мѣсто именно въ наиболѣе густо населенныхъ и наиболѣе цивилизованныхъ областяхъ, напримѣръ, въ Никарагуа, гдѣ земледѣльческое населеніе, уничтоживъ лѣса страны, тѣмъ самымъ лишило себя убѣжища.

Полуостровъ Никойя былъ настоящей границей между обоими континентами Америки; къ сѣверу отъ него археологи опредѣляли распространеніе цивилизаціи, родственной таковой мексиканскаго плоскогорья; начиная же съ южнаго склона вулкановъ Коста-Рики и по сосѣдству съ Панамскимъ перешейкомъ, приходится встрѣчать совершенно другую природу, новыя растенія, новыхъ животныхъ и другое населеніе: очевидно, вступаешь въ южно-американскіе дѣвственные лѣса [1]).

Въ Центральной Америкѣ, благодаря болѣе благопріятной внѣшней средѣ, избѣжали испанскаго истребленія тѣ индѣйцы, которые жили дикарями въ густыхъ лѣсахъ и горныхъ ущельяхъ. Въ настоящее время они называются обыкновенно «шонталами» или «тсондалами», причемъ это названіе отнюдь не объединяетъ какой-либо опредѣленной народности, но указываетъ лишь на независимый образъ жизни внѣ какихъ-либо притѣсненій бѣлолицыхъ властителей или метисовъ. Культурные индѣйцы, принадлежавшіе къ народностямъ кихуэ и майя, избѣжали истребленія и притѣсненій испанцевъ лишь въ округѣ, называемомъ Вера-Пасъ или «истинный міръ»,—миссіонеры-доминиканцы получили отъ Карла V исключительное право проповѣдывать тамъ и проникали въ страну безъ всякаго оружія, не допуская туда ни чиновниковъ, ни солдатъ въ теченіе пяти лѣтъ. Благодаря этому населеніе не было истреблено,— оно осталось въ живыхъ, но было въ такой степени угнетено, такъ обѣднѣло въ умственномъ отношеніи, настолько потеряло всякую иниціативу, что въ настоящій моментъ представляетъ собою самую бѣдную и во всѣхъ отношеніяхъ самую отсталую часть населенія Гватемальской республики. Основаніе Вера-Пасъ свидѣтельствуетъ о постоянномъ соперничествѣ изъ-за власти между элементомъ военнымъ и духовенствомъ и напоминаетъ въ маломъ размѣрѣ то, что совершалось въ болѣе широкомъ масштабѣ и съ аналогичными результатами въ Южной Америкѣ по берегамъ рѣкъ Параны и Парагвая.

Подобно Центральной Америкѣ, Новая Гренада, находящаяся въ сѣверо-западномъ углу южнаго американскаго континента, лишена обширныхъ плоскогорій съ однообразными климатическими условіями, гдѣ могла бы развиться великая народность, которая распространяла бы свое вліяніе и высокую духовную культуру на окрестныя страны. Страна

---

1) Pittier; Sapper; Seler, Globus, 14 avril 1904.

эта раздѣляется высокими цѣпями горъ на многочисленныя отдѣльныя географическія единицы, находящіяся между собою въ слабой связи, и

№ 391. Новая Гренада и Эквадоръ.



потому и въ политическомъ отношеніи должна была быть раздѣлена между различными народностями, знакомыми между собой лишь по наслышкѣ. Тѣмъ не менѣе, испанцы, которыхъ сюда завлекла жажда золота, и которыхъ она же заставила положительно чудеснымъ образомъ

завоевать страну, нашли почти всюду населеніе, уже хорошо знакомое съ ремеслами и съ искусствами; у всѣхъ племенъ имѣлись свои горшечники и ткачи, свои красильщики и каменщики, свои художники, архитекторы и врачи. Превосходныя мощеныя дороги, остатки которыхъ сохранились еще и до сихъ поръ и приводятъ насъ въ изумленіе своей работою, были проведены по самымъ крутымъ горамъ тамъ, гдѣ теперь рѣдкое и малочисленное населеніе, разсѣянное по горнымъ долинамъ, довольствуется узкими тропинками, проложенными чрезъ лѣса.

Обитатели современной Колумбіи имѣютъ своими главнѣйшими предками не испанскихъ выходцевъ, явившихся сюда въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій, а туземцевъ индѣйской расы, представленныхъ въ до-историческія времена народомъ «муйска», который на языкѣ, употреблявшемся еще въ XVIII вѣкѣ, назывался также народомъ «шипша»,—современные лингвисты составили грамматику и лексиконъ словъ этого языка. Подобно тому, какъ и въ другихъ завоеванныхъ странахъ, здѣсь произошло въ періодъ измѣненія режима въ странѣ жесточайшее истребленіе туземнаго населенія; но какъ оно ни было ужасно, все еще вопросъ, не была ли та дегенерировавшая цивилизація, которой положило конецъ вторженіе испанцевъ, еще болѣе печальной,—дѣло въ томъ, что муйска достигли полнаго моральнаго разложенія и совершеннаго безсилія вслѣдствіе абсолютнаго подчиненія народа жрецамъ и королямъ. Народъ только и зналъ, что трепетать предъ своими повелителями и имъ во всемъ повиноваться; онъ какъ бы застылъ въ своей древней цивилизаціи, и всякое дальнѣйшее развитіе стало для него немыслимо. Его дѣятельность за предѣлами домашней жизни ограничивалась почти исключительно высѣканіемъ изъ камня чудовищныхъ идоловъ и изготовленіемъ изъ золота и изъ твердыхъ каменныхъ породъ человѣческихъ фигурокъ и другихъ символическихъ предметовъ, которыхъ теперь тысячи можно найти въ музеяхъ и въ коллекціяхъ частныхъ лицъ. Во всякомъ случаѣ, гибель многихъ мелкихъ государствъ муйска и другихъ племенъ совпадаетъ съ прибытіемъ нѣкоторыхъ новыхъ этническихъ элементовъ, которые принесли съ собою необходимую для прогресса народности инициативу. Такъ, напримѣръ, такъ называемые «антрооквенісы» или потомки испанскихъ метисовъ, которые заняли высоты, расположенныя между глубокими долинами рѣки Магдалены и долиною рѣки Каука, фактически возстановили силы народности. Преданіе гласитъ, что они произошли отъ бѣглецовъ евреевъ и мавровъ, которые въ первыя времена испанскаго завоеванія искали въ добровольномъ изгнаніи защиты отъ преслѣдованій; сами они утверждаютъ, что произошли отъ басковъ. Быть-можетъ, обѣ эти версіи заключаютъ въ себѣ частицу истины. Какъ бы то ни было, мелкіе торговцы и ремесленники антіоквеньосы, встрѣчаемые во всѣхъ частяхъ

республики, вполнѣ оправдываютъ репутацію трудолюбія и большихъ способностей, составившуюся о народности, къ которой они принадлежатъ.

№ 392. Плоскогорія Перу царство инковъ.



1: 20 000 000

0 250 500 1000 килом.

Въ географическомъ смыслѣ система Андовъ представляетъ собою систему тянущихся съ сѣвера на югъ плоскогорій, напоминающихъ по

своей природѣ высокое плато Анагуакъ, но въ значительно болѣе крупномъ масштабѣ. Отъ колумбійскаго массива де Пасто до плато массива Аконквія въ Аргентинской республикѣ, на протяженіи около 4000 километровъ, Анды тянутся параллельными цѣпями въ два или три ряда, рѣзко ограничивая высокія плоскогорія, климатъ которыхъ не настолько холоденъ, чтобы быть неблагопріятнымъ для жизни человѣка; почва здѣсь плодородна, и пути сообщенія, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и затруднительны, все же гораздо легче, чѣмъ среди огромныхъ лѣсовъ восточныхъ склоновъ, направленныхъ къ рѣкамъ системы Амазонки. Длинная полоса земли, ограниченная горными хребтами, является, правда, довольно узкою въ своей сѣверной части, но въ центральной части, въ областяхъ, образующихъ современное южное Перу и Боливію, она имѣетъ не менѣе 400—500 километровъ въ ширину, такъ что устроившаяся на этихъ высотахъ народность располагаетъ достаточно обширнымъ пространствомъ, служащимъ точкою отправленія, откуда можетъ распространять свое вліяніе и поддерживать въ то же время извѣстное однообразіе на обширной занимаемой ею области.



Украшеніе на воротахъ изъ монолита въ Тіагуанако.

До прихода испанцевъ, въ первой половинѣ XVI вѣка, дѣйствительно, на этой полосѣ земли, лежащей между цѣпями Андовъ, существовала могущественная имперія, и, несмотря на то, что, благодаря недостаткамъ своей внутренней организаціи, она была слаба, пространство, которое она занимала, значительно превышало владѣнія самыхъ крупныхъ европейскихъ державъ. Въ эпоху своего неоспоримаго могущества государство Тлахуанти-Суйю или «царство четырехъ частей свѣта», управлявшееся династіей «инковъ», заходило далеко за предѣлы высокихъ плоскогорій, спускаясь на западъ и на востокъ по обоимъ

склонамъ: со стороны океана оно достигало берега, вдоль по которому тянулся рядъ крупныхъ городовъ, связанныхъ между собою судоходствомъ, совершавшимся на очень прочныхъ плотахъ, снабженныхъ двумя мачтами. Даже въ открытомъ морѣ, въ тысячѣ километровъ отъ



Ворота изъ монолита въ Тіагуанако.
Тіагуанако находится въ 20 километрахъ южнѣе озера Титикака.

континента, инки завладѣли архипелагомъ Галапагосскихъ острововъ. По восточнымъ склонамъ Андовъ безконечныя заросли дѣвственнаго непроницаемаго лѣса ограничивали имперію инковъ, и ея вліяніе гораздо сильнѣе западныхъ пустынь побережья, которыя кое-гдѣ прерывались плодородными и обитаемыми равнинами.

Цивилизація кихуа, аймара и другихъ народностей, находившихся подъ властью инковъ, достигала довольно высокой степени и не была ниже цивилизаціи майя и нахуа Мексики и Центральной Америки. Многочисленныя находки, сдѣланныя археологами, доказываютъ даже, что въ очень древнюю историческую эпоху область распространенія этой цивилизаціи была значительно обширнѣе и захватывала страны, въ настоящее время пустынныя или почти лишенныя населенія изъ-за отсутствія воды. Изученіе всей той части Аргентинской республики, ко-

торая располагается къ сѣверо-западу между Андами и массивомъ Аконквія, доказываетъ, что въ прежнія времена въ этихъ внутреннихъ долинахъ располагались огромныя озера, и что эти озера были окружены городами и деревнями, тогда какъ теперь эта мѣстность представляетъ лишь сплошные солончаки и безплодныя скалы, усѣянныя грандіозными развалинами, въ родѣ, напримѣръ, огромной крѣпости Пукара [1]. Точно также по берегамъ Тихаго океана полоса растительности и культуры была гораздо обширнѣе въ предыдущія эпохи, много вѣковъ до испанскаго вторженія, и изъ этого можно вывести заключеніе, имѣющее большое вѣроятіе, что измѣненіе климата, повлекшее за собою неизбѣжнымъ образомъ и сокращеніе культурной полосы, уменьшило и развитіе самой цивилизаціи. Какъ бы то ни было, народы перуанскихъ плоскогорій умѣли воздвигать великолѣпные памятники, которыми и теперь еще приходится любоваться, въ особенности въ Куско и на высокой горѣ Саксахуаманъ, позади которой инки столь храбро защищались во время нападенія на нихъ Гернандо Пизарро и его разбойничьей банды. Остатки дворцовъ и храмовъ Гранъ-Шиму, близъ котораго былъ основанъ городъ Труильо, и развалины города Пахакамака, мѣсто котораго было занято Лимой,—всѣ эти остатки, относящіеся ко временамъ, предшествовавшимъ инкамъ, свидѣтельствуютъ о замѣчательномъ трудолюбіи строителей и о чрезвычайной тонкости работы архитекторовъ того времени. Сроители эти были гораздо сильнѣе проникнуты пантеистическими идеями, всюду видѣвшими жизнь, чѣмъ архитекторы-мистики Стараго Свѣта. Каждая колонна Гранъ-Шиму должна была быть непремѣнно выдолблена внутри, чтобы получить внутрь свое собственное «сердце»; каждый предметъ, который дѣлался для украшенія, получалъ также свое сердце; каждое даже пустое строеніе или какое-нибудь самое простое убѣжище снабжалось своимъ собственнымъ небольшимъ алтаремъ, нишею съ фигуркою изъ металла, изъ глины или изъ дерева или съ урною, наполненною зернами маиса. Жилище человѣка само жило всѣми своими стѣнами,—здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо можно было сказать о камняхъ и о глинѣ: «они говорятъ» [2])!

Развалины древняго города Шаншанъ, на югъ отъ Тумбеца, образуютъ также замѣчательное собраніе «huakas»—названіе, подъ которымъ обозначаются безразлично всѣ древнія постройки, некрополи, дворцы, крѣпости, склады, акведуки или дома. Въ одной изъ этихъ построекъ въ 1577 и 1578 г., было найдено чеканенныхъ изъ золота предметовъ на общую сумму 4450784 пезетъ (20—30 милліоновъ франковъ?) [3]). И

---

1) Francisco P. Moreno. Geographical Journal, 1901, II, p. 581. 2) Adolphe F. Bandelier; Fr. Webb Hodge. American Anthropologist, sept, 1897.—3) Edwin. R. Heath. «Antiquedades peruanas». Bol. de la Soc. geogr. de la Paz. Bolivia, 1901.

это была лишь ничтожная часть всѣхъ сокровищъ, найденныхъ здѣсь въ катакомбахъ!

№ 393. Пути сообщенія народа инковъ.



Что касается дорогъ, то тѣ, которыя отходили отъ политическаго центра имперіи, были построены съ такою же тщательностью, какъ дороги майя, и общая сѣть дорогъ, по побережью и въ горахъ, со всѣми боковыми отвѣтвленіями, не имѣла себѣ равной въ мірѣ; дороги, выстроенныя древними римлянами, не могли сравниться съ этими ни по своему протяженію, ни по смѣлости выполненія, да и не сохранились столь долгое время; даже на склонѣ, обращенномъ къ великимъ лѣсамъ, можно видѣть тамъ и сямъ мощеныя дороги, спускающіяся съ горъ и направляющіяся къ рѣкамъ системы Амазонки,— одна изъ такихъ дорогъ идетъ даже среди дѣвственнаго лѣса, по берегамъ Бени, одного изъ крупныхъ притоковъ Мадейры. Францисканскіе миссіонеры, устроившіеся на посту Изіама, около

устья Мадиди, проникли сюда, слѣдуя по старинному шоссе, называемому «дорогою инковъ» [1]), хотя возможно, что оно относится ко временамъ еще болѣе древнимъ; имѣется и другая дорога, также называющаяся «дорогою инковъ»,—она пересѣкаетъ ущелье Кумбръ, которое прорѣзаетъ Анды и въ будущемъ, несомнѣнно, послужитъ для проведенія желѣзной дороги отъ Буэносъ-Айреса на Вальпарайзо.

Успѣхи техники эпохи инковъ были не ниже таковыхъ любой другой народности Новаго Свѣта. Обитатели страны инковъ представляли собою даже единственную народность Америки, которая сумѣла приручить одно изъ животныхъ такимъ образомъ, что явилась возможность пользоваться его услугами съ большою выгодою для себя,—именно здѣсь лама сдѣлалась постояннымъ спутникомъ туземцевъ и была приспособлена для перевозки грузовъ и товаровъ; животное это стало настоящимъ другомъ человѣка, и послѣдній относился къ нему совершенно по-дружески, никогда не билъ ламъ и даже не заставлялъ ихъ ускорять шагъ,—погонщики слѣдовали за ними, поощряя ихъ словами и пѣснями. Если народъ инковъ не дошелъ до изобрѣтенія настоящаго письма, какъ то утверждаютъ нѣкоторые изъ современныхъ изслѣдователей,—что, впрочемъ, другими отрицается,—то, во всякомъ случаѣ, онъ умѣлъ передавать свои мысли и разсказывать о случившемся при помощи «квиппу» или веревочекъ изъ шерсти различной длины и съ различно завязанными узелками, представлявшими безконечное множество комбинацій. Превосходный гибкій языкъ кихуа распространенъ и въ настоящее время почти по всей области Андовъ, отъ Эквадора до границъ Аргентины и Чили, и въ борьбѣ за существованіе одержалъ даже побѣду надъ испанскимъ языкомъ всюду за предѣлами большихъ городовъ; во времена инковъ имъ пользовались и поэты, и драматурги, и историки; на немъ воспѣвались любовь и радости жизни; въ настоящее время чаще всего на немъ поются пѣсни, полныя грусти и меланхоліи, несчастными угнетенными туземцами, работающими на другихъ.

Но если инки и управляемыя ими народности, кихуа и аймара, прославились въ Европѣ, въ особенности у философовъ XVIII вѣка, то это, главнымъ образомъ, благодаря коммунистическимъ нравамъ ихъ страны. Объ изумленіи, вызванномъ политическимъ устройствомъ народа инковъ, можно судить по предисловію знаменитаго произведенія Морелли «Базиліады», въ которомъ утопическія условія описываемаго имъ счастливаго народа представляютъ собою точнѣйшую копію перуанскаго режима: «Система управленія вовсе не выдумана нами,—говорится тамъ,—такъ какъ нравы народовъ, управляемыхъ Зейнзенимомъ, напоминаютъ за немногими исключеніями нравы народовъ самой цвѣтущей и наибо-

---

1) George Earl Church. Geogr. Journ. 1901, p. 150.

лѣе цивилизованной имперіи, какая только когда-либо существовала,— имперіи Перу» [1]). Даже и въ настоящее время еще нерѣдко приходится слышать, что государство инковъ ставится за образецъ, которому должно подражать будущее общество.

Безъ сомнѣнія, туземцы плоскогорій между хребтами Андовъ во многихъ отношеніяхъ превосходили цивилизованныхъ людей настоящаго времени, хотя бы, напр., тѣмъ уже, что жизнь всѣхъ безъ исключенія представителей народности была обезпечена. Это свидѣтельствуетъ о замѣчательномъ духѣ солидарности перуанцевъ, какого совершенно лишенъ нашъ европейскій міръ, покоящійся исключительно на принципѣ безграничной частной собственности. Съ этой точки зрѣнія, современная цивилизація, которою такъ гордятся инженеры и техники, несравненно ниже цивилизаціи инковъ, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно грандіозности рессурсовъ для жизни людей, представляемыхъ нашею землею. Фактъ неоспоримый—хотя присяжные экономисты его обходятъ молчаніемъ,— что годовое произведеніе всевозможныхъ питательныхъ веществъ значительно превосходитъ то количество, которое необходимо для потребленія. Тысячи людей умираютъ отъ голода и нищеты, но наравнѣ съ этимъ скопляются и огромныя количества припасовъ, гибнущія въ амбарахъ и въ складахъ владѣльцевъ.



Серебряная бездѣлушка съ береговъ озера Титикака.

И все же, хотя и слѣдуетъ признать, что въ этомъ отношеніи современные люди должны были бы преклониться предъ инками, должно сказать, что цивилизація, созданная ими, вела неизбѣжнымъ, фаталь-

1) «Basiliade», t. I, p. XLI; André Lichtenberger. «Le Socialisme au XVIII-e Siècle», p. 108.

нымъ образомъ къ полному крушенію и гибели націи. Перуанцы вѣрили въ полнѣйшую утопію—въ «добраго тиранна»: эта утопія прельщала много умовъ и въ Европѣ, но, къ счастью, сдѣлалась теперь, послѣ ряда слѣдовавшихъ одна за другою революцій, неосуществимою. Императоръ или инка былъ сыномъ солнца и самъ былъ «солнцемъ»,—подобно солнцу онъ регулировалъ и направлялъ всю систему, тяготѣвшую вокругъ него; закономъ признавалось «слово повелителя» [1]). Не только воля его была священна, какъ у царей Персіи, но она была и непогрѣшима, какъ въ теоріи воля римскаго папы. Народъ долженъ былъ только наслаждаться счастьемъ, которымъ желалъ его награждать высшій разумъ монарха. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, даже не отдавая себѣ въ этомъ отчета, императоръ самъ подчинялся до извѣстной степени древнимъ обычаямъ, которые возникли въ независимыхъ общинахъ и лишь затѣмъ приняли чисто-монархическій характеръ. Прежде всего вся земля была раздѣлена, какъ и все царство инковъ, на четыре части: одна четверть была посвящена солнцу, т.-е. его земному представителю, инкѣ, другая четверть принадлежала правительству, т.-е. тому же инкѣ, третья четверть представляла собственность начальниковъ или «курака»; наконецъ, четвертая четверть ежегодно распредѣлялась между семьями общинъ. Эта часть въ обыкновенное время бывала достаточна для поддержанія всей массы подданныхъ, но въ случаѣ неурожая эти послѣдніе могли пользоваться общественными запасами пищевыхъ продуктовъ, образуемыми изъ сборовъ съ земель инки. Вьючныя животныя такимъ же точно способомъ распредѣлялись между перуанцами; что же касается права охоты, то оно принадлежало исключительно высшимъ сановникамъ. Въ распоряженіи всѣхъ оставались лишь трава луговъ и рыбы въ рѣкахъ, въ озерахъ и въ морѣ. Запасы гуано на островахъ Чинча были также строго подѣлены между провинціями побережья и внутренней частью страны, чтобы имъ могли пользоваться для удобренія въ одинаковой степени какъ самыя дальнія, такъ и самыя близкія къ морю области. Были предусмотрѣны и заботы о слабыхъ и больныхъ,—послѣдніе отнюдь не оставались на попеченіе частной благотворительности, а становились пенсіонерами государства, а земли, на которыя они имѣли право, обрабатывались ихъ сосѣдями.

Въ вознагражденіе за землю, которая даетъ пропитаніе, каждый представитель народности былъ обязанъ полнымъ повиновеніемъ по отношенію ко всѣмъ тѣмъ, кто отражалъ на себѣ лучи, исходящіе отъ солнца. Онъ работалъ на своихъ господъ, какъ на поляхъ, такъ и въ рудникахъ, на постройкѣ дорогъ и въ дворцахъ; при извѣстныхъ условіяхъ отъ него требовалась и его собственная жизнь, и ожидалось, что

1) Célestin Prat. Bull. de la Soc. d'Ethnographie de Paris, avril-juillet 1901.

онъ отдастъ ее съ радостью. Крупныя народныя бѣдствія, болѣзнь властителей, дурныя предзнаменованія—все это требовало крови, и преимущественно крови самыхъ здоровыхъ дѣтей и самыхъ красивыхъ дѣвушекъ. Внѣ повелѣній государства индивидуальная воля отдѣльныхъ личностей не проявлялась ни въ чемъ; даже браки совершались по выбору повелителей и притомъ постоянно въ кругу тѣснаго родства и



Видъ города Куско.
Изъ сочиненія XVI вѣка.

лишь между обитателями одного и того же селенія. Не признавалось и право свободнаго передвиженія: если императорскимъ курьерамъ приходилось везти приказы повелителя съ одного конца имперіи на другой, то всѣ, кому было поручено слѣдить за исправностью дороги, не имѣли права выходить за предѣлы той части пути, которая была на ихъ попеченіи; точно также земледѣльцы оставались прикрѣпленными къ тѣмъ участкамъ земли, которые были имъ даны. За каждымъ человѣкомъ постоянно слѣдила полиція, и не было возможности избѣжать ея всевидящаго ока. Головы всѣхъ заранѣе получали форму въ соотвѣтствіи съ классомъ, къ которому человѣкъ принадлежалъ, и съ родомъ работы, къ которой онъ былъ предназначенъ,—людямъ обреченнымъ на полное рабство придавали особенно чудовищную форму черепа, такъ какъ человѣкъ признававшійся низменнымъ, былъ обреченъ заранѣе носить и

низменную голову; между тѣмъ нѣкоторымъ группамъ лицъ, пользовавшимся особымъ покровительствомъ, предоставлялось великое счастье носить уши въ видѣ вѣера [1]).

Такимъ образомъ была достигнута полнѣйшая покорность народовъ плоскогорія—квиту, кихуа, аймара, атакама и хунхосъ; инка, царь-солнце, располагалъ такими подданными, какіе были ему по сердцу. Однако, несмотря на то, что они носили титулъ боговъ и пользовались божескими почестями, инки были все же простыми людьми, тѣмъ болѣе отличавшіеся неосвѣдомленностью, что никто вокругъ нихъ не говорилъ имъ правды, и тѣмъ легче подпадавшіе безумію, что могли принимать въ-серьезъ слова своихъ льстецовъ; эти черты невѣдѣнія и безумія часто и проявлялись на самомъ дѣлѣ. Именно благодаря борьбѣ изъ-за власти двухъ соперниковъ смогли испанцы вторгнуться въ лишенную единства имперію; именно благодаря тупости инка Атахуальпа Франческо Пизарро смогъ захватить его въ свои руки и заставлялъ его дѣлать все, что приказывалось; именно изъ-за нерѣшимости милліоновъ подданныхъ, лишенныхъ энергіи и воли, могло небольшое число бандитовъ съ твердою волею завладѣть территоріей столь обширной, что сами они не могли себѣ даже составить о ней яснаго представленія. Къ тому же перуанцы были вполнѣ готовы пасть ницъ передъ новыми богами. Не видимъ ли мы, какъ одинъ изъ сыновъ имперіи инковъ, Гарцилазо де ла Вега, лобзаетъ руки, обагренныя кровью его ближнихъ.— «О знаменитый родъ Пизарро!..—восклицаетъ онъ въ своемъ произведеніи,—знаменитый родъ, сколь много тебѣ обязаны народы Стараго Свѣта за богатства Новаго, которыя ты имъ далъ! Но сколь еще сильнѣе тебѣ обязаны обѣ имперіи, Мексика и Перу, за обоихъ твоихъ знаменитыхъ сыновей, Фернандо Кортеца и Франческо Пизарро, съ его тремя братьями Фернандо, Жуаномъ и Гонзало,—вѣдь они извлекли идолопоклонниковъ этихъ странъ изъ тьмы кромѣшной, въ которой тѣ пребывали! О, знаменитый родъ Пизарро! да благословляютъ тебя всѣ народы міра отъ вѣка и до вѣка»!

Серебро и золото—вотъ что составляло прежде всего величайшее богатство Перу. Главнѣйшимъ результатомъ войны, повлекшей за собою покореніе этой страны, была выдача огромныхъ количествъ золота, такой массы его, что одна изъ комнатъ во дворцѣ Каямарка была наполнена до вышины человѣческаго роста; это золото должно было послужить выкупомъ за несчастнаго Атахуальпа, который, тѣмъ не менѣе, послѣ устроенной пародіи на судъ, былъ казненъ. Извѣстно, что слово «Перу» имѣетъ еще второе значеніе,—именно означаетъ невѣроятное скопленіе колоссальныхъ богатствъ. Въ настоящее время нѣкоторыя

---

1) Ch. Wiener. «Pérou et Bolivie»—Edm. Gosse. «Déformation des Crânes»

копи этой страны уже истощены, другія утрачены, третьи не могутъ эксплуатироваться за отсутствіемъ топлива, путей сообщенія или за недостаткомъ рабочихъ рукъ; испанцы-завоеватели, однако, до тѣхъ поръ, пока только располагали доставшимися имъ по наслѣдству отъ инковъ индѣйцами, занимались единственно извлеченіемъ этихъ металловъ изъ земли и накопленіемъ ихъ въ своихъ сокровищницахъ.



Индѣйцы за работой въ копяхъ подъ надзоромъ испанцевъ.
Изъ сочиненія XVI вѣка.

Добыть возможно больше золота, накопить его колоссальныя массы— такова была ихъ единая безумная мечта. Болѣе чѣмъ королевская роскошь, чванство и высокомѣріе ихъ принимали все бо́льшіе и большіе размѣры по мѣрѣ того, какъ благодаря труду индѣйцевъ изъ земли извлекались безграничныя богатства. Одинъ изъ вице-королей Перу, герцогъ де Палата, правившій тамъ около конца XVII вѣка, заставилъ вымостить улицу слитками серебра, чтобы при своемъ тріумфальномъ входѣ въ Лиму не попирать ногами земли, по которой ходили простые смертные,—эта фантазія стоила ему, какъ разсказываютъ, 400 милліоновъ франковъ! Но если вопросъ шелъ о возведеніи какого-нибудь

красиваго памятника, о созданіи настоящаго произведенія искусства, картины или статуи,—то на это денегъ никогда не было.

Обыкновенно уменьшеніе населенія Перу и другихъ золотоносныхъ областей Америки приписывается прямому истребленію его. Это, однако, ошибочно, такъ какъ перуанцы, пріученные къ полнѣйшей покорности, не боролись вовсе за свою независимость и возставали лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и то только по сосѣдству съ большими дѣвственными лѣсами, гдѣ племена бѣглецовъ, возвратившихся къ полудикому существованію, пріобрѣли снова нѣкоторый запасъ энергіи, придаваемой всегда свободною жизнью въ лѣсу, среди дикихъ звѣрей. Уменьшеніе населенія на плоскогоріи было фатальнымъ слѣдствіемъ принудительныхъ работъ, наложенныхъ на туземцевъ; что же касается уменьшенія населенія въ береговыхъ областяхъ, вдоль Тихаго океана, то оно въ значительной степени предшествовало завоеванію испанцами. Многочисленные города побережья погибли уже благодаря войнамъ, которыя происходили между туземцами. Къ тому же вѣроятное населеніе этихъ прибрежныхъ городовъ, надо думать, опредѣлялось слишкомъ высоко. Конечно, развалины города Гранъ-Шиму занимаютъ огромное пространство, которое можно сравнить развѣ лишь съ пространствомъ, занимавшимся древнимъ Мемфисомъ, но зданія этого города возводились въ различныя эпохи, такъ что дома, въ которыхъ жили, вѣроятно, отдѣлялись одинъ отъ другого домами, находившимися въ развалинахъ; кромѣ того, тамъ же простирались обширныя пространства, занимаемыя полями, какъ это и теперь наблюдается между различными селеніями равнинъ: все племя Шиму, численность котораго опредѣляется въ 50 тысячъ душъ, жило внутри границъ города и добывало себѣ тамъ и пропитаніе [1]).

По склонамъ Андовъ испанцы заняли не болѣе какъ узкія полоски земли. За предѣлами царства инковъ, въ области, которая сдѣлалась теперь южнымъ Чили, имъ приходилось затратить много силъ на постоянную кровавую борьбу съ арауканами, которые, живя свободными и не имѣя надъ собою господъ и повелителей, были совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ трепетавшіе предъ всѣми кихуа. Они не дали покорить себя инкамъ, отчего и получили свое названіе, означающее «бунтовщики»; тѣмъ менѣе обнаружили они желаніе подчиниться испанцамъ. Въ серединѣ XVII вѣка, послѣ цѣлаго столѣтія упорныхъ и безплодныхъ войнъ, пришлось особымъ договоромъ признать политическую независимость арауканов, и если два вѣка спустя эти послѣдніе все же, въ концѣ концовъ, сдѣлались чилійцами, то только вслѣдствіе медленнаго

1) Adolphe Bandelier.—Hodge. «America Anthropologist». Sept. 1897.

измѣненія самой народности, ея нравовъ и экономическихъ условій,— завоеванія въ этомъ никакого не было.

На восточномъ склонѣ Андовъ не столько враждебность индѣйскихъ племенъ, сколько естественныя препятствія положили предѣлъ

№ 394. Южное Перу.



испанскому вторженію: испанскія войска достигали долинъ, разстилавшихся у подножія, сильно порѣдѣвъ вслѣдствіе лихорадокъ и ослабленныя усталостью; малѣйшая стычка съ туземцами окончательно разстраивала ихъ ряды. Тщетно старались завоеватели Боливіи достигнуть системы рѣки Амазонки. Въ 1560 г. Діего Алеманъ спустился съ Ла-Паза въ области, по которымъ протекаетъ Амара-Майо или Мадре-де-Діосъ, но былъ взятъ въ плѣнъ индѣйцами племени мохосъ. Черезъ пять лѣтъ

экспедиція, высланная на поиски золота и серебра, имѣла еще болѣе печальный конецъ: объ исходѣ ея никто и никогда ничего не узналъ [1])!

Впрочемъ, если предпріятія по изслѣдованію страны были такъ часто неудачными, то причиной тому являлись почти всегда власти колоніи. Совершенно такъ же, какъ государство метрополіи считало своимъ правомъ разрѣшать или запрещать экспедиціи для открытія новыхъ земель, и различныя колоніальныя власти, представлявшія собою на мѣстѣ королевскую власть, ревностно слѣдили за тѣмъ, чтобы путешествія съ цѣлью изслѣдованія, имѣвшія всѣ главною цѣлью нахожденіе золота и серебра, совершались не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія, и находились бы подъ наблюденіемъ. Прежде всего власти, конечно, стремились къ тому, чтобы имъ была гарантирована значительная доля будущихъ выгодъ; къ тому же власти испанскія и власти португальскія взаимно не довѣряли другъ другу. Такимъ образомъ, изслѣдователямъ неоднократно приходилось прилагать всѣ старанія къ тому, чтобы избѣжать бдительнаго надзора испанскихъ губернаторовъ. Главное благодаря этому обстоятельству, а также благодаря крайней трудности путешествія сношенія между Андами и Атлантическимъ побережьемъ было часто прервано: лишь черезъ тихоокеанское побережье могла Испанія сноситься съ завоевателями Перу.

Къ востоку отъ Эквадора древнее царство Квиту, казалось, легче, чѣмъ другія области, можетъ открыть доступъ къ Атлантическому океану, такъ какъ въ этой своей части Анды менѣе высоки и занимаютъ меньшую ширину, чѣмъ на всемъ остальномъ протяженіи, и рѣки, которыя съ нихъ спускаются, ведутъ по прямой линіи къ великой рѣчной артеріи, къ Амазонкѣ. Одинъ изъ братьевъ знаменитаго Пизарро, дѣйствительно, задумалъ пройти этимъ путемъ,—онъ въ лодкахъ направился въ 1540 г. внизъ по рѣкѣ Напо, чрезъ безконечный дѣвственный лѣсъ; однако, путешествіе это было столь продолжительно, столь трудно и въ такой степени осложнялось лихорадками и болѣзнями отъ истощенія, что, въ концѣ концовъ, Гонзало Пизарро долженъ былъ отъ него отказаться и направиться обратно на плоскогоріе, чтобы спасти остатки своихъ войскъ. Лишь одинъ изъ его офицеровъ, Ореллана, отдѣлился отъ него и спустился въ своемъ челнѣ сперва по Напо, затѣмъ по грандіозному теченію Амазонки; въ концѣ концовъ, онъ достигъ «Прѣснаго моря» и голубыхъ волнъ Атлантическаго океана. Континентъ былъ, такимъ образомъ, пересѣченъ съ одного края до другого, но Ореллана не добылъ ни золота, ни жемчуга,—разсказы о его приключеніяхъ не вызвали потому подражателей, и путешествіе, совершенное имъ, было повторено въ обратномъ направленіи лишь спустя цѣлое столѣтіе, въ 1638—1639 г.,

1) Sixto L. Ballesteros «La Provincia de Caupolican», pp. 8 et 9.

когда португалецъ Тексейра поднялся по рѣкѣ во главѣ каравана изъ 50 челноковъ, нагруженныхъ провизіей.

Бассейнъ Ла-Платы, находящійся въ болѣе умѣренныхъ климатическихъ условіяхъ, былъ достигнутъ испанскими мореплавателями по прямому пути чрезъ Атлантическій океанъ и былъ колонизованъ ими задолго до эпохи, когда они познакомились непосредственно съ Амазонкою. Предполагается даже, что сэръ Себастьянъ Каботъ предвидѣлъ въ 1528 г. будущее крупное значеніе Ла-Платы, какъ естественнаго пути сообщенія съ серебряными копями у высотъ Перу: отсюда, какъ разсказываютъ, взялось и названіе рѣки «Аргентина», данное устью ея, которое сохраняется въ настоящее время находящимися при входѣ двумя большими городами Буэносъ-Айресомъ и Монтевидео. Впрочемъ, такое объясненіе названія Ла-Платы представляется Лафону Кведу совершенно фантастичнымъ: по его мнѣнію, названіе это проистекаетъ отъ того, что открывшіе рѣку изслѣдователи желали найти серебро на новой территоріи и дали вслѣдствіе этого ей такое названіе въ качествѣ добраго предзнаменованія.

Къ югу отъ Антильскаго моря первые послѣ Колумба изслѣдователи, Ниньо и Гуэрра, Хойеда и Веспуччи, Бастидасъ и Жуанъ де ла Коза прослѣдили уже все побережье и очень быстро познакомились съ его гаванями и торговыми пунктами; захватъ же внутренней части страны во власть испанцевъ совершился лишь около трети вѣка спустя при совершенно особыхъ условіяхъ, указывающихъ уже на наступленіе эры господства капитализма, которая достигла въ настоящее время полнаго своего развитія.

Въ XVI вѣкѣ богатства скопились въ такомъ количествѣ въ рукахъ крупныхъ компаній, монополизировавшихъ торговлю и финансовое дѣло, что богатства ихъ превосходили богатства цѣлыхъ государствъ. Безъ помощи Андрея Доріа, который одинъ владѣлъ бо́льшимъ числомъ кораблей, чѣмъ Генуэзская республика, Карлъ V не рѣшился бы отнимать у варваровъ побережье западнаго Средиземнаго моря. Безъ аугсбургскихъ банкировъ этотъ монархъ не могъ бы занять побережья Америки. Крупный банкъ этотъ, оперировавшій милліонами дукатовъ и обладавшій честолюбивыми стремленіями, достигалъ, положительно, императорской власти и по своему усмотрѣнію устраивалъ кровавыя войны, сопровождающіяся грабежами и массовыми убійствами. Тогда же богачи Медичи сдѣлались настоящими королями, единственно благодаря всемогуществу золота. Можно удивляться только, что еще болѣе богатые Вользеръ и Фуггеръ не пожелали сдѣлаться, по меньшей мѣрѣ, вице-королями. Дѣйствительно, эти банкиры, ссудившіе Карла V двѣнадцатью «бочками» золота, получили отъ него въ качествѣ процентовъ колоссальныя пространства земли, съ правомъ управлять ими, владѣть ими

и распоряжаться всѣмъ, включая въ томъ числѣ и населеніе. Это объясняетъ появленіе германскихъ именъ въ родѣ Альфингеръ, Шнейеръ, Федеманъ среди именъ другихъ конквистадоровъ, до сего времени исключительно испанцевъ.

Одинъ изъ этихъ начальниковъ-германцевъ заслуживаетъ даже болѣе всѣхъ другихъ упоминанія среди настоящихъ военныхъ героевъ; во главѣ небольшого вооруженнаго отряда, заключавшаго и конницу, онъ поднялся въ 1537 г. по восточнымъ склонамъ высокаго хребта Сума-Пазъ— «высшаго міра»—и спустился на террасу Кундинамарка, на которой въ настоящее время располагается столица республики Колумбіи, городъ Санта Фе де Богота. Было извѣстно уже, впрочемъ, что эта область Андовъ обладаетъ большими запасами золота и изумрудовъ,—потому Федеманъ, перейдя черезъ горы, покрытыя снѣгами, и чрезъ глубокія долины, оказался тамъ не одинъ, и другіе европейцы достигли этой страны обѣтованной—«Золотой»,—«Эль-Дорадо»—царь ея купался, по разсказамъ, въ волнахъ озера, покрывшись передъ тѣмъ золотымъ пескомъ. Цѣлыхъ три отряда европейскихъ грабителей встрѣтились сразу на высокомъ плоскогоріи: отрядъ Федемана спустился съ высокихъ, покрытыхъ облаками, вершинъ востока; второй отрядъ Бель-аль-Казара пришелъ со стороны вулкановъ Квито и появился въ долинѣ рѣки Магдалены, откуда поднялся затѣмъ на плоскогоріе; третій отрядъ, подъ начальствомъ Кезеда, пришелъ изъ портоваго города Санта-Марта не менѣе трудными путями. Всѣ эти три отряда, состоявшіе даже, какъ говорятъ, изъ совершенно одинаковаго числа вооруженныхъ людей,—именно въ каждомъ ихъ было 160,—не знали первоначально, что имъ предпринять по отношенію другъ къ другу: начинать ли междоусобную войну, или же вести дѣло въ мирѣ и согласіи; въ концѣ концовъ, однако, они все же пришли между собою къ соглашенію, имѣя въ



Перуанскій глиняный сосудъ.

виду богатый выкупъ, который должна была дать впослѣдствіи подневольная работа индѣйцевъ. Ни въ одной изъ частей Новаго Свѣта испанцы не проявляли столько жестокости и такой методичности въ примѣненіи ея. То, что называется «благочестіемъ», столь хорошо уживается съ дикостью, что благочестивые испанскіе военачальники давали священный обѣтъ убивать ежедневно 12 индѣйцевъ въ честь двѣнадцати апостоловъ!

Въ XV и XVI вѣкахъ между испанцами и португальцами установилось извѣстное раздѣленіе труда въ области завоеванія новыхъ земель и устройства колоній. Первые имѣли въ своемъ распоряженіи Антильскіе острова, Мексику, Центральную Америку и страны Андовъ и Ла-Платы; вторыми было взято Бразильское побережье, полученное ими благодаря путешествію Альвареца Кабраля, и оттуда они постепенно подвигались вдоль береговъ, съ одной стороны, по направленію къ Амазонкѣ, съ другой—къ Ла-Платѣ, причемъ далеко переходили за границы, которыя были имъ намѣчены по договору въ Тордесилльи буллою папы Александра VI; въ 1616 г. они достигли Пара на той системѣ рѣкъ, которая образуетъ преддверіе Амазонки. На своемъ пути они не встрѣчали народностей, сколько-нибудь организованныхъ и способныхъ оказывать сопротивленіе, подобно тому, какъ ацтеки и майя оказывали Кортецу или арауканы—Альмагро и другимъ предводителямъ. Не встрѣчая никакихъ противниковъ, кромѣ не связанныхъ между собою племенъ туземцевъ, они подвигались по всѣмъ направленіямъ, куда имъ хотѣлось. Однако, какъ колонистовъ, такъ и солдатъ было у нихъ очень немного, и занятіе ими территоріи ограничивалось удержаніемъ нѣсколькихъ пунктовъ на побережьѣ и ближайшей прилегающей къ берегу страны, окруженной лѣсами, гдѣ продолжали свободно жить индѣйцы племенъ тупи, короадосъ и др. Впрочемъ, дѣленіе португальскихъ владѣній на огромные военные участки, заселеніе которыхъ не могло совершаться



Перуанскій глиняный сосудъ.

иначе, какъ цѣною тысячи мелкихъ хлопотъ, не способствовало быстрому увеличенію европейскаго населенія въ колоніи.

Государство, основывающееся на насиліи, можетъ, однако, и поддерживаться исключительно лишь насиліемъ, потому и португальцы недолго прожили въ мирѣ на той превосходной территоріи, которую заняли. Прежде всего они принялись изгонять своихъ соперниковъ-европейцевъ, которые претендовали на часть территоріи, считавшейся тогда «островомъ» Санта-Круцъ. Въ 1567 г. они прогнали французовъ изъ залива Ріо-Жанейро и взяли у нихъ въ 1615 г. островъ Мараньяо. Бразильское побережье было, подобно Антильскимъ островамъ открыто для нападеній пиратовъ, и его приходилось защищать одновременно въ тысячѣ пунктовъ отъ англичанъ, французовъ и голландцевъ, въ особенности отъ этихъ послѣднихъ, такъ какъ они заняли даже выдающійся впередъ берегъ Пернамбуко и удерживали его въ теченіе 30 лѣтъ XVII вѣка (1642—1654). Но помимо этой борьбы, которую приходилось вести для отвоеванія территоріи, главное столкновеніе, разыгравшееся въ предѣлахъ Бразиліи, вполнѣ преданной католической вѣрѣ, имѣло характеръ борьбы почти религіозной,—оно произошло между бѣлолицыми метисами Санъ-Пауло, носившими названіе mamelucos, и между населеніемъ всей южной Бразиліи съ миссіонерами-іезуитами во главѣ. Какъ съ той, такъ и съ другой стороны вопросъ шелъ о завладѣніи туземцами. Іезуиты, обратившіе ихъ въ католичество и сдѣлавшіе изъ нихъ послушныхъ служителей, хотѣли ихъ сохранить за собою, тогда какъ «паулисты» стремились также завладѣть ими и заставить ихъ работать на своихъ плантаціяхъ. Послѣ жесточайшаго кровопролитія миссіонеры-іезуиты вмѣстѣ со своею паствою были принуждены бѣжать далеко за рѣку Парану, въ пустыни Парагвая, и на нѣкоторое время имъ удалось удержать свои общины новообращенныхъ католиковъ въ качествѣ покорныхъ и трудолюбивыхъ работниковъ.

Разумѣется, замѣчательныя завоеванія испанцевъ и португальцевъ возбуждали зависть и другихъ морскихъ народовъ Западной Европы И имъ хотѣлось также принять участіе въ раздѣлѣ земли, и за отсутствіемъ незанятыхъ еще береговъ они стремились занять мѣсто своихъ счастливыхъ предшественниковъ въ уже покоренныхъ странахъ Новаго Свѣта. Именно это попытались сдѣлать французы въ Бразиліи, несмотря на то, что въ эту эпоху силы ихъ были слишкомъ слабы для того, чтобы позволить расширеніе внѣшняго могущества. Впрочемъ, рыболовы баски, бретонцы, рошельцы съ незапамятныхъ временъ уже, по всѣмъ вѣроятіямъ еще до Колумба, направлялись къ различнымъ «новымъ землямъ»: не будучи нисколько заинтересованными въ томъ, чтобы распространять свѣдѣнія о морскихъ путяхъ и о гаваняхъ побережья, которыя служили для ихъ промысла, они оставались никому

неизвѣстными, хотя торговля ихъ была чрезвычайно полезна; слава открытія принадлежитъ путешественникамъ, которые вовсе ничего не

№ 395. Устье рѣки Св. Лаврентія.



1: 12 500 000

0 100 300 600 килом.

знали о свѣдѣніяхъ, коими располагали рыболовы. Документы, собранные Фернандо Дуро и историками Канады, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ началѣ XVI вѣка, за сто лѣтъ до оффиціальной колонизаціи по сѣверному берегу залива Св. Лаврентія, вблизи южнаго входа въ про-

ливъ Бельвилля [1]), располагались одно за другимъ становища рыбаковъ бретонцевъ; на заливѣ Брадора въ одномъ только становищѣ, носившемъ названіе Брестъ, во время рыбнаго промысла скоплялось до 3000 человѣкъ. И, тѣмъ не менѣе, лишь въ 1535 г. Жакъ Картье изъ Сенъ-Мало проникъ за границы области устья Св. Лаврентія и открылъ, что воды эти, выходящія изнутри континента, представляютъ собою рѣку. Онъ достигъ того мѣста, гдѣ русло рѣки Св. Лаврентія суживается, и впадаетъ рѣка, носящая въ настоящее время названіе рѣки Св. Карла; тамъ возвышается величественный мысъ, суживающій рѣку и называемый Краснымъ. На этомъ скалистомъ мысу, образуемомъ сліяніемъ рѣкъ, располагается живописный городъ Квебекъ, одна изъ столицъ Новаго Свѣта,—въ тѣ времена тамъ было лишь скопленіе хижинъ—«канада»—названіе, по которому и получила свое наименованіе вся обширная страна.

Становища, основанныя Картье и другими изслѣдователями въ теченіе XVI вѣка, были затѣмъ покинуты колонистами и уничтожены совершенно дикими. Впрочемъ, заселеніе страны эмигрантами, пришедшими изъ Франціи и изъ другихъ мѣстъ, было почти немыслимымъ, такъ какъ всѣ эти обширныя береговыя пространства и вся лежащая за ними страна были отданы въ монопольное владѣніе придворнымъ, не располагавшимъ такими богатствами, чтобы эксплуатировать земли собственными силами, и не желавшимъ въ то же время позволять другимъ заниматься тамъ торговлею или извлекать какія-либо выгоды. Такъ, полуостровъ Акадіи, сдѣлавшійся позднѣе Новой Шотландіей, принадлежалъ, напримѣръ, господину де Путренкуръ, а одна изъ придворныхъ дамъ, госпожа де Гершвилль, считалась собственницей всей Новой Франціи къ западу отъ полуострова Акадіи, и агенты этой владѣтельной особы получили разрѣшеніе короля изгонять всѣхъ чужеземцевъ или французовъ, которыхъ они встрѣтятъ «по рѣкѣ выше мѣстности Гаспэ»; кромѣ того, «всякая морская и сухопутная торговля» была запрещена «всѣмъ капитанамъ, штурманамъ и мореходамъ, плавающимъ въ океанѣ» [2]).

Такимъ образомъ, колонизація задержалась и даже совершенно прекратилась на цѣлое столѣтіе. Всюду огромное количество рыболововъ должно было довольствоваться временными прибѣжищами. Колонисты не имѣли возможности оффиціально получать земли въ свое владѣніе и устраиваться на нихъ прочно и лишь въ началѣ XVII вѣка, въ 1604 г., получили право селиться въ Портъ-Роялѣ, въ Акадіи, т.-е. въ нынѣшнемъ городѣ Аннаполисѣ, и въ 1608 г. въ г. Квебекѣ (т.-е. «проливъ»)

---

1) Fernando Duro. «Arca de Noe».—Benjamin Sulte. «Histoire des Canadiens français».—2) Benjamin Sulte. «Histoire des Canadiens français».

вблизи широкихъ воротъ, образуемыхъ рѣкою Св. Карла, впадающею въ рѣку Св. Лаврентія. Однако, то небольшое количество переселенцевъ, которое было приведено въ Канаду Самуэлемъ Шампленомъ, не обладало способностями, достаточными хотя бы только для того, чтобы добыть себѣ пропитаніе на этихъ плодородныхъ земляхъ и на берегу рѣки столь богатой рыбою; когда приходилъ конецъ запасамъ, посылавшимся изъ Франціи, то наступалъ голодъ, и колонисты погибали отъ цынги. Кромѣ тщетныхъ поисковъ золота и торговли мѣхами, новые пришельцы не хотѣли ничѣмъ заниматься и не проявляли ни-



Квебекъ въ концѣ XVII вѣка.

какой иниціативы. Потребовалась геніальность парижанина Эберта, чтобы основать садоводство на этой плодородной почвѣ, которая, казалось, сама требовала обработки.

Къ отсутствію денегъ у концессіонеровъ, къ ихъ безпечному отношенію и къ неподготовленности переселенцевъ присоединилась вскорѣ еще одна причина, обусловливавшая медленность заселенія и обработки земли,—это была религіозная нетерпимость. Въ самомъ большомъ количествѣ явились бы, конечно, переселенцы-протестанты, если бы колоніальное управленіе предоставило имъ сразу заселять страну, такъ какъ большинство ихъ подвергалось преслѣдованіямъ въ своемъ отечествѣ; они были бы къ тому же самыми подходящими колонистами, такъ какъ перемѣна религіи, разрывъ со старинными традиціями и трудныя условія новой жизни одаряли ихъ извѣстной иниціативой. И, дѣйствительно, въ самыя первыя времена гугеноты, пришедшіе, главнымъ образомъ, изъ Сентонжа, устраивались въ Канадѣ. Первоначально они были подъ защитою тѣхъ принциповъ вѣротерпимости, которые были обусловлены Нантскимъ эдиктомъ, но вскорѣ должны были покинуть эту колонію: католическая нетерпимость проявилась въ полной мѣрѣ, и принципъ единства вѣры одержалъ верхъ къ великой матеріальной выгодѣ духовенства, получившаго въ свои руки верховную власть.

Истинными королями Канады, отъ которыхъ зависѣли какъ колонисты, такъ и губернаторы, были миссіонеры-іезуиты: ими были заняты всѣ высшія должности, и имъ принадлежали самыя богатыя мѣстности, причемъ въ то же время они получали, въ качествѣ церковныхъ сборовъ и значительную часть доходовъ вѣрующихъ. По сравненію съ этой духовной аристократіей—представителями ордена Іисуса—босоногіе монахи-францисканцы считались въ духовенствѣ низшимъ сословіемъ, которое, впрочемъ, было весьма пригодно для обращенія туземцевъ, съ коими они любили вступать въ дружественныя отношенія. Владѣя землями, іезуиты желали также владѣть и торговыми монополіями и смотрѣли очень косо на авантюристовъ, обогащавшихся торговлей мѣхами. По ихъ настоянію издавались формальные королевскіе указы, которыми «бродягамъ» запрещалось, подъ страхомъ работы на галерахъ, охотиться на пушныхъ звѣрей. Результатомъ явилось то, что такіе «слѣдопыты», принужденные избѣгать цивилизованнаго населенія, должны были жить среди индѣйцевъ, принимавшихъ ихъ какъ братьевъ, и, благодаря заключавшимися ими бракамъ съ индіанками, получались метисы, растворявшіеся, мало-по-малу, среди туземнаго населенія. Однако, такіе союзы между французскими колонистами и представителями краснокожихъ, союзы, которые, быть-можетъ, дали бы основу появленію новой народности и позволили бы ей позднѣе противостоять вторженію англійскихъ колонистовъ на побережье, отнюдь не одобрялись духовными руководителями Канады и считались даже ими чѣмъ-то безнравственнымъ; они предпочитали обращаться къ настоятелямъ французскихъ церквей съ просьбою присылать въ Канаду дѣвушекъ-сиротъ или поручать парижской полиціи набирать въ различныхъ притонахъ и тюрьмахъ женщинъ, долженствовавшихъ поддерживать чистоту европейской крови на берегахъ Св. Лаврентія. Благодаря этимъ заботамъ, канадцы низовьевъ Св. Лаврентія остались чистокровными французами [1]).

Въ теченіе того же періода времени Великобританія, расположенная, впрочемъ, гораздо удобнѣе въ смыслѣ сношенія съ внѣшнимъ міромъ, использовала съ гораздо большей энергіей, чѣмъ Франція, весь избытокъ своихъ силъ для развитія колоніальной торговли и для заселенія колоній. Англія совмѣстно съ Голландіей заняла мѣсто Испаніи и Португаліи въ дѣлѣ ввоза въ Европу пряностей и другихъ цѣнныхъ товаровъ. Испанскіе корабли, подвергавшіеся преслѣдованіямъ на обычныхъ путяхъ океана, не рѣшались болѣе выходить въ море безъ сопровожденія военныхъ судовъ, такъ какъ легкія и подвижныя суда такихъ морскихъ разбойниковъ, какъ Гаукинсъ и Дрэкъ, отважно крейсировали по всѣмъ морямъ.

---

1) Benjamin Sulte. «Prétendue Origine des Canadiens français».

Въ 1600 г. королева Елизавета дала первую хартію Остъ-Индской

№ 396. Сѣверо-американское побережье.



компаніи. Однако, трудности заселенія Новаго Свѣта были столь же

великими для англичанъ, какъ и для ихъ соперниковъ французовъ, и лишь черезъ нѣсколько лѣтъ имъ удалось добиться въ этомъ отношеніи окончательныхъ результатовъ. На побережьѣ современныхъ Соединенныхъ Штатовъ, также какъ и на побрежьѣ Канады, первыми колонистами были французскіе гугеноты, искавшіе мирнаго прибѣжища подальше отъ своего отечества; въ 1562 г. около 20 человѣкъ подъ управленіемъ Рибо, друга Колиньи, устроились на одномъ изъ островковъ въ устьѣ рѣки, гдѣ теперь располагается городъ Чарльстонъ, главный городъ Южной Каролины; это были, однако, военные люди, и, попавъ въ новую среду, они не сумѣли къ ней приспособиться и вскорѣ обратились въ бѣгство, даже не обращая вниманія на опасности морского путешествія, чтобы только избѣжать опасностей, угрожавшихъ имъ на сушѣ. Два года спустя вторая группа гугенотовъ высадилась на этотъ разъ еще далѣе къ югу, во Флоридѣ, на одномъ изъ островковъ современной рѣки Сенъ-Джона. Однако, слухи объ ихъ прибытіи распространились среди индѣйцевъ, и испанцы на Антильскихъ островахъ, предупрежденные о нашествіи европейцевъ, бывшихъ ихъ двойными врагами — и въ качествѣ французовъ и въ качествѣ еретиковъ,—основали по сосѣдству портовый городъ Сентъ-Августинъ, существующій и до настоящаго времени, взяли приступомъ крѣпость гугенотовъ и истребили всѣхъ ея обитателей. Три года спустя, въ 1568 г., убійцы-испанцы сами пали отъ руки мстителей, явившихся спеціально изъ Бордо подъ начальствомъ Доминика де-Гургъ, чтобы захватить и повѣсить защитниковъ Сентъ-Августина «не какъ испанцевъ, а какъ предателей».

Англичане лишь въ XVII столѣтіи устроились прочно на той территоріи, на которой въ настоящее время обитаетъ 80 милліоновъ людей, говорящихъ на англійскомъ языкѣ и называемыхъ обыкновенно, хотя и не вполнѣ правильно, англо-саксами. Правда, еще въ 1584 г. королева Елизавета оффиціально предоставила всѣ атлантическія побережья, расположенныя между Нью-Фаундлендомъ и Флоридой, своему фавориту Вальтеру Рэлей; однако, этотъ послѣдній дѣлалъ лишь тщетныя попытки къ тому, чтобы извлечь какую-либо выгоду изъ своего вице-королевства «Виргиніи», какъ оно было названо въ честь королевы-дѣвы. Первая колонія, которой суждено было просуществовать очень недолго, была основана въ 1607 г., въ царствованіе преемника королевы Елизаветы, короля Джемса, отъ котораго она получила и свое наименованіе. Этотъ Джемстоунъ, отъ коего едва сохранились слѣды, былъ такъ неблагопріятно расположенъ на нездоровомъ островкѣ, окруженномъ болотами и трясинами, что пришлось оставить его и двинуться далѣе вглубь, въ болѣе сухія мѣстности внутренней части страны, гдѣ можно было обрабатывать почву менѣе вредоносную. Безъ сомнѣнія, эта часть американскаго побережья была бы еще разъ совершенно

заброшена, если бы въ Виргиніи не была введена культура табака, которая практиковалась испанцами на Антильскихъ островахъ,—про-

№ 397. Атлантическій океанъ.



Масштабъ по экватору 1:100000000.

Первоначальный путь торговли неграми шелъ отъ Гвинеи къ Антильскимъ островамъ и Виргиніи

мышленность эта сразу сильнѣйшимъ образомъ обогатила англійскую торговлю.

Подражая испанцамъ въ культурѣ табака, англичане были ихъ подражателями и въ качествѣ эксплуататоровъ рабочаго элемента. Въ этой умѣренной полосѣ Америки имъ нетрудно было работать самимъ; но они предпочитали пользоваться своими соотечественниками, «нанимая» ихъ во временное рабство. Агенты виргинскихъ концессіонеровъ отыскивали и набирали людей въ англійскихъ портахъ или брали въ плѣнъ въ непріятельскихъ странахъ и затѣмъ продавали плантаторамъ. Покупали также и женщинъ, какъ для колонистовъ-собственниковъ, такъ и для рабочихъ, «нанятыхъ» въ рабство, за среднюю цѣну въ 1200—1500 фунтовъ табака. Англійское правительство поощряло этотъ родъ торговли, доставляя торговцамъ политическихъ или другихъ преступниковъ, которые и образовывали затѣмъ, мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ ихъ отпускали на свободу, главнѣйшую часть свободнаго населенія Виргиніи. Нѣкоторое количество чернокожихъ, предназначенныхъ оставаться рабами всю свою жизнь, «по счастливому предназначенію Провидѣнія», также попали на рынки американскихъ береговъ около 1620 г., но они были ввезены не англичанами: ихъ пріобрѣли отъ голландскихъ купцовъ. Вскорѣ послѣ того англійскіе моряки постарались, однако, монополизировать торговлю неграми въ колоніяхъ. До этого времени морской разбойникъ Гаукинсъ, находившійся подъ покровительствомъ королевы Елизаветы, и другіе ученики его, охотники за неграми, добывали чернокожихъ на берегахъ Гвинеи лишь для того, чтобы снабжать ими испанскія колоніи.

Въ томъ же самомъ 1620 г., когда начался ввозъ чернокожихъ рабовъ для плантацій той страны, которая сдѣлалась потомъ республикой Соединённыхъ Штатовъ, совершилось въ исторіи колонизаціи другое событіе, имѣвшее въ этническомъ и соціальномъ смыслѣ не менѣе важное значеніе. Сотня эмигрантовъ, которыхъ религіозныя преслѣдованія заставили покинуть Англію, и которые первоначально бѣжали въ Голландію, рѣшили затѣмъ отправиться въ Новый Свѣтъ и устроиться тамъ на берегахъ Гудзона, о которыхъ имъ разсказывалъ какой-то путешественникъ; будучи, однако, мореходами очень неискусными, они не сумѣли отыскать это мѣсто, и тамъ, три года спустя, фламандцы основали колонію Манхадосъ, сдѣлавшуюся позднѣе Нью-Іоркомъ; англійскихъ эмигрантовъ случай занесъ значительно далѣе на сѣверъ, къ скаламъ Новаго Плимута,—у входа въ обширный заливъ у западной оконечности котораго располагается теперь городъ Бостонъ. Это была первая изъ колоній Новой Англіи, отличавшаяся среди всѣхъ другихъ колоній Новаго Свѣта этнической однородностью и большою строгостью въ соблюденіи религіозныхъ обрядовъ. Милліоны людей, по прямой линіи происходящіе отъ этой расы «американскихъ пуританъ», преувеличиваютъ, однако, слишкомъ моральное значеніе своихъ предковъ и при-

даютъ имъ превалирующую роль среди всѣхъ переселенцевъ Америки, потомки которыхъ основали полтораста лѣтъ спустя послѣ высадки этихъ «пилигримовъ» республику Соединенныхъ Штатовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что люди эти, твердо увѣренные въ томъ, что обладаютъ вѣчной истиной и являются представителями непогрѣшимой воли Всевышняго, оказывали дѣйствительно сильное направляющее вліяніе; но вліяніе ихъ на послѣдующія поколѣнія было въ то же время и чрезвычайно тлетворнымъ, такъ какъ они преслѣдовали краснокожихъ индѣйцевъ въ качествѣ «амалекитянъ» и «аммореянъ» и наказывали каленымъ желѣзомъ, тюрьмою и смертью всѣхъ, кого считали еретиками, богохульниками и колдунами.

Въ колоніяхъ Сѣверной Америки завладѣніе землями совершалось въ условіяхъ абсолютно иныхъ, чѣмъ въ территоріяхъ, завоеванныхъ испанцами, и это влекло за собою также иныя историческія слѣдствія. Воины Кортеца, Пизарро, Альмагро и другихъ завоевателей-испанцевъ завладѣвали Новымъ Свѣтомъ во имя своего короля, становившагося прямымъ и абсолютнымъ властителемъ завоеванной земли и ея населенія, тогда какъ переселенцы американскаго побережья отъ Флориды и Нью-Фаундленда до южнаго Лабрадора слагались въ особыя группы подъ управленіемъ и отвѣтственностью концессіонеровъ. Колоніи эти, независимо отъ того, были ли онѣ англійскими, голландскими или французскими, не являлись результатомъ военныхъ экспедицій, но получались путемъ относительно мирной дѣятельности и влекли за собою образованіе небольшихъ общинъ, аналогичныхъ соотвѣтственному отечеству—Англіи, Голландіи или Франціи.

Переселенцы, пересѣкавшіе океанъ, дѣйствовали совершенно такъ же, какъ если бы имъ пришлось переправиться черезъ рѣчку и устроиться на противоположномъ берегу ея. Люди, получавшіе отъ своего правительства право на пріобрѣтеніе леновъ въ заморской странѣ, привозили съ собою своихъ вассаловъ, и владѣнія ихъ тотчасъ же получали режимъ, аналогичный режиму въ ихъ отечествѣ. По существу всюду приходится наблюдать одну и ту же систему: владѣлецъ личный или безличный получалъ отъ правительства права владѣнія опредѣленной областью, и ему же поручалось въ то же время заселить ее избранными имъ людьми. Сами по себѣ колонисты не имѣли обыкновенно охоты покидать свое отечество; но иногда, подъ вліяніемъ младшихъ сыновей, побывавшихъ въ заморскихъ странахъ, или подъ вліяніемъ разсказовъ какого-нибудь авантюриста, обнадеживавшаго ихъ тѣмъ, что они прекрасно тамъ устроятся, они все же рѣшались отправиться въ Новый Свѣтъ, гдѣ ихъ ожидали обширнѣйшіе земельные участки,—они разсчитывали, конечно, если случай будетъ благопріятствовать, сдѣлаться сами владѣльцами леновъ и владѣтельными особами.

Изо всѣхъ сѣверо-американскихъ колоній лучше всего и долѣе

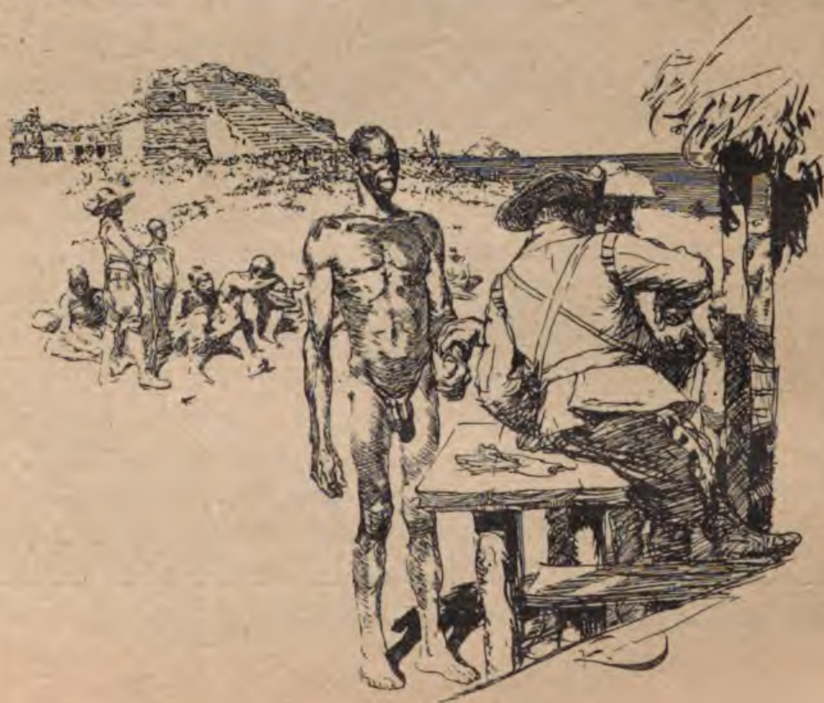
всего сохранили свой феодальный характеръ Акадія и Канада. Причиной тому было, что канадскихъ концессіонеровъ сопровождали ихъ кліенты, жившіе съ ними одинаковою жизнью и образовывавшіе съ ними нѣчто въ родѣ клана, вполнѣ напоминавшаго прежнія условія жизни на родинѣ, съ тою только разницею, что здѣсь, въ силу болѣе благопріятныхъ условій, было бо́льшее благосостояніе. Такое положеніе вещей удерживалось, благодаря наслѣдственной рутинѣ, столь сильно, что не было значительно измѣнено даже и завоеваніемъ Канады англичанами, происшедшимъ въ XVIII вѣкѣ,—оно сохраняется въ видѣ замѣчательныхъ пережитковъ и до нашихъ дней.

Болѣе быстрое развитіе претерпѣли колоніи побережья, основанныя или пріобрѣтенныя англичанами. Торговыя компаніи, которымъ правительство уступало обширныя земельныя пространства, и которыя раздѣляли эти пространства на участки, были представлены въ Новомъ Свѣтѣ не владѣтельными концессіонерами, а лишь ихъ управляющими. Лордъ Балтиморъ, которому былъ подаренъ Мэриләндъ, и Вильямъ Пеннъ, основатель Пенсильваніи, являлись рѣдкими представителями англійской знати, которые сами занимались устройствомъ своихъ земель—первый въ 1632 г., второй въ 1681 г.; впрочемъ, и они пробыли недолго въ своихъ владѣніяхъ. Управляющіе землями не обладали достаточнымъ авторитетомъ для поддержанія правъ своихъ господъ, въ силу чего произошли глубокія измѣненія въ первоначальной феодальной организаціи: въ носителяхъ власти стали скоро видѣть не болѣе какъ простыхъ сборщиковъ податей, противъ которыхъ все сильнѣе и сильнѣе возстановлялось общественное мнѣніе. Владѣльцы участковъ объединялись, собирались для обсужденія положенія вещей вмѣстѣ, и постепенно такія годовыя ихъ собранія обратились въ собранія политическія, и прежнія феодальныя привилегіи были уничтожены.

Разнаго рода особенности, зависѣвшія отъ удаленности, отъ новыхъ уловій труда, отъ почвы и отъ климата, были причиною тому, что въ различныхъ колоніяхъ образовалась самая курьезная смѣсь разнообразнѣйшихъ установленій, и въ этой смѣси первоначальныя условія трудно даже и опредѣлить. Въ южныхъ колоніяхъ мелкіе владѣльцы очень скоро освободились отъ тѣхъ высокихъ владѣтельныхъ особъ, которымъ были предоставлены ихъ провинціи, и образовали настоящую мѣстную аристократію, которая заставляла обрабатывать земли «нанятыхъ людей», т.-е. бѣлыхъ, обращенныхъ временно въ рабство, или же настоящихъ чернокожихъ рабовъ. Въ общинахъ Новой Англіи эволюція эта получила другое направленіе. Религіозныя стремленія пуританъ измѣнили феодальный режимъ общества такимъ образомъ, что авторитетъ вассаловъ владѣтельныхъ особъ былъ замѣненъ авторитетомъ духовныхъ лицъ и церковныхъ совѣтовъ. Правительственная власть преобразовалась, такимъ образомъ, во власть теократическую, іерархія

которой замѣнила собою іерархію феодальнаго режима. Однако, эти установленія перепутывались столь курьезнымъ образомъ, что, напримѣръ, типичная пуританская провинція, каковой была провинція Массачусетсъ, оставалась, тѣмъ не менѣе, «феодальной».

Каковы, однако, ни были экономическія и соціальныя измѣненія, происходившія въ колоніяхъ сѣверо-американскаго побережья, эти колоніи, по сравненію съ испанскими, сохраняли все же огромное преимущество въ томъ отношеніи, что оставались въ постоянномъ сношеніи съ отечественными странами и принимали, такимъ образомъ, болѣе или менѣе тѣсное участіе въ ихъ политической и духовной жизни. Между тѣмъ колоніи испанскія, зависѣвшія исключительно отъ «Индійскаго Совѣта» и закрытыя для всякой торговли и для всякаго переселенія, не совершающагося по приказанію королевской власти, стали, въ концѣ концовъ, совершенно игнорироваться самими испанцами и, какъ во времена до Колумба, сдѣлались странами, отдѣленными отъ Европы моремъ, непересѣкаемымъ кораблями. Между тѣмъ области Сѣверной Америки, располагающіяся какъ-разъ противъ Франціи и Англіи, сближались съ ними, наоборотъ, все болѣе и болѣе, и по обоимъ берегамъ «огромнаго рва», какимъ являлся Атлантическій океанъ, историческія движенія совершались одновременно, захватываемыя и распространяемыя одними и тѣми же волнами. Между Англіей и ея колоніями, съ полной очевидностью, начинало обнаруживаться единство цивилизаціи.



КОРОЛЬ-СОЛНЦЕ.

◆◆◆

Хронологія.

Германская имперія. Послѣ смерти Рудольфа, скончавшагося въ 1612 г., на тронѣ смѣнялись императоры Матѳей, Фердинандъ II (1619—1637), Фердинандъ III, Леопольдъ I (1658—1705) и Іосифъ, скончавшійся въ 1711 г.

Франція. Съ 1589 до 1715 г. лишь три коронованныя особы занимали тронъ: Генрихъ IV, убитый въ 1610 г., Людовикъ XIII, скончавшійся въ 1642 г., и Людовикъ XIV. Нѣкоторые изъ министровъ и генераловъ ихъ заслуживаютъ также быть отмѣченными: Сюлли (1559—1641), Ришелье (1585--1642), Мазарини (1602—1661), Тюреннь (1611—1675), Кольберъ (1619—1683), Конде (1621—1686), Лувуа (1639—1691), наконецъ, Вобанъ (1637—1707), личное значеніе котораго превосходило творенія, созданныя имъ и имѣвшія также большое значеніе.

Соединенное королевство. Съ 1603 г. Англія и Шотландія оказались во власти одного короля Іакова, правнука Генриха VII, но настоящее соединеніе обоихъ королевствъ произошло лишь въ 1707 г. Якову I наслѣдовалъ его сынъ Карлъ I (1625—1648); послѣ гибели главнѣйшихъ своихъ министровъ, изъ которыхъ лордъ Букингэмъ былъ убитъ, а лордъ Стаффордъ и архіепископъ Лоодъ казнены, король самъ нашелъ свой конецъ. За лордомъ-протекторомъ Оливеромъ Кромвелемъ, родившимся въ Гентингдонѣ въ 1599 г., послѣдовалъ въ 1658 г. его сынъ Ричардъ, вскорѣ уволенный въ отставку. Карлъ II, сынъ Карла I, подъ регентствомъ генерала Монка, вступаетъ затѣмъ на тронъ и управляетъ государствомъ до 1685 г. среди все болѣе и болѣе усиливающихся затрудненій; его братъ Яковъ II, которому въ репрессіяхъ помо-

гаетъ кровожадный Джеффрейсъ, достигаетъ еще меньшихъ результатовъ. Вильгельмъ III, штатгальтеръ Голландіи, внукъ Карла I и зять Якова II, высаживается въ Девонѣ въ 1688 г. и занимаетъ мѣсто своего тестя безо всякаго кровопролитія, давши лишь на будущее время гарантіи вѣрности представительному образу правленія. Яковъ II умираетъ въ Сенъ-Жерменѣ въ 1701 г., и Вильгельмъ III, уже овдовѣвшій, въ 1702 г. Дочь перваго и невѣстка второго становится королевой Англіи. Царствованіе ея знаменито побѣдами герцога Мальборо (1650—1722).

Польша. Шведъ Сигизмундъ Ваза, избранный королемъ Польши въ 1587 г., занимаетъ польскій тронъ до 1632 г.; затѣмъ слѣдуютъ его сыновья Владиславъ и Іоаннъ II (1648—1668) и Михаилъ Корибутъ. Янъ Собѣсскій, командовавшій съ 1648 г. всѣми польскими арміями, избранъ затѣмъ на королевскій престолъ въ 1674 г. и царствовалъ до 1696 г.

Россія. Царю Іоанну Грозному (1533—1584) наслѣдуетъ его сынъ Ѳеодоръ. Съ 1598 по 1613 г.—Смутное время, въ теченіе котораго царствуетъ Борисъ Годуновъ,—его сынъ и оба самозванца. Къ этому времени относится занятіе Москвы поляками. На царство избранъ Михаилъ Романовъ, и съ того времени продолжается его династія: Михаилъ (1613—1645), Алексѣй, Ѳеодоръ III (1675—1682) слѣдуютъ одинъ за другимъ, затѣмъ вступаютъ на престолъ сыновья Алексѣя, Іоаннъ и Петръ, подъ регентствомъ сестры ихъ Софіи. Петръ 17 лѣтъ устраняетъ брата и сестру и беретъ самъ бразды правленія (1689).

Швеція. Между послѣдователями Густава Вазы, Сигизмундъ III, который былъ также королемъ Польши и упомянутъ выше, лишился шведскаго престола и былъ замѣщенъ Карломъ IX. Сынъ послѣдняго Густавъ-Адольфъ взошелъ на тронъ 17 лѣтъ въ 1611 году. Смертельно раненный въ 1632 г. въ битвѣ при Люценѣ, онъ передаетъ управленіе государствомъ канцлеру Оксенштьерну (1583—1654), войско же свое опытнымъ полководцамъ Банеру, Торстензону и Врангелю, а корону—своей дочери Христинѣ. Она отказывается отъ трона въ 1654 г. и умираетъ въ Римѣ въ 1689 г., причемъ ее замѣщаетъ на тронѣ ея двоюродный братъ Карлъ X, внукъ котораго, Карлъ XII, разбитъ при Полтавѣ въ 1712 г.

[illegible]

[illegible], род. въ [illegible]	[illegible]
[illegible], род. въ [illegible]	[illegible]
[illegible], род. въ [illegible]	[illegible]
[illegible], род. въ [illegible]	[illegible]
[illegible], род. въ [illegible]	[illegible]
[illegible], род. въ [illegible]	[illegible]
[illegible], род. въ [illegible]	[illegible]
[illegible], философъ, род. въ [illegible]	[illegible]
[illegible], драматургъ, род. въ [illegible]	[illegible]
[illegible], математикъ, род. [illegible]	[illegible]
[illegible], философъ, род. въ [illegible]	[illegible]
[illegible], род. [illegible] . . .	[illegible]
[illegible], род. въ [illegible]	[illegible]
[illegible], род. въ [illegible] .	[illegible]



Король-Солнце

Длань Людовика XIV тяготѣетъ еще надъ севеннскими пустынями.

Глава четырнадцатая.

ГЕНРИХЪ IV и ЕЛИЗАВЕТА. — АНГЛІЯ—ВЛАСТИТЕЛЬНИЦА НАДЪ ВОДАМИ. — РЕЛИГІОЗНОЕ РАВНОВѢСІЕ. — ТРИДЦАТИЛѢТНЯЯ ВОЙНА.— РИШЕЛЬЕ, ФРОНДА, КОРОЛЬ-СОЛНЦЕ.—ВОЙНЫ и ГРАНИЦЫ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЛЮДОВИКА XIV.—УНИЧТОЖЕНІЕ НАНТСКАГО ЭДИКТА.— ИСТОЩЕНІЕ ФРАНЦІИ.—РЕВОЛЮЦІЯ и ГЕГЕМОНІЯ АНГЛІИ. — ТУРЦІЯ, ПОЛЬША, РОССІЯ, СИБИРЬ. —КОЛОНИСТЫ, КРѢПОСТНЫЕ и РАСКОЛЬНИКИ.—СТОЛИЦЫ РОССІИ.—КИТАЙ и ІЕЗУИТЫ.

Въ ту эпоху, когда Европа начинала захватывать страны по ту сторону океана и, послѣ завоеванія ихъ въ матеріальномъ смыслѣ, старалась завладѣвать ими и въ смыслѣ духовномъ, ея собственные народы были далеки еще отъ полнаго внутренняго равновѣсія и отдыхали отъ прежнихъ войнъ лишь для того, чтобы начать новыя. Къ тому же театръ

борьбы расширился: Европа начала сознавать самое себя, и идея соглашенія европейскихъ государствъ, зародившаяся отъ гуманитарнаго движенія эпохи Возрожденія, витала въ воздухѣ.

Франція, одна изъ державъ, принимавшихъ въ концѣ XVI вѣка наибольшее участіе въ духовной гегемоніи Запада, вступала въ періодъ полнаго спокойствія, послѣдовавшаго за страшнѣйшими пережитыми кризисами. Убійства Варѳоломеевой ночи, пожары, битвы, страшный голодъ въ Парижѣ и въ другихъ городахъ и мѣстностяхъ Франціи оставили послѣ себя впечатлѣніе ужаса: страна нуждалась въ отдыхѣ, и рессурсы ея, къ счастью, были достаточно великими, чтобы гарантировать ея существованіе и даже извѣстное процвѣтаніе. Генрихъ IV, который послѣ Варѳоломеевой ночи отказался отъ протестантизма, сдѣлался снова гугенотомъ, чтобы получить къ своимъ услугамъ войско, и безо всякихъ колебаній отпалъ въ третій разъ отъ религіи, чтобы стать королемъ Франціи. Католическая лига, обезоруженная этимъ обращеніемъ, должна была согласиться на его вступленіе на престолъ, и находившіеся во главѣ повстанцевъ Гизы, претендовавшіе на тронъ, должны были подчиниться. Самъ король Испаніи, уставшій давать солдатъ и деньги для защиты дѣла, завѣдомо проиграннаго, подписалъ, въ концѣ концовъ, наканунѣ своей смерти, мирный договоръ. Іезуиты съ сознаніемъ своей собственной виновности въ томъ, что имъ не удалось вовремя убить короля, принуждены были временно удалиться въ изгнаніе, а гугеноты, въ силу Нантскаго эдикта (1598 г.), получили право мирно жить рядомъ съ католиками, молиться такъ, какъ имъ нравится, соблюдая лишь законы королевства. Въ теченіе еще 12 лѣтъ французскій народъ могъ жить почти въ полномъ мирѣ, если не считать кое-какихъ мелкихъ войнъ въ областяхъ Альповъ и Юры; утверждаютъ даже, хотя и безъ настоящихъ статистическихъ доказательствъ, что народонаселеніе увеличилось на 3 милліона душъ, поднявшись съ 10 на 13 милліоновъ, тогда какъ Испанія въ эту эпоху утратила именно такое же число обитателей. Генрихъ, правда, подготовлялъ и свои финансы и свои войска для новыхъ кровавыхъ предпріятій,—именно казалось почти неизбѣжнымъ, что произойдетъ столкновеніе между французскими арміями и войсками австрійскаго дома; ужасы войны должны были начаться вновь, но Генрихъ IV, павъ отъ кинжала Равальяка, оставилъ свою страну приспособляться къ новымъ политическимъ конъюнктурамъ подъ регентствомъ флорентинки Маріи Медичи и ея фаворитовъ-итальянцевъ.

Впрочемъ, французскій народъ, не безъ вліянія оффиціальной пропаганды со стороны католической Церкви и роялистской аристократіи, сохраняетъ воспоминаніе о Генрихѣ IV какъ о королѣ, отличавшемся большимъ непостоянствомъ и любовью къ роскоши; но, вмѣстѣ съ тѣмъ,

онъ рисуется въ народной памяти и какъ король, не питавшій ненависти къ своимъ подданнымъ, какъ большинство другихъ властителей. Генрихъ IV сохранилъ репутацію короля, желавшаго, чтобы бѣдные не голодали,—при случаѣ онъ устраивалъ имъ даже богатыя трапезы; но это нисколько не мѣшало ему безжалостно преслѣдовать браконьеровъ и сокращать, насколько только было возможно, все, что еще оставалось отъ муниципальныхъ и національныхъ свободъ. Этотъ же самый Генрихъ IV отнюдь не соглашался на созывъ генеральныхъ штатовъ. Именно въ результатѣ царствованія Генриха IV явились Ришелье и Людовикъ XIV.

Въ Великобританіи измѣненіе религіи получило оффиціальный и окончательный характеръ: изъ насильственнаго раскола, какимъ была религія, навязанная Генрихомъ VIII своимъ подданнымъ, англиканскій протестантизмъ сдѣлался вѣроисповѣданіемъ, имѣющимъ свой оригинальный характеръ, свои догматы, свою обрядность и нѣкоторыя начала религіозныхъ традицій. Однако, въ то же время измѣненіе догматовъ и обрядовъ не успѣло совершиться въ столь законченной формѣ, чтобы католическая реакція не имѣла возможности снова одержать верхъ на нѣкоторое время. При содѣйствіи все еще весьма властнаго надъ толпою обаянія королевской власти дочь Катерины Арагонской, Марія, ярая католичка, одержала въ 1553 г. верхъ надъ протестанткой Жанной Грей, и эта ея несчастная соперница потеряла вскорѣ свою голову на плахѣ. Въ теченіе пяти лѣтъ царствованія Марія смогла даже возобновить преслѣдованія еретиковъ католическою церковью; она возстановила подъ другимъ наименованіемъ суды инквизиціи и отправила на костры не менѣе 300 людей, между которыми было три англиканскихъ прелата, 60 женщинъ и 40 дѣтей. Въ глазахъ своихъ подданныхъ протестантовъ королева стала «Маріей Кровавой». Тѣмъ не менѣе, она умерла естественною смертью послѣ того, какъ впутала Англію въ войну съ Франціей и послѣ побѣды при Сенъ-Кентенѣ соединила свои войска съ войсками своего супруга Филиппа II.

Въ порядкѣ естественнаго престолонаслѣдія на англійскій тронъ вступила въ 1558 г. королева Елизавета, также дочь Генриха VIII, но отъ Анны Болейнъ, и съ ея воцареніемъ возстановилось господство англиканской церкви. То состояніе подвижного равновѣсія, въ которомъ находилась Англія, съ точки зрѣнія религіозной, прекратилось совершенно: съ этого времени окончательно воцаряется протестантизмъ, представляемый не только государственною церковью, которая стала великою наслѣдницею католической церкви, но и многочисленными различными сектами, зародившимися въ силу возможности свободнаго изслѣдованія и въ силу проявившейся у вѣрующихъ инціативы. Новая оффиціальная религія, считавшая себя, подобно своей предшественницѣ,

непогрѣшимою, должна была обороняться, съ одной стороны, противъ католиковъ, стремившихся еще къ возвращенію утраченной власти, съ другой—противъ «диссидентовъ», позволявшихъ себѣ вѣровать и совершать обряды, слѣдуя лишь своимъ убѣжденіямъ, а не установленнымъ церковью предписаніямъ. Установившійся въ Англіи въ царствованіе Елизаветы, т.-е. въ теченіе всей послѣдней половины XVI вѣка, режимъ былъ режимомъ «сильной правительственной власти», иначе говоря, режимъ, мало заботившійся о сохраненіи человѣческихъ жизней: въ среднемъ ежегодно за различныя преступленія, проступки и убѣжденія вѣшалось около 500 человѣкъ! «Верховная комиссія», назначенная королевой, располагала всѣми правами надъ подданными, даже имѣла право предавать ихъ непосредственно военному суду. Запуганный парламентъ не рѣшался критиковать дѣйствія повелительницы и воздерживался даже отъ примѣненія самой существенной изъ своихъ прерогативъ—отъ вотированія бюджета. Англія была вполнѣ предоставлена на усмотрѣніе «королевы-дѣвы», бывшей, впрочемъ, очень экономной даже и при выполненіи своихъ капризовъ: она одобряла роскошь и затраты, производившіяся въ ея честь временными ея фаворитами, но сама не участвовала въ ихъ расточительности [1]).

И, тѣмъ не менѣе, Елизавета осталась окруженною ореоломъ славы въ народной памяти по причинамъ, аналогичнымъ тѣмъ, которыя дѣлали «короля Генриха» популярнымъ во Франціи; царствованіе ея представляетъ собою періодъ чрезвычайнаго развитія торговли и промышленности. Всѣ мирныя искусства процвѣтали, и населеніе, менѣе угнетенное бѣдностью, чѣмъ ранѣе, и получавшее болѣе широкое поле для своей дѣятельности, сильно возросло въ численности. До конца XVI столѣтія древніе законы, запрещавшіе земледѣльцамъ покидать свои участки, оставались въ силѣ, и населеніе не получило права передвиженія. Лишь въ немногихъ округахъ, тамъ, гдѣ развилась уже мануфактурная промышленность, главнымъ образомъ, въ Норвичѣ, хозяева-ткачи имѣли право брать учениковъ всюду, гдѣ имъ хотѣлось. Съ наступленіемъ новой эры, въ теченіе которой Великобританія стала во главѣ міровой промышленности, экономическіе перевороты эти дѣйствовали на древніе обычаи и заставляли законодательства подчиняться имъ. Съ этого времени, въ силу указовъ королевы Елизаветы и ея послѣдователей, промышленники получили право вербовать рабочихъ среди крестьянъ и приглашать даже мастеровъ для руководства работами изъ странъ, лежащихъ за предѣлами Англіи. Войны и религіозныя преслѣдованія, свирѣпствовавшія еще на континетѣ, были причиною

1) W. Denton. «England in the fifteenth Century», pp. 217 ss.

того, что въ Англію попадало большое число развитыхъ и образованныхъ людей, изъ коихъ многіе были очень опытны въ различныхъ ремеслахъ и искусствахъ. Англія обогащалась, такимъ образомъ, за счетъ континентальныхъ странъ, и тѣ, кого она принимала, являлись въ настоящемъ смыслѣ избранными людьми, такъ какъ они обладали твер-



Темница принцессы Елизаветы въ лондонской башнѣ въ теченіе царствованія ея сестры Маріи.

дыми убѣжденіями, что уже является достаточно рѣдкимъ, и настойчиво отстаивали свои убѣжденія, не останавливаясь ни передъ разореніемъ, ни передъ изгнаніемъ, что является еще болѣе рѣдкимъ. Почти внезапно силы духовныя и моральныя и матеріальная цивилизація населенія Англіи увеличились въ грандіозной пропорціи благодаря этому притоку бѣглецовъ и изгнанниковъ изъ Фламандіи, которые появлялись толпами въ промышленныхъ округахъ Англіи; они не только развивали уже существующія ремесла, но и дѣлали попытки къ созданію новыхъ. Это было время высокаго подъема въ дѣлѣ ускоренія національнаго прогресса. Утверждаютъ даже, что и въ наши дни, по прошествіи болѣе трехъ вѣковъ, графства, въ которыя были вложены

трудъ, мысль и любовь къ свободѣ фламандцевъ, отличаются и теперь еще большимъ числомъ гражданъ, обладающихъ и духомъ инициативы и высокими моральными качествами. Эта давняя наслѣдственность оставила до сихъ поръ замѣтные слѣды [1]).

Усиливающаяся подвижность внутренней жизни страны соотвѣтствовала усиленію наружнаго расширенія ея. Страсть къ приключеніямъ, къ путешествіямъ, еще и ранѣе сильно проявлявшаяся въ Англіи, стала общей народной чертою и проникла даже въ литературу; сотни, тысячи людей, вышедшихъ изъ нормальныхъ условій, шли по стопамъ Вальтера Рэлей или какого-нибудь другого искателя богатствъ или чудесъ и отправлялись въ дальнія страны. Истребленіе Великой Армады испанцевъ дѣлало море свободнымъ, и съ того времени англичане, не видя передъ собою никакихъ другихъ соперниковъ, кромѣ голландцевъ, имѣли открытыми и свободными всѣ великіе пути по океану.

Пока торговые центры оставались въ бассейнѣ Средиземнаго моря, пока такими центрами являлись Тиръ и Карѳагенъ, Византія и Сиракузы, Венеція и Генуя,—Великобританія казалась на одномъ изъ самыхъ дальнихъ концовъ обитаемыхъ областей земного шара; ея мысы и архипелаги острововъ, обращенные непосредственно къ бурнымъ волнамъ океана, представлялись опасными границами, за предѣлы которыхъ никто не рѣшался перейти. Съ того времени, однако, какъ былъ открытъ Новый Свѣтъ, и было совершено первое кругосвѣтное плаваніе, съ того времени, какъ земля стала фактически круглою, весь извѣстный человѣчеству міръ перемѣстился, такъ сказать, по отношенію къ Британскимъ островамъ, и Англія, переставъ быть крайнимъ предѣломъ обитаемыхъ странъ, оказалась внезапно если и не въ настоящемъ центрѣ, то, во всякомъ случаѣ, около середины географическаго цѣлаго, представляемаго континентами. Ни одна другая страна не занимала положенія болѣе совершеннаго, въ смыслѣ обмѣна со всѣмъ остальнымъ міромъ [2]). Впрочемъ, Англія еще съ давнихъ временъ, съ царствованія Эдуарда I, въ 1299 г., претендовала на господство надъ всѣми водами христіанскаго міра, вплоть до береговъ Испаніи. Эта претензія поддерживалась даже международнымъ правомъ, и англійскіе военные корабли въ открытомъ морѣ требовали себѣ салюта.

Однако, представленіе о «Британіи, господствующей надъ волнами и надъ всѣми морями», господствующей одновременно какъ благодаря своимъ морскимъ разбойникамъ, такъ и благодаря своимъ торговымъ мореплавателямъ, относится, главнымъ образомъ, къ эпохѣ развитія

1) Richard Heath. Notes manuscrites.
2) H. J. Mackinder. «Britain and the British Seas», p. I, 4.

торговыхъ сношеній, начавшейся въ концѣ XVI вѣка. Стали даже опредѣлять всѣ морскія пространства, простирающіяся до мыса Финистерре,

№ 398. Плимутъ и Атлантическій океанъ.



1: 100 000 000

0 1000 2500 5000 килом.

Островъ Вайгачъ находится между Новою Землею и континентомъ; островъ Колгуевъ находится на полдорогѣ между Вайгачемъ и входомъ въ Бѣлое море; Карское море простирается отъ Новой Земли до устья Оби.

какъ «Британскія моря» или, еще лучше, какъ «моря Его Величества»; несмотря на то, что въ наше время международные законы признаютъ

торговэго судоходства королевства, такъ какъ долженъ былъ предоставить въ распоряженіе короля двадцать судовъ. Легко вообразить себѣ, какъ по сравненію съ нимъ скроменъ долженъ былъ быть Ливерпуль, если съ него потребовали всего лишь одну лодку съ шестью матросами.

Такимъ образомъ, общая картина историческаго положенія развертывается теперь передъ нами. Въ тѣ времена главнѣйшими «пятью портовыми городами» Англіи были Гастингсъ, Уинчельси, Рай, Ромней,



Устье р. Эвонъ выше Бристоля.

Хайсъ, изъ коихъ въ настоящее время два или три находятся даже на нѣкоторомъ разстояніи берега, и ни одинъ не имѣетъ значенія сколько-нибудь крупнаго, они теперь не болѣе какъ центры мелкаго рыболовства и любительскаго морского спорта; въ тѣ же времена они являлись какъ бы выдвинутыми впередъ щупальцами Лондона, такъ какъ были гаванями наиболѣе близкими къ континенту, откуда моряки могли скорѣе всего достигнуть береговъ Нормандіи или Фландріи. Бойкая жизнь въ этихъ пунктахъ притягивала къ себѣ жизнь изъ другихъ частей страны, и все движеніе въ Англіи должно было стремиться именно въ данномъ направленіи; притяженіе континентальной цивилизаціи требовало отъ государства, чтобы въ этой области побережья концентрировалось все, что только обладало силою, ибо надо было не только получать товары, но и быстро реагировать на насилія и нападать самостоятельно. Въ концѣ XVI вѣка теченіе событій отнюдь не повлекло

къ юго-восточному углу главнаго острова, гдѣ находилась столица, стала сказываться въ то же время, хотя и въ меньшей степени, и въ

№ 400. «Пять портовыхъ городовъ».



„Пять портовыхъ городовъ", какъ англичане до сихъ поръ называютъ эти пять древнихъ гаваней, отмѣчены на картѣ крупнымъ тонкимъ шрифтомъ; крупные современные портовые города нанесены жирнымъ шрифтомъ. Тильбёри и Грэвзендъ являются не болѣе какъ торговыми предмѣстьями Лондона, служащими для выгрузки товаровъ; въ Чэтхэмѣ находится военный арсеналъ; Квинсбороу и Фолькстонъ—конечные пункты пассажирскаго пароходнаго сообщенія съ Флиссингеномъ и Булонью; Дувръ служитъ для сношенія съ Остенде и Кале и обладаетъ также большимъ значеніемъ какъ гавань, въ которую заходятъ по дорогѣ; Соусендъ, Мэргэтъ, Рэмсгэтъ, Гастингсъ, Истборнъ—мѣста морскихъ купаній.

остальныхъ частяхъ территоріи страны. Городъ Плимутъ, располагающійся у юго-западной оконечности королевства, сдѣлался крупнымъ военнымъ портомъ, откуда снаряжались и дальнія морскія экспедиціи; въ то же время на западномъ побережьѣ городъ Бристоль, прекрасно расположенный въ устьѣ рѣки, гдѣ ежедневно высоко подымается мор-

Елизаветы въ 1603 г., Яковъ VI, король Шотландіи, сынъ обезглавленной Маріи Стюартъ, былъ провозглашенъ королемъ Англіи и принялъ имя Якова I. Это совершилось согласно закону престолонаслѣдія и согласно волѣ королевы Елизаветы, и англійскій народъ, въ полномъ сознаніи своего политическаго и соціальнаго превосходства, не оказалъ тому никакого противодѣйствія. Отдѣльныя ранѣе королевства Англіи и Шотландіи сдѣлались съ этого времени объединенной Великобрита-



Современный портъ Рай.

ніей, и король, переселившійся изъ Эдинбурга въ Лондонъ, имѣлъ неоднократно случай показать своими огромными издержками, какъ сильно измѣнилась окружающая его среда.

Въ началѣ XVII вѣка кризисъ протестантизма почти окончательно завершился въ трехъ главнѣйшихъ странахъ Западной Европы если и не въ смыслѣ своихъ соціальныхъ послѣдствій, то, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ первой стадіи, именно религіозной. На Иберійскомъ полуостровѣ католицизмъ одержалъ полнѣйшую побѣду, раздавивъ одновременно съ правомъ свободнаго толкованія Священнаго Писанія и всякую личную и общественную инициативу. Въ Великобританіи произошло обратное явленіе: тамъ римско-католическая церковь потерпѣла полное пораженіе со стороны протестантскихъ сектъ, и душами овладѣло новое религіозное увлеченіе. Франція, находившаяся между этими двумя крайностями, не вынесла точнаго и опредѣленнаго рѣшенія ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ, но, можно сказать, конечный результатъ, нѣсколько ослабленный,

опредѣлялся все же скорѣе побѣдою Рима. Движеніе, аналогичное таковому же великихъ западныхъ странъ, происходило и въ области Нидерландовъ, гдѣ южныя области, т.-е. Бельгія, оставались подъ игомъ, наложеннымъ Филиппомъ II, тогда какъ Соединенныя Провинціи сохранили свое вѣроисповѣданіе и свою политическую свободу. Такимъ образомъ, какъ замѣчаетъ Тэнъ, кризисъ эпохи Возрожденія возстановилъ вновь христіанство въ сѣверныхъ странахъ вмѣсто того, чтобы эмансипировать ихъ какъ страны латинскія.

Въ Германіи обѣ борющіяся религіи находились въ состояніи подвижного равновѣсія. Трактаты и мирные договоры, подписанные соперничающими вѣроисповѣданіями, не были искренними ни съ той, ни съ другой стороны, и несогласіе протестантскихъ сектъ, кальвинистовъ и лютеранъ, усложняло положеніе и позволяло тому, кто обладалъ достаточной ловкостью, завязывать цѣлую хитрую сѣть различныхъ комбинацій въ той великой драмѣ, которая подготовлялась. Уже нѣсколько разъ война едва-едва не начиналась, и двѣ огромныя арміи подготовлялись съ обѣихъ сторонъ. Когда въ 1608 г. состоялся союзъ князей и городовъ, объединившійся въ защиту протестантизма, то въ 1609 г., въ отвѣтъ ему, снова начала дѣйствовать католическая лига. За предѣлами Германіи Испанія и Франція держались наготовѣ, чтобы принять участіе въ борьбѣ,—одна изъ нихъ имѣла при этомъ своею цѣлью осуществить идеалы іезуитизма и всемірной церкви, тогда какъ другая воодушевлялась политическою задачею—ослабить могущество Австрійскаго дома и занять его мѣсто въ гегемоніи Европы. Однако, смерть Генриха IV задержала нѣсколько теченіе событій, пока война не началась по чисто-случайному поводу, именно вслѣдствіе того, что въ Прагѣ толпою чеховъ, недовольныхъ имперскими совѣтниками, были выбиты окна во дворцѣ.

Это произошло въ 1618 г., и въ теченіе 30 лѣтъ затѣмъ продолжалось кровопролитіе, сопровождавшееся безчисленными бѣдствіями. Первое столкновеніе было неблагопріятно для защитниковъ новыхъ вѣяній: въ битвѣ при Бѣлой Горѣ (1620 г.) возставшіе богемцы оказались во власти императора Фердинанда II, который завершилъ свой успѣхъ ужаснѣйшими и методическими преслѣдованіями подъ мудрымъ направленіемъ іезуитовъ,—въ теченіе трехъ вѣковъ побѣжденная и остававшаяся вѣрною навязанному ей вѣроисповѣданію Богемія не была въ состояніи подняться, и политическая жизнь въ ней оживилась лишь со времени новѣйшихъ революцій. Одержавъ побѣду въ Богеміи, императорскія католическія войска Австріи, Баваріи и Испаніи побѣдоносно захватили и Палатинатъ, затѣмъ берега низовьевъ Рейна и сѣверной германской равнины. Послѣ десяти лѣтъ войны религіозная и политическая реакція, какъ казалось, одержала побѣду во всей центральной

Европѣ, хотя король Даніи Христіанъ IV и поспѣшилъ на помощь про-

№ 401. Театръ тридцатилѣтней войны.



Масштабъ 1 : 6000000.

Главные факты этой войны слѣдующіе (к—побѣда католиковъ, п—побѣда протестантовъ): побѣда австрійцевъ и пораженіе протестантовъ въ 1620 г. у Бѣлой Горы: 1622 г.—битва при Вимпфенѣ (к), битва при Гёхстѣ (к); 1623 г.—битва при Штадтлонѣ (к); 1625 г.—прибытіе Густава-Адольфа; 1631 г.—осада Магдебурга, Брейтенфельда (п), битва при Донавёртѣ (п); переходъ Леха (п); 1632 г.—битва при Люценѣ (п); 1634 г.—битва при Нёрдлингенѣ (к); 1636 г.—битва при Виттстокѣ (п); 1638 г.—битва при Рейнфельдѣ (п), битва при Бризахѣ (п); 1639 г.—битва при Хемницѣ (п), битва при Глогау (п), битва при Швейдницѣ (п); 1641 г.—битва при Вольфенбюттелѣ (п), 1643 г.—битва при Ротвейлѣ (п); битва при Тутлингенѣ (к); 1644 г.—битва при Фрейбургѣ (п), битва при Ютерборгѣ (п); 1645 г.—битва при Маріенталѣ (к), битва при Янковицѣ (п), битва при Нердлингенѣ (п); 1647 г.—битва при Лауингенѣ; 1648 г.—битва при Зюсмаршѣ (п), битва при Райнѣ (п); Вѣнѣ угрожаетъ опасность, взятіе замка Праги шведами.

Битва при Рокруа въ 1643 г. и при Ленсѣ 1648 г., когда императорскія войска были разбиты, принадлежатъ къ тому же циклу войны.

Слѣдующій списокъ выдающихся личностей пополняетъ собою таковой на стр. 387 вплоть до 1667 г.

Бенъ-Джонсонъ, поэтъ-драматургъ, род. въ Лондонѣ	1573—1637
Рембрандъ (Ванъ Ринъ), художникъ, род. въ Лейденѣ	1606—1669
Джонъ Мильтонъ, поэтъ, род. въ Лондонѣ	1608—1674
Боссюэтъ, духовный ораторъ, род. въ Дижонѣ	1627—1704
Карлъ Перро, писатель, род. въ Парижѣ	1628—1703
Джонъ Локкъ, философъ, род. въ Соммерсетѣ	1632—1704
Николай Буало, поэтъ, род. въ Парижѣ	1636—1711
Николай де-Мальбраншъ, философъ, род. въ Парижѣ	1638—1715
Жанъ Расинъ, драматургъ, род. въ Ла-Шерте-Милонъ	1639—1699
Исаакъ Ньютонъ, математикъ, род. близъ Линкольна	1642—1727
Готфридъ Лейбницъ, философъ, род. въ Лейпцигѣ . .	1646—1716
Петръ Байль, философъ, род. близъ Фуа	1647—1706
Фенелонъ, духовный писатель, род. въ Перигорѣ . .	1651—1715
Іонафанъ Свифтъ, писатель, род. въ Дублинѣ	1657—1745



Длань Людовика XIV тяготѣетъ еще
надъ севеннскими пустынями.

Глава четырнадцатая.

ГЕНРИХЪ IV и ЕЛИЗАВЕТА. — АНГЛІЯ—ВЛАСТИТЕЛЬНИЦА НАДЪ ВОДАМИ. — РЕЛИГІОЗНОЕ РАВНОВѢСІЕ. — ТРИДЦАТИЛѢТНЯЯ ВОЙНА.— РИШЕЛЬЕ, ФРОНДА, КОРОЛЬ-СОЛНЦЕ.—ВОЙНЫ и ГРАНИЦЫ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЛЮДОВИКА XIV.—УНИЧТОЖЕНІЕ НАНТСКАГО ЭДИКТА.— ИСТОЩЕНІЕ ФРАНЦІИ.—РЕВОЛЮЦІЯ и ГЕГЕМОНІЯ АНГЛІИ. — ТУРЦІЯ, ПОЛЬША, РОССІЯ, СИБИРЬ. — КОЛОНИСТЫ, КРѢПОСТНЫЕ и РАСКОЛЬНИКИ.—СТОЛИЦЫ РОССІИ.—КИТАЙ и ІЕЗУИТЫ.

Въ ту эпоху, когда Европа начинала захватывать страны по ту сторону океана и, послѣ завоеванія ихъ въ матеріальномъ смыслѣ, старалась завладѣвать ими и въ смыслѣ духовномъ, ея собственные народы были далеки еще отъ полнаго внутренняго равновѣсія и отдыхали отъ прежнихъ войнъ лишь для того, чтобы начать новыя. Къ тому же театръ

борьбы расширился: Европа начала сознавать самое себя, и идея соглашенія европейскихъ государствъ, зародившаяся отъ гуманитарнаго движенія эпохи Возрожденія, витала въ воздухѣ.

Франція, одна изъ державъ, принимавшихъ въ концѣ XVI вѣка наибольшее участіе въ духовной гегемоніи Запада, вступала въ періодъ полнаго спокойствія, послѣдовавшаго за страшнѣйшими пережитыми кризисами. Убійства Варѳоломеевой ночи, пожары, битвы, страшный голодъ въ Парижѣ и въ другихъ городахъ и мѣстностяхъ Франціи оставили послѣ себя впечатлѣніе ужаса: страна нуждалась въ отдыхѣ, и рессурсы ея, къ счастью, были достаточно великими, чтобы гарантировать ея существованіе и даже извѣстное процвѣтаніе. Генрихъ IV, который послѣ Варѳоломеевой ночи отказался отъ протестантизма, сдѣлался снова гугенотомъ, чтобы получить къ своимъ услугамъ войско, и безо всякихъ колебаній отпалъ въ третій разъ отъ религіи, чтобы стать королемъ Франціи. Католическая лига, обезоруженная этимъ обращеніемъ, должна была согласиться на его вступленіе на престолъ, и находившіеся во главѣ повстанцевъ Гизы, претендовавшіе на тронъ, должны были подчиниться. Самъ король Испаніи, уставшій давать солдатъ и деньги для защиты дѣла, завѣдомо проиграннаго, подписалъ, въ концѣ концовъ, наканунѣ своей смерти, мирный договоръ. Іезуиты съ сознаніемъ своей собственной виновности въ томъ, что имъ не удалось вовремя убить короля, принуждены были временно удалиться въ изгнаніе, а гугеноты, въ силу Нантскаго эдикта (1598 г.), получили право мирно жить рядомъ съ католиками, молиться такъ, какъ имъ нравится, соблюдая лишь законы королевства. Въ теченіе еще 12 лѣтъ французскій народъ могъ жить почти въ полномъ мирѣ, если не считать кое-какихъ мелкихъ войнъ въ областяхъ Альповъ и Юры; утверждаютъ даже, хотя и безъ настоящихъ статистическихъ доказательствъ, что народонаселеніе увеличилось на 3 милліона душъ, поднявшись съ 10 на 13 милліоновъ, тогда какъ Испанія въ эту эпоху утратила именно такое же число обитателей. Генрихъ, правда, подготовлялъ и свои финансы и свои войска для новыхъ кровавыхъ предпріятій,—именно казалось почти неизбѣжнымъ, что произойдетъ столкновеніе между французскими арміями и войсками австрійскаго дома; ужасы войны должны были начаться вновь, но Генрихъ IV, павъ отъ кинжала Равальяка, оставилъ свою страну приспособляться къ новымъ политическимъ конъюнктурамъ подъ регентствомъ флорентинки Маріи Медичи и ея фаворитовъ-итальянцевъ.

Впрочемъ, французскій народъ, не безъ вліянія оффиціальной пропаганды со стороны католической Церкви и роялистской аристократіи, сохраняетъ воспоминаніе о Генрихѣ IV какъ о королѣ, отличавшемся большимъ непостоянствомъ и любовью къ роскоши; но, вмѣстѣ съ тѣмъ,

онъ рисуется въ народной памяти и какъ король, не питавшій ненависти къ своимъ подданнымъ, какъ большинство другихъ властителей. Генрихъ IV сохранилъ репутацію короля, желавшаго, чтобы бѣдные не голодали,—при случаѣ онъ устраивалъ имъ даже богатыя трапезы; но это нисколько не мѣшало ему безжалостно преслѣдовать браконьеровъ и сокращать, насколько только было возможно, все, что еще оставалось отъ муниципальныхъ и національныхъ свободъ. Этотъ же самый Генрихъ IV отнюдь не соглашался на созывъ генеральныхъ штатовъ. Именно въ результатѣ царствованія Генриха IV явились Ришелье и Людовикъ XIV.

Въ Великобританіи измѣненіе религіи получило оффиціальный и окончательный характеръ: изъ насильственнаго раскола, какимъ была религія, навязанная Генрихомъ VIII своимъ подданнымъ, англиканскій протестантизмъ сдѣлался вѣроисповѣданіемъ, имѣющимъ свой оригинальный характеръ, свои догматы, свою обрядность и нѣкоторыя начала религіозныхъ традицій. Однако, въ то же время измѣненіе догматовъ и обрядовъ не успѣло совершиться въ столь законченной формѣ, чтобы католическая реакція не имѣла возможности снова одержать верхъ на нѣкоторое время. При содѣйствіи все еще весьма властнаго надъ толпою обаянія королевской власти дочь Катерины Арагонской, Марія, ярая католичка, одержала въ 1553 г. верхъ надъ протестанткой Жанной Грей, и эта ея несчастная соперница потеряла вскорѣ свою голову на плахѣ. Въ теченіе пяти лѣтъ царствованія Марія смогла даже возобновить преслѣдованія еретиковъ католическою церковью; она возстановила подъ другимъ наименованіемъ суды инквизиціи и отправила на костры не менѣе 300 людей, между которыми было три англиканскихъ прелата, 60 женщинъ и 40 дѣтей. Въ глазахъ своихъ подданныхъ протестантовъ королева стала «Маріей Кровавой». Тѣмъ не менѣе, она умерла естественною смертью послѣ того, какъ впутала Англію въ войну съ Франціей и послѣ побѣды при Сенъ-Кентенѣ соединила свои войска съ войсками своего супруга Филиппа II.

Въ порядкѣ естественнаго престолонаслѣдія на англійскій тронъ вступила въ 1558 г. королева Елизавета, также дочь Генриха VIII, но отъ Анны Болейнъ, и съ ея воцареніемъ возстановилось господство англиканской церкви. То состояніе подвижного равновѣсія, въ которомъ находилась Англія, съ точки зрѣнія религіозной, прекратилось совершенно: съ этого времени окончательно воцаряется протестантизмъ, представляемый не только государственною церковью, которая стала великою наслѣдницею католической церкви, но и многочисленными различными сектами, зародившимися въ силу возможности свободнаго изслѣдованія и въ силу проявившейся у вѣрующихъ инициативы. Новая оффиціальная религія, считавшая себя, подобно своей предшественницѣ,

непогрѣшимою, должна была обороняться, съ одной стороны, противъ католиковъ, стремившихся еще къ возвращенію утраченной власти, съ другой—противъ «диссидентовъ», позволявшихъ себѣ вѣровать и совершать обряды, слѣдуя лишь своимъ убѣжденіямъ, а не установленнымъ церковью предписаніямъ. Установившійся въ Англіи въ царствованіе Елизаветы, т.-е. въ теченіе всей послѣдней половины XVI вѣка, режимъ былъ режимомъ «сильной правительственной власти», иначе говоря, режимъ, мало заботившійся о сохраненіи человѣческихъ жизней: въ среднемъ ежегодно за различныя преступленія, проступки и убѣжденія вѣшалось около 500 человѣкъ! «Верховная комиссія», назначенная королевой, располагала всѣми правами надъ подданными, даже имѣла право предавать ихъ непосредственно военному суду. Запуганный парламентъ не рѣшался критиковать дѣйствія повелительницы и воздерживался даже отъ примѣненія самой существенной изъ своихъ прерогативъ—отъ вотированія бюджета. Англія была вполнѣ предоставлена на усмотрѣніе «королевы-дѣвы», бывшей, впрочемъ, очень экономной даже и при выполненіи своихъ капризовъ: она одобряла роскошь и затраты, производившіяся въ ея честь временными ея фаворитами, но сама не участвовала въ ихъ расточительности [1]).

И, тѣмъ не менѣе, Елизавета осталась окруженною ореоломъ славы въ народной памяти по причинамъ, аналогичнымъ тѣмъ, которыя дѣлали «короля Генриха» популярнымъ во Франціи; царствованіе ея представляетъ собою періодъ чрезвычайнаго развитія торговли и промышленности. Всѣ мирныя искусства процвѣтали, и населеніе, менѣе угнетенное бѣдностью, чѣмъ ранѣе, и получавшее болѣе широкое поле для своей дѣятельности, сильно возросло въ численности. До конца XVI столѣтія древніе законы, запрещавшіе земледѣльцамъ покидать свои участки, оставались въ силѣ, и населеніе не получило права передвиженія. Лишь въ немногихъ округахъ, тамъ, гдѣ развилась уже мануфактурная промышленность, главнымъ образомъ, въ Норвичѣ, хозяева-ткачи имѣли право брать учениковъ всюду, гдѣ имъ хотѣлось. Съ наступленіемъ новой эры, въ теченіе которой Великобританія стала во главѣ міровой промышленности, экономическіе перевороты эти дѣйствовали на древніе обычаи и заставляли законодательства подчиняться имъ. Съ этого времени, въ силу указовъ королевы Елизаветы и ея послѣдователей, промышленники получили право вербовать рабочихъ среди крестьянъ и приглашать даже мастеровъ для руководства работами изъ странъ, лежащихъ за предѣлами Англіи. Войны и религіозныя преслѣдованія, свирѣпствовавшія еще на континентѣ, были причиною

---

1) W. Denton. «England in the fifteenth Century», pp. 217 ss.

того, что въ Англію попадало большое число развитыхъ и образованныхъ людей, изъ коихъ многіе были очень опытны въ различныхъ ремеслахъ и искусствахъ. Англія обогащалась, такимъ образомъ, за счетъ континентальныхъ странъ, и тѣ, кого она принимала, являлись въ настоящемъ смыслѣ избранными людьми, такъ какъ они обладали твер-



Темница принцессы Елизаветы въ лондонской башнѣ въ теченіе царствованія ея сестры Маріи.

дыми убѣжденіями, что уже является достаточно рѣдкимъ, и настойчиво отстаивали свои убѣжденія, не останавливаясь ни передъ разореніемъ, ни передъ изгнаніемъ, что является еще болѣе рѣдкимъ. Почти внезапно силы духовныя и моральныя и матеріальная цивилизація населенія Англіи увеличились въ грандіозной пропорціи благодаря этому притоку бѣглецовъ и изгнанниковъ изъ Фламандіи, которые появлялись толпами въ промышленныхъ округахъ Англіи; они не только развивали уже существующія ремесла, но и дѣлали попытки къ созданію новыхъ. Это было время высокаго подъема въ дѣлѣ ускоренія національнаго прогресса. Утверждаютъ даже, что и въ наши дни, по прошествіи болѣе трехъ вѣковъ, графства, въ которыя были вложены

трудъ, мысль и любовь къ свободѣ фламандцевъ, отличаются и теперь еще большимъ числомъ гражданъ, обладающихъ и духомъ иниціативы и высокими моральными качествами. Эта давняя наслѣдственность оставила до сихъ поръ замѣтные слѣды [1]).

Усиливающаяся подвижность внутренней жизни страны соотвѣтствовала усиленію наружнаго расширенія ея. Страсть къ приключеніямъ, къ путешествіямъ, еще и ранѣе сильно проявлявшаяся въ Англіи, стала общей народной чертою и проникла даже въ литературу; сотни, тысячи людей, вышедшихъ изъ нормальныхъ условій, шли по стопамъ Вальтера Рэлей или какого-нибудь другого искателя богатствъ или чудесъ и отправлялись въ дальнія страны. Истребленіе Великой Армады испанцевъ дѣлало море свободнымъ, и съ того времени англичане, не видя передъ собою никакихъ другихъ соперниковъ, кромѣ голландцевъ, имѣли открытыми и свободными всѣ великіе пути по океану.

Пока торговые центры оставались въ бассейнѣ Средиземнаго моря, пока такими центрами являлись Тиръ и Карѳагенъ, Византія и Сиракузы, Венеція и Генуя,—Великобританія казалась на одномъ изъ самыхъ дальнихъ концовъ обитаемыхъ областей земного шара; ея мысы и архипелаги острововъ, обращенные непосредственно къ бурнымъ волнамъ океана, представлялись опасными границами, за предѣлы которыхъ никто не рѣшался перейти. Съ того времени, однако, какъ былъ открытъ Новый Свѣтъ, и было совершено первое кругосвѣтное плаваніе, съ того времени, какъ земля стала фактически круглою, весь извѣстный человѣчеству міръ перемѣстился, такъ сказать, по отношенію къ Британскимъ островамъ, и Англія, переставъ быть крайнимъ предѣломъ обитаемыхъ странъ, оказалась внезапно если и не въ настоящемъ центрѣ, то, во всякомъ случаѣ, около середины географическаго цѣлаго, представляемаго континентами. Ни одна другая страна не занимала положенія болѣе совершеннаго, въ смыслѣ обмѣна со всѣмъ остальнымъ міромъ [2]). Впрочемъ, Англія еще съ давнихъ временъ, съ царствованія Эдуарда I, въ 1299 г., претендовала на господство надъ всѣми водами христіанскаго міра, вплоть до береговъ Испаніи. Эта претензія поддерживалась даже международнымъ правомъ, и англійскіе военные корабли въ открытомъ морѣ требовали себѣ салюта.

Однако, представленіе о «Британіи, господствующей надъ волнами и надъ всѣми морями», господствующей одновременно какъ благодаря своимъ морскимъ разбойникамъ, такъ и благодаря своимъ торговымъ мореплавателямъ, относится, главнымъ образомъ, къ эпохѣ развитія

---

1) Richard Heath. Notes manuscrites.
2) H. J. Mackinder. «Britain and the British Seas», p. I, 4.

торговыхъ сношеній, начавшейся въ концѣ XVI вѣка. Стали даже опредѣлять всѣ морскія пространства, простирающіяся до мыса Финистерре,

№ 398. Плимутъ и Атлантическій океанъ.



1: 100 000 000

0 1000 2500 5000 килом.

Островъ Вайгачъ находится между Новою Землею и континентомъ; островъ Колгуевъ находится на полдорогѣ между Вайгачемъ и входомъ въ Бѣлое море; Карское море простирается отъ Новой Земли до устья Оби.

какъ «Британскія моря» или, еще лучше, какъ «моря Его Величества»; несмотря на то, что въ наше время международные законы признаютъ

открытыми, никому не принадлежащими, водныя пространства въ разстояніи трехъ морскихъ миль (пяти съ половиной километровъ) отъ берега, весь Бристольскій заливъ, между графствами Соммерсетъ и Гленоргенъ, разсматривается какъ «англійская территорія». Какъ бы то ни было, британскіе мореплаватели XVI вѣка разсѣкали кілями своихъ кораблей морскія волны, какъ если бы они принадлежали имъ всецѣло во всѣ времена, и именно англичане, не принимавшіе ранѣе никакого участія въ открытіи новыхъ континентовъ, если не считать участія чрезъ посредство чужеземца Кабота, старались теперь завладѣть прямыми путями съ Восточной Азіей, сообщающими Европу съ Восточной Азіей обоими сѣверными морскими путями, изъ коихъ одинъ огибаетъ сѣверъ Америки, другой—сѣверъ Азіи. Однако, ни Фробишеру въ 1576 г., ни Девису въ 1585 г., ни Гудзону въ 1610 г., ни Баффину въ 1616 г. не удалось осуществить предпріятіе, на которомъ потерпѣлъ крушеніе и великій Себастьянъ Каботъ; даже когда Баффинъ вернулся изъ своей безплодной экспедиціи, онъ счелъ себя въ правѣ произнести окончательный приговоръ: «сѣверо-западнаго прохода не существуетъ». Такая же точно неудача была и на востокѣ: въ 1553 г. Виллугби дошелъ лишь до острова Колгуева и погибъ въ Лапландіи; въ слѣдующемъ году Шенселлоръ отыскалъ дорогу въ Бѣлое море; Беррау достигъ въ 1556 г. острова Вайгача; Петъ и Джекманъ проникли въ 1581 г. въ Карское море; наконецъ, голландецъ Баренцъ открылъ Шпицбергенъ въ 1584 г. и зимовалъ на сѣверной оконечности Новой Земли; далѣе устьевъ Оби удалось проникнуть лишь въ серединѣ XVIII вѣка.

Если попытки сѣверныхъ плаваній и оказались безплодными, то это не мѣшало все же англійскому мореходству развиваться все сильнѣе и сильнѣе; для плаванія черезъ океанъ на побережьѣ Англіи основывались даже новые портовые города. Передъ тѣмъ почти вся торговля Великобританіи локализировалась въ юго-восточной части острова, т.-е. очень близко къ континенту Европы, съ которымъ поддерживались главнѣйшія торговыя сношенія. Новыя торговыя сношенія съ отдаленными заморскими странами должны были въ результатѣ перемѣстить коммерческую дѣятельность въ сторону юго-западныхъ и западныхъ заливовъ Англіи. Вполнѣ точныя статистическія данныя, относящіяся къ серединѣ XIV вѣка, позволяютъ опредѣлить замѣчательный контрастъ, существовавшій между основными жизненными пунктами Англіи въ интервалѣ двухъ столѣтій—во время Эдуарда III и Елизаветы. Первый изъ этихъ королей обложилъ контрибуціей всѣ порты королевства, требуя отъ нихъ кораблей, предназначенныхъ для осады Калэ, и просилъ въ общей сложности 57 судовъ; портовый городъ Гастингсъ владѣлъ тогда, очевидно, болѣе чѣмъ третью всего

торговаго судоходства королевства, такъ какъ долженъ былъ предоставить въ распоряженіе короля двадцать судовъ. Легко вообразить себѣ, какъ по сравненію съ нимъ скроменъ долженъ былъ быть Ливерпуль, если съ него потребовали всего лишь одну лодку съ шестью матросами.

Такимъ образомъ, общая картина историческаго положенія развертывается теперь передъ нами. Въ тѣ времена главнѣйшими «пятью портовыми городами» Англіи были Гастингсъ, Уинчельси, Рай, Ромней,



Устье р. Эвонъ выше Бристоля.

Хайсъ, изъ коихъ въ настоящее время два или три находятся даже на нѣкоторомъ разстояніи берега, и ни одинъ не имѣетъ значенія сколько-нибудь крупнаго, они теперь не болѣе какъ центры мелкаго рыболовства и любительскаго морского спорта; въ тѣ же времена они являлись какъ бы выдвинутыми впередъ щупальцами Лондона, такъ какъ были гаванями наиболѣе близкими къ континенту, откуда моряки могли скорѣе всего достигнуть береговъ Нормандіи или Фландріи. Бойкая жизнь въ этихъ пунктахъ притягивала къ себѣ жизнь изъ другихъ частей страны, и все движеніе въ Англіи должно было стремиться именно въ данномъ направленіи; притяженіе континентальной цивилизаціи требовало отъ государства, чтобы въ этой области побережья концентрировалось все, что только обладало силою, ибо надо было не только получать товары, но и быстро реагировать на насилія и нападать самостоятельно. Въ концѣ XVI вѣка теченіе событій отнюдь не повлекло

за собою исчезновенія этого притягательнаго вліянія континента на Британскіе острова; но острова эти болѣе прочно утвердили свою

№ 399. Честеръ и Ливерпуль.



Городъ Честеръ, относящійся къ римской эпохѣ, былъ въ древнія времена очень важнымъ городомъ данной области страны; города Манчестеръ и Ливерпуль, соединенные въ настоящее время морскимъ каналомъ, обладаютъ каждый населеніемъ болѣе чѣмъ въ полъ-милліона душъ; городъ Флитвудъ является портомъ, поддерживающимъ торговыя сношенія съ островомъ Мэнъ; города Блэкпуль, Соуспортъ и Лендёдно лишь мѣста морскихъ купаній.

индивидуальность во всѣхъ своихъ частяхъ, получили бóльшую жизненность, и эта жизненность, проявляясь, главнымъ образомъ, по направленію

къ юго-восточному углу главнаго острова, гдѣ находилась столица, стала сказываться въ то же время, хотя и въ меньшей степени, и въ

№ 400. «Пять портовыхъ городовъ».



1: 1000000

0 10 25 50 килом.

„Пять портовыхъ городовъ", какъ англичане до сихъ поръ называютъ эти пять древнихъ гаваней, отмѣчены на картѣ крупнымъ тонкимъ шрифтомъ; крупные современные портовые города нанесены жирнымъ шрифтомъ. Тильбёри и Грэвзендъ являются не болѣе какъ торговыми предмѣстьями Лондона, служащими для выгрузки товаровъ; въ Чэтхэмѣ находится военный арсеналъ; Квинсбороу и Фолькстонъ—конечные пункты пассажирскаго пароходнаго сообщенія съ Флиссингеномъ и Булонью; Дувръ служитъ для сношенія съ Остенде и Кале и обладаетъ также большимъ значеніемъ какъ гавань, въ которую заходятъ по дорогѣ; Соусендъ, Мэргэтъ, Рэмсгэтъ, Гастингсъ, Истборнъ—мѣста морскихъ купаній.

остальныхъ частяхъ территоріи страны. Городъ Плимутъ, располагающійся у юго-западной оконечности королевства, сдѣлался крупнымъ военнымъ портомъ, откуда снаряжались и дальнія морскія экспедиціи; въ то же время на западномъ побережьѣ городъ Бристоль, прекрасно расположенный въ устьѣ рѣки, гдѣ ежедневно высоко поднимается мор-

ской приливъ, былъ отнюдь не единственнымъ портомъ, извлекшимъ пользу изъ эксплуатаціи заморскихъ рынковъ, сдѣлавшихся доступными англійскимъ мореходамъ съ открытіемъ Новаго Свѣта. Городъ Ливерпуль также притягивалъ къ себѣ, хотя еще и не въ значительной степени, морское судоходство; лишь въ началѣ XVIII вѣка морская торговля, принужденная покинуть устье рѣки Ди, постепенно заносившееся заносами, должна была устроиться въ устьѣ Мерси почти точно въ самомъ центрѣ Британскихъ острововъ.

Великая эпоха зарожденія промышленности и торговыхъ сношеній, распространяющихся на весь міръ, являлась для Англіи также эпохой замѣчательнаго расцвѣта наукъ и литературы. Это былъ блестящій вѣкъ Шекспира, Марлоу, Бенъ-Джонсона, Бомона и Флетчера. Англійскій геній въ широкой степени подпалъ классическому вліянію эпохи Возрожденія и тѣхъ новыхъ литературныхъ теченій, которыя распространились въ другихъ странахъ Европы, особенно въ Италіи и Испаніи [1]); въ то же время онъ принималъ участіе и въ общемъ увлеченіи приключеніями, и въ твореніяхъ англійскихъ авторовъ замѣчался широкій размахъ воображенія, коему ни ранѣе, ни потомъ не было равнаго по силѣ и смѣлости. И до нашихъ дней имя Шекспира стоитъ особнякомъ среди писателей-драматурговъ, между тѣмъ какъ въ тѣ времена хаосъ политическихъ событій заставилъ почти совершенно забыть его болѣе чѣмъ на цѣлое столѣтіе; чтобы составить хоть сколько-нибудь вѣроятную біографію этого великаго человѣка, комментаторамъ его твореній приходится прибѣгать къ самымъ рискованнымъ гипотезамъ и предположеніямъ.

Духовное развитіе Англіи и вліяніе ея языка, ея идей и ея политическаго устройства на Шотландію, ея сѣверную сосѣдку, должно было вызвать тѣсное единеніе обѣихъ націй и взаимное проникновеніе ихъ общихъ интересовъ, независимо отъ воспоминаній о древнихъ войнахъ и о соперничествѣ аристократическихъ родовъ. Превосходство Англіи проявлялось, однако, явнымъ образомъ. Королева Шотландіи Марія Стюартъ, бѣжавшая отъ возстанія своихъ подданныхъ, просила о помощи свою двоюродную сестру Елизавету, королеву англійскую; эта послѣдняя держала Марію Стюартъ въ темницѣ въ теченіе 19 лѣтъ и, въ концѣ концовъ, скрѣпила королевской печатью смертный приговоръ, произнесенный протестантскимъ парламентомъ противъ католички-королевы, пользовавшейся покровительствомъ папы (1587 г.). Шотландія и пуританская, пресвитеріанская и даже англиканская Англія объединились, такимъ образомъ, общей ненавистью противъ религіи предковъ и противъ королевы, которая осталась ей вѣрною. Затѣмъ, послѣ смерти

1) H. J. Mackinder. «Britain and the British Seas», p. 21.

Елизаветы въ 1603 г., Яковъ VI, король Шотландіи, сынъ обезглавленной Маріи Стюартъ, былъ провозглашенъ королемъ Англіи и принялъ имя Якова I. Это совершилось согласно закону престолонаслѣдія и согласно волѣ королевы Елизаветы, и англійскій народъ, въ полномъ сознаніи своего политическаго и соціальнаго превосходства, не оказалъ тому никакого противодѣйствія. Отдѣльныя ранѣе королевства Англіи и Шотландіи сдѣлались съ этого времени объединенной Великобрита-



Современный портъ Рай.

ніей, и король, переселившійся изъ Эдинбурга въ Лондонъ, имѣлъ неоднократно случай показать своими огромными издержками, какъ сильно измѣнилась окружающая его среда.

Въ началѣ XVII вѣка кризисъ протестантизма почти окончательно завершился въ трехъ главнѣйшихъ странахъ Западной Европы если и не въ смыслѣ своихъ соціальныхъ послѣдствій, то, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ первой стадіи, именно религіозной. На Иберійскомъ полуостровѣ католицизмъ одержалъ полнѣйшую побѣду, раздавивъ одновременно съ правомъ свободнаго толкованія Священнаго Писанія и всякую личную и общественную иниціативу. Въ Великобританіи произошло обратное явленіе: тамъ римско-католическая церковь потерпѣла полное пораженіе со стороны протестантскихъ сектъ, и душами овладѣло новое религіозное увлеченіе. Франція, находившаяся между этими двумя крайностями, не вынесла точнаго и опредѣленнаго рѣшенія ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ, но, можно сказать, конечный результатъ, нѣсколько ослабленный,

опредѣлялся все же скорѣе побѣдою Рима. Движеніе, аналогичное таковому же великихъ западныхъ странъ, происходило и въ области Нидерландовъ, гдѣ южныя области, т.-е. Бельгія, оставались подъ игомъ, наложеннымъ Филиппомъ II, тогда какъ Соединенныя Провинціи сохранили свое вѣроисповѣданіе и свою политическую свободу. Такимъ образомъ, какъ замѣчаетъ Тэнъ, кризисъ эпохи Возрожденія возстановилъ вновь христіанство въ сѣверныхъ странахъ вмѣсто того, чтобы эмансипировать ихъ какъ страны латинскія.

Въ Германіи обѣ борющіяся религіи находились въ состояніи подвижного равновѣсія. Трактаты и мирные договоры, подписанные соперничающими вѣроисповѣданіями, не были искренними ни съ той, ни съ другой стороны, и несогласіе протестантскихъ сектъ, кальвинистовъ и лютеранъ, усложняло положеніе и позволяло тому, кто обладалъ достаточной ловкостью, завязывать цѣлую хитрую сѣть различныхъ комбинацій въ той великой драмѣ, которая подготовлялась. Уже нѣсколько разъ война едва-едва не начиналась, и двѣ огромныя арміи подготовлялись съ обѣихъ сторонъ. Когда въ 1608 г. состоялся союзъ князей и городовъ, объединившійся въ защиту протестантизма, то въ 1609 г., въ отвѣтъ ему, снова начала дѣйствовать католическая лига. За предѣлами Германіи Испанія и Франція держались наготовѣ, чтобы принять участіе въ борьбѣ,—одна изъ нихъ имѣла при этомъ своею цѣлью осуществить идеалы іезуитизма и всемірной церкви, тогда какъ другая воодушевлялась политическою задачею—ослабить могущество Австрійскаго дома и занять его мѣсто въ гегемоніи Европы. Однако, смерть Генриха IV задержала нѣсколько теченіе событій, пока война не началась по чисто-случайному поводу, именно вслѣдствіе того, что въ Прагѣ толпою чеховъ, недовольныхъ имперскими совѣтниками, были выбиты окна во дворцѣ.

Это произошло въ 1618 г., и въ теченіе 30 лѣтъ затѣмъ продолжалось кровопролитіе, сопровождавшееся безчисленными бѣдствіями. Первое столкновеніе было неблагопріятно для защитниковъ новыхъ вѣяній: въ битвѣ при Бѣлой Горѣ (1620 г.) возставшіе богемцы оказались во власти императора Фердинанда II, который завершилъ свой успѣхъ ужаснѣйшими и методическими преслѣдованіями подъ мудрымъ направленіемъ іезуитовъ,—въ теченіе трехъ вѣковъ побѣжденная и остававшаяся вѣрною навязанному ей вѣроисповѣданію Богемія не была въ состояніи подняться, и политическая жизнь въ ней оживилась лишь со времени новѣйшихъ революцій. Одержавъ побѣду въ Богеміи, императорскія католическія войска Австріи, Баваріи и Испаніи побѣдоносно захватили и Палатинатъ, затѣмъ берега низовьевъ Рейна и сѣверной германской равнины. Послѣ десяти лѣтъ войны религіозная и политическая реакція, какъ казалось, одержала побѣду во всей центральной

Европѣ, хотя король Даніи Христіанъ IV и поспѣшилъ на помощь про-

№ 401. Театръ тридцатилѣтней войны.



Масштабъ 1 : 6000000.

Главные факты этой войны слѣдующіе (к—побѣда католиковъ, п—побѣда протестантовъ): побѣда австрійцевъ и пораженіе протестантовъ въ 1620 г. у Бѣлой Горы: 1622 г.—битва при Вимпфенѣ (к), битва при Гёхстѣ (к); 1623 г.—битва при Штадтлонѣ (к); 1625 г.—прибытіе Густава-Адольфа; 1631 г.—осада Магдебурга, Брейтенфельда (п), битва при Донавёртѣ (п); переходъ Леха (п); 1632 г.—битва при Люценѣ (п); 1634 г.—битва при Нёрдлингенѣ (к); 1636 г.—битва при Витстокѣ (п); 1638 г.—битва при Рейнфельдѣ (п), битва при Бризахѣ (п); 1639 г.—битва при Хемницѣ (п), битва при Глогау (п), битва при Швейдницѣ (п); 1641 г.—битва при Вольфенбюттелѣ (п), 1643 г.—битва при Ротвейлѣ (п); битва при Тутлингенѣ (к); 1644 г.—битва при Фрейбургѣ (п), битва при Ютерборгѣ (п); 1645 г.—битва при Маріенталѣ (к), битва при Янковицѣ (п), битва при Нердлингенѣ (п); 1647 г.—битва при Лауингенѣ; 1648 г.—битва при Зюсмаршѣ (п), битва при Райнѣ (п); Вѣнѣ угрожаетъ опасность, взятіе замка Праги шведами.

Битва при Рокруа въ 1643 г. и при Ленсѣ 1648 г., когда императорскія войска были разбиты, принадлежатъ къ тому же циклу войны.

тестантамъ Германіи. Великіе полководцы Тилли, Спинола, Валленштейнъ ниспровергали все на своемъ пути; лишь этотъ послѣдній потерпѣлъ неудачу у стѣнъ Штральзунда, откуда онъ долженъ былъ послѣ двухмѣсячной осады удалиться, причемъ армія его уменьшилась на 12000 человѣкъ. Тѣмъ не менѣе, побѣда прежняго режима казалась столь прочно установленной, что въ 1629 г. Фердинандъ II издалъ «возстановляющій эдиктъ», коимъ всѣ имущества, которыя князья и города отняли у Церкви на всемъ протяженіи имперіи, снова возвращались Церкви. Вмѣстѣ съ матеріальными богатствами и души подданныхъ должны были быть возвращены католицизму: повсюду пробовали заставлять отрекаться отъ протестантизма и возвращать подданныхъ въ лоно Церкви.

Не боясь болѣе опасности, побѣдители поторопились начать оспаривать другъ у друга завоеванное, и Валленштейнъ, сдѣлавшійся для своихъ союзниковъ слишкомъ могущественнымъ, принужденъ былъ оставить командованіе войсками и впалъ въ немилость. Его отставили, однако, слишкомъ рано, такъ какъ протестантскіе князья, пораженные въ чувствительное мѣсто возстановляющимъ эдиктомъ, стали искать опоры за предѣлами Германіи, во Франціи и въ Скандинавіи. Кардиналъ Ришелье, сдѣлавшійся настоящимъ властителемъ Франціи при слабомъ Людовикѣ XIII, которому онъ оставлялъ лишь внѣшній блескъ, совокупно съ настоящимъ воиномъ, королемъ Густавомъ-Адольфомъ, были лицами, наиболѣе содѣйствовавшими возстановленію религіознаго равновѣсія въ государствахъ центральной Европы. Будучи римскимъ прелатомъ, онъ не допускалъ, чтобы его французскіе подданные сомнѣвались сколько-нибудь въ прерогативахъ католической церкви, но за предѣлами Франціи не стѣснялся своимъ вѣроисповѣданіемъ и искалъ лишь униженія враговъ, кто бы они ни были,—для него были безразличны римскій папа и протестанты, коварная Испанія и гордая Австрія. Планъ его удался: онъ снабдилъ деньгами объединившихся князей, тогда какъ Густавъ-Адольфъ привелъ имъ на помощь свою армію, постоянно одерживавшую побѣды. Военные подвиги этого храбраго полководца продолжались, однако, лишь въ теченіе одного года, такъ какъ второй актъ этой ужасной борьбы завершился въ 1632 году сраженіемъ при Люценѣ, гдѣ Густавъ-Адольфъ былъ убитъ, одержавъ все же полную побѣду. По окончаніи этихъ крупныхъ передвиженій войскъ, сопровождавшихся всегда грабежами и насиліями, послѣдовало состояніе полнаго хаоса почти на всемъ протяженіи Германіи. Убійства, голодъ и повальныя болѣзни уничтожили населеніе страны, и тѣ, кто остался въ живыхъ, вѣроятно, вслѣдствіе полнаго безсилія, подпали бы подъ владычество Австріи, если бы войска, посланныя Ришелье, не соединились со шведами и не продолжали вмѣстѣ съ ними эту безконечную войну въ теченіе еще 16 лѣтъ.

Наконецъ, послѣ 7 лѣтъ предварительныхъ совѣщаній былъ подписанъ въ 1648 г. такъ называемый Вестфальскій мирный договоръ въ Мюнстерѣ и въ Оснабрюкѣ. Медлительные переговоры властителей должны были, казалось, продолжаться столько же времени, какъ и военныя дѣйствія; эти послѣднія не прерывались въ теченіе мирныхъ переговоровъ, и какъ-разъ, когда дипломатамъ удалось достигнуть согла-



Соборъ въ Мецѣ (1332—1546).

шенія, протестанты отвоевывали Прагу; тридцатилѣтняя война окончилась въ той самой мѣстности, гдѣ она началась. Въ окончательномъ договорѣ мелкіе князья, сильно потерпѣвшіе отъ ужасныхъ событій, разорившіеся граждане и погибающіе народы были, разумѣется, забыты, но великія державы воспользовались въ полной мѣрѣ своею побѣдою надъ австрійскимъ домомъ; независимость Швейцаріи и Соединенныхъ Провинцій была окончательно признана; Швеція получила кусокъ германской территоріи, и Франція гарантировала себѣ обладаніе архіепископствами Меца, Тула и Вердена, равно какъ и областями Эльзаса. Само собою разумѣется, утверждали, что договоръ этотъ, заключенный между державами, «вѣченъ». Впрочемъ, и на самомъ дѣлѣ эта вѣчность продолжалась, по крайней мѣрѣ, полтора вѣка, вплоть до французской ре-

волюціи. Вестфальскій миръ былъ точкой отправленія всей новой политики въ Европѣ,—политики, основной и начальный догматъ которой дѣлалъ «французскій домъ и австрійскій домъ двумя полюсами, отъ коихъ проистекали вліянія, обусловливавшія войну или миръ» [1]). Послѣ заключенія этого мира 355 отдѣльныхъ государствъ Германіи были въ состояніи полнаго истощенія, они не имѣли силы предпринимать никакихъ дѣйствій за предѣлами Германіи и не могли даже препятствовать сосѣднимъ народамъ избирать Германію ареной своихъ битвъ. Не извѣстно, въ какой степени убавились общественныя богатства, и на сколько милліоновъ людей уменьшилось германское населеніе, но опредѣленія историковъ заставляютъ предполагать результатъ поистинѣ ужасный: говорятъ, что тамъ, гдѣ въ началѣ XVII вѣка насчитывались милліоны душъ, теперь оставались лишь тысячи. Деревни и города исчезали, зарастали кустарниками и затягивались торфяниками.

Въ теченіе тридцатилѣтней войны англійскіе протестанты не могли придти на помощь своимъ германскимъ единовѣрцамъ,—имъ также приходилось въ это время выдерживать сильную борьбу. Въ Англіи новыя идеи, проявлявшіяся самымъ яркимъ образомъ въ литературѣ, искали возможности реализироваться также въ мірѣ политическомъ и соціальномъ, вопреки интересамъ всѣхъ, кто держался древними установленіями. Король Яковъ I, борясь со своимъ парламентомъ, безуспѣшно пробовалъ управлять единолично по праву, данному ему божественною властью: отсутствіе денегъ принуждало его къ самымъ унизительнымъ уступкамъ. Состояніе кризиса ухудшилось со вступленіемъ на престолъ Карла I (1625) въ такой степени, что король, будучи человѣкомъ своевольнымъ, капризнымъ, вѣроломнымъ, притомъ обладая не меньшей увѣренностью въ высотѣ своей королевской власти, какъ его отецъ, счелъ себя въ состояніи поссориться окончательно со своимъ народомъ: въ теченіе одиннадцати лѣтъ онъ взималъ налоги противно всѣмъ законамъ страны, не созывая членовъ парламента, и опирался на свой союзъ съ Франціей и Испаніей, чтобы внушить страхъ своимъ подданнымъ, возмущеннымъ его поведеніемъ. Въ концѣ концовъ, разыгралась революція, поводомъ къ которой явился одинъ изъ религіозныхъ вопросовъ, возбужденный, однако, національнымъ чувствомъ, такъ какъ первое начало этому движенію было положено въ Шотландіи: въ 1637 г. въ церкви Сенъ-Джиль, въ Эдинбургѣ, одна женщина изъ народа, Женни Геддесъ, бросила въ голову священнику, который служилъ литургію по англиканскому обряду, свой складной табуретъ. Годъ спустя всѣ священнослужители заключили между собою торжественное соглашеніе поддержи-

1) Ernest Nys. «La Nation et le Rôle de l'Europe en Droit international».

вать другъ друга противъ всѣхъ указовъ короля, относящихся до исповѣданія вѣры и религіозныхъ обрядностей.

Это соглашеніе, или «covenant», являлось уже открытою войною, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ шотландскіе «covenanters» начали изгонять королевскія войска. Карлъ I не былъ болѣе въ состояніи править противъ воли своего народа и долженъ былъ самъ жесточайшимъ образомъ наказать себя созваніемъ парламента въ 1640 г.: онъ тщетно просилъ,



Улица Уайтхалль въ Лондонѣ.

Эшафотъ, на которомъ былъ казненъ Карлъ I, находился противъ перваго зданія слѣва, на уровнѣ средняго окна нижняго этажа его.

однако, у парламента денегъ. Ему отказывали въ нихъ, тогда какъ шотландцы проникли уже внутрь Англіи и двигались вдоль рѣки Тайны. Король пробовалъ выйти изъ затрудненія, противопоставляя палату лордовъ палатѣ общинъ и опираясь лишь на аристократію,—ему пришлось, однако, все же уступить и созвать на этотъ разъ серьезно парламентъ, который началъ свою революціонную дѣятельность съ того, что привлекъ къ отвѣтственности министровъ и низложилъ короля. У этого послѣдняго не было болѣе уже матеріальныхъ силъ, но у него оставалась еще хитрость. Онъ пробовалъ организовать заговоры католиковъ, самъ устроилъ заговоръ и принужденъ былъ, въ концѣ концовъ,

бѣжать. Тогда началась гражданская война между «рыцарями», вѣрными королю, и «круглоголовыми», т.-е. людьми, не носящими парика и не заботящимися о красивыхъ одеждахъ, но тѣмъ болѣе пригодными въ качествѣ воиновъ. Война эта продолжалась 7 лѣтъ,—настолько силы обѣихъ партій были уравновѣшены. Она закончилась поимкой и обезглавленіемъ короля и провозглашеніемъ республики (1649 г.).

Это крупное историческое событіе являлось вполнѣ соотвѣтствующимъ логикѣ вещей. Буржуазія Англіи была уже очень сильной, располагала значительными рессурсами, даваемыми торговлей и промышленностью, и насчитывала въ своей средѣ многихъ философовъ, писателей и художниковъ,—вполнѣ очевидно, что она должна была стремиться придать себѣ политическія формы, соотвѣтствующія этому новому своему положенію. Кромѣ того, на помощь ей приходило и религіозное движеніе, придававшее отчаянную энергію вѣрующимъ, занимавшимся чтеніемъ Библіи, пѣніемъ духовныхъ стиховъ и полной экстаза молитвой,—вѣрующіе слѣпо шли въ чаяніи побѣды и спасенія, какъ имъ рисовались таковыя подъ вліяніемъ ихъ горячей вѣры. «Commonwealth»—«общее дѣло»—было копіей политическаго устройства двѣнадцати колѣнъ Израилевыхъ во времена Судей и Пророковъ до избранія на царство Саула и проявляло по отношенію къ врагамъ Божіимъ «всю безпощаднѣйшую жестокость, какую повелѣлъ Іегова примѣнять своимъ служителямъ Іосіи и Гедеону». «Рыцари» или ирландскіе католики были въ такой же степени проклятыми Богомъ врагами, какъ аморреяне. Воины Кромвеля гнали передъ собою кельтскихъ христіанъ съ криками—«Въ Коннаутъ»! Еще чаще эти крики замѣнялись еще болѣе энергичными—«To Hell!»—«Въ адъ».

Была ли, однако, эта республика, основанная столь суровыми истребителями, дѣйствительно настоящей республикой? Слова мѣняютъ, вѣдь, нерѣдко свое значеніе съ теченіемъ времени. Однако, какъ бы плохо ни управлялась «республика», т.-е. «res publica» или «общественное дѣло», она все же сохраняетъ всегда интересъ для всѣхъ людей, которые принимаютъ участіе въ ея поддержаніи. Съ этой точки зрѣнія каждая народность образуетъ республику для большаго или меньшаго числа людей, которые населяютъ занимаемую ею территорію. Что касается идеальной республики, въ коей всѣ члены дѣйствуютъ въ качествѣ солидарныхъ между собою гражданъ, въ качествѣ составныхъ частей одного общаго политическаго тѣла, то въ этомъ отношеніи «Commonwealth» Англіи и не старалась быть такою республикою: англійская республика сдѣлалась, нисколько и не скрывая этого, хорошо централизованнымъ государствомъ, располагающимъ болѣе чѣмъ королевскою властью для подавленія всякаго противодѣйствія. Наиболѣе свободнымъ періодомъ англійскаго народа былъ періодъ войны, предшествовавшей временному паденію

королевской власти, такъ какъ тогда каждый могъ свободно переходить въ тотъ или въ другой лагерь и защищать тѣ положенія, къ которымъ болѣе всего приближались его убѣжденія. Послѣ же побѣды круглоголовыхъ всякая оппозиція должна была исчезнуть, и тотъ, кто ими повелѣвалъ, оказался настоящимъ императоромъ, несмотря на то, что довольствовался болѣе скромнымъ титуломъ. Ему парламентъ не рѣшался дѣлать заявленій о злоупотребленіяхъ, и, когда парламентъ пересталъ ему нравиться, достаточно было отряда солдатъ, чтобы разогнать его. Кромвель въ такой степени сдѣлался дѣйствительнымъ повелителемъ, что около конца своего царствованія въ 1658 г. попытался возстановить палату лордовъ, чтобы опираться на собраніе аристократовъ противъ представителей буржуазіи и нарождающагося народа. Онъ скончался, однако, слишкомъ рано, не успѣвъ закончить лично своего дѣла внутренней реакціи: королевская власть, реставрированная династія, должна была возстановить существовавшій ранѣе механизмъ.



Банкирскій домъ въ 1680 г.

Во внѣшнихъ дѣлахъ Англія занимала положеніе, къ которому прекрасно примѣнимо выраженіе «блестящая изолированность», изобрѣтенное два вѣка спустя. Твердая воля и ясное пониманіе вещей проявлялись Англіей въ великихъ историческихъ событіяхъ въ такой сте-

пени, что государство во всемъ своемъ цѣломъ стало совершенно увѣрено въ своей силѣ и могло предоставить себѣ роскошь жить безъ союзниковъ. Конечно, естественнымъ врагомъ Англіи являлся французскій народъ, такъ какъ уваженіе къ «божественному праву» монарховъ заставило его соединиться съ династіей Стюартовъ; морскія силы «великаго короля» не были, впрочемъ, значительны, и Мазарини пришлось претерпѣть сильнѣйшее униженіе, когда онъ былъ принужденъ признать англійскую республику,—пожалуй, еще болѣе жестокое униженіе испыталъ онъ, когда не былъ въ состояніи преслѣдовать вальденцевъ въ Альпахъ, вслѣдствіе того, что ихъ взяла подъ свою защиту Англія. Португалія и Испанія были также принуждены просить мира, и Испанія даже должна была уступить Ямайку, одну изъ драгоцѣннѣйщихъ жемчужинъ Антильскихъ островов,—на этомъ островѣ англійскіе купцы тотчасъ же устроили главный рынокъ для торговли неграми, отправлявшимися въ качествѣ рабовъ на американскія плантаціи. Наконецъ, Англія достигла такой степени морского могущества, что могла порвать даже съ Соединенными Провинціями, издавъ актъ «о мореплаваніи», опубликованный въ 1651 г., которымъ вся торговля Британскихъ острововъ предоставлялась исключительно въ распоряженіе англійскихъ судовъ. Послѣ трехъ лѣтъ морской войны голландцы были принуждены принять тяжелыя условія побѣдителей, и съ этого времени Великобританія сдѣлалась единственной державой, которая могла себя назвать «царицей морей».

Въ силу вполнѣ естественнаго контраста, въ то самое время, когда корабли Западной Европы, и въ особенности сѣверныхъ государствъ, Англіи и Голландіи, стали все чаще и чаще направляться по путямъ Атлантическаго океана, Средиземное море, которое съ самыхъ давнихъ поръ было «моремъ» по преимуществу, все болѣе и болѣе лишалось своего населенія. Итальянскіе и испанскіе корабли не рѣшались болѣе пускаться въ восточныя воды, въ которыхъ господствовали турки; эти же послѣдніе боялись проникать въ западную часть моря. Лишь средиземноморскіе пираты пользовались тѣмъ суевѣрнымъ страхомъ, который внушался ихъ варварскими нравами, и шныряли вдоль береговъ,—они всегда были готовы напасть на рыболовныя суда, запоздавшія войти въ гавань, или захватить пастуховъ съ ихъ стадами, приблизившимися къ берегамъ, если удавалось отрѣзать имъ отступленіе. Обитатели морскихъ побережій, даже жители приморскихъ городовъ, были столь сильно охвачены страхомъ, что покидали свои жилища и устраивались на мысахъ, съ которыхъ легко можно было наблюдать за приближеніемъ пиратовъ,—тамъ они прятались за высокими стѣнами при малѣйшей тревогѣ. Торговое судоходство, подъ вліяніемъ страха мореплавателей, все болѣе и болѣе сокращалось и, какъ это постоянно слу-

чается, подъ вліяніемъ «покровительствующихъ» ему правительствъ, было даже оффиціально запрещено: въ теченіе части XVII вѣка вся торговля Франціи съ Мавританіей была запрещена по приказанію свыше. Не подлежитъ сомнѣнію, что это регрессивное движеніе цивилизаціи, охватившее со времени паденія Византіи весь восточный міръ, имѣло тенденцію распространиться и на западное побережье Средиземнаго моря;



Алжиръ съ сѣверо-востока.

Молъ, связывающій островъ Мореходства съ берегомъ и защищающій портъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ, былъ построенъ въ 1530 г. Хеиръ-Эль Диномъ, однимъ изъ братьевъ Барбароссы (Бабъ-Оруджъ). На островѣ этомъ находятся маякъ и укрѣпленія.

въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ населеніе побережій регрессировало настолько, что вернулось даже ко временамъ, предшествовавшимъ эпохѣ финикіянъ. Удивительно, что смѣлость и успѣхи магометанскихъ морскихъ разбойниковъ стали особенно сильно проявляться какъ-разъ въ тѣ времена, когда христіанскія народности завоевали уже почти весь земной шаръ путемъ своихъ кругосвѣтныхъ плаваній. Это историческое явленіе можетъ быть объяснено лишь относительнымъ перемѣщеніемъ дѣятельности человѣчества: переносясь по направленію къ западу, жизнь народовъ покинула свой прежній центръ и не тяготѣла болѣе къ Риму,— она тяготѣла къ Лондону и Амстердаму, въ смыслѣ міровой торговли, и къ Парижу—въ смыслѣ наукъ и искусствъ.

Замѣчательнымъ указателемъ регресса цивилизаціи на берегахъ

западнаго Средиземнаго моря можетъ служить тотъ фактъ, что морской разбой могъ удерживаться тамъ въ теченіе трехъ вѣковъ, начиная съ прибытія братьевъ Барбароссы въ 1516 г. и до взятія Алжира въ 1830 г. Быть-можетъ, такая поразительная продолжительность существованія разбойничьяго государства, располагавшаго къ тому же чрезвычайно ограниченными военными рессурсами, находитъ себѣ объясненіе въ тайныхъ союзныхъ соглашеніяхъ между европейскими державами, которыя любятъ возбуждать одна противъ другой враговъ. Какъ бы то ни было, берега Мавританіи являлись долгое время для европейцевъ какъ бы непреодолимой бронзовой стѣной. Въ 1541 г. Карлъ V, въ главномъ штабѣ котораго находился Фердинадъ Кортецъ, безрезультатно попыталъ счастье предъ стѣнами Алжира; его флотъ, состоявшій изъ 870 кораблей, былъ разсѣянъ, и лишь съ большимъ трудомъ онъ получилъ возможность собрать остатокъ своей арміи. «Барбарійцы» въ цвѣтущій періодъ своего существованія имѣли до 200 кораблей, служившихъ имъ для добыванія рабовъ, необходимыхъ для ихъ мастерскихъ, и рабынь—для ихъ гаремовъ; часть взятыхъ ими въ плѣнъ людей выкупалась родственниками, и деньги, полученныя за выкупъ, увеличивали казну, тогда какъ остававшіеся у нихъ плѣнники, забранные въ самыхъ различныхъ странахъ, входили въ составъ того смѣшаннаго населенія «мавровъ», которое по своей генеалогіи восходитъ ко всѣмъ расамъ Европы, Африки и Азіи. Корсары Алжира, принимая участіе въ томъ общемъ движеніи, которое увлекало моряковъ по направленію къ западу, рѣшались даже выходить за предѣлы Гибралтарскаго пролива и дѣлать внезапные набѣги на побережья океана. Ихъ видѣли, напримѣръ, въ Ирландіи, гдѣ они разрушили городъ Балтимору; въ 1627 г. они появились даже у береговъ «Земли льдовъ»—Исландіи,—и главный островъ архипелага Вестманна былъ совершенно лишенъ ими своего населенія, и съ него увезено было все, что имѣло какую-нибудь цѣнность [1]). Великобританія при всемъ своемъ могуществѣ совершенно тщетно бомбардировала укрѣпленія Алжира. Нападеніе голландцевъ и англичанъ, объединившихъ свои силы въ 1669 и 1670 гг., не имѣло также результата. Французы, заинтересованные въ непосредственной защитѣ отъ пиратовъ, такъ какъ берега Лангедока и Прованса находятся противъ береговъ Мавританіи, вели борьбу болѣе послѣдовательно, и, въ концѣ концовъ, въ 1687 г. Алжиръ, въ значительной части сожженный, принужденъ былъ просить мира, который, впрочемъ, плохо соблюдался. Это наказаніе пиратовъ создало для Франціи нѣчто въ родѣ извѣстнаго политическаго права надъ африканскимъ побережьемъ,—права, которымъ она воспользовалась полтора вѣка спустя, чтобы захватить въ свои руки власть, принадлежавшую магометанскимъ повелителямъ.

---

1) Olafson et Palsson. «Voyages».

Относительный миръ, которымъ Франція пользовалась въ теченіе послѣднихъ лѣтъ XVI вѣка и первой половины XVII, содѣйствовалъ тому, что населеніе ея и ея денежныя средства снова возросли. Она сдѣлалась снова настолько богатой, что могла возобновить свою привычную расточительность. Когда сынъ Генриха VI, Людовикъ XIII, умеръ нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ смерти Ришельё, этого человѣка съ могучею и твердою волею водившаго его все время на помочахъ, Франція завоевала гегемонію среди всѣхъ державъ континентальной Европы. Преемникъ Ришельё, также лицо духовнаго званія, кардиналъ Мазарини, продолжалъ политику своего предшественника, не проявляя, однако, такой же смѣлости и такой же твердости воли, но дѣйствуя съ большой осторожностью и гибкостью и, надо сказать, съ такимъ же успѣхомъ. Ему пришлось, однако, бороться съ чрезвычайно большими трудностями, и неоднократно можно было думать, что его постигло полное пораженіе, такъ какъ ему даже приходилось временно удаляться въ изгнаніе сперва въ Брюль, затѣмъ въ Кёльнъ, наконецъ, въ Бульонъ. Въ этотъ историческій моментъ (1648) всѣ недовольные, которыхъ было немало, предполагали, что молодость короля Людовика XIV, которому было всего 7 лѣтъ, такъ что онъ находился подъ опекою женщины и священника, бывшихъ къ тому же чужеземцами, представляетъ благопріятный и единственный въ своемъ родѣ случай для того, чтобы произвести перемѣну въ образѣ правленія, соотвѣтствующую ихъ интересамъ. Представители высшей аристократіи, высокомѣріе которой было нѣсколько ослаблено Ришельё, уменьшившимъ также и ея значитель-



Вильямъ Шекспиръ.

ныя привилегіи, желали снова отвоевать эти прежнія свои прерогативы независимыхъ феодальныхъ властителей; представители средняго сословія и во главѣ ихъ члены парламента стремились получить свою долю вліянія на государственныя дѣла,—долю, отнятую у нихъ постепенно въ свою пользу Ришельё; всѣ, кто стремился къ занятію какой-либо почетной или хорошо оплачивавшейся должности, высказывались въ то же время противъ все болѣе и болѣе дѣятельнаго вторженія иностранцевъ, въ особенности итальянцевъ, которые, благодаря благоволенію къ нимъ Мазарини, получали и мѣста и всевозможныя выгоды; уже въ эти времена лозунгъ «Франція для французовъ» объединялъ въ значительной степени людей, жаждущихъ власти. Наконецъ, народъ, которому всегда нравится всякій шумъ, и который питалъ къ тому же смутную надежду на хоть какія-нибудь улучшенія, самымъ наивнымъ образомъ также вмѣшался въ это столкновеніе, которое не должно было принести ему никакой выгоды, и содѣйствовалъ тому, чтобы придать борьбѣ характеръ «фронды», какъ это изображаетъ исторія. На самомъ дѣлѣ, серьезныхъ причинъ не было; борьба эта не соотвѣтствовала вовсе глубоко коренящейся необходимости, не вызывалась измѣненіемъ равновѣсія въ народной жизни; если эта послѣдняя и могла измѣниться, то лишь въ смыслѣ регресса, въ смыслѣ возвращенія въ нѣкоторой степени къ феодализму. Все это движеніе выродилось совершенно, потеряло всякій характеръ общаго стремленія къ опредѣленной цѣли и сдѣлалось простою ссорою между двумя лицами: съ одной стороны, счастливымъ полководцемъ Людовикомъ Конде, великая слава котораго и успѣхи въ борьбѣ съ испанцами даже въ глазахъ его собственныхъ друзей не искупали его забавнаго чванства и грубости, и, съ другой стороны, хитраго священника, прекрасно владѣвшаго ложью и лестью, имѣвшаго на своей сторонѣ силу традиціи и поддержку королевскаго дома, въ составъ котораго онъ даже входилъ, такъ какъ королева-регентша, Анна Австрійская, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописи тѣхъ временъ, сдѣлала его своимъ мужемъ. Въ 1652 г. Мазарини сталъ полнымъ господиномъ положенія и въ скоромъ времени вступилъ въ Парижъ, объявивъ предварительно амнистію, которая, впрочемъ, не была соблюдена. Людовикъ Конде принужденъ былъ измѣнить Франціи и былъ провозглашенъ полководцемъ Фландріи, командовавшимъ надъ тѣми самыми испанцами, надъ которыми онъ ранѣе одерживалъ побѣды.

Тѣмъ не менѣе, событія фронды разыгрывались не безъ извѣстной пользы для Франціи. То, что называется «принципомъ авторитета», было значительно ослаблено въ теченіе этого періода, и индивидуальная иниціатива, въ силу этого, чрезвычайно выиграла. При постоянной хаотической смѣнѣ режима «фрондеры» и роялисты, боровшіеся изъ-за власти между собою, казались со стороны смѣшными, но зато мыслители, мо-

ралисты, художники могли заниматься своимъ дѣломъ свободнѣе, и умы всѣхъ развивались интенсивнѣе и живѣе. Ни одна эпоха въ исторіи Франціи не была столь богата въ смыслѣ развитія геніальныхъ личностей и людей, обладающихъ крупными талантами, какъ именно періодъ фронды: Корнель находился еще въ разгарѣ своей дѣятельности, такъ какъ онъ написалъ уже «Сида»; Лафонтенъ и Мольеръ были совсѣмъ молодыми людьми, Перро, Буало и Расинъ находились въ дѣтскомъ возрастѣ; Ла-Брюйэръ родился въ годы этой гражданской борьбы. Не подлежитъ сомнѣнію, что «золотой вѣкъ» французской литературы въ значительной степени обязанъ своимъ происхожденіемъ этому періоду междуцарствія между двумя твердыми носителями власти—кардиналомъ Ришельё и королемъ Людовикомъ XIV.



Ла-Брюйеръ, 1645—1696.

Этотъ послѣдній, принявъ власть въ 1661 г. отъ Мазарини на его смертномъ одрѣ, былъ еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, 22 лѣтъ, и не принималъ почти вовсе никакого участія въ управленіи государствомъ; однако, по иллюзіи, весьма свойственной королямъ, Людовикъ XIV могъ считать себя съ перваго дня своего вступленія на престолъ правителемъ великимъ и могущественнымъ, — владѣнія его расширялись и заходили во всѣхъ частяхъ королевства далѣе прежнихъ границъ; житницы, благодаря урожаямъ, были полны, и число населенія во всѣхъ провинціяхъ Франціи увеличивалось; наконецъ, войска его были самыми сильными и наилучше организованными въ Европѣ, и хорошее состояніе финансовъ позволяло успѣшно вмѣшиваться въ политику всѣхъ сосѣдей. Людовикъ XIV занималъ первое мѣсто среди всѣхъ повелителей Европы еще до своего вступленія на царство и потому, конечно, былъ

увѣренъ въ своемъ высокомъ предназначеніи. Будучи человѣкомъ гордымъ и величественнымъ по всему своему обращенію, онъ былъ въ то же время преисполненъ любезности; онъ не только хотѣлъ быть выше другихъ, но и заботился о томъ, чтобы нравиться всѣмъ, и удивительно преуспѣвалъ въ этомъ, такъ какъ признавалъ въ то же время и достоинства другихъ людей. Онъ вполнѣ понималъ истинную роскошь и великолѣпіе, такъ какъ не только окружалъ блескомъ свою собственную персону, но и умѣлъ придавать блескъ своему двору и всему окружающему; онъ прилагалъ старанія къ тому, чтобы все, что создавалось отъ его имени, блистало великолѣпіемъ, чтобы блестяще было самое управленіе государствомъ и функціонированіе всего государственнаго организма.

Онъ всюду умѣлъ осуществлять свои дѣйствительно полныя вкуса архитектурныя идеи, которыя онъ воплотилъ, въ концѣ концовъ, въ своемъ грандіозномъ версальскомъ дворцѣ, представляющемъ собою безконечное море камня и мрамора съ галлереями, террасами, роскошными лѣстницами, тѣнистыми аллеями, высоко бьющими фонтанами и множествомъ красивыхъ статуй—со всей этой обстановкой, столь чудно гармонирующей съ элегантною, пестрою толпою его кортежей и процессій. Окружавшіе короля придворные превращались какъ бы въ красивый театральный ансамбль, а все то, что не входило въ рамки этой граціозной декораціи,—народъ съ его мозолистыми руками и грубымъ языкомъ, занятые вѣчно дѣлами представители среднихъ классовъ и вобще всѣ плательщики податей и исполнители повинностей,—все это держалось на разстояніи. Въ Версали царила роскошь, тогда какъ въ Парижѣ совершалась работа, казавшаяся отвратительной всѣмъ, кто привыкъ лишь къ прекрасному, въ Парижѣ продолжали думать и дѣйствовать, продолжали заниматься вещами, которыя совершенно не разрѣшались въ непосредственной близости повелителя. Такъ устанавливался яркій контрастъ «двора» и «города»,—это были столицы двухъ царствъ: одного, исполненнаго роскоши и великолѣпія и окруженнаго ореоломъ славы, и другого, почти неизвѣстнаго даже самому себѣ и представляющагося незначительнымъ, но несущаго въ себѣ зачатки будущаго величія. Несмотря на невзрачную внѣшность, именно здѣсь таилась великая сила, и именно къ ней обращались писатели, хотя и посвящали свои произведенія королю.

Всякая формальная оппозиція исчезла,—не было слышно никакого ропота. Чины парламента столь шумливые, когда надѣялись одержать побѣду надъ Мазарини, сдѣлались молчаливыми и ограничивались тѣмъ, что зарегистровывали указы, которые имъ давали читать и переписывать. Всѣ вольности отдѣльныхъ провинцій и корпорацій, несогласныя съ правилами общей централизаціи государственной власти, были уни-

чтожены. Уже въ теченіе нѣсколькихъ царствованій не было и разговора о какихъ-либо свободахъ городскихъ управленій; но все же оставались кое-гдѣ нѣкоторые символы этихъ свободъ,—теперь и эти символы были упразднены. Такъ, представляясь королю, городской голова Марселя, Гландаве, дорого поплатился за свое уваженіе къ древнимъ



Версаль. Фонтанъ Латоны и дворецъ.

обычаямъ. Сообразно съ традиціоннымъ правомъ представителей городского населенія древнихъ городовъ, онъ предъ лицомъ повелителя не снялъ своего головного убора; однако, традиціи эти были внезапно нарушены церемоніаломъ новымъ и очень дѣйствительнымъ—обнаружившій такое высокомѣріе городской голова едва не былъ казненъ! Онъ спасся лишь благодаря преданности своихъ сотоварищей, которые, будучи вполнѣ солидарны съ нимъ, помогли ему бѣжать изъ тюрьмы и за то сами были наказаны продолжительнымъ заключеніемъ.

Будучи самъ строгимъ католикомъ, такъ какъ католическая религія съ ея превосходной іерархіей, ея обрядами и празднествами увеличивала роскошь и великолѣпіе государства, Людовикъ XIV не терпѣлъ никакого противорѣчія со стороны прелатовъ. Такъ называемая «галликанская» церковь (она защищала интересы королевства Галліи противъ власти папъ) сложилась именно въ его царствованіе, и всѣ эле-

менты государства должны были содѣйствовать ея побѣдѣ. Нѣсколько разъ различныя вмѣшательства римскаго папы были самымъ твердымъ образомъ устранены, и, наконецъ, въ 1682 г. церковный соборъ, въ которомъ принимали участіе 35 епископовъ, покорно принялъ «четыре предложенія», формулированныя Боссюэтомъ, согласно которымъ «ни князья, ни короли не подчинены власти церкви въ смыслѣ матеріальномъ, тогда какъ папы должны даже въ вопросахъ религіозныхъ согласоваться съ рѣшеніемъ церковныхъ соборовъ и соблюдать особенно во Франціи установленные порядки, обычаи и законы». Эти четыре предложенія двѣсти лѣтъ спустя считались бы, вѣроятно, полною ересью, а двѣсти лѣтъ ранѣе привели бы автора ихъ на костеръ; теперь же они служили для французскихъ прелатовъ незыблемымъ закономъ, нисколько не мѣшая имъ, впрочемъ, преслѣдовать еретиковъ того времени, янсенистовъ и протестантовъ.

Въ предѣлахъ королевства всѣ лежали распростертые ницъ предъ королемъ или даже предъ его изображеніемъ, блещущимъ лучами, исходящими отъ него какъ отъ солнца. Вполнѣ естественно, что Людовикъ XIV долженъ былъ въ серьезъ принимать наименованіе «Великаго», какимъ ему льстили приближенные, и долженъ былъ сдѣлать попытку распространить свою славу и до предѣловъ міра. Если его странный девизъ — «Nec pluribus impar» — имѣетъ какое-нибудь значеніе, то не означаетъ ли онъ, что король считалъ себя въ силахъ бороться съ многочисленными противниками сразу и считалъ ихъ заранѣе побѣжденными? Безумная мысль о всемірномъ господствѣ овладѣла и имъ, какъ и другими властителями, которыхъ счастье возвело на головокружительную высоту; къ тому же среди массы военнаго люда, группировавшагося вокругъ него и считавшаго себя выше толпы, занимающейся производительнымъ трудомъ и просящей только мира, было, конечно, не мало молодыхъ честолюбцевъ, исполненныхъ отваги и охотно готовыхъ содѣйствовать королю въ его честолюбивыхъ намѣреніяхъ. Несмотря на договоры, гарантировавшіе Франціи господствующее положеніе, война была необходима для вящшей славы повелителя, и царствованіе его, дѣйствительно, было одной сплошной безконечной войной.

Для человѣка, считающаго себя выше общей человѣческой морали, поводы къ войнѣ, конечно, должны были найтись. Будучи женатъ на дочери испанскаго короля, Людовикъ XIV послѣ смерти Филиппа IV въ 1665 г. заявилъ притязаніе на часть наслѣдства, на которую онъ не имѣлъ никакого права. Это и послужило началомъ безконечной борьбы, во время которой его полководцы, привыкшіе къ побѣдамъ, столкнулись вскорѣ со вполнѣ достойными ихъ соперниками; въ то же время запасы войскъ и денегъ мало-по-малу уменьшались. Конецъ вѣка характеризуется максимальнымъ развитіемъ территоріальнаго могу-

щества короля-солнца; въ 1700 г. одинъ изъ его внуковъ вступилъ на тронъ Испаніи; однако, Германія, Англія, Голландія и Португалія заключили противъ него союзъ, и за періодомъ непрерывныхъ побѣдъ послѣдовалъ періодъ сперва битвъ, не имѣвшихъ опредѣленнаго исхода, затѣмъ проигранныхъ сраженій и непрерывныхъ отступленій. Съ 1704 по



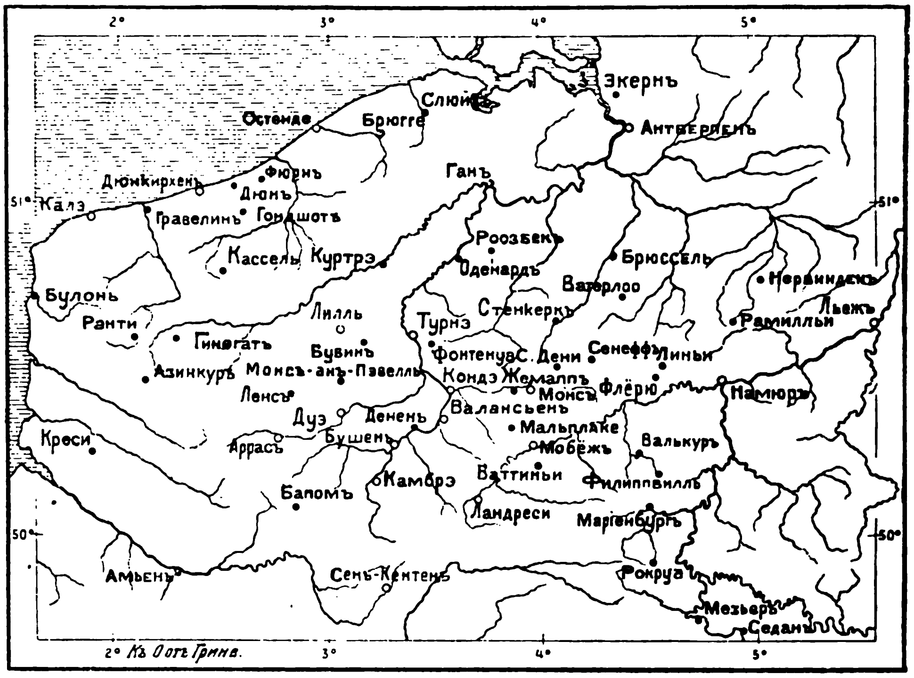
Франшъ-Контэ. Источникъ Лизонъ.

1710 г. герцогъ Мальборо и принцъ Евгеній Савойскій наносили французамъ пораженіе за пораженіемъ: одна за другой слѣдовали битвы при Бленгеймѣ, Рамилльи, Уденардѣ, Мальплаке, и, въ концѣ концовъ, подвиги Тюренния, Конде и Вобана были почти сведены къ нулю. Лишь послѣдняя и самая страшная битва при Дененѣ, въ 1712 г., позволила Людовику XIV за три года до его смерти снова нѣсколько возстановить утраченное могущество и привела Францію опять въ тѣ предѣлы, которые принято называть «естественными», хотя въ дѣйствительности трудно опредѣлить, почему они естественны,—не подлежитъ, во всякомъ случаѣ, сомнѣнію, что политическая граница, проводимая по теченію Рейна и по хребтамъ Вогезовъ, не совпадаетъ съ границей, раздѣляющей различныя нарѣчія.

Изо всѣхъ присвоенныхъ Франціей въ царствованіе Людовика XIV

провинцій наименѣе вызывало протестовъ какъ со стороны самихъ оби-

№ 402. Поля сраженій въ долинѣ Бельгіи.



1 : 2 500 000

0 50 100 150 КИЛОМ.

Черныя точки обозначають мѣстности, гдѣ происходили битвы, кружки — города, осада которыхъ имѣла нѣкоторое значеніе.

Въ хронологическомъ порядкѣ битвы и осады слѣдовали, какъ указано ниже, причемъ буквой ю отмѣчена побѣда юга, буквою с — побѣда сѣвера.

Битвы:

1214	Бувинъ	ю	1558	Гравелинъ	с	1708	Уденардъ	с
1297	Фюрнъ	ю	1643	Рокруа	ю	1709	Мальплаке	с
1302	Куртрэ	с	1648	Ленсъ	ю	1712	Дененъ	ю
1304	Монсъ-анъ-Пэвелль	ю	1658	Дюнъ	ю	1745	Фонтенэ	ю
1328	Кассель	ю	1659	Маріенбургъ	ю	1792	Жемаппъ	ю
1340	Л'Эклюзъ	с	1674	Сенеффъ	?	1793	Ваттиньи	ю
1346	Креси	с	1678	Сенъ-Дени	ю	1794	Флёрю	ю
1382	Роозбекъ	ю	1689	Валькуръ	с	1794	Гондшотъ	ю
1408	Гальбенъ	ю	1690	Флёрю	ю	1794	Сенеффъ	ю
1415	Азинкуръ	с	1692	Стенкеркъ	ю	1815	Линьи	ю
1479, 1513	Гинегатъ	с	1693	Нервинденъ	ю	1815	Ватерлоо	с
1554	Ранти	ю	1703	Экернъ	ю	1870	Седанъ	с
1558	Сенъ-Кентенъ	с	1706	Рамилльи	с	1871	Бапомъ	ю

Осады:

1213 Лилль, также въ 1297, 1667, 1708, 1792	1555 Рокруа, также въ 1656	1677 Валансьенъ, также въ 1793 и 1794
1347 Калэ	1572 Монсъ, въ 1691, 1746, 1792	1692 Намюръ, также въ 1695, 1745 и 1792
1467 Льежъ	1585 Антверпенъ и въ 1832	1710 Дуэ, также въ 1712
1414 Аррасъ, также въ 1479, 1640 и 1654	1604 Остенде	1712 Ландреси
1521 Мезьеръ	1646 Дюнкирхенъ, также въ 1658 и 1793.	1745 Турнэ
1539 Ганъ	1676 Бушенъ, и въ 1711, 1712	1793 Мобёжъ
1544 Булонь	1677 Камбрэ, Кассель	1793 Кондэ

тателей, такъ и со стороны чужеземныхъ державъ присоединеніе Франш-

№ 403. Поля сраженій въ Эльзасѣ.



Въ настоящее время линія французскихъ укрѣпленій проходитъ чрезъ Верденъ, Сенъ-Михель, Тулъ, Эпиналь, Ремирмонъ, Бельфоръ, съ рядомъ фортовъ, выдвинутыхъ по направленію къ Монмеди, Нанси, Люневиллю, Нефшато; Лангръ входитъ въ составъ второй линіи укрѣпленій. Линія германскихъ укрѣпленій заключаетъ Тіонвилль, Мецъ, Страсбургъ и Майнцъ. Въ приводимомъ спискѣ буква *в* означаетъ побѣду востока, *з*—побѣду запада.

Битвы:

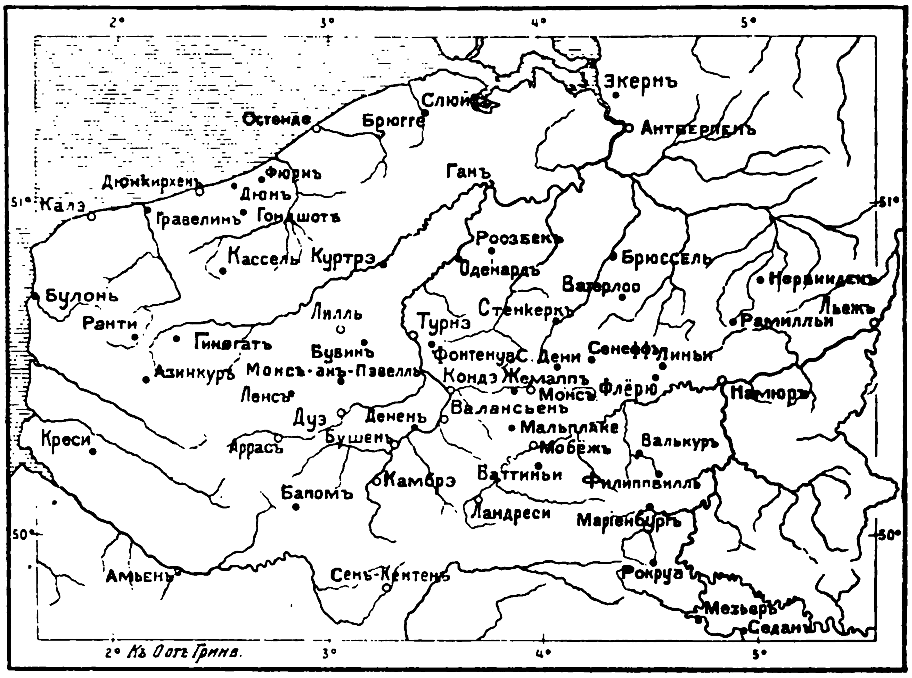
1298	Гёлльгеймъ	в	1638	Рейнфельденъ	з	1675	Тюркгеймъ	з	1703	Гёхштедтъ	з
1444	Сенъ-Жакобъ	з	1674	Зинсгеймъ	з	1675	Консарбрюкъ	в	1703	Спиръ	з
1474	Герикуръ	в	1674	Ладенбургъ	з	1702	Фридлингенъ	з	1707	Штолльгоффенъ	з
1524	Савернъ	з	1675	Зальсбахъ	в	1703	Штолльгоффенъ	з	1796	Раштатъ	з

Осады:

1445 Мецъ, также въ 1572 г.
1477 Нанси
1551 Верденъ, также въ 1792 г.
1558 Тіонвилль, также въ 1639, 1643, 1792, 1814 г.
1631 Майнцъ, также въ 1644, 1688, 1793 и 1796 г.
1632 Вормсъ, также въ 1689 г.
1632 Шлетштатъ, также въ 1815 г.
1657 Монмеди
1675 Трэвъ
1675 Гагенау
1677 Филиппсбургъ, также въ 1688 и 1734 г.
1677 Фрейбургъ
1680 Ландау, также въ 1702, 1704, 1713 и 1793 г.
1681 Страсбургъ, также въ 1814 г.
1684 Люксембургъ, также въ 1795, 1814 г.
1689 Маннгеймъ
1689 Спиръ
1689 Раштатъ
1744 Фальсбургъ, также въ 1814 и 1815 г.
1793 Бичъ
1795 Бульонъ
1815 Лонгви

провинцій наименѣе вызывало протестовъ какъ со стороны самихъ оби-

№ 402. Поля сраженій въ долинѣ Бельгіи.



1 : 2 500 000

0 50 100 150 *килом.*

Черныя точки обозначаютъ мѣстности, гдѣ происходили битвы, кружки — города, осада которыхъ имѣла нѣкоторое значеніе.

Въ хронологическомъ порядкѣ битвы и осады слѣдовали, какъ указано ниже, причемъ буквой ю отмѣчена побѣда юга, буквою с — побѣда сѣвера.

Битвы:

1714 Бувинъ	ю	1558 Гравелинъ	с	1708 Уденардъ	с
1297 Фюрнъ	ю	1643 Рокруа	ю	1709 Мальплаке	с
1302 Куртрэ	с	1648 Ленсъ	ю	1712 Дененъ	ю
1304 Монсъ-анъ-Пэвелль	ю	1658 Дюнъ	ю	1745 Фонтенэ	ю
1328 Кассель	ю	1659 Маріенбургъ	ю	1792 Жемаппъ	ю
1340 Л'Эклюзъ	с	1674 Сенеффъ	?	1793 Ваттиньи	ю
1346 Креси	с	1678 Сенъ-Дени	ю	1794 Флёрю	ю
1382 Роозбекъ	ю	1689 Валькуръ	с	1794 Гондшотъ	ю
1408 Гальбенъ	ю	1690 Флёрю	ю	1794 Сенеффъ	ю
1415 Азинкуръ	с	1692 Стенкеркъ	ю	1815 Линьи	ю
1479, 1513 Гинегатъ	с	1693 Нервинденъ	ю	1815 Ватерлоо	с
1554 Ранти	ю	1703 Экернъ	ю	1870 Седанъ	с
1558 Сенъ-Кентенъ	с	1706 Рамилльи	с	1871 Бапомъ	ю

Осады:

1213 Лилль, также въ 297, 1667, 1708, 1792	1555 Рокруа, также въ 1656	1677 Валансьенъ, также въ 1793 и 1794
1347 Калэ	1572 Монсъ, въ 1691, 1746, 1792	1692 Намюръ, также въ 1695, 1745 и 1792
1467 Льежъ	1585 Антверпенъ и въ 1832	1710 Дуэ, также въ 1712
1414 Аррасъ, также въ 1479, 1640 и 1654	1604 Остенде	1712 Ландреси
1521 Мезьеръ	1646 Дюнкирхенъ, также въ 1658 и 1793.	1745 Турнэ
1539 Ганъ	1676 Бушенъ, и въ 1711, 1712	1793 Мобёжъ
1544 Булонь	1677 Камбрэ, Кассель	1793 Кондэ

тателей, такъ и со стороны чужеземныхъ державъ присоединеніе Франшъ-

№ 403. Поля сраженій въ Эльзасѣ.



Въ настоящее время линія французскихъ укрѣпленій проходитъ чрезъ Верденъ, Сенъ-Михель, Тулъ, Эпиналь, Ремирмонъ, Бельфоръ, съ рядомъ фортовъ, выдвинутыхъ по направленію къ Монмеди, Нанси, Люневиллю, Нефшато; Лангръ входитъ въ составъ второй линіи укрѣпленій. Линія германскихъ укрѣпленій заключаетъ Тіонвилль, Мецъ, Страсбургъ и Майнцъ. Въ приводимомъ спискѣ буква *в* означаетъ побѣду востока, *з*—побѣду запада.

Битвы:

1298	Гöльгеймъ	в	1638	Рейнфельденъ	з	1675	Тюркгеймъ	з	1703	Гöхштедтъ	з
1444	Сенъ-Жакобъ	з	1674	Зинсгеймъ	з	1675	Консарбрюкъ	в	1703	Спиръ	з
1474	Герикуръ	в	1674	Ладенбургъ	з	1702	Фридлингенъ	з	1707	Штолльгоффенъ	з
1524	Саверпъ	з	1675	Зальсбахъ	в	1703	Штолльгоффенъ	з	1796	Раштатъ	з

Осады:

1445 Мецъ, также въ 1572 г.
1177 Нанси
1551 Верденъ, также въ 1792 г.
1558 Тіонвилль, также въ 1639, 1643, 1792, 1814 г.
1631 Майнцъ, также въ 1644, 1688, 1793 и 1796 г.
1632 Вормсъ, также въ 1689 г.
1632 Шлетштатъ, также въ 1815 г.
1657 Монмеди
1675 Трэвъ
1675 Гагенау
1677 Филиппсбургъ, также въ 1688 и 1734 г.
1677 Фрейбургъ
1680 Ландау, также въ 1702, 1704, 1713 и 1793 г.
1681 Страсбургъ, также въ 1814 г.
1684 Люксембургъ, также въ 1795, 1814 г.
1689 Маннгеймъ
1689 Спиръ
1689 Раштатъ
1744 Фальсбургъ, также въ 1814 и 1815 г.
1793 Бичъ
1795 Бульонъ
1815 Лонгви

Контэ; эта область, по курьезному совершенно случайному совпаденію политическихъ условій, оставалась вплоть до того самаго времени во власти Испаніи. Между тѣмъ, и общій склонъ страны, и направленіе ея долинъ, и коммерческія сношенія, и языкъ, и нравы населенія обусловливали чрезвычайно сильное притяженіе обитателей Франшъ-Контэ къ Франціи, и они, конечно, съ давнихъ поръ соединились бы со своими западными сосѣдями въ одно единое національное цѣлое, если бы были увѣрены въ томъ, что сохранятъ свойственныя имъ свободы и привилегіи, которыми они справедливо гордились. Эти свободы прославили ихъ страну. Другое притяженіе, проистекавшее отъ близкаго сосѣдства и отъ сходства политическихъ установленій, привязывало Франшъ-Контэ къ «свободнымъ» кантонамъ Швейцаріи; въ эту эпоху, однако, объединенные кантоны отнюдь не представляли собою примѣра, достойнаго подражанія. Продажа молодыхъ людей, способныхъ носить оружіе, въ качествѣ наемниковъ, испортила швейцарскій народъ, а отнятіе буржуазіей общинныхъ земель у крестьянъ принуждало послѣднихъ соглашаться на рабство. Отсюда возникли въ 1653 г. сильнѣйшія возмущенія, подавлявшіяся съ такою же жестокостью, съ какою были подавлены сто лѣтъ тому назадъ возмущенія крестьянъ въ Германіи. Такимъ образомъ, Франшъ-Контэ не могло найти точки опоры въ швейцарскихъ кантонахъ для поддержанія своей независимости послѣ ухода испанскихъ войскъ въ 1674 г., когда этой независимости угрожала опасность со стороны французской монархіи. И, дѣйствительно, занятіе страны французами совершилось въ нѣсколько дней почти безо всякой борьбы, и страна была присоединена уже окончательно.

Съ сѣверо-восточной стороны, между побережьемъ Фландріи и массивомъ Арденнскихъ горъ, границы Франціи могли быть лишь совершенно искусственными. Здѣсь эти границы пересѣкаются въ различныхъ мѣстахъ историческими путями, чрезвычайно удобопроходимыми, и граница обоихъ нарѣчій: фламандскаго и валлонскаго,—единственная черта, которая могла бы оправдать хотя бы внѣшнимъ образомъ созданіе политической границы—тянется почти по прямому направленію съ запада на востокъ, пересѣкая въ поперечномъ направленіи двойной или тройной рядъ крѣпостей, который былъ возведенъ здѣсь враждующими между собою повелителями среди земель, составляющихъ предметъ ихъ спора. Историки говорятъ съ усмѣшкой о великихъ, но тщетныхъ усиліяхъ китайскихъ императоровъ воздвигнуть «Великую стѣну», которая должна была остановить нападеніе монголовъ,—но что же сказать о той цѣпи крѣпостей, которыя тянутся здѣсь вдоль очень непостоянной границы, что сказать объ этихъ крѣпостяхъ, столько разъ перестраивавшихся, по мѣрѣ того какъ появлялись новые методы войны? Стѣна, выстроенная изъ серебра, стоила бы, вѣроятно, дешевле, чѣмъ эта стѣна, въ коей

каждое укрѣпленіе обагрено человѣческою кровью и отмѣчено въ исторіи кровопролитныхъ войнъ. Во время войнъ Людовика XIV мы видимъ, какъ въ теченіе болѣе чѣмъ полувѣка эта военная граница постоянно двигается то взадъ, то впередъ, то отодвигаясь къ сѣверу подъ вліяніемъ агрессивныхъ дѣйствій Франціи, то выгибаясь къ югу въ силу самозащиты страны.

За предѣлами Арденнскаго хребта еще одна линія крѣпостей



Долина Жонты, близъ Мейрюйся.

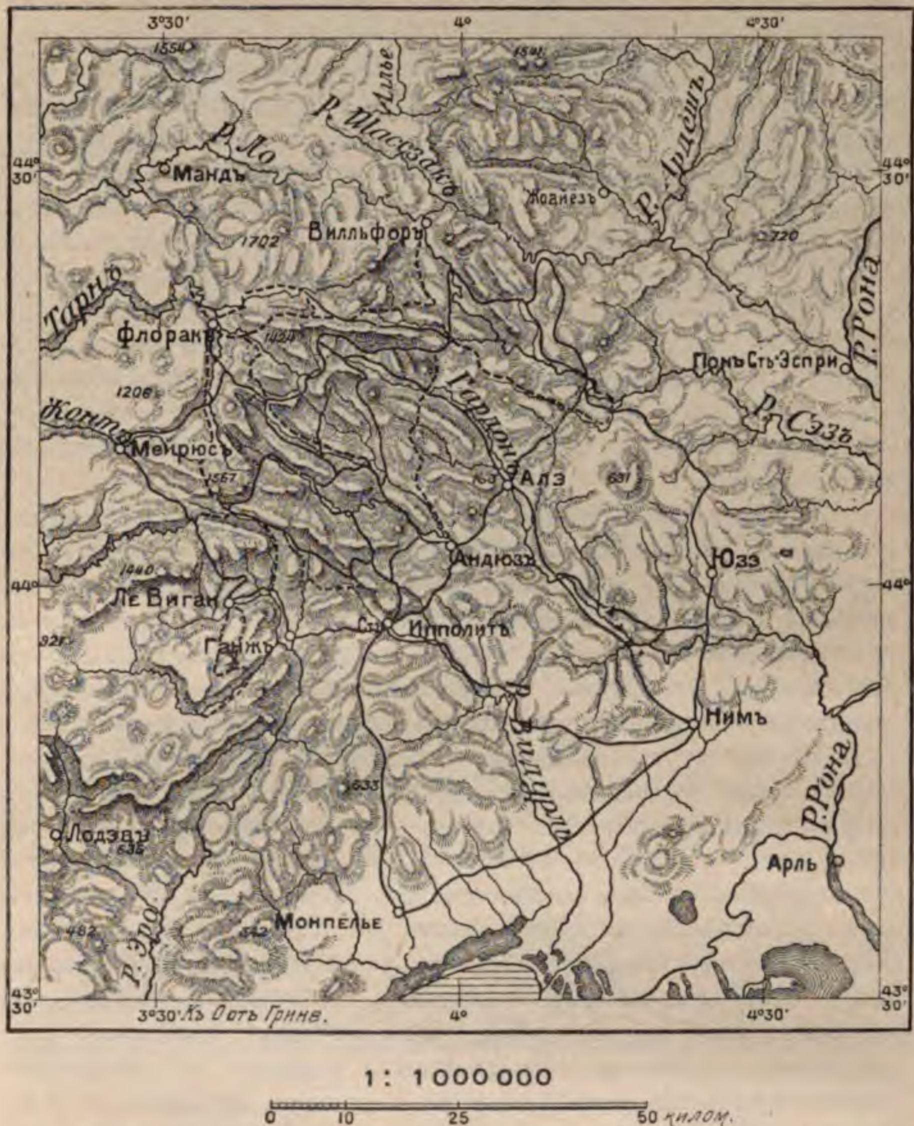
отмѣчаетъ другую искусственную границу,—именно, границу между Эльзасомъ и Палатинатомъ; эта линія служила поперемѣнно то для нападенія, то для защиты, въ зависимости отъ превратностей военныхъ событій и дипломатическихъ переговоровъ. Военныя сооруженія, тянущіяся до береговъ Рейна, должны были здѣсь защитить на сѣверѣ обширную долину Эльзаса, эту ново завоеванную страну,—удержать ее въ составѣ провинцій Франціи было тѣмъ болѣе трудно, что населеніе ея было привязано къ Германіи по ту сторону Рейна своимъ языкомъ, преданіями и правами. Однако, эта завоеванная область не была все же вырвана изъ рукъ Людовика XIV: въ теченіе двухъ вѣковъ Эльзасъ долженъ былъ оставаться во власти Франціи и присоединился къ ней даже тѣсными узами сознанія національнаго единства. Завоева-

ніе Эльзаса Германіей въ 1870 г. было, на самомъ дѣлѣ, не чѣмъ инымъ, какъ непосредственнымъ явленіемъ реакціи противъ образа дѣйствій Людовика XIV,—произведенныя имъ опустошенія въ Палатинатѣ никогда не были забыты германцами и требовали возмездія. Въ тѣ времена, какъ и въ концѣ тридцатилѣтней войны, единственная стратегія заключалась въ томъ, чтобы вызвать голодъ во враждебной арміи и среди населенія, которое могло бы ее кормить. «Объѣсть страну или, по меньшей мѣрѣ, не оставить въ ней ничего съѣдобнаго—вотъ въ чемъ заключалась тогда главная преслѣдовавшаяся цѣль» (Карлейль).

Въ своемъ увлеченіи религіей Людовикъ XIV, находившійся во враждебныхъ отношеніяхъ со всею Европою, не побоялся послать врагамъ самое драгоцѣнное для нихъ подкрѣпленіе, именно своихъ подданныхъ-протестантовъ. Онъ никогда не выполнялъ вполнѣ лойяльно Нантскаго эдикта, изданнаго его предкомъ. Сперва онъ запретилъ всякое отданіе почестей при погребеніи гугенотовъ, которыхъ съ того времени должны были хоронить какъ казненныхъ; затѣмъ онъ назначилъ неслыханную премію за отпаденіе отъ протестантской вѣры, освободивъ отпадающихъ отъ обязанности платить по долговымъ обязательствамъ, взятымъ на себя по отношенію къ ихъ прежнимъ единовѣрцамъ; вслѣдъ за этимъ послѣдовали всевозможныя оскорбленія и преслѣдованія; всѣ преступленія и насилія были объявлены дозволенными по отношенію къ еретикамъ, поставленнымъ внѣ закона; священники мучили ихъ на смертномъ одрѣ, отнимали у нихъ дѣтей, разрушали ихъ храмы. Наконецъ, въ 1685 г. Людовикъ XIV, котораго страхъ смерти сдѣлалъ особенно преданнымъ религіи, рѣшился нанести послѣдній ударъ протестантизму: онъ отмѣнилъ Нантскій эдиктъ; совершилъ онъ это, съ одной стороны, подъ вліяніемъ своихъ духовниковъ-іезуитовъ, съ другой—подъ вліяніемъ льстивой и фальшивой женщины, г-жи де Ментенонъ, которая, заботясь лишь о самой себѣ, хотѣла, чтобы забыли о ея собственномъ протестантскомъ происхожденіи. Освободившись, такимъ образомъ, отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ тѣмъ изъ французовъ, которые вмѣсто католической обѣдни шли на протестантскую проповѣдь, Людовикъ XIV сталъ тогда жестоко наказывать за ересь, какъ за настоящее преступленіе. Тысячи и десятки тысячъ протестантовъ познакомились съ «галерами» короля, одно имя которыхъ заставляетъ до сихъ поръ трепетать французскихъ крестьянъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ. Палка, бичъ, кандалы и орудія пытокъ царили на этихъ галерахъ, угрожая вѣчно ихъ несчастнымъ обитателямъ, взятымъ въ плѣнъ маврамъ или осужденнымъ на это наказаніе французамъ. Между ними было немало невинныхъ и настоящихъ мучениковъ, которыхъ несчастье или людская злоба привели на эти страшныя суда. Не извѣстно еще, гдѣ судьба наказуемыхъ была ужаснѣе, у береговъ ли

Мавританіи, гдѣ плѣнники-христіане гребли подъ началомъ у мусуль-

№ 404 Театръ войны съ „камисарами".



Пути, нанесенные на этой картѣ, скопированы съ карты, изданной въ эпоху войны и носящей заголовокъ: „Севеннскія горы, въ которыя отступили фанатики Лангедока, и долины, въ которыя они дѣлаютъ свои набѣги, съ изображеніемъ великихъ королевскихъ дорогъ, построенныхъ по приказанію короля, чтобы сдѣлать эти горы болѣе доступными, подъ руководствомъ де Бавилля, интенданта Лангедока, снятыя на мѣстѣ .. 1703 г.".

Интендантъ Лангедока разрушилъ 446 замковъ и хижинъ, въ которыхъ жили 19500 жителей.

манъ, или во французскихъ водахъ, по которымъ молчаливо двигались галеры великаго короля!

Гораздо счастливѣе были тѣ изъ гугенотовъ, кто погибъ свободными людьми! Въ долинахъ Севеннскихъ горъ, по обоимъ склонамъ ихъ, протестанты были достаточно многочисленны для того, чтобы образовать настоящее государство въ государствѣ; они очень хотѣли бы жить въ мирѣ и согласіи со своими сосѣдями, но сознавали въ то же время свою силу и знали, что ихъ прекрасно защищаютъ ихъ крутыя горы и полное бездорожье. Севенцы оказывали упорное сопротивленіе, которое нерѣдко увѣнчивалось успѣхомъ, и противъ нихъ пришлось высылать цѣлыя арміи подъ начальствомъ выдающихся маршаловъ Франціи, сражавшихся со знаменитѣйшими полководцами во время внѣшнихъ войнъ. Во всѣ времена, однако, подобныя внутреннія «карательныя экспедиціи», не контролируемыя международнымъ правомъ, отличались гораздо бо́льшимъ варварствомъ, чѣмъ походы, предпринимавшіеся оффиціально противъ внѣшнихъ враговъ,—то же можно сказать и объ этихъ «драгонадахъ», предпринимавшихся защитниками католической религіи въ Севеннскихъ горахъ: это были военныя предпріятія, исполненныя невѣроятныхъ ужасовъ и сопровождающіяся всевозможными возмутительными дѣяніями.

Настоящая война разыгралась много времени спустя послѣ оффиціальнаго ея объявленія, въ 1702 г., и продолжалась цѣлыхъ два съ половиною года, ея слѣдствіемъ явилось почти полное исчезновеніе населенія въ области Севеннъ. Особенно демократическій и твердый характеръ даетъ этой борьбѣ горныхъ жителей съ цѣлыми арміями то обстоятельство, что высшія сословія не принимали въ ней никакого участія, въ противоположность тому, какъ это происходило при подобныхъ возстаніяхъ въ предшествующія времена. Протестантское духовенство также не принимало въ борьбѣ никакого участія; оно держалось въ сторонѣ, исполненное печали и горести, и повторяло лишь избитыя слова: «повинуйтесь властямъ»! Протестанты Севеннскихъ горъ, «камисары», заключили, однако, «договоръ со смертью» и не нуждались ни въ аристократіи, ни въ духовенствѣ для того, чтобы оказывать побѣдоносное сопротивленіе врагамъ въ своей горной крѣпости. Чтобы лишить ихъ продовольствія и заставить спуститься въ равнину, гдѣ ихъ можно было бы перестрѣлять какъ рябчиковъ, необходимо было дѣйствовать методически и послѣдовательно разрушать всѣ деревни, всѣ хижины возставшей страны, что и было, впрочемъ, исполнено. Съ этого времени разграничивающая полоса, образуемая Севеннами между бассейномъ Средиземнаго моря и бассейномъ Луары, между южной Франціей и Франціей сѣверной, въ значительной степени расширилась. Тяжелая длань Людовика XIV тяготѣетъ еще и до сихъ поръ надъ севеннскими пустынями!

Всѣ французскіе протестанты, которымъ удалось ускользнуть отъ

преслѣдованій, нашли себѣ убѣжище въ Англіи, въ Голландіи и въ различныхъ княжествахъ Германіи, гдѣ ихъ встрѣтили съ распростер-

№ 405. Колоніи гугенотовъ въ Германіи.



По Г. Теллинсу.

о ổ Вальденцы. ◉ ổ Валлоны. ● ổ Французы.

Масштабъ 1 : 5000000.

Точки, отмѣченныя значками, представляютъ собою колоніи, существовавшія еще въ 1902 г. Всѣ онѣ снабжены названіями за исключеніемъ Вальдорфа и Гомбурга близъ Франкфурта и Унтермушельбаха, Корреса, Серреса, Дурртенца и Пинаше въ окрестностяхъ Штуттгарта.

тыми объятіями; отчасти имъ удалось проскользнуть незамѣтнымъ образомъ въ такіе иностранные города, какъ, напримѣръ, Женева, которые

не рѣшались принять ихъ открыто изъ боязни возбудить гнѣвъ Людовика XIV. Число французовъ, погибшихъ въ тюрьмахъ и въ сраженіяхъ или принужденныхъ отправиться въ изгнаніе, опредѣляется въ 400 или 500 тысячъ человѣкъ. Такимъ образомъ, населеніе Франціи уменьшилось сразу, по меньшей мѣрѣ, на одну тридцатую всего своего количества, а если было бы возможно опредѣлить эту потерю, принимая во вниманіе значеніе покинувшихъ ее людей, то не подлежитъ сомнѣнію, что упадокъ ея въ смыслѣ промышленности и въ смыслѣ развитія умственныхъ и моральныхъ силъ представился бы еще болѣе значительнымъ: протестанты являлись, вѣдь, наиболѣе образованными и наиболѣе предпріимчивыми подданными, и необходимость защищать свою вѣру противъ злой воли повелителей требовала отъ нихъ несравненно бóльшаго достоинства и выдержки, чѣмъ отъ огромнаго покорнаго стада преданныхъ католиковъ.

Многіе изъ городовъ лишились своего населенія; другіе города утратили свою промышленность, были забыты и впали въ бѣдность,— такова была участь Сомюра и Тура; Руанъ, населеніе котораго состояло изъ 80000 душъ, лишился четвертой части своихъ жителей. Нѣкоторыя отрасли промышленности, спеціально развитыя во Франціи, были какъ бы вырваны съ корнемъ и пересажены въ Голландію, въ Швейцарію, въ Англію, въ Прирейнскія страны, въ Бранденбургъ; это позволило даннымъ чужимъ областямъ успѣшно конкурировать съ подданными Людовика XIV и, пожалуй, даже совершенно устранить ихъ съ рынковъ, на которыхъ они до того времени монополизировали извѣстныя отрасли торговли издѣліями своей промышленности.

Въ исторіи Германіи особенно знаменитъ Потсдамскій эдиктъ 1685 г.,—это былъ правительственный актъ, которымъ обѣщалась помощь, и давалось прибѣжище изгнаннымъ протестантамъ. 15 лѣтъ спустя, въ 1700 г., французская колонія въ Пруссіи состояла уже изъ 14484 человѣкъ, не считая солдатъ, поступившихъ на службу. Около 200 французскихъ колоній основалось по всей Германіи, но болѣе слабыя изъ нихъ вскорѣ исчезли, растворившись въ окружающей средѣ, главнымъ образомъ, благодаря постепенному переходу кальвинистовъ въ лютеранскую вѣру; сознаніе расовой обособленности, противившееся утратѣ своего языка, быстро уничтожалось, когда религія перестала разъединять вѣрующихъ. Нѣкоторое количество этихъ группъ было подкрѣплено позднѣе эмигрантами изъ Кобленца, изъ которыхъ кое-кто остался въ странѣ и оставилъ послѣ себя въ ней свое потомство; наконецъ, ремесленники, главнымъ образомъ, парикмахеры и портные,— двѣ спеціальности, считающіяся французскими по преимуществу,—стали устраиваться также въ крупныхъ городахъ Германіи. Въ общемъ въ настоящее время въ Германіи насчитывается около 100000 подданныхъ

французскаго происхожденія, которые сохранили свое французское имя, не переводя и не измѣняя его, и даже, основываясь на своемъ происхожденіи, считаютъ себя до извѣстной степени аристократами; о французскомъ происхожденіи своемъ они не забываютъ,—это можно сказать даже о тѣхъ изъ нихъ, кто сталъ настоящимъ германскимъ патріотомъ или, по крайней мѣрѣ, выдаетъ себя за таковаго!



Галилей, 1564—1642.

Главнѣйшія отрасли промышленности, перенесенныя въ Германію потомками французскихъ гугенотовъ, были: выдѣлка шерсти, шелка, бумаги; кромѣ того, очень значительную часть эмигрантовъ составляли художники и рисовальщики, граверы и типографщики, книгопродавцы и профессора. Тогда какъ вообще въ настоящее время изъ пятисотъ нѣмцевъ насчитывается въ среднемъ лишь одинъ французскаго происхожденія, въ интеллигентномъ мірѣ Германіи пропорція эта увеличивается въ пять разъ [1]).

Чтобы доказать, что политическія событія, войны, революціи и контръ-революціи имѣютъ прежде всего характеръ экономическій, нѣкоторые авторы утверждали, что истинная причина религіозной революціи заключалась въ борьбѣ изъ-за матеріальныхъ выгодъ между земледѣльцами-католиками и протестантами-промышленниками. Не подлежитъ сомнѣнію, что и эта причина борьбы отчасти имѣетъ свое значеніе. Многіе изъ гугенотовъ-собственниковъ сдѣлались весьма крупными промышленниками, и католики, обѣднѣвшіе вслѣдствіе того, что протестанты одержали надъ ними верхъ на поприщѣ труда, имѣли возможность подъ

1) Jacques Blainville. Revue des Revues, 1 févr. 1900.

предлогомъ ихъ ереси оградить себя отъ опасныхъ конкурентовъ. Въ эпоху отмѣны Нантскаго эдикта прошелъ уже цѣлый вѣкъ со времени начала войнъ изъ-за реформаціи, и относительное положеніе сторонниковъ обоихъ вѣроученій чрезвычайно сильно измѣнилось. Протестанты, всюду преслѣдуемые, подвергавшіеся всевозможнымъ гоненіямъ, не имѣвшіе права занимать большинства должностей, должны были, совершенно подобно евреямъ и армянамъ, изощряться въ изобрѣтеніи способовъ для существованія; должны были развивать свою инициативу, измышлять новые способы, даже цѣлыя новыя отрасли промышленности и изыскивать даже при окружавшихъ ихъ неблагопріятныхъ условіяхъ необходимые рессурсы, чтобы получить, по крайней мѣрѣ, тѣ единственно доступныя имъ преимущества, которыя даются деньгами.

Какъ бы то ни было, экономическія причины играли, безъ сомнѣнія, совершенно второстепенную роль въ томъ актѣ частичнаго самоубійства, который совершила Франція, лишивъ себя самаго дѣятельнаго класса своего населенія. Гоненія здѣсь исходили свыше, изъ придворныхъ сферъ, расточавшихъ ядъ клеветы. Отсюда/же проистекали и нетерпимость и ненависть къ тѣмъ изъ католиковъ, которыхъ можно было упрекнуть исключительно лишь въ чрезмѣрномъ ригоризмѣ, съ которымъ ими соблюдалась католическая вѣра. Такъ, на янсенитовъ смотрѣли косо, такъ какъ они были слишкомъ благочестивы, и отъ нихъ нельзя было ожидать низменной угодливости; они не одобряли великолѣпныхъ придворныхъ царедворцевъ и элегантныхъ придворныхъ дамъ, шествовавшихъ по пути, усыпанномъ розами. Что касается свободныхъ мыслителей, то ихъ благоразумныя заботы объ отысканіи себѣ убѣжища въ голландскихъ провинціяхъ или въ швейцарскихъ кантонахъ имѣли полное основаніе. Петръ Байль, напримѣръ, былъ самими протестантами обвиненъ въ богохульствѣ и пострадалъ за это тѣмъ, что магистратурой въ Роттердамѣ ему было запрещено преподаваніе, и затѣмъ онъ былъ изгнанъ. Декартъ также понялъ, какъ опасно оставаться подъ бдительнымъ окомъ Ришельё, осуждавшаго даже теоріи Коперника, и остерегался преподавать или писать во Франціи. Ему постоянно приходилось спасаться бѣгствомъ въ Германію, въ Голландію, въ Швецію, и онъ отнюдь не торопился опубликовывать свои рукописи, касающіяся опасныхъ предметовъ; особенно остороженъ былъ онъ по отношенію къ тѣмъ вопросамъ, которые послужили причиною къ осужденію инквизиціей Галилея, его великаго предшественника въ области физическихъ и механическихъ знаній.

Извѣстно, что болѣе ста лѣтъ спустя послѣ открытія Новаго Свѣта этотъ замѣчательный астрономъ и мыслитель Италіи долженъ былъ дважды (въ 1615 и въ 1633 г.) предстать предъ духовнымъ судомъ. Знаменитый ученый былъ осужденъ невѣжественными инквизиторами;

ему пришлось встать на колѣни и отказаться отъ своей «нелѣпой» теоріи вращенія земли; затѣмъ онъ былъ заключенъ въ темницу и до конца своихъ дней содержался подъ строгимъ надзоромъ въ городѣ Арцетри, причемъ его собственный сынъ былъ надсмотрщикомъ надъ нимъ по порученію Духовной Коллегіи [1]). Впрочемъ, по всей вѣроятности, свободное обращеніе и замѣчательный даръ рѣчи Галилея еще гораздо сильнѣе смутили Римъ, чѣмъ самая сущность его ученія; будучи превосходнымъ писателемъ, онъ былъ и замѣчательнымъ ораторомъ и велъ слишкомъ открытую пропаганду [2]). По существу безразлично, были ли дѣйствительно произнесены Галилеемъ передъ его судьями слова: «Eppur si muove»—«а она все-таки движется»,—это даже мало вѣроятно, и никакихъ историческихъ доказательствъ не сохранилось,—или же слова эти были выдуманы позднѣе, въ 1744 г., Штейнахеромъ изъ Вюрцбурга [3]),—какъ бы то ни было, они сдѣлались историческими и примѣняются постоянно въ тѣхъ случаяхъ, когда желаютъ отмѣтить, что истина, несмотря на всѣ притѣсненія духовенства, несмотря на преслѣдованія королей и ненависть невѣждъ, одерживаетъ, въ концѣ концовъ, побѣду надъ тьмою.



Ренэ Декартъ, 1596—1650.

Послѣднимъ, имѣвшимъ большое значеніе дѣяніемъ Людовика XIV, когда онъ уже, страдая ненавистью къ людямъ, больной и боящійся близкой смерти, видѣлъ, что всѣ его честолюбивые замыслы рушатся, и

1) White. «History of the warfare of Science...», trad. de Varigny.—2) Th. H. Martin. «Galilée»; Picavet, Revue Rose 1895. — 3) Seb. Guntherr. «Kepler, G lilei».

что королевство его распадается, было вновь полное обращеніе къ католической церкви и совершенное раскаяніе. Изданная папой Климентомъ XI въ 1713 г. булла, направленная по внѣшности противъ янсенитовъ и протестантовъ, имѣла своею мишенью на самомъ дѣлѣ галликанскую церковь и самого короля и была написана по требованію послѣдняго. Надо всѣмъ рѣшительно, даже надъ государственною властью, должна была простираться власть непогрѣшимаго римскаго первосвященника, и представителями ея должны были являться направители общественной совѣсти—священники и монахи. Такимъ образомъ, какъ бы самоубійствомъ окончилась карьера повелителя, который рѣшился стать владыкою всего міра! Европа была, однако, уже на зарѣ XVIII вѣка, и папы и короли, церковь и государство были далеко не единственными силами, боровшимися за обладаніе людьми. Эти послѣдніе сами начинали мыслить самостоятельно и начинали посмѣиваться и надъ духовными и надъ свѣтскими своими повелителями, на видъ нерѣдко столь страшными и въ то же время совершенно призрачными, такъ какъ царятъ они исключительно лишь въ силу сдерживающаго всѣхъ страха предъ властью!

Франція, въ началѣ царствованія Людовика XIV бывшая относительно богатой и цвѣтущей, находилась въ концѣ этого продолжительнаго царствованія въ состояніи крайней бѣдности, даже въ худшемъ состояніи, чѣмъ вѣкъ спустя, наканунѣ революціи. Налоги были удвоены, и мудрый методическій надзоръ, организованный «реформами» Кольбера, не дозволялъ никому ускользать отъ жадности казны. Мѣстная торговля почти уничтожилась вслѣдствіе полной увѣренности въ томъ, что встрѣтитъ на всѣхъ перекресткахъ, у всѣхъ городскихъ воротъ безжалостныхъ собирателей податей и пошлинъ, и голодъ могъ свирѣпствовать въ любой изъ провинцій Франціи, въ то время какъ въ сосѣдней могъ быть богатый урожай. Почти насильственное пребываніе всѣхъ представителей аристократіи при дворѣ и непреодолимое притяженіе, оказывавшееся Версалемъ, влекли за собою разрушеніе замковъ, находившихся вдали отъ резиденціи. Вельможи перестали посѣщать свои помѣстья и даже, случалось, никогда не видали ихъ, но продолжали требовать прежнихъ доходовъ, не возвращая ни малѣйшей частицы изъ отбираемыхъ богатствъ землѣ, которая ихъ породила; въ результатѣ значительная часть земель королевства заросла травою и не давала болѣе тѣхъ доходовъ, которыхъ требовали отъ нихъ обѣднѣвшіе владѣльцы.

Такъ образовалось много «пустошей», не столько благодаря природнымъ условіямъ, сколько по винѣ человѣка. Если земля становилась «пустою», то въ этомъ не былъ повиненъ ни климатъ, ни почва,—виною были войны, подати, нравы и обычаи придворныхъ короля и ихъ



Парламентъ въ царствованіе королевы Анны.

непредусмотрительность. Среди этихъ земель, сдѣлавшихся безполезными для человѣка, можно отмѣтить, напримѣръ, Солонь, опустошенную еще въ теченіе религіозныхъ войнъ,—теперь аристократическіе владѣльцы ея оставили эту страну на произволъ судьбы, предоставивъ пескамъ заносить ее и болотамъ затягивать.

Такимъ образомъ, конецъ царствованія былъ встрѣченъ всѣми съ радостью, несмотря на то, что онъ вовсе не обозначалъ собою конца всѣхъ бѣдствій. Казалось, однако, что Провидѣніе вооружилось противъ стараго короля, который упорно не хотѣлъ умирать, въ то время какъ его наслѣдники, сынъ и внукъ, умерли одинъ за другимъ. Общественное мнѣніе не могло допустить, чтобы всѣ эти смерти были случайны, подозрѣвало преступленія и считало дворъ сонмищемъ отравителей. Рѣдко приходится видѣть, чтобы эпоха, полная роскоши и великолѣпія, оканчивалась столь плачевно! Впрочемъ, «міръ любитъ, чтобы его обманывали»: въ исторіи, несмотря на полное разложеніе государства, царствованіе Людовика XIV превратилось въ апоѳеозъ, по крайней мѣрѣ, по описаніямъ придворныхъ писателей. У Людовика XIV, подобно тому какъ и у Александра Македонскаго, у Цезаря и у Карла Великаго, были всегда его собственные льстецы, прославлявшіе его,—сколько державныхъ особъ, даже и среди современныхъ намъ, избираютъ его себѣ примѣромъ, достойнымъ подражанія!

Пришелъ чередъ Англіи занять первое мѣсто въ Европѣ. Несмотря на внутренніе политическіе перевороты и двойную перемѣну династіи, несмотря на временные удары судьбы и даже на униженіе всего народа, увеличеніе населенія и ростъ торговли въ Англіи не прекращались въ теченіе всей второй половины XVII вѣка. Король Карлъ II, призванный изъ своего изгнанія послѣ смерти Кромвеля и отказа его сына отъ протектората, пытался, разумѣется, противодѣйствовать всему, что совершилось за время его отсутствія; но попытки эти были безплодны, такъ какъ нельзя уничтожить исторію; онъ ополчился даже противъ покойниковъ и обезглавилъ тѣла убійцъ короля. Онъ хотѣлъ также вернуть Англію въ лоно католической церкви и зашелъ въ этихъ попыткахъ такъ далеко, что сталъ получать на этотъ предметъ денежныя субсидіи отъ Людовика XIV. Ему пришлось, однако, выдержать сильнѣйшую борьбу съ парламентомъ,—иначе говоря, со все болѣе и болѣе возраставшей буржуазіей. Если ему удалось къ концу своей жизни отвоевать свою абсолютную власть, освободиться отъ наиболѣе опасныхъ своихъ противниковъ, павшихъ отъ руки палача, и даже заставить оксфордскій университетъ торжественно объявить, что ученіе о передачѣ королю народной власти по договору грѣховно и преступно, то зато братъ и наслѣдникъ его, король Іаковъ II (1685 г.), на себѣ убѣдился

въ томъ, что сила все же является достояніемъ столь презираемаго народа!

Іаковъ II царствовалъ лишь три года. Зять его, Вильгельмъ III Оранскій, высадился у береговъ Англіи съ военными силами и вступилъ съ нимъ въ борьбу подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ, Вильгельмъ, является настоящимъ, законнымъ наслѣдникомъ престола; фактически Вильгельмъ явился въ Англію въ качествѣ защитника протестантизма и парламентскаго режима противъ католицизма и режима абсолютной монархической власти. Король Іаковъ едва успѣлъ оказать нѣкоторое сопротивленіе. Сперва онъ былъ взятъ въ плѣнъ, затѣмъ съ презрѣніемъ выпущенъ на свободу, какъ человѣкъ, не имѣющій никакого значенія, и долженъ былъ спастись бѣгствомъ во Францію къ «Великому королю», которому онъ постоянно подражалъ. Интересно отмѣтить, что эта перемѣна династіи носитъ въ исторіи Англіи названіе революціи 1689 г.; вступленіе на престолъ новаго короля и «объявленіе правъ» относится, на самомъ дѣлѣ, къ февралю 1688 г.; годъ же начинался тогда 25 марта. Въ представленіяхъ буржуазныхъ слоевъ гражданская война, смерть Карла I и англійская республика (Commonwealth) представляли собою не болѣе какъ подготовительные эпизоды, предшествовавшіе полученію власти этими слоями.

Вильгельмъ III правилъ въ полномъ согласіи съ парламентомъ, нашедшимъ въ представителѣ новой династіи защитника своихъ древнихъ привилегій, и почувствовалъ себя въ скоромъ времени столь сильнымъ, что могъ стать во главѣ другихъ союзниковъ и начать борьбу съ Людовикомъ XIV. Царствованіе его невѣстки, королевы Анны, вступившей на престолъ послѣ него (1702), представляетъ собою въ исторіи Великобританіи періодъ, еще болѣе богатый военными побѣдами, такъ какъ въ теченіе его слѣдовали одна за другою побѣды при Блэнгеймѣ, Рамилльи, Уденардѣ, Мальплаке, одержанныя ея полководцемъ Мальборо. Утрехтскій миръ (1713 г.) утвердилъ выдающееся положеніе Англіи среди другихъ державъ Европы и увеличилъ до чрезвычайныхъ размѣровъ англійскія колоніальныя владѣнія за счетъ таковыхъ Франціи; по этому договору англичане получили Новую Шотландію, Нью-Фаундлендъ и сосѣднія воды; по нему же они завладѣли скалами Гибралтара, этой постоянной угрозой испанскому государству и драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для англійской торговли; наконецъ, по нему же они пріобрѣли исключительное право ввоза негровъ въ количествѣ 4800 головъ въ годъ на испанскіе Антильскіе острова. Англія добилась, такимъ образомъ, монополіи торговли человѣческимъ мясомъ!

Въ эту эпоху исторія Англія и исторія Франціи представляютъ замѣчательный параллелизмъ въ превратностяхъ, претерпѣвавшихся династіями и отражавшихся на всемъ политическомъ организмѣ. Тогда

какъ смерть королевы Анны (1714 г.) обусловила восшествіе на тронъ Великобританіи германской династіи Георгія Ганноверскаго, кончина Людовика XIV (1715 г.), правнукъ котораго, Людовикъ XV, былъ еще ребенкомъ, повлекла за собою столь ненавистное вмѣшательство парламента и назначеніе регентомъ Франціи герцога Орлеанскаго, котораго покойный король какъ-разъ желалъ отстранить отъ власти.

Германія, которую войны между католиками и протестантами раздробили на множество государствъ и княжествъ, преслѣдовавшихъ свои частные интересы и даже опиравшихся на чужеземныхъ властителей, возстановляла лишь съ большою медленностью свои силы послѣ ужасной тридцатилѣтней войны. Антагонизмъ сѣвера и юга, Бранденбурга, который въ 1701 г. долженъ былъ сдѣлаться королевствомъ Прусскимъ, и Австріи, на дѣлѣ повлекъ за собою разложеніе Германской имперіи, и самая значительная, сохранившаяся часть ея, именно Австрія, прилагала большія усилія къ тому, чтобы сохранить свою независимость въ борьбѣ съ турками, воодушевленными еще страстью къ завоеваніямъ.

Турція уже въ теченіе цѣлаго вѣка, т.-е. начиная съ эпохи, когда флотиліи Сулеймана Великолѣпнаго господствовали въ Средиземномъ морѣ, являлась значительно ослабленной. Распространеніе власти турокъ по направленію къ западу прекратилось со времени безполезной осады Мальты въ 1565 г. и битвы при Лепантѣ въ 1571 г.; турецкіе султаны, запершись въ своихъ дворцахъ и окруженные заговорами и интригами, поручили своимъ наемникамъ дѣло дальнѣйшихъ завоеваній. Въ то же время, впрочемъ, Германія была еще болѣе истощена, чѣмъ Турція, и великій визирь Кара-Мустафа—«Мустафа Черный»—повелѣвавшій обширною областью между Альпами и Карпатами и одержавшій цѣлый рядъ побѣдъ надъ австрійскими войсками, рѣшился подступить даже къ самой Вѣнѣ, столицѣ имперіи (1683 г.).

Подъ Вѣной Кара-Мустафа потерпѣлъ, однако, пораженіе вслѣдствіе того, что на помощь ей пришелъ Янъ Собѣсскій, король Польши; вторая попытка его была столь же неудачной, какъ и попытка Сулеймана въ 1529 г., и тогда началось обратное движеніе. Отступленіе турокъ повлекло за собою утрату ими города Буды и значительной части Венгріи, затѣмъ послѣ битвы при Мохачѣ (1687 г.) имъ пришлось очистить Славонію и Кроацію. Императорскія войска достигли Бѣлграда. Въ концѣ вѣка миръ, заключенный въ Карловицѣ, принудилъ турокъ предоставить Венгрію и Трансильванію австрійцамъ, отдать Азовъ русскимъ, Украйну и Подолію—полякамъ, Пелопонесъ—венеціанцамъ,—по поверхности и по числу населенія уступленныя области составляли третью часть ихъ владѣній въ Европѣ. Въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ произошелъ опять рядъ столкновеній съ различными ре-

зультатами, и затѣмъ былъ заключенъ миръ въ Пассаровицѣ (1718 г.),

№ 406. Великая Турція.



1: 12 500 000

0 100 400 800 килом

Рѣдкая штриховка отмѣчаетъ области, утраченныя Турціей въ концѣ XVII вѣка; незаштрихованная область—владѣнія Турціи, сохранившіяся у нея послѣ битвы при Зентѣ въ 1697 г. и послѣ мира при Карловицѣ въ 1698 г.

На полѣ битвы при Мохачѣ, гдѣ турки потерпѣли въ 1687 г. пораженіе, они же одержали побѣду надъ Венгріей въ 1526 г.

который гарантировалъ преобладающее вліяніе Австріи въ дунайскихъ областяхъ, лежащихъ за предѣлами Германіи. Такимъ образомъ, центръ тяжести имперіи былъ перенесенъ съ запада на востокъ.

Цѣлый рядъ событій впуталъ Швецію и Россію въ эти войны въ области Дуная; эти отдаленныя сѣверныя царства принимали уже нѣкоторое участіе въ великихъ историческихъ движеніяхъ Западной Европы. Такъ, Швеція въ качествѣ протестантской державы, охватывавшей обширныя германскія страны, была вовлечена въ борьбу, происходившую во время тридцатилѣтней войны. Россія, однако, освободившаяся отъ ига монголовъ, оставалась почти неизвѣстной всѣмъ другимъ государствамъ Западной Европы и не имѣла съ ними никакихъ прямыхъ сношеній; можно сказать, что она со стороны запада была прикрыта Венгріей, гдѣ христіане и мусульмане вели непрестанныя войны, и Польшей, которая вмѣстѣ со Швеціей и мелкими прибалтійскими государствами прерывала совершенно сообщеніе между Германіей и Россіей,—это были «государства-буфера», существовавшія во всѣ времена, даже значительно ранѣе того, какъ они были измышлены современной дипломатіей.

Уже съ конца XV вѣка владычество татаръ Золотой Орды прекратилось въ центральной Россіи, и «великій князь и самодержецъ» Іоаннъ III избралъ символомъ своего царства древній византійскій гербъ—двуглаваго орла, высматривающаго добычу по обѣ стороны, на востокѣ и на западѣ. Однако, Россія не была еще вполнѣ европейскимъ государствомъ, такъ какъ даже почти столѣтіе спустя, въ 1571 г., татары Крыма совершили набѣгъ въ ея предѣлы и проникли до самаго центра великорусской равнины, сожгли Москву и увели съ собою 100000 плѣнныхъ въ рабство. Въ это время царствовалъ Іоаннъ IV, справедливо называемый «Грознымъ». Это былъ ужасный властитель, о которомъ въ исторіи сохранилась память какъ объ одномъ изъ самыхъ жестокихъ и кровожадныхъ; онъ былъ также протестантомъ въ духѣ своего современника Генриха VIII: признавая установленные догматы церкви и совершая обычные обряды, онъ требовалъ, чтобы духовенство повиновалось всецѣло его приказаніямъ и его волѣ.

Когда митрополитъ московскій попробовалъ сдѣлать нѣсколько очень осторожныхъ замѣчаній по поводу совершенныхъ царемъ кровавыхъ дѣяній, Іоаннъ внезапно среди зимы уѣхалъ изъ Москвы, устроился вмѣстѣ со своею охраною въ одномъ изъ сосѣднихъ селеній и велѣлъ сказать митрополиту, что онъ собирается оставить управленіе царствомъ, такъ какъ духовенство покровительствуетъ виновнымъ боярамъ и охраняетъ ихъ отъ гнѣва монарха. Чрезвычайно напуганные этимъ посланіемъ, въ которомъ они видѣли угрозу, обитатели Москвы, столь привычные рабству, что не могли себѣ и представить государства, управлявшагося собственными силами, поторопились призвать обратно царя, который съ того времени могъ предавать ихъ мукамъ, убивать и гноить по тюрьмамъ, сколько его душѣ было угодно. Онъ взялъ затѣмъ

въ свою полную частную собственность большое число городовъ и об-



Русскій патріархъ и духовенство XVII вѣка.

ластей, доставлявшихъ ему по желанію солдатъ и палачей, и, прежде всего, отплатилъ непокорному митрополиту.

Ведя войны со всѣми, на югѣ—съ татарами, на востокѣ и на сѣверѣ—съ азіатскими и финскими народностями, Іоаннъ Грозный стремился, конечно, перенести войну и на западъ, гдѣ имѣлись сосѣди, болѣе богатые, болѣе образованные и болѣе культурные. Наибольшую ненависть питалъ онъ къ городу со славнымъ прошлымъ, къ «Господину Великому Новгороду», такъ какъ въ немъ жили еще и не были искоренены традиціи свободы и независимости; Іоаннъ отдалъ приказъ взять и разрушить Новгородъ, и въ теченіе пяти недѣль въ этомъ городѣ убивались ежедневно сотни и тысячи людей,—ихъ было уничтожено, какъ говорятъ лѣтописи, 60000 душъ, такъ что теченіе Волхова останавливалось изъ-за груды труповъ, образовывавшихъ плотину. Такимъ образомъ, царемъ были очищены подступы къ Финскому заливу и къ Балтійскому морю, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ были перерѣзаны тѣ естественные пути сообщенія, которыми его государство обладало здѣсь,—Новгородъ являлся связующимъ звеномъ съ Западной Европой; во время борьбы, которая затѣмъ разыгралась, поляки и шведы, бывшіе болѣе сильными, препятствовали русскимъ дойти до берега моря.

Гордая Новгородская республика—одно изъ первыхъ выдающихся твореній восточнаго славянскаго міра—проложила свои торговые пути не при посредствѣ завоеваній, а благодаря своей ловкой политикѣ, сопровождавшейся заключеніемъ союзовъ, и благодаря взаимнымъ торговымъ интересамъ,—эти пути доходили до самаго Скандинавскаго моря, вѣчно свободнаго ото льда и доступнаго кораблямъ во всѣ времена года. Еще въ началѣ XI вѣка ею былъ основанъ городъ Кола, и строились торговыя и рыболовныя суда, плававшія вдоль «Мурманскаго» или «норманнскаго» берега, названнаго такъ по той народности, съ которой русскіе обмѣнивались здѣсь своими товарами. Новгородцы распространяли свою власть даже на болѣе значительное пространство, чѣмъ то, которымъ въ этихъ областяхъ располагаетъ Россія въ настоящее время, такъ какъ подъ ихъ началомъ находились и берега Варангеръ-фьорда, теперь норвежскіе; за восемь вѣковъ, слѣдовательно, славянское вліяніе не возросло, а относительно уменьшилось на этомъ побережьѣ. Въ 1553 г., когда англійскій мореходъ Шэнселлоръ проникъ въ Бѣлое море, портовый городъ Новые Холмогоры, гдѣ онъ всталъ на якорь, являлся не болѣе какъ замѣстителемъ одноименнаго древняго города, основаннаго «біарміями» или пермяками, которые въ теченіе вѣковъ были союзниками Великаго Новгорода. Такимъ образомъ, совершенно несправедливо приписывается англійскимъ мореплавателямъ открытіе торговаго пути черезъ Архангельскъ, — они, правда, воспользовались имъ для непосредственной торговли съ Россіей, заключивъ договоръ съ Іоанномъ IV, но на самомъ дѣлѣ этотъ путь былъ проложенъ уже и существовалъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе пяти вѣковъ.

То же самое можно сказать и относительно воображаемаго открытія Сибири Ермакомъ, этимъ бѣглымъ казакомъ, голова котораго была оцѣнена. Этотъ предводитель разбойничьей шайки, прошедшій по Сибири въ царствованіе Іоанна Грознаго, въ 1579 г., проложилъ своимъ мечемъ путь, которымъ уже пользовались мирнымъ порядкомъ новгородскіе и біармійскіе купцы въ теченіе ряда вѣковъ. Однако, рабскій умъ созданъ такимъ образомъ, что не придаетъ никакого значенія событіямъ, если они не закрѣплены насиліемъ и кровью! Еще задолго



Ружье царя Алексѣя Михаиловича и его устройство.

до Ермака страны Сибири, по которымъ проходили новгородскіе купцы, были нанесены уже на карты Себастьяна Минстера и Герберштейна; правда, по ту сторону Оби вся Азія была сведена къ узкой полоскѣ, такъ какъ Кумбаликъ, т.-е. Пекинъ, и царство Китай занимаютъ на картѣ Герберштейна лишь правый берегъ рѣки. Истина относительно взаимнаго расположенія этихъ различныхъ странъ была бы, однако, вскорѣ выяснена, если бы правительство, старающееся постоянно придавить торговлю подъ предлогомъ ея лучшей защиты, не приложило всѣхъ стараній къ тому, чтобы прервать торговыя сношенія. Въ 1580 г., годъ спустя послѣ похода Ермака, англійскіе мореплаватели Питтъ и Джекманъ проникли въ Карское море и, послѣдовавъ примѣру русскихъ судовъ, встрѣченныхъ ими здѣсь, перебрались въ бассейнъ Оби черезъ Обдорскій перешеекъ. Эта экспедиція не осталась безъ вліянія на основаніе города Мангазеи, который былъ построенъ въ 1601 г. болѣе 200 километровъ выше устья рѣки Тазъ и который привлекалъ къ себѣ не только русскихъ купцовъ, но и иностранныхъ представителей

торговли, занимавшихся ввозомъ [1]). Такимъ образомъ, Англія находилась уже въ прямыхъ сношеніяхъ съ Сибирью, когда русское правительство, обезпокоенное этими сношеніями съ чужеземными странами, уничтожило окончательно свободную торговлю. Это произошло въ 1620 г., и болѣе двухъ съ половиною вѣковъ должно было пройти до того времени, когда Норденшильдъ, возобновивъ старинныя начинанія, предпринялъ свою знаменитую экспедицію 1875 года.

Дѣянія Іоанна Грознаго носили въ самихъ себѣ противорѣчіе. Съ одной стороны, онъ старался привести свое государство въ непосредственное соприкосновеніе съ Европой путемъ завоеванія Финскаго залива, съ другой же—отрѣзалъ торговые пути сообщенія, обнажая такимъ образомъ свою западную границу и открывая ее противъ своего желанія завоевательнымъ стремленіямъ королей Польши и Швеціи. Послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1584 г., народъ его остался терроризованнымъ и былъ готовъ ко всякимъ униженіямъ, ко всякой тиранніи. Именно при такихъ условіяхъ регентъ Борисъ Годуновъ, завладѣвшій позднѣе верховною властью (1598 г.), получилъ возможность совершить тягчайшее преступленіе противъ народа, прикрѣпить крестьянъ къ землѣ, превратить ихъ въ безвольныя «души», въ настоящихъ рабовъ, и все это подъ предлогомъ улучшенія положенія бѣдныхъ классовъ народа. Иначе, впрочемъ, не могло и быть. Абсолютная монархическая власть влечетъ за собою полное порабощеніе населенія. Аристократія, или, вѣрнѣе, всѣ имѣвшіе отношеніе ко двору—«дворяне»—были съ того времени также порабощены верховною властью, такъ какъ не имѣли никакихъ конституціонныхъ гарантій; они превратились въ чиновниковъ, лишенныхъ всѣхъ политическихъ правъ и подверженныхъ даже долгое время тѣлесному наказанію,—ясно, что рабство должно было отражаться и на всемъ соціальномъ организмѣ, вплоть до самаго послѣдняго крестьянина. Рабство уже фактически осуществилось, когда законъ, изданный Борисомъ Годуновымъ въ 1590 г., запретилъ земледѣльцамъ мѣнять свое мѣстожительство, прикрѣпилъ ихъ къ землѣ, чтобы владѣльцы земли не были лишены ни въ какомъ случаѣ ихъ услугъ. Число крестьянъ, прикрѣпленныхъ, такимъ образомъ, силою къ землѣ, опредѣляется въ 1500000 человѣкъ,—это количество несчастныхъ рабовъ должно было удесятериться и даже увеличиться въ двадцать разъ въ теченіе послѣдующихъ трехъ вѣковъ, причемъ на судьбу ихъ отнюдь не вліяли тѣ перевороты и тотъ прогрессъ, который совершался за предѣлами Россіи во всемъ остальномъ мірѣ.

Періодъ, послѣдовавшій непосредственно за ужасными временами Іоанна Грознаго и Бориса Годунова, былъ, пожалуй, еще тяжелѣе: на-

1) A. Kintoch. «History of the Kara sea trade route to Siberia».

родъ былъ совершенно предоставленъ на произволъ судьбы; онъ сталъ жертвою какихъ-то безплотныхъ призраковъ, жертвою собственнаго без-

№ 407. Россія во времена отъ Іоанна Грознаго до Петра Великаго.



Незаштрихованное пространство—царство Іоанна Грознаго и его преемниковъ; заштрихованная на-крестъ часть—пріобрѣтенія Петра Великаго; рѣдкая штриховка—пріобрѣтенія Екатерины II (1762-1796). Присоединеніе Финляндіи къ имперіи относится къ 1809 году, когда часть Кавказа уже принадлежала Россіи.

умія! Іезуиты, стремившіеся къ господству надъ всѣмъ міромъ, имѣли даже основаніе вообразить, что насталъ моментъ, когда для нихъ яви-

лась возможность завладѣть Россіей, какъ они завладѣли Польшей, и управлять ею отъ имени польскаго короля Сигизмунда. Слѣдуя своему обычному методу, состоявшему въ томъ, что путемъ смѣщенія правителей и, въ случаѣ надобности, замѣны одного другимъ создавались перевороты въ верхахъ, они выставили самозванца, выдававшаго себя за сына Іоанна Грознаго,—такъ они подготовляли себѣ пути для проникновенія въ Россію; вскорѣ, дѣйствительно, польскимъ войскамъ удалось занять московскій кремль. Поляки, однако, слишкомъ злоупотребляли завоеванною властью, распредѣляя черезчуръ замѣтнымъ образомъ важнѣйшія должности среди пользовавшихся ихъ покровительствомъ чужеземцевъ,—національное чувство было возстановлено противъ нихъ; разыгралось всеобщее возстаніе, и противъ чужеземныхъ пришельцевъ вооружился весь народъ—и духовенство, и купцы, и крестьяне, и бояре. Въ 1613 г. кремль, символизировавшій собою народное могущество, былъ отнятъ у поляковъ, и въ Москвѣ воцарилась новая династія—домъ Романовыхъ.

Война, впрочемъ, должна была продолжаться на границахъ, которыя были передъ тѣмъ лишены русскими самодержцами ихъ естественныхъ защитниковъ; подъ напоромъ турокъ, поляковъ, шведовъ протяженіе русскихъ владѣній постоянно мѣнялось, такъ какъ не было твердыхъ точекъ опоры, которыя могли бы образовать искусственную границу изъ цѣпи укрѣпленныхъ пунктовъ. Какъ ни велики были, однако, превратности судебъ на западной окраинѣ имперіи, безусловно, болѣе значительны были измѣненія, происходившія внутри Россіи подъ двойнымъ и противоположнымъ по своимъ результатамъ вліяніемъ, именно, подъ вліяніемъ самой природы и внѣшней среды, и подъ вліяніемъ захвата земель вмѣстѣ съ обрабатывающими ихъ крестьянами относительно небольшимъ числомъ землевладѣльцевъ. Переселенія въ новыя области, сопряженныя съ колонизаціей незатронутыхъ земель, являлись результатомъ естественнаго, можно сказать, почти неудержимаго влеченія вдаль; и въ то же время вся наличная власть, всѣ законы и указы подъ страхомъ наказаній и казней, требовали отъ людей полной неподвижности, полнаго рабства. Такимъ образомъ, исторія Россіи является двойственной: это поперемѣнно или даже одновременно была исторія вторженія кочевыхъ народностей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, исторія колонизаціи земледѣльческихъ народностей; лѣтописи страны полны разсказами, относящимися, съ одной стороны, къ внезапному наводненію страны чужеземцами, съ другой—касающимися переселеній крестьянъ въ новыя области [1]).

Безграничность равнины Россіи облегчала чередованіе этихъ про-

1) Al. Tratchevski, «Revue internationale de Sociologie», août, 1895.

тивоположныхъ одно другому движеній: иногда орды азіатовъ разливались волнами по всей странѣ, въ другихъ же случаяхъ земледѣльцы, сдѣлавшись слишкомъ многочисленными, разселялись, мало-по-малу, и основывали общину за общиной, подобно тому какъ размножаются клѣтки въ организмѣ. Безграничная власть, пріобрѣтенная вскорѣ центральнымъ правительствомъ, произошла отчасти въ силу тѣхъ же усло-



Русскій городъ въ XVII вѣкѣ.

вій: повелители одержавшаго надъ другими верхъ княжества не встрѣчали на своемъ пути никакихъ препятствій; нигдѣ не наталкивались они на неприступныя, устроившіяся на скалахъ крѣпости, и, кромѣ того, абсолютизмъ его власти не страдалъ отъ многочисленныхъ феодаловъ, являющихся обыкновенно и подчиненными повелителю и въ то же время его соперниками. Соратники на войнѣ, командовавшіе частями войскъ и державшіеся вокругъ своего повелителя, не образовывали группы мелкихъ вассальныхъ князьковъ, какъ на Западѣ: они слагались въ «дружину», жившую военной добычей и тою частью доходовъ, которая назначалась княземъ; дружинники не устраивались, однако, на землѣ и не передавали свои земельныя имущества старшимъ сыновьямъ. Шумливая дружина царя и великаго князя московскаго не могла препятствовать его капризамъ и фантазіямъ, но нерѣдко охватывалась одинако-

вымъ съ нимъ порывомъ безумія и кровожадности, какъ то было, напримѣръ, во время Іоанна Грознаго.

При своемъ страстномъ желаніи царить всюду и встрѣчать полное повиновеніе во всѣхъ дѣлахъ какъ политическихъ, такъ и религіозныхъ, московскіе цари должны были считать своими главнѣйшими врагами казаковъ, «запорожцевъ», т.-е. обитавшихъ за порогами Днѣпра на низменныхъ и лѣсистыхъ берегахъ и на островкахъ этой рѣки. Эти храбрецы многократно съ чрезвычайнымъ упорствомъ защищали мирное населеніе внутренней части Россіи отъ вражескихъ нападеній. Многократно также, вслѣдъ за вторженіемъ враговъ, они сами вторгались въ мусульманскія страны и на объявленіе «священной войны» отвѣчали и со своей стороны «священною войною». На своихъ легкихъ ладьяхъ преслѣдуя враговъ или въ погонѣ за военной добычей, они рѣшались даже пересѣкать опасное Черное море. Ихъ видѣли и въ Малой Азіи, въ Синопѣ, который они сожгли, и на Босфорѣ у стѣнъ Константинополя, гдѣ они нерѣдко жгли предмѣстья. Безъ ихъ защиты Московское царство, не защищенное съ юга никакой естественной границей, сдѣлалось бы, навѣрное, простой провинціей Турціи. Запорожцы имѣли, такимъ образомъ, полное право на признательность своихъ сосѣдей и соотечественниковъ, малороссовъ и великороссовъ.

Именно имъ обязана Россія своею политическою независимостью; но въ то же время запорожская «сѣчь», т.-е. собраніе всѣхъ запорожцевъ, устраивавшееся гдѣ-нибудь на берегу Днѣпра или въ степи, подобно тому какъ вѣче въ Новгородѣ, представляла собою чисто-республиканское собраніе, которое нисколько не заботилось о волѣ московскаго царя. Отсюда родилась сильнѣйшая ненависть: свободный запорожецъ считался врагомъ, и его ненавидѣли больше, чѣмъ мусульманина-турка. Кромѣ того, какъ могли существовать на сплошной равнинѣ, каковою является Россія, на равнинѣ, не имѣвшей другихъ препятствій, кромѣ лѣсовъ, болотъ и рѣкъ, два явленія, столь кореннымъ образомъ различающіяся между собою, какъ полное рабство крестьянъ и свободная военная республика? Не подлежитъ сомнѣнію, что владѣльцы крупныхъ земельныхъ имуществъ, воздѣлывавшихся руками крѣпостныхъ, не могли терпѣть существованія вблизи нихъ общества свободныхъ людей, гордящихся своею независимостью. Если бы безпокойная община запорожцевъ удержалась, то было бы невозможно воспрепятствовать бѣгству или же возмущенію болѣе энергичной части закрѣпощенныхъ рабовъ, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, кого побуждало къ борьбѣ страстное желаніе отплатить за всѣ несправедливости. Либо крѣпостная зависимость, либо Запорожская сѣчь должна была исчезнуть; но моральный обликъ народа, не требовавшаго вовсе свободы для всѣхъ и видѣвшаго въ свободѣ лишь результатъ удачнаго случая или приви-

легiю, получаемую отъ рожденiя, заставлялъ думать, что интересы крѣпостниковъ-рабовладѣльцевъ одержатъ верхъ надъ свободной приднѣпровской республикой.

Контрастъ между этими двумя боровшимися общественными группами сдѣлался тѣмъ болѣе сильнымъ, что области, примыкавшiя къ



Московскiй кремль.

южной границѣ Россiи, быстро заселялись, и что всѣ интересы восточной Европы были непосредственно связаны съ превращенiями, происходившими въ странѣ. На самомъ дѣлѣ, турецкiя и казачьи разбойничьи шайки въ такой степени опустошили южныя области Россiи между черноземною полосою и берегомъ моря, что положительно нечего было болѣе грабить,—жители здѣсь исчезли до послѣдняго человѣка, и набѣги за добычею приходилось предпринимать на столь отдаленныя разстоянiя, что результатъ ихъ не могъ окупать трудности и опасности пути. Къ югу отъ Черкасъ, между Днѣпромъ и истоками Ингула и Ингульца, намѣчалась обширная область въ 50000 кв. килом., образовывавшая преграду, за которую не переступали. Но если такое опустошенiе этихъ плодородныхъ земель положило предѣлъ непрестанной

борьбѣ турокъ-магометанъ и христіанъ-казаковъ, то, съ другой стороны, исчезновеніе населенія привлекало сюда отовсюду огромное количество переселенцевъ. Вмѣстѣ со свободными запорожцами сюда устремлялись также бѣглые рабы, равно какъ и крестьяне, въ большей или въ меньшей степени зависѣвшіе отъ господъ, селившіеся здѣсь по соглашенію съ владѣльцами или захватывавшіе насильно землю.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, богатые помѣщики большею частью поляки, могли привлекать переселенцевъ на свои земли лишь при условіи обѣщанія крестьянамъ, по крайней мѣрѣ, временной свободы. Съ большою охотою направились толпы несчастныхъ изголодавшихся жителей сѣвера въ плодородныя южныя области, гдѣ имъ предоставлялась земля, которая давалась имъ въ полную собственность. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ литовцы сотнями тысячъ переселились въ область, бывшую до того времени пустынною, и каждый потокъ, каждая рѣка здѣсь украшались рядомъ городовъ и селеній. Заселеніе страны происходило столь же быстро, какъ два вѣка спустя заселеніе Западной Америки. Поддерживать здѣсь власть московскаго царя становилось тѣмъ труднѣе, чѣмъ сильнѣе заселялись его владѣнія, и чѣмъ болѣе селившіеся здѣсь люди привыкали къ свободѣ. Тѣмъ не менѣе, московскій царь продолжалъ требовать признанія своихъ правъ надъ переселившимися крестьянами и искалъ себѣ союзниковъ какъ среди крупныхъ землевладѣльцевъ, такъ и среди предводителей разбойничьихъ шаекъ,—отсюда проистекалъ цѣлый рядъ войнъ между казаками, поляками и русскими, и эти войны непрерывно измѣняли границы московскаго царства и болѣе или менѣе свободныхъ общинъ.

Къ соціальному и политическому движенію, выражавшемуся въ заселеніи новыхъ земель, присоединился еще и другой элементъ религіозной борьбы, который нерѣдко и сливался съ нимъ. Россія не могла ускользнуть отъ той общей бури, которая всколыхнула всю Европу во времена Реформаціи; однако, переворотъ въ ея религіозной жизни совершился, какъ это вполнѣ естественно, гораздо позже, и благодаря совершенно особой средѣ носилъ очень своеобразный характеръ. Царское правительство, признававшее своихъ подданныхъ толпою, не имѣющею никакого права мыслить самостоятельно и обязанною повиноваться каждому приказанію свыше, постановило на церковномъ соборѣ въ 1666 г. произвести цѣлый рядъ измѣненій въ церковной службѣ и въ обрядахъ, измѣненій, которыя показались людямъ, преданнымъ старой вѣрѣ, настоящимъ богохульствомъ и кощунствомъ. Разыгралось возмущеніе на почвѣ вѣры и, какъ это часто случается при безконечной сложности въ чувствованіяхъ и въ мышленіи человѣческомъ, оказалось, что самые ярые консерваторы въ области вѣры были въ то же время и упорными новаторами въ области политики. Крестьяне, привыкшіе къ установлен-

нымъ церковнымъ обрядамъ, считали преступнымъ вмѣшательство гражданской власти въ ту область, которая касалась ихъ личныхъ убѣжденій; но, несомнѣнно, это недовольство въ области религіозной сливалось въ значительной степени съ огорченіемъ объ утраченной свободѣ: обряды религіи казались имъ единственнымъ утѣшеніемъ съ того времени, какъ, сдѣлавшись рабами, они утратили право покидать свою землю, которая въ то же время не принадлежала имъ болѣе. Отсюда возникъ расколъ, проистекающій всецѣло отъ духа консерватизма и въ то же время представляющій столь разнородныя формы. Вооруженныхъ возстаній было мало, такъ какъ русскіе крестьяне не располагали ничѣмъ, кромѣ палокъ, кольевъ и цѣповъ противъ мечей и ружей. Большинство раскольниковъ бѣжало въ пустынныя болота и лѣса или же скрылось за предѣлы имперіи; другіе присоединились



Русскій шлемъ XVII вѣка.

къ казачеству въ южныхъ степяхъ, третьи же, оставаясь на землѣ, ограничивались непрерывнымъ активнымъ или пассивнымъ сопротивленіемъ по отношенію ко всѣмъ мѣропріятіямъ верховной власти, ко всѣмъ ся религіознымъ, административнымъ или политическимъ реформамъ. Какое бы возстаніе ни произошло, оно всегда находило себѣ сторонниковъ среди представителей раскола. Большинство старовѣровъ въ области гражданской жизни считаетъ своимъ первѣйшимъ символомъ вѣры непризнаніе паспортовъ и другихъ бумагъ администраціи; они противятся всякой переписи, старательно избѣгаютъ всякихъ сношеній съ властями,—идеаломъ ихъ является жизнь, вполнѣ анархическая, протекающая безъ

какого-либо вмѣшательства представителей государственной власти. Любовь ихъ къ свободѣ такова, что нерѣдко они скорѣе готовы были умереть, чѣмъ поступить на военную службу или уплатить налоги. Представители секты бѣгуновъ, случалось, въ религіозномъ экстазѣ сжигали сами себя или запирались гдѣ-нибудь и умирали голодною смертью. Останки этихъ мучениковъ почитаются крестьянами изъ сосѣднихъ мѣстностей какъ священныя реликвіи.

Изо всѣхъ возстаній, разыгравшихся въ Россіи, самымъ опаснымъ для царской власти былъ бунтъ Стеньки Разина, разыгравшійся на берегахъ Дона, Волги и Урала. Въ 1669 г. Стенька Разинъ, желая отомстить за смерть своего брата, сталъ грабить и жечь имѣнья помѣщиковъ въ окрестностяхъ Царицына, Самары, Саратова и устроился, наконецъ, прочно въ Астрахани, гдѣ населеніе восторженно приняло его. Онъ сдѣлался великимъ судіею, призывавшимъ къ себѣ всѣхъ «униженныхъ и оскорбленныхъ», всѣхъ пострадавшихъ за свою вѣру или за свои убѣжденія; общественная молва гласила, что съ нимъ вмѣстѣ находится подвергавшійся преслѣдованіямъ патріархъ Никонъ, равно какъ и сынъ царя, настоящій наслѣдникъ престола. Послѣ четырехъ лѣтъ кровавой борьбы, стоившей болѣе 100000 жизней, Стенька Разинъ потерпѣлъ пораженіе въ битвѣ, былъ взятъ въ плѣнъ и преданъ пыткамъ и смертной казни. Возставшій городъ Астрахань тщетно пытался сопротивляться; всякое матеріальное сопротивленіе было подавлено, и въ массѣ порабощеннаго народа сохранились лишь глухая ненависть и несбыточныя надежды. Долгое время народное преданіе гласило, что Стенька Разинъ не умеръ, что онъ ждетъ лишь за «синимъ моремъ» наступленія великаго дня свободы [1])!

Среди всего этого хаоса, въ которомъ формировалось русское общество, родился царь Петръ Алексѣевичъ, получившій царскій титулъ уже 10-ти лѣтъ отъ роду (1682 г.) и сдѣлавшійся вскорѣ полнымъ властителемъ государства, какимъ былъ до него его предшественникъ Іоаннъ Грозный; Петръ придалъ государственному механизму тотъ отпечатокъ, который сохранился на немъ и теперь еще по истеченіи двухъ столѣтій. Онъ началъ съ того, что путемъ казней отдѣлался отъ стрѣльцовъ, этихъ настоящихъ-преторіанцевъ, вмѣшивавшихся въ политическія и религіозныя дѣла; затѣмъ, реорганизовавъ армію, которую онъ поручилъ военачальникамъ, явившимся изъ Западной Европы, Петръ выполнилъ одно изъ важнѣйшихъ для русскаго государства дѣлъ,—именно: отвоевалъ морскія гавани, почти совершенно закрытыя со времени покоренія Новгорода.

Въ 1697 г. Петръ завладѣлъ однимъ изъ такихъ портовъ, Азовомъ,

---

1) P. Mérimée. «Etude littéraire sur Tourguenef».

расположеннымъ на берегу почти утраченнаго Россіей Азовскаго моря; этотъ пунктъ былъ цѣннымъ завоеваніемъ и исходною точкою для всѣхъ

№ 408. С.-Петербургъ и его окрестности.



дальнѣйшихъ пріобрѣтеній на югѣ. Недалеко отъ крѣпости Азова былъ построенъ, по приказанію Петра, торговый городъ Таганрогъ, и корабли

Россія. Вдова Петра Великаго, Екатерина I (1725—1727), затѣмъ племянница Петра, Анна Іоанновна (1730—1740), дочь Петра, Елизавета (1741—1762), супруга одного изъ внуковъ Петра, Екатерина II (1762—1796)—были въ XVIII вѣкѣ главнѣйшими монархами, управлявшими этою страною.

Польша. Съ 1697 по 1732 г. царствовалъ Августъ II, принадлежавшій къ Саксонскому дому, и Станиславъ Лещинскій. Августъ III, скончавшійся въ 1764 г., и Станиславъ Понятовскій были послѣдними польскими королями, оставившими послѣ себя плохую славу.

Индія. Акбаръ (1555—1605), Джихангиръ, Шахъ-Джиханъ (1627—1657) и Ауреизебъ, скончавшійся въ 1706 г., были главнѣйшими Великими Моголами.

Приводимъ далѣе хронологическія данныя о нѣкоторыхъ выдающихся людяхъ описываемой эпохи.

Беркли, ирланд. философъ . . . . 1680—1753
Александръ Попъ, поэтъ, род. въ Лондонѣ . . . . 1688—1744
Жанъ-Баптистъ Вико, философъ и историкъ, род. въ Неаполѣ . . . . 1688—1744
Монтескьё, род. близъ Бордо . . . . 1689—1755
Кенэ, экономистъ, род. въ Монфоръ-л'Амори . . . . . . 1694—1774
Вольтеръ, Франсуа-Аруэ, род. въ Парижѣ . . . . 1694—1778
Мопертюи, математикъ, род. въ Сенъ-Мало . . . . . . 1698—1759
Ла Кондаминъ, путешеств. и ученый, род. въ Парижѣ. 1701—1774
Веніаминъ Франклинъ, физикъ, род. въ Бостонѣ . . . . 1706—1790
Мабли (Габріель-Бонно, де), писат., род. въ Греноблѣ . 1709—1785
Жанъ-Жакъ Руссо, род. въ Женевѣ . . . . 1712—1778
Денисъ Дидро, род. въ Лангрѣ . . . . 1712—1784
Вовенаргъ, философъ, род. въ Э-анъ-Провансъ . . . . . 1715—1747
Кондильякъ (Этьенъ-Бонно, де), писатель, род. въ Гре-ноблѣ . . . . 1715—1780
Д'Аламберъ, энциклопедистъ, род. въ Парижѣ . . . . . 1717—1783
Бюффонъ, натуралистъ, род. въ Мобарѣ . . . . 1717—1788
Морелли, франц. писатель, род. неизв. гдѣ, около . . . 1720?— ?
Адамъ Смитъ, экономистъ, род. въ Киркальди . . . . . 1723—1790
Эммануилъ Кантъ, философъ, род. въ Кенигсбергѣ . . . 1724—1804
Джемсъ Кукъ, мореплаватель, род. въ Іоркширѣ . . . 1728—1779
Эфраимъ Лессингъ, поэтъ и критикъ, род. въ Саксоніи. 1729—1781
Бугенвилль, мореплаватель, род. въ Парижѣ . . . . . . 1729—1814
Томасъ Джефферсонъ, государств. человѣкъ, род. въ Виргиніи . . . . 1743—1826



XVIII-ый ВѢКЪ.

Сколько разъ появлялась снова иллюзія, что проникнутый добротою тиранъ осуществитъ идеалъ свободы и равенства гражданъ,—но нѣтъ, эти сокровища могутъ быть лишь завоеваны, а не даны свыше.

Глава пятнадцатая.

НАСЛѢДІЕ ЛЮДОВИКА XIV.—ЛО И ФИНАНСОВАЯ БУРЖУАЗІЯ.—БОРЬБА МЫСЛИ СЪ БОЖЕСТВЕННЫМЪ ПРАВОМЪ.—АНГЛІЙСКАЯ КОНСТИТУЦІЯ.—ЦАРСТВОВАНІЕ ФРИДРИХА II. — ИНДІЙСКАЯ КОМПАНІЯ. — ПЕРЕМѢНА ВЛАСТИ ВЪ КАНАДѢ.—ЭНЦИКЛОПЕДИСТЫ; ВЛАСТИТЕЛИ И ФИЛОСОФЫ.—РАЗДѢЛЪ ПОЛЬШИ. — БѢГСТВО КАЛМЫКОВЪ. — ПЕРЕВОРОТЪ ВЪ АМЕРИКѢ. — ЛЮДОВИКЪ XVI И ЭКОНОМИСТЫ. — ИЗМѢРЕНІЕ ДУГИ МЕРИДІАНА.

Царствованіе «Великаго короля» окончилось самымъ печальнымъ образомъ; его вмѣшательство оказалось не только плачевнымъ для всей Европы, судьбы которой онъ хотѣлъ направлять, но и самое правленіе его собственною страною было фатальнымъ для Франціи, кото-

рую онъ совершенно разорилъ, такъ какъ въ ней уменьшилось и населеніе и количество денегъ, обѣднѣла почва, и ухудшились урожаи. Оставленный счастьемъ, онъ пересталъ нравиться даже своимъ придворнымъ, всѣ покинули его и обратились къ двумъ лицамъ, права на наслѣдованіе престоломъ которыми были не выяснены,—къ герцогу Орлеанскому и къ герцогу Мэнскому. Но какъ ни недовольны были всѣ королемъ, величіе котораго въ прежнія времена казалось сверхъ-естественнымъ, самый принципъ королевской власти, по существу своему, не былъ вовсе затронутъ: суевѣрное убѣжденіе въ необходимости существованія абсолютной монархіи столь сильно вкоренилось въ умы людей, что даже новаторы, геніальные мыслители, проявлявшіе наибольшее свободомысліе, не могли себѣ представить возможности улучшенія жизни народа инымъ способомъ, какъ путемъ концентраціи всей власти въ рукахъ тирана, проникнутаго добротою, привѣтливаго и мягкаго властителя, который пріобрѣлъ бы знаніе всего благодаря заботамъ мудраго и совершеннаго наставника, добродѣтельнаго философа, каковыми были они сами: имъ нуженъ былъ герцогъ Бургонскій, воспитанный Фенелономъ, «Телемахъ», не забывающій «Ментора». Никто не могъ понять, что свобода принадлежитъ лишь тѣмъ, кто ее завоюетъ; всѣ воображали, что избранное воспитаніе властителя можетъ имѣть своимъ результатомъ прекрасное воспитаніе самого народа, судьбами котораго онъ управляетъ.

Къ счастью для своей славы, герцогъ Бургонскій, этотъ благочестивый, нерѣшительный и неспособный правитель, чрезвычайно сочувствовавшій Варѳоломеевской ночи и отмѣнѣ Нантскаго эдикта, скончался во-время, не успѣвъ доказать на дѣлѣ, что самое изысканное и самое мудрое воспитаніе все же никогда и ни къ чему хорошему не можетъ привести, если опорой ему является гордость, развивающаяся въ силу происхожденія и въ силу избытка власти. Что касается Людовика XV, то у него не было настоящихъ воспитателей или, вѣрнѣе, вокругъ него были лишь люди, подстрекавшіе его ко всему дурному; ему, впрочемъ, всѣ предъявляли лишь одно единственное требованіе—не умереть; народъ видѣлъ въ немъ лицо, чудеснымъ образомъ уцѣлѣвшее послѣ гибели всей вымершей королевской семьи, и отдалъ бы все на свѣтѣ, чтобы только сохранить его драгоцѣнную жизнь. Отъ всего своего сердца, охваченный энтузіазмомъ, народъ преклонялся передъ королемъ и объявилъ его даже «высоколюбимымъ», когда тотъ послѣ тяжкой болѣзни оправился и остался въ живыхъ. Многократный тяжкій опытъ всего прошлаго былъ, очевидно, недостаточенъ для этой толпы рабовъ, не вѣрившей еще въ самое себя и ожидавшей всего отъ своихъ повелителей!

Промежутокъ въ нѣсколько лѣтъ отдѣляетъ царствованіе Людо-

вика XIV отъ царствованія его правнука, и почти все это время регентомъ былъ Филиппъ Орлеанскій, имѣющій, по крайней мѣрѣ, ту чрезвычайную заслугу передъ исторіей, что предоставлялъ все своему собственному теченію, не предпринимая самъ ничего; за нимъ слѣдуетъ также признать то достоинство, что онъ интересовался промышленно-

№ 412. Пуэрто-Эскосесъ и Панамскій перешеекъ.



Даріенскій перешекъ находится между устьемъ р. Атрато и заливомъ Сенъ-Мигель.

стью, искусствомъ и наукой. Если бы онъ не былъ правителемъ государства, онъ былъ бы просто хорошимъ человѣкомъ, совсѣмъ не такимъ, какъ его питомецъ,—этотъ совершеннѣйшій эгоистъ, ведшій свое королевство къ погибели, обнаруживая полную беззаботность о завтрашнемъ днѣ. «Послѣ насъ—хоть потопъ», говаривалъ шутливо этотъ король, зная прекрасно, что еще осталось достаточно времени для удовольствій, и что эшафотъ не угрожаетъ еще ему. Еще въ періодъ управленія регента событія, придавшія концу вѣка столь трагическій характеръ, намѣчались

вполнѣ очевиднымъ образомъ: прежнія рамки общества были уже не пригодны для новѣйшихъ его элементовъ, производившихъ давленіе во всѣ стороны и искавшихъ равновѣсія, которое удовлетворило бы ихъ интересы; буржуазія, считавшая во времена Кольбера своею честью и славою служить королю, начинала уже въ тѣ времена эмансипироваться и создавать экономическія силы, соотвѣтствовавшія пріобрѣтенному ею вскорѣ могуществу.

Банковыя предпріятія, развитіе которыхъ разорило столь многихъ спекулянтовъ въ концѣ эпохи регенства, свидѣтельствовали уже о смѣлости этой нарождающейся буржуазіи. Представители промышленности и торговли въ такой степени выдѣлились изъ государства, что не имѣли болѣе надобности въ покровительствѣ его и даже подчиняли само государство своимъ желаніямъ. Они предпринимали колонизацію новыхъ странъ, заправляли торговлей и банками, замѣнили собою правительство въ области веденія государственнаго бюджета и уплаты государственныхъ долговъ. Финансистъ Ло былъ въ этомъ случаѣ не болѣе какъ представителемъ, былъ только рыцаремъ буржуазіи, бросившейся въ первомъ порывѣ своей молодости въ безумныя авантюры, за чѣмъ послѣдовало естественнымъ порядкомъ позднее раскаяніе.

У Ло имѣлся, впрочемъ, предшественникъ въ его обширныхъ операціяхъ, связанныхъ съ расширеніемъ колоніальнаго дѣла и съ широкимъ примѣненіемъ кредита, т.-е. съ использованіемъ въ настоящемъ тѣхъ будущихъ выгодъ, которыя гарантировались воздѣлываніемъ земли и развитіемъ торговли. Такимъ предшественникомъ былъ одинъ изъ соотечественниковъ шотландскаго банкира, генералъ Петтерсонъ, основавшій въ Эдинбургѣ банкирскій домъ, благосостояніе котораго не переставало увеличиваться въ теченіе двухъ послѣдующихъ вѣковъ; Петтерсонъ былъ настолько знакомъ съ картою Новаго Свѣта, что понялъ первоклассное географическое значеніе перешейка, соединяющаго обѣ Америки. Предугадывая, что въ будущемъ здѣсь будетъ прорытъ каналъ, который соединитъ оба океана, онъ ясно видѣлъ, что тотъ, кто завладѣетъ перешейкомъ, будетъ имѣть въ рукахъ «ключъ всего міра», и поторопился предпринять со своей стороны шаги, въ преждевременной надеждѣ, если не быть самому въ состояніи осуществить, то, по крайней мѣрѣ, подготовить это великое дѣло для будущихъ поколѣній. Во главѣ небольшой группы шотландцевъ Петтерсонъ высадился въ 1698 г. на берегу маленькой бухты вблизи залива Урата и недалеко отъ тѣхъ тропинокъ, по которымъ индѣйцы племени куна пересѣкали перешеекъ и добирались до залива Санъ-Мигель на тихоокеанскомъ побережьѣ. Онъ оказался тамъ на территоріи, которая по международнымъ договорамъ считалась испанскимъ владѣніемъ, и потому могъ бы удержаться лишь въ томъ случаѣ, если бы Великобританія проявила такіе же че-

столюбивые замыслы, какъ и онъ самъ, и поддержала бы его присылкою флота и проведеніемъ дорогъ. Въ тѣ времена, однако, англичане не рѣшились пуститься на такую авантюру, и въ 1700 г. прибыли испанскіе корабли и разрушили все, что оставалось отъ Пуэрто-Эскосесъ или «Шотландскаго порта».

Проекты Ло имѣли болѣе широкую географическую основу и касались территоріи, находившейся во власти Франціи въ силу открытія



Спекулянты на улицѣ Кенкампуа.
По гравюрѣ той эпохи.

и въ силу начатой колонизаціи: въ 1717 г., когда основалась «Западная Компанія», 700 французовъ, земледѣльцевъ и «охотниковъ за мѣхами» устроились на берегахъ Миссисипи и ея притоковъ. Каждый, кто сколько-нибудь обладалъ способностью предвидѣнія и творческой фантазіей — а именно такимъ человѣкомъ былъ Ло, — могъ бы предсказать съ полною достовѣрностью, что этимъ, столь плодороднымъ и столь удачно расположеннымъ въ смыслѣ экспорта продуктовъ, странамъ принадлежитъ великое будущее. Однако, даже въ самыхъ смѣлыхъ своихъ мечтахъ, навѣрное, никто не рисовалъ себѣ картины, сколько-нибудь похожей на ту, какую въ настоящее время представляетъ бассейнъ «Отца водъ» съ его все увеличивающимся населеніемъ, богатѣйшими полями, множествомъ фабрикъ и роскошными городами! Среди послѣднихъ особенно выдѣляются обѣ столицы, Сенъ-Поль и Миннеаполисъ, городъ Сенъ-Луи, располагающійся при сліяніи обѣихъ великихъ рѣкъ, Миссури и Миссисипи, города Охайо или «красивой рѣки», —

Цинциннати и Луизвилль,—и, наконецъ, охраняющій устье рѣки Новый Орлеанъ, великолѣпно расположенный у самаго фарватера и вблизи большого озера, сообщающагося съ моремъ. Впрочемъ, уже и въ тѣ времена страна эта представлялась достаточно хорошей и гарантировала вполнѣ затрату четырехъ милліоновъ ливровъ, имѣвшихся у основателя этого предпріятія въ самомъ началѣ того колоссальнаго перемѣщенія капитала, которое кинуло весь міръ игроковъ въ бѣшеный водоворотъ спекуляціи.

Безъ сомнѣнія, акціи этого предпріятія на Миссисипи могли бы сохранить свою цѣнность и сдѣлаться источникомъ правильнаго дохода для ихъ обладателей, если бы «система» Ло, охваченнаго безуміемъ игрока, не усложнилась въ то же время перестройкой всего фискальнаго и финансоваго режима Франціи и Европы. Все должно было сразу быть передѣлано, но перемѣны эти угрожали существованію большого числа чиновниковъ и паразитовъ, жившихъ за счетъ рутины, сборщиковъ податей, представителей закона и представителей церкви, и потому всѣ они соединились противъ опаснаго для нихъ новатора. Впрочемъ, послѣдній и не могъ не пасть побѣжденнымъ, такъ какъ, дѣйствуя совершенно внѣ зависимости государства, исключительно по своей личной инициативѣ, онъ мечталъ, тѣмъ не менѣе, о томъ, что «устраненіе злоупотребленій должно бы совершиться путемъ наивысшаго злоупотребленія, что революція должна быть произведена безграничною, безконечною властью, полнѣйшимъ абсолютизмомъ, личнымъ правительствомъ, которое не управляетъ само собою» [1]). Какъ бы то ни было, банкъ Ло и всѣ другіе банки, которые появились около этой же эпохи въ Англіи, въ Остенде и въ Голландіи и обусловливали такія же злоупотребленія и такія же катастрофы, отмѣчаютъ все же собою фактъ капитальной важности, начало цѣлой новой эры въ исторіи буржуазіи: по крайней мѣрѣ, здѣсь на денежномъ рынкѣ—въ ожиданіи дальнѣйшаго—всѣ рѣшительно сдѣлались равными; банкъ не дѣлалъ болѣе различія между мужчинами и женщинами, іезуитами и янсенитами, между представителями благороднаго сословія и представителями народа, между господами и ихъ слугами.

Однако, этотъ финансовый расцвѣтъ буржуазіи имѣлъ все же второстепенное значеніе по сравненію со свободою слова и мысли, завоеванною писателями, провозвѣстниками будущаго общества. Уже Вольтеръ, которому позднѣе было суждено служить олицетвореніемъ XVIII вѣка, положилъ начало дѣлу революціи ироніей своихъ первыхъ, впрочемъ, довольно посредственныхъ, стиховъ, сложенныхъ во славу короля, который остался наполовину гугенотомъ, провозгласивъ вѣротерпимость.

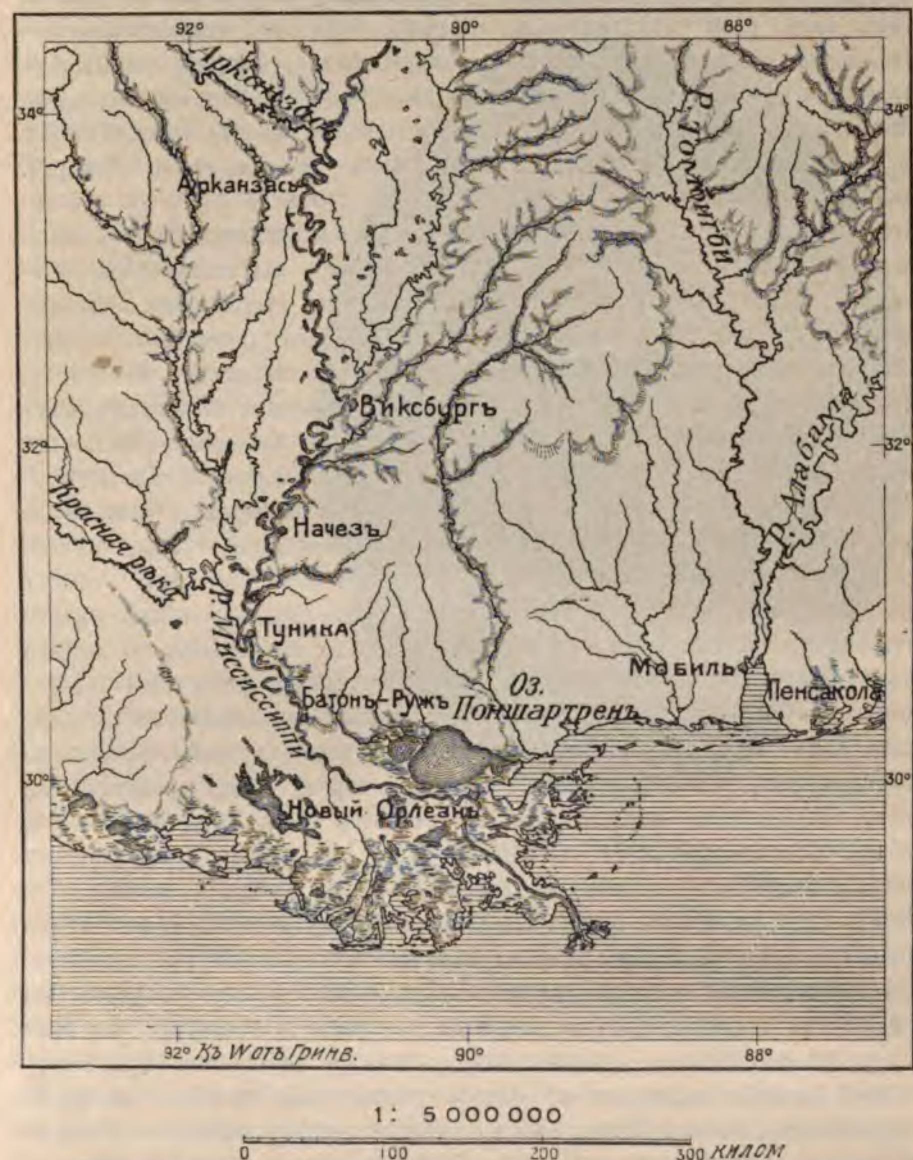
Это было дѣломъ достаточно смѣлымъ со стороны молодого чело-

---

1) Michelet. «Histoire de France», XV, la Regence, стр. 242.

вѣка, который познакомился уже съ Бастиліей[1])! Затѣмъ Монтескьё, который по своему пониманію исторіи стоитъ гораздо выше Вольтера,

№ 413. Устье Миссиссиппи.



нападаетъ не только уже на притѣснителей и выступаетъ не только въ защиту сострадапія, но и становится защитникомъ справедливости и

1) Michelet, op. cit.

изслѣдуетъ на протяженіи всѣхъ вѣковъ и у всѣхъ народовъ, каково было право по самому существу своему, право не какого-либо опредѣленнаго человѣка и не какого-либо извѣстнаго класса или народности, а право человѣка, какъ таковаго. Значеніе его произведенія превышаетъ на самомъ дѣлѣ далеко ту цѣль, которую онъ себѣ поставилъ, такъ какъ если, дѣйствительно, право личности неприкосновенно, то всякая власть, которая его затрагиваетъ, которая сокращаетъ свободное развитіе человѣка, является уже тѣмъ самымъ несправедливою. Логическимъ выводомъ изъ философіи Монтескье, которая представляетъ собою, лишь въ другой области, осколокъ съ философіи Декарта, является уничтоженіе авторитета:—«Я такъ думаю, а вовсе не кто-нибудь другой думаетъ во мнѣ. Я признаю справедливымъ то, что справедливо, и ничья иная справедливость не можетъ для меня имѣть большаго значенія, чѣмъ моя собственная». Сатира «Персидскія письма» поднимается, дѣйствительно, выше патріотизма, выше религіи и, прежде всего, выше отвратительной рутины законовъ. Въ тѣ времена, въ 1726 г., въ Парижѣ осужденныхъ предавали еще сожженію и въ тюрьмахъ Бордо, гдѣ жилъ Монтескьё, имѣлись ужасающіе каменные мѣшки, гдѣ заключенныя тамъ жертвы не могли ни стоять, ни лежать, ни сидѣть.

Однако, какъ ни ядовита была иронія, и какъ ни глубоко было ея дѣйствіе, она все же не имѣла такого значенія, какъ слова прямого грознаго обличенія, направленнаго противъ власть имущихъ. Такихъ же словъ никто еще пока не произносилъ. Къ тому же послѣ смерти регента авторитетъ божественной власти короля снова былъ въ полной мѣрѣ возстановленъ. Ни янсениты, ни протестанты, какимъ бы преслѣдованіямъ они ни подвергались, не могли даже призывать къ свободѣ, такъ какъ самая вѣра сковывала ихъ совершенно, и, даже преданные пыткамъ, они были принуждены почитать короля какъ представителя Бога, которому они поклонялись. Что касается свободныхъ мыслителей, людей, освободившихся отъ «условной лжи», отъ суевѣрной преданности религіи и монархіи, то они не рѣшались еще говорить громко и въ особенности писать обо всемъ, что составляло ихъ убѣжденія, изъ страха попасть въ Бастилію или въ руки палача. Ихъ смѣлыя рѣчи раздавались обыкновенно лишь въ салонахъ и въ кафе, гдѣ были извинительны въ общемъ потокѣ горячихъ споровъ, веселости и остроумія. Къ тому же мысль не живетъ исключительно сама по себѣ,—она приспособляется легко къ окружающему. Очень рѣдки были писатели, которыхъ окружающія условія приводили къ полной независимости и свободѣ убѣжденій; большинство изъ нихъ были простыми ремесленниками, и ремесло у нихъ одерживало верхъ надъ стремленіемъ къ свободѣ: героическій полетъ мысли, съ которымъ они обрушивались первоначально на весь механизмъ современнаго общества, сводился, въ концѣ концовъ,

къ критикѣ того или другого явленія, сопровождающагося злоупотребленіями, и къ требованіямъ тѣхъ или другихъ реформъ.

Монтескье, самъ знатный вельможа, во время поѣздки въ Англію былъ торжественно принятъ тамъ высшими чинами и вернулся во Францію прямо очарованный англійскимъ парламентомъ,—онъ видѣлъ, что парламентъ этотъ одаренъ властью, достаточною для уравновѣшенія королевской власти. На самомъ дѣлѣ, однако, конституція Англіи касалась лишь незначительной части народа: она охватывала лишь высшія сословія, т.-е. людей, обогатившихся съ давнихъ временъ, и представителей общинъ, обогатившихся недавно; главныя народныя массы: крестьяне, рабочіе, пролетаріатъ, оставались внѣ примѣненія выборнаго начала. Тѣмъ не менѣе государственный механизмъ, обусловливавшій равновѣсіе между властьимущими — между королемъ, аристократіей и буржуазіей — показался Монтескье такимъ верхомъ политической мудрости, что энтузіазмъ его былъ безконечно великъ, передался другимъ и въ теченіе полутора вѣка раздѣлялся всѣмъ цивилизованнымъ міромъ; послѣ многочисленныхъ опытовъ парламентская система была, въ концѣ концовъ, принята почти всѣми народами вплоть до представителей желтой расы въ «Странѣ Восходящаго Солнца» и вплоть до негровъ Либеріи [1]). Политическая реформа эта скрыла отъ множества политическихъ дѣятелей дѣйствительную задачу эмансипаціи человѣчества во всем его цѣломъ.



Монтескье (1689 1755).

---

1) Максимъ Ковалевскій.

Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, при такомъ режимѣ, какъ режимъ англійскаго парламента, мысль могла проявляться свободнѣе, чѣмъ при диктатурѣ кардинала Флёри, который самъ былъ терроризованъ іезуитами. Уже болѣе вѣка до того времени въ Англіи былъ періодъ литературнаго расцвѣта; теперь же страна находилась на высотѣ своей научной славы: послѣ Шекспира она получила Ньютона. Трудами послѣдняго, путемъ его наблюденій и вычисленій, былъ завоеванъ законъ всемірнаго тяготѣнія, и для человѣческаго генія открылась новая эра. Въ то же время цѣлая школа философовъ освободилась изъ-подъ вліянія христіанства и выступила даже противъ него. Вольтеръ изъ своего путешествія въ Англію вынесъ не только теоріи Ньютона, но и раціоналистическія ученія Локка, сочиненію котораго выпала честь быть сожженнымъ рукою палача. Человѣческая мысль въ Англіи охватывала лишь въ болѣе тяжеловѣсной, менѣе блестящей и менѣе литературной формѣ, чѣмъ во Франціи, всѣ наблюдательныя науки; даже созданіе «Энциклопедіи» свободными мыслителями приняло въ Англіи формы, аналогичныя тѣмъ, которыя позднѣе были приданы геніемъ Дидро, такъ какъ «Dictionnaire universel des Arts et des Sciences» или «Cyclopedia», изданный Эфраимомъ Чэмберсомъ въ 1728 г., подалъ мысль предпринять такое же французское изданіе, первый изъ 17-ти томовъ котораго появился въ 1751 г. и послѣдній въ 1765 году.

Государства Европы не могли, однако, совершенно оставить войнъ. Арміи продолжали передвигаться взадъ и впередъ, причемъ не всегда было извѣстно, гдѣ друзья и гдѣ враги, и нерѣдко противники, союзники и вся политика мѣнялись въ зависимости отъ совѣтовъ какого-нибудь придворнаго духовника или отъ капризовъ придворной дамы. Впрочемъ, когда началась опять великая война, то имѣлся все же, по крайней мѣрѣ, одинъ полководецъ, принимавшій дѣло въ-серьезъ и обладавшій твердою волею; это былъ Фридрихъ II, Прусскій, которому неизбѣжнымъ образомъ было суждено одерживать побѣды надъ людьми, не умѣвшими даже сильно хотѣть. Этотъ король управлялъ государствомъ, которое изъ обѣихъ главныхъ державъ Германіи обладало наибольшимъ національнымъ единствомъ. Тогда какъ Австрія представляла скопленіе враждовавшихъ между собою народностей, различавшихся и нравами, и традиціями, и языками,—народностей, которыхъ трудно было объединить и направить по одному пути, Пруссія обнимала народы, если и не очень тѣсно между собою связанные, то, во всякомъ случаѣ, внѣшнимъ образомъ плотно соединенные и подчиненные ей: германцы и славяне Пруссіи были организованы и образовывали компактную массу, столь же пріученную къ повиновенію, какъ и армія, обученіемъ которой повелители Пруссіи занимались съ усердіемъ, граничившимъ съ маніей.

Послѣ Вестфальскаго мира маленькая Пруссія постепенно стала разрастаться, укрѣпляться и выдѣляться среди сосѣднихъ державъ—Швеціи, Польши и Австріи. Крайне честолюбивый и принимавшій участіе во всѣхъ дипломатическихъ интригахъ Европы, «Великій курфюрстъ» Фридрихъ-Вильгельмъ захотѣлъ даже, не имѣя почти никакого флота,



Берлинъ. - Музей древностей и Лустгартенъ.
Постройки, относящіяся къ началу XIX вѣка.

завести колоніальныя владѣнія; рискуя поссориться со своими сосѣдями голландцами, ревниво относившимися къ своимъ торговымъ интересамъ, онъ устроилъ торговый пунктъ на мысѣ Трехъ Точекъ на Золотомъ берегу Африки. Вскорѣ послѣ этого предпріятія, которое не имѣло никакихъ серьезныхъ результатовъ, совершилось весьма благопріятное для Пруссіи событіе—отмѣна Нантскаго эдикта. Этимъ событіемъ Пруссія сумѣла воспользоваться, открывъ широко доступъ въ свои предѣлы бѣглецамъ-протестантамъ. Болѣе 15000 французовъ переселились въ Пруссію и предложили въ распоряженіе Германіи свои знанія, свой умъ и свое искусство; сразу равновѣсіе живыхъ силъ въ Европѣ перемѣсти-

лось. Пруссія, и въ особенности городъ Берлинъ, выиграла то, что потеряла Франція. Протестанты ввели въ Германію не только свои профессіональныя знанія и существовавшія уже ранѣе у нихъ ремесла, но сумѣли создать и совершенно новыя предпріятія, благодаря тому духу инициативы, который развился у нихъ насильственно подъ страхомъ униженія и подъ давленіемъ обрушившихся на нихъ бѣдъ: имъ необходимо было приспособлять свои разнообразныя дарованія къ средѣ, условія которой чрезвычайно отличались отъ тѣхъ, въ которыхъ они прежде жили. Такимъ образомъ, серьезный прогрессъ въ области труда и научной мысли компенсировалъ до извѣстной степени, въ пользу Бранденбурга и вообще Европы, тѣ колоссальныя потери, которыя были понесены областями, населенными французскими протестантами. Въ теченіе почти двухъ вѣковъ гугенотская колонія Берлина сохранялась, несмотря на всѣ скрещиванія, на измѣненіе и переводъ именъ и на тѣсное проникновеніе окружающей германской среды.

Въ 1701 г. Пруссія образовывала государство уже настолько могущественное, что Фридрихъ I счелъ, что насталъ моментъ, когда онъ можетъ объявить себя королемъ. Онъ принялъ корону изъ своихъ собственныхъ рукъ, но его жизнь, полная роскоши, безразсудныхъ тратъ и причудливыхъ капризовъ, явилась доказательствомъ того, что тщеславіе его значительно превышало самолюбіе,—принимая титулъ короля, онъ долженъ былъ сдѣлать унизительныя уступки имперіи. Смерть застигла его среди перестройки королевства, которому онъ придалъ это наименованіе, ослабивъ его въ то же время. Фридрихъ-Вильгельмъ I былъ человѣкъ совершенно другого склада; это былъ грубый деспотъ, хваставшійся своимъ невѣжествомъ и настолько узкій по своимъ взглядамъ, что сдѣлался всеобщимъ посмѣшищемъ, но въ то же время человѣкъ столь непреклонной воли, что все передъ нимъ отступало. Онъ былъ такъ экономенъ, что тотчасъ же по вступленіи на престолъ сократилъ жалованье всѣхъ своихъ придворныхъ до одной пятой. Онъ былъ такъ корректенъ и преданъ воинской дисциплинѣ, что едва-едва удалось у него вымолить прощеніе для его собственнаго сына, присужденнаго въ качествѣ «дезертира» къ смертной казни. Его настоящей маніей были смотры и войсковые парады. Все свое королевство онъ раздѣлилъ на округа, соотвѣтствующіе полкамъ его арміи; равненіе въ строю, симметричное построеніе и правильное выполненіе всѣхъ эволюцій войсками было главнѣйшей цѣлью его жизни, и выше всего онъ ставилъ красивыхъ и здоровыхъ солдатъ, которыхъ набиралъ всѣми возможными средствами, въ томъ числѣ и путемъ покупки или даже путемъ насильственной увозки изъ другихъ странъ. Но онъ такъ любилъ свою армію, что отказывался отъ мысли уничтожать ее веденіемъ войны,—лишь его преемникъ Фридрихъ II пустилъ въ ходъ это страшное орудіе. Подго-

товленіе войны, однако, вовсе не является основою мира, какъ гласитъ совершенно лживая пословица,—напротивъ, на самомъ дѣлѣ оно влечетъ за собою постоянно войну. Если долгое время главнѣйшимъ заня-

№ 414. Пруссія въ XVIII вѣкѣ.



При восшествіи на престолъ Фридриха II (1740) Пруссія состояла изъ ряда отдѣльныхъ кусковъ: великаго герцогства Прусскаго вокругъ Кенигсберга, Помераніи и Бранденбурга, герцогства Магдебургскаго, княжества Гальберштадтскаго и затѣмъ округовъ Коттбусъ, Галле, Липштатъ, Минденъ, Лингенъ, Билефельдъ, Унна, Клэвъ и нѣкоторыхъ другихъ; кромѣ того, въ составъ входили Герсталь (1732—1740), Турнгутъ (1732—1753) и Монфоръ (1732—1754), наконецъ, княжество Нейшательское (1707—1807).

Фридрихъ занялъ Силезію въ 1742 г. подъ предлогомъ, что имѣетъ права на многіе силезскіе города (Лигницъ, Одербергъ и др.). Затѣмъ въ 1772 г. онъ соединилъ оба главнѣйшіе отдѣла королевства, завоевавъ низовья Вислы отъ Зеебурга до Чарникова. Округъ Эмденъ сдѣлался достояніемъ Пруссіи и герцогства Мансфельдскаго близъ Галле въ 1780 г.

Преемникъ Фридриха добавилъ къ его владѣніямъ территоріи Байрейта и Ансбаха 1792,, Данцига (1793) и части Польши отъ Познани до Бѣлостока (1793 и 1795.).

тіемъ Пруссіи было военное искусство, то этимъ она обязана типичному пруссаку Фридриху-Вильгельму I. Фридрихъ II нашелъ вполнѣ подготовленнымъ все, что нужно для войны,—были готовы и люди, и арсеналы, имѣлись и деньги,—конечно, онъ ими тотчасъ же воспользовался. Усердіе, съ какимъ его народъ пошелъ вслѣдъ за нимъ и принялъ участіе въ дѣлѣ завоеванія другихъ странъ, объясняется отчасти бѣдно-

стью самой Пруссіи съ ея песками и болотами Бранденбурга и другихъ провинцій, изъ которыхъ она слагалась; богатства сосѣднихъ земель обѣщали ей огромную военную добычу.

Едва вступивъ на тронъ, Фридрихъ задался цѣлью округлить свои владѣнія захватомъ Силезіи, чрезвычайно плодородной, обѣщавшей прекрасно дополнить прусское королевство въ сторону верховьевъ Одера, и дать ему вполнѣ естественную границу въ видѣ Судетскихъ горъ. У завоевателей никогда нѣтъ недостатка въ причинахъ для нападенія; главною причиною для Фридриха была сила и стойкость его арміи. Не будучи самъ еще человѣкомъ привычнымъ къ войнѣ, онъ въ самомъ началѣ попалъ въ довольно смѣшное положеніе, такъ какъ во время первой же битвы бѣжалъ съ поля сраженія, вообразивъ, что онъ разбитъ, тогда какъ войска его въ дѣйствительности одержали побѣду. Очень скоро, однако, онъ привыкъ къ свисту пуль, велъ войну удачно, и черезъ небольшой промежутокъ времени Силезія была отнята имъ у Австріи и расширила предѣлы Пруссіи до истоковъ Вислы (1742). Это было первымъ актомъ тѣхъ двухъ «семилѣтнихъ» войнъ, 1741—1748 и 1756—1763 г., которыя разыгрались вокругъ все той же несчастной Силезіи, раздиравшейся на части и опустошенной, и вокругъ Богеміи, еще болѣе несчастной въ силу своего стратегическаго положенія въ центрѣ Европы.

Въ теченіе первой половины войны Фридрихъ пользовался первоначально поддержкой Франціи, традиціонной политикой которой была борьба съ Австрійскою державою; однако, этотъ союзъ съ Франціей былъ вскорѣ испорченъ придворными интригами кардинала Флёри, поддерживавшаго Австрію и ея повелительницу Марію-Терезію. Затѣмъ во время второй войны вліяніе іезуитовъ восторжествовало открыто: Франція заключила наступательный союзъ съ Россіей и Швеціей для поддержки Австріи и Саксоніи противъ Фридриха II. Такимъ образомъ, этотъ послѣдній былъ бы совершенно окруженъ одними врагами, если бы у него не было въ качествѣ союзниковъ нѣсколькихъ мелкихъ германскихъ князей, и если бы, съ другой стороны, его не поддерживалъ по ту сторону пролива англійскій флотъ. При такой угрожавшей ему опасности онъ обнаружилъ качества замѣчательно искуснаго политика, съ большой ловкостью разъединявшаго своихъ противниковъ, нападавшаго на нихъ внезапно и разбивавшаго ихъ одного за другимъ. Онъ освободился, прежде всего, отъ Франціи, одержавъ надъ ней побѣду при Россбахѣ (1757 г.),—это былъ день, когда предъ нимъ обратилось въ бѣгство больше придворныхъ дамъ, парикмахеровъ и поваровъ, чѣмъ солдатъ, и когда его побѣдой были обрадованы не только его собственныя войска, но и его враги и сама Франція. Впрочемъ, онъ не могъ бы противостоять до конца напору враговъ, двигавшихся какъ лавина съ

юга, съ востока и съ сѣвера на его королевство, если бы ему не удалось подновить свои войска, сильно ослабленныя войною, толпами иностранныхъ авантюристовъ и дезертировъ, которые къ нему стекались отовсюду, и если бы Англія не поддержала его своими деньгами. Наконецъ, когда казалось уже, что онъ почти неизбѣжно и окончательно попался, какъ бы между двумя челюстями, между австрійскими и русскими войсками, его неожиданно спасла смерть русскаго царя и вступленіе на престолъ новаго, и онъ получилъ возможность снова одержать побѣду и съ того времени оставался непобѣдимымъ до конца.

Впервые во всемірной исторіи войны, происходившія въ Европѣ, имѣли непосредственное отраженіе на другихъ континентахъ,—столкновенія между народами стали распространяться по значительной части поверхности земли благодаря тому, что эмигранты различныхъ народовъ запада завоевали обширныя области за предѣлами Европы. Такимъ образомъ, семилѣтняя война происходила и въ восточной Индіи и въ Сѣверной Америкѣ къ великой выгодѣ Англіи, военное могущество которой опиралось на все болѣе и болѣе развивающуюся промышленность и на увеличивающуюся непрерывно внѣшнюю торговлю. Въ борьбѣ изъ-за морской торговли, которая продолжалась между Голландіей и Великобританіей, эта послѣдняя одерживала верхъ, несмотря на всѣ преимущества, пріобрѣтенныя ея соперницей. Въ теченіе второй половины XVII вѣка, бывшаго періодомъ процвѣтанія Голландіи, это небольшое государство владѣло торговымъ флотомъ, представлявшимъ по своему тоннажу почти половину всего торговаго флота европейскихъ державъ именно располагало 900000 тоннъ изъ общаго числа въ 2 милліона [1]). Съ другой стороны, Великобританія располагала болѣе многочисленными и болѣе надежными фортами, бо́льшимъ народонаселеніемъ, сильнѣе развитой промышленностью, обрабатывающей болѣе цѣнные и разнообразные продукты. Въ началѣ XVIII вѣка Даніилъ де Фоэ отмѣчаетъ возрастаніе богатства Манчестера, населеніе котораго удвоилось въ нѣсколько лѣтъ благодаря разросшемуся изготовленію тканей [2]). Съ 1585 г. Манчестеръ и Больтонъ, лежащій по сосѣдству, были прибѣжищемъ для ткачей Антверпена, ускользнувшихъ отъ казней герцога Альбы. Однако, еще въ серединѣ XVIII вѣка самый процессъ изготовленія мануфактурныхъ товаровъ въ Англіи былъ въ столь же зачаточномъ состояніи, какъ изготовленіе ихъ въ жалкихъ мастерскихъ индусовъ. Тѣ открытія въ области промышленности, которыя были уже сдѣланы во многихъ странахъ—въ Италіи, во Франціи, въ Германіи и Фландріи,—не примѣнялись еще вовсе по ту сторону Па-де-Калэ. Ко-

1) Harry Petty. «Political Arithmetic».—2) G. de Greef, «Essais sur la Monnaie, le Crédit et les Banques», VIII, pp. 6 et 7.

лоссальный переворотъ въ области труда, который долженъ былъ совершиться въ концѣ вѣка, еще ничѣмъ себя не заявлялъ.

Послѣ своей крупной побѣды надъ Людовикомъ XIV англійская политика имѣла относительно мирный характеръ, въ особенности за время продолжительнаго управленія страною Роберта Вальполь, этого философа - циника, предпочитавшаго управлять людьми лучше путемъ подкупа, чѣмъ путемъ насилія надъ ними. Впрочемъ, англійское правительство должно было преодолѣть еще два значительныя затрудненія: во-первыхъ, утвердить власть Ганноверской династіи, царствовавшей на Британскихъ островахъ, и гарантировать въ то же время свои интересы на континентѣ, не перемѣщая центра тяжести; во-вторыхъ, предупреждать или подавлять всѣ попытки возвращенія ко власти, дѣлавшіяся со стороны представителей прежней династіи Стюартовъ. Непрерывно одинъ за другимъ возникали заговоры, организовывавшіеся неутомимыми іезуитами, которые пользовались всѣми тайными силами, присущими церкви. Опасность была окончательно устранена лишь въ 1746 г.: Карлъ-Эдуардъ, сынъ претендента Якова III, высадился въ Шотландіи, занялъ замокъ Эдинбургъ и проникъ въ предѣлы Англіи, но вслѣдъ затѣмъ долженъ былъ очень скоро пуститься въ обратный путь, и небольшое войско его было уничтожено совершенно въ ландахъ Кюллодена. Убійства, казни, тюрьмы и конфискаціи позволили, въ концѣ концовъ, лойялизму недавняго происхожденія одержать верхъ надъ лойялизмомъ традиціоннымъ.

Освободившись отъ шотландскаго вопроса и принужденная считаться съ безрезультатною ненавистью Ирландіи, Англія могла свободно выступать на окраинахъ и въ особенности въ восточной Индіи. Вліяніе Португаліи тамъ быстро ослабло, и къ тому же оно никогда не переходило за предѣлы западнаго склона горъ. Въ эту эпоху власть надъ Индостаномъ, отъ устья Инда до Бенгальскаго залива, принадлежала династіи, называвшейся династіей «Великаго Могола», которая завладѣла Дели въ первой половинѣ XVI вѣка и сдѣлала этотъ городъ богатѣйшимъ и роскошнѣйшимъ центромъ, въ которомъ скоплялись богатства, собиравшіяся отъ Гималаевъ до Деккана съ населенія, быть-можетъ, въ 100 милліоновъ душъ. При завоеваніи страны иранскою культурою, которая внесена была въ Индію султаномъ Баберомъ съ его свитою изъ монголовъ и подвергшихся иранскому вліянію татаръ, индусскіе города, занятые Великимъ Моголомъ, воспользовались въ широкой степени искусствомъ персидскихъ строителей: сѣверо-западные города страны, гдѣ они устроили центръ своего пребыванія, сохраняютъ еще и до сихъ поръ удивительныя постройки этой эпохи, башни, дворцы, крѣпости и другія зданія, въ которыхъ имѣется примѣсь индусскихъ

элементовъ и даже элементовъ европейскихъ, такъ какъ главный декораторъ знаменитаго Таджъ-Махала былъ, какъ разсказываютъ лѣтописи, обитатель города Бордо, Аустенъ. Красивѣйшія сооруженія города Агра относятся ко временамъ Рубенса, Пуссена, Веласкеца (Рожеръ Пейръ).

Сила притяженія этого блестящаго двора Великаго Могола со всѣми его колоссальными богатствами, золотомъ, алмазами и жемчугами



Таджъ-Махалъ, близъ Агры на берегу р. Джемны.

Это зданіе, мавзолей Шахъ-Джихана и его жены, было построено въ концѣ XVII вѣка. Его высота надъ платформою равняется 78 метрамъ.

привлекала большое число путешественниковъ изъ Европы, между которыми находились и ученые, какъ, напримѣръ, медикъ Бернье, остававшійся въ теченіе многихъ лѣтъ при дворѣ Могола Ауренъ-Зебъ; финансовыя предпріятія, поддерживавшіяся субсидіями различныхъ правительствъ, возникли въ портовыхъ городахъ Индіи и вошли въ торговыя сношенія какъ съ самимъ могущественнымъ повелителемъ, такъ и съ его вассалами. Нидерландская Индійская компанія возникла первою около вѣка спустя послѣ путешествія Васко де Гама, и вскорѣ послѣ нея въ 1600 г. возникла такая же британская компанія. Развитіе послѣдней шло чрезвычайно быстрыми шагами: она постепенно увели-

чивала и расширяла свою дѣятельность и пріобрѣла даже политическую роль; она получила, между прочимъ, и привилегію вершить высшее и обычное правосудіе. Члены этой компаніи пользовались фактически полною королевскою властью, находясь подъ контролемъ, который въ силу дальности разстоянія былъ совершенно призрачнымъ. Флотилія изъ торговыхъ судовъ, предназначенныхъ для мирныхъ цѣлей, являлась



Французская торговая контора въ Шандернагорѣ.

въ то же время и военной эскадрой: между служащими ея и военнослужащими не было почти никакого отличія. Всѣ завоеванія, совершавшіяся компаніей, были въ то же время и завоеваніями Великобританіи.

Прежде чѣмъ приняться за самую Индію, о чемъ тогда никто не могъ еще и мечтать, настолько могущество Великаго Могола казалось непоколебимымъ, необходимо было очистить подступы къ ней. Это и совершили англичане, разрушивъ городъ Ормузъ (1622), который долгое время былъ центромъ торговли португальцевъ въ Индійскомъ океанѣ [1]). Затѣмъ торговые пункты, устроенные англичанами на индійскомъ побережьѣ,—Суратъ на западномъ, Мазулипатамъ на восточномъ,—сдѣлались постепенно пунктами, имѣющими политическое значеніе; въ 1639 г. компанія получила даже разрѣшеніе отъ раджи побережья построить

1) Arthur Stiffe, R. Geograph. Journal. June 1896, стр. 644 сл.

фортъ св. Георгія для защиты факторіи, которая въ настоящее время подъ наименованіемъ Мадраса занимаетъ первое мѣсто среди большихъ городовъ. Это было первымъ шагомъ въ дѣлѣ дальнѣйшихъ успѣшныхъ

№ 415. Индія при Дюплэ.



Французскіе пункты нанесены мелкимъ шрифтомъ. Торговый пунктъ Пондишери относится къ 1674 г., Шандернагоръ—къ 1688 г., Мазулипатамъ—къ 1724 г., Махе—къ 1725 г., Карикалъ—къ 1739, Янаонъ—къ 1750 г. Восточный берегъ былъ подъ управленіемъ французовъ, и ихъ вліяніе простиралось до сосѣдняго берега Конкана.

завоеваній Англіи. Мало-по-малу, британскія пріобрѣтенія образовали какъ бы ожерелье вдоль побережья Индіи. Островъ Бомбей, который былъ принесенъ въ приданое португальскою принцессою, супругою Карла II, перешелъ во владѣніе компаніи въ 1668 г.; затѣмъ еще до

наступленія конца вѣка три селенія на правомъ берегу Угли послужили ядромъ, вокругъ котораго выросла Калькутта, огромный городъ, защищаемый пушками форта Виллььяма.

Однако, французская Индійская компанія, основанная Кольберомъ въ 1664 г., непосредственно столкнулась уже въ своихъ интересахъ съ компаніей британской, особенно въ тѣхъ областяхъ, гдѣ пункты ихъ дѣятельности находились недалеко одинъ отъ другого, какъ, напримѣръ, англійскій Мадрасъ и французскій Пондишери, или Калькутта и Шандернагоръ. Соперничество было постоянное, и объявленіе войны въ Европѣ было тотчасъ же использовано въ индійскихъ владѣніяхъ. Въ 1746 г. французы завладѣли фортомъ св. Георгія и г. Мадрасомъ, но и тотъ и другой принуждены были два года спустя вернуть вслѣдствіе мира, заключеннаго въ Э-ля-Шапели; война, однако, вовсе не прекращалась, несмотря на очевидную связь между европейскими государствами и ихъ индійскими компаніями; она продолжалась между союзниками и вассалами-индусами. Дюплэ, губернаторъ Пондишери, былъ замѣчательнымъ геніемъ, въ смыслѣ умѣнія распознавать людей и управлять ими; онъ сталъ управлять всею южной частью полуострова, отъ имени туземныхъ князей, которыхъ умѣлъ противопоставлять другъ другу, и слабости которыхъ были ему хорошо извѣстны. Онъ былъ женатъ самъ на индускѣ, считался индійскими раджами человѣкомъ ихъ собственнаго круга и получилъ титулъ набаба, «защитника и властителя» всѣхъ странъ, расположенныхъ къ югу отъ Кистна. Въ короткое время первоначально безсильная торговая компанія, являвшаяся почти просительницей предъ богатыми индусскими властителями, сдѣлалась прямой или косвенной повелительницей всей области дравидовъ Индіи. Существовало, впрочемъ, вѣрное средство одержать побѣду надъ самимъ Дюплэ, столь искусившимся во всякихъ побѣдахъ,—это отозвать его ко двору въ Версаль: въ этомъ центрѣ разныхъ интригъ, измѣнъ и низостей, гдѣ дѣла далекой Индіи никого рѣшительно не интересовали, Дюплэ не нашелъ ни одного человѣка, который былъ бы въ состояніи понять его широкіе замыслы и проекты; всѣ его покинули, и вскорѣ онъ умеръ въ полной неизвѣстности. Онъ раздѣлилъ въ этомъ отношеніи судьбу съ завоевателемъ Мадраса, Лабурдоннэ, противъ котораго онъ лично былъ виноватъ,—Лабурдоннэ также пострадалъ отъ немилости короля и умеръ въ бѣдности. Мирный договоръ 1763 года возстановлялъ то положеніе вещей, которое наблюдалось здѣсь до войны, т.-е., иначе говоря, Франція утрачивала всю свою колоніальную имперію въ Индіи и сохраняла лишь нѣсколько торговыхъ пунктовъ, которымъ угрожали пушки англичанъ.

Эти послѣдніе предприняли на сѣверѣ Индіи завоеванія аналогичныя тѣмъ, которыя были выполнены Дюплэ въ южной части полу-

острова. Командовавшій войсками молодой полководецъ Кливъ обладалъ и большою смѣлостью и счастьемъ. Въ битвѣ при Плассэ, которую онъ



Могила Шахъ-Джихана,
основателя города Дели, отца Ауреңъ-Зеба.

далъ въ 1757 г. на берегахъ Багирати Ганга, въ мѣстности, которая въ настоящее время захвачена самой рѣкою, Кливъ не только освободилъ городъ Калькутту, но и одержалъ рѣшительную побѣду, давшую въ

руки Индійской компаніи власть надъ всей Бенгаліей. Военная добыча, завоеванная имъ, представляла цѣнность въ 50 милліоновъ и побуждала его двинуться далѣе и помѣряться силами съ самимъ Великимъ Моголомъ, дворцы котораго были еще богаче. Битва при Бассарѣ (1764 г.) установила окончательно британскую власть въ этой странѣ. «Мы владѣемъ уже областью Аудъ,—писалъ Кливъ,—и завтра, если пожелаемъ, можемъ завладѣть и всей имперіей Великаго Могола». Завоевателямъ не было необходимости торопиться. Колоссальная область Индіи, отъ высокихъ долинъ Гималаевъ до мыса Коморина, попадала постепенно въ руки завоевателей, получавшихъ ее по кускамъ различной величины, и, если и при завоеваніи встрѣчались непредвидѣнныя препятствія, то, во всякомъ случаѣ, власть индійскихъ правителей, Великихъ Моголовъ, царствовавшихъ въ Дели, не помѣшала нисколько,—напротивъ, англичане пользовались именемъ этихъ повелителей, чтобы постепенно замѣнить ихъ власть своей собственной и ввести свою систему управленія страной и обложенія ея налогами. Даже и въ настоящее время еще, послѣ болѣе чѣмъ вѣкового владѣнія страной, Великобританія, явившаяся наслѣдницей Индійской компаніи, управляетъ своими индійскими владѣніями не столько по британскимъ законамъ, сколько скорѣе сообразно съ персидскими обычаями, господствовавшими при Акбарѣ. Такимъ образомъ, какъ того и требуютъ общіе законы исторіи, англичане, эта небольшая кучка людей, затерявшаяся среди моря чуждыхъ имъ народностей, оказались скорѣе сами завоеванными, чѣмъ настоящими завоевателями. Тотъ процессъ выравниванія народностей, который совершается при соприкосновеніи различныхъ расъ между собою, начался въ Индіи, этой типичной странѣ кастъ, съ того, что образовалась британская каста, столь же стойкая и замкнутая, какъ каста брамановъ. Еще разъ Востокъ одержалъ побѣду надъ Западомъ.

Въ Новомъ Свѣтѣ столкновеніе между Англіей и Франціей на почвѣ расширенія колоніальнаго могущества имѣло тѣ же результаты, какъ и въ Азіи. Уже въ самомъ началѣ вѣка, въ 1713 г., по Утрехтскому договору англичане получили французскія владѣнія по периферіи американскаго материка, отъ залива Фунди до Гудсонова залива. Почти всѣ эти области имѣли тогда очень малочисленное туземное населеніе, лишь небольшой полуостровъ Акадіи—современная Новая Шотландія—заселился еще въ теченіе предыдущаго вѣка французскими эмигрантами, большею частью явившимися сюда изъ Нормандіи и представлявшими въ 1713 г. колонію изъ 2100 душъ. Англичане-завоеватели помѣстили здѣсь гарнизонъ въ селеніи Портъ-Ройяль, которое превратилось въ Аннаполисъ, тогда какъ французскіе крестьяне оставались на своихъ прежнихъ мѣстахъ и продолжали жить въ полномъ мирѣ. Въ серединѣ

XVIII столѣтія ихъ было уже болѣе 14000, такъ что населеніе за 40 лѣтъ увеличилось въ 6 разъ, безо всякаго притока извнѣ со стороны Европы[1]).

№ 416. Устье рѣки Св. Лаврентія.



1 : 6 000 000

0 100 200 300 килом.

Англичане испугались этого быстраго увеличенія числа колонистовъ чужеземнаго происхожденія, говорящихъ на чужомъ языкѣ и исповѣдую-

1) Rameau de Saint-Père. «Une colonie féodale en Amérique», т. I, стр. 12.

щихъ другую религію. Опасность казалась имъ тѣмъ болѣе значительной, что католики-французы были признаны «нейтральными» по международнымъ договорамъ, и что въ самой присягѣ на вѣрность, которую требовало отъ нихъ британское правительство, обѣщалось, что ихъ никогда не будутъ принуждать сражаться со своими соотечественниками и съ индійскими племенами. Въ дѣйствительности, однако, главнѣйшею провинностью французовъ было то, что они обладали лучшими землями колоніи и собирали самую обильную жатву; было рѣшено, что это населеніе, провинившееся своимъ слишкомъ большимъ благосостояніемъ, будетъ переселено. Въ 1755 г. Лоренцъ, губернаторъ Новой Шотландіи, названной такъ потому, что на поляхъ, вспаханныхъ французами, должны были устроиться шотландскіе колонисты, велѣлъ созвать всѣхъ обитателей Акадіи въ церкви и объявить имъ, что ихъ земли, ихъ дома, ихъ стада конфискованы правительствомъ, и «что они сами должны бы быть сосланы, но милостивый король, въ великой добротѣ своей, разсчитываетъ видѣть въ нихъ постоянно своихъ вѣрныхъ подданныхъ, въ какую бы страну свѣта ни забросила ихъ судьба». Наступило «настоящее переселеніе народовъ»: нѣсколько тысячъ акадійцевъ бѣжало и нашло хорошій пріемъ въ чащахъ лѣсовъ у дружившихъ съ ними краснокожихъ, другіе оказали вооруженное сопротивленіе и были убиты, большинство народа, однако, около 8000 душъ, было распредѣлено по разнымъ американскимъ колоніямъ и принуждено было работать на плантаціяхъ сахарнаго тростника и табака, вмѣстѣ съ неграми-рабами; нѣсколько сотъ направились въ Англію, и кое-кто вернулся во Францію, главнымъ образомъ, въ Белль-иль-анъ-меръ, гдѣ имъ былъ уступленъ небольшой клочекъ земли. Нѣкоторое число бѣглецовъ вернулось позднѣе опять въ Акадію, когда англичане, начавшіе борьбу съ американскими колоніями, стали стремиться къ примиренію съ колонистами Новой Шотландіи французскаго происхожденія. Въ настоящее время потомки акадійцевъ тамъ, по меньшей мѣрѣ, въ 10 разъ болѣе многочисленнѣе, чѣмъ наканунѣ «великаго переселенія»; они не образуютъ, однако, болѣе однородной группы съ точки зрѣнія этнологической и смѣшиваются различнымъ образомъ съ элементами шотландскимъ, англійскимъ, ирландскимъ, скандинавскимъ и германскимъ. Поэма Лонгфелло «Евангелина» содержитъ описаніе всѣхъ униженій, которыя колонисты претерпѣли во время изгнанія, и служитъ для ихъ болѣе счастливыхъ потомковъ напоминаніемъ о бѣдствіяхъ, перенесенныхъ ихъ несчастными предками.

Утрата Акадіи и сосѣднихъ земель, располагающихся передъ устьемъ рѣки Св. Лаврентія, сдѣлала затруднительнымъ сообщеніе Франціи съ ея канадскими колоніями, окаймляющими низовья рѣки по обоимъ берегамъ. Полукругъ французскихъ владѣній, охватившій британ-

скія колоніи отъ устья рѣки Св. Лаврентія до устья Миссиссипи, былъ прорванъ у самаго своего края. Впрочемъ, эта полоса земель находи-

№ 417. Новый Свѣтъ въ 1740 г.



Французы уступили Акадію Англіи въ 1714 г., затѣмъ Гудзонская компанія оттѣснила ихъ къ сѣверу, наконецъ, въ 1763 г. имъ пришлось оставить остальную часть своихъ владѣній за исключеніемъ Луизіаны. Англичане заняли страну къ востоку отъ Миссиссипи, тогда какъ испанцы вымѣняли Флориду на правый берегъ рѣки.

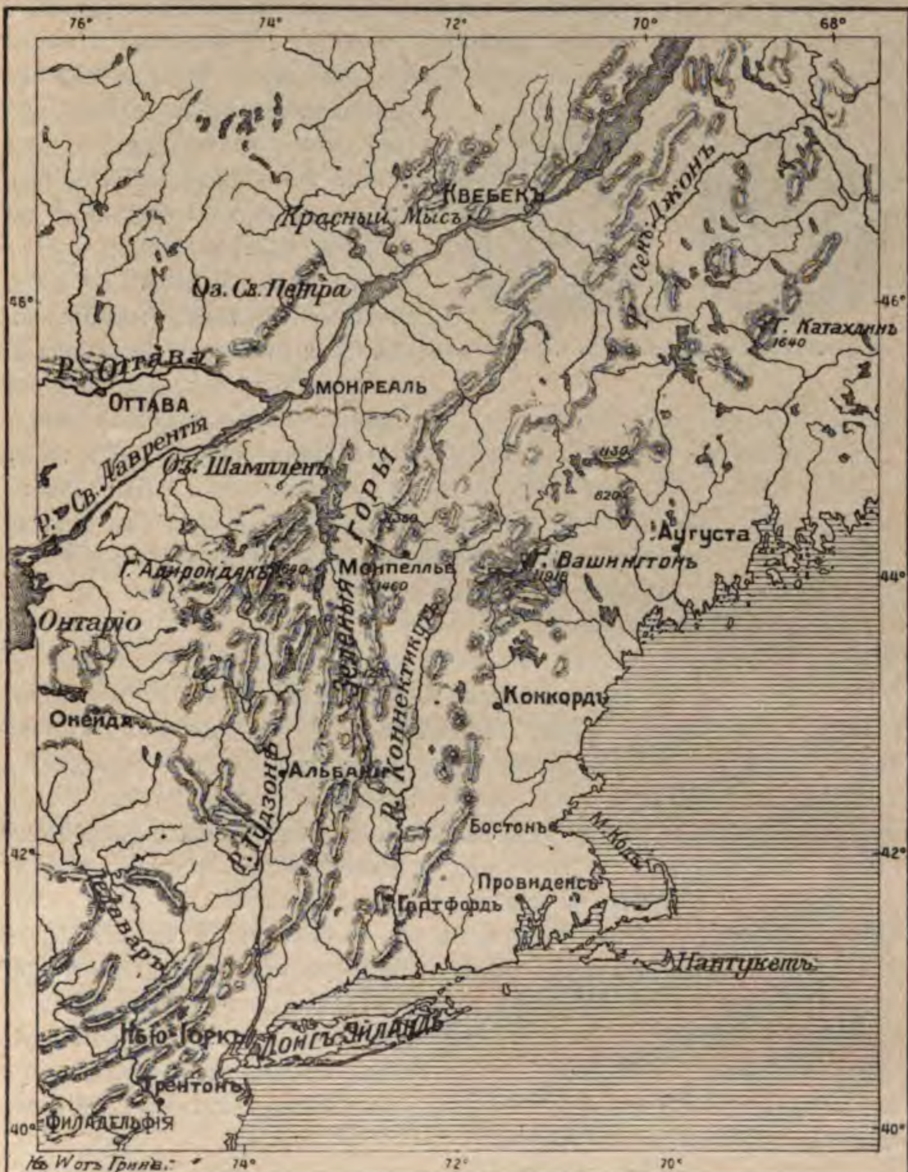
лась большею частью въ совершенно фиктивпой зависимости отъ Франціи: Новая Франція на своемъ колоссальномъ протяженіи въ 2500 кило-

метровъ за предѣлами собственно Канады была на самомъ дѣлѣ воображаемой величиной. Нѣсколько пунктовъ, далеко отстоящихъ одинъ отъ другого, отдѣленныхъ обширными степями, широкими рѣками, болотами и трудно проходимыми лѣсами, заключали незначительное число обитателей; на всей же остальной территоріи французское вліяніе сказывалось лишь въ появляющихся изрѣдка «путешественникахъ», т.-е. скупщикахъ мѣховъ, которые почти всѣ были метисами, едва говорящими нѣсколько словъ по-французски, и у отцовъ-іезуитовъ Канады пользовались репутаціей преступниковъ. Такимъ образомъ, какъ только бостонскіе и виргинскіе колонисты перешли чрезъ пограничныя горы и спустились въ долину Миссиссиппи, они безо всякаго труда прорвали линію защиты страны. Единственную трудность представляло взятіе форта Дюкенъ, возведеннаго французами въ самомъ жизненномъ пунктѣ страны, гдѣ сливаются главные притоки Охайо, рѣки Аллегени и Мононгаэла. Эта крѣпость, замѣщенная въ настоящее время большимъ и богатымъ городомъ Питтсбургомъ, была по своимъ естественнымъ условіямъ очень удобна для защиты, но ея малочисленный гарнизонъ не имѣлъ внѣшней опоры въ видѣ окружающихъ колонистовъ и держался, такъ сказать, въ воздухѣ; въ 1758 г., послѣ нѣсколькихъ приступовъ, гарнизонъ этотъ подъ военнымъ и гражданскимъ давленіемъ англичанъ принужденъ былъ удалиться. Даже объявленіе войны было излишнимъ, достаточно было быстраго увеличенія населенія, находящагося подъ покровительствомъ британскаго флага, чтобы окончательно затопить тѣ мелкіе островки французской народности, которые были разсѣяны на большомъ разстояніи одинъ отъ другого въ долинѣ Миссиссиппи. Если бы чисто отвлеченнымъ образомъ эти отдѣльныя мелкія группы не представляли собою враждебной народности, которая въ теченіе вѣковъ выдерживала борьбу съ англичанами, эти послѣдніе могли бы совершенно не считаться съ ними.

Кромѣ французовъ, были, однако, еще и индѣйцы. Французскіе колонисты береговъ Св. Лаврентія и озера Шампленъ хотя и были очень малочисленны по сравненію съ англичанами атлантическаго побережья, устроились все же очень прочно внутри страны, такъ что могли препятствовать расширенію англійскаго могущества и заселенію страны англичанами къ сѣверу и къ сѣверо-западу; кромѣ того, эти колонисты находились въ союзѣ съ индѣйскими племенами, служившими ихъ авангардомъ въ почти не прекращавшейся войнѣ на рубежѣ ихъ владѣній. «Бостонцы», какъ называли тогда бѣлокожихъ современной Новой Англіи, принуждены были даже измѣнить свою политику по отношенію къ краснокожимъ, въ силу тѣхъ препятствій, которыя они встрѣчали со стороны французской колонизаціи. Тогда какъ первое время они въ качествѣ почитателей Библіи считали себя новымъ «избраннымъ наро-

домъ», пришедшимъ въ новую «землю обѣтованную» и получившимъ

№ 418. Бостонія и Канада.



приказаніе свыше истреблять филистимлянъ, теперь такое продолженіе

истребительной войны должно было стать слишкомъ опаснымъ для нихъ самихъ, и, чтобы оказывать сопротивленіе французамъ и ихъ союзникамъ-индѣйцамъ, имъ пришлось, въ свою очередь, заключать договоры съ болѣе крупными туземными племенами. Такимъ образомъ, началась безконечная борьба между гуронами, друзьями французовъ, и пятью племенами ирокезовъ, союзныхъ Англіи. Сто лѣтъ спустя гуроны, по всѣмъ вѣроятіямъ, обладали силами еще столь значительными, что вполнѣ могли помѣряться съ ирокезами, которыхъ бостонцы направили противъ нихъ; однако, гуроны были обращены въ католичество іезуитами, были лишены тѣмъ самымъ своей первоначальной храбрости и превращены въ покорное и слабое стадо, подобно тому какъ въ другой половинѣ Новаго Свѣта такое же превращеніе претерпѣли гуарани Парагвая. Въ то же время ирокезы оставались въ полномъ сознаніи своей силы; они не знали, однако, для какого темнаго дѣла ихъ предназначаютъ, и одерживали побѣды въ этой непрерывной кровопролитной войнѣ, гдѣ въ дѣйствительности дѣло шло объ истребленіи самой индѣйской расы.



Мѣдная монета, чеканенная въ Пондишери.

Отдѣлавшись отъ индѣйцевъ силой или хитростью, бостонцы, которымъ помогали англійскія войска, могли надѣяться стать полными хозяевами во французской Канадѣ. Когда, наконецъ, въ 1759 г. разыгралась война, отряды войскъ, вторгшіеся въ колонію съ трехъ сторонъ сразу, съ середины и съ обоихъ концовъ ея, составляли по численности величину почти равную всему французскому населенію страны, считая и мужчинъ, и женщинъ, и дѣтей. Едва можно постичь, какимъ образомъ вообще мыслимо было сопротивленіе, и даже побѣды этой малочисленной народности, заранѣе обреченной на пораженіе. Между тѣмъ, англичане были совершенно разбиты, и лишь прибытіе вспомогательнаго флота, вступившаго въ воды Квебека, гарантировало окончательно присоединеніе земель Св. Лаврентія къ колоніальной имперіи Англіи. Портовые города Франціи, блокированные англійскими судами, не могли послать помощи въ Канаду и къ тому же въ Версали среди празднествъ и придворныхъ интригъ никто и не безпокоился о какихъ-то «нѣсколькихъ десятинахъ снѣжныхъ полей».

Несмотря на это, канадцы, предававшіе проклятью Людовика XV, который такъ предательски покинулъ ихъ въ трудную минуту на произволъ судьбы, продолжали оставаться французами по своему образу мыслей и проявляли даже особенную вѣрность, объясняющуюся той относительной изолированностью, въ которой они находились въ теченіе

слѣдующаго вѣка, той сплоченностью въ особое общество, отличающееся и по языку и по религіи, наконецъ, той чрезвычайной живучестью, которая свойственна ихъ народности, продолжавшей развиваться въ этомъ прекрасномъ климатѣ подъ вліяніемъ плодотворной работы на землѣ и достигшей большой численности. 67000 французовъ-канадцевъ, обитавшихъ по берегамъ рѣки Св. Лаврентія въ 1763 г., когда, по Парижскому договору, они сдѣлались англійскими подданными, превратились въ теченіе позднѣйшаго столѣтія въ населеніе изъ милліона душъ и въ настоящее время составляютъ уже два милліона.


Картонная монета, выпущенная въ Канадѣ въ 1749 г., стоимостью 7-6 деньеровъ.

Изъ семилѣтней войны Франція вышла такою униженною, какой никогда еще не была ранѣе. Мирный договоръ 1763 г., подписанный въ Парижѣ, какъ бы для того, чтобы заставить еще сильнѣе почувствовать всю постыдность пораженія, закрѣпилъ за Великобританіей почти все то, что представляло собою колоніальныя владѣнія Франціи въ Азіи и въ Новомъ Свѣтѣ. За эту цѣну Англія согласилась возвратить Бель-Иль, который былъ ею занятъ, и не слишкомъ настаивать на разрушеніи укрѣпленій Дюнкирхена, что требовалось ею какъ «памятникъ вѣчнаго ярма, наложеннаго на Францію». Позоръ этого договора былъ тѣмъ значительнѣе, что Парижъ воздвигъ по этому поводу конную статую короля, и что министры сумѣли воспользоваться договоромъ для собственной наживы. Болѣе низко Франція не могла упасть!

И, тѣмъ не менѣе, именно въ ту эпоху, когда Франція вполнѣ справедливо презиралась какъ государство, она какъ нація достигла наивысшей славы, и никогда въ другія времена ея вліяніе на весь остальной міръ не было столь великимъ и вполнѣ законнымъ! Въ этотъ «вѣкъ разума», изо всѣхъ вѣковъ величайшій по развитію свободной мысли, именно во Франціи раздавались самые краснорѣчивые голоса, провозглашавшіе все, что только могло возвысить разумъ человѣчества, все, что содѣйствовало стремленію къ истинѣ.

Этотъ вѣкъ философіи, еще въ гораздо большей степени чѣмъ вѣкъ Возрожденія, широко распространился, перешелъ за границы от-

дѣльныхъ государствъ и охватилъ не только Европу, но, можно сказать, и все человѣчество, со всѣми его разнообразными народами, говорящими на разныхъ языкахъ и отличающимися различнымъ цвѣтомъ кожи: философскія истины обращались ко всѣмъ мыслящимъ людямъ на протяженіи всего міра, бывшаго ихъ отечествомъ. Любовь ко всѣмъ существамъ, охватываемымъ единымъ идеаломъ добра и справедливости, простиралась до звѣздъ. «Если среди Млечнаго пути мыслящее существо видитъ страдающимъ другое существо и не приходитъ ему на помощь, оно совершаетъ грѣхъ противъ Млечнаго пути. Если гдѣ-либо на самой дальней звѣздѣ, на Сиріусѣ, сынъ, вскормленный отцомъ, не кормитъ его въ свою очередь, онъ является виновнымъ по отношенію ко всѣмъ звѣздамъ міра» (Вольтеръ)! Это возвышенное единство міровъ проявляется замѣчательнѣйшимъ образомъ въ твореніи Монтескьё «Духъ законовъ», которое далеко оставляетъ за собою Францію при Людовикѣ XV и стремится найти во всѣхъ странахъ и во всѣ времена причины различныхъ политическихъ и соціальныхъ условій во взаимоотношеніяхъ человѣка съ природою.

Вольтеръ предпринимаетъ аналогичное изслѣдованіе въ своемъ «Essai sur les Moeurs», проявляя меньшую ясность, но гораздо большее увлеченіе. Книга эта — боевое произведеніе, направленное противъ «гнусныхъ людей», т.-е. противъ поборниковъ тьмы, изобрѣтателей лжи, круглыхъ невѣждъ, развращающихъ и портящихъ толпу, чтобы болѣе надежнымъ образомъ угнетать ее. Бюффонъ, самый возвышенный изъ писателей XVIII вѣка, устраняется отъ шумной борьбы, но его терпѣливая работа имѣетъ цѣлью уничтожить тѣ нелѣпыя легенды и глупыя сказки, которыя распространяются Церковью относительно происхожденія міра,—онъ старается показать во всемъ ихъ величіи «Эпохи природы», обусловливаемыя не твореніемъ свыше, а постепенной эволюціей матеріи. Затѣмъ слѣдуетъ несравненный Дидро, пытающійся въ своей чрезвычайной наивности искренняго человѣка осуществить невозможное,—онъ старается объединить всѣхъ ученыхъ, всѣхъ техниковъ и всѣхъ мыслителей въ составленіи одного произведенія—«Энциклопедіи»,—великой книги, содержащей всѣ знанія человѣчества и проливающей свѣтъ на все, дабы въ будущемъ духовенство не могло бы снова захватить власть надъ духовнымъ міромъ человѣчества. Духовенство имѣло, однако, еще значительную матеріальную силу въ своихъ рукахъ, и самъ Дидро, нападая на него, подвергался немалой опасности.

Хотя теперь, конечно, никто не читаетъ «Энциклопедіи», которая давно уже замѣщена самою наукою съ ея непрерывнымъ прогрессомъ, произведеніе это все же остается памятникомъ, символизирующимъ вы-

сокіе идеалы, возникшіе тогда передъ сознательнымъ человѣчествомъ: XVIII вѣкъ, прежде всего—вѣкъ «Энциклопедіи». Чтобы ослабить вліяніе ся, іезуиты, принужденные на время отказаться отъ тюремъ и костровъ, ихъ излюбленнаго способа воздѣйствія, попытались бороться путемъ аналогичнаго же предпріятія. Изъ ихъ монастыря въ Треву вышелъ ихъ «Dictionnaire», прежнее произведеніе Фюртьера, передѣланное сперва протестантомъ Баснажъ, затѣмъ заново приспособленное святыми отцами-іезуитами къ употребленію благомыслящихъ людей [1]). Однако, съ точки зрѣнія произведеннаго духовнаго воздѣйствія не можетъ быть никакого сравненія между обѣими «энциклопедіями». Сами іезуиты иногда покидали свой орденъ, обращались въ свободомыслящихъ и принимались за безкорыстное исканіе истины. Такимъ перебѣжчикомъ былъ, напримѣръ, аббатъ Реналь, давшій достаточное доказательство истинности своихъ новыхъ убѣжденій въ опубликованной имъ «Histoire philosophique de deux Indes», въ которой сотрудничалъ и великій Дидро,—книга эта была съ энтузіазмомъ встрѣчена во всемъ обширномъ мірѣ, завоеванномъ въ тѣ времена французскою рѣчью.



Дени Дидро, 1713—1784.
Портретъ Ж.-Б. Грёза.

Жанъ-Жакъ Руссо, блиставшій вмѣстѣ съ Вольтеромъ въ качествѣ одного изъ главнѣйшихъ представителей того періода развитія, который предшествовалъ французской революціи, былъ однимъ изъ позднѣе вступившихъ въ борьбу, такъ какъ его знаменитый трактатъ «Discours

1) Gaston Paris. Revue des Deux-Mondes, 15, IX, 1901.

sur les origines et les fondements de l'Inégalité parmi les Hommes» появился лишь въ 1753 г., но зато тотчасъ же всколыхнулъ все тогдашнее общество: въ немъ увидѣли предшественника совершенно новаго порядка вещей. Сочиненіе это вышло какъ-разъ въ тотъ психологическій моментъ, когда утонченные высшіе классы, развивавшіеся отдѣльно отъ трудящагося человѣчества, чувствовали уже нѣкоторыя угрызенія совѣсти изъ-за своихъ привилегій, своихъ пороковъ и своей лишь воображаемой высшей культуры, — этимъ-то уставшимъ и пресыщеннымъ жизнью людямъ Руссо проповѣдывалъ возвратъ къ природѣ и къ возстановляющему силы труду. Кромѣ того, онъ провозглашалъ равенство всѣхъ людей: тогда какъ Вольтеръ писалъ исторію Людовика XIV или Карла XII, Руссо воспроизводилъ въ своемъ сочиненіи общество, въ которомъ всѣ общественныя, правовыя отношенія основывались на соглашеніи между всѣми гражданами. Въ его произведеніяхъ формулировались уже тѣ требованія, изъ которыхъ въ слѣдующемъ вѣкѣ возникъ соціализмъ,—самъ «гражданинъ Женевы» не довольствовался внѣшними республиканскими формами, даваемыми народу, но желалъ также гарантировать и его благосостояніе и его просвѣщеніе. Конечно, онъ не дошелъ еще до того убѣжденія, что политическія и соціальныя перемѣны должны осуществляться свободною волею гражданъ, группирующихся въ общество, и что новыя формы общественныя должны слагаться и разлагаться сообразно съ личною иниціативою каждаго и сообразно съ общими интересами, обусловливаемыми условіями внѣшней среды. Обнаруживая еще большую простоту во взглядахъ, Руссо возлагалъ надежды лишь на могущественную организацію государства, которому приписывалъ непреоборимыя силы. Разумъ государства, опирающійся на религію государства, казался ему способнымъ раздавить всякое сопротивленіе; вполнѣ логическимъ путемъ Руссо долженъ былъ породить Робеспьера! Во всякомъ случаѣ, результаты дѣятельности вѣка вообще и дѣятельности Руссо въ частности были безконечно сложны, обильны самыми разнообразными послѣдствіями, частью счастливыми, частью печальными. Въ общемъ ходѣ эволюціи было то уже великимъ прогрессомъ, что, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ авторовъ изложилъ свои идеи относительно нормальнаго функціонированія человѣческаго общества не въ качествѣ недосягаемой утопіи, а въ качествѣ реальнаго плана, предлагаемаго народу къ осуществленію. Человѣкъ вышелъ изъ міра грёзъ и вступилъ въ область дѣйствія!

Совершился и еще одинъ переворотъ, въ которомъ участникомъ былъ также Руссо: женщины стали принимать горячее участіе въ распространеніи новыхъ идей, направленныхъ противъ прежняго міра духовной и монархической власти; была окончательно разрушена та главнѣйшая крѣпость, на которой держалась традиціонная вѣра и об-

dans les buiſſons & dans les haies, où il s'éleve à 5 ou 6 piés, & quelquefois juſqu'à 10 dans des lieux frais & à l'ombre; ſes branches peu flexibles & qui ſe croiſent irrégulierement, ſont couvertes d'une écorce cendrée, qui fait ſur-tout remarquer cet arbriſſeau; dont les feuilles un peu ovales & ſans dentelures, ſont auſſi d'un verd blanchâtre; ſes fleurs d'un blanc ſale ſont peu apparentes, quoiqu'aſſez reſſemblantes à celles du chevrefeuille; elles paroiſſent au commencement de Mai, viennent toûjours par paire à la naiſſance des feuilles, & durent environ quinze jours. Son fruit mauvais & nuiſible, eſt une baie de la groſſeur d'un pois, qui devient rouge & molle en mûriſſant au mois de Juillet, & qui ne tombe qu'après les premieres gelées. Cet arbriſſeau vient dans tous les terreins, réſiſte à toutes les intempéries, ſe multiplie plus qu'on ne veut, & de toutes les façons.

Le chamæceraſus à fruit rouge, marqué de deux points. Cet arbriſſeau ne s'éleve qu'à quatre ou cinq piés; ſes branches qui ſe ſoûtiennent droites, permettent de l'amener à une forme réguliere; ſa fleur qui a une teinte legere d'une couleur pourpre obſcure, eſt plus petite que dans l'eſpece précédente, & n'a pas meilleure apparence; elle paroît au commencement du mois de Mai, & dure environ quinze jours. Ses fruits qui mûriſſent au mois de Juillet, ſont des baies rouges de mauvais goût, qui ſont remarquables par les deux points noirs qui ſe trouvent ſur chacune. Cet arbriſſeau qui eſt originaire des Alpes & d'Allemagne, eſt très-robuſte, réuſſit par-tout, ſe multiplie auſſi aiſément que le précédent, & par autant de moyens; mais on ne lui connoît pas plus d'utilité.

Le chamæceraſus à fruit bleu: c'eſt un arbriſſeau fort rameux qui s'éleve au plus à quatre piés; ſes fleurs pâles & petites paroiſſent de très-bonne heure au printems, dont elles ne font pas l'ornement. Son fruit qui mûrit à la fin de l'été, eſt une baie de couleur bleue, dont le ſuc aigrelet n'eſt pas deſagréable au goût. Cet arbriſſeau n'eſt nullement délicat; on peut le multiplier de graine & de branches couchées, qu'il faut avoir la précaution de marcotter, ſi l'on veut qu'elles faſſent ſuffiſamment racine, pour être tranſplantées au bout d'un an; mais il ne réuſſit que difficilement de bouture.

Le chamæceraſus à fruit noir: c'eſt un fort petit arbriſſeau qui ne s'éleve qu'à trois ou quatre piés; ſes feuilles le font diſtinguer des autres eſpeces par leurs dentelures. Ses fleurs qui ſont petites & d'une couleur violette très-tendre, paroiſſent au mois de Mai, & ſont ſuivies d'une baie noire de mauvais goût qui mûrit au mois de Juillet. Cet arbriſſeau aime l'ombre & un terrein humide; il eſt extrèmement robuſte, & on peut le multiplier de graine, de branches couchées, & de bouture; on ne lui connoît encore aucun uſage. (*c*)

* FROMAGE, le lait eſt compoſé de trois ſubſtances différentes: la creme, la partie ſéreuſe, & la partie caſéeuſe, ou le *fromage*.

On ſépare ces trois ſubſtances de toutes ſortes de lait. Ainſi on a tout autant de ſortes de *fromages* au-moins qu'il y a d'animaux lactiferes.

Nos *fromages* ordinaires ſont de lait de vache. Les bons *fromages* ſe font au commencement du printems ou au commencement de l'automne. On prend le lait le meilleur & le plus frais. On fait le *fromage* avec ce lait, ou écremé ou non écremé.

Pour faire du *fromage*, on a de la preſure ou du lait caillé, qu'on trouve & qu'on conſerve ſalé, dans l'eſtomac du veau, ſuſpendu dans un lieu chaud, au coin de la cheminée. Prenez de ce lait: délayez-le dans une cuilliere avec celui que vous voulez tourner en *fromage:* répandez de cette preſure délayée une demi-dragme, ſur deux pintes de lait; & le lait ſe mettra en *fromage*.

Alors vous le ſéparerez avec une cuilliere à écremer: vous aurez des vaiſſeaux percés de trous par les côtés & par le fond: vous y mettrez votre *fromage* pour égoutter & ſe mouler.

Quand il eſt moulé & égoutté, alors on le mange, ou on le ſale, ou on lui donne d'autres préparations. *Voyez l'article* LAIT, où l'on entrera dans un plus grand détail ſur les différentes ſubſtances qu'on en tire.

FROMAGE, (*Diete.*) le *fromage* eſt, comme tout le monde ſait, un des principes conſtitutifs du lait, dont on le retire par une véritable décompoſition, pour l'uſage de nos tables.

On prépare deux eſpeces de *fromage*; un *fromage* pur, c'eſt-à-dire qui n'eſt formé que par la partie caſéeuſe proprement dite du lait; & un autre qui renferme ce dernier principe, & la partie butyreuſe du lait, ou le beurre.

Le *fromage* de la premiere eſpece eſt groſſier, peu lié, très-diſpoſé à aigrir; il eſt abandonné aux gens de la campagne. Tous les *fromages* qui ont quelque réputation, & qui ſe débitent dans les villes, ſont de la ſeconde eſpece; ils ſont moëlleux, gras, délicats, peu ſujets à aigrir; ils ont une odeur & un goût fort agréables, au moins tant qu'ils ſont récens: on les appelle communément *gras* ou *beurrés*. Pluſieurs cantons du royaume en fourniſſent d'excellens. Le *fromage* de Rocquefort eſt ſans contredit le premier *fromage* de l'Europe; celui de Brie, celui de Saſſenage; celui de Marolles, ne le cedent en rien aux meilleurs *fromages* des pays étrangers: celui des montagnes de Lorraine, de Franche-Comté, & des contrées voiſines, imitent parfaitement celui de Gruyere: le *fromage* d'Auvergne eſt auſſi bon que le meilleur *fromage* d'Hollande, *&c.*

Tous les Medecins qui ont parlé du *fromage*, l'ont diſtingué avec raiſon en frais ou récent, & en vieux, ou fort & picquant; ils ont encore déduit d'autres différences, mais moins eſſentielles, de la diverſité des animaux qui avoient fourni le lait dont on l'avoit retiré; de l'odeur, du goût, du degré de ſalure, *&c.*

Les anciens ont prétendu que le *fromage* frais étoit froid, humide, & venteux, mais qu'il excitoit moins la ſoif que le vieux; qu'il reſſerroit moins le ventre; qu'il ne fourniſſoit pas un ſuc ſi groſſier; qu'il nourriſſoit bien, & même qu'il engraiſſoit; que cependant il étoit de difficile digeſtion; qu'il engendroit le calcul; qu'il cauſoit des obſtructions, *&c.*

Le vieux étoit chaud & ſec, ſelon leur doctrine, & à cauſe de ces qualités, difficile à digérer, très-propre à engendrer le calcul, ſur-tout s'il étoit fort ſalé. Galien, Dioſcoride, & Avicenne en ont condamné l'uſage, pour ces raiſons; & encore, parce qu'ils ont prétendu qu'il fourniſſoit un mauvais ſuc; qu'il reſſerroit le ventre, & qu'il ſe tournoit en bile noire ou atrabile: ils ont avoüé cependant, que pris en petite quantité, il pouvoit faciliter la digeſtion, ſurtout des viandes, quoiqu'il fût difficile à digérer lui-même.

La plûpart de ces prétentions ſont peu confirmées par les faits. Le *fromage*, à-moins qu'il ne ſoit abſolument dégénéré par la putréfaction, eſt très-nourriſſant: la partie caſéeuſe du lait eſt ſon principe vraiment alimenteux.

Le *fromage* frais aſſaiſonné d'un peu de ſel, eſt donc un aliment qui contient en abondance la matiere prochaine du ſuc nourricier, & dont la fadeur eſt utilement corrigée par l'activité du ſel. Les gens de la campagne, & ceux qui ſont occupés journellement à des travaux pénibles, ſe trouvent très-bien de l'uſage de cet aliment, qui devient plus ſalutaire encore, comme tous les autres, par l'habitude.

Le *fromage* fait, c'eſt-à-dire qui a eſſuyé un com-

скурантизмъ. Новая литература позволила женщинамъ выйти изъ того невѣжества, въ которомъ желалъ держать ихъ XVII вѣкъ, какъ то особенно сказывается въ произведенiи Мольера «Ученыя женщины». Женщины были охвачены увлеченiемъ, онѣ проливали обильныя слезы при чтенiи «Новой Элоизы»; понявъ, что любовь вещь серьезная, а не простое развлеченiе, онѣ ознакомлялись съ серьезными сторонами жизни. Руссо училъ ихъ, что мать обязана нести «материнскiя» обязанности и не слагать ихъ на наемницъ. Въ «Эмилѣ» онѣ поучались тому, что ихъ дѣятельность въ воспитанiи дѣтей имѣетъ огромное значенiе, такъ какъ дѣти ихъ сдѣлаются затѣмъ взрослыми людьми, которымъ предстоитъ свершить много великихъ дѣлъ. Несмотря на то, что Руссо считалъ женщину ниже мужчины и сокращалъ ея образованiе, женщина XVIII вѣка присоединилась всецѣло къ дѣлу умственнаго освобожденiя человѣчества. Сколько разъ она приходила на помощь писателямъ, находившимся въ бѣдности или въ несчастьѣ, сколько разъ давала прiютъ преслѣдуемымъ, спасала ихъ отъ тюрьмы или даже отъ смерти! И какъ дѣйствительна была часто ея помощь въ дѣлѣ борьбы съ репрессiями, какъ много она препятствовала дѣятельности власти, становившейся смѣшною въ глазахъ тѣхъ, кѣмъ она хотѣла управлять! Каждый салонъ становился противникомъ алтаря и трона!

Очень мало было, однако, людей, которые рѣшались идти до конца въ проведенiи принциповъ равенства и свободы. Большинство останавливалось на пути, причемъ каждый доходилъ до того мѣста, до котораго хватало его личныхъ силъ. Большинство довольствовалось признанiемъ «Великаго Строителя Мiра», если только его не окружалъ сонмъ поповъ, и властью единаго короля, если только онъ самъ окружалъ себя философами. Охотно допускалась классовая iерархiя, и даже позволяли себѣ поносить «толпу» и объявляли, что почтутъ себя удовлетворенными, если только у всѣхъ будетъ хлѣбъ насущный.

Самымъ логическимъ и самымъ твердымъ среди новаторовъ данной эпохи былъ Морелли, высказавшiй въ 1755 г. въ своемъ «Кодексѣ Природы» съ полною откровенностью коммунистическую доктрину. «Поддерживать общность и недѣлимость земель и общность жилищъ; установить общее пользованiе орудiями труда и продуктами послѣдняго, сдѣлать образованiе равно доступнымъ для всѣхъ; распредѣлять трудъ сообразно съ силами, продукты—сообразно съ потребностями; предоставлять талантамъ лишь ту привилегiю, что позволятъ имъ управлять работами другихъ сообразно съ общими интересами; не сообразоваться при распредѣленiи труда со способностями, но лишь съ потребностями, которыя существуютъ ранѣе и сохраняются долѣе всѣхъ способностей; не допускать вознагражденiя деньгами, такъ какъ всякое вознагражденiе безполезно или вредно—безполезно въ томъ случаѣ, когда трудъ,

свободно избранный, создалъ бы разнообразіе и количество продуктовъ, превышающее наши потребности, и вредно въ томъ случаѣ, когда призваніе и охота къ труду не были бы въ состояніи удовлетворить всѣхъ потребностей». Такимъ образомъ, и коммунизмъ имѣлъ уже своихъ представителей: онъ даже нашелъ себѣ сторонниковъ среди политическихъ дѣятелей, такъ какъ Мабли, одинъ изъ наиболѣе тонкихъ европейскихъ дипломатовъ, бывшій въ то же время членомъ академіи, принялъ благосклонно «Кодексъ Природы» и призналъ, что люди, не равные по своимъ способностямъ и потребностямъ, являются, тѣмъ не менѣе, равными по своимъ правамъ.

Разумѣется, ожидавшаяся революція совершилась бы гораздо болѣе прочнымъ и надежнымъ способомъ, если бы участники этого великаго переворота были по силѣ и благородству характера на высотѣ, соотвѣтствовавшей тому, что они проповѣдывали. Конечно, они должны были нерѣдко обнаруживать не одинаковыя мнѣнія, такъ какъ каждый изъ нихъ, освободившись отъ старинныхъ предразсудковъ, защищалъ свои собственныя убѣжденія; однако, кромѣ того, многіе изъ нихъ компрометировали свое дѣло своими пороками или своей неискренностью. Если исключить несравненнаго Вовенарга, съ его мягкимъ открытымъ характеромъ, и благороднаго Дидро, простиравшаго на всѣхъ свою доброту, то кого еще изъ великихъ писателей вѣка можно считать истинно дѣлающимъ честь человѣчеству полнымъ согласованіемъ своей жизни и своихъ принциповъ? Гораздо большее число было людей, отступавшихъ отъ своихъ принциповъ,—таковы были уже, прежде всего, двѣ знаменитѣйшія личности—Вольтеръ, бывшій настоящимъ царемъ и имѣвшій всѣ царскія прихоти и слабости, и Руссо, презиравшій людей и проникнутый подозрѣніями и ненавистью, свойственными мизантропамъ. И, тѣмъ не менѣе, этотъ непрочно между собою связанный міръ, со всѣми нерѣдкими проявленіями въ немъ ненависти, клеветы и злобы, представлялъ собою въ общемъ замѣчательное цѣлое, по силѣ увлеченія, по яркости и истинности мысли. Вблизи это былъ хаосъ, тогда какъ въ перспективѣ грядущихъ временъ оказалась высшая гармонія, сложившаяся изъ многихъ тысячъ голосовъ, которые сливались, несмотря на все свое различіе!

Тѣ самые повелители, которыхъ уже самый санъ королей заставлялъ преслѣдовать свободныхъ мыслителей и бунтовщиковъ, подпали вліянію философіи, подпали, если не сами лично, то, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ своихъ ближнихъ. То, напр., чего Людовикъ XV не сдѣлалъ бы самъ, его заставляла дѣлать маркиза де Помпадуръ; онъ то преслѣдовалъ авторовъ «Энциклопедіи», то покровительствовалъ имъ, и отъ его имени они получали поощреніе. Почти вся аристократія стала либеральной и съ улыбкой встрѣчала зарю новыхъ лучшихъ общественныхъ

условій; казалось даже естественнымъ, что сами повелители возьмутъ на себя роль, какой до сихъ поръ они еще и не пытались брать,— именно «попробуютъ сдѣлать счастье своихъ подданныхъ». Могущество философіи сдѣлалось столь великимъ въ этой очаровательной средѣ аристократическихъ салоновъ, что сами короли старались сдѣлаться философами или даже съ полной наивностью воображали, что и на самомъ дѣлѣ стали таковыми. Чрезъ своихъ посланниковъ, во всякомъ случаѣ, они могли себя выставлять въ качествѣ таковыхъ: если какія-либо особыя условія, трудность внезапнаго измѣненія сложившихся привычекъ, неразумность чиновниковъ, обусловливали неудачи ихъ реформъ, то они утѣшали себя тѣмъ, что дали доказательство своей доброй воли и позднѣе могли свалить на другихъ неосуществленіе своихъ проектовъ. Если они не стали на дѣлѣ «отцами народа», то по меньшей мѣрѣ они разглагольствовали объ этомъ!

Впрочемъ, все это не мѣшало властителямъ заниматься «благородной военной игрою» со всѣми ея жестокими послѣдствіями, примѣнять старинные репрессивные законы и издавать по своему мимолетному капризу новые такіе же законы, сохранять весь свой штатъ сборщиковъ податей, жандармовъ, тюремщиковъ, палачей, сообразно съ древнимъ правомъ своей божественной власти. Ландграфъ Гессенъ-Кассельскій, который въ своемъ сочиненіи «Pensées diverses sur les Princes» выставляетъ себя учителемъ справедливости и кротости, былъ вѣдь тѣмъ самымъ Фридрихомъ Гессенскимъ, который въ 1776 г. продалъ Англіи 12000 солдатъ, чтобы помочь ей побѣдить возставшихъ колонистовъ Америки, и который въ 1781 г., подъ конецъ войны, отдавалъ не менѣе 22000 солдатъ въ наемъ [1]), т.-е. число, несравненно большее, чѣмъ то, которое могло выставить его княжество, содержавшее 300000 жителей. Онъ долженъ былъ сдѣлаться настоящимъ людскимъ барышникомъ и добывать за предѣлами Гессена эти необходимыя ему количества человѣческаго мяса.

И, несмотря на все, этотъ наивный народъ и тѣ самые философы, которые считали своимъ призваніемъ изученіе души человѣческой и предвидѣніе ея тайныхъ побужденій, позволяли себя обманывать иллюзорнымъ представленіемъ о «добромъ правителѣ»! Они надѣялись на то, что какая-либо могущественная рука отстранитъ отъ нихъ ту революцію, раскаты которой уже слышались вдали. Очевидно, Вольтеръ подпалъ подъ власть этой иллюзіи, къ которой присоединялось, впрочемъ, и чисто-дѣтское честолюбіе и любовь къ придворному блеску, когда онъ сдѣлался истиннымъ другомъ Фридриха II, его совѣтникомъ и помощникомъ, поправлявшимъ его поэтическія изліянія; точно также и

1) Ernest Nys. «Notes sur la Neutralité», стр. 91, 92.

Дидро вѣровалъ въ возможность полнаго превращенія народовъ по волѣ властителей, когда онъ разглагольствовалъ передъ императрицей Екатериной II и излагалъ ей наивнѣйшимъ образомъ всѣ свои планы соціальнаго перерожденія. Императоры германскіе были также философами въ своемъ родѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, были точными выполнителями этикета, защитниками своего божественнаго права и заядлыми противниками революціи. Наконецъ, и сами римскіе папы, эти представители Бога на землѣ, иначе говоря, по самому существу своему угнетатели



Потсдамъ. Дворецъ Фридриха II.

всякой интеллектуальной свободы, дѣлали видъ, что философы имъ очень нравятся, и завѣряли ихъ даже въ своей дружбѣ: именно одному изъ папъ посвятилъ Рико свое произведеніе «Scienzia Nuova», и притомъ вполнѣ искренно, тогда какъ Вольтеръ съ нѣкоторой ироніей помѣстилъ имя другого папы въ посвященіи, написанномъ на первомъ листѣ его «Магомета». Даже болѣе, папа Климентъ XIV, увлеченный примѣромъ королей-реформаторовъ, распустилъ оффиціально орденъ іезуитовъ (1773),— орденъ, который былъ, однако, еще лучше приспособленъ къ борьбѣ, чѣмъ само папство, имѣлъ болѣе шансовъ сохраниться и долженъ былъ

сдѣлаться даже сильнѣе, такъ какъ дѣйствовалъ втайнѣ и могъ приспособить церковь къ современнымъ потребностямъ. Позднѣйшія событія доказали, какъ опасна была эта иллюзія и наивная вѣра въ «добрыхъ тирановъ», и, тѣмъ не менѣе, сколько разъ еще позднѣе эта иллюзія возникала въ иныхъ формахъ, когда сперва конституціонная монархія, затѣмъ республиканская буржуазія и, наконецъ, государственный соціализмъ, чередуясь другъ съ другомъ и поддерживаясь сочувствіемъ народа, пытались реализовать идеалъ свободы и равенства гражданъ: эти сокровища, однако, должны быть завоеваны,—они отнюдь не даются свыше!

Въ своей дѣтской невинности посланцы несчастныхъ народностей или образующихся государствъ обращались къ знаменитѣйшимъ философамъ съ просьбою сообщить имъ образцовую конституцію государства. Такимъ образомъ, напримѣръ, Каролинскіе острова, которые въ 1663 г. были даны въ ленное владѣніе нѣсколькимъ англійскимъ вельможамъ, Берклей, Шефтсбюри и другимъ, просили Локка составить имъ конституцію, которая послужила бы «великимъ образцомъ» для грядущихъ народовъ. Ни Локкъ, ни вельможи, владѣвшіе островами, не знали ни страны, ни людей, къ которымъ должна была быть примѣнена эта будущая конституція, и, разумѣется, она не принесла никакихъ результатовъ. Точно также корсиканцы и поляки просили о томъ же самомъ Руссо, и онъ отвѣтилъ имъ «Письмами» и «Разсужденіями», которыя, конечно, также остались безо всякаго примѣненія.

Пока философы разговаривали о счастьѣ народовъ, властители, просвященный умъ которыхъ прославлялся столькими придворными, обнаруживали на дѣлѣ, какимъ способомъ они представляли себѣ реализацію ожидаемаго златого вѣка.

Въ эту эпоху Польша находилась въ состояніи полнаго политическаго распада. Прежде ея главными внѣшними врагами были на сѣверѣ шведы, которые въ 1656 г. сдѣлались даже почти хозяевами страны; на югѣ же турки не прекращали войны на границѣ. Къ этимъ врагамъ присоединились и другіе еще болѣе опасные противники,—на востокѣ русскіе, на западѣ пруссаки, которые были сплочены благодаря талантамъ и настойчивости Фридриха II. Что касается Австріи, то она также не забывала помощи, оказанной поляками при Янѣ Собѣскомъ и освобожденія Вѣны. Она только ждала какъ бы отомстить Польшѣ за эту знаменитую услугу.

Если бы Польшѣ, однако, угрожали лишь внѣшніе враги, быть-можетъ, она ускользнула бы отъ опасности, несмотря на отсутствіе естественныхъ границъ на большей части ея географическихъ очертаній,—ей, однако, приходилось опасаться еще и внутри ложныхъ защитниковъ и предателей. Прежде всего, опасными для нея были ея хо-

зяева и духовники іезуиты, державшіе въ рукахъ всѣ школы и направлявшіе образованіе въ интересѣ своей собственной политики, а не въ интересахъ польской народности; Польшѣ приходилось опасаться и своихъ собственныхъ королей, нерѣдко избиравшихся за предѣлами страны, незнакомыхъ съ народомъ, который они обѣщали «сдѣлать счастливымъ». Вѣдь одинъ изъ этихъ королей Августъ II предложилъ въ первой трети XVIII вѣка раздѣлить на части собственное его королевство, чтобы удовлетворить жаднымъ аппетитамъ окружающихъ державъ. Русскимъ онъ хотѣлъ отдать Литву, пруссакамъ—всѣ земли, орошаемыя Вислою, Австріи—область Чепасъ (Ципсъ), горную часть Татра между Тиссой и Вислой, и именно съ этого времени судьба Польши была предначертана: политика сосѣднихъ державъ была направлена къ раздѣлу Польши.

Нерѣдко приписывали распадъ Польши обычаю, установившемуся у избирателей королевства, «liberum veto», т.-е. возможности наложенія запрета со стороны каждаго члена собранія и возможности уничтоженія имъ рѣшенія всѣхъ остальныхъ членовъ,—иначе говоря, каждое рѣшеніе собранія по этому обычаю должно было быть единогласнымъ. Самъ по себѣ этотъ принципъ полнаго уваженія воли каждаго изъ участниковъ представляется вполнѣ справедливымъ, и нельзя даже представить себѣ, какимъ образомъ можетъ безъ него обходиться каждое общество равныхъ между собою лицъ, если только оно не слѣдуетъ той легкой морали, которая вообще примѣняется въ государственныхъ дѣлахъ. Правило liberum veto признавалось и въ рыцарскихъ орденахъ Германіи съ самаго начала ихъ основанія. Пожалуй, даже вообще немыслимо образованіе никакой группы людей, преданныхъ одной общей идеѣ, безъ примѣненія такого же правила. Что касается даннаго случая, т.-е. Польши, то скорѣе именно вслѣдствіе того, что законъ liberum veto постоянно нарушался, польскій народъ, раздираемый по всѣмъ направленіямъ изъ-за честолюбивыхъ стремленій аристократическихъ родовъ, впалъ въ полное разстройство и дезорганизацію. Не говоря уже о представителяхъ чужеземныхъ королевскихъ домовъ, напримѣръ, Саксонскаго дома и дома Кондэ, и крупные аристократы и землевладѣльцы самой Польши, разные Чарторыйскіе, Понятовскіе, Лещинскіе, часто ставили свои желанія выше всѣхъ голосованій и всѣхъ свободъ, подкупали выборное собраніе или же вмѣсто его выдвигали военную силу, взятую въ долгъ у того или у другого изъ могущественныхъ сосѣдей. Такъ, польскій король, въ царствованіе котораго совершился первый раздѣлъ Польши въ 1772 г., Станиславъ II Августъ, одинъ изъ прежнихъ любовниковъ императрицы Екатерины, получившей имя «Великой», былъ не болѣе какъ ставленникомъ и помощникомъ Россіи, и во время его управленія генералъ Рѣпнинъ, назначенный къ нему царицею, былъ настоящимъ хозяиномъ Польши.

Въ концѣ концовъ, стало безполезно скрывать далѣе свои намѣренія, и всѣ три сосѣднія съ Польшей державы приступили спокойно къ

№ 419. Первый раздѣлъ Польши.



1: 12 500 000

0 100 400 800 килом.

Великое герцогство Прусское оставалось долгое время подъ сюзеренитетомъ Польши и стало фактически независимымъ лишь въ теченіе XVII вѣка. Въ 1772 г. Россія присоединила къ своимъ владѣніямъ лѣвый берегъ Днѣпра, Австрія—Галицію, Пруссія—низовья Вислы.

размежеванію страны, не защищаемой никакими естественными границами, ни строеніемъ земной поверхности, ни рѣзкимъ разграниченіемъ обитателей страны. Австрія получила самый крупный кусокъ,—кромѣ горной области Чепасъ, взятой еще за два года до того, она присоединила къ себѣ обширныя равнины Галиціи и Лодомира, славянскія

земли, отрѣзанныя вопреки однородности населенія, не принимавшейся въ тѣ времена въ разсчетъ. Пруссія также не только округлила свои

№ 420. Второй и третій раздѣлы Польши.



1 : 12 500 000

0 100 400 800 килом.

При второмъ раздѣлѣ въ 1793 г. Россія заняла по правому берегу Днѣпра область отъ Двины до Каменецъ-Подольска, Германія заняла Познань.

Послѣ возстанія Костюшко въ 1795 г. Курляндія и восточная Польша вошли въ составъ Россіи, Малая Польша досталась Австріи и остальная часть—Пруссіи.

Границы сопредѣльныхъ королевствъ были измѣнены въ пользу Россіи на Вѣнскомъ конгрессѣ въ 1815 г.

владѣнія, но и объединила въ своихъ рукахъ всѣ восточныя провинціи и провинціи Бранденбурга, бывшаго колыбелью прусской монархіи: можно было говорить уже о политическомъ единствѣ этого государства, составившагося изъ многихъ областей, тяготѣвшихъ къ центрамъ, очень

удаленнымъ одинъ отъ другого. Россія, размѣры которой были уже огромны, выросла относительно менѣе, хотя два милліона новыхъ подданныхъ, большею частью литовцевъ, увеличили собою населеніе русскаго царства. Въ общей сложности Польша утратила болѣе пяти милліоновъ обитателей; и, тѣмъ не менѣе, государство, сократившееся безо всякаго сопротивленія на половину, не желало затрагивать іерархіи враждующихъ классовъ—аристократіи, буржуазіи и народа, которая была причиною фатальнаго распаденія королевства. По всѣмъ вопросамъ внутреннимъ царило полное несогласіе, и, повидимому, къ соглашенію пришли лишь, чтобы одобрить формальнымъ постановленіемъ сейма ту ужасную ампутацію, которая была произведена другими тремя державами надъ Польшей. Столько низости и подлости могло быть выражено въ самыхъ изящныхъ оборотахъ рѣчи на этомъ блестящемъ собраніи!

Въ эту эпоху Россія была уже державой столь могущественной, что могла дѣйствовать одновременно и на западныхъ границахъ, со стороны Польши, и на югѣ—на границахъ Турціи. Въ 1771 г. русскіе прорвали укрѣпленія Перекопа на перешейкѣ, соединяющемъ Крымъ съ континентомъ, и завладѣли огромной естественной крѣпостью, образуемой полуостровомъ. Русскій флотъ, отправившійся изъ Балтійскаго моря, рискнулъ даже обогнуть Европу и вступить въ бой съ турками. Корабли Екатерины II проникли въ Эгейскій архипелагъ и попытались поднять возстаніе христіанъ въ Мореѣ и на островахъ архипелага; они пробовали даже сдѣлать диверсію, напавъ на Египетъ. Всѣ эти усилія были, однако, преждевременны, и Турція не утратила за время войны ни одного изъ своихъ средиземноморскихъ владѣній, хотя флотъ ея былъ разбитъ на голову въ Чесменскомъ заливѣ между островомъ Хіосомъ и континентомъ Азіи.

Въ то же время борьба продолжалась съ перемѣннымъ успѣхомъ въ области Дуная. Когда одинъ изъ актовъ этой великой трагедіи, длившейся уже много вѣковъ, закончился въ 1774 г. Кучукъ-Кайнарджійскимъ договоромъ, Россія пріобрѣла, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе прочное, чѣмъ ранѣе, положеніе: она гарантировала себѣ владѣніе всѣмъ сѣвернымъ побережьемъ Чернаго моря, въ томъ числѣ и Крыма; она сдѣлалась также покровительницей Молдавіи и Валахіи къ сѣверу отъ Дуная, и ея право свободнаго мореплаванія по Черному и Мраморному морямъ и по проливамъ было окончательно признано Высокой Портой. Впрочемъ, составители этого договора признавали его въ глубинѣ души не болѣе какъ временнымъ, такъ какъ турки-магометане не могли отказаться всецѣло отъ идеи священной войны противъ христіанъ, и, съ другой стороны, Екатерина II также жаждала завоеваній. Не подлежитъ сомнѣнію, что привлекательный миражъ Константинополя или Царь-Града—«города царей»—виталъ предъ глазами повелителей сѣвера среди

ихъ страны, покрытой льдами и занесенной снѣгами. Именно въ эту эпоху было выдумано существованіе «завѣщанія Петра Великаго», предписывавшаго своимъ наслѣдникамъ завоевать Босфоръ, и съ этого времени имя «Константинъ» стало даваться представителямъ русской династіи, какъ бы для того, чтобы связать современность съ давними вѣками и сдѣлать нынѣшнюю Россійскую имперію законной наслѣдницей древней Византіи.

«Восточный вопросъ», не рѣшенный и теперь еще, болѣе вѣка спустя послѣ Екатерины II, былъ бы, быть-можетъ, приведенъ къ окончательному рѣшенію въ нѣсколько десятилѣтій, если бы война не велась крайне безпорядочно фаворитами императрицы, болѣе искусными въ ухаживаніи, чѣмъ въ управленіи арміями. Кромѣ того, и внутри самой Россіи, которая издали казалась однороднымъ цѣлымъ, наблюдался полнѣйшій хаосъ вслѣдствіе смѣшенія различныхъ народностей.

Удивительный примѣръ безпорядочнаго и безсистемнаго этническаго перемѣщенія представляетъ собою бѣгство калмыковъ-торгоутовъ, обитавшихъ съ начала XVIII вѣка въ области къ сѣверу отъ Каспійскаго моря. Эти калмыки, изгнанные изъ своей территоріи однимъ изъ монгольскихъ завоевателей, нашли пріютъ и гостепріимство въ восточныхъ степяхъ Россіи; гостепріимство это, однако, очень скоро перешло въ жестокія притѣсненія, такъ что калмыкамъ приходилось нерѣдко пожалѣть о странѣ своихъ предковъ, о которой они слышали еще разсказы очевидцевъ, прикрашенные позднѣе легендами. Сборщики податей, вербовщики рекрутовъ отнимали у нихъ самыхъ лучшихъ животныхъ изъ стадъ и самыхъ сильныхъ и здоровыхъ людей изъ ихъ семей,— жизнь становилась невыносимой на этой чужой землѣ.

Въ одинъ прекрасный день 1763 г. началось великое переселеніе народовъ: 160.000 людей отправились въ путь въ центральную Азію и, потерявшись въ пустыняхъ, еще невѣдомыхъ русскимъ, избѣжали всякаго преслѣдованія. Въ теченіе восьми мѣсяцевъ они передвигались медленно отъ пастбища къ пастбищу чрезъ широкія равнины, располагавшіяся между Сибирью и Туркестаномъ. Въ области Или они столкнулись съ киргизскимъ племенемъ, которое преградило имъ дорогу между главными хребтами Тянь-Шаня и горами, лежащими къ сѣверу. Это столкновеніе, затѣмъ обратный путь и чрезвычайно трудный обходъ враждебной области чрезъ горы Алтая, съ ихъ крутизнами, покрытыми снѣгами и почти пустынными, стоили народу, не имѣвшему для своихъ стадъ хорошихъ пастбищъ, болѣе половины его состава,—лишь 70000 калмыковъ достигли Страны Травъ, принадлежавшей къ Китайской имперіи, гдѣ богдыханъ приказалъ ихъ принять.

Въ предѣлахъ Россіи область, оставленная калмыками, заполнилась выходцами изъ различныхъ областей и представителями разно-

образныхъ народностей. Среди нихъ одинъ изъ опаснѣйшихъ бунтовщиковъ, Пугачевъ, собралъ тысячи недовольныхъ правительствомъ раскольниковъ, бѣжавшихъ отъ рабства крестьянъ, башкиръ, монголовъ и татаръ, и во главѣ ихъ въ теченіе двухъ лѣтъ самымъ серьезнымъ образомъ угрожалъ имперіи.

Въ то время какъ Европа, т.-е. весь комплексъ цивилизованныхъ государствъ, возникшихъ изъ средиземноморского міра и завоеванныхъ въ свое время пришлыми варварами, одерживала мало-по-малу верхъ надъ турками, уральскими племенами и другими народностями Азіи, въ это же самое время она начинала также овладѣвать мало-по-малу окончательно и Новымъ Свѣтомъ по ту сторону Атлантическаго океана.

Въ теченіе трехъ вѣковъ общины европейцевъ, устроившіяся на обоихъ континентахъ Запада, настолько возросли въ смыслѣ силы и инициативы, что почувствовали себя способными отвоевать себѣ вполнѣ самостоятельное существованіе и нарушить всякія другія связи со своими метрополіями, кромѣ связи, вызываемой обмѣномъ идей и обмѣномъ товарами. Первое крупное отдѣленіе такого рода, аналогичное явленію почкованія въ животномъ царствѣ, совершилось, когда образовались Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Эта политическая эмансипація представляетъ собою капитальнѣйшее событіе въ исторіи человѣчества, въ особенности благодаря тому истолкованію, которое ей сумѣли дать современные философы. Разсматриваемая сама по себѣ борьба за американскую независимость представляетъ собою замѣчательное явленіе—нарожденіе новой Европы, расцвѣтающей на чуждой почвѣ и осуществляющей древній символическій разсказъ о томъ, какъ Эней привезъ съ собою пепелъ съ очага Трои и насыпалъ его въ борозды, на которыхъ основался Римъ.

Отдѣленіе сѣверо-американскихъ колоній было невозможно въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ колонизаціи, пока группы эмигрантовъ, высаживавшихся на атлантическомъ побережьѣ Новаго Свѣта, между Новой Шотландіей и полуостровомъ Флориды, оставались въ состояніи первоначальной изолированности; принадлежа къ различнымъ классамъ, къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ и даже къ различнымъ народностямъ, эти отдѣльныя партіи европейцевъ, располагавшіяся вдоль берега длиною въ 1500 километровъ, не считая изгибовъ береговой линіи, могли лишь съ большими затрудненіями вступать между собою въ сношенія и сглаживать всѣ тѣ наслѣдственные предразсудки и предубѣжденія, которые ихъ раздѣляли; столь трудно было понять имъ общность ихъ интересовъ, зависѣвшую отъ новой среды, въ которую они попали. Прежде, чѣмъ думать объ объединеніи своихъ силъ и о возстаніи сообща, надо было, чтобы пуритане Новой Англіи признали себя солидарными съ колонистами Нью-Іорка, среди которыхъ были еще въ очень сильной

степени представлены нидерландцы; необходимо было также, чтобы они болѣе или менѣе ассимилировались со шведами Делавара и съ гугено-

№ 421. Область переселенія калмыковъ.



тами обѣихъ Каролинъ; наконецъ, что труднѣе всего, имъ приходилось забыть также и религіозную рознь, которая заставляла ихъ смотрѣть даже съ извѣстнымъ ужасомъ и отвращеніемъ на католиковъ Мэриленда, на квакеровъ Пенсильваніи и на «рыцарей» съ аристократическими замашками, устроившихся въ Виргиніи.

Долгое время каждая изъ колоній, разнствовавшихъ между собою и по происхожденію и по исторіи, оставалась въ непосредственной зависимости отъ Великобританіи, откуда получала всѣ жизненные импульсы и откуда во многихъ случаяхъ ожидала и помощи людьми и деньгами. Британскіе эмигранты вѣдь устраивались отнюдь не на тер-

риторіи совершенно не занятой, они почти постоянно встрѣчали въ туземцахъ своихъ непосредственныхъ враговъ. За исключеніемъ Вильгельма Пенна, который къ индѣйцамъ относился съ полной справедливостью и благородствомъ человѣка, всѣ другіе основатели колоній вели себя по отношенію къ индѣйскимъ племенамъ съ обычною жестокостью завоевателей. Вдоль всей границы, на горахъ, въ лѣсахъ



Нью-Іоркъ въ XVII вѣкѣ.
Различныя буквы отмѣчаютъ фортъ, общинный домъ, церковь, висѣлицу и т. п.

и среди болотъ, свирѣпствовала непрерывная уничтожительная война. На сѣверѣ потомки пуританъ работали надъ истребленіемъ племенъ абенаки, наррагансетъ, пекодъ, могиканъ и др., принадлежащихъ къ расѣ алгонкинцевъ; далѣе къ югу, въ современномъ штатѣ Нью-Іоркъ, англичане находились въ соприкосновеніи съ «пятью народностями ирокезовъ», которыхъ они сдѣлали своимъ авангардомъ противъ родственнаго послѣднимъ племени гуроновъ; колонисты Пенсильваніи, Делавара, Мэриленда имѣли дѣло съ менѣе воинственными племенами индѣйцевъ ленни-ленапъ, тогда какъ виргинцы вели жестокую борьбу съ племенемъ поваттанъ и другими племенами той же расы. Что касается южныхъ колоній европейцевъ, то онѣ заходили внутрь страны, завладѣвая территоріями, населенными племенами чероки (шероки), кри (крикъ, мускоги) и различными второстепенными племенами группы апалаховъ. Почти при всѣхъ столкновеніяхъ огнестрѣльное оружіе одерживало верхъ надъ луками индѣйцевъ, а во времена мирныя водка продолжала дѣло разрушенія, начатое пулями; тѣмъ не менѣе, нерѣдко случалось, что завоеватели рисковали быть отброшенными къ океану индѣйцами, и, чтобы избѣжать полнаго уничтоженія, имъ приходилось просить помощи войсками отъ метрополіи.

Въ теченіе второй половины XVIII вѣка, однако, колонисты, численностью уже приблизительно въ два милліона душъ, почувствовали

себя столь сильными, что имъ не приходилось болѣе бояться индѣйцевъ; съ другой стороны, они освободились на сѣверѣ и на западѣ отъ непріятнаго сосѣдства, покоривъ Канаду британской власти. Получивъ сознаніе собственной силы и объединившись въ зачатокъ націи, которая приняла болѣе или менѣе однородный характеръ, они стали относиться со все большей и большей нетерпимостью ко всякому вмѣшательству



Нью-Іоркъ въ XVII вѣкѣ.

На изображенномъ здѣсь мѣстѣ, мысѣ Мэнхэтенъ, возвышаются въ настоящее время 25-тиэтажные дома.

англійскаго правительства, представленнаго губернаторами, генералами, сборщиками податей и другими выходцами изъ-за моря, въ которыхъ они видѣли чужеземцевъ. Мало-по-малу англичане Америки пришли къ мысли объ автономіи, и отдѣльныя проявленія неповиновенія перешли въ настоящее возстаніе. Британское министерство проявило въ своей политикѣ большую нерѣшительность, переходило отъ заносчивости къ слабости и отъ страха къ настойчивости въ подавленіи контрабанды и въ опредѣленіи налоговъ и таможенныхъ пошлинъ; эта нерѣшительность содѣйствовала развитію настойчивости и требовательности колонистовъ.

Первымъ открытымъ актомъ возмущенія явился случай въ портовомъ городѣ Бостонѣ, въ концѣ 1773 г., когда около 50 гражданъ, переодѣвшись краснокожими, завладѣли англійскимъ кораблемъ, нагруженнымъ чаемъ, и потопили весь грузъ. Тѣмъ не менѣе, прошло болѣе года, прежде чѣмъ ненависть разразилась до такой степени, что привела къ кровавому столкновенію,—это обусловливалось тѣмъ пренебреженіемъ, съ которымъ относились въ Англіи къ отдаленнымъ колоніямъ, изъ коихъ главная называлась въ оффиціальныхъ документахъ «островомъ Новой Англіи» [1]). Нападеніе англичанъ на небольшой арсеналъ Лексингтона въ Массачусетсѣ послужило сигналомъ къ войнѣ. Мѣсяцъ спустя геройское

1) E. Boutmy. «Eléments d'une psychologie politique du peuple américain», p. 130.

взятіе Бункерсгилля, небольшого холма по сосѣдству съ Бостономъ, заставило британскія войска очистить этотъ городъ, и въ самый день этого сраженія конгрессъ делегатовъ отъ колоній, собравшись въ Филадельфіи, избралъ главнаго военачальника надъ войсками, предназначенными къ борьбѣ съ англичанами, которые съ этого времени стали разсматриваться какъ настоящіе враги.

Джорджъ Вашингтонъ, простой офицеръ, назначенный на этотъ высокій постъ, сдѣлался главою государства и представителемъ новой политической федераціи,—онъ былъ избранъ, однако, не столько изъ-за военной опытности, проявленной имъ въ походахъ противъ индѣйцевъ и французовъ, сколько изъ-за его выдающагося положенія среди крупныхъ виргинскихъ землевладѣльцевъ. Будучи истиннымъ аристократомъ по своему богатству, обширности своихъ владѣній и большому числу рабовъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, являлся для американцевъ примѣромъ человѣка благоразумнаго и относящагося съ чрезвычайнымъ уваженіемъ къ установленнымъ законамъ. Если онъ сталъ бунтовщикомъ, то противъ своей воли, вслѣдствіе того, что былъ захваченъ непреодолимымъ теченіемъ событій.

Возставая противъ Англіи, большинство американскихъ революціонеровъ отнюдь не старалось завоевать абсолютной политической независимости. Они даже называли себя сперва «лойяльными подданными» короля, выражая лишь свое крайнее неудовольствіе правительствомъ, и воображали, что, если свыше удовлетворятъ ихъ требованія, то въ силу благодарности еще возможно возстановленіе прежней національной связи. Англичане, устроившіеся по ту сторону океана, гордились своею принадлежностью къ Великобританіи въ такой же степени, какъ и англичане метрополіи,—они гордились тѣмъ, что принадлежатъ къ народности, одержавшей столько побѣдъ на обоихъ полушаріяхъ, на берегахъ Ганга и на берегахъ рѣки Св. Лаврентія; кромѣ того, они раздѣляли и восхищеніе, высказывавшееся Вольтеромъ и Монтескьё, восхищеніе всѣхъ мыслящихъ людей того времени предъ этою «достославною» парламентарною конституціею, которую всѣ считали замѣчательнымъ механизмомъ, регулирующимъ отношенія между всѣми элементами страны, между королевской властью, аристократіей и буржуазіей—однимъ словомъ, между элементами, среди которыхъ позабыты были всѣми лишь народныя массы, живущія трудомъ, безъ которыхъ и короли, и аристократія, и буржуазія умерли бы съ голода. Наконецъ, всѣ, кто были христіанами или считали себя таковыми,—т.-е. огромнѣйшее большинство населенія британскихъ колоній, въ особенности же бостонцы, самые настойчивые въ борьбѣ,—всѣ чувствовали, что трудно согласовать требованія своей совѣсти съ необходимостью отстаивать свои интересы. Конечно, они могли въ утѣшеніе читать и перечитывать знаменитый

разсказъ Библіи о томъ, какъ пророкъ и судія Израиля отсовѣтовалъ евреямъ избирать короля, который будетъ, по меньшей мѣрѣ, безполезенъ [1]); но этотъ курьезный отрывокъ, свидѣтельствующій лишь о постоянномъ соперничествѣ между теократической и монархической властью, противопоставляется великому множеству другихъ цитатъ изъ Библіи и въ особенности изъ Новаго Завѣта, которыя убѣждаютъ повиноваться властителямъ и всѣмъ, кто держитъ въ своей рукѣ мечъ, символъ божественной воли.



Бостонъ. Фанейль-Галль.
Центръ мѣстности, гдѣ американцы оказывали особенно упорное сопротивленіе.

Идея, стремленіе, желаніе сдѣлаться независимыми явились у возставшихъ американцевъ лишь позднѣе, и мало-помалу война продолжалась уже цѣлый годъ, а большинство колоній все еще увѣряли, что преданы королю, и совѣтовали Вашингтону имѣть въ виду соглашеніе съ метрополіей, котораго «сильнѣйшимъ образомъ желаетъ сердце американца». Въ маѣ 1775 г. Нью-Іоркъ сохранялъ еще надежду, что удастся поддержать отношенія къ метрополіи, и сдѣлалъ даже попытку къ установленію соглашенія. Одинъ изъ делегатовъ Георгіи объявилъ на конгрессѣ 1775 г., что въ его провинціи формальное предложеніе къ отдѣленію отъ Англіи было бы немедленно наказано смертью со стороны раздраженной толпы [2]); со своей стороны, Вашингтонъ воскликнулъ: «Если когда-нибудь вы увидите меня готовымъ

1) Пр. Самуилъ, гл. VIII.—2) Boutmy, op. cit., p. 131.

требовать отдѣленія отъ Великобританіи, вы увидите меня готовымъ и ко всевозможнымъ позорнымъ поступкамъ»!

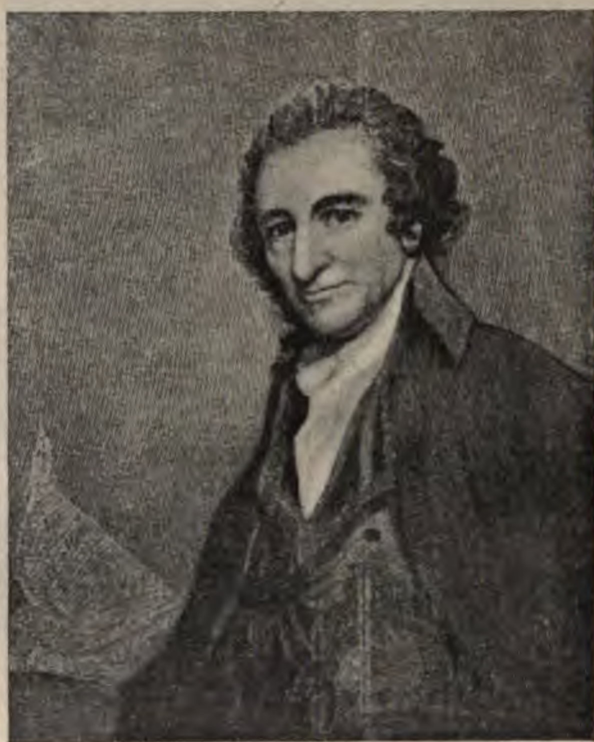
Скорѣе изъ самой Англіи исходили призывы къ независимости. Адмиралъ Томасъ Пэнъ, котораго позднѣе мы встрѣчаемъ участвующимъ во французской революціи въ качествѣ члена Конвента, принималъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, участіе и въ американской революціи,— своей книгой «Common Sense» онъ достигъ того, что тысячи еще колеблющихся людей стали настоящими бунтовщиками и освободились отъ моральныхъ узъ, которыя ихъ привязывали къ странѣ ихъ предковъ. Актъ независимости, провозглашенный 4-го іюля 1776 г., былъ, безъ сомнѣнія, въ главнѣйшихъ своихъ частяхъ составленъ подъ вліяніемъ философскихъ и моральныхъ идей, проповѣдывавшихся въ эту эпоху свободомыслящими Западной Европы. Впрочемъ, 24 параграфа Пенсильванской конституціи, послужившіе основою Національной Хартіи, были произведеніемъ Пенна, убѣжденнаго квакера, который въ качествѣ такового былъ глубоко проникнутъ идеями терпимости и общечеловѣческаго равенства. Джэфферсонъ, являвшійся среди основателей американской республики главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, участвовавшимъ въ провозглашеніи независимости, былъ вдохновленъ гораздо болѣе «Энциклопедіей» и «Общественнымъ договоромъ» Руссо, чѣмъ традиціями, сохранившимися отъ пуританъ Массачусетса: ни одно слово, взятое изъ Библіи, не сопровождаетъ торжественнаго провозглашенія нарождающагося новаго государства [1])! Не подлежитъ сомнѣнію, что, если бы американцамъ нашихъ дней пришлось формулировать самый смыслъ своего существованія какъ отдѣльной націи, они не придали бы ни такой полноты, ни такого широкаго общечеловѣческаго чувства этой формулировкѣ!

Война была очень продолжительна, трудна, и не разъ возставшіе находились въ отчаянномъ положеніи. Британское правительство располагало такимъ количествомъ денегъ, какое только могли дать ему займы; оно обладало могущественнымъ флотомъ и могло добыть также достаточное количество солдатъ, доставлявшихся ему путемъ рекрутированія по кабакамъ и прямо на улицахъ или путемъ прямой покупки пушечнаго мяса, продававшагося княземъ-философомъ, ландграфомъ Гессенскимъ. Со своей стороны, тринадцать колоній американскаго побережья имѣли различные взаимные счеты и не были въ равной степени отдѣлены духовно отъ метрополіи, почему и не дѣйствовали всегда вполнѣ согласно.

Тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ, они одержали побѣду благодаря продолжительности борьбы, благодаря симпатіямъ, проявлявшимся

1) Michelet. «Histoire de France», XVII, p. 233.

къ нимъ со стороны людей, любящихъ свободу даже въ самой Англіи, и, прежде всего, конечно, благодаря матеріальной помощи Франціи, вырванной противъ желанія Версаля общественнымъ мнѣніемъ. Въ 1781 г. англійскія войска были окружены среди болотистыхъ узкихъ рѣкъ Виргиніи въ крѣпости Іорктоунъ, и, съ одной стороны, укрѣпленія послѣдней подверглись штурму американцевъ, подъ предводительствомъ Лафайета, съ другой—ихъ взялъ приступомъ французскій отрядъ. Осажденные сдались, прежде чѣмъ англійскій флотъ могъ придти имъ на помощь. Въ слѣдующемъ году былъ подписанъ мирный договоръ: окончательное отдѣленіе метрополіи отъ колоній совершилось. На узкомъ побережьѣ Новаго Свѣта родилась нація, которой было суждено въ теченіе слѣдующаго вѣка сдѣлаться самой могущественной націей въ мірѣ.



Томасъ Пэнъ (1737–1809).
По портрету Ромней.

Ни одна изъ революцій не имѣла болѣе крупнаго значенія, и отзвуки ея въ жизни Европы были чрезвычайно существенны; однако, логическія послѣдствія побѣды американскихъ колонистовъ сказались не сразу. Истощенная колоссальными усиліями, небольшая американская нація лишь съ огромнымъ трудомъ могла установить свое нормальное равновѣсіе: она начала съ того, что стала сама сплачиваться и вырабатывать наилучшія условія личной автономіи для каждой изъ тринадцати республикъ-колоній и для всего ихъ сплоченнаго союза «Соединенныхъ Штатовъ», представляющихъ собою превосходное единое цѣлое, вполнѣ способное противостоять чужеземцамъ. На самомъ дѣлѣ, процессъ, который совершался въ теченіе обратнаго превращенія коло-

ній въ независимыя другъ отъ друга государства, былъ процессомъ реакціоннымъ. Большинство колонистовъ были еще совершенно монархично настроены по своему первоначальному воспитанію и по убѣжденіямъ и оказались республиканцами лишь случайно, въ силу обстоятельствъ; какъ только позволило наступившее успокоеніе, это большинство поспѣшило возстановить монархію въ другой лишь формѣ, установивъ президентскую власть, которая получила болѣе широкія прерогативы, чѣмъ власть королевская,— напримѣръ, безотвѣтственность въ назначеніи министровъ и посланниковъ, полководцевъ и чиновниковъ.



Джорджъ Вашингтонъ (1732—1799).
По портрету Джона Дженнингбулла.

Даже еще болѣе! Новая республика, нарожденіе которой было, безъ сомнѣнія, результатомъ идей свободы, вдохнувшихъ въ нее жизнь, должна была бы считать своей первой обязанностью освобожденіе рабовъ, которыхъ ввозили на ея территорію англійскіе торговцы до начала войны въ количествѣ приблизительно десяти тысячъ въ годъ. Она не сдѣлала, однако, ничего въ этомъ направленіи. Нѣсколько плантаторовъ, очень малое число, отпустили на свободу своихъ чернокожихъ, тогда какъ само государство, представляемое оффиціальными делегатами и провозглашающее торжественно свою конституцію, дѣлало видъ, что и не знаетъ о существованіи этого отвратительнаго явленія, о превращеніи европейцами чернокожихъ въ свою полную собственность.

Избѣгали и произносить самое имя «рабства», но устраивались такъ, что давали преобладающее вліяніе Южнымъ Штатамъ, гдѣ роль

рабовладѣльцевъ была гораздо значительнѣе роли всѣхъ живущихъ свободнымъ трудомъ: равное число сенаторовъ отъ каждаго штата, каково бы ни было количество его жителей, давало огромное преимущество той области, гдѣ колонисты были наиболѣе рѣдко разсѣяны, т.-е. южной части Соединенныхъ Штатовъ, и это преимущество, совершенно не соотвѣтствующее государственному равенству, должно было увеличиваться изъ года въ годъ, по мѣрѣ того какъ нормальное населеніе республики увеличивалось на сѣверѣ вмѣстѣ съ ростомъ торговли и промышлен-



Вашингтонъ. Зданіе конгресса.
Возвышается среди пустынной площади.

ности. Виргинія, которая въ концѣ революціи была по числу жителей во главѣ другихъ штатовъ, утратила это матеріальное преобладаніе, начиная съ 1810 г., и съ этого времени все болѣе и болѣе отступала на задній планъ; въ 1900 г. она занимала уже шестое мѣсто между тринадцатью первоначальными штатами.

Наконецъ, оказалось удобнымъ даже перемѣстить политическій центръ Соединенныхъ Штатовъ. Вмѣсто того, чтобы оставлять его въ Филадельфіи—«городѣ братской любви», находящемся на территоріи свободной колонизаціи, конгрессъ, на которомъ виргинскіе плантаторы прямо диктовали всѣ рѣшенія, постановилъ, что желательно перевести административный центръ далѣе къ югу, въ страну рабства, на берега

Потомака, въ штатѣ Мэрилендъ, и, такъ сказать, поставить его подъ наблюденіе генерала Вашингтона, обитавшаго въ Моунтъ-Вернонѣ въ Виргиніи. Нерѣдко увѣряли, что основаніе города Вашингтона имѣло своей цѣлью охранить величіе государственной власти отъ нечистыхъ торговыхъ интересовъ и отъ деморализующаго вліянія толпы; зато въ Вашингтонѣ власть подвергалась опасности ускользать отъ контроля общественнаго мнѣнія и попадаться могущественному тайному вліянію отдѣльныхъ партій. Какъ бы то ни было, столица была построена по очень обширному плану въ надеждѣ, что она быстро сдѣлается новымъ Мемфисомъ или Римомъ; однако, болотистая мѣстность и нечистый воздухъ страны вызвали значительное запозданіе притока эмигрантовъ, и въ теченіе почти столѣтія Вашингтонъ заслуживалъ вполнѣ названіе «города огромныхъ разстояній»: колоссальныя зданія государственныхъ учрежденій возвышались среди пустынныхъ площадей!

Точно также въ значительной степени реакціонному движенію Соединенныхъ Штатовъ въ направленіи къ тому, что обычно называется «порядкомъ», иначе говоря, въ направленіи къ интересамъ крупной земельной собственности или даже къ преобладанію рабовладѣльческихъ элементовъ, перемѣстившихъ къ югу политическій и административный центръ страны,—должно быть приписано то обстоятельство, что революція не распространилась сѣвернѣе рѣки св. Лаврентія. Первоначально казалось естественнымъ, что независимость Соединенныхъ Штатовъ должна была повлечь за собою и утрату для Англіи Канады, которая въ географическомъ смыслѣ представляла собою непосредственное продолженіе обширной территоріи, отвоеванной побѣдоносными колоніями побережья. Американцы, дѣйствительно, считали, что это должно явиться вполнѣ естественнымъ слѣдствіемъ, и, начиная съ 1775 г., «бостонцы» пытались захватить Квебекъ, но были отброшены; впрочемъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы они одержали побѣду, канадское населеніе, почти цѣликомъ французское по языку и происхожденію, приняло бы ихъ, навѣрное, очень плохо, памятуя понесенныя въ прежнія времена несправедливости: эти выдававшіе себя за освободителей американцы напоминали ему лишь о прежнихъ жестокостяхъ. Канада съ ея широкимъ



Серебряный долларъ 1799 г.
13 звѣздъ изображаютъ 13 штатовъ:
Пенсильванія, Нью-Джерси, Делаваръ, Массачусетсъ, Нью-Гэмпширъ, Коннектикутъ, Нью-Іоркъ, Виргинія, Южн. Каролина, Георгія, Сѣв. Каролина, Родъ-Эйландъ.

заливомъ, открывающимся прямо по направленію къ Европѣ, и съ ея двойственнымъ по этническому составу населеніемъ, находящимся въ

№ 422. Столицы Сѣв. Америки.



борьбѣ между собою, сдѣлалась центромъ эволюціи совершенно иного рода, чѣмъ эволюція Соединенныхъ Штатовъ.

На долгіе годы еще великая подготовительная работа политическихъ и соціальныхъ измѣненій должна была совершаться въ старой

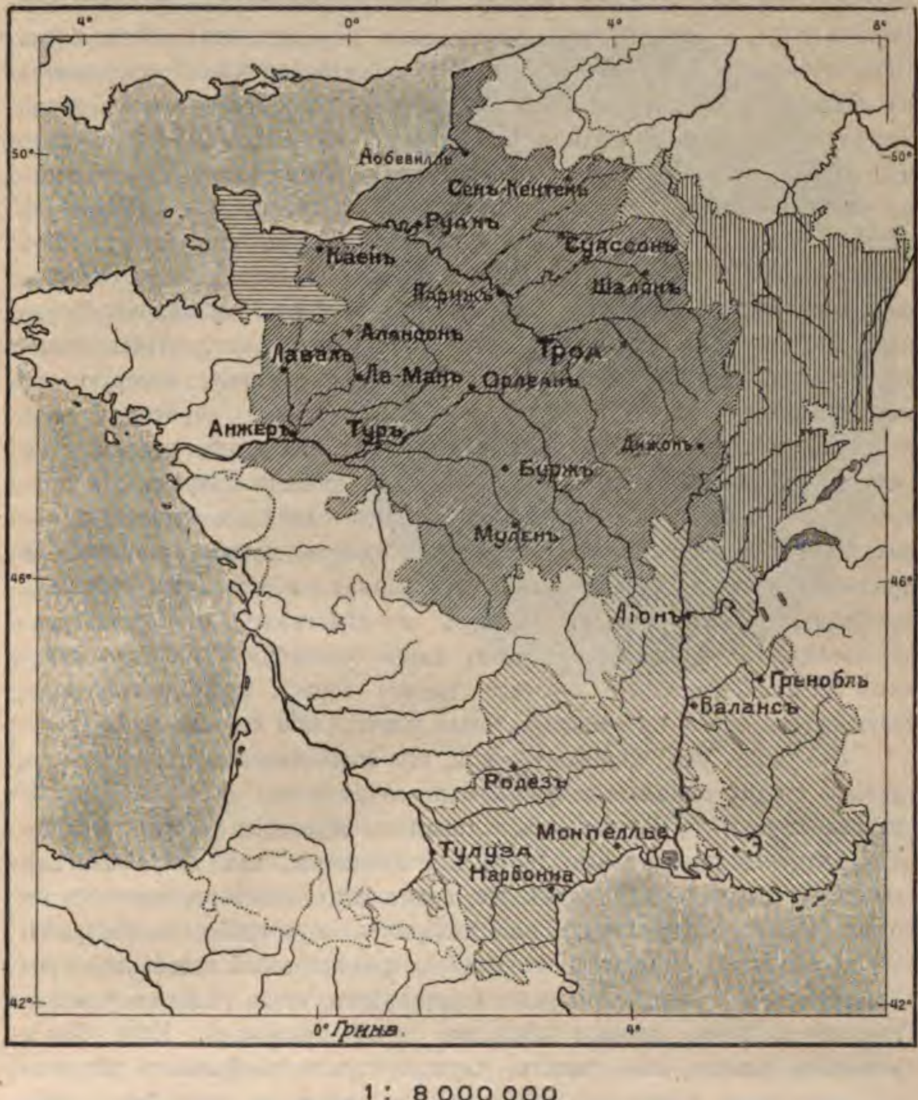
Европѣ и, главнымъ образомъ, во Франціи, этой странѣ «Энциклопедіи», долженствовавшей служить опытнымъ полемъ и школою. Наканунѣ революціи, которую предвидѣли всѣ мыслители, и которой опасались всѣ люди, жившіе въ свое удовольствіе, то, что носило названіе «стараго режима», т.-е. всѣ пережитки прежняго деспотизма аристократіи и королей, свирѣпствовало еще со всею своею распущенностью, со всѣмъ своимъ произволомъ и хаотическимъ смѣшеніемъ понятій. Одною изъ основъ гражданскаго права было, что «народъ долженъ уплачивать налоги и подати по усмотрѣнію властей», и точно также было твердо установлено, что, если аристократія и духовенство и принимаютъ участіе финансами въ общественныхъ дѣлахъ, то лишь въ исключительныхъ случаяхъ и всегда не безъ протеста на нарушеніе своихъ нормальныхъ правъ быть изъятыми отъ всякихъ налоговъ. Налогъ на соль среди всѣхъ другихъ налоговъ пользовался особой ненавистью населенія, такъ какъ ни одинъ изъ налоговъ не былъ болѣе несправедливымъ,—онъ служилъ причиной настоящихъ преслѣдованій, потому что потребленіе соли было сдѣлано даже обязательнымъ: каждый человѣкъ старше семилѣтняго возраста принужденъ былъ покупать ежегодно, по меньшей мѣрѣ, 7 фунтовъ «обязательной соли».

Аресты солеваровъ и контрабандистовъ производились тысячами, и сотни ихъ приговаривались къ работамъ на галерахъ; въ случаѣ повторнаго преступленія несчастные торговцы «фальшивой солью» присуждались къ повѣшенію. Границы внутреннихъ таможенъ, которыя, впрочемъ, сохранились и до нынѣшняго времени въ формѣ городскихъ таможенъ (octrois), раздѣляли все королевство на рядъ отдѣльныхъ и враждебныхъ государствъ, всѣ проходы которыхъ охранялись войсками, и эти границы провинцій и округовъ были оплетены такимъ хаосомъ законовъ, ограниченій и изъятій, мѣстныхъ и личныхъ, что никто не могъ въ немъ разобраться, и все предоставлялось личному усмотрѣнію сборщиковъ пошлинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, государство отстраняло отъ себя всякую вину во всѣхъ злоупотребленіяхъ, такъ какъ большинство источниковъ дохода было закрѣплено за различными высокопоставленными лицами, «главными откупщиками», которые пользовались по своему усмотрѣнію военными силами и могли сами присуждать къ тюрьмѣ, къ галерамъ и къ висѣлицѣ. Конечно, они дѣлились съ придворными и съ куртизанками, чтобы сохранить связи при дворѣ и не слишкомъ возбуждать зависть къ своему все болѣе и болѣе возрастающему богатству. Что касается сотенъ тысячъ людей, разоренныхъ такимъ режимомъ, тяготѣвшимъ на всей трудовой жизни народа, то для нихъ оставались тюрьмы и галеры, къ которымъ присуждали по закону всѣхъ бродягъ, «чтобы они не совершили какого-либо преступленія»!

Съ перемѣною монарха въ 1774 г., когда робкій и мягкій Людо-

викъ XVI замѣстилъ своего дѣда, впавшаго въ отвратительный эгоизмъ

№ 423. Налогъ на соль во Франціи.



1: 8 000 000

0 100 200 400 килом.

Цѣна на соль была около 60 ливровъ въ странѣ „большого налога" (главнѣйшіе соляные склады ея намѣчались въ области отъ Аббевиля до Анжера и Мулена), 30 ливровъ въ странѣ „малаго налога" (отъ Ліона до Э и Тулузы), 20 ливровъ въ странѣ солеваренъ (востокъ Франціи), 15 ливровъ въ Ретелуа, 13 ливровъ—въ областяхъ „четверти выварки соли" (Котантенъ), 7 ливровъ—въ „откупившихся провинціяхъ" (Пуату, Овернь, Гіеннь, Гасконь), отъ 3 до 4 ливровъ—въ свободныхъ провинціяхъ (Фландрія, Артуа, Бретань, Нижняя Пуату, Беарнъ). По А. Дебидуру въ атласѣ Шрадера.

низменнаго обжорства, тѣ наивные люди, которые вѣчно взираютъ съ

надеждою на власть, въ чаяніи, что добрый тиранъ осуществитъ идеалы справедливости, которыхъ сами они не въ состояніи осуществить, не преминули снова увѣровать въ короля и взывали къ нему, выражая надежду, что онъ сдѣлаетъ народъ счастливымъ. Отовсюду появились реформаторы, и каждый предлагалъ свою панацею отъ всѣхъ бѣдъ. Общественное мнѣніе требовало, чтобы королевская власть согласилась на лойяльную попытку проведенія реформъ, и, дѣйствительно, послѣ долгихъ колебаній и неудачныхъ опытовъ Людовикъ XVI назначилъ или скорѣе позволилъ назначить для проведенія реформъ Тюрго, относительно котораго сложилось мнѣніе, что онъ является и самымъ умнымъ и самымъ честнымъ человѣкомъ,—управляя Лимузеномъ, онъ зарекомендовалъ себя, дѣйствительно, человѣкомъ, относящимся съ большою добротою къ народу и искренно желающимъ ему помочь. Тюрго приложилъ, на самомъ дѣлѣ, огромный трудъ къ тому, чтобы попытаться осуществить ту великую національную реформу, которую отъ него ожидали. Тюрго и принадлежалъ, сохраняя, впрочемъ, свою независимость, къ школѣ «физіократовъ», т.-е. людей, старавшихся вмѣстѣ съ врачемъ Кене «управлять при помощи природы», и прекрасно понималъ, что изо всѣхъ реформъ самой настоятельной являлось освобожденіе земли; онъ желалъ, однако, также освободить и промышленность и трудъ во всѣхъ его формахъ и, главнымъ образомъ, освободить рабочій народъ. Первымъ его дѣйствіемъ было установленіе свободнаго обращенія зернового хлѣба (сентябрь 1774 г.); послѣднимъ же дѣяніемъ за его короткое, полное борьбы министерство, продолжавшееся всего 18 мѣсяцевъ, было уничтоженіе барщины.

Это было уже слишкомъ,—всѣ, кто пользовался выгодами угнетавшаго страну режима, почувствовали затронутыми свои интересы и сплотились противъ Тюрго: всѣ, начиная съ королевы, которой отказывали въ деньгахъ, до послѣдняго изъ монаховъ, изъ дворянъ и изъ сыщиковъ! Подъ давленіемъ цѣлаго сонма лицъ, заинтересованныхъ въ поддержаніи злоупотребленій, «такъ какъ нѣтъ злоупотребленія, которымъ кто-либо не жилъ» (Тюрго), онъ палъ, сопровождаемый всеобщими проклятіями этихъ паразитовъ, но съ сознаніемъ, столь рѣдкимъ у министра, что до конца остался вѣрнымъ своей программѣ. Если онъ и примѣнялъ иногда свою власть, случалось даже съ большою жестокостью, такъ какъ и онъ воздвигалъ порою висѣлицы,—онъ былъ, тѣмъ не менѣе, во всѣхъ отношеніяхъ человѣкомъ, принадлежащимъ къ оппозиціи и возстававшимъ противъ злоупотребленій двора и аристократіи; онъ являлся на самомъ дѣлѣ представителемъ школы дѣятелей, девизъ которой былъ совершенно противоположенъ принципамъ тогдашняго государства: «Laissez faire! Laissez passer»!

Это ученіе, формулированное во всѣ времена экономистами, каза-

лось въ XIX вѣкѣ единственнымъ закономъ труда. На самомъ дѣлѣ, до настоящаго времени это ученіе, надъ которымъ много совершенно напрасно смѣялись, никогда не примѣнялось, и, прежде всего, надо сказать, не примѣнялось изъ-за самихъ экономистовъ: они позволяютъ событіямъ совершаться и предоставляютъ все своему теченію, когда это согласно съ интересами ихъ касты, но не позволяютъ совершаться и не даютъ волю теченію, когда требованія трудящагося класса кажутся имъ слишкомъ настойчивыми; тогда они взываютъ къ государству, приглашая его вступиться вмѣстѣ съ его полиціей, его судьями, его войсками и его законами! Впрочемъ, ученіе экономистовъ, совершенно объективное, остерегалось обращаться съ какимъ-либо призывомъ къ братскимъ чувствамъ человѣчества.



Тюрго.
Род. и умеръ въ Парижѣ, 1727—1781 г.

Самъ Тюрго формулировалъ въ своемъ мемуарѣ «Объ образованіи и распредѣленіи богатствъ» тотъ соціальный выводъ, который извѣстенъ уже въ теченіе полувѣка подъ наименованіемъ «незыблемаго закона»: «При всякомъ родѣ труда вознагражденіе работающаго должно достигнуть и достигаетъ того, что ограничивается размѣрами, необходимыми для гарантированія существованія работающаго».

Въ 1776 г., въ томъ самомъ году, когда получилъ отставку Тюрго, въ Англіи вышла библія политической экономіи, капитальное произведеніе Адама Смита о «богатствѣ народовъ». И сколько въ эту превосходную эпоху было опубликовано другихъ драгоцѣнныхъ произведеній, которыми могли бы воспользоваться правители, если бы ихъ добрая воля и искреннее желаніе не сводились къ нулю алчными аппетитами и капризами придворныхъ паразитовъ и всевозможныхъ привилегированныхъ особъ, кишащихъ постоянно вокругъ церквей и дворцовъ. Особенно во Франціи продолжалось самое безсовѣстное расхищеніе на-

изведенія измѣреній на болѣе значительныхъ разстояніяхъ. Въ 1672 г.

№ 424. Измѣреніе дуги меридіана между Мальвуазинъ и Амьеномъ.



Масштабъ 1 : 1000000.

Эта схема была произведена аббатомъ Пикаръ въ 1666 г. и возобновлена въ 1739 г. Франсуа Кассини.

Ришэ отправился въ Кайенну, истинное положеніе которой по отношенію къ Парижу онъ опредѣлилъ съ поразительной точностью, и во время этого же самаго путешествія онъ констатировалъ путемъ наблюденія надъ маятникомъ, что земля вздута у экватора,—это были первыя данныя, полученныя наукой, относительно неправильности формы сфероида нашей планеты. Другія наблюденія, произведенныя въ Гореѣ, подтвердили открытіе Ришэ. Вскорѣ послѣ того для опредѣленія длины меридіана перестали просто измѣрять разстоянія на земной поверхности, а стали наносить цѣлую сѣть линій между пунктами, точно опредѣленными путемъ астрономическихъ наблюденій. Именно такимъ способомъ было произведено подъ управленіемъ Пикара въ 1666 г. измѣреніе дуги между Мальвуазинъ, близъ Мелена, и Амьеномъ, и такимъ же способомъ, путемъ постепеннаго построенія треугольниковъ въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ, Жанъ Кассини, первый изъ основателей этой научной династіи, Ла-Хиръ и Жакъ Кассини, пользуясь тѣми улучшеніями, которыя сдѣлалъ Гюйгенсъ въ области оптическихъ инструментовъ, смогли опре-

дѣлить разстояніе отъ Дюнкирхена до Канигу и относительное распредѣленіе крупныхъ городовъ королевства.

№ 425. Тріангуляція Эквадора.



Эта тріангуляція—въ дѣйствительности та самая, которая была произведена въ 1902—1906 гг.; при ней были измѣрены три базиса—въ Пайта, Ріобамба и Тульканъ.
Оба базиса Шинанъ и Квито относятся къ тріангуляціи академиковъ между Шинанъ и Кошаски.

Франсуа Кассини могъ вскорѣ нарисовать карту Франціи, основанную не на предположеніяхъ и личныхъ впечатлѣніяхъ, а на точныхъ указаніяхъ, даваемыхъ движеніями свѣтилъ и вычисленіями тріангуляцій. Въ 1747 г. Людовикъ XV приказалъ издать эту карту въ большомъ масштабѣ, и первый листъ ея появился 10 лѣтъ спустя, причемъ честь осуществленія этого прекраснаго предпріятія принадлежитъ частной иниціативѣ: въ виду отсутствія казенныхъ денегъ, по причинѣ семилѣтней войны, Кассини основалъ общество, которое давало средства въ теченіе почти сорока лѣтъ на это дѣло, и изданіе было почти окончено, когда его взялъ въ свои руки Конвентъ. Послѣдній листъ карты Франціи появился въ 1815 г.

Послѣ того какъ были положены основы созданію карты Франціи, можно было приступить и къ исполненію карты всего міра, особенно

благодаря путешествіямъ Фейе (1700—1724) въ Левантъ, на Антильскіе острова, на Панамскій перешеекъ, въ Южную Америку и на Канарскіе острова,—путешествія, которыя также имѣли своей цѣлью опредѣленіе опорныхъ астрономическихъ пунктовъ, съ цѣлью выясненія очертаній континентовъ.

Эти попытки позволили составить себѣ ясное представленіе о чрезвычайно большомъ относительномъ протяженіи Тихаго океана и установить—очень, впрочемъ, неточно—относительныя разстоянія обоихъ основныхъ меридіановъ—меридіана Парижа и меридіана острова Ферро. Эта послѣдняя линія была чисто воображаемой; но она обусловливалась давними традиціями, начало которыхъ восходитъ къ эпохѣ, когда древніе видѣли въ Счастливыхъ островахъ границу міра. Воля короля сдѣлала даже, начиная съ предыдущаго лѣта, изъ этой традиціи государственный законъ, которому всѣ были обязаны полнымъ повиновеніемъ. Ришельё издалъ формальный приказъ: «Мы запрещаемъ всѣмъ капитанамъ судовъ, гидрографамъ, составителямъ и граверамъ картъ или географическихъ глобусовъ вводить новшества или измѣрять давно установленный меридіанъ; запрещаемъ проводить его гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ, какъ чрезъ самую западную часть Канарскихъ острововъ... Такимъ образомъ, мы желаемъ, чтобы съ этого времени они признавали и помѣщали на своихъ глобусахъ и картахъ въ качествѣ перваго меридіана тотъ, который проходитъ черезъ островъ Ферро» [1]). Этотъ меридіанъ, считавшійся соотвѣтствующимъ тому, который былъ намѣченъ Птолемеемъ, представлялъ два преимущества: онъ соотвѣтствовалъ стариннымъ классическимъ традиціямъ и въ то же время отдѣлялъ Старый Свѣтъ отъ Новаго; кромѣ того, для моряковъ и французскихъ ученыхъ онъ представлялъ то чрезвычайное удобство, что на самомъ дѣлѣ являлся ничѣмъ инымъ, какъ парижскимъ меридіаномъ, къ которому лишь прибавлялось или изъ котораго вычиталось 20°, въ зависимости отъ западнаго или восточнаго положенія мѣстности. Такъ какъ на островѣ Ферро не было никакой обсерваторіи, то всѣ вычисленія производились въ Парижѣ [2]). Въ настоящее времяизвѣстно, что 20° зап. долг. не пересѣкаетъ вовсе острова Ферро, но проходитъ по открытому морю въ 20-ти километрахъ восточнѣе со стороны острова Гомера.

Великій вопросъ о сплющенности земли въ направленіи полюсовъ требовалъ снаряженія двухъ экспедицій—одной въ полярныя страны, другой въ экваторіальную область. Путешественники, отправившіеся въ Лапландію, Мопертюи, Клеро, шведъ Камусъ и Лемонье, начали свои работы въ 1736 г., въ Торнео, у оконечности Ботническаго за-

1) «Déclaration royale du 1-er juillet 1634». 2) J. Gebelin, «Essai de Géographie appliquée». Bull. de la Soc. de Géogr. Commerciale de Bordeaux, 3 févr. 1896.

лива, и измѣрили страну на протяженіи приблизительно одного градуса по направленію къ сѣверу. Результатъ былъ такимъ, какъ и ожидали: градусъ оказался болѣе длиннымъ, чѣмъ во Франціи.

№ 426. Тріангуляція Лапландіи.



1 : 1500000

0 25 50 75 килом.

Съ другой стороны, физики и астрономы экваторіальной экспедиціи констатировали противоположное явленіе, именно меньшую длину градуса въ области вздутія земного шара. Французскіе и испанскіе

ученые: Букэ, Годенъ, Ла Кондаминъ, Уллоа, Жоржъ Жуанъ, высадились въ Гваяквилѣ, въ той части Южной Америки, которая въ настоящее время получила названіе Эквадора, и поднялись на плато, надъ которымъ возвышаются двѣ параллельныя цѣпи Чимборассо и Котопахи, считавшіяся въ тѣ времена самыми высокими горами на земномъ шарѣ; тамъ они принялись за измѣреніе дуги земного меридіана болѣе чѣмъ въ три градуса длины, отъ сѣвера къ югу. Работа эта производилась съ величайшею тщательностью и продолжалась 6 лѣтъ, позволивъ составить карту страны поразительной точности,—карту, превосходящую даже ту, которую составилъ Гумбольдтъ 50 лѣтъ спустя въ своемъ сочиненіи «Путешествіе въ тропическія страны» [1]). Это измѣреніе дуги экваторіальной экспедиціей, доведенное до благополучнаго конца, несмотря на всѣ трудности и опасности, несмотря на суровый климатъ, на землетрясенія, на отсутствіе продовольствія, голодъ и даже несогласія, было чрезвычайно крупнымъ научнымъ событіемъ; но, кромѣ того, оно играетъ роль и въ исторіи братскаго сближенія народовъ, такъ какъ во имя науки замкнутая территорія испанской Америки была открыта иностраннымъ ученымъ. Правда, послѣ того какъ пришельцы уѣхали, жители отомстили имъ тѣмъ, что разрушили построенныя ими пирамиды на обѣихъ оконечностяхъ линіи базиса. Патріотизмъ того времени требовалъ этого; къ счастью, онъ удовлетворился лишь уничтоженіемъ этихъ каменныхъ столбовъ, возстановленіемъ которыхъ занимается теперь новая, дорого стóящая экспедиція.

Эра великихъ научныхъ изслѣдованій открылась окончательно. Знакомство съ небомъ, движенія котораго съ того времени стали опредѣляться по хронометру, помогало ознакомленію съ землею, которую изучали гораздо подробнѣе во всѣхъ ея физическихъ явленіяхъ и съ произведеніями которой, въ томъ числѣ и съ человѣкомъ, стали ознакомляться гораздо детальнѣе. Между различными народностями Европы стало обнаруживаться горячее соревнованіе въ дѣлѣ открытій, и немало кораблей несло вдаль ученыхъ изъ различныхъ государствъ, немало земель подвергалось ихъ изслѣдованіямъ,—они съ жаромъ посвящали себя наукѣ, работая согласно, рука-объ-руку, въ надеждѣ принести пользу всѣмъ народамъ. Среди столь многихъ замѣчательныхъ путешествій, содѣйствовавшихъ выясненію гармоніи нашей планеты и подчиненія ея общимъ законамъ, можно отмѣтить, прежде всего, путешествіе Карстена Нибура въ Аравію и въ Переднюю Азію и морскія экспедиціи Бугенвилля, Кука и Форстера. Нибуръ оставилъ замѣчательный отчетъ о своихъ семилѣтнихъ изслѣдованіяхъ, являющихся примѣромъ для всѣхъ послѣдующихъ путешественниковъ. Бугенвилль открылъ много

1) Theodor Wolf. «Verhandl. der Gesellsch. für Erdkunde zu Berlin», 1891.

архипелаговъ острововъ въ Тихомъ океанѣ, между прочимъ—острова Таити—«Новую Киѳеру»,—воображеніе читателей, распаленное идеалами грядущихъ переворотовъ, желало сдѣлать эти острова, во что бы то ни стало, мѣстомъ наслажденій, раемъ свободы, братской преданности и любви; наконецъ, Джемсъ Кукъ, морякъ, не имѣющій себѣ равнаго по умѣнью и смѣлости, не оставилъ послѣ себя положительно ни одной нерѣшенной географической проблемы на обширномъ протяженіи Тихаго океана; онъ пересѣкъ даже въ 1773 г. южный полярный кругъ, дошелъ до антарктическихъ льдовъ, въ поискахъ за обширнымъ полярнымъ континентомъ, и первымъ изъ мореплавателей совершилъ кругосвѣтное плаваніе въ направленіи съ запада на востокъ, обратно направленію пассатныхъ вѣтровъ.

Джемсу Куку мы обязаны также и опредѣленіемъ восточнаго побережья австралійскаго континента. Португальцы, устроившіеся въ восточной Индіи въ XVI вѣкѣ, имѣли уже, безъ сомнѣнія, свѣдѣнія объ огромномъ материкѣ, нѣкоторые мысы коего въ разстояніи пятисотъ километровъ на юго-востокъ отъ Тимора они уже видѣли. Ихъ замѣстители, голландцы, предприняли, въ теченіе своего героическаго періода, множество экспедицій для изученія береговъ этой земли; во время двухъ путешествій Тасмана (1642—1644) были въ общихъ чертахъ нанесены на карту берега Новой Голландіи на половинѣ всего протяженія отъ Торресова пролива до земли, названной Землею Ванъ-Димена, по имени губернатора Батавіи. Изслѣдованное побережье являлось, однако, наименѣе гостепріимнымъ на этомъ материкѣ, относительно котораго думали, что онъ простирается до южнаго полюса, и 120 лѣтъ прошло, прежде чѣмъ было предпринято новое изслѣдованіе. Въ 1770 г. Кукъ изслѣдовалъ восточный берегъ и высадился въ Ботани-Бей. Первые переселенцы, пришедшіе изъ Англіи, устроились тамъ въ 1788 г., и лишь въ XIX столѣтіи европейцы проникли внутрь страны, и тогда-то начались тѣ особыя трудности, которыя пришлось тамъ имъ преодолѣвать.

Этому періоду широкаго завоеванія міра великими научными изслѣдователями соотвѣтствовало въ Европѣ время интенсивнаго изученія всѣхъ мѣстностей, горъ и различныхъ явленій на земной корѣ. Мартель составилъ въ 1741 г. «Планъ ледниковъ Шамуни и самыхъ высокихъ горъ» [1]); затѣмъ Горацій де Соссюръ посѣтилъ Альпы въ качествѣ ученаго и принялся за изученіе гиганта «Проклятыхъ горъ» Монблана, открытаго незадолго передъ тѣмъ англичанами Пококомъ и Уинтхэмомъ; Франклинъ и Нолле играли съ молніей; Монгольфьеръ пускалъ свои шары въ небесную высь. Конечно, такія же попытки имѣли мѣсто

1) Joseph et Henri Vallot. «Annuaire du Club alpin français», 1894.

и въ предшествовавшія эпохи; однако, на этотъ разъ всѣ эти опыты чрезвычайно сильно интересовали общественное мнѣніе, и потому ихъ не оставили, а продолжали далѣе, и такіе отважные люди, какъ Пилатръ де Розье, рѣшались даже пускаться въ путь по воздуху. Воображали, что сила тяжести отнынѣ побѣждена, не зная, какъ много еще препятствій предстоитъ преодолѣть, какъ много трудныхъ вопросовъ надо еще рѣшить и законовъ и явленій выяснить! При такихъ-то обстоятельствахъ собирался ринуться народъ въ отчаянную авантюру французской революціи, и при такихъ обстоятельствахъ изъ этой революціи должно было народиться столь много другихъ на томъ пути поисковъ за счастьемъ, по которому слѣдовало человѣчество!



АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

географическихъ и историческихъ названій и именъ цитированныхъ въ текстѣ авторовъ.

Названія племенъ и народностей отмѣчены **жирнымъ** шрифтомъ; цифры обозначаютъ страницы; *курсивомъ* набраны страницы, на которыхъ данное названіе находится на картѣ, помѣщенной въ текстѣ.

А

В

Г

И

І

К

Л

М

О

П

Р

Х

